

5550

84(2Рое)1 $\frac{8P}{П12}$

8

СОЧИНЕНІЯ

22979

Д. И. ПИСАРЕВА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

БИБЛИОТЕКА
и.р. 1935 г.
1121

5
5
5
5
5

~~6165~~

Издание Ф. Павленкова.

17
4
4
1941

БИБЛИОТЕКА
Степанова
Инженерного института
Шань

Цена за каждую часть 1 р.

ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинградского
университета

дан 30/1/22

НБ ПНУС
5550

ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Головачова.
(Вознесенскій пр., д. № 23 и 81.)

1866.

X

СТАТБИ

ПО ВОСПИТАНІЮ И ОБРАЗОВАНІЮ.

НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

I.

Осенью 1856-го года, я поступилъ въ одинъ изъ нашихъ университетовъ. Осенью 1861 года я оставилъ этотъ университетъ съ кандидатскимъ дипломомъ. Я упоминаю теперь же объ этомъ фактѣ, чтобы сразу зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Если я кандидатъ, стало быть университетъ обошелся со мной очень милостиво, стало быть я не имѣю никакого основанія къ личной неприязни протѣивъ университета, стало быть читатель можетъ довѣрять моимъ показаніямъ настолько, насколько принято въ обществѣ вѣрить порядочному человѣку, рассказывающему о такомъ обстоятельствѣ, въ которомъ онъ не имѣетъ причины быть пристрастнымъ. Я выставилъ также цифру годовъ, чтобы показать читателю, что я еще человѣкъ молодой, и слѣдовательно могу говорить о своихъ студенческихъ годахъ, не поддаваясь тому сантиментальному стремленію къ идеализированію, которое обыкновенно дѣйствуетъ въ людяхъ пожилыхъ, когда эти почтенные люди въ назиданіе младшимъ братьямъ или потомкамъ перебираютъ свои юношескія воспоминанія. Не прошло еще двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ университета, стало быть всѣ главнѣйшіе факты моей тогдашней умственной жизни сохранились у меня въ памяти во всей своей свѣжести. Мнѣ незачѣмъ добавлять художественнымъ творчествомъ какія нибудь забытыя черты или подробности. Я заранѣе могу дать читателю торжественное обѣщаніе, что не сочиню ни одной сцены,

не выдумая для украшенія моихъ воспоминаній ни одного разговора. Вслѣдствіе этого, воспоминанія мои теряютъ, можетъ быть, въ отношеніи къ занимательности, но эта потеря съ избыткомъ будетъ вознаграждена тѣмъ, что они выиграютъ въ отношеніи къ строгой исторической вѣрности. Все вниманіе мое будетъ сосредоточено только на одной сторонѣ студенческой жизни, именно на отношеніяхъ студента къ наукѣ и на дѣятельности профессоровъ, какъ посредниковъ между алчущими и жаждущими умами съ одной стороны, и умственной пищею, заключенною въ различныхъ фолиантахъ, съ другой стороны. Отношенія студентовъ между собою, различныя проявленія молодой умственной жизни, студенческіе кружки, ихъ горячіе споры, ихъ искреннія вѣрованія и честныя стремленія, классическое «*Gaudeamus igitur*», отъ котораго встрепенется сердце всякаго бывшаго студента,—вся эта поэзія юности останется въ сторонѣ; я пишу серьезный очеркъ и хочу сохранить въ настоящую минуту полную умственную трезвость; я хочу безпристрастно взглянуть на нашу университетскую науку, и потому съ суровостью, дѣстною древняго римлянина, отталкиваю отъ себя все то, что подкупаетъ умъ и разнѣживаетъ чувство. Затѣмъ, попросивши у читателя извиненія за длинное вступленіе, я на всѣхъ парусахъ вступаю въ бурное и негостепріимное море моего трезваго и суроваго изложенія.

II.

И такъ я студентъ. Позади меня, въ близкомъ прошедшемъ, лежитъ побѣжденная гряда личныхъ враговъ моихъ, гряда тѣхъ учебниковъ, которыхъ сумма называется въ совокупности гимназическимъ курсомъ. Надъ этою хаотическою грудю поверженныхъ и безсильныхъ противниковъ, какъ символъ примиренія и прощенія, сіяетъ кроткимъ и умиленнымъ блескомъ первая серебряная медаль съ изображеніемъ богини мудрости и съ многозначительною надписью «преуспѣвающему». Видя, что я преуспѣвалъ и въ гимназій, читатель долженъ осязательно чувствовать, какъ возрастаетъ въ немъ уваженіе къ моей особѣ и довѣріе къ моему безпристрастію. Внѣшніе результаты моего пребыванія въ гимназій оказываются блистательными; внутренніе результаты поражаютъ неприготовленнаго наблюдателя обиліемъ и разнообразіемъ собранныхъ свѣдѣній: логарифмы и конусы, усѣченные пирамиды и неусѣченные параллелопипеды перекрещиваются съ гексаметрами Одиссеи и асклепиадовскими размѣрами Горация; рычаги всѣхъ трехъ родовъ, ареометры, динамометры, гальваническія батареи приходятъ въ столкновеніе съ Навуходоносоромъ,

Митридатомъ, Готфридомъ Бульонскимъ и нескончаемыми рядами цѣфръ, составляющихъ неизбежное хронологическое украшеніе слишкомъ извѣстныхъ историческихъ произведеній гг. Смараглова, Зуева и Устралова. А города, а рѣки, а горныя вершины, а германскій союзъ, а неправильныя греческіе глаголы, а удѣльная система и генеалогія Іоанна Калиты! И при всемъ томъ мнѣ только шестнадцать лѣтъ, и я все это превозмогъ, и превозмогъ единственно только по милости той драгоценной способности, которою обильно одарены гимназисты. Тою же самою способностью одарены вѣроятно въ той же степени кадеты и семинаристы, лицеисты и правовѣды, да и вообще все обучающееся юношество нашего отечества. Эта благодатная способность не что иное, какъ колоссальная сила забвенія. Лермонтовскому демону, какъ извѣстно, не было дано этой силы, и Лермонтовъ, упоминая объ этомъ обстоятельстве, прибавляетъ даже, что

«Онъ и не взялъ бы забвенья».

Не мудрено. Но откуда взять. Вся вода рѣки Леты, съ той самой минуты, какъ ее перестали пить души, вступающія въ елисейскія поля, стала расходоваться на обучающееся юношество, которое съ истинно юношескою жадностью упивается ея живительными струями. Юношество понимаетъ, что эта магическая вода представляетъ для него единственное средство спасенія. Только при помощи ея, оно выдерживаетъ свои многочисленные экзамены; и при ея же помощи оно, выдержавши послѣдній свой экзамень, навсегда очищаетъ свою голову отъ переполняющихъ и засоряющихъ ее ингредиентовъ. Во время учебнаго года гимназистъ удерживаетъ заразы въ своей головѣ только тотъ маленькій кусочекъ каждой учебной книги, который учитель въ ближайшій классъ можетъ потребовать къ осмотру; въ одно время въ его мозгу живутъ, независимо другъ отъ друга, кусочки разныхъ предметовъ; такъ какъ ни одинъ предметъ не вмѣщается въ мозгу въ своей цѣлости, то эти кусочки живутъ и шевелятся сами по себѣ, безъ всякой связи съ цѣлымъ, такъ точно какъ живутъ и шевелятся сами по себѣ куски разрѣзаннаго земляного червяка. Когда наступаетъ пора экзаменовъ, тактика немедленно перемѣняется; эйнъ-цвей-дрей: куски разрѣзаннаго червяка сбѣгаютъ и сростаются въ надлежащемъ порядкѣ. Начинается церемоніальный маршъ червяковъ черезъ мозги гимназистовъ; по порядку, назначенному въ росписаніи экзаменовъ, проходятъ предметы одинъ за другимъ, и самъ гимназистъ испытываетъ рядъ изумительнѣйшихъ превращеній: сегодня онъ Архимедъ, черезъ три дня — Цицеронъ, черезъ недѣлю — Гомеръ; наконецъ, весь этотъ рядъ метаморфозъ завершается тѣмъ, что увѣнчанный лаврами триумфаторъ, гордость и цвѣтъ гимназій — превращается въ юнаго тельца, увозится на каникулы въ деревню и

тамъ *наумиваетъ* жиръ, утраченный во время осеннихъ, зимнихъ и весеннихъ трудовъ и передѣлокъ. Тутъ уже забывается все до послѣдней капли; растительная жизнь вступаетъ во всѣ свои права; гимназистъ стоитъ на развалинахъ своего ученаго величія, и вспоминая свою недавнюю славу, утѣшается тою мыслію, что именно такое же оскорбительное превращеніе досталось нѣкогда на долю Навуходоносора, наполнившаго всю переднюю Азію славою своего царственнаго имени и шумомъ своего побѣдоноснаго оружія. Если сила забвенія дѣйствуетъ съ непобѣдимымъ успѣхомъ во время переходныхъ экзаменовъ, то она дѣйствуетъ на выпускномъ экзаменѣ въ семь разъ успѣшнѣе. Сдавши напримѣръ выпускной экзаменъ изъ исторіи и приступая къ занятію математикою, юноша разомъ вытряхиваетъ изъ головы имена, годы и событія, которыя онъ еще наканунѣ лелѣялъ съ такимъ увлеченіемъ; приходится забыть не какой нибудь уголокъ исторіи, а какъ есть все, начиная отъ Китайцевъ и Ассиріанъ и кончая войною Американскихъ колоній съ Англіею *). Какъ совершается это удивительное физиологическое отправление—не знаю, но что оно дѣйствительно совершается—это я знаю по своему личному опыту; этого не станеть отвергать никто изъ читателей, если только онъ захочетъ заглянуть въ свои собственные шеольныя воспоминанія.

Быть можетъ, нѣкоторые педагоги, ревниво оберегающіе честь своихъ гимназій, отнесутся къ моей идеѣ, какъ къ легкомысленному произведенію празднои фантазіи, и скажутъ рѣшительно и гордо, что ихъ воспитанники учатъ уроки и выдерживаютъ экзамены, не прибѣгая ни въ какомъ случаѣ къ пособію благодатнаго забвенія. Такимъ довѣрчивымъ воспитателямъ лукаваго юношества я тотчасъ укажу вѣрное средство испытать своихъ питомцевъ и убѣдиться въ практическомъ значеніи моихъ словъ. Положимъ, что сегодня, 21 мая, экзаменъ изъ географіи происходитъ блистательно. Проходить два дня, 24-го числа тѣ же воспитанники приходятъ экзаменоваться изъ латинскаго языка. Пусть тогда педагогъ, считающій меня фантазеромъ, объявитъ юношамъ, что экзамена изъ латинскаго языка не будетъ, а повторится уже выдержанный экзаменъ изъ географіи. Вы посмотрите, что это будетъ. По рядамъ распространится паническій страхъ; будущіе друзья науки увидятъ ясно, что они попали въ засаду; начнется такое избіеніе младенцевъ, какого не было со временъ нечестиваго царя Ирода; кто 21-го мая получилъ пять балловъ, помирится на трехъ, а кто довольствовался тремя, тотъ не скажетъ ни одного путнаго слова. Если моя статья попадетъ въ руки

*) Дальше этого пункта не простирались наши историческія познанія. Спсходя къ нашей отроческой девинности, педагоги набрасывали завѣсу на послѣднія событія XVIII столѣтія.

обучающемуся юношѣ, то этотъ юноша будетъ считать меня за самого низкаго человѣка, за перебѣжчика, передающаго въ непріятельскій лагерь тайны бывшихъ своихъ союзниковъ. Разсуждая такимъ образомъ, юноша обнаружитъ трогательное незнаніе жизни; онъ подумаетъ, что педагоги когда нибудь дѣйствительно воспользуются моимъ коварнымъ совѣтомъ. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ. Воспользоваться моимъ совѣтомъ значитъ нанести смертельный ударъ существующей системѣ преподаванія и, слѣдовательно, обречь себя на изобрѣтеніе новой системы. Конечно, наши педагоги никогда не доведутъ себя до такой печальной для нихъ катастрофы.

III.

«Чѣмъ же однако нехороша теперешняя система преподаванія?» спрашиваетъ недоумѣвающий читатель.—А кто же вамъ, м. г., говоритъ, что она нехороша, отвѣчаю я. Я вамъ докладываю только, что она имѣетъ нѣкоторыя своеобразныя достоинства, вслѣдствіе которыхъ благодать забвенія становится необходимою. Главное достоинство, отъ котораго зависятъ уже всѣ остальные, состоитъ въ томъ, что различные предметы не связываются въ общій циклъ знаній, не поддерживаютъ другъ друга, а стоятъ каждый самъ по себѣ, стараясь вытѣснить своего сосѣда. Математика нарываетъ обидѣть исторію, которая въ свою очередь съ угрожающимъ видомъ наступаетъ на латинскую грамматику. Каждый предметъ бываетъ то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ; исторія ихъ безконечныхъ раздоровъ составляетъ исторію умственной жизни каждаго гимназиста; мозгъ ученика — вѣчное поле сраженія, а пора экзаменовъ — время самыхъ истребительныхъ войнъ между отдѣльными предметами. Буйные нравы этихъ задорныхъ предметовъ вносятся даже въ нѣдра семейства, въ группу родственныхъ предметовъ, которые въ силу своего родства должны были бы жить въ добромъ согласіи и защищать другъ друга противъ благодати забвенія. Семья математическихъ наукъ представляетъ поучительный примѣръ такихъ бѣдственныхныхъ междуусобій. Геометрія въ грошъ не ставитъ алгебру, и обѣ онѣ также враждебно смотрятъ на тригонометрію, какъ на какую нибудь греческую грамматику. Что же касается до арифметики, то на нее старшіе члены математической семьи и смотрѣть не хотятъ. Она—Сандрилона семейства; обѣ ей стараются забыть, и дѣйствительно забываютъ, вплоть до самого выпускнаго экзамена, на которомъ, какъ на страшномъ судѣ, должно выдти на свѣтъ все, что было затаено въ глубинѣ преступной совѣсти.

На выпускномъ экзаменѣ дѣйствительно произошла такая драматическая коллизія между арифметикою и ея старшими сестрами, такая, говорю я, коллизія, которая привела меня въ трепетъ. Намъ приходилось брать четыре билета (изъ арифметики, изъ алгебры, изъ геометріи и изъ тригонометріи),—экзаменовали насъ нѣсколько учителей разомъ, на двухъ противоположныхъ концахъ большой залы; я на одномъ концѣ продолжалъ тригонометрію, и побѣдоносно раздѣлавшись съ синусами и тангенсами, перешелъ на другой конецъ отвѣчать изъ арифметики. Я былъ увѣренъ въ полномъ успѣхѣ, но вдругъ задумался надъ отношеніями и пропорціями, да такъ задумался, что весь экзаменъ сталъ казаться моему смущенному уму горькой и неумѣстной шуткой слѣпой судьбы. Я окончательно сѣлъ на мель, такъ что учитель, преподающій въ младшихъ классахъ, принужденъ былъ превратить экзаменъ въ лекцію и объяснить мнѣ, второму ученику седьмого класса, тѣ истины, которыя онъ внушалъ своимъ двѣнадцатилѣтнимъ слушателямъ. Кроткій ликъ моей будущей медали отуманился легкимъ облакомъ, и меня выручило только то обстоятельство, что за математику полагалась одна общая отмѣтка, составлявшая средній выводъ изъ четырехъ частныхъ балловъ. Скромность моихъ арифметическихъ познаній прошла такимъ образомъ незамѣченною и потонула въ лучахъ моей алгебраической, геометрической и тригонометрической славы.

Но дѣло не въ томъ. Вы взгляните въ рассказанный фактъ и тогда вы увидите, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ мыслящіе люди, которые утверждаютъ, что математика развиваетъ силу мышленія и что математическія науки представляютъ непрерывную цѣпь истинъ, вытекающихъ одна изъ другой по логической необходимости. У насъ математика есть не что иное, какъ собраніе сочиненій Боско или Пинети; это рядъ удивительныхъ фокусовъ, придуманныхъ богъ знаетъ зачѣмъ, и богъ знаетъ какую эквилибристикою человѣческаго мышленія. У каждаго фокуса есть свой особенный ключъ, и эту сотню ключей надо осилить памятью, тою же самою памятью, которою осиливаются историческія и географическія имена. Доказывая геометрическую теорему, гимназистъ только притворяется, будто онъ выводитъ доказательства одно изъ другого; онъ просто отвѣчаетъ заученный урокъ; вся работа лежитъ на памяти, и тамъ, гдѣ измѣняетъ память, тамъ оказывается безсильною математическая сообразительность, которую вы, благодушный педагогъ, уже готовы были предположить въ вашемъ рѣчиستمъ ученикѣ. Конечно, если вы перемѣните буквы чертежа, если вмѣсто треугольника ABC дадите треугольникъ LOR , то ученикъ докажетъ и по этому треугольнику, — но вы этимъ не обольщайтесь; это покажетъ вамъ только, что отрокъ заучилъ не буквы, а фигуру чертежа, потому что буквы заучиваютъ только тѣ нищіе духомъ, которые учатъ слово въ слово исторію, геогра-

фію и другіе литературные предметы. Такія личности уже переводятся въ гимназіяхъ. А вы попробуйте измѣнить фігуру; предложите, напри- мѣръ, вмѣсто остроугольника—тупоугольникъ, или устройте такъ, чтобы заинтересованный въ доказательствѣ уголъ глядѣлъ не въ стѣну, какъ ему вѣльно глядѣть по учебнику геометріи, а хоть бы въ полъ или въ потолокъ. Сдѣлайте такъ, и я вамъ ручаюсь, что изъ десяти бойкихъ геометровъ пятого класса, девять погрузятся въ бесплодную и мрачную задумчивость. Они съ краской стыда на лицѣ сознаются вамъ, что «у нихъ этого нѣтъ,» и если вы неможете психологъ, то вамъ сдѣлается отъ души жалко бѣдныхъ юношей; вы поймете, что въ эту минуту ихъ законное самолюбіе страдаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ если бы ихъ поймали на крупной шалости или уличили въ небрежности къ заданному уроку; имъ приходится признаться въ умственномъ безсиліи, въ безсиліи, произ- веденномъ искусственными средствами, и они сами смутно чувствуютъ, что они могли бы быть сильнѣе и что ихъ мѣстная тупость находится въ какой-то роковой связи съ своеобразными достоинствами системы преподаванія. Теперь намъ хорошо писать панегирикъ этой системѣ, но надо помнить, что она еще не отошла въ вѣчность и что было время, когда эта система была для насъ неотразимымъ рокомъ; мы изнемогали подъ ударами учебниковъ, мы чувствовали иногда, что тупѣемъ, а между тѣмъ исхода не было; отступленіе было невозможно. Именно такую тя- желую минуту сознательности переживутъ тѣ девять геометровъ, кото- рымъ не понравится, чтобы уголъ отъ созерцанія стѣны перешелъ къ разсматриванію потолка. Если же они благополучно выпутаются изъ предложеннаго испытанія, тогда я не шутя совѣтую старшему педагогу, имѣющему власть, обратить все свое вниманіе на учителя математики и отмѣтить его въ своихъ начальническихъ соображеніяхъ, какъ опаснаго человѣка и безпокойнаго реформатора. ✕

Не сѣгуйте на меня, читатель, за то, что я такъ долго говорилъ о математикѣ, и не удивляйтесь тому, что я вовсе не буду говорить о другихъ предметахъ гимназическаго курса. Отъ другихъ предметовъ и требовать нечего, но математика — наука великая, замѣчательнѣйшій продуктъ одной изъ благороднѣйшихъ способностей человѣческаго ра- зума. Профанированіе математики есть преступленіе передъ разумомъ, пре- ступленіе, за которое несемъ наказаніе мы, невинныя жертвы своеобразныхъ достоинствъ. Если у насъ нѣтъ въ обществѣ строгихъ мыслителей, если наши критическія статьи бываютъ похожи на соображенія Кифы Мокіевича, если наши оптимисты смахиваютъ на Манилова, а добродѣтельные ли- бералы на Ситникова, то всѣ эти привычныя намъ чудеса происходятъ между прочимъ и отъ того, что чистую и прикладную математику мы одолаиваемъ памятью, а размышлять учимся внослѣдствіи, погружаясь въ историческія теоріи, въ философскія системы, въ юридическія фантасіи.

въ теологическія гипотезы и въ разныя другія извинительныя шалости досужаго и игриваго человѣческаго ума. Мы мыслимъ афоризмами и отыскиваемъ истину чутьемъ и инстинктомъ; исторія превратилась подъ нашими руками въ нравоучительный романъ, преслѣдующій разныя заднія мысли, иногда хорошія, часто очень дурныя, но во всякомъ случаѣ, неотносящіяся къ настоящему дѣлу; философія до сихъ поръ предъявляетъ права тираническаго господства надъ такими смиренными умами, которые совершенно неподвижны въ покушеніи мыслить; юридическая литература вся наголо состоитъ изъ причитаній о законности и вѣрности, изъ причитаній, которыхъ авторы поклялись торжественною клятвою никогда не отдавать отчета ни себѣ, ни другимъ — въ томъ, что такое законность и до какихъ предѣловъ должна простираться вѣрность. Натуралисты наши, послѣдователи Мильнъ-Эдвардса и Катрфажа, до сихъ поръ любятъ жизненную силою, толкуютъ о цѣляхъ въ природѣ и непритворно гордятся тѣмъ, что самый глупый человѣкъ все-таки умнѣе и привлекательнѣе самой умной обезьяны. Всѣ эти историки, метафизики, юристы и натурфилософы, составляющіе многочисленный и разнообразный классъ нашихъ филистеровъ, постоянно говорятъ и пишутъ, постоянно ссорятся и мирятся между собою, коварно соболѣзнуютъ другъ о другѣ, или дружелюбно свидѣтельствуютъ другъ другу свое почтеніе. Но человѣческая мысль сильна; порою вся пестрая сцена, набросанная мною въ послѣднихъ строкахъ, внезапно освѣщается яркимъ лучемъ чьей нибудь неспорченной мысли; тогда на лицахъ филистеровъ изображается недоумѣніе, безвредные споры ихъ умолкаютъ, взаимныя любезности превращаются, въ пробившемся лучѣ мысли они всѣ чувтъ общаго врага, — составляется общій хоръ, и всѣ историки, юристы, политико-экономисты, метафизики и натурфилософы ревутъ благимъ матомъ, что новая мысль совсѣмъ даже не мысль, а просто покушеніе на ихъ личную и имущественную безопасность, и хуже того — преступное посягательство на величіе патентованной науки, которая одинаково дорога имъ всѣмъ, какъ общая кормилица и вѣчная дойная корова.

Прислушайтесь, читатель, къ этому плачу и скрежету зубовъ, прислушайтесь и подумайте: вѣдь было же время, когда всѣ эти мужи науки и брани были сами юными геометрами; было время, когда они, съ мѣломъ въ рукахъ, стояли у школьной доски, краснѣли отъ стыда и досады и сознавали съ мучительною ясностью, что память ихъ напрыгается до истощенія силъ и что, въ это самое время, непробужденная и неразвитая способность мышленія не можетъ ни на одну минуту поддержать и выручить ихъ въ борьбѣ съ неожиданными препятствіями. Теперь они это забыли; теперь на ихъ улицѣ праздники; теперь они заставляютъ краснѣть другихъ геометровъ, и работая въ обществѣ и въ

литературѣ, словомъ и перомъ отстаиваютъ «своеобразныя достоинства», отъ которыхъ имъ самимъ во время оно приходилось жутко солоно. Усилія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ: наша учащаяся молодежь, воспользовавшись плодами ученія, распадается на двѣ рѣзко обозначенныя категоріи: направо идутъ овцы, неспособныя краснѣть; налѣво козлища, весьма способныя краснѣть, шалить и лѣниться. Первыя спокойно и радостно тупѣютъ, вторыя злятся и кусаютъ ногти. Изъ первыхъ выходятъ примѣрные чиновники; изъ вторыхъ широкія натуры и иногда даровитые дѣятели. Разстояніе между тѣми и другими увеличивается съ каждымъ годомъ; различіе между обѣими категоріями постоянно становится глубже; не смотря на то, бывають иногда и такіе случаи, что геометръ, зачисленный въ овцы и постоянно считавшій себя овцою, вдругъ открываетъ въ себѣ козлиныя свойства и наклонности, и сдѣлавъ такое открытіе, немедленно перебѣгаетъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ. Случается и наоборотъ, тѣмъ болѣе, что овцою быть выгодно и пріятно.

IV.

Я принадлежалъ въ гимназін къ разряду овецъ; я не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменахъ отвѣчалъ краснорѣчиво и почтительно, и въ награду за всѣ эти несомнѣнныя достоинства былъ признанъ «преуспѣвающимъ». Хотя я до сихъ поръ не сообщилъ фактическихъ подробностей о степени моего развитія, но я осмѣливаюсь думать, что изъ всего того, что я наговорилъ, проникательный читатель уже составилъ себѣ приблизительное и притомъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что я смыслилъ при поступленіи моемъ въ университетъ; скажу я ему еще, что любимымъ занятіемъ моимъ было раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма. Пробовалъ я читать исторію Англіи Маколея, но чтеніе и подвигалось туго и казалось мнѣ подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія естественныхъ силъ. На критическія статьи журналовъ я смотрѣлъ, какъ на кодексъ гіероглифическихъ надписей, прплагавшійся къ книжкѣ исключительно по заведенной привычкѣ, для вида и для счета листовъ; я былъ твердо убѣжденъ, что этихъ статей никто понимать не можетъ и что природѣ чловѣка совершенно несвойственно находить въ чтеніи ихъ малѣйшее удовольствіе. Я долженъ признаться, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ журналамъ я даже до сего дня не исцѣлился отъ этого спасительнаго заблужденія.

Впрочемъ, это въ скобкахъ. Началъ я также, будучи ученикомъ седьмого класса, читать «Холодный Домъ», одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ романовъ Диккенса, и не дочиталъ. Длинно такъ, и много лицъ, и ничего не сообразишь, и приключеній никакихъ нѣтъ, и шутить такъ, что ничего не поймешь; такъ на томъ и оставилъ, порѣшивъ что «Les trois mousquetaires» не въ примѣръ занимательнѣе. Ну, а русскіе писатели— Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ? Читатель, мнѣ стыдно за моихъ домашнихъ воспитателей, стыдно и за себя — зачѣмъ я ихъ слушалъ... Русскихъ писателей я зналъ только по именамъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» считались произведеніями безнравственными, а Гоголь писателемъ сальнымъ и въ порядочномъ обществѣ совершенно неумѣстнымъ. Тургеневъ допускался, но конечно я понималъ его также хорошо, какъ понималъ геометрію, Маколея и Диккенса. «Записки охотника» ласкали какъ-то мой слухъ, но остановиться и задуматься надъ впечатлѣніемъ было для меня невысказано. Словомъ, я шелъ путемъ самого благовоспитаннаго юноши... А между тѣмъ, что-то манило меня въ университетъ, въ словахъ «студентъ, профессоръ, аудиторія, лекція» заключалась для меня какая-то необъяснимая прелесть; что-то свободное, молодое и умное чужлось мнѣ въ студенческой жизни; мнѣ хотѣлось не кутежей, не шалостей, а какихъ-то неиспытанныхъ ощущений, какой-то дѣятельности, какихъ-то стремленій, которымъ я не могъ дать тогда ни имени, ни опредѣленія, но на которыя непременно рассчитывалъ наткнуться въ стѣнахъ университета. Даже внѣшніе атрибуты студенчества казались мнѣ привлекательными; синій воротникъ, безвредная шпага, двуглавые орлы на пуговицахъ — все это нравилось мнѣ, какъ «вещественные знаки невещественныхъ отношеній». Въ то время, когда я, окончивши выпускной экзамень, обновлялъ студенческой сюртукъ, нѣкоторые изъ моихъ молодыхъ родственниковъ облакались въ самыя очаровательныя офицерскія формы; на каскахъ ихъ развѣвались султаны, сабли гремѣли, шпоры звенѣли, эполеты блестѣли, солдаты передъ ними вытягивались, а я все-таки не завидовалъ, и мои скромныя регалии не теряли въ моихъ глазахъ ни одного процента изъ своей неизмѣримой цѣны, не смотря на ослѣпительную блистательность «ихъ благородій». — Впрочемъ, любовь моя къ университету была чувствомъ совершенно платоническимъ и даже пантеистическимъ; я любилъ университетъ и студенчество, какъ какое-то отдѣльное мірозданіе; а зналъ я это мірозданіе еще гораздо меньше, чѣмъ Данте свою Беатриче. Кромѣ того, любя этотъ невѣдомый міръ въ его совокупности, я не чувствовалъ никакого особеннаго влеченія къ тому или другому кругу наукъ; а такое влеченіе непременно надо было почувствовать, потому что быть студентомъ — вообще такъ же невозможно, какъ быть птицей или рыбой. Надо быть курицей, грачемъ, ястребомъ, окунемъ, щукой или карасемъ, а поступаю

въ университетъ, надо непременно сдѣлаться студентомъ того или другого факультета. Это я зналъ, и потому, полюбовавшись на синеву воротника и на блескъ золоченаго эфеса шпаги, я въ одно мгновеніе ока произвелъ въ умѣ своемъ инспекторскій смотръ представлявшимся мнѣ факультетамъ. По математическому не пойду, потому что математику ненавижу, и въ жизни своей не возьму больше въ руки ни одного математическаго сочиненія (читатель видѣлъ выше причины суровыхъ отношеній моихъ къ этому циклу наукъ); по естественному тоже не пойду, потому что и тамъ есть кусочекъ математики, да и физика почти то же самое, что математика; юридическій факультетъ сухъ (это рѣшеніе можетъ показаться довольно отважнымъ, тѣмъ болѣе, что я тогда еще въ глаза не видалъ ни одного юридическаго сочиненія,—но я уже замѣтилъ прежде, что мы часто мыслимъ афоризмами: такъ случилось и со мною); въ камеральномъ факультетѣ нѣтъ никакой основательности. (Вотъ вамъ еще афоризмъ, который ничѣмъ не хуже предвѣдущаго). Управившись такимъ образомъ съ четырьмя факультетами, я увидаль, что передо мною остаются въ ожиданіи только два: историко-филологическій и восточный (медицинскаго не было въ томъ университетѣ, въ который я собирался поступить). Развѣ на восточный... Поѣхать при посольствѣ въ Турцію или въ Персію... жениться на азиатской красавицѣ... привезти ее въ Петербургъ и посадить въ національномъ костюмѣ въ ложу, въ бель-этажѣ, въ итальянской оперѣ... Это впрочемъ пустяки... А вотъ что: вѣдь на восточномъ придется осиливать нѣсколько грамматикъ, которыя пожалуй будутъ похуже греческой... Ну, и богъ съ нимъ!—значить, на филологическій. На томъ и покончилось размышленіе.

V.

Читатель, конечно, согласится со мною (не изъ одной только вѣжливости), что профессорамъ филологическаго факультета доставалось на долю въ моей особѣ настоящее сокровище. Я говорю не шутя. Подумайте: я былъ юнъ, понятливъ и совершенно нетронутъ. Имъ предстояло разработать дѣвственное поле; они могли обсѣменить меня всякимъ добромъ, возжечь во мнѣ всякія благородныя искры, вдунуть въ мое здоровое тѣло именно такую мысль и такую душу, которая наиболѣе приходилась имъ по вкусу. Всѣ эти обсѣмененія, возжиганія и вдуванія я принялъ бы съ благоговѣйнымъ восторгомъ, съ пламенною благодарностью, съ фанатическимъ увлеченіемъ новопосвященнаго адепта. Въ-стѣ со мною поступили въ университетъ личности всякаго разбора: были

совершенные олухи, оставшіеся вѣрными своей природѣ вплоть до выхода изъ университета; были молодые фаты, уже испорченные велико-свѣтскимъ элементомъ; были юноши себѣ на умѣ; были юноши тупо-серьезные; были добрые ребята; были просто терпѣливые ослы; были наконецъ очень умные, — но навѣрное, ни одинъ изъ всѣхъ этихъ юношей не соединялъ въ себѣ въ большей степени, чѣмъ я, тѣ два качества, которыя профессоръ, любящій свое дѣло, долженъ считать въ своемъ слушателѣ истинною драгоценностью. Эти два качества — способность къ развитію и совершенная неразвитость — составляли все мое умственное достояніе въ то время, когда я вошелъ подъ священные своды храма наукъ. Благодаря этимъ качествамъ, каждый профессоръ могъ быть въ отношеніи ко мнѣ Христофоромъ Колумбомъ; онъ могъ открыть меня, водрузить въ меня свое знамя и обратить меня въ свою колонію, какъ землю незаселенную и никому непринадлежащую. Новая колонія обрадовалась бы несказанно и по первому востребованію, въ неслыханномъ изобиліи стала бы производить рѣпу, табакъ, сахарный тростникъ или хлопчатую бумагу, смотря потому, какія сѣмена вздумалъ бы отважный мореплаватель довѣрить ея нераспаханнымъ нѣдрамъ. Мало того, видя, что Колумбы не пристають къ ея гостеприимнымъ берегамъ, колонія сама преодолѣла свою робость и отправилась искать себѣ завоевателей и цивилизаторовъ; повторилась исторія новгородскихъ славянъ и варяго-русовъ. Но все это мы еще увидимъ. Попавши въ общество студентовъ-филологовъ, я впервые услышалъ такіа вещи, которыя заставили меня задуматься. Трое или четверо изъ нихъ уже отмежевали себѣ ту или другую науку для специальныхъ занятій; другіе говорили, что выборъ ихъ еще не установился, но что вотъ она читаютъ то и то, и при этомъ размышляютъ такъ и такъ. Говорили объ исторической критикѣ, объ объективномъ творчествѣ, объ основѣ мифовъ, объ отраженіи идей въ языкѣ, о гриммовскомъ методѣ, о міросозерцаніи народныхъ пѣсенъ; ухитрялись даже спорить; къ ужасу моему, рассуждали о тѣхъ критическихъ и ученыхъ статьяхъ въ журналахъ, которыя были мнѣ недоступны, какъ полярные льды; произносили имена Соловьева, Кавелина, Вуслаева, Срезневскаго и Нибура, Чичерина и Шафарика, Грановскаго и Вильгельма Гумбольдта; сумбуру именъ соотвѣтствовалъ сумбуръ идей; о родовомъ и общинномъ бытѣ толковали, а я только моргалъ глазами и даже не пытался скрыть того, какъ глубоко удручаетъ меня болѣзненное сознаніе моего вынужденнаго безгласія. Теперь я двухъ грошей не далъ бы за то, что говорилось тогда, тѣмъ болѣе, что говорившій рѣдко понималъ самого себя, а спорившіе уже рѣшительно никогда не понимали другъ друга, такъ что споръ прекращался только началомъ лекціи, или охрипlostью воюющихъ сторонъ. Но тогда... о, тогда я изнывалъ отъ своего безсилія и томился мучительною духовною

каждою, воображая себѣ, что кругомъ меня люди угощаютъ другъ друга чистѣйшимъ нектаромъ. Понятно, что каждая лекція казалась мнѣ усладительною каплею небесной росы, и понятно также, что эти росинки тотчасъ впитывались и безслѣдно исчезали въ аравійской пустынѣ моего невѣжества.

Первою изъ такихъ росинокъ была для меня лекція профессора Креозотова. Креозотовъ былъ человѣкъ замѣчательный. Надъ нимъ смѣялись въ совѣтѣ университета его товарищи профессора, надъ нимъ смѣялись его слушатели, надъ нимъ навѣрное смѣялся въ душѣ даже тотъ сторожъ, который въ университетскихъ сѣняхъ снималъ съ него шубу или пальто. Но Креозотовъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать всѣхъ этихъ тайныхъ и явныхъ смѣховъ, и не смущаясь ничѣмъ, твердою поступью направлялся къ избранной цѣли, т. е. къ выслугѣ въ пенсіонъ полнаго оклада жалованія. Служилъ онъ съ упорнымъ усердіемъ, и занимая кафедру исторіи, дѣйствительно читалъ всякую исторію, какую назначать, то древнюю, то русскую, то новѣйшую. Если бы ему поручили читать специальную исторію Букеевской орды или Абиссинской имперіи, то это бы его нисколько не затруднило. Даже въ такомъ экстренномъ случаѣ у него нашлась бы готовая тетрадка, написанная лѣтъ двадцать тому назадъ на такой синей бумагѣ, какую теперь нельзя найти ни въ одной бумажной лавкѣ. Служебное усердіе сопровождало Креозотова на лекцію и вмѣстѣ съ нимъ садилось на кафедру; профессорскій нафосъ его былъ разнообразенъ, какъ сама природа; онъ кричалъ отъ душевнаго напряженія, онъ изнывалъ и становился пѣвучимъ, когда герои его страдали или сходили въ могилу; онъ откидывался на спинку кресла, вводилъ ротъ въ сторону и придавалъ своей красной физиономіи шаловливое выраженіе, когда его героини спотыкались на пути добродѣтели и когда такимъ образомъ игривый эротическій анекдотъ прерывалъ собою величественное теченіе исторической жизни. Онъ лицедѣйствовалъ на кафедрѣ, онъ разыгрывалъ, а не читалъ свои тетрадки, и какъ слѣдовало ожидать, слушатели сначала недоумѣвали, потомъ смѣялись, наконецъ переставали посѣщать его лекціи, изрѣдка показывались въ его аудиторіи, ради соблюденія приличій, и заводили между собою очередь, чтобы на нѣсколько человѣкъ имѣть для экзамена по крайней мѣрѣ одинъ полный экземпляръ Креозотовскихъ записокъ.

Ученость Креозотова была также обширна, какъ велика была его типичность. Онъ не пропускалъ ни одного магистерскаго диспута, относящагося къ филологическому факультету. На каждомъ диспутѣ онъ дѣлалъ множество возраженій и замѣчаній очень бесплодныхъ, микроскопически мелкихъ, но тѣмъ болѣе показывавшихъ, что специальный вопросъ, разработанный магистрантомъ, извѣстенъ ему по источникамъ, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. И это обиліе знаній лежало точно въ сундукѣ; единственнымъ ученымъ сочиненіемъ Креозотова была

какая-то славянская мифологія; выпустивъ ее въ свѣтъ, Креозотовъ весь ушелъ въ свои синія тетрадки и всѣ свои духовныя силы посвятилъ крихтѣнью и мимическому искусству. Мы слушали его древнюю исторію вмѣстѣ съ камералистами, но онъ объявилъ, что для насъ, филологовъ, будетъ еще читать отдѣльно исторію древней географіи. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Что это такое было — этого я и выразить не въ состояніи. Тутъ уже не было ни героическихъ смертей, ни эротическихъ грѣховъ, ни мимического искусства. Осталось одно крихтѣніе. Въ первый разъ, когда онъ пришелъ читать этотъ длинный списокъ собственныхъ именъ, его поразила наша малочисленность, которая тѣмъ рѣзче бросалась въ глаза, что занимаемая нами аудиторія была очень обширна. При этомъ удобномъ случаѣ, онъ разсказалъ намъ слѣдующій историческій анекдотъ. — Одинъ мудрецъ вошелъ въ небольшой городъ, въ которомъ были очень большія ворота. Увидѣвъ это обстоятельство, мудрецъ обратился къ гражданамъ и сказалъ: «я боюсь, чтобы вашъ городъ не ушелъ черезъ ваши ворота». — Неожиданно для самого Креозотова, анекдотъ этотъ оказался пророчествомъ: въ одинъ прекрасный день городъ дѣйствительно ушелъ и мудрецъ увидѣлъ только одни большія ворота. Дѣло въ томъ, что терпѣніе наше истощилось и мы стоворились пренебречь исторіею древней географіи и разойдтись по домамъ. До совершенія этого геороического поступка, мы однако выслушали около дюжины лекцій. Креозотовъ успѣлъ приглядѣться къ нашимъ лицамъ, узналъ наши фамиліи и неоднократно разговаривалъ съ каждымъ изъ насъ. Сблизившись съ нами такимъ образомъ, онъ однажды предложилъ намъ предпринять общую работу. Я наострилъ уши. Предложеніе Креозотова состояло въ томъ, чтобы общими силами перевести съ греческаго — географическое сочиненіе Страбона. По окончаніи перевода, Креозотовъ обязывался свѣрить его съ подлинникомъ, подвергнуть его одной общей редакціи и издать, съ признательностью упомянувъ въ предисловіи фамиліи даровитыхъ и добросовѣстныхъ переводчиковъ. Предложеніе было принято. Предусмотрительный профессоръ, захватившій съ собою экземпляръ Страбона, для того чтобы ковать желѣзо, пока оно было горячо, тотчасъ предъявилъ принесенную книгу, разрѣзалъ ее на восемь частей, по числу завербованныхъ переводчиковъ, и вручилъ каждому желающему по пяти печатныхъ листовъ довольно мелкаго греческаго текста. Я конечно ревностно началъ переводить, и потому могу объяснить читателю, что это была за работа. Представьте себѣ, что какой нибудь господинъ раскрылъ передъ вами атласъ, взялъ въ руки указку, и вода ею взадъ и впередъ по картѣ, разсказываетъ вамъ, что вотъ это мысъ А, а въ двухъ верстахъ отъ него заливъ В, а въ заливъ этотъ впадаетъ рѣка С, а по рѣкѣ С стоятъ города D, E и F, и т. д., и все въ томъ же родѣ. Это строгое изложеніе разню-

образится порою краткимъ историческимъ намекомъ на сраженіе, происшедшее по близости, или на богослужебные обряды, совершавшіеся гдѣ нибудь въ священной рошѣ... Вотъ и все. И такихъ прогулокъ по атласу набирается листовъ до сорока, а мнѣ предстояло перевести пять листовъ, т. е. 80 страницъ. Читатель понимаетъ конечно, какъ сильно такая работа могла обогатить мой умъ, и какъ необходимо было для русской публики получить изданіе Страбона въ русскомъ переводѣ. Чѣмъ дальше подвигалась моя работа, тѣмъ снисходительнѣе я начиналъ смотрѣть на нашихъ трехъ индѣпендентовъ. Дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, расклеилось. Креозотовъ собралъ растерзанныя части своего Страбона и отдалъ ихъ въ переплеть.

VI.

Въ то время, когда мы еще тянули ляжку, возложенную на насъ почтеннымъ профессоромъ, я вздумалъ обратиться къ Креозотову за совѣтомъ. Краснѣя отъ волненія, я покаялся ему, что желаю спеціально заняться исторіею, и убѣдительно просилъ его объяснить мнѣ, какъ надо поступать въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Выслушавъ мою исповѣдь, Креозотовъ тотчасъ посовѣтывалъ мнѣ читать энциклопедію Эрша и Грубера, и кромѣ того, читать источники древней исторіи—Геродота, Фукидида, Поливія, Ксенофонта, Тита Ливія, Діодора Сицилійскаго, Діона Кассія и т. д. Я горячо поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и немедленно побѣжалъ въ университетскую бібліотеку.

— Позвольте мнѣ взять на домъ энциклопедію Эрша и Грубера, сказалъ я нашему бібліотекарю.

На лицѣ бібліотекаря выразилось удивленіе.

— Книги, служащія для справокъ, отвѣтилъ онъ мнѣ очень вѣжливо:—на домъ не выдаются. Вы можете пользоваться ими здѣсь. Какую вамъ надобно букву?

Я не имѣлъ основанія предпочитать одну букву другой, и потому совершенно безпристрастно назвалъ букву А.

Тогда бібліотекарь повелъ меня за собою въ одну длинную галлерей и указалъ мнѣ длинный рядъ большихъ и толстыхъ книгъ, стоявшихъ на паркетѣ въ стройномъ алфавитномъ порядкѣ. Не помню, сколько ихъ было — тридцать, сорокъ, или пятьдесятъ, но знаю, что ихъ было очень много и что это зрѣлище привело меня въ трепеть; я взялъ первую книгу съ лѣваго фланга и увидаль, что буква А далеко не исчерпывается этимъ томомъ, который однако оттигивалъ мнѣ руки. Передо мною ле-

жалъ знаменитый нѣмецкій энциклопедическій лексиконъ Ersch und Gruber, и конечно я на первыхъ страницахъ его нашелъ то, что обыкновенно находится въ такихъ книгахъ. Рѣка Aa, слово Aal (угорь), рѣка Aar, кантонъ Aargau и т. д. Собрать свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ было конечно любопытно, а прочесть и сохранить въ памяти всю энциклопедію Ersch und Gruber значило бы сдѣлаться восьмымъ чудомъ свѣта; но тѣмъ не менѣе чувство самосохраненія взяло верхъ надъ этими заманчивыми соображеніями. Я рассчиталъ, что мнѣ пришлось бы читать Эрша и Грубера лѣтъ десять, и потомъ, по окончаніи послѣдняго тома, снова приняться за первый, который въ это время успѣлъ бы еще разъ приобрести для меня всю прелесть новизны. Прочитавъ энциклопедію разъ пять отъ начала до конца, я могъ бы сказать, что жизнь моя наполнена, и что я могу умереть спокойно, совершивши въ земной жизни то, чего до меня еще не совершалъ ни одинъ здравомыслящій смертный. Совѣтъ Креозотова обогатилъ меня такимъ образомъ слѣдующими опытыми знаніями: во-первыхъ, я узналъ, что книги, служащія для справокъ, на домъ не выдаются; во-вторыхъ, я узналъ, что существуетъ нѣмецкая энциклопедія Эрша и Грубера, что она очень велика и годится для справокъ; въ-третьихъ, я узналъ, что приобретать историческія свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ и въ перемежку со всякими другими свѣдѣніями, — оригинально, но неудобно; въ-четвертыхъ я приобрѣлъ то драгоценное убѣжденіе, что профессора университета могутъ иногда подавать совѣты, приводящіе въ недоумѣніе.

Совѣтомъ своимъ Креозотовъ заронилъ въ меня ядовитое зерно скептицизма. Изъ злого семени выросла гибельная жатва. Теперь, если кто нибудь рѣшится упрекать меня въ нигилизмѣ, я тотчасъ укажу моему обидчику на Креозотова и скажу: вотъ мой первый наставникъ! Спросите у него, — пусть онъ отвѣтитъ вамъ за мою погибшую душу.

Испытавъ неудачу на энциклопедіи, я тѣмъ не менѣе попробовалъ примѣнить къ дѣлу второй совѣтъ того же коварнаго профессора. Я взялъ къ себѣ на домъ твореніе Геродота во французскомъ переводѣ и началъ его читать. Тутъ конечно никакихъ трудностей не представлялось, но дѣло было столько же бесплодно, сколько легко. Всякому человеку, имѣющему понятіе о серьезныхъ и послѣдовательныхъ умственныхъ занятіяхъ, хорошо извѣстно, что историческіе источники должны читаться съ специальною цѣлью изслѣдованія людьми уже развитыми, способными бросить на эпоху критическій взглядъ, и желающими провѣрить и дополнить изысканія своихъ предшественниковъ. Что же касается до птенцовъ, подобныхъ мнѣ, то имъ надо читать историческія сочиненія и изслѣдованія, въ которыхъ факты приведены въ порядокъ, сгруппированы и освѣщены критическими трудами мыслящихъ историковъ. Это я говорю для тѣхъ птенцовъ, которыхъ обуреваютъ неистовое

желаніе съ юныхъ лѣтъ посвятить себя историческому изученію. Я съ своей стороны такого желанія во всякомъ случаѣ не одобряю, потому что, по крайнему моему разумѣнію, исторія вообще не такая наука, (если только она наука, что требуетъ доказательствъ), которая могла бы укрѣпить и сформировать молодое мышленіе. Но допустимъ то, чего нѣтъ никакой надобности допускать, — допустимъ, что влеченіе юности къ исторіи порывисто и неудержимо, какъ эксцентрическое желаніе беременной женщины, то и въ этомъ случаѣ перепрыгнуть съ учебника Смарагдова на чтеніе Геродота значитъ броситься изъ огня въ полымя, или гораздо вѣрнѣе, изъ мелкаго болота въ глубокую трясины. Я поясню это параллелью. Студенту медицины необходимо впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возитъ ся съ трупами; но если кромсать мертвыхъ людей и животныхъ начнетъ джентльменъ, не имѣющій никакого предварительнаго понятія объ анатоміи, то онъ изъ этого кромсанія вынесетъ только впечатлѣнія дурнаго запаха: гнилой крови и разлагающагося мяса. Конечно, первый анатомъ ни у кого не учился. Да и первый портной, по справедливому замѣчанію госпожи Простаковой, тоже ни у кого не учился. «Да онъ, можетъ быть, и работаль хуже меня», отвѣчаетъ на это простаковскій Тришка, который такимъ образомъ произноситъ безапелляціонный приговоръ надъ глубокомысленнымъ совѣтомъ профессора Креозотова. Вы скажете, можетъ быть, что параллель моя не вѣрна, потому что предполагаемый джентльменъ не имѣетъ понятія объ анатоміи, а питомецъ Смарагдова до нѣкоторой степени знаетъ исторію. Ну да. Джентльменъ, войдя въ анатомическій театръ, узнаетъ голову, руку, ногу, — и питомецъ, читая Геродота узнаетъ Кира, Камбиза, Креза. Но трупы разсѣкаются не для того, чтобы убѣдиться въ существованіи головы, руки и ноги, а историческіе источники читаютъ добрые люди не для того, чтобы любоваться именами Кира, Камбиза и Креза. Значитъ, параллель вѣрна, и больше объ ней толковать нечего. Совѣтъ Креозотова имѣлъ въ себѣ еще одну опасную сторону, которая могла сдѣлаться гибельною для молодого человѣка, способнаго удручать плоть и мозгъ во имя величія и славы науки. Если бы Креозотовъ рекомендовалъ историческія сочиненія Грота (не того, который пишетъ въ Рус. Вѣстн.), Нибура, Моммзена, Дункера и т. п., то для студента оставался бы шансъ спасенія. У него явились бы въ мозгу идеи, обогащающіе взгляды, попытки самостоятельнаго мышленія. Прочтя двѣ-три книги, онъ могъ бы оглянуться на самого себя, могъ бы довольно правильно поставить и разрѣшить въ умѣ своемъ вопросъ: дѣйствительно ли историческія занятія составляютъ потребность его природы? Но чтеніе Геродота и Фукидида отрѣзывало всякое отступленіе. Студентъ читаетъ одного писателя, читаетъ другого, и все не становится умнѣе, и все ждетъ проясненія своего мозга, и все громоздитъ факты на факты, и

вдругъ, неожиданно-негаданно для самого себя, въ одно прекрасное утро оказывается туго-набитымъ историческимъ чемоданомъ, совершенно подобнымъ своему прототипу и возлюбленному руководителю. Для меня подобная опасность не существовала. Я никогда не могъ долго заниматься тѣмъ, что не доставляло мнѣ умственного наслажденія. Столпники и аскеты науки называютъ такихъ людей дилетантами и шарлатанами. Это свойство моей натуры, можетъ быть, очень дурно, но для меня оно во многихъ случаяхъ было чрезвычайно полезно. Всякій разъ, какъ я съ добродѣтельнымъ жаромъ думалъ посвятить себя какой нибудь кретинизирующей дѣятельности, неумолимый демонъ умственного эпикуреизма насильно вырываетъ у меня работу изъ рукъ и деспотически сопротивлялся моему добросовѣстному стремленію поглубѣть. Кончилось тѣмъ, что я махнулъ рукою и навсегда отказался отъ невозможной борьбы съ бѣсовскими прелестями. Но дошелъ я до этого результата не вдругъ, и читатель увидитъ, что не одинъ Креозотовъ снабжалъ меня совѣтами—сдѣлаться идиотомъ.

VII.

Кромѣ Креозотова, у насъ было еще двое преподавателей исторіи. Я не обращался къ нимъ за совѣтами, но слушалъ въ разныя времена ихъ лекціи; и нахожу, что легкій очеркъ ихъ дѣятельности заслуживаетъ вниманія людей, интересующихся ходомъ образованія въ нашихъ университетахъ. Вопервыхъ, рекомендую вамъ приватъ-доцента Кавыльева. Онъ молодъ лѣтами, но великъ своими достоинствами. Уступая Креозотову въ эрудицію и мимическую виртуозности, онъ далеко превосходитъ его утомительностью лекцій. По скромности, свойственной молодому ученому, онъ всегда выбираетъ себѣ руководителя и, прильпившись къ какому нибудь одному историческому сочиненію, съ неизмѣннымъ постоянствомъ извлекаетъ изъ него всѣ свои лекціи на цѣлый академическій годъ. Составленные такимъ образомъ записки идутъ, безъ измѣненія, на продовольствованіе слѣдующаго курса студентовъ; и такъ какъ нѣтъ причины останавливаться на этомъ пути, то есть, основаніе надѣяться, что современемъ записки Кавыльева составятъ такую же палеонтологическую диковинку, какую въ настоящее время уже составляютъ знаменитыя свія тетрадки Креозотова. Кавылиевъ читалъ намъ исторію среднихъ вѣковъ по сочиненію Гизо: «Исторія цивилизація во Франціи». Выборъ самъ по себѣ очень позволителенъ, но замѣчательно, что острый и живой анализъ великаго доктринера дѣлался совершенно

незамѣтнымъ въ чтеніи маленькаго приватъ-доцента. Самая связь идей терялась въ его безучастной, апатической передачѣ. Если бы вы заставили деревенскаго дьячка прочесть вслухъ рѣчь Эдмонда Берка или графа Мирабо, то волненіе англійской палаты общинъ или французскаго учредительнаго собранія вѣроятно осталось бы для васъ совершенно необъяснимымъ. Именно такую горькую долю терпѣло сочиненіе Гизо въ рукахъ Кавыляева. Не думайте, что я говорю о голосѣ или дикціи, — объ этихъ мелочахъ не стоило бы заботиться; тутъ дѣло идетъ о пониманіи. Когда человѣкъ выражаетъ передъ вами свою мысль, или мысль чужую, но вполне усвоенную имъ, и слѣдовательно развивающуюся изъ головы его, а не изъ тетрадки, тогда онъ непременно оживляется и непременно передаетъ вамъ часть этого оживленія; тогда даже чужая мысль принимаетъ на себя отпечатокъ его личности, и приобретаетъ хоть частицу той живучести, которую она имѣла въ первобытномъ своемъ источникѣ. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ читающій совершенно равнодушенъ къ тому, что онъ читаетъ, тамъ чтеніе самого занимательнаго произведенія превращается въ усыпительное журчаніе. Такъ дѣйствительно и было, — и лекціи Кавыляева были гораздо невыносимѣе лекцій Креозотова. Креозотовъ читаль Креозотова, и слѣдовательно глубоко понималъ его и могъ даже изображать его въ лицахъ, а Кавыляевъ читаль Гизо, который, при всѣхъ своихъ политическихъ и теоретическихъ заблужденіяхъ, былъ все-таки неизмѣримо великъ для Кавыляевскаго пониманія; слѣдовательно... слѣдовательно, тотъ студентъ, который не желаль среди лекціи припасть головой къ столу и унести въ царство сновидѣній, долженъ былъ тщательно обходить аудиторію Кавыляева.

Когда мы перешли на третій курсъ, тотъ же драгоценный Кавыляевъ сталъ читать намъ новую исторію, или точнѣе, біографію Лютера, началу которой онъ предпослалъ кое-какія подробности объ эпохѣ возрожденія. Руководителемъ Кавыляева былъ историкъ реформаціи, Мерль д'Обинье (Merle d'Aubigné). На этотъ разъ все было одинаково хорошо. Достоинство выбора соответствовало достоинству изложенія. Минуя множество замѣчательныхъ европейскихъ историковъ, нашъ приватъ-доцентъ отыскалъ себѣ родственную душу въ райкѣ исторической литературы. Этотъ Мерль д'Обинье оказался протестантскимъ піетистомъ и мистикомъ. На жизнь и дѣятельность Лютера онъ смотрѣлъ, какъ на житіе святого угодника и чудотворца; въ каждомъ поступкѣ своего героя онъ усматривалъ специальное выраженіе воли божіей, и стараясь обратить своего читателя къ такимъ же возвышеннымъ умозрѣніямъ, собралъ въ своемъ многотомномъ сочиненіи всякіе анекдоты и сплетни о Лютерѣ и его сподвижникахъ. Тутъ рассказывалось и то, по скольку разъ въ день отецъ Лютера съѣлъ маленькаго Мартина, и то, что Мартинъ въ монастырѣ дѣлалъ, и то, какъ онъ въ Римѣ ползаль на колѣнкахъ по камен-

ной лѣстницѣ, и то, какіе сны видѣлъ курфирстъ Фридрихъ мудрый, и то, какъ одна баба индульгенцію покупала, и многое множество всякихъ другихъ достопримѣчательностей. Конечно, все это, какъ черезъ водопроводную трубу, текло черезъ уста Кавыляева въ наши записки. И все это мы должны были, не краснѣя за самихъ себя и не смѣясь надъ нашимъ наставникомъ, прилично казеннымъ языкомъ излагать на переходномъ и выпускномъ экзаменѣ. И это называлось новою исторіею и должно было давать намъ понятіе о томъ, какъ сложились бытовья и политическія формы теперешнихъ обществъ. Читатель видитъ, что ядовитое зерно скептицизма, зароненное въ мою чистую душу хитрымъ Креозотовымъ, не могло чувствовать недостатка въ питательныхъ матеріалахъ и въ благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ.

Въ началѣ осени 1858 года возвратился изъ двухлѣтней заграничной отлучки экстраординарный профессоръ исторіи, Ироніанскій. На него наше студенчество возлагало самыя блестящія надежды. Онъ былъ сверстникомъ Кавыляева, но уже давно обогналъ его въ своей ученой каррьерѣ. Первые лекціи его послѣ возвращенія изъ за границы привлекли въ аудиторію его множество слушателей. Студенты, пришедшіе на лекцію изъ любопытства, оставались совершенно удовлетворенными, а обязательные слушатели Ироніанскаго были въ восторгѣ отъ своего профессора, поддразнивали тѣхъ, кому приходилось дремать подъ звуки Кавыляева, и жаловались только на то, что мѣста на скамейкахъ приходится занимать заранѣе, и что въ огромной аудиторіи становится тѣсно и душно. Словомъ, успѣхъ Ироніанскаго могъ удовлетворить самое щекотливое самолюбіе. Ему даже аплодировали, и онъ, какъ нѣкогда Гизо, благодарилъ своихъ слушателей, и въ то же время просилъ ихъ никогда не выражать ему такимъ образомъ ихъ сочувствія. Сравнительное достоинство его лекцій было дѣйствительно велико. Онъ выражался языкомъ современной науки; видно было, что онъ понимаетъ то, что говоритъ, и умѣетъ высказать то, что думаетъ. Каждая лекція его заключала въ себѣ какую нибудь идею, связывающую, или по крайней мѣрѣ, пытающуюся связать между собою сообщаемые факты. Этого уже было достаточно для слушателей, привыкшихъ къ античности Креозотова и къ олимпійскому спокойствію Кавыляева. Единственный недостатокъ, который можно было замѣтить въ наружной формѣ изложенія Ироніанскаго, заключался въ его профессорскомъ щегольствѣ, въ его умственной кокетливости, въ его постоянномъ усиліи говорить остроумно и изображать цивилизованнаго европейца, трактующаго *d'égal à égal* съ генералами и министрами ученаго міра. Конечно, онъ не говорилъ, что дружески знакомъ съ Маколеемъ, пилъ чай у Моммзена, или спорилъ о политикѣ съ Зибелемъ; о подобныхъ вещахъ и Хлестаковъ могъ бы рассказывать только женѣ городничаго; но неистовое желаніе ослѣпить

слушателей оригинальностью и богатством своихъ заграничныхъ впечатлѣній, наблюденій и изслѣдованій пробивало себѣ широкую дорогу всякій разъ, какъ только представлялась къ тому малѣйшая возможность. Тотчасъ послѣ своего прїѣзда, онъ объявилъ студентамъ, что будетъ читать три раза лекціи: publica (общій курсъ), privata (частный) и privatissima (самый частный). Въ самомъ частномъ курсѣ онъ обѣщаль представить образчикъ исторической критики, и дѣйствительно началъ разбирать очень подробно сочиненія Луитпранда, лѣтописца X вѣка. Историческая критика Ироніанскаго не привела къ особенно плодотворнымъ результатамъ, не обнаружила въ изслѣдователѣ обширной эрудиціи и даже не показала намъ какихъ нибудь замѣчательныхъ критическихъ приемовъ. Ироніанскій просто рассказывалъ подробно содержаніе сочиненій и біографію автора, потомъ ловилъ Луитпранда въ противорѣчіяхъ, которыя были очень замѣтны, и уличалъ его въ пристрастіи къ Оттону, открывая такимъ образомъ обстоятельство, уже давно извѣстное и неподлежащее никакому сомнѣнію. Стало бытъ ученой заслуги тутъ не было, а собственно для студентовъ личность и дѣятельность Луитпранда не могла представлять особеннаго интереса, потому что сотни болѣе крупныхъ историческихъ личностей и болѣе выразительныхъ фактовъ оставались для нихъ въ смарагдовскомъ и зувескомъ полумрагѣ. Да и зачѣмъ было разгораживать курсъ на три отдѣленія?

И зачѣмъ было огородъ городить,

И зачѣмъ было капусту садить?..

Нельзя. Европеизмъ одолѣлъ. Гдѣ нибудь въ Боннѣ или въ Гейдельбергѣ такъ дѣлается, и въ Царевкокшайскѣ давай такъ дѣлать. Надо же было Ироніанскому заявить, что онъ съ министрами знакомство имѣеть. Не упустилъ также щеголеватый профессоръ случая упомянуть, какъ онъ собственно своею особою стоялъ или сидѣлъ на подлинномъ мѣстѣ того или другого мирового событія. При этомъ изливались описательныя подробности, которыя, во-первыхъ, нисколько не объясняли разсматриваемаго факта, а во-вторыхъ, съ удобствомъ могли бытъ отысканы въ карманномъ гидѣ. Но все это были мелкія слабости, а въ профессорской дѣятельности Ироніанскаго были и болѣе серьезные факты. Случилось мнѣ однажды съ большимъ удовольствіемъ прослушать лекцію Ироніанскаго, въ которой онъ, стараясь опредѣлить обязанности историка вообще, въ связи съ этою темою, разбиралъ историческую и критическую дѣятельность Маколен. Конечно, Маколей представлялся ему богомъ исторіи, сошедшимъ на землю единственно для того, чтобы научить людей искусству писать историческія монографіи и критическія статьи. Не смотря на хвалебное направленіе своей лекціи, Ироніанскій оцѣнилъ однако умно и мѣтко особенности и достоинства критическаго

таланта Маколея; замѣтилъ даже слабость Маколея, какъ отвлеченнаго мыслителя; доказаль, почему эта слабость, обнаруживающаяся въ его этудь о Бэконѣ, не вредить ему, какъ историку, и очень основательно подкрѣпилъ всѣ свои положенія и выводы довольно обширными и очень удачно выбранными цитатами изъ сочиненій разбираемаго писателя. Вся лекція произвела на слушателей самое стройное впечатлѣнiе, не смотря даже на то, что Иронiанскiй, ради заграничности и щегольства, называль Маколея — *Макаулей*. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, Иронiанскiй съ большимъ успѣхомъ прочель въ большой университетской залѣ, при значительномъ стеченiи публики, двѣ публичныя лекцiи о состоянiи французскихъ провинцiй при Людовикѣ XIV. Источникомъ своимъ онъ объявилъ сочиненiе Флешье, «*Les grands jours d'Amvergne*». Публика осталась очень довольна и дѣйствительно во всемъ, что я до сихъ поръ разсказаль, нельзя замѣтить ровно ничего предосудительнаго. Но «мой злобный генiй» непремѣнно хотѣлъ превратить меня въ скептика. Случилось мнѣ купить одну французскую книжку: «*Essais de critique et d'histoire, par H. Taine*» (Историческiе и критическiе опыты Тэна). Въ этой хорошей книжкѣ заключались статьи о Гизо, о Мишле, о Теккереѣ, о Монталамберѣ, и между прочими о Маколеѣ и о Флешье. Когда я добрался до Маколея, то изумленiю моему не оказалось границъ *). Читаю и глазамъ не вѣрю: она, она, моя голубушка, блестящая лекцiя Иронiанскаго о Маколеѣ; тѣ же идеи, тотъ же порядокъ изложенiя, тѣ же цитаты, даже обороты рѣчи и образы тѣ же самыя; предположить случайное сходство нѣтъ никакой возможности; самое упорное сомнѣнiе должно уступить очевидности. Живущiй талантъ Иронiанскаго оказывается чужимъ талантомъ, внимательное изученiе Маколея оказывается призракомъ; павлинья перья взяты на прокатъ, да еще безъ спросу; блестящая лекцiя не что иное, какъ тайный переводъ съ французскаго. Ну, подумаль я, посмотримъ, что такое Флешье? Подозрѣнiя мои оправдались. Обнаружилось, что публичныя лекцiи также были взяты напрокатъ, а магазинъ, снабдившiй ими цивилизованнаго европейца, былъ тщательно скрытъ отъ публики, потому-де, что совѣстно русскому профессору открыто пользоваться идеями легкаго французскаго критика, ну а тайкомъ поживиться всегда прiятно и неубыточно. Еще въ одномъ случаѣ мнѣ удалось убѣдиться въ ученой безцеремонности профессора Иронiанскаго. Въ 1860 году, ему пришлось задавать тему для сочиненiя на медаль. Онъ задалъ тему изъ исторiи послѣднихъ вѣковъ язычества и въ отчетѣ объ университетскомъ актѣ было напечатано, вмѣстѣ съ

*) Такое же изумленiе постигло меня однажды при чтенiи лекцiй г. Визинскаго объ Англiи въ XVIII столѣтiи, когда я увидѣлъ, что характеристика Мальборо иль-ликомъ взята изъ романа Теккерея: «*Генри Эсмондъ*».

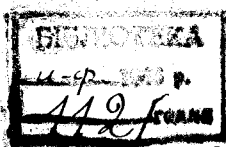
объявленіемъ этой темы, указаніе на два пособія, во-первыхъ, на сочиненіе Чирнера «Der Fall des Heidenthums» (паденіе язычества), во-вторыхъ, на изслѣдованіе Ироніанскаго объ Александрѣ Авонотихитѣ, одномъ изъ ложныхъ чудотворцевъ и пророковъ язычества. Я, съ свойственнымъ мнѣ добродушіемъ, послѣдовалъ этому указанію и немедленно убѣдился въ томъ, что изслѣдованіе Ироніанскаго упомянуто въ отчетѣ объ актѣ исключительно ради щегольства, потому что оно не изслѣдованіе, а очень малограмотное извлеченіе изъ указанной книги Чирнера. Между прочими красотами, я запомнилъ слѣдующее мѣсто. «Неронъ, пишетъ Ироніанскій, приказалъ перенести 500 желѣзныхъ статуй»... Желѣзныхъ статуй! Слышали ли вы когда нибудь, читатель, чтобы въ древности или когда бы то ни было выдѣлывались желѣзныя статуи? Какъ же это? Ковали ихъ что ли? Отыскиваю соотвѣтствующее мѣсто у Чирнера и нахожу тамъ: «500 eiserne Säulen». Дѣло объясняется просто. Это значитъ, по мнѣнію всѣхъ людей, знающихъ нѣмецкій языкъ: «500 мѣдныхъ колоннъ». Значитъ, Ироніанскій, кромѣ нетвердаго знанія нѣмецкаго языка, обнаружилъ еще небрежность въ работѣ и изумительное непониманіе древней техники. Изобрѣсти желѣзныя статуи, да еще цѣлыхъ пять сотъ, и сохранить до сихъ поръ репутацію ученаго человѣка, это, милостивые государи, такой пассажъ, который возможенъ только у насъ въ Россіи. И замѣьте притомъ, что эти жрецы науки, тайно переводящіе съ французскаго и неудачно переводящіе съ нѣмецкаго, взираютъ съ высоты величія на литераторовъ и журналистовъ, какъ на дилетантовъ, неспособныхъ удовлетворять серьезнымъ умственнымъ требованіямъ общества. Замѣьте, что именно эти изобрѣтатели желѣзныхъ статуй всѣхъ громче разсуждаютъ о достоинствахъ науки, — замѣьте это, и затѣмъ, слѣдуя мудрому совѣту Кузмы Прутова, «глядите въ самый корень вещей», ибо наружность обманчива.

VIII.

Говоря объ Ироніанскомъ и Кавылевѣ, я невольно нарушилъ хронологическую послѣдовательность моихъ воспоминаній, и потому теперь возвращаюсь назадъ къ тому времени, когда я переводилъ Страбона и читалъ Геродота, т. е. къ началу зимы 1856 года. Ожидая себѣ умственнаго просвѣтленія отъ каждаго профессорскаго слова, я въ то время аккуратно посѣщалъ и записывалъ всѣ лекціи, назначенныя мнѣ по росписанію. Особенно интересовали меня лекціи профессора Телицына, читавшаго намъ теорію языка и исторію древне-русской литературы.

Въ этихъ лекціяхъ было дѣйствительно много хорошаго. Телицыну было лѣтъ тридцать съ небольшимъ; онъ любилъ студентовъ и искалъ между ними популярности; лекціи свои онъ составлялъ съ большимъ стараніемъ и всегда заканчивалъ ихъ какой нибудь фіоритурою, которая неминуемо должна была поднять въ душѣ студентовъ цѣлую бурю добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ. Эта фіоритюра всегда была приготовлена заранѣе, но тѣмъ не менѣе она всегда выдѣлывалась отъ души, съ полною искренностью и безъ всякой натяжки. Проговоривъ на кафедрѣ въ продолженіи полутора часа, Телицынъ всегда приходилъ въ восторженное состояніе, и тогда рулада вырывалась изъ груди его съ неудержимою силою; сходя съ кафедры, онъ всегда чувствовалъ дѣйствительную потребность сказать студентамъ что нибудь согрѣвающее, а такъ какъ онъ профессорствовалъ уже не первый годъ, то ему было вполне позволительно, зная свою разнѣживающуюся натуру, заговлывать заранѣе матеріалы для той потребности, которая неминуемо возникаетъ передъ концомъ лекціи. Неужели вы упрекнете слезливаго человѣка въ театральничаньи, если онъ, отправляясь на чьи нибудь похороны и находясь при выѣздѣ изъ своей квартиры въ самомъ веселомъ расположеніи духа, набьетъ карманы своего сюртука носовыми платками? Вѣдь онъ же знаетъ, что непременно расплатится: такъ какъ же ему не принять свои мѣры? Что же за удовольствіе утирать слезы рукавами сюртука, или умолять сосѣда объ одолженіи носового платка? Такъ и Телицынъ. Развѣ хорошо было бы, если бы растроганный въ конецъ профессоръ не излилъ своего чувства въ умныхъ и красивыхъ рѣчахъ? Вѣдь это бы смѣху надѣлало, если бы онъ, оканчивая лекцію, вдругъ развелъ руками, изобразилъ бы на лицѣ своемъ глубокую любовь къ студентамъ, сдѣлалъ бы нѣсколько усилій, и вдругъ ничего бы изъ этого не вышло. А такая участь непременно постигла бы его, если бы матеріалы для фейерверка не были припасены заранѣе. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ однажды, работавъ специальный предметъ лекціи, началъ говорить о величій знанія вообще, и вдругъ заключилъ свою рѣчь словами Беранже: «l'ignorance — c'est l'esclavage, le savoir — c'est la liberté» (невѣжество — рабство, знаніе — свобода). Насъ такъ и подкинуло кверху; эффектъ вышелъ оглушительный, — а все отчего? Оттого, что въ сюртукѣ Телицына лежали носовые платки.

Вы скажете, можетъ быть, что слезливость не есть чувствительность, и что истинный талантъ пренебрегаетъ приготовленными эффектами, потому что полагается на свои силы, и всегда находитъ эффекты подъ руками въ ту рѣшительную минуту, когда онъ въ нихъ нуждается. Противъ этого я спорить не буду; считать Телицына талантливимъ профессоромъ позволительно только студентамъ перваго курса, восхищающимся кончиками его лекцій. Я съ своей стороны отстаиваю только его

искренность. Телицынъ не похожъ на Ироніанскаго; ему хочется не блеска, не щегольства, а любви, сочувствія студентовъ; онъ не пускаетъ пыли въ глаза, онъ дѣйствительно хочетъ быть и полезнымъ профессоромъ, и дѣльнымъ ученымъ; онъ напрягаетъ всѣ свои силы,—но при этомъ мы должны помнить, что размѣры человѣческихъ силъ неодинаковы. Телицынъ много читалъ, читалъ постоянно и передавалъ намъ много хорошихъ вещей на лекціяхъ,—но лекціи его все-таки были мозаиками. Переварить и переработать массу матеріала въ своемъ мозгу, и затѣмъ передать слушателямъ продукты своего мышленія—этого отъ Телицына смѣшно было бы и требовать. Да и не угодно ли вамъ посмотрѣть вокругъ себя: много ли у насъ въ цѣлой Россіи людей, дѣйствительно способныхъ мыслить и пользующихся этою способностью? Куда ни помотришь, вездѣ,—или переводчики, подобные Ироніанскому, или каменьщики и носильщики, въ родѣ Телицына; вездѣ или ловкіе люди очень хорошо знающіе; чего они хотятъ, или терпѣливые труженики вовсе незнающіе, зачѣмъ они трудятся. Пустили ихъ внизъ по наклонной плоскости, они и катятся по силѣ инерціи, до тѣхъ поръ, пока ихъ не остановитъ накопленіе жира или истощеніе силъ. Люди, подобные Телицыну, работаютъ или до тѣхъ поръ, пока не войдутъ въ чины и въ барственную лѣнь, или до тѣхъ поръ, пока не разовьютъ въ себѣ чихотку. Телицыну предстоялъ, по всей вѣроятности, послѣдній исходъ. Не смотря на свои молодые лѣта, онъ уже успѣлъ приобрести очень замѣтную сутуловатость и постоянно страдалъ застоями и приливами крови; глаза его были всегда немного воспалены и всегда неопредѣленно тусклымъ взоромъ смотрѣли куда-то вдаль. Обладатель этихъ глазъ при самомъ простомъ разговорѣ казался всегда или усиленно сосредоточеннымъ или тревожно разсѣяннымъ; можно было подумать, что онъ постоянно созерцаетъ духовными очами какую нибудь неописанную красоту, или постоянно старается уловить ухомъ какую нибудь вѣчно ускользающую отъ него райскую мелодію; а на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Телицынъ былъ просто вѣрующимъ жрецомъ и слѣпымъ поклонникомъ того идола, передъ которымъ онъ хотѣлъ повергнуть въ прахъ своихъ слушателей. На алтарѣ этого идола онъ съ улыбкою блаженства сжигалъ медленнымъ огнемъ свой мозгъ и свои жизненные силы. Для него слова Беранже: «l'ignorance—c'est l'esclavage, le savoir,—c'est la liberté» были догматомъ вѣры. Какой savoir? какая liberté? онъ объ этомъ неспрашивалъ, и былъ твердо увѣренъ, что изучить вліяніе византійскихъ писателей на проповѣди Кирилла Туровскаго или рассмотреть литературные приемы Нестора значитъ до извѣстной степени разсѣять мракъ губительной ignorance и потрясти основы ненавистнаго esclavage. Телицынъ былъ лучшей продуктъ нашего университетскаго образованія; онъ именно достигъ той точки развитія, которая

составляет крайній и высшій предѣлъ педагогическихъ тенденцій нашихъ университетовъ. Пойти дальше, забрать вверхъ или въ сторону значило бы уклониться отъ той патентованной цѣли, которую самыя лучшiе профессора показываютъ своимъ слушателямъ, какъ цѣль, исключительно соотвѣтствующую достоинству и назначенiю человѣка.

Такъ какъ всякую систему слѣдуетъ судить именно по тѣмъ ея произведенiямъ, которыя она сама считаетъ вполне удавшимися, то вотъ я ставлю передъ читателемъ портретъ Телицына, и говорю ему: таковъ идеалъ, къ которому стремится наше университетское образованiе. Какъ онъ вамъ нравится? Чувствуете ли вы въ душѣ своей неотразимое желанiе приблизиться къ этому результату? Находите ли вы, что обновленiе Россiи будетъ совершаться быстро и радикально, если десятки тысячъ Телицынскихъ будутъ разсѣяны на всѣхъ поприщахъ нашей общественной дѣятельности?—Не знаю, какъ вы отвѣтите на эти три вопроса; не скажу вамъ также, какъ отвѣтилъ бы я на нихъ теперь; но въ 1856 и въ 1857 годахъ я отвѣтилъ бы на первый вопросъ: «очень», — на второй: «чувствую» — на третiй: «нахожу». Кромѣ того, я самыя вопросы нашель бы странными и на вопрошающаго посмотрѣлъ бы какъ на обскуранта, кощунствующаго надъ святыми представителями науки. 1856 и 1857 годы были, какъ извѣстно, тѣмъ временемъ, когда наше общество во что бы то ни стало стремилось убѣдить себя въ томъ, что оно переживаетъ великую эпоху,— тогда множество старыхъ вещей перекрашивались заново и дѣйствительно принимались за новыя тѣми самыми людьми, которые собственноручно отдавали ихъ къ красильщику и принимали ихъ отъ него обратно. Приэтомъ краски часто оказывались непрочными или развѣдающаго свойства, такъ что матерiи въ скоромъ времени лiняли или расплзались. Это стремленiе обольщаться и надѣяться проявилось и въ университетѣ, гдѣ мы немедленно опредѣлили, что Крезотовъ и Кавыляевъ будутъ считаться представителями отживающаго порядка вещей, а Телицынъ кроткимъ ангеломъ прогресса и вдохновеннымъ провозвѣстникомъ лучшаго будущаго.

Если читатель приметъ въ соображенiе, что эти два года юношескихъ мечтанiй матушки Россiи соотвѣтствовали именно такой же порѣ въ моей личной жизни, то онъ пойметъ, что образъ Телицына долженъ былъ произвести на меня чарующее и одуряющее впечатлѣнiе. Я увлекался въ одно время и чувствомъ массы и своею личною потребностью найти себѣ учителя, за которымъ я могъ бы слѣдовать съ вѣрою и любовью. Мысли о занятiяхъ исторiею замерли во мнѣ, благодаря совѣтамъ Крезотова. Въ этихъ мысляхъ никогда не было ничего серьезнаго, и я думалъ приняться за исторiю только потому, что исторiя — самая яркая наука нашего факультета; она первая бросается въ глаза, и я схватился за нее, какъ ребенокъ хватается за пламя свѣчи. Теперь же, когда я всѣмъ

сердцем возлюбилъ Телицына, теперь, когда онъ гальванизировалъ меня и товарищей моихъ лукавыми хвостиками своихъ лекцій, теперь въ душѣ моей зародилось неудержимое желаніе посвятить себя — чему? зачѣмъ?—ну, все равно, чему бы то ни было, а только посвятить себя. *Наука, истина, свѣтъ, дѣятельность, прогрессъ развитіе* — эти слова такъ и кувыркалися у меня въ головѣ, и это кувырканье казалось мнѣ ужасно плодотворнымъ, хотя изъ него ничего не выходило, да и выдти ничего не могло. «Хочу служить наукѣ, хочу быть полезнымъ; возьмите мою жизнь и сдѣлайте изъ нея что нибудь полезное для науки!» — Восторгу было много, но смыслу мало. Слово *наука* осталось для меня любезнымъ звукомъ, какъ остается она для многихъ людей, утѣшающихся всю свою жизнь тѣмъ пріятнымъ заблужденіемъ, что они ее, науку, двигаютъ впередъ. Непонимая того, что такое «наука», и даже не спрашивая себя о томъ, на какое употребленіе и какой сортъ ея годится для человѣка, я конечно не могъ понимать и того, что полезно и что бесполезно для науки. Стало быть, фраза моя измѣнилась такъ: «возьмите мою жизнь и истратьте ее на что хотите». А изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что возбуждать въ молодыхъ людяхъ безпредметный восторгъ и ослѣплять ихъ блескомъ добродѣтельныхъ словъ вовсе непохвально, потому что молодые люди отъ этого глухѣютъ, по крайней мѣрѣ на время, а потомъ, когда пройдетъ ихъ глупость, они начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, что возбуждало, и надъ тѣмъ, кто возбуждалъ въ нихъ неосмысленное благоговѣніе. Дѣйствительная наука, плодъ внимательнаго наблюденія и трезвой мысли, по самой природѣ своей враждебна всякимъ восторгамъ, какъ бы ни были они добродѣтельны. Если бы химикъ или фізіологъ съ восторгомъ принимался за свои опыты, то зрѣлище вышло бы чувствительное, но опытъ не привелъ бы къ искомому результату, или по крайней мѣрѣ результатъ былъ бы неправильно понятъ или превратно истолкованъ. Что же касается до тѣхъ ученыхъ, которые пишутъ о Несторѣ и Кириллѣ Туровскомъ, то имъ конечно восторги вредить не могутъ, потому что они опытовъ не производятъ, и еще потому, что для ихъ соотечественниковъ и для всѣхъ прочихъ людей рѣшительно все равно, къ какимъ бы результатамъ они ни пришли и до какихъ бы умозрѣній они ни дописались.

IX.

Послѣдняя лекція Теплицына передъ святками 1856 года была ознаменована слѣдующимъ событіемъ. Нашъ обожаемый профессоръ сказалъ,

что для пользы науки и для назиданія студентовъ намъ слѣдуетъ перевести нѣсколько ученыхъ изслѣдованій и разсужденій. Тутъ онъ назвалъ между прочими статью Якова Гримма: «Ueber den Liebesgott» (О богѣ любви), — другую статью того же автора; «Ueber das Verbrennen der Todten» (О сожженіи мертвыхъ), — статью Шафарика о числительныхъ именахъ, брошюру Штейнтала: «Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegelsche Philosophie» (Языкознание Вильгельма Гумбольдта и философія Гегеля). Случилось такъ, что я сидѣлъ во время этой лекціи на срединѣ скамейки; товарищи мои, сидѣвшіе по обѣимъ концамъ, тотчасъ послѣ окончанія лекціи встали, подошли къ кафедрѣ и взяли себѣ тѣ работы, которыя были по легче, а на мою долю осталась только одна зловѣщая брошюра Штейнтала. Дѣлать было нечего; Телицынъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и еще говорилъ съ разсчитаннымъ коварствомъ, что эту брошюру перевести особенно необходимо. Я мысленно перекрестился и протянулъ къ ней руку. Рубиконъ былъ перейденъ, и Телицынъ овладѣлъ мною. Въ брошюрѣ Штейнтала оказалось 140 страницъ, и содержаніе ея роскошно выполнило тѣ грозныя обѣщанія, которыя давало заглавіе. О философіи Гегеля распроняться нечего. Всякій читатель знаетъ по наслышкѣ, что это штука хитрая, и что понимать ее мудрено и кромѣ того бесполезно. Что же касается до Гумбольдта, то объ немъ сами нѣмцы, и притомъ его поклонники, говорятъ, что онъ неясенъ, но что эта неясность происходитъ отъ новизны и оригинальности его идей. Теперь вообразите себѣ, что Штейнталь, который о высокихъ матеріяхъ пишетъ такъ же удобопонятно, какъ и всѣ прочіе нѣмцы, начинаетъ сравнивать Гегеля съ Гумбольдтомъ, и притомъ не факты, добытые ими, не результаты, къ которымъ они пришли, а методы ихъ мышленія и изслѣдованія; и это сравненіе продолжается на 140 страницахъ; и это надо было переводить мнѣ, человѣку—читавшему Маколея съ трудомъ, и Диккенса безъ особеннаго удовольствія. На моемъ младенческомъ лицѣ было ясно видно, на сколько я способенъ судить о Гегелѣ и Гумбольдтѣ, и Телицынъ могъ это замѣтить, но Телицынъ на такіе пустяки не обращалъ вниманія и съ наслажденіемъ готовился зарѣзать юную жертву на алтарѣ своего идола.

Когда я началъ читать брошюру Штейнтала, то у меня на первыхъ пяти строкахъ закружилась голова, и я понялъ, что читатели, къ которымъ обращается авторъ, должны знать очень многое, а что я этого многого совсѣмъ не знаю. Тогда я рѣшился не читать, а прямо переводить, хотя бы связь между отдѣльными періодами и смыслъ цѣлаго остались для меня совершенно непонятными. И я это выполнилъ. Зная отлично нѣмецкій языкъ и владѣя хорошо русскимъ языкомъ, я передавалъ вѣрно и отчетливо одинъ періодъ за другимъ, — и независимо отъ моей воли являлся какой-то общій смыслъ, точно также, какъ въ чтеніи Чичиковъ

скаго Петрушки изъ отдѣльныхъ буквъ всегда составлялось какое-нибудь слово, которое иногда и чортъ знаетъ, что значило. Но переводилъ я долго, и потомъ самъ переписывалъ свою работу. Встрѣчаясь со мною въ университетѣ, Телицынъ не разъ говорилъ мнѣ шути, что Штейнталь не такъ долго писалъ свою брошюру, какъ я ее перевожу. По моему, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Штейнталь, вѣроятно, понималъ, что онъ пишетъ, а я совсѣмъ напротивъ. Мѣсяца четыре ушло на мою работу; наконецъ, придя на экзаменъ Телицына, я вручилъ ему двѣ толстыя тетради, заключавшія въ себѣ переписанный набѣло переводъ ужасной брошюры. Должно быть, въ то время демонъ умственнаго эпикуреизма, о которомъ я упомянулъ выше, былъ совершенно подавленъ добродѣтельными стремленіями, возбужденными во мнѣ влияніемъ Телицына. Переводить книгу, которую не понимаешь, это конечно самая не пріятная и самая кретинизирующая работа, какую можно себѣ представить; и между тѣмъ я довелъ эту работу до конца. Очевидно демонъ былъ низринутъ и посрамленъ, но Телицыну этого было мало. Онъ тутъ же, на экзаменѣ, попросилъ меня на выдержку прочесть двѣ-три страницы изъ моего перевода. Оказалось, что переводъ хорошъ. Телицыну пришло въ голову помѣстить мой трудъ въ нашъ студенческой «Сборникъ». Такое желаніе польстило моему самолюбію. Но тотчасъ представилось возраженіе: объемъ перевода слишкомъ великъ; а вслѣдъ за возраженіемъ явилось въ умѣ Телицына средство помирить противорѣчія: — сдѣлайте, говорить, изъ вашего перевода извлеченіе. Отъ этого предложенія меня въ жаръ бросило. Этого только не доставало. Перевелъ—ничего не понималъ, а теперь извлекай изъ того, чего не понимаешь. Что же я извлеку? А положеніе безвыходное. Сказать «не хочу» неловко, да и весь разговоръ совсѣмъ не въ такомъ тонѣ былъ вѣденъ. Признаться въ томъ, что переводилъ машинально, признаться публично, при студентахъ, вѣдь это значить—дуракомъ себя назвать. Нѣтъ! что будетъ, то будетъ! Всѣ эти размышленія промелькнули въ моей головѣ чрезвычайно быстро и я сказалъ Телицыну, что извлеченіе будетъ сдѣлано. Я занялся этимъ трудомъ на каникулахъ и окончилъ его успѣшно, хотя и на этотъ разъ нельзя было сказать, чтобы понималъ мысли Штейнтала. Приемы мои при этой работѣ были довольно оригинальны. Я опредѣлилъ себѣ извѣстный масштабъ, именно, чтобы три страницы перевода превращались въ одну страницу извлеченія; соображаясь съ этимъ масштабомъ, я сжималъ и сокращалъ языкъ моего перевода, такъ что извлеченіе мое оказалось просто миниатюрною фотографіею съ большой картины. Я ухитрился даже въ этомъ случаѣ работать машинально, да иначе и не могъ работать надъ такимъ сюжетомъ человѣкъ, неимѣющій никакого понятія ни о Гегелѣ, ни о Гумбольдтѣ, ни о философіи, ни о языкованіи, ни объ умствен-

ной жизни Германіи, и рѣшительно ни объ одномъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ совершенно свободно разсуждалъ Штейнталь.

Какъ вы думаете, читатель, во что превратилъ бы меня Телицынъ, если бы я лѣтъ пять поработалъ подь его руководствомъ? Вѣдь такая операція надъ Штейнталемъ стоитъ цѣлаго года машинальной канцелярской работы; вѣдь тутъ человѣкъ не развивается, а напротивъ при- выкаетъ обращаться съ чужими мыслями, какъ съ закупоренными тюками, которые онъ перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто и разставляетъ въ симметрическомъ порядкѣ, не заботясь о томъ, что въ нихъ наложено. Является искусство строить фразы, привычка вставлять въ эти фразы научные термины, способность запоминать и передавать непонятныя идеи, — является попугайство и обезьянство; ко всему этому присоединяется гордое самодовольство, что вотъ моль, я сколько книжныхъ понятій усвоилъ, вотъ сколько научныхъ статей произвелъ, вотъ какую пользу великую принесъ. Когда явилось такое самодовольство, тогда человѣка слѣдуетъ признать совершенно погибшимъ; тогда критическая способность утрачена, а вмѣсто способности мыслить приобрѣтена способность наизывать слова и предложенія, соединять ихъ въ періоды, а изъ періодовъ составлять статьи, диссертациі или книги. Работая подъ руководствомъ Телицына, я большими шагами направлялся къ такому блаженному состоянію.

X.

Телицынъ имѣлъ полную возможность взглядѣться въ меня и изъ разговоровъ со мною узнать степень моего развитія. Лѣтомъ 1857 года мнѣ пришлось ѣхать съ Телицынымъ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Мы пробыли вмѣстѣ 30 часовъ и по крайней мѣрѣ 10 часовъ были проведены въ серьезныхъ разговорахъ. Я съ наивнымъ восторгомъ объяснялъ Телицыну, какую чудесную перемѣну произвелъ во мнѣ одинъ годъ, проведенный въ университетѣ, какъ передъ моею мыслью открылись цѣлые новые горизонты, и какія теперь у меня хорошія стремленія. Телицынъ все это слушалъ съ любовью и со вниманіемъ, умиляясь и восторгаясь вмѣстѣ со мною, а это, конечно, еще болѣе поддавало мнѣ жару. Человѣкъ разсудительный и неспособный удовлетворяться пылкими рѣчами, тотчасъ спросилъ бы у меня, въ чемъ именно состоитъ перемѣна, какіе горизонты и къ чему клонятся стремленія. При такомъ вопросѣ съ меня поневолѣ соскочилъ бы хмѣль, и можетъ быть за пароксизмомъ восторга послѣдовалъ бы пароксизмъ унынія; пришлось бы вдругъ сознаться, что все упоеніе произведено какою ни-

будь дюжиною словъ, и что кромѣ этихъ словъ да профессорскихъ записокъ не воспослѣдовало никакого умственного приобрѣтенія; но на профессорскія записки я уже смотрѣлъ безъ особеннаго благоговѣнія, а слова, какія бы они ни были, все-таки не могли казаться мнѣ магическими талисманами. Значить, все умственное богатство мое оказалось бы просто возбужденнымъ состояніемъ мозговыхъ нервовъ, и разсудительный человѣкъ тотчасъ понялъ бы, что со мною слѣдуетъ говорить, какъ съ мальчикомъ, совершенно неразвитымъ и ничего незнающимъ, что мнѣ слѣдуетъ рекомендовать чтеніе серьезное, но вполне доступное, и что задавать мнѣ какую нибудь работу совсѣмъ не годится, потому что умъ мой долженъ питаться, а не тратить свои силы въ преждевременной производительности. Но Телицынъ ничего этого не разобралъ; всѣ мои восторги были приняты за доказательства развитости; болтовня моя о наукѣ сошла за чистую монету, и мой собесѣдникъ пресерьезно посоветовалъ мнѣ заняться специально теоріею или философіею языка.

Чтобы оцѣнить этотъ совѣтъ, надо знать, что философія языка основывается на громадномъ сравнительномъ изученіи отдѣльныхъ языковъ. Люди, посвящавшіе себя этой отрасли науки, старались по возможности познакомиться со всѣми существующими на земномъ шарѣ языками, что было совершенно необходимо, потому что цѣль философіи языка (или философскаго языкознанія, или филологіи) заключается въ томъ, чтобы представить ясное и вѣрное понятіе о *словѣ*, т. е. о способности человѣка выражать свои мысли и ощущенія членораздѣльными звуками. Преслѣдуя такую цѣль, необходимо знать, какъ проявляется эта способность у различныхъ народовъ, потому что безъ этого предварительнаго знанія нельзя позволить себѣ никакого заключенія, или даже правдоподобнаго предположенія объ общихъ свойствахъ изучаемой способности. Языки у различныхъ народовъ оказывались до такой степени несходными, что разныя преждевременныя теоріи о языкѣ вообще разрушались въ прахъ такими фактами, которые узнавались вновь. Оказывалось, напримеръ, что многіе языки не различаютъ существительнаго отъ глагола; оказывалось, что другіе языки состоятъ не изъ словъ, а изъ готовыхъ предложений. Все это надо было принимать въ расчетъ, потому что въ самыхъ нелѣпыхъ и неразвитыхъ языкахъ все-таки дѣйствуетъ та же способность, которая только въ болѣе сильной степени проявилась въ самыхъ богатыхъ и гибкихъ языкахъ человѣчества. Кромѣ сравнительнаго изученія языковъ, необходимо изученіе историческое. Надо же знать, какъ совершенствуется или ослабѣваетъ съ теченіемъ времени разсматриваемая способность. Конечно, филологу нѣтъ необходимости говорить и писать на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которые служатъ ему матеріалами для сравненія. Но онъ долженъ имѣть очень опредѣленныя понятія о системѣ звуковъ этихъ языковъ, о переходѣ звуковъ одинъ въ другой, объ обра-

зованиі словъ изъ корней, о грамматическомъ строѣ, о синтаксическихъ особенностяхъ; кромѣ того, онъ долженъ знать до нѣкоторой степени лексическій составъ языковъ, т. е. запасъ наиболѣе замѣчательныхъ словъ, чтобы сближать эти слова съ словами и корнями другихъ языковъ. Если ученый хочетъ ограничить свои изслѣдованія однимъ племенемъ языковъ, если такимъ образомъ изъ области философіи языка онъ спускается въ область сравнительной грамматики, то съ уменьшеніемъ объема его трудовъ должна увеличиться глубина его знаній. Нѣмецкіе филологи, занимающіеся индо-европейскою семьей языковъ, знаютъ уже во всѣхъ подробностяхъ языки санскритскій, зендскій (древне-персидскій), литовскій, греческій, латинскій, старо-славянскій, готскій и англосаксонскій. Наконецъ ученые, сосредоточившіеся, подобно Якову Гримму, преимущественно на историческомъ изученіи нѣмецкаго языка, доводятъ знаніе всѣхъ его старыхъ и новыхъ отгѣнковъ и всѣхъ иностранныхъ языковъ, соприкасавшихся съ нимъ даже въ глубокой древности, до изумительной полноты и до непостижимаго совершенства. Цѣлая, долгая жизнь дѣятельнаго и умнаго человѣка наполняется этимъ изученіемъ, и потомъ все таки-таки оказывается, что изученіе это только затронуто, и что еще десятки людей будутъ посвящать продолженію работы свои лучшія силы.

Мы можемъ сомнѣваться въ практической полезности подобныхъ занятій, можемъ находить, что нѣсколько человѣческихъ жизней истрачиваются на нихъ непроизводительнымъ образомъ, но, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ отказать въ полной данн уваженія тому трудолюбію, той умственной энергіи, тому глубокомыслию и остроумію, которыя несомнѣнно обнаруживаются въ этихъ утомительныхъ и кропотливыхъ изысканіяхъ. Но если мы, оставляя въ сторонѣ ученыхъ нѣмцевъ, устремимъ наши взоры на нашихъ отечественныхъ языковъзнаетелей, то тутъ никакой дани намъ выдавать не придется, потому что соотечественники наши народъ смѣтливый и находятъ, что загребать жаръ своими руками горячо, а чужими даже пріятно. У насъ до сихъ поръ было сдѣлано только одно открытіе въ области филологіи, именно открытіе Востокова о юсахъ, и съ этимъ открытіемъ наши ученые нянчатся уже очень давно, потому что для нихъ конечно это невиданная диковинка. Всѣ же остальные наши ученые (а ихъ таки не мало) совершенно усвоили себѣ ту великую истину, что прочесть нѣмецкое изслѣдованіе, даже очень толстое, гораздо легче, чѣмъ учиться санскритскому и всякимъ другимъ, болѣе или менѣе неприятымъ языкамъ. Съ этою истиною соображаютъ всѣ ихъ ученые подвиги. Нѣмецъ на каждой страницѣ своего труда приводитъ сопоставленія формъ и словъ, взятыхъ изъ разныхъ родственныхъ языковъ, и русскій дѣлаетъ тоже самое. Но нѣмецъ самъ раскалъ эти формы и слова, а русскій отважно переписалъ работу нѣ

и даже не провѣрилъ ее, потому что не можетъ этого сдѣлать. Если русскій къ заимствованнымъ рядамъ формъ и словъ присоединилъ соответствующія русскія слова и формы, тогда имя его упоминается съ уваженіемъ, и студентамъ говорятъ на лекціяхъ: «даровитый ученый такой-то, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи такомъ-то, примѣнилъ блестящимъ образомъ къ нашей отечественной наукѣ методъ Якова Гримма», или какого нибудь другаго туза филологіи. Конечно между нашими языкознателями есть и умные люди, понимающіе въ глубинѣ души, что ихъ экскурсіи въ нѣмецкія книги можно называть наукою только изъ вѣжливости; эти господа смотрятъ на свои работы безъ особенной нѣжности, но, какъ умные люди, они понимаютъ, что экскурсіи питаютъ и грѣбютъ ихъ, и потому они не видятъ никакой надобности ратовать словомъ и перомъ противъ обычаевъ, укоренившихся въ ученomъ мѣрѣ. Что же касается до большинства нашихъ филологовъ, то они такъ сжились съ существующими условіями ученой дѣятельности, что находятъ ихъ совершенно нормальными.

Къ этой многочисленной категоріи дѣятелей принадлежалъ и Телицынъ; занимаясь древнею русскою литературою и не имѣя никакихъ лингвистическихъ свѣдѣній, онъ находилъ совершенно возможнымъ читать намъ лекціи по философіи языка и приводить множество примѣровъ и сближеній изъ санскритскаго, зендскаго и другихъ столь же извѣстныхъ ему языковъ. Мало того. Онъ даже находилъ совершенно естественнымъ и похвальнымъ вести по слѣдамъ своимъ юнаго ревнителя науки и служить ему руководителемъ въ такой отрасли знаній, въ которой онъ, Телицынъ, былъ самъ несвѣдущимъ ученикомъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта, Гримма, Боппа, Потта, Шлейхера, — но о дѣйствительномъ изученіи языковъ не было и рѣчи. По мнѣнію Телицына, было совершенно достаточно усвоить себѣ идеи нѣмецкихъ филологовъ, а доходить до самостоятельнаго изслѣдованія или до критическаго отношенія къ благодѣтельнымъ нѣмцамъ значило мечтать о недоступной и совершенно излишней роскоши. Совѣтъ Телицына былъ такимъ образомъ діаметрально противоположенъ совѣту Креозотова. Телицынъ совѣтовалъ питаться высшими идеями, а Креозотовъ рекомендовалъ глотать сырые факты. Какъ ни различны эти два совѣта, въ нихъ есть однако существенное сходство: оба они рассчитываютъ исключительно на память; слѣдую тому или другому совѣту, учащійся долженъ навсегда отказаться отъ развитія критическаго смысла, потому что общая идея, построенная на неизвѣстныхъ вамъ фактахъ, представляется вамъ въ свою очередь голымъ фактомъ, который надо запомнить, но надъ которымъ размышлять невозможно. Кто знаетъ сравниваемые языки, для того сравнительная филологія является осмысле-

ніемъ и приведеніемъ въ систему извѣстныхъ фактовъ; а кто ихъ не знаетъ, тотъ принимаетъ идеи науки на вѣру и закрѣпляетъ ихъ у себя въ памяти, какъ могъ бы закрѣпить какую-нибудь хронологическую таблицу. Когда происходилъ у меня этотъ разговоръ съ Телицынымъ, тогда я конечно не оцѣнилъ прелести его совѣта, и принялъ его съ тою добродушною радостью, съ которою принималъ до тѣхъ поръ всѣ профессорскіе совѣты, думая всякій разъ, что философскій камень найденъ и что наконецъ жизнь моя окончательно посвящена великой научной дѣятельности.

XI.

Осенью 1857 года, возвратившись съ каникулъ, я отдалъ Телицыну составленное извлеченіе изъ брошюры Штейнталя. Телицынъ вполне удовлетворился имъ, и только спросилъ у меня, вполне ли я усвоилъ себѣ различіе между методомъ Гегеля и методомъ Гумбольдта. Я отвѣчала ему, что Гегель, вотъ видите ли, все напираетъ на чистое мышленіе, а Гумбольдтъ основываетъ свои выводы на наблюденіи и изученіи фактовъ. Если бы Телицынъ сколько нибудь вошелъ въ подробности, то я бы тотчасъ положилъ оружіе; но руководитель мой, кажется, самъ былъ поверхностно знакомъ съ мыслями Штейнталя, и потому отвѣтъ мой показался ему достаточно убѣдительнымъ. Вы спросите, читатель, отчего же я самъ не требовалъ у Телицына объясненія темныхъ мѣстъ. Да, хорошо требовать объясненія тогда, когда въ книгѣ не понимаешь двухъ-трехъ отдѣльныхъ фразъ, но когда вся книга представляется какимъ-то туманнымъ пятномъ, тогда не знаешь, о чемъ и спросить. Кромѣ того я видѣлъ, какое хорошее мнѣніе внушаетъ обо мнѣ Телицыну моя ярость къ наукѣ; жаль было разрушать такое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души я надѣялся на послѣдовательное и серьезное чтеніе, какъ на вѣрное средство безъ посторонней помощи разсвѣять туманъ, скрывавшій отъ меня идеи Штейнталя и разныхъ другихъ умныхъ людей.

Разсчеты мои съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ оказались далеко неоконченными. Однажды Телицынъ сообщилъ мнѣ, что недавно вышла въ свѣтъ подробная біографія Гумбольдта, написанная Гаймомъ, и что было бы очень хорошо, если бы я, по этой книгѣ, составилъ статью, которая въ соединеніи съ оконченною моею работою, могла бы быть помѣщена въ студенческомъ «Сборникѣ». Къ этому предложенію Телицынъ присоединилъ нѣсколько убѣдительныхъ резонновъ: — «вы, говоритъ,

этимъ составите себѣ имя; вамъ, говорить, это особенно удобно, потому что вы уже знакомы съ методомъ Гумбольдта». Какъ я ни былъ наивенъ, но мысль о составленіи себѣ имени посредствомъ извлеченія изъ нѣмецкой книги показалось мнѣ смѣлою, а второму аргументу я придалъ еще менѣ значенія, потому что мнѣ были слишкомъ хорошо извѣстны мои отношенія къ методу Гумбольдта. Но предложеніе Телицына я все-таки принялъ. «Чтожъ, думалъ я, вѣдь вотъ перевелъ и извлекъ, не понимая,—авось и Гайма обработаю также удачно; да и наконецъ, все-таки я въ брошюрѣ Штейнтала присмотрѣлся къ ученому языку, такъ что есть надежда, что теперь пойму больше.» Справлялся я въ нѣкоторыхъ магазинахъ и узналъ, что книга Гайма стоитъ 5 рублей. Это мнѣ было не по деньгамъ. Я сообщилъ объ этомъ горѣ Телицыну и, по его совѣту, рѣшился читать Гайма въ публичной библиотекѣ. Началось плинфодѣланіе египетское. Почти каждый день, въ седьмомъ часу вечера, я приходилъ въ читальную залу и читалъ до девяти часовъ, пока звонокъ не объявлялъ посѣтителемъ библиотеки о томъ, что пора опочить отъ дѣлъ. Читая въ библиотекѣ, я отмѣчалъ на клочкѣ бумаги собственныя имена и цифры годовъ. Идея и событія я удерживалъ въ памяти, и потомъ возвратившись домой, торопился въ тотъ же день обработать письменно прочитанную часть книги. Такимъ образомъ я принужденъ былъ писать статью безъ всякаго общаго плана. Мнѣ пришлось раболѣпно слѣдовать за Гаймомъ и резюмировать начало его книги, не зная, какова будетъ середина и къ чему приведетъ конецъ. Если бы я распорядился иначе, если бы наприимѣръ я прочелъ сначала всю книгу, а потомъ началъ бы писать свою статью, то вышла бы двойная работа. Я не могъ имѣть книгу подъ руками во время самого писанія статьи, потому что изъ публичной библиотеки книгъ не выдаютъ на домъ, а писать въ самой библиотекѣ было совершенно неудобно, во-первыхъ, потому что въ читальной залѣ, обыкновенное дѣло, довольно тѣсно, вовторыхъ, потому что постоянный приходъ и уходъ посѣтителей не позволялъ сосредоточиваться и вдуматься въ работу. Даже простое чтеніе шло у меня довольно медленно; часто приходилось останавливаться и перечитывать по нѣсколько разъ одно и тоже мѣсто, чтобы дойти до дѣйствительнаго пониманія. Если бы я вздумалъ, не приступая къ писанію, прочесть сначала всю книгу, то мнѣ потомъ пришлось бы еще разъ читать ее по частямъ, и общій самостоятельный планъ статьи не могъ бы быть составленъ и выполненъ, потому что для выполненія такого плана совершенно необходимо имѣть передъ собой во время работы весь собранный матеріалъ, всю прочитанную и придуманную книгу, а удержатъ ясно и отчетливо въ памяти всѣ черты подробной біографіи, заключающей въ себѣ болѣе 700 страницъ, положительно невозможно.

Итакъ я смиреннъ строилъ свой домикъ, кладя кирпичъ на кирпичъ

и не зная заранѣе, какая изъ всего этого выдетъ фигура. Работа шла медленно, потому что за одинъ разъ я не успѣвалъ прочитать болѣе 30 страницъ; кромѣ того, требовалось часто провѣрять написанное; иногда не оказывалось возможности тотчасъ резюмировать прочитанныя страницы, и тогда являлась необходимость читать ихъ еще разъ. Если прибавить къ этому, что отъ моей квартиры до библиотеки было полчаса скорой ходьбы, и что нанимать извозчиковъ значило бы заплатить за Гайма дороже 5-ти рублей, то читатель увидитъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ подвигался впередъ мой учено-литературный трудъ. Самое чтеніе требовало съ моей стороны сильнаго напряженія ума; книга Гайма была написана ясно, изящно и даже картинно, и я сознавалъ и цѣнилъ въ ней эти достоинства; но Гаймъ писалъ все-таки для образованныхъ нѣмцевъ, а не для російскихъ юношей, преуспѣвавшихъ въ гимназій и восторгавшихся любезными звуками въ университетѣ. Гаймъ говорилъ мимоходомъ о политическомъ состояніи Европы, о литературномъ и умственномъ движеніи въ Германіи, называлъ личности и положенія, упоминалъ о партіяхъ и кружкахъ, о симпатіяхъ и антипатіяхъ, о надеждахъ и разочарованіяхъ, о конституціяхъ и реакціяхъ, предметахъ, которые извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ, но которые для меня оказывались скорбною загадкой. Мнѣ приходилось тратить бездну вниманія и остроумія, мнѣ приходилось предполагать и угадывать, — мнѣ надо было быть Шамполіономъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни одного іероглифа. Мнѣ надо было наконецъ называть въ моей статьѣ имена и событія, невызывавшія въ умѣ моемъ никакого опредѣленнаго представленія, и надо было называть ихъ съ самоувѣренностью и въ тоже время съ осторожностью, такъ чтобы читатель не замѣтилъ моихъ колебаній и не уличилъ меня въ какомъ нибудь враніи.

При такихъ условіяхъ, писаніе статьи очень похоже на путешествіе по тонкому льду, который на каждомъ шагу трещитъ подъ ногами, — и на мѣстѣ стоять не удобно, и съ мѣста тронуться боязно. Однако я не провалился въ моей статьѣ, но надо знать, чего мнѣ это стоило; надо знать, что, сидя въ библиотекѣ, я иногда схватывался за голову обѣими руками, потому что голова шла кругомъ отъ судорожныхъ усилій моихъ найти настоящій смыслъ шарадъ и іероглифовъ, заключавшихся собственно для меня въ книгѣ Гайма. Надо знать, какое это непріятное чувство — видѣть передъ собой нѣсколько собственныхъ именъ, знать, что ихъ слѣдуетъ помѣстить въ статью, и чувствовать при этомъ, что можешь сказать о нихъ только то, что вычиталъ вчера въ книжкѣ; собственнаго мнѣнія не имѣешь; боишься употребить свой оборотъ, или свой эпитетъ, потому что можешь провалиться; и при всемъ этомъ соблюдаешь деворумъ и притворяешься передъ публикою, будто владѣешь вполне обрабатываемымъ матеріаломъ. Точно, будто ходишь на циночкахъ по

темной комнатѣ и каждую минуту ожидаешь, что стукнешься лбомъ въ стѣну или повалишь ногою какую нибудь затѣйливую мебель. И это мучительное чувство неловкости, притупляющееся современемъ отъ упражненія въ фразерствѣ, дѣлаетъ честь тому, кто его испытываетъ. Это естественное отвращеніе молодого ума къ шарлатанству и притворству. Но отвращеніе это скоро изгладилось бы и искусство составлять фразы изъ непонятныхъ терминовъ и именъ развилось бы у меня до замѣчательной виртуозности, если бы за статью о Гумбольдтѣ слѣдовали другія подобныя работы. Полюбуйтесь, читатели: кто насильно превращалъ меня въ скептика? Профессоръ Креозотовъ, который самъ вовсе не былъ скептикомъ. Кто вовлекалъ меня въ шарлатанство? Профессоръ Телицынъ, который самъ вовсе не считалъ себя шарлатаномъ. Такимъ образомъ, два почтенные наставника внушали своему питомцу, одинъ—неуваженіе къ старшимъ, другой—неуважительное обращеніе съ наукой и съ человѣческой мыслью. Ни тотъ, ни другой не хотѣли придти къ такимъ результатамъ, а между тѣмъ выходило такъ. Должно быть, въ это дѣло замѣшивался древній фатумъ. А еще вѣрнѣе и во всякомъ случаѣ проще то объясненіе, что руководители сами нуждались въ руководителяхъ, и притомъ не сознавали этого, и были довольны собою,—стало быть, въ этомъ отношеніи стояли ниже тѣхъ студентовъ, которые чувствовали потребность совѣта и вразумленія.

ХІІ.

Мѣсяца три продолжалось писаніе статьи; недѣли три ушло на переписываніе. Когда все было кончено, Телицынъ объявилъ мнѣ, что есть еще сочиненіе о Гумбольдтѣ, которое я также долженъ принять къ свѣдѣнію. Я замѣтилъ ему, что стало быть, придется передѣлать заново всю работу; на это онъ возразилъ, что передѣлывать незначѣмъ, а что можно прочесть эту книгу Шлезіера, — «Воспоминаніе о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ», и потомъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія и вставки. Я покорился, получилъ отъ Телицына книгу, состоящую изъ двухъ томовъ средняго сорта и дородства, и началъ дѣлать въ статьѣ своей дополненія и вставки. Много требовалось техническаго искусства для того, чтобы пришить эти новыя подробности и скрыть отъ читателя бѣлыя нитки. Въ душѣ моей начинала уже шевелиться досада противъ распоряженій моего руководителя. Видно было, что его деспотическое господство надъ моею мыслью начинаетъ колебаться. Какъ бы то ни было, работа моя была

приведена къ окончанію; выдержки изъ нея прочтены съ успѣхомъ въ собраніи студентовъ, и ихъ приговоръ рѣшилъ, что статья моя заслуживаетъ быть помѣщенной въ студенческимъ «Сборникѣ».

Значить, подвигъ совершенъ и самолюбіе удовлетворено. За окончаніемъ труда всегда слѣдуетъ время отдыха, когда трудившійся оглядывается на самого себя, повѣряетъ свои силы и отдаетъ себѣ отчетъ въ той пользѣ, которую принесъ ему оконченный трудъ. Біографія и характеристика Гумбольдта, какъ человѣка и ученаго, лежала передо мною въ пяти толстыхъ тетрадяхъ, и глядя на эти тетради, я припомнилъ, что въ нихъ заключена вся моя умственная жизнь за шестнадцать мѣсяцевъ. Переводъ Штейнталя былъ начатъ въ декабрѣ 1856 года, а выписки изъ Шлезіера окончены въ апрѣлѣ 1858 г. Что же далъ мнѣ этотъ упорный и продолжительный трудъ? Телицынъ смотритъ на меня какъ на дѣльнаго молодого человѣка, и даже не прочъ похвалить мною, какъ своимъ произведеніемъ; многіе студенты и нѣкоторые профессора изъ не-филологовъ знаютъ мое лицо и мою фамилію; работа моя печатается въ сборникѣ. Ну, а потомъ? Мнѣніе другихъ обо мнѣ возвысилось, но чѣмъ возвысилось мое дѣйствительное достоинство? Что я узналъ? Да мало ли что! Узналъ я, что на свѣтѣ жили два брата фонъ-Гумбольдтъ — Вильгельмъ и Александръ; узналъ, у кого учился Вильгельмъ, съ кѣмъ былъ знакомъ, куда ѣздилъ, какія писалъ разсужденія и изслѣдованія; узналъ даже по нѣсколько мыслей изъ замѣчательныхъ его произведеній. Все это — знанія, — на улицѣ этого не подымешь. Если бы я прибрѣлъ эти свѣдѣнія въ двѣ недѣли, то можно было бы сказать, что время не пропало даромъ. Но придти къ такимъ результатамъ послѣ шестнадцати-мѣсячнаго труда — это похоже на побѣду Пирра надъ римлянами. «Еще двѣ такія побѣды, говорилъ Цирръ, и мнѣ придется бѣжать изъ Италіи». — Еще полтора такіе подвига, могъ я сказать, и мнѣ придется выходить изъ университета, потому что до окончанія курса мнѣ оставалось два года, т. е. столько времени, что я подъ руководствомъ Телицына могъ довести до конца еще одну біографію, и потомъ остановиться на половинѣ третьей работы, столь же полезной для моего развитія и для будущей научной дѣятельности. Надъ этимъ стоило задуматься, и я дѣйствительно задумался. Мнѣ пришло наконецъ въ голову, что я, по милости Телицына, работалъ самымъ безалабернымъ образомъ и потратилъ пропасть лишняго труда и времени. Ктожь такъ дѣлаетъ, думалъ я? Сначала перевести, потомъ сдѣлать извлеченія, потомъ къ извлеченію прилѣпить новую статью, потомъ въ эту новую статью вшивать вставки. Чтожь это за руководитель? Да много ли онъ самъ-то смыслить? Да полно, умный ли онъ человѣкъ? Наконецъ, добросовѣстно ли онъ распоряжался моими силами? И на всѣ эти сокрушительные вопросы слѣдовали быстро и неотразимо сокрушительные отвѣ-

ты: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Образъ Телицына сводился съ пьедестала, и на головѣ его вмѣсто сіяющаго ореола появлялся какой-то смиренный колпакъ; и его мечтательный взоръ, и его разсѣянность въ разговорѣ, и его красивыя слова въ заключеніе лекцій—все это освѣщалось иначе и пріобрѣтало другой смыслъ, очень простой и вовсе неторжественный. У него просто умъ за разумъ заходить, думалъ я; онъ весь ушелъ въ свои книги и говорить умѣетъ только о томъ, что вычиталъ вчера или сегодня утромъ; дальше книгъ онъ видѣть не можетъ, и самый простой вопросъ изъ практической жизни застаетъ его врасплохъ и оказывается для него неразрѣшимымъ. Нѣтъ, рѣшилъ я, такой человѣкъ не можетъ служить другому руководителемъ въ занятіяхъ.

Не смотря на это правильное умозаключеніе, я сдѣлалъ однако еще попытку въ томъ направленіи, на которое указывалъ мнѣ Телицынъ. Я началъ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта и думалъ собственными силами продолжать потомъ занятія по философіи языка, обращаясь по временамъ къ Телицыну за невинными библиографическими справками. Мнѣ ужъ черезчуръ тяжело было сознаться передъ самимъ собою, что почти полтора года ухлопано даромъ, и потому хотѣлось какъ нибудь привязать новыя постоянныя занятія къ работѣ по Штейнталу и Гайму. Конечно, изъ этого не могло выдти ничего путнаго. Философскимъ идеямъ Гумбольдта не на что было опереться въ моемъ мозгу, и чтеніе не оставляло во мнѣ прочнаго слѣда, а только пріучало меня къ нѣмецкому философскому изложенію. И за то спасибо, но время все-таки тратилось безъ особенной пользы. Между тѣмъ Телицынъ, какъ молодой ученый, подающій блестящія надежды, уѣхалъ на казенный счетъ за границу. Это обстоятельство довершило и упрочило мое освобожденіе изъ подъ его вліянія. Надо сознаться, что это вліяніе было для меня вродѣ крѣпостной зависимости. Мой трудъ считался за ничто, и Телицынъ расходовалъ его самымъ нерасчетливымъ образомъ, давая совѣты наобумъ и не обращая вниманія на мои собственныя умственные потребности. Правда, что я и самъ не сознавалъ этихъ потребностей; но дѣло руководителя въ томъ и состоитъ, чтобы дать своему питомцу такое чтеніе, которое пробудило бы его самосознаніе и привело бы въ ясность его умственные требованія. Толпа студентовъ провожала Телицына на пароходъ, но когда онъ уѣхалъ, тогда критическій взглядъ на его личность и дѣятельность сталъ быстро вырабатываться въ головахъ его обожателей. Этому критическому взгляду содѣйствовали во многихъ отношеніяхъ письма Телицына изъ за границы, печатавшіяся въ одномъ московскомъ журналѣ. Я помню какъ, прѣчтя вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ товарищей одно изъ этихъ писемъ, я вынесъ изъ продолжительнаго чтенія только ту мысль, что студенты одного нѣмецкаго университета носятъ очень широкіе панталоны. Товарищъ мой, которому я

сообщилъ этотъ результатъ, нашелъ, что это дѣйствительно самое рельефное впечатлѣніе, остающееся отъ чтенія письма.

XIII.

Долго поклонялся я Телицыну, и дорого стоило мнѣ это «любленіе твари паче бога»; но когда кумиръ мой оказался чурбаномъ, тогда уже всякое идолослуженіе сдѣлалось для меня отвратительнымъ и слѣдовательно навсегда невозможнымъ. Съ осени 1858 года я объявилъ себя независимымъ, и отношенія мои къ университету и къ профессорамъ, къ лекціямъ и совѣтамъ сдѣлались чисто отрицательными. Начинался третій годъ моего студенчества; цѣлая половина курса лежала уже позади меня—и помянуть ее было нечѣмъ. Слова, стремленія, бѣготня по корридорамъ университета, бесплодное чтеніе, не оставлявшее по себѣ ни удовольствія, ни пользы, машинальная работа перомъ, не удовлетворявшая потребностямъ ума и не дававшая даже денегъ, школьническое приготовленіе къ экзаменамъ и школьническое отвѣчаніе на экзаменахъ, скука на лекціяхъ, скука дома—вотъ и все, что пережито мною въ эти два года, вотъ и все, чѣмъ наградила меня волшебный міръ университета за мою страстную и неосмысленную любовь къ недостижимымъ и невѣдомымъ сокровищамъ мысли. Горько было не то, что пропали даромъ два года; я молодъ и дѣтеленъ; наверстать потерянное время нетрудно. А горько и страшно то, что ошибки потерянныхъ лѣтъ ничему не научили меня и не могли пригодиться на будущее время. По прошествіи двухъ лѣтъ, я не только не сдѣлалъ ни шагу впередъ въ той или другой области знанія, но я даже не зналъ, за что приняться и какъ взяться за дѣло. Дѣтская довѣрчивость моя была уничтожена, но опыта и собственного умѣнія руководить своими занятіями не было приобретено. Я увидѣлъ, что проводники ведутъ меня въ трущобу, и ушелъ отъ этихъ проводниковъ, и остался въ лѣсу одинъ, и все-таки не зналъ, куда идти и что дѣлать. Пока я довѣрялъ проводникамъ, положеніе мое было опасно, но я былъ доволенъ и успокоенъ; когда я бросилъ проводниковъ, во мнѣ явилось чувство тревоги и боязни, но положеніе мое не улучшилось, или по крайней мѣрѣ, улучшилось только въ томъ отношеніи, что я оцѣнилъ его неудобства.

Вопросъ о выборѣ специальности началъ принимать въ моихъ глазахъ серьезное и угрожающее значеніе; онъ сдѣлался для меня загадкою сфинкса; разрѣшенія этой загадки стала требовать уже не одна любознательность, къ любознательности стало присоединяться чувство

самосохраненія. «Отгадай, или я тебя прогложу», говоритъ сфинксъ. Выбери специальность, говорилъ я себѣ, или клади зубы на полку. До выхода изъ университета остается меньше двухъ лѣтъ, а потомъ что? Жить по прежнему на родительскихъ хлѣбахъ? Да вѣдь надо же и честь знать. Не для этого давали мнѣ образованіе, это образованіе и безъ того уже достается тяжело родительскому бюджету. Идти на службу? Да кого же это такъ прельститъ мой кандидатскій дипломъ? Кто же это мнѣ по первому востребованію отвѣдетъ штатное мѣсто? Да и что я такое? Образованный юристъ, или просвѣщенный администраторъ? Грамотныхъ людей и безъ меня довольно въ числѣ искателей мѣстъ, а кромѣ грамотности во всей моей филологической премудрости нѣтъ ни одной іоты, пригодной для канцелярской дѣятельности. Всякій заштатный писецъ уѣзднаго суда или квартальнаго управленія лучше меня съумѣетъ написать и переписать входящую или исходящую. Я вотъ даже и не знаю, какъ назвать дѣловую бумагу. По ученой части пойти? Въ учителя гимназій? Это конечно хорошо, но только что же я за учитель? Какую науку я возьмусь преподавать? Что я знаю, кромѣ книги Гайма о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ? И что я успѣю изучить втеченіи этихъ двухъ лѣтъ, когда мнѣ въ это время придется еще готовиться къ выпускному экзамену и писать кандидатскую диссертацию? Вопросъ о специальности становился мрачнымъ и грозилъ сдѣлаться неразрѣшимымъ.

Нехорошо вообще, когда обстоятельства принуждаютъ насъ разсматривать одинъ предметъ съ двухъ различныхъ и почти независимыхъ точекъ зрѣнія. Нехорошо, когда является необходимость сдѣлать компромиссъ между требованіями любознательности и пахальными доводами житейскаго разсчета. Совсѣмъ плохо, когда наука представляется вамъ въ одно и то же время цѣлью и средствомъ, высокимъ наслажденіемъ и хлѣбнымъ ремесломъ. Тогда ваши отношенія къ наукѣ дѣлаются похожими на отношенія пламеннаго любовника, которому повелительница его сердца платитъ за сердечный пылъ наличными деньгами и готовою квартирой. При такихъ двусмысленныхъ условіяхъ вопросъ о специальности запутывается окончателно, и вопрошающій юноша дѣлается плохимъ ремесленникомъ и негоднымъ ученымъ. У него оказывается мало денегъ и еще менѣе учености. Цѣлая долгая жизнь изнашивается въ бѣдности и неизвѣстности, и что всего обиднѣе, часто въ подобной жизни тратится по мелочамъ такая масса умственнаго труда и терпѣливаго мужества, такая масса, которой было бы слишкомъ достаточно, чтобы выдвинуть труженика впередъ и сдѣлать его полезнымъ для общества и приятнымъ для самого себя. И труженикъ ни въ чемъ не виноватъ, потому что наука вообще плохое ремесло, иного она и обогатитъ, но она никогда не будетъ доставлять всѣмъ своимъ обожателямъ средства платить долги въ мелочную лавочку. И такъ поступаетъ не одна

наука; заодно съ нею дѣйствуютъ литература, коронная служба, адвокатура и всѣ другія видоизмѣненія умственного труда. Самый жалкій пролетаріатъ распространенъ между бѣдными чиновниками, между подавшими литераторами, между непризнанными дѣятелями науки, и распространенъ между этими людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ между сапожниками, булочниками или портными.

Очень понятно. Изъ умственныхъ продуктовъ обществу нуженъ только первый сортъ; поэтому, осыпая деньгами и знаками уваженія отдѣльныя единицы, оно бросаетъ массѣ умственныхъ тружениковъ сухія корки хлѣба, да и то въ ограниченномъ количествѣ. Я не говорю, что оцѣнка общества всегда безошибочна, но это обстоятельство не измѣняетъ вопроса, потому что здѣсь дѣло идетъ не о дѣйствительномъ достоинствѣ умственного труда, а о степени его надежности и прибыльности. Калачь, пара сапогъ, сюртукъ или пальто всегда нужны и всегда имѣютъ какую-нибудь цѣнность, но нелѣпное изслѣдованіе или романъ, отвергнутый журналистами или книгопродавцами, не имѣютъ никакой цѣнности и вводятъ ихъ обладателя въ убытокъ, потому что бѣлая бумага, на которой написано произведеніе, дороже исписанной бумаги, идущей на макулатуру. Все это истины очень старыя и очень простыя, но ихъ не понимаешь до сихъ поръ та часть нашего общества, которая называется образованною. До сихъ поръ самые разсудительные родители тянутся изъ послѣднихъ силъ, чтобы провести своихъ дѣтей черезъ среднія и высшія учебныя заведенія и дать имъ въ руки аттестатъ или дипломъ; до сихъ поръ каждый разсудительный родитель взглянулъ бы на васъ съ гнѣвнымъ удивленіемъ, если бы вы заикнулись ему о томъ, что не худо бы его Мишеньку или Володеньку мастерству какому-нибудь обучить; да вы, какъ человѣкъ благовоспитанный, никогда и не заикнетесь. Даже смѣлые журналисты наши, порывающіеся облобызать почву, толкующіе о томъ, что не мѣшало бы приписаться куда-нибудь, и ради сближенія и сліянія перенести розги, могущія представиться по мирскому приговору, даже эти милые патріоты не заикаются насчетъ Мишеньки или Володеньки. Имъ также кажется невдомежь, что больше девяти-десятихъ нашего брата бѣдствуетъ, нищенствуетъ и дармоѣдствуетъ единственно отъ того, что возлагаетъ все упованіе на аттестаты и дипломы, а ко всякому ремеслу подходитъ только тайкомъ и украдкой, урывками и самоучкой, да и то въ случаѣ голодной крайности. Но какъ же Мишеньку и Володеньку отдать въ ученіе къ сапожнику или портному, скажетъ самая разсудительная мать. Вѣдь хозяева морятъ голодомъ своихъ учениковъ, бьютъ ихъ, чѣмъ попало и порятъ ихъ не на животь, а на смерть. Точно такъ, ваше высокоблагородіе. Но эти недоразумѣнія между хозяевами и учениками вовсе не составляютъ неизбежнаго закона природы. Хозяева дѣйствуютъ такъ потому, что имъ

отдаются въ ученіе Мишки и Володьки, которыхъ было принято кормить изъ хозяйственнаго разсчета, а пороть по вдохновенію. До сихъ поръ порять и скверно кормить въ семинаріяхъ и между тѣмъ, — понемногу перестаютъ пороть и скверно кормить въ гимназіяхъ, единственно потому, что гимнази болѣе на виду у общества и болѣе интересуютъ его.

Если общество будетъ заинтересовано тѣмъ, чтобы мастера обращались человѣчно съ своими учениками, то это исполнится безъ особеннаго труда, и благодѣянія человѣчнаго обращенія будутъ естественнымъ образомъ распространены на забытыхъ и заморенныхъ Мишекъ и Володекъ. Стало быть, только умственная неподвижность мѣшаетъ родителямъ обращать своихъ дѣтей въ мастеровыхъ, и только рутинная ограниченность мысли заставляетъ ихъ навязывать дѣтямъ такую карьеру, которая чрезвычайно похожа на лотерейный билетъ. Выигралъ — ты директоръ департамента, академикъ, или извѣстный писатель; проигралъ — ты вѣчный чернорабочій съ развитыми потребностями, или просто нищій и паразитъ. Но выигрышей во всякой лотереѣ бываетъ чрезвычайно мало сравнительно съ общимъ числомъ билетовъ, а между тѣмъ охотники до лотерей запоминаютъ только примѣры выигрышей и не обращаютъ никакого вниманія на тысячи печальныхъ уроковъ самого поучительнаго свойства. Всякій хватается за невѣрный умственный трудъ и великодушно оставляетъ ремесленный трудъ младшей братіи. Отъ этого развивается въ обществѣ бѣдность, отъ этого чахнеть и умственная дѣятельность, которая по самой природѣ своей должна быть свободна даже отъ вліянія матеріальныхъ обстоятельствъ. Сапожникъ можетъ писать очень хорошія поэмы въ часы свободные отъ работы; но если этотъ самый сапожникъ будетъ надѣяться, для прокормленія своей семьи, не на ремесло свое, а на свой поэтический талантъ, то ему естественно придется приневоливать себя къ творчеству, и стихи будутъ выходить посредственные; можетъ правда случиться, что талантъ его очень богатъ и что онъ способенъ творить постоянно, не истощаясь и не слабѣя; но всякій понимаетъ, что такіе таланты рѣдки и что ихъ обладатели, имѣющіе возможность прокармливать себя умственными трудами, принадлежать именно къ тѣмъ счастливымъ исключеніямъ, которымъ достался выигрышный лотерейный билетъ. И вотъ изъ за-этихъ-то исключеній наше общество ежедневно жертвуетъ судьбою тысячъ своихъ молодыхъ членовъ, которые могли бы быть хорошими и зажиточными, образованными и дѣятельными ремесленниками, и которые, не смотря на то, дѣлаются бѣдными и бесполезными чиновниками, жалкими литераторами и смѣшными учеными.

XIV.

Въ общихъ чертахъ мнѣ пришлось передумать, во время исканія специальности, всё тѣ мысли, которыя изложены въ предъидущей главѣ и которыя читатель, по всей вѣроятности, считаетъ неумѣстнымъ отклоненіемъ отъ главнаго предмета моей статьи. Мнѣ было очень тяжело, и нерѣшительность моя увеличивалась вмѣстѣ съ мучительнымъ сознаниемъ, что время не терпитъ и что рѣшиться на что нибудь надо поскорѣе. Когда вамъ случается особенно торопливо одѣваться, то дѣло рѣдко идетъ удачно; вы спѣшите, и каждая отдѣльная вещь тоже спѣшить, и не дается вамъ въ руки. Я спѣшилъ заняться чѣмъ нибудь, и потому только метался изъ стороны въ сторону, хватался то за одинъ предметъ, то за другой, читалъ много, но во-первыхъ безъ толку, во-вторыхъ, съ глухимъ отчаяніемъ, съ постоянною мыслию, что это все бесполезно и что ничего изъ этого не выйдетъ. Понятно, съ какою горячею благодарностью я вспоминалъ тогда почтенныхъ руководителей, сбившихъ меня съ толку и отнявшихъ у меня даже довѣріе къ моимъ силамъ. Отъ философіи языка я кинулся къ славянскимъ нарѣчіямъ, потомъ обрушился на русскую исторію, потомъ вдругъ принялся изучать гомеровскую мифологію, потому что мнѣ представилось, что въ головѣ моей возникла гениальная идея, великолѣпно объясняющая греческое понятіе судьбы или рока. Въ такихъ ристаніяхъ по наукамъ филологическаго факультета прошло больше года. Товарищи мои иногда бранили меня за мою нелѣпость, иногда смѣялись надъ моими постоянными тревогами, но мнѣ было не до смѣха, и я самъ готовъ былъ бранить себя самымъ горькимъ и обиднымъ образомъ. Каждый разговоръ съ товарищами приводилъ меня въ уныніе или усиливалъ мою тревогу. Отчего, думалъ я, они всё знаютъ, что имъ дѣлать? Одинъ изучаетъ памятники народной поэзіи, да еще началъ съ кельтскихъ пѣсень, и языку кельтскому выучился; другой занимается славянами, и совершенно доволенъ своими занятіями; третій читаетъ серьезные сочиненія по древней исторіи и тоже не волнуется мятежными страстями. Отчего же я одинъ одержимъ фуріями? Отвѣтъ найти было не трудно, но этотъ отвѣтъ меня не удовлетворялъ. Легко было понять, что всё они читаютъ спокойно потому, что каждый изъ нихъ нашелъ себѣ дѣло по вкусу и постепенно втунулся въ понравившееся занятіе. Но тогда возникалъ вопросъ: отчего же это мнѣ ничто не нравится настолько, чтобы я взялся за дѣло и вработался въ него? На этотъ вопросъ слѣдовало отвѣтить такъ: подожди! найдешь и ты занятіе по душѣ, а насильно влюбиться нельзя

ни въ женщину, ни въ науку. Этотъ отвѣтъ приходилъ мнѣ въ голову, но противъ него всегда находилось сильное возраженіе: «ищите и обрящете». Специальность не придетъ ко мнѣ сама. Я рискую цѣлую жизнь просидѣть у моря въ ожиданіи погоды, если я не буду испытывать серьезными работами свои вкусы и способности.

Въ этомъ разужденіи было много справедливаго, но я примѣнялъ его къ дѣлу чрезвычайно уродливо. Мнѣ слѣдовало бы читать такія книги, которыя могли быть интересны и полезны для всякаго образованнаго человѣка. Историческія сочиненія, особенно по новѣйшей исторіи, политико-экономическія книги, популярныя книги по различнымъ отраслямъ права, сочиненія по естественнымъ наукамъ, наконецъ просто русскіе журналы и газеты — все это несомнѣнно содѣйствовало бы моему развитію, все это дало бы мнѣ много знаній и во всякомъ случаѣ не осталось бы для меня мертвымъ капиталомъ, если бы даже во время этихъ чтеній я не встрѣтился съ тою неизвѣстною красавицей, которой я непремѣнно хотѣлъ отдать мою жизнь и мои умственные силы. Если бы даже судьба погрузила меня въ чтеніе Русскаго Вѣстника, и такимъ образомъ сотворила бы изъ меня обожателя гг. Каткова и де-Молинару, то и за это я могъ бы сказать ей спасибо. Гг. Каткова и де-Молинару я сталъ бы обожать за идеи, крайне рутинныя, но все же новыя для меня, какъ Телицына я обожалъ за красивыя слова, годныя только на то, чтобы вызывать рукоплесканія неопытныхъ студентовъ. Прогрессъ былъ бы очевидный. Кромѣ того, увлеченіе Русскимъ Вѣстникомъ не могло быть продолжительно, потому что молодой умъ воспримчивъ къ проявленіямъ свѣжей мысли, и потому что такія проявленія могли встрѣтиться мнѣ въ той же русской журналистикѣ, въ которой встрѣтились бы узкія и ложныя мудрованія. Словомъ, мнѣ непремѣнно надо было взглянуть за двери университета, увидать дѣйствительную жизнь, хотя бы въ журнальныхъ книжкахъ и въ столбцахъ газетъ.

Я могу сказать безъ преувеличенія, что если бы я употребилъ первые два года моего студенчества на постоянное чтеніе Московскихъ или Петербургскихъ Вѣдомостей, газетъ вовсе незамѣчательныхъ по своему литературному или политическому достоинству, то все-таки это чтеніе принесло бы моему развитію гораздо больше пользы, чѣмъ мои занятія профессорскими лекціями, Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и переводомъ Страбона. Но ухлопавъ два года, я продолжалъ ухлопывать до конца все время моего студенчества. Я видѣлъ, что ошибся въ выборѣ занятій, но не понималъ того, что мнѣ слѣдуетъ радикально перемѣнить методъ и принципъ занятій, слѣдуетъ выйти на свѣжій воздухъ изъ душныхъ монастырскихъ стѣнъ университетской науки. Я не бралъ въ руки ни одной книги, не спросивши себя предварительно: а нужно ли мнѣ это читать для моей специальности? А не есть ли это потеря времени? Я,

напримѣръ, не зналъ Жоржъ Занда и не взялъ бы въ руки ни одного ея романа изъ опасенія потерять даромъ время, пригодное для чтенія Краледворской рукописи или мухамеданской нумизматики Савельева. Я позволялъ себѣ прочесть Шекспира, Шиллера или Гете только потому, что эти имена упоминаются во всякой исторіи литературы; но и къ нимъ я снисходилъ очень рѣдко, потому что время дорого, и путь ко спасенію узокъ и прискорбенъ. Принимаясь за специальность, я всегда врѣзывался прямо въ самую сушь, въ такую сушь и глушь, которая могла имѣть смыслъ и интересъ только для человѣка, уже давно работающаго въ этой области наукъ. Кромѣ того, я обладалъ особеннымъ искусствомъ браться именно за тѣ науки, къ которымъ нѣтъ легкаго и постепеннаго доступа. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ мнѣ приходилось начинать съ польской и чешской азбуки. Въ русской исторіи надо было преодолѣвать книгу Соловьева, изслѣдованія Погодина, работы Круга, Байера, Лерберга. Можетъ быть, этого и не надо было; можетъ быть споръ о варягахъ могъ остаться для меня въ сторонѣ,—но я думалъ, что необходимо начинать сначала, и не смотря на всѣ усилія, никакъ не могъ заинтересовать себя ни чешскою азбукою, ни изслѣдованіями о Русской Правдѣ. Мнѣ приходило иногда въ голову, что я, можетъ быть, вовсе не созданъ быть ученымъ; но такая еретическая мысль наполняла меня ужасомъ и негодованіемъ. На, что же я послѣ этого годенъ, и что же я изъ себя сдѣлаю? Товарищи мои также смотрѣли съ укоризною на слишкомъ радикальные сомнѣнія мои въ отношеніи къ ученой карьерѣ, они говорили даже, что это блажь и лѣнь, и я этому вѣрилъ, хотя заподозрить меня въ лѣности было мудрено, и во всякомъ случаѣ несправедливо. Но студенты и профессора филологическаго факультета были уже такъ устроены отъ природы, что на поползновеніе уклониться отъ ученой дѣятельности они смотрѣли, какъ на ренегатство, какъ на умственное и нравственное паденіе. Это не помѣшало почти всѣмъ моимъ товарищамъ поступить на службу въ разные департаменты, но они до сихъ поръ утѣшаютъ себя мыслию, что они будутъ держать экзаменъ на магистра и потомъ двигать науку впередъ.

Вліяніе профессоровъ и студентовъ, вліяніе спертой университетской и особенно факультетской атмосферы постоянно толкало меня обратно къ чешской азбуцѣ и къ Русской Правдѣ; и я опять боролся, и опять изнемогалъ, и опять приходилъ въ отчаяніе, зачѣмъ я не влюбленъ въ русскія древности и въ славянское корнесловіе. Передъ глазами моими былъ поучительный образчикъ того ученаго аскетизма, къ которому я самъ стремился такъ упорно и такъ напрасно: товарищъ мой М., занимавшійся славянами, не хотѣлъ знать ничего такого, что не касалось бы славянскаго міра. Въ этомъ неслеланіи была какая-то холодная и постоянная энергія; для него дѣйствительно существовалъ особенный

славянской міръ, и все что выходило изъ предѣловъ этого міра, составляло для моего товарища тьму кромешную и игнорировалось имъ съ самодовольствомъ и съ гордостью заклатаго спеціалиста. По внушенію гимназическаго учителя русской словесности, онъ началъ заниматься славянами еще въ гимназіи, втянулся въ изученіе мельчайшихъ фактовъ, и потомъ продолжалъ тѣ же занятія въ университетѣ, обращая на остальные науки столько вниманія, сколько было совершенно необходимо для того, чтобы кое-какъ выдерживать переходные экзамены. Объ общемъ образованіи его судить было невозможно, потому что онъ никогда не говорилъ ни о чемъ не-славянскомъ; когда при немъ студенты вели между собою общій научный разговоръ или философскій споръ (что составляетъ неизбѣжную принадлежность студенческаго быта), тогда М. молчалъ или приводилъ частный примѣръ изъ славянской исторіи или мифологіи, изъ славянскаго языка или права, если споръ допускалъ подобныя вставки. Онъ вообще былъ холоденъ и сухъ; провести съ нимъ полчаса съ глазу на глазъ было тяжело и утомительно, хотя онъ всегда встрѣчалъ товарища радушно. Чтобы объяснить себѣ самому и другимъ исключительность своихъ занятій, онъ любилъ драпироваться въ мантию всеславянскаго патріотизма; на тетрадахъ его красовался эпитафій, «*Slavus sum et nihil slavici a me alienum esse puto*» (Я Славянинъ, и ничто славянское не считаю для себя чужимъ), — жалкая и смѣшная пародія на прекрасныя слова: «*Homō sum, e: nihil humani...*» (Я человѣкъ, и ничто человѣческое и т. д.) Онъ съ пафосомъ говорилъ о величіи славянскаго имени, но этотъ пафосъ никого не увлекалъ, потому что самый неопытный слушатель славянствующаго витія могъ чувствовать и дѣйствительно чувствовалъ, что восторгъ этотъ подогрѣтъ и что воодушевленіе это искусственно. Я не понималъ славянскихъ чувствъ моего товарища, да и всѣ наши филологи вмѣстѣ со мною сомнѣвались въ ихъ искренности и даже отрицали ихъ существованіе, — а между тѣмъ мы всѣ глубоко уважали М., какъ чрезвычайно дѣльнаго спеціалиста. Въ каждомъ изъ насъ было гораздо больше жизни, чѣмъ въ нашемъ славянинѣ; каждый изъ насъ былъ умнѣе и даровитѣе его, а между тѣмъ мы не задумывались ставить его выше насъ всѣхъ, потому что онъ былъ отрѣшеннымъ отъ грѣховнаго міра спеціалистомъ. И я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы дойти до того умственнаго кастратства, въ которомъ блаженствовалъ мой замѣчательный товарищъ.

XV.

Умственные страданія мои увеличивались каждый разъ, когда я видѣлся и разговаривалъ съ профессоромъ Сварожичемъ, занимавшимъ

въ нашемъ университетѣ кафедру славянскихъ нарѣчій. Его слова были каплями уксуса, падавшими на мои свѣжія раны; между тѣмъ, слова эти вовсе не были порицательнаго свойства, да и все обращеніе Сварожича со мною было чрезвычайно деликатно, ласково и даже задушевно. Сварожичу было около пятидесяти лѣтъ; онъ былъ академикомъ, членомъ многихъ обществъ и пользовался очень громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что онъ былъ умнѣ всѣхъ профессоровъ нашего факультета. Но умъ этотъ, острый и пронизательный, сухой и трезвый, былъ преимущественно разлагающаго свойства; онъ могъ преслѣдовать ошибочную гипотезу въ ея послѣднія убѣжища, онъ могъ разбивать красивую мечту безъ всякаго состраданія къ ея красотѣ, онъ разрушалъ всякую теорію, показывалъ несостоятельность всякаго рискованнаго предположенія, — и затѣмъ, окончивъ дѣло истребленія, воздерживался отъ всякой попытки собственнаго творчества. Я увѣренъ, что если бы Сварожичъ былъ химикомъ или анатомомъ, то имя его было бы гораздо извѣстнѣе, и услуги, оказанныя имъ знанію, были бы тогда дѣйствительно значительны и плодотворны. Но жизнь и уметвенная дѣятельность народа не могутъ быть вызваны изъ прошедшаго одною критическою силою ума. Чтобы понимать человѣка, надо умѣть поставить себя въ его положеніе, надо перечувствовать его горе и радость. Историкъ нуждается, правда, въ трезвой критикѣ, чтобы очистить факты отъ выдумокъ и случайныхъ искаженій, но настолько же, или можетъ быть, еще болѣе нуждается онъ въ силѣ воображенія и чувства. Эти послѣднія свойства часто вводятъ историка въ ошибки, и историческая картина оказывается невѣрною; но если бы не было этихъ свойствъ, тогда картины не было бы вовсе, тогда не существовала бы исторія. Историкъ, подобный Сварожичу, не ошибается никогда, потому что никогда не бываетъ историкомъ. Его критика взвѣшиваетъ каждый фактъ отдѣльно, отбрасываетъ все, что неправдоподобно, подмѣчаетъ каждое внутреннее противорѣчіе и пользуется имъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Потомъ, когда весь механизмъ прошедшей жизни развинченъ и разобрать, когда всѣ колеса, винты и гайки пересмотрѣны и вычищены, тогда вся эта груда очищенныхъ частей оставляется въ видѣ груды, и работникъ принимается за разборку другой машины. То, что дѣлается въ области исторіи, повторяется также въ области филологіи; языкъ также развинчивается на звуки и части рѣчи, а жизнь и духъ языка, его особенности и красоты, въ которыхъ выразились свойства народа, остаются нетронутыми и непонятыми.

Такимъ образомъ, посвящая себя историко-филологической дѣятельности, сильный критическій умъ добровольно обрекаетъ себя на ту черную работу, которая называется въ ученомъ мірѣ заготовленіемъ матеріаловъ. Черная работа полезна, но если мы возьмемъ въ расчетъ, что

чернорабочій филологъ могъ бы быть первокласснымъ химикомъ или анатомомъ, то мы невольно пожалѣемъ объ его участи и замѣтимъ про себя, что большое дарованіе тратится на малыя дѣла. Машинисту не слѣдуетъ быть землекопомъ, талантливому журналисту не слѣдуетъ быть приходскимъ учителемъ, и точно также Сварожичу не слѣдовало быть заготовителемъ матеріаловъ, когда онъ самъ могъ бы быть замѣчательнымъ дѣятелемъ въ такой наукѣ, которая требуетъ только силы и трезвости критическаго взгляда. Я увѣренъ, что самъ Сварожичъ, какъ человѣкъ умный, понималъ неестественность своего положенія, но по всей вѣроятности, онъ началъ понимать ее уже тогда, когда дорога была выбрана, когда первые и самыя трудныя шаги были пройдены, и когда слѣдовательно поворотить назадъ и пойти по другой дорогѣ было уже неудобно и тяжело. Онъ конечно никогда не говорилъ о томъ, что ему не нравится предметъ его занятій, онъ постоянно работалъ настолько, насколько это было необходимо для поддержанія составленной репутаціи, онъ даже увлекался. иногда критическимъ процессомъ мысли, онъ ради приличія показывалъ сочувствіе къ судьбѣ и къ поэзіи славянскаго племени, — но всякій, мало-мальски внимательный наблюдатель могъ легко замѣтить, что Сварожичъ глубоко равнодушенъ къ своей наукѣ и даже невольно относится къ ней съ легкимъ оттѣнкомъ скептическаго презрѣнія.

Понятно, что такія отношенія человѣка къ предмету его постоянныхъ занятій должны быть мучительны; понятно также, что человѣкъ старается избавиться отъ этого мучительнаго ощущенія и достигаетъ своей цѣли; но умственное спокойствіе покупается цѣною нравственнаго достоинства. Сначала человѣкъ говоритъ себѣ: «я приношу мало пользы на этомъ поприщѣ; я здѣсь не на своемъ мѣстѣ», — и ему тяжело отъ этого сознанія; но потомъ онъ привыкаетъ къ своему ложному положенію и начинаетъ говорить себѣ: «а что за бѣда? Вѣдь люди глупы; имъ кажется, что я приношу много пользы. Меня уважаютъ. Чѣмъ же я не на своемъ мѣстѣ? Вонъ я сколько жалованья получаю!»

Такая исторія происходитъ со всѣми ретивыми молодыми чиновниками, которые начинаютъ замѣчать, что ретивость ихъ должна укоротить поводья, и которые между тѣмъ не имѣютъ духу покинуть благословенныя Палестины. Такая исторія произошла нѣкогда съ Сварожичемъ. Какъ умный человѣкъ, онъ очень радикально излечился отъ всякихъ тяжелыхъ сознаній, и, безъ малѣйшей любви къ своему дѣлу, продолжалъ профессорствовать, работать въ академіи и засѣдать во всевозможныхъ ученыхъ обществахъ. Умственный трудъ, исканіе истины сдѣлались для него службою, средствомъ получать большое жалованье, дорогою къ чинамъ и знакамъ отличія. И дѣйствительно, служба его шла блистательно. Имя его было извѣстно даже заграничнымъ славянскимъ ученымъ, считавшимъ его въ невинности души ревностнымъ апо-

стодомъ славянской науки въ единственной самостоятельной славянской державѣ.

Странное дѣло! Начиная писать эту главу о Сварожичѣ, я хотѣлъ отнести къ нему почти съ сочувствіемъ, но чѣмъ пристальнѣе я всматриваюсь въ эту замѣчательную личность, тѣмъ ниже падаетъ она въ моихъ глазахъ, и я начинаю чувствовать противъ нея такое негодованіе, какого не могли возбудить во мнѣ ни Креозотовъ, ни Телицынъ, ни даже Ироніанскій. Тутъ нѣтъ, впрочемъ, ничего необъяснимаго. И Креозотовъ, и Телицынъ, и Ироніанскій смѣшные лиллипуты въ сравненіи съ Сварожичемъ. Глядя на нихъ, мы только смѣемся, пожимаемъ плечами и жалѣемъ о той молодежи, которая, по милости этихъ господъ, принуждена ежедневно терять по нѣсколькимъ драгоценнымъ часамъ. Но разсматривая умственную деморализацію Сварожича, мы страдаемъ за него самого, страдаемъ за достоинство человѣка, потому что здѣсь мы видимъ паденіе замѣчательнаго ума, оставшагося замѣчательнымъ даже въ своемъ униженіи. Паденіе Сварожича состояло въ томъ, что онъ былъ работою занимаемаго имъ мѣста, въ родѣ того, какъ итальянскій министръ Урбанъ Ратацци былъ въ 1862 году работою своего министерскаго портфеля. Если бы, для сохраненія мѣста, Сварожичу пришлось сжать въ комокъ свое человѣческое достоинство, то онъ исполнилъ бы эту эволюцію безъ малѣйшаго тяжелаго чувства, съ ѣдкою улыбкою на губахъ, потому что къ человѣческому достоинству онъ относился такъ же скептически, какъ къ своимъ умственнымъ занятіямъ. Вліяніе сильнаго ума во всякомъ случаѣ такъ велико, что вы, присутствуя при операціяхъ Сварожича надъ его человѣческимъ достоинствомъ, ни на одну минуту не почувствовали бы въ себѣ силы презирать его; вы могли бы только чувствовать сильнѣйшій гнѣвъ, вы могли бы задыхаться отъ негодованія, — но вы въ то же время понимали бы, что Сварожичъ самъ, въ минуту своего униженія, смѣется и надъ собою, и надъ тѣми личностями, передъ которыми онъ преклоняется, и надъ тѣми обстоятельствами, которыя гнутъ его въ дугу.

Конечно, такой характеръ могъ развиваться только при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ; но мнѣ кажется, что его задатки заключались именно въ неестественныхъ отношеніяхъ Сварожича къ предмету его умственной дѣятельности. Замѣчательные умы, направленные къ такому труду, который поглощаетъ всѣ ихъ силы и удовлетворяетъ всѣмъ ихъ потребностямъ, находятъ именно въ этомъ трудѣ незыблемую точку опоры для своей нравственной самостоятельности. Они влюбляются въ свои идеи, и эти идеи, становясь для нихъ дороже выгодъ и удобствъ жизни, дѣлаютъ ихъ свободными и великими, непоколебимыми и мужественными. Вспомните старика Галилея, подумайте, почему онъ передъ папскимъ инквизиціоннымъ судомъ не побоялся произнести знаменитыя слова:

«а она все-таки вертится»?—подумайте объ этомъ, и вы увидите, какой могучій и незамѣнимый талисманъ составляютъ для мыслящаго человѣка любимыя занятія его мысли. Если у васъ есть такія любимыя занятія, то на нихъ сосредоточится вашъ умъ; и чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, тѣмъ сильнѣе будетъ ваша привязанность къ любимымъ занятіямъ, тѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе вы будете держать себя въ отношеніи къ постороннимъ предметамъ. Но если у васъ нѣтъ любимыхъ занятій, то умъ вашъ естественнымъ образомъ направится на обсуживаніе практическихъ житейскихъ обстоятельствъ, и при этомъ обсуживаніи вы также естественно будете брать за мѣрку практическія потребности и удобства вашей особы; чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, чѣмъ онъ свободнѣе отъ предразсудковъ, тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе онъ разовьетъ и приложить къ отдѣльнымъ случаямъ жизни ходячую мораль: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Та же самая сила ума, которая въ первомъ случаѣ дѣлала васъ свободнымъ и великимъ, сдѣлаетъ васъ во второмъ случаѣ маленькимъ рабомъ обстоятельствъ; или вѣрнѣе, въ первомъ случаѣ великимъ человѣкомъ, а во второмъ великимъ подлецомъ. Вотъ почему и говорятъ, что любовь и наука облагораживаютъ человѣка. облагораживаютъ не знанія, а любовь и стремленіе къ истинѣ, пробуждающіяся въ человѣкѣ тогда, когда онъ начинаетъ пріобрѣтать знанія. Въ комъ не пробудились эти чувства, того не облагородятъ ни университетъ, ни обширныя свѣдѣнія, ни дипломы. Понятно также, что мѣсто любимой научной дѣятельности можетъ съ совершеннымъ успѣхомъ занять любимая литературная дѣятельность, или любимый политическій принципъ.

Сильно развитая любовь ведетъ къ фанатизму, а сильный фанатизмъ есть безуміе, мономанія, *idée fixe*; но съ другой стороны, отсутствіе любви приводитъ къ скептицизму, а скептицизмъ, проведенный въ жизнь съ неумолимою логическою послѣдовательностью, называется систематическою подлостью. И вотъ, между бездною безумія съ одной стороны, и бездною подлости съ другой стороны долженъ пробираться порядочный человѣкъ, балансируя на узкой тропинкѣ, которая часто становится до такой степени узкою, что приходится только выбирать, куда свалиться: упадешь въ безуміе—всѣ пожалѣютъ, упадешь въ подлость—пожалѣютъ немногіе, потому что большинство скажетъ: «молодецъ»! Въ первомъ случаѣ немногіе пожалѣютъ съ отъѣнкомъ уваженія, многіе съ чистымъ состраданіемъ, а большинство съ примѣсю презрительной насмѣшки; во второмъ же случаѣ, тѣ немногіе, которые не скажутъ «молодецъ», будутъ жалѣть съ горькимъ негодованіемъ, или съ ледянымъ презрѣніемъ, но вѣдь ихъ будетъ такъ немного!.. Остается, стало быть, затрудненіе выбора. Для Сварожича затрудненія тутъ не было; онъ не любилъ падать безъ надобности и всегда до послѣдней возможности

балансируваль на узкой тропинкѣ, но когда приходилось круто, всегда падалъ молодцомъ и проворно выскакивалъ опять на узкую тропинку. Эти паденія и выскакиванія производились такъ легко и граціозно, что они никому не бросались рѣзко въ глаза и никому не западали глубоко въ память. Поэтому личность Сварожича казалась и мнѣ, и другимъ личностью умнаго человѣка, дипломата, университетскаго Талейрана. Поэтому я приступилъ къ ея анализу сначала съ тѣмъ невольнымъ уваженіемъ, которое всегда внушаетъ къ себѣ человѣческой умъ, съ тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ историкъ XIX столѣтія сталъ бы вглядываться въ фізіономію Талейрана. Только рѣшившись анализировать и называть вещи настоящими именами, я могъ придти къ тѣмъ нелестнымъ для Сварожича результатамъ, къ которымъ привело меня естественное и непреднамѣренное развитіе мысли. Къ подобнымъ результатамъ приходятъ, конечно, и біографы знаменитыхъ дипломатовъ вообще, и Талейрана въ особенности.

Анализъ личности Сварожича объясняетъ до нѣкоторой степени, почему слова этого профессора всегда усиливали мои умственные страданія. Умному скептику было смѣшно видѣть мои добросовѣстныя и напрасныя усилія влюбиться въ науку, а даровитому и опытному критику стоило только сказать нѣсколько словъ, чтобы разбить въ прахъ методы моихъ занятій. Какъ я ни приступалъ къ дѣлу, какъ ни изловчался, Сварожичъ, на судъ котораго я приносилъ свои попытки и планы, сію же минуту находилъ ихъ слабую сторону и доказывалъ мнѣ съ самою ловкою улыбкою, что ничего изъ моихъ плановъ и занятій не выйдетъ. И я принужденъ былъ соглашаться, потому что противъ очевидности не спорять. А обращался я къ Сварожичу по тому же самому побужденію, по которому химикъ испытываетъ золото самыми сильными кислотами. Если Сварожичъ не найдетъ противъ этого плана возраженія, значитъ дѣйствительно хорошо. Но возраженіе всегда находилось, и я всегда удалялся отъ Сварожича съ цѣлымъ ворохомъ разбитыхъ иллюзій и перепутанныхъ намѣреній. Въ томъ, что онъ разбивалъ мои иллюзіи, не было, конечно, ничего дурного; я дѣйствительно затѣвалъ глупости и вертѣлся въ заколдованномъ кругу. Но нехорошо было то, что Сварожичъ дипломатизировалъ даже со мною, говоря о моихъ занятіяхъ и тревогахъ. Онъ указывалъ мнѣ только частныя мои ошибки, и ни разу не проронилъ ни одного слова насчетъ общихъ свойствъ университетской науки и студенческихъ занятій. Когда я въ совершенномъ отчаяніи спрашивалъ у него: да что же дѣлать? чѣмъ заниматься? тогда онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ успокаивалъ меня на минуту нѣсколькими общими словами и такимъ образомъ уклонялся самъ отъ всякаго категорическаго отвѣта. Ему, какъ филологу и профессору, было неудобно разоблачать передъ студентомъ общую несостоятельность нашей науки;

и въ тоже время ему, какъ умному человѣку, было совѣстно и противно повторять тѣ фразы, которыя изливалъ Телицынъ, — вотъ онъ и лавировалъ, говоря съ солиднымъ уваженіемъ о какой-то отвлеченной наукѣ вообще, и въ тоже время осмѣивая тонко и умно ошибки ученыхъ, учащихъ и учащихся въ частности. Сказать мнѣ просто и откровенно: бросьте нашъ хламъ, познакомьтесь съ жизнью, расширьте кругъ вашего чтенія и вашей мысли—этого ему не хотѣлось. Весь хламъ въ совокупности назывался у него великою и священной наукою, но каждый отдѣльный кусочекъ этого хлама разсматривался и оцѣнивался имъ по достоинству, и оказывался пылью и гнилью, на которой нельзя построить ни одного твердаго вывода.

Каковъ былъ Сварожичъ въ разговорахъ, таковъ онъ былъ на лекціяхъ. Относясь съ глубокою недовѣрчивостію къ трудамъ всѣхъ ученыхъ, разработывавшихъ его науку, онъ не читалъ на лекціяхъ ничего чужого. Всѣ его лекціи состояли изъ сырыхъ матеріаловъ и изъ замѣчаній, составленныхъ имъ самимъ. На каждой лекціи онъ разсматривалъ представлявшіеся вопросы съ разныхъ сторонъ, приводилъ множество доводовъ *за* и *противъ*, напрягалъ ожиданія слушателей и потому не останавливался ни на чемъ. «Можетъ быть такъ, можетъ быть и не такъ» — вотъ и все, что выносили слушатели; каждая лекція оканчивалась знакомъ вопросительнымъ, и доказывала такимъ образомъ, что Сварожича забавляетъ иногда процессъ мышленія, но что предметъ, о которомъ онъ размышляетъ, всегда остается для него безразличнымъ. Говорить о судьбѣ цѣлаго народа, или разбирать различныя мнѣнія археологовъ о какой нибудь черниговской гривнѣ — для него это было все равно; было даже замѣтно предпочтеніе къ черниговскимъ гривнамъ, потому что микроскопическій вопросъ можетъ быть удобнѣе и безопаснѣе анализированъ съ разныхъ сторонъ. А поведетъ ли этотъ вопросъ къ чему нибудь? — объ этомъ собиратель матеріаловъ не спрашиваетъ, да и спрашивать не зачѣмъ. Вопросъ потѣшилъ его мысль, далъ ему возможность прочесть лекцію, доставилъ ему случай написать академическій мемуаръ; очевидно, стало быть, что вопросъ повелъ къ очень многому...

XVI.

Въ началѣ зимы 1858 года мнѣ удалось найти себѣ работу въ одномъ журналѣ для двѣдцѣ, начинавшемъ свое существованіе съ января 1859 года. Это обстоятельство конечно не относится къ университет-

ской наукѣ, но я упоминаю о немъ для того, чтобы нагляднымъ противоположеніемъ показать читателю различіе между самой нехитрой практической работой и самыми замысловатыми кабинетными занятіями. Мнѣ было поручено вести въ этомъ журналѣ библиографическій отдѣлъ, т. е. указывать юнымъ читательницамъ на тѣ книги и журнальныя статьи, которыя могутъ обогатить ихъ умъ, невреда чистотѣ и непорочности ихъ сердца. Направленіе журнала было сладкое, но приличное, и отъ издѣлій г-жи Ишимовой онъ отличался значительно. Мы даже за эмансипацію женщины стояли, стараясь конечно, не огорчать такими сужденіями почтенныхъ родителей. Добродѣтель мы любили особенно горячо, и объ ней говорили уже совершенно смѣло, потому что добродѣтель — предметъ одинаково пріятный для дѣтей и родителей.

Сначала я взглянулъ на свою новую работу преимущественно съ денежной точки зрѣнія; мои библиографическія статейки оплачивались по 30 р. с. за печатный листъ, и доставляли мнѣ ежемѣсячно отъ 60 до 70 р. с. Для студента, бѣгавшаго въ публичную бібліотеку, чтобы не издержать пяти рублей на книгу, это была цѣлая Калифорнія. Я и ухватился за эту работу обѣими руками, и старался выполнять ее какъ можно тщательнѣй и аккуратнѣй, чтобы удержать и обезпечить ее за собою. Редакторъ мой, конечно, замѣтилъ это, остался очень доволенъ моими стараніями, и, мѣсяца черезъ два послѣ начала нашего знакомства, мы уже были увѣрены, что не разстанемся безъ особенной необходимости, потому что оба чувствовали, насколько мы полезны другъ другу. Нечувствительно забралась ко мнѣ въ голову мысль, что эта работа можетъ поддерживать меня и послѣ выхода изъ университета. Стало быть, думалъ я, если даже я не отыщу себѣ прочной специальности, бѣда не такъ велика: жить можно. Чѣмъ яснѣй вырисовывалась для меня эта утѣшительная перспектива, тѣмъ сильнѣй я дорожилъ моею журнальною работой. Редакторъ поговаривалъ даже о томъ, что, когда я выйду изъ университета, онъ попроситъ меня быть его помощникомъ по редакціи. При мысли о такомъ повышеніи и благополучіи, я чувствовалъ даже головокруженіе, и отвѣчалъ, опуская глаза, что я всегда готовъ служить нашему общему дѣлу. Между тѣмъ работа начинала дѣйствовать на меня не съ одной денежной стороны: я привязывался къ ней искренно и сильно. Я писалъ свои жиденькія и невинныя статейки съ такимъ увлеченіемъ, съ какимъ мнѣ никогда не случалось работать надъ біографіею Гумбольдта. Мнѣ было пріятно всматриваться и вдумываться въ чтеніе книгъ и журнальныхъ статей, потому что я видѣлъ передъ собою близкую и вполне доступную цѣль этого всматриванія и вдумыванія. Мнѣ пріятно было развивать на бумагѣ мои мысли и взгляды, потому что они были дѣйствительно мои, и я вполне понималъ, что я пишу, я всей душой сочувствовалъ тому, что я старался

объяснить или доказать. Я не производилъ ничего новаго и оригинальнаго, но для меня это было и ново, и оригинально. Я не выписывалъ изъ книжки, я не повторялъ чужихъ словъ, — я дѣйствительно самъ размышлялъ и, доходя путемъ собственнаго размышленія до общеизвѣстныхъ истинъ, я все-таки успѣвалъ сообщить этимъ истинамъ ту печать искреннаго и живого убѣжденія, которая несомнѣнно свидѣтельствуешь о томъ, что мысль дѣйствительно возникла въ собственномъ мозгу писавшаго. Поэтому, работа моя была для меня привлекательна; я увѣренъ, кромѣ того, что статьи мои, даже въ глазахъ постороннихъ читателей, не имѣли того утомительно-казеннаго характера, который имѣеть обыкновенно повтореніе идей, обратившихся уже въ общее достояніе всѣхъ образованныхъ людей. Свѣжесть и искренность убѣжденія выкупали недостатокъ новизны; читатель могъ и долженъ былъ улыбаться наивному увлеченію автора, но эта самая улыбка, полунасмѣшливая, полублагосклонная, навѣрное мѣшала читателю зѣвнуть и, можетъ быть, побуждала его дочитать до конца. Впрочемъ, что бы ни дѣлалъ читатель—зѣвалъ или улыбался,—для меня это было все равно; я былъ доволенъ и счастливъ; умственная дѣятельность моя пробуждалась, и я умилялся надъ самимъ собою, какъ умиляется молодая мать надъ колыбелью своего новорожденнаго ребенка. Занятія славянскими и русскими древностями вѣжливо отходили въ сторону, хотя я все еще признавалъ ихъ занятіями главными и существенными. Мнѣ казалось, что я работаю такъ ревностно для журнала ради корысти, изъ практическаго расчета, чтобы удовлетворить заказчика; но на самомъ дѣлѣ уже всѣ симпатіи были на сторонѣ журнальнаго труда, а филологической учености бросалось изрѣдка копѣечное подаваніе, служившее только для успокоенія моей встревоженной совѣсти. Въ журнальной работѣ сосредоточились и существенные мои интересы и источники умственнаго наслажденія, а ученныя занятія остались только священнымъ долгомъ; я вѣровалъ, что надо исполнить этотъ долгъ; но не видалъ, почему надо, и не находилъ эту необходимость пріятной. Ясно, что догматъ, неподдерживаемый ни разсудкомъ, ни чувствомъ, былъ просто мертвымъ остаткомъ прошедшаго, которому предстояло рухнуть и разсыпаться въ прахъ.

Для составленія моихъ библиографическихъ обзоровъ мнѣ приходилось читать много разнообразныхъ книгъ и статей, и мнѣ правилось не только размышленіе и писаніе, но и пестрое чтеніе, само по себѣ. Вся эта масса книгъ и статей составляла самый разнообразный сбродъ, но во всемъ этомъ сбродѣ чувствовалось то обаятельное вѣяніе жизни, безъ котораго не можетъ существовать самый мрачный изъ современныхъ журналовъ. Мнѣ пришлось прочитать много историческихъ статей Маколея, Прескотта и Мотлея, много педагогическихъ разсужденій, нѣ-

сколько путешествій (напр. «Фрегатъ Паллада» Гончарова, по Америкѣ—Лакіера, по Африкѣ—Ливингстона), нѣсколько книгъ по естественнымъ наукамъ (напр. «химія всеневной жизни» Джонстона, «исторія земной коры» Куторги, «физическая географія» Гюйо, «громъ и молнія» Араго). Наконецъ въ 1859 году мнѣ пришлось говорить довольно подробно въ нашемъ журналѣ объ «Обломовѣ» и о «Дворянскомъ гнѣздѣ». Словомъ, библиографія моя насильно вытаскала меня изъ закупоренной кельи на свѣжій воздухъ, и этотъ переходъ доставилъ мнѣ грѣховное удовольствіе, котораго я не могъ скрыть ни отъ самого себя, ни отъ другихъ. Товарищи мои стали внушительно качать головами и предостерегать меня, говоря, что, конечно, журнальной работой заниматься позволительно, для приобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, но что увлекаться ею не слѣдуетъ, потому что она отводитъ человѣка отъ науки и повергаетъ его въ пустословіе и въ пагубный дилетантизмъ. Мнѣ указывали съ соболѣзнованіемъ на поучительный примѣръ Добролюбова, который, видите ли, могъ бы быть дѣльнымъ ученымъ, а вмѣсто того, сдѣлался пустымъ журналистомъ и увлекся суетою «Современника». Я съ своей стороны старался увѣрить всѣхъ въ моей невинности, отрепчивался отъ примѣра Добролюбова и говорилъ, что никогда не пойду по такому предосудительному пути. Остатокъ прошедшаго, мертвый догматъ все еще висѣлъ надъ моей головой, и я употреблялъ послѣднія усилія, чтобы поддержать мою угасавшую вѣру въ величіе и святость филологіи.

Но читатель мнѣ не вѣритъ, читатель навѣрное думаетъ, что я клевету. «Возможное ли дѣло, говорить онъ себѣ, чтобы студенты въ 1858 году смотрѣли на Добролюбова, какъ на человѣка, идущаго по ложной дорогѣ? Можетъ ли быть, чтобы они указывали на него, какъ на поучительный примѣръ, долженствующій привести молодого человѣка въ ужасъ и раскаяніе!..

О, читатель, читатель! развѣ я не вижу, до какой степени мое показаніе неправдоподобно? И развѣ я осмѣлился бы высказать такую несообразность, если бы это не была чистая истина? Но увѣренія и клятвы мои не уясняютъ дѣла, а фактъ самъ по себѣ такъ любопытенъ, что я не могу избавить себя отъ обязанности остановиться на немъ и рассмотреть его, по возможности, внимательно. Надо, во-первыхъ, замѣтить, что молодежь наша очень сильно измѣнилась въ послѣдніе три—четыре года. Уже въ 1858 и 1859 годахъ студенты, поступившіе въ университетъ, не были похожи на насъ, студентовъ III и IV курсовъ. Поступая въ университетъ, мы были робки, склонны къ благоговѣнію, расположены смотрѣть на лекціи и слова профессоровъ, какъ на пищу духовную и какъ на манну небесную. Новые студенты, напротивъ того, были смѣлы и развязны, и оперялись чрезвычайно быстро, такъ что черезъ

какіе нибудь два мѣсяца послѣ поступленія, они оказывались хозяевами университета и сами поднимали въ студенческихъ кружкахъ дѣльные вопросы и серьезные споры. Они затѣвали концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ, они приглашали профессоровъ читать публичные лекціи для той же благотворительной цѣли, они устроили студенческую бібліотеку; а мы, старые студенты, считавшіе себя цвѣтомъ университета и солью русской земли, мы остались въ сторонѣ, изобразили на лицахъ своихъ недовѣріе и иронію и стали повторять стихъ Грибоѣдова: «шумите вы, и только». Но скоро оказалось, что иронія наша никуда не годится, потому что новые студенты распоряжаются умно и успѣшно; оказалось, что движеніе и жизнь пошли мимо насъ, и что мы отстали и превращаемся въ книжниковъ и фарисеевъ. Конечно, отсталость наша была дѣло поправимое, но чтобы поправить ее, надо было сначала признать существованіе новой жизни, надо было понять, что новые студенты непохожи на бывшихъ обожателей Телицына; надо намъ было выйти изъ нашей гордой замкнутости и пойти вслѣдъ за другими. Но всѣмъ извѣстна заносчивость молодости и гордость ученой касты. Большая часть моихъ товарищей были увѣрены въ абсолютной непогрѣшимости своего умственного направленія, и большая часть изъ нихъ по образу мыслей уже принадлежала къ ученой кастѣ, хотя объемъ ихъ свѣдѣній былъ еще очень ограниченъ. Этимъ молодымъ ученымъ, ушедшимъ уже въ книги отъ грѣховнаго міра, казалась странною самая мысль учиться чему нибудь у своихъ младшихъ товарищей; да и приходила ли имъ въ голову мысль, что эти товарищи обогнали ихъ?

Если новые студенты могли быть названы людьми дѣла, то мы, старые студенты, съ гордымъ самодовольствіемъ называли себя людьми мысли, хотя, конечно, мы не имѣли никакихъ правъ на это названіе. Новые студенты могли считать Добролюбова своимъ учителемъ, но мы относились къ Добролюбову, и къ «Современнику» вообще съ высокомеріемъ, свойственнымъ нашей кастѣ. Мы ихъ и не читали, и гордились этимъ, говоря, что и читать не стоитъ. Но съ каждымъ годомъ ряды ученой партіи рѣдѣли, отчасти потому, что ученые кончали курсъ и поступали на службу въ разные департаменты, гдѣ они очень быстро затушевывались подъ общій тонъ чиновничества, отчасти и потому, что нѣкоторые ученые перебѣгали на сторону новыхъ студентовъ и дѣлались сами антагонистами университетской учености.

Такимъ образомъ, университетъ сближался съ жизнью лучшей части общества, и уже теперь сближался настолько, что недоброжелательный взглядъ студента на Добролюбова кажется читателю неправдоподобнымъ изобрѣтеніемъ. Надо также обратить вниманіе на то, что филологическій факультетъ бываетъ обыкновенно самымъ недвижимымъ и мрачнымъ притономъ учености. Онъ въ этомъ отношеніи можетъ перецеголять

даже математическій. Математикъ (если только онъ не обладаетъ совершенно исключительною умственною организаціею и замѣчательнымъ талантомъ въ своей спеціальности), не можетъ удовлетвориться одною математическою сферою наукъ; ему необходимо читать для отдыха, и потому онъ обыкновенно знакомъ съ текущею журналистикою, и съ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ журналахъ популярныя и легкія статьи по разнымъ общественнымъ, экономическимъ и литературнымъ вопросамъ. Но филологъ, для котораго исторія можетъ быть и отдыхомъ, и серьезною работою, филологъ, у котораго голова набита эстетикою и литературными теоріями, филологъ можетъ цѣлыми годами жить въ своемъ ученомъ мірѣ; а когда ему случится выглянуть изъ него, онъ обругаетъ только всѣ идеи, противорѣчащія его привычнымъ умозрѣніямъ, и опять уйдетъ въ свою раковину.

Мы дѣйствительно видимъ, что исторіею постоянно пользуются, какъ арсеналомъ, изъ котораго вынимаются противъ всякой новой идеи заржавленные и устарѣлые аргументы; фехтуютъ этимъ археологическимъ оружіемъ историки, юристы и гуманисты, постоянно являющіеся во главѣ всякой реакціи; очевидно, что сфера занятій формируетъ мышленіе этихъ господъ и воспитываетъ въ нихъ упорно-тупыхъ противниковъ всякаго умственнаго движенія. Поэтому естественно, что студенты-филологи презирали Добролюбова въ то самое время, когда его «Темное царство» читалось съ сочувствіемъ и съ увлеченіемъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Наконецъ, надо вспомнить и то, что смерть Добролюбова очень значительно измѣнила отношенія литературы и общества къ его дѣятельности. Пока Добролюбовъ писалъ и боролся, до тѣхъ поръ его бранило большинство нашихъ журналовъ. Вліяніе его чувствовалось въ обществѣ, но оставалось непризнаннымъ. Какъ только онъ умеръ, такъ тотчасъ литературное значеніе его признали самые горячіе его противники; продолжая бранить сподвижниковъ Добролюбова, они немедленно ухитрились провести между мертвымъ и живыми раздѣлительную черту, замѣтную только для самихъ этихъ господъ, но тѣмъ не менѣе выгораживающую умершаго дѣятеля отъ всякаго скептическаго посягательства. Но въ 1858 году слышалось много голосовъ противъ Добролюбова. Война «Современника» съ серьезностью и безцвѣтностью другихъ журналовъ была въ полномъ разгарѣ, и мы, ученые люди университета, узнавая по временамъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ этой войны, были, конечно, на сторонѣ серьезности, и съ полнымъ убѣжденіемъ величали безцвѣтность благоразумною умѣренностью.

Надѣюсь, что теперь читателю станетъ до нѣкоторой степени понятна возможность такого неправдоподобнаго факта, какъ пренебреженіе студентовъ 1858 года къ личности и дѣятельности покойнаго Добролюбова. Фактъ все-таки остается печальнымъ; но отвѣтственность за него

должны нести не студенты, и даже не профессора, а вся закваска, все устройство и направлѣніе нашего университета, и особенно факультета.

XVII.

Одинъ годъ журнальной работы принесъ больше пользы моему умственному развитію, чѣмъ два года усиленныхъ занятій въ университетѣ и въ библіотекѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что лѣта мои также должны были имѣть значительное вліяніе на пробужденіе моей мысли. Лѣто 1859 года было для меня временемъ умственного кризиса; всѣ понятія, лежавшія въ умѣ моемъ съ самого дѣтства, всѣ готовые сужденія, казавшіяся мнѣ неприкосновенною основою всего существующаго въ моей собственной личности, всѣ гипотезы, имѣющія такое тираническое вліяніе на мысли и поступки большей части людей, — все это заколыхалось и какъ-то, помимо моей воли, стало обнаруживать мнѣ свою несостоятельность. Пока я безъ опредѣленной цѣли читалъ памятники и изслѣдованія, до тѣхъ поръ всѣ эти несообразности оставались нетронутыми и считались такими истинами, которыя ясны, какъ день, неизблемы, какъ гранитная стѣна, и величественнѣе Монблана или Казбека. Но когда пришлось читать и обдумывать читанное съ практическою цѣлью, тогда мысль получила такой толчокъ, котораго дѣйствія и послѣдствія я не могъ ни предвидѣть, ни разсчитать. Пробудившееся стремленіе анализировать и всматриваться не можетъ быть по нашей волѣ опять погружено въ сонъ. Каждый человѣкъ, дѣйствительно мыслившій когда нибудь въ своей жизни, знаетъ очень хорошо, что не онъ распоряжается своею мыслью, а что напротивъ того, сама мысль предписываетъ ему свои законы и совершаетъ свои отправленія также независимо отъ его воли, какъ независимо отъ этой воли совершаются бѣненіе сердца и пищеварительная дѣятельность желудка. Человѣкъ боится подойти къ тѣмъ гипотезамъ, которыя величественнѣе Казбека и Монблана, а мысль не боится — и подходитъ, и оцупываетъ эти гипотезы, и вдругъ докладываетъ, что все это пустяки. Человѣкъ приходитъ въ ужасъ, но ужасъ этотъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ мыслью; мысль осмѣиваетъ и прогоняетъ ужасъ, и человѣку остается только качать головою, стоя на развалинахъ своего міросозерцанія. Наконецъ и качаніе головою прекращается, и тогда начинается новая умственная жизнь, въ которой мысль пользуется неограниченнымъ могуществомъ и не встрѣчаетъ себѣ нигдѣ ни отпора, ни сопротивленія. Въ этомъ царствѣ мысли живется

свѣтло и весело; но періодъ перехода и умственной борьбы тяжелъ и мучителенъ. Умственный ростъ сопровождается болѣзнями точно также, какъ ростъ физической. У меня напряженіе ума во время переходной борьбы было такъ болѣзненно-сильно, что оно повело за собою потрясеніе всего организма.

Осенью 1859 года, я пріѣхалъ съ каникулъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Опрокинувъ въ умѣ своемъ всякіе Казбеки и Монбланы, я представлялся самому себѣ какимъ-то титаномъ, Прометеемъ, похитившимъ священный огонь; я ожидалъ, что совершу чудеса въ области мысли. Мнѣ случилось какъ-то въ обществѣ товарищей говорить о міросозерцаніи древнихъ Грековъ, и я сказалъ, что греческая *судьба*, которой подчинены были высшіе олимпійскіе боги, по всей вѣроятности, ничто иное, какъ неизвѣстная сила законовъ природы: — Греки, продолжалъ я, не олицетворили этой силы, потому что они, какъ гениальный народъ, чувствовали, что для этой силы узко и мелко всякое олицетвореніе. Эта мысль моя, находившаяся въ самой интимной связи съ общимъ ходомъ моихъ титаническихъ идей, чрезвычайно понравилась мнѣ и даже поразила меня какимъ-то благоговѣніемъ. Я вдругъ рѣшился провѣрить и доказать эту мысль и даже превратить ея развитіе въ кандидатскую диссертацию. Но такъ какъ изучать для этой цѣли всѣхъ греческихъ поэтовъ было мнѣ не по силамъ, то я ограничился однимъ Гомеромъ, и принялся за него съ тѣмъ неистовымъ рвеніемъ, которое всегда руководило моими любимыми занятіями. Мѣсяца два я работалъ неутомимо; прочелъ восемь пѣсней Иліады въ подлинникѣ и, кромѣ того, сдѣлалъ множество выписокъ изъ нѣмецкихъ изслѣдованій, трактовавшихъ о мифологическихъ и теологическихъ понятіяхъ Гомера. Товарищи мои смотрѣли на мои труды съ недоумѣніемъ и иногда дѣлали мнѣ выговоры за то, что я оставилъ славянорусскія древности и такъ внезапно, очертя голову, бросился въ совершенно неизвѣстную мнѣ область науки. Но я объявилъ себя Прометеемъ и уже не обращалъ вниманія ни на какіе дружескіе совѣты. Вдругъ за пароксизмомъ восторженной и кипучей дѣятельности послѣдовалъ пароксизмъ утомленія и апатіи. За самонадѣянностью наступило уныніе и совершенное недовѣріе къ своимъ силамъ. Идея о судьбѣ, казавшаяся гениальною, потеряла весь свой блескъ и представилась даже безсмысленною. Работа вывалилась у меня изъ рукъ. Даже такая обыкновенная вещь, какъ выпускной экзаменъ, предстоявшій мнѣ весной 1860 года, сталъ казаться мнѣ совершенно непреодолимою трудностью. Словомъ, періодъ переходной умственной борьбы заключился умственною болѣзью. Прометейя приковали къ скалѣ, и коршунъ сталъ клевать его печень, или, говоря языкомъ болѣе современнымъ, меня посадили въ карету и отвезли въ психіатрическую лечебницу. Я дошелъ до послѣднихъ предѣловъ недѣлности

и сталъ воображать себѣ, что меня измучаютъ, убьютъ, или живого заруютъ въ землю. Скептицизмъ мой вышелъ изъ границъ и началъ отрицать существованіе дня и ночи. Все, что мнѣ говорили, все, что я видѣлъ, даже все, что я ѣлъ, встрѣчало во мнѣ непобѣдимое недовѣріе. Я все считалъ искусственнымъ и приготовленнымъ нарочно для того, чтобы обмануть и погубить меня. Даже свѣтъ и темнота, луна и солнце на небѣ казались мнѣ декораціями и входили въ составъ общей громадной мистификаціи.

Такая фантазмагорія тянулась четыре мѣсяца. Наконецъ теплыя ванны, продолжительныя прогулки на открытомъ воздухѣ, ежедневныя гимнастическія упражненія, постоянныя приемы желѣза внутрь, а главное — отдыхъ мысли убавили скептицизмъ настолько, что въ половинѣ апрѣля 1860 года я оказался въ состояніи жить съ людьми по чело-вѣчески и пользоваться гражданскою свободою безъ опасности для себя и для другихъ. О выпускномъ экзаменѣ въ этомъ году было уже поздно думать, тѣмъ болѣе, что усиленныя занятія могли еще имѣть для меня опасныя послѣдствія; я остался въ университетѣ на нынѣшній годъ и тотчасъ послѣ своего выздоровленія удалился до осени на лоно природы укрѣплять свои силы и наслаждаться возвратившимся разсудкомъ.

Послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ былъ для меня очень замѣчательнъ. Я почти совсѣмъ не ходилъ на лекціи, но работалъ сильно. Послѣ пріѣзда съ каникулъ, я рѣшился писать диссертацию на медаль, на историческую тему, заданную въ томъ году Ироніанскимъ. Предпріятіе было дерзкое. Тема задана была въ началѣ февраля, въ то время, когда я еще отрицалъ солнце и луну; кто писалъ на эту тему, тотъ принялся за работу тотчасъ послѣ объявленія задачи, а я началъ изучать предметъ диссертации въ началѣ октября, между тѣмъ какъ всѣ сочиненія должны были быть представлены никакъ не позже первыхъ чиселъ января. Мѣсяць былъ употребленъ на чтеніе и выписки, а въ ноябрѣ я началъ писать. Дѣло пошло быстро и успѣшно, отчасти на живую нитку, кое-гдѣ на авось, съ широкими взглядами и рискованными предположеніями. Я писалъ безъ черновой, потому что переписывать было бы нѣкогда, и старался обработать предметъ такъ, чтобы произведеніе мое могло быть помѣщено въ какомъ нибудь литературномъ журналѣ. Къ началу января я кончилъ свой трудъ и замѣтилъ не безъ удовольствія, что въ немъ по крайней мѣрѣ пятнадцать печатныхъ листовъ (240 страницъ). Впрочемъ недостатокъ времени помѣшалъ мнѣ развить нѣкоторыя мысли, которыя были уже совсѣмъ выработаны въ моемъ умѣ. Дѣлать было нечего; я махнулъ на нихъ рукою, написалъ на своей диссертации эпитафю: «еже писахъ, писахъ», и представилъ ее куда слѣдовало.

Смѣлость города беретъ и даже очаровываетъ профессоровъ универ-

ситета: диссертация моя очень понравилась, не смотря на то, что вмѣстѣ съ нею былъ представленъ основательный трудъ одного студента, долго изучавшаго предметъ и разработавшаго его чуть ли не вдвое подробнѣе моего. Въ совѣтѣ университета произошло разногласіе: присяжный цѣнитель нашихъ работъ, Креозотовъ, въ своемъ отчетѣ расхвалилъ обѣ диссертации и приписалъ моему труду высокое литературное достоинство, а работѣ моего соперника глубокую научную основательность. Кому же дать золотую медаль? Большинство говорило, что, по всѣмъ правамъ, золотая медаль принадлежитъ научной основательности. Но сильная партія утверждала, что слѣдуетъ дать золотыя медали и научной основательности, и литературному достоинству. Слышались даже еретическіе голоса, безусловно защищавшіе литературное достоинство. Однако здравый смыслъ и справедливость одержали верхъ. Профессора поняли, что плѣняться смѣлостью и живымъ языкомъ и пренебрегать другими, болѣе прочными достоинствами труда—не слѣдуетъ, и потому опредѣлили дать золотую медаль научной основательности, а серебряную — литературному достоинству. Положивъ такое рѣшеніе, они распечатали конверты, заключавшіе въ себѣ фамиліи авторовъ, и узнали тогда, кому принадлежитъ научная основательность и кто отличился литературнымъ достоинствомъ. Признанный обладатель литературнаго достоинства остался, конечно, очень доволенъ: единственное желаніе его состояло въ томъ, чтобы достигнуть на актѣ почетнаго отзыва, который избавилъ бы его отъ необходимости писать кандидатскую диссертацию; а вмѣсто почетнаго отзыва явилась медаль, съ изображеніемъ юноши, вѣроятно Аполлона, и съ надписью: «преуспѣвшему». Всѣ эти прелести составляли уже неожиданную роскошь.

Когда Креозотовъ увидалъ меня на выпускномъ экзаменѣ, то онъ полюбостствовалъ взглянуть на черновой списокъ моей диссертации. Я отвѣчалъ ему, что никакъ не могу удовлетворить его желанію, потому что диссертация писана безъ черновой. Тогда Креозотовъ почувствовалъ несказанное удивленіе, съ особенною признательностью пожалъ мнѣ руку и растроганнымъ голосомъ проговорилъ, что даже Пушкинъ писалъ «Капитанскую дочку» сначала начерно. О, читатель, согласитесь, что эпизодъ о моей диссертации имѣетъ свою прелесть. Развѣ не восхитительно то обстоятельство, что для нашихъ профессоровъ обыкновенный литературный языкъ и нѣкоторая смѣлость въ расположеніи мыслей имѣютъ такую неизрѣченную сладость? Имъ, бѣднымъ старикамъ и, еще болѣе, бѣднымъ людямъ средняго возраста, до смерти надоѣло ихъ собственное ученое величіе; имъ скучно сидѣть на Олимпѣ, и сидятъ они на немъ только потому, что сойти съ него не умѣютъ, — серьезность и основательность имъ ни почемъ: это ихъ будничное кушанье. Но чуть что нибудь посмѣлѣй и по оригинальнѣй, они тотчасъ

готовы прельститься, и принуждены строго наблюдать за собою, чтобы не поддаваться искушенію и не измѣнить величію и достоинству своего сана. Это утѣшительно: это значить, что чисто-человѣческія потребности не могутъ быть окончательно истреблены ни монашескимъ подвижничествомъ, ни ученымъ столпничествомъ. Но, съ другой стороны, это значить также, что чисто-человѣческія потребности находятся въ постоянномъ разладѣ и съ тѣмъ, и съ другимъ. А что противорѣчить чисто-человѣческимъ потребностямъ, то, стало быть, неестественно. А что неестественно, то, стало быть, и неразумно. Вотъ вамъ и нравоученіе.

Диссертація моя достигла также своей литературной цѣли. Сдѣлавъ изъ пятнадцати листовъ — двѣнадцать, я помѣстилъ ее въ одинъ журналъ, лѣтомъ 1861 года, и получилъ за нее до шести сотъ сребренниковъ. Журналъ этотъ былъ уже не тотъ добродѣтельный журналъ для дѣвицъ, въ которомъ я помѣщалъ свои стыдливые опыты, — журналъ этотъ былъ исполненъ суеты и гордыни, и благонравные товарищи мои, состоявшіе уже на дѣйствительной службѣ, бросили на меня прощальный взглядъ, полный укора и сожалѣнія, когда увидали, что я беззаботно и весело пошелъ по скользкому пути журналиста. На статьи мои они смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ; меня самого они рѣшительно и откровенно исключили изъ своего круга. О, читатель, и это неправдоподобно, но и это — чистая правда. Они считали меня ренегатомъ, маленькимъ Брамбеусомъ, недостойнымъ сыномъ университетской науки, обратившимся противъ своей родной матери, — и надо сказать правду, они не ошибались въ этомъ отношеніи. Могъ ли же я послѣ этого ожидать себѣ помилованія? Не могъ, и не ожидалъ, — и потому покорился рѣшенію судьбы. Вижу и понимаю, что мои товарищи, бывшіе филологи — люди честные, умные, вполне достойные уваженія и сочувствія, но вижу также, что мнѣ съ ними уже не сойдтись. Имъ предстоятъ двѣ дороги, и ни на одной изъ этихъ дорогъ я не встрѣчусь съ ними. Они могутъ продолжать съ успѣхомъ свою службу въ разныхъ департаментахъ и сдѣлаться черезъ нѣсколько лѣтъ просвѣщенными администраторами, или они могутъ осуществить свою университетскую мечту и сдѣлаться свѣтилами отечественной науки. Очевидно, что журналистъ, исполненный суеты и гордыни, ни администраторомъ, ни свѣтиломъ быть не можетъ; очевидно даже, что онъ и знакомства водить не можетъ ни съ администраторами, ни съ свѣтилами, потому что онъ имъ совсѣмъ не пара: стоятъ они на разныхъ плоскостяхъ *), живутъ въ

*) Тутъ плоскость употреблена въ математическомъ смыслѣ, а не въ нарицательномъ.

разныхъ мірахъ, смотрятъ на вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія и приходятъ разными путями къ противоположнымъ выводамъ и результатамъ. Стало быть, мнѣ остается только, вспоминая о моихъ добрыхъ и честныхъ товарищахъ, послать имъ на этихъ страницахъ послѣднее, дружеское «прости», и увѣрить ихъ въ томъ, что я съ своей стороны всегда готовъ и радъ съ ними сойтись и что, въ тоже время, я не вижу къ тому ни возможности — теперь, ни надежды — въ будущемъ.

НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА.

ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

I.

Намъ постоянно случается слышать, что молодые люди, неимѣющіе почти никакихъ средствъ къ существованію, приходятъ изъ отдаленныхъ губерній въ университетскіе города, чтобы учиться, перебиваются со дня на день во время четырехлѣтняго курса, переносятъ всевозможныя лишенія, и наконецъ достигаютъ своей цѣли, то есть, благополучно, а иногда и блистательно выдерживаютъ выпускной экзаменъ. Всякому, кто бывалъ въ нашихъ университетахъ, случалось видѣть въ аудиторіяхъ молодыхъ людей бѣдно одѣтыхъ, худыхъ и блѣдныхъ, истомленныхъ бѣготнею по грошовымъ урокамъ и, не смотря на то, усердно посѣщающихъ и записывающихъ всѣ назначенныя по росписанію лекціи. Исторія Ломоносова повторяется у насъ въ Россіи каждый день, а между тѣмъ Ломоносовы такъ же рѣдки теперь, какъ были рѣдки въ прошломъ столѣтіи. Мы привыкли указывать на молодыхъ людей, приходящихъ пѣшкомъ въ университетскіе города, какъ на живыя доказательства того сильнаго стремленія къ образованію, которое существуетъ и проявляется порою въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ нашего отечества и въ самыхъ забытыхъ слояхъ нашего общества. Существуетъ дѣйствительно, или не существуетъ это стремленіе—это такой вопросъ, за рѣшеніе котораго я не берусь, потому что судить объ этомъ дѣлѣ можетъ только тотъ, кто знаетъ наше общество вдоль и поперекъ, кто наблюдалъ его долго и внимательно и кто серьезно обдумалъ свои наблюденія. Я скажу только, что примѣры молодыхъ людей,

переносящихъ тягостныя лишенія во время своего университетскаго курса, оказываются при внимательномъ разсмотрѣннн доказательствами слабыми, односторонне понятыми и превратно истолкованными. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только предложить себѣ вопросъ: куда дѣваются эти молодые люди? Что съ ними дѣлается послѣ блистательнаго выпускнаго экзамена? Дѣлается то, что и со всѣми дѣлается: они идутъ въ чиновники, въ учителя, въ ученые, сливаются съ общеою массою и ничѣмъ замѣчательнымъ не проявляютъ свою личность и дѣятельность. А вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь. Кто прошелъ сотни верстъ и пережилъ сотни полуголодныхъ дней только потому, что онъ чувствовалъ въ душѣ непреодолимое и безкорыстное стремленіе къ знанію, тотъ стоитъ цѣлою головою выше общей массы, тотъ не сольется съ ея грошовыми заботами и неудовлетворится ея куриною хлопотливостію. Кто въ глуши, среди гнетущей бѣдности, искалъ безъ устали истины и свѣта, тотъ вынесетъ свои стремленія неподавленными и неусыпленными даже изъ мертвящей аудиторіи какого нибудь Креозотова. А что эти стремленія останутся неудовлетворенными въ подобной аудиторіи, и слѣдовательно, будутъ искать себѣ удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ, это само собою разумѣется. Стало быть, если исторія Ломоносова повторяется съ незначительными варіаціями каждый день, а между тѣмъ Ломоносовыхъ не является, то остается предположить, что повторяется только внѣшняя сторона этой исторіи. Борьбу съ лишеніями мы видимъ, энергію и терпѣніе также видимъ, — не видимъ только бездѣлицы — побудительной причины; а между тѣмъ, именно въ этой бездѣлицѣ заключаются, въ большей части случаевъ, смыслъ и разгадка всего явленія.

Если бы молодой человѣкъ шелъ пѣшкомъ въ университетскій городъ только за образованіемъ, то у насъ уже теперь было бы много дѣйствительно образованныхъ людей, и влияние этихъ людей чувствовалось бы въ общественной жизни. Но такъ какъ этого нѣтъ, то надо предположить, что дѣйствительнаго стремленія къ образованію молодой человѣкъ не чувствуетъ, или по крайней мѣрѣ, это стремленіе существуетъ въ немъ съ очень значительною примѣсью посторонняго вещества. Не трудно догадаться, какое это вещество. Кромѣ знаній сомнительнаго достоинства, университеты даютъ своимъ слушателямъ еще права, которыхъ достоинство уже вовсе несомнительно. Кто не идетъ въ университетъ, какъ въ храмъ науки, тотъ идетъ въ него, какъ въ преддверіе карьеры. Для бѣднаго и незнатнаго человѣка университетъ составляетъ кратчайшую дорогу къ чинамъ, къ почестямъ, къ большому жалованью, и слѣдовательно ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни. Эта кратчайшая дорога очень крута и усѣяна многими препятствіями; поступить въ уѣздный судъ писцомъ и перебиваться въ уѣзд-

номъ городѣ копѣчнымъ жалованьемъ все-таки легче, чѣмъ идти на авось, пѣшкомъ, въ неизвѣстную даль, и потомъ четыре года жить невѣрными уроками, — но за то писцу уѣзднаго суда нѣтъ перспективы въ будущемъ, а передъ кандидатомъ университета открыта жизнь, съ ея опасностями, но также и съ ея заманчивыми надеждами. Чтобы пойти на встрѣчу лишеніямъ и грозной неизвѣстности судьбы, чтобы изъ рѣчного затишья выйти въ открытое море жизни, необходимо обладать предприимчивостью и энергіею, а предприимчивость и энергія — свойства очень почтенныя; но все-таки между этими свойствами и безкорыстно сильнымъ стремленіемъ къ образованію лежитъ цѣлая бездна. Молодые люди, пробивающіе себѣ дорогу въ жизнь энергіею, трудолюбіемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ, заслуживаютъ полнаго уваженія, но образованіе тутъ ни при чемъ. Молодые люди идутъ завоевывать себѣ счастье, но не знанія; и до тѣхъ поръ, пока университеты будутъ давать своимъ слушателямъ какія нибудь права, до тѣхъ поръ, пока университетскій дипломъ будетъ открывать дорогу къ такимъ мѣстамъ, которыхъ не могутъ занять люди, неимѣющіе дипломовъ, до тѣхъ поръ всякія сладкія рѣчи и стремленія общества къ образованію будутъ относиться къ легиону нашихъ патріотическихъ самообольщеній. Въ томъ обстоятельствѣ, что бѣдному молодому человѣку, старающемуся выбиться изъ бѣдности, необходимо идти въ университетъ и добывать дипломъ, въ этомъ обстоятельствѣ, говорю я, нѣтъ ничего утѣшительнаго. Это значитъ только, что одна коронная служба считается у насъ прочнымъ обезпеченіемъ. Это значитъ, что инициатива общества крайне слаба; это значитъ далѣе, что общество собственнымъ умомъ не умѣетъ оцѣнить силы и способности своихъ членовъ и требуетъ, чтобы эти силы и способности были оцѣнены правительствомъ и засвидѣтельствованы дипломомъ. (Нанимая) домашняго учителя для своихъ дѣтей, отецъ семейства не можетъ самъ испытать его познанія, и потому рассматриваетъ его дипломъ или аттестатъ. Въ дѣлѣ образованія мы требуемъ отъ правительства такой же гарантіи, какой требуютъ отъ него возникающія общества желѣзныхъ дорогъ. Окончивъ курсъ образованія, мы непремѣнно желаемъ, чтобы правительство платило намъ проценты съ нашего умственнаго капитала, или по крайней мѣрѣ, чтобы оно своимъ ручательствомъ рекомендовало насъ почтенной публикѣ. Я не думаю, чтобы такое положеніе дѣлъ говорило особенно убѣдительно въ пользу развитости нашего общества, или въ пользу его горячаго стремленія къ образованію.

Въ 1860 и 1861 годахъ проявилось въ столичной молодежи сильное желаніе посѣщать университетскія лекціи. Въ аудиторіяхъ петербургскаго университета стали появляться посторонніе слушатели, офицеры и дамы. Фактъ самъ по себѣ хорошъ, но надо понимать его,

какъ слѣдуетъ. Въ чью пользу говорить этотъ фактъ: въ пользу ли общества, или въ пользу университета? То есть: пробудилась ли потребность просвѣщенія въ самомъ обществѣ, или университетъ прославился настолько, чтобы разбудить общество и привлечь его въ свои аудиторіи? Стоитъ только поставить такимъ образомъ вопросъ, чтобы тотчасъ придти къ его разрѣшенію. Очевидно, что общество пробудилось совершенно независимо отъ университета, и что пробужденію общества содѣйствовали во-первыхъ реформы, предпріятыя правительствомъ, во-вторыхъ, оживленіе журналистики, которое въ свою очередь находилось въ связи съ общими реформами. Пробудившееся общество увидѣло, что ему необходимо образованіе, — а гдѣ его искать? Въ университетѣ, — не потому, чтобы въ университетѣ слышались особенно живые и свѣжіе голоса, а потому — что больше искать негдѣ. На безрыбьи и ракъ рыба. И общество хлынуло въ университетъ, и скоро сьумѣло отличить менѣе усыпительныя аудиторіи. Но эти аудиторіи (за исключеніемъ развѣ одной костомаровской) все-таки не могли удовлетворить потребностямъ общества, и оно навѣрное само отхлынуло бы назадъ, если бы университетъ не предупредилъ его и не отогналъ отъ своихъ дверей непосвященную и неплатящую чернь. Стало быть, тотъ фактъ, что офицеры и дамы бывали на лекціяхъ вовсе не доказываетъ того, чтобы между обществомъ и университетомъ существовало сознательное сочувствіе. Что университетъ вовсе не сочувствуетъ обществу, это онъ доказывалъ неоднократно, словами и поступками своихъ отдѣльныхъ членовъ и даже цѣлой корпораціи. Но и общество также не сочувствуетъ университету; оно ожидало отъ него живого и разумнаго слова, и готово было полюбить его за это слово, но ожиданія не исполнились, и общество, конечно, будетъ искать себѣ умственной пищи за предѣлами университетовъ, въ самостоятельномъ чтеніи, точно также, какъ уже всѣ дѣльные студенты работаютъ теперь надъ своимъ развитіемъ совершенно независимо отъ профессорскихъ лекцій и записокъ. Отстранивъ такимъ образомъ тѣ факты, которые люди невнимательные могли бы принять за признаки сочувствія общества къ теперешней университетской наукѣ, я приступаю прямо къ критикѣ нашего общаго и высшаго образованія.

II.

У насъ составилась привычка различать два рода образованія: общее и спеціальное. Эта привычка, какъ и большая часть нашихъ при-

вычекъ, не оправдывается ничѣмъ, кромѣ давности лѣтъ, и оказывается несостоятельною при первомъ прикосновеніи анализа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое специальное образованіе? Ничто иное, какъ навыкъ въ какомъ нибудь ремеслѣ, умѣнье взяться за какое нибудь дѣло, умѣнье приложить къ этому дѣлу именно тѣ приемы, которые въ данное время признаны опытомъ наиболѣе удобными. Что такое образованный специалистъ? Если отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ здравый смыслъ и правильное пониманіе употребляемыхъ словъ, то намъ придется сказать, что образованный специалистъ есть человѣкъ, получившій общее образованіе и потомъ изучившій какое нибудь ремесло. Если же отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ обыкновенное разговорное употребленіе словъ, то намъ придется сказать, что образованный специалистъ есть человѣкъ, изучившій основательно избранное имъ ремесло. Я, конечно, беру тутъ «ремесло» въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Подъ это понятіе подходятъ всѣ профессіи, требующія знаній и сноровки. Ремесленниками оказываются и земледѣлецъ, и портной, и медикъ, и артиллеристъ, и законовѣдъ, и педагогъ, и литераторъ. Всѣ эти занятія требуютъ извѣстнаго напряженія мускуловъ и нервовъ; въ однихъ преобладаетъ умственный трудъ, въ другихъ — физическій; одни производительны, другія непродуцательны, — но эти различія не имѣютъ для насъ въ настоящее время никакого значенія, потому что для нашего разсужденія важно только то, что всѣ они требуютъ пракческаго навыка и нѣкоторыхъ знаній. Чтобы быть полезнымъ членомъ общества, необходимо работать, слѣдовательно — имѣть какое-нибудь ремесло, слѣдовательно — быть специалистомъ.

Польза, которую я приношу обществу, а слѣдовательно и самому себѣ, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ успѣшнѣе идетъ моя работа; а работа моя пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ основательнѣе я изучилъ свое ремесло. Общество видитъ и цѣнитъ результатъ моей работы, и если результатъ оказывается хорошимъ, то общество заключаетъ, что я знаю хорошо свое ремесло, и называетъ меня образованнымъ специалистомъ. Но общество не всегда поступаетъ такъ: если я сапожникъ и шью превосходные сапоги, то оно только заваливаетъ меня заказами и называетъ меня отличнымъ сапожникомъ, а объ образованномъ специалистѣ не говоритъ ни слова; если же я горный инженеръ и хорошо разыскаю золотоносныя жилы, то меня производятъ въ образованные специалисты, потому что я ношу эполеты, и потому что общество считаетъ невѣжливымъ назвать меня хорошимъ ремесленникомъ. Если я технологъ и управляю какимъ нибудь сахарнымъ заводомъ, то и тутъ я еще могу, по мнѣнію общества, носить титулъ образованнаго специалиста. Ну, а если я агрономъ и управляю чѣмъ нибудь имѣніемъ, да еще неболь-

шимъ, тогда титуль образованнаго спеціалиста начинаетъ колебаться, и общество начинаетъ находить, что меня удобнѣ называть хорошимъ прикащикомъ. Разрозненность сословій и чиновная іерархія перепутала всѣ наши понятія и исказила нашъ разговорный языкъ. Очевидно, что образованный спеціалистъ такой же титуль, какъ «ваше превосходительство», или «ваше высокоблагородіе». Но послѣдніе два титула совершенно безвредны, а первый подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ и къ неясности представленія. Извѣстно, что неправильное употребленіе словъ ведетъ за собою ошибки въ области мысли, и потомъ въ практической жизни. Когда мы называемъ человѣка образованнымъ спеціалистомъ, то намъ уже кажется неправдоподобнымъ, чтобы этотъ человѣкъ былъ неучемъ и полудикаремъ. Если мы даже видимъ факты, ясно намекающіе на эти печальныя истины, то мы стараемся перевѣсить эти факты другими фактами утѣшительнаго свойства. Конечно, разсуждаемъ мы, этотъ господинъ имѣетъ много предразсудковъ; конечно, онъ имѣетъ самыя смутныя понятія о достоинствѣ человѣка, объ интересахъ общества, объ отношеніяхъ гражданина къ своимъ согражданамъ, и семьянина къ своему семейству, — но за то онъ отлично умѣетъ ввести корабль въ гавань, или подыскать статью въ сводѣ законовъ, или навести понтонный мостъ, или выстроить колонну къ аттакѣ. Мы краснорѣчиво разрабатываемъ это *но*, и доходимъ до того, что основательныя ремесленныя познанія начинаютъ намъ казаться такою штукою, которая имѣетъ сходство съ образованіемъ и во многихъ случаяхъ можетъ замѣнить его, съ пользою для отдѣльнаго лица и для общества. Дойдя до такого результата, мы очевидно потеряли уже изъ виду и дѣйствительное значеніе спеціальности, и настоящую цѣль общаго образованія. Начинается погоня за двумя зайцами, которые уходятъ отъ насъ по двумъ разнымъ дорогамъ. Возникаютъ общеобразовательныя заведенія съ намеками на спеціальность; являюся спеціальныя заведенія съ претензіями на общее образованіе. Наконецъ, что всего хуже, въ обществѣ укореняется мысль о томъ, что можно въ одно и то же время, одними и тѣми же уроками дѣлать Васиньку или Колиньку образованнымъ человѣкомъ и, напримѣръ, хорошимъ морякомъ, или дѣльнымъ юристомъ. Развелась пропасть разныхъ образованій: это, говорятъ, юридическое, а вотъ это — техническое, а вонъ-то — военное. Идя по этому пути, можно дойти до образованія кирасирскаго, отличающагося отъ гусарскаго и уланскаго, до образованія свойственнаго чиновнику казенной палаты, и совершенно непохожаго на образованіе сенатскаго или почтамтскаго чиновника, до образованія кожевника, неимѣющаго ничего общаго съ образованіемъ мыловара или мясника. Когда мы доведемъ свое развитіе до такого невиданнаго совершенства, то намъ останется только утѣшаться, глядя на тысячи образованныхъ спеціалистовъ. Радость наша будетъ такъ безпредѣльна, что

мы даже не замѣтимъ того, какъ общее образованіе совершенно уничтожилось и превратилось въ мифъ, потому что сотни различныхъ образованій растащили его по кусочку. Образованныхъ людей у насъ не будетъ, а такъ какъ только образованные люди составляютъ и поддерживаютъ благоустроенное гражданское общество, то и общества не будетъ, а будутъ сотни цѣховъ, находящихся между собою въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся къ прусскимъ гражданамъ прусскіе офицеры, поминутно обнажающіе оружіе противъ безоружныхъ своихъ соотечественниковъ за такія обиды, которыя понятны только этимъ храбрымъ воинамъ. Къ сожалѣнію, всякій ошибочный принципъ только въ теоріи можетъ быть доведенъ до своей нелѣпой крайности: жизнь рѣдко бываетъ логична, и обыкновенно сворачиваетъ въ сторону, когда натывается на нелѣпый выводъ, прямо вытекающій изъ принятаго ею принципа. Поэтому принципъ остается непобѣжденнымъ, скрывается на время внутрь и притихаетъ, а потомъ опять поднимаетъ голову и производитъ разныя мелкія глупости, которыя обыкновенно замазываются такими же мелкими палліативными средствами. Такъ и ползетъ жизнь черезъ пень-колоду, обходя нелѣпыя крайности, сражаясь ежеминутно съ крошечными аномаліями и безропотно уживаясь съ основной причиной этихъ аномалій.

Такимъ образомъ нельзя подвигаться впередъ быстро и успѣшно, но объ этомъ почти никто и не заботится. Объ образованіи толкуютъ всѣ, кому только есть время и охота толковать; составляются проекты, измѣняются программы, увеличивается или уменьшается число учебныхъ часовъ, передвигается порядокъ занятій, чувствуется во всемъ ходѣ образованія какая-то общая нескладница, — но передѣлки производятся робко и нерѣшительно, и все въ одномъ и томъ же узкомъ кругу идей, составившемся Богъ знаетъ когда, и охватившемъ насъ богъ знаетъ зачѣмъ. Раздаются голоса, говорящіе рѣшительно и ясно о томъ, что слѣдуетъ формировать человѣка, а не моряка, не чиновника, не офицера. Всѣ слушаютъ — и умиляются, и начинаютъ дѣйствовать, а между тѣмъ въ результатѣ оказываются только переименованія и передвиженія. Призракъ спеціальнаго образованія никакъ не рѣшается исчезнуть и до сихъ поръ мѣшаетъ нашему обществу разглядѣть дѣйствительный смыслъ и настоящую задачу образованія. вмѣсто того, чтобы съ корнемъ вырвать ошибочный принципъ, вмѣсто того, чтобы навсегда прогнать нелѣпый призракъ, мы все хлопочемъ о томъ, чтобы заключить невозможную мировую сдѣлку между призракомъ и дѣйствительностью, какъ будто возможны какія нибудь сдѣлки между истиною и бессмыслицею, между здравымъ смысломъ и предразсудкомъ. Мы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ служимъ богу и мамону; мы никогда не относимся къ образованію просто и безкорыстно; всякое знаніе мы забираемъ въ голову, какъ

источникъ будущихъ доходовъ; на всякую книгу мы готовы смотрѣть, какъ на руководство къ изученію повареннаго искусства, или какъ на рецептъ для соленія грибовъ и брусники; эти корыстные цѣли конечно никогда не достигаются; каждая кухарка знаетъ, что никто еще не сдѣлался поваромъ по книжкѣ; каждая деревенская хозяйка скажетъ вамъ, что человѣкъ неопытный при самомъ подробномъ рецептѣ испортитъ грибы и бруснику. Но лукавые виды на грибы и бруснику не даютъ намъ покоя и не позволяютъ намъ дорыться до правильнаго взгляда на образованіе. Да и какъ дорыться, когда мы сваливаемъ въ одну кучу воспитаніе, образованіе и изученіе ремесла? Воспитаніемъ мы очень дорожимъ, потому что нашему сердцу безконечно отрадно видѣть въ дѣтяхъ и юношахъ благонаравіе и кротость. Изученіемъ ремесла мы тоже дорожимъ по своему, потому что жалованье и казенная квартира отбискиваютъ себѣ чувствительное мѣсто въ самомъ стоическомъ сердцѣ. А что такое образованіе — этого мы не знаемъ. Тамъ, на границѣ между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла, есть какая-то неопредѣленная амальгама, какая-то переходная тѣнь, которую мы и называемъ образованіемъ и къ которой мы, по правдѣ сказать, чувствуемъ глубочайшее равнодушіе. Но такъ какъ намъ совѣстно питать такія не-европейскія чувства къ такому великому дѣлу, какъ образованіе, то мы, ради приличнаго замаскированія, и придумали назвать образованіемъ всю кучу нашихъ педагогическихъ отправленій, т. е. и воспитаніе, и изученіе ремесла, и узенькую полоску неинтересной для насъ амальгамы. Тутъ дѣло не въ словахъ: можно, пожалуй, столь назвать стуломъ, но зачѣмъ же садиться на столь? Это и неудобно, и неприлично. Можно какъ угодно назвать наши педагогическія упражненія надъ дѣтьми и юношами, но зачѣмъ же сдавливать образованіе между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла? Зачѣмъ отодвигать образованіе на самый задній планъ и выдвигать впередъ воспитаніе и специальность, которыя должны имѣть второстепенное значеніе? Воспитывать вообще слѣдуетъ какъ можно менѣе, а выборъ специальности всегда долженъ быть безусловно предоставленъ самому молодому человѣку, получившему уже хорошее и полное образованіе. Я говорю здѣсь о такой специальности, которая требуетъ сильной и постоянной умственной работы и которая даетъ всей послѣдующей жизни человѣка опредѣленное направленіе. Что же касается до простаго ручного ремесла, то ему можно учить ребенка съ малолѣтства, потому что такое ремесло нисколько не мѣшаетъ общеобразовательнымъ занятіямъ, не направляетъ ума въ ту или въ другую сторону и, не вреди никакимъ другимъ умственнымъ или житейскимъ успѣхамъ, развиваетъ здоровье и всегда остается запаснымъ капиталомъ, на случай нужды или неудачи.

III.

Я сказалъ, что воспитывать слѣдуетъ вообще какъ можно менѣе. Эта мысль можетъ показаться парадоксальною, а между тѣмъ она чрезвычайно проста и совершенно неопровержима. Конечно, не я первый высказываю эту мысль, которая, какъ всѣ простыя и свѣтлыя мысли, не принадлежитъ никому въ частности, и непременно приходитъ въ голову каждому человѣку, задумывающемуся серьезно и добросовѣстно надъ отношеніями взрослыхъ къ подростающему поколѣнію. Эта мысль находится въ тѣсной связи съ знаменитою идеею Бокля о томъ, что человечество подвигается впередъ при помощи знаній и открытій, и что нравственныя истины не имѣютъ почти никакого вліянія на быстроту и успѣшность историческаго развитія. Приложите эту мысль къ жизни отдѣльной личности, и вы увидите ясно, что ребенокъ нуждается въ знаніяхъ, а не въ нравоученіяхъ. А какъ только сообщаются какія нибудь знанія, какимъ бы то ни было образомъ, и по какому бы то ни было поводу, такъ уже начинается образованіе и самодѣтельное умственное развитіе будущаго человѣка. Чѣмъ раньше начинается это образованіе и развитіе, тѣмъ лучше. Воспитаніе же должно продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не начнется образованіе. Какъ бы ни были разнообразны приемы воспитанія, но всѣ они могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ типамъ: къ воспитанію розгой, или къ воспитанію авторитетомъ. Въ первомъ случаѣ воспитатель говоритъ ребенку: «дѣлай это и это, или я тебя высѣку. Не дѣлай того и того, или я тебя высѣку». Объ этомъ случаѣ распространяться нечего. Во второмъ случаѣ воспитатель пріобрѣтаетъ себѣ безусловное довѣріе ребенка, и потому уже просто говоритъ ему: «дѣлай это, не дѣлай того». Ребенокъ повинуется изъ любви и уваженія къ воспитателю, но въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго. Воспитатель говоритъ: «это хорошо, а то дурно», и ребенокъ запоминаетъ это, — и въ этомъ также нѣтъ ничего хорошаго. Всевозможныя нравоученія сводятся на послѣднюю формулу, съ тою только разницею, что они бывають обыкновенно гораздо длиннѣе и утомительнѣе. Во всѣхъ этихъ нравоученіяхъ нѣтъ ни одного аргумента, ни одного такого доказательства, которое ребенокъ могъ бы самъ провѣрить, или по крайней мѣрѣ, понять. Все дается на память и на вѣру. Стало быть, для мысли нѣтъ никакой пищи, и самодѣтельность будущаго человѣка остается совершенно незатронутою.

Поступать такимъ образомъ съ ребенкомъ позволительно только тогда, когда онъ еще не можетъ воспринимать знаній. Если годовой ребенокъ лезетъ на горячій самоваръ, тогда конечно, его, прежде всего, слѣдуетъ оттащить въ сторону, но и тутъ можно ему позволить прикоснуться къ самовару кончикомъ пальца. Опытъ не пропадетъ даромъ. Но когда ребенокъ уже говоритъ и разсуждаетъ, тогда заставлять его вѣрить на слово совершенно недобросовѣстно. Отцы и гувернеры, матери и гувернантки обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ потому, что имъ лѣнь объяснять ребенку причины разныхъ своихъ распоряженій, или перечислить ему возможные послѣдствія его собственныхъ поступковъ. Кромѣ лѣни, есть еще причина именно неумѣнье или даже невозможность объяснить ребенку, почему появляются приказанія или запрещенія. Въ кодексѣ нашей житейской морали почти всѣ вопросы рѣшаются безапелляціонно словами: «нравственно» или «безнравственно», «прилично» или «неприлично», «принято» или «не принято». Спросите: почему? и вамъ не отвѣтятъ, потому что причины дѣйствительно не имѣются. Когда ребенокъ сталкивается съ однимъ изъ такихъ вопросовъ, то его осаживаютъ однимъ изъ вышеприведенныхъ рѣшительныхъ словъ. Онъ это запоминаетъ, и такимъ образомъ его дрессировка подвигается понемногу впередъ. У насъ принято воспитывать, т. е. дѣйствовать авторитетомъ до тѣхъ поръ, пока есть какая нибудь возможность поддержать авторитетъ. Вслѣдствіе этого, даже мужья воспитываютъ своихъ женъ, т. е. читаютъ имъ нравоученія; иногда бываетъ и на оборотъ, что также имѣетъ свою оригинальную прелесть. Теперь, я думаю, будетъ понятно, почему я говорилъ, что воспитывать слѣдуетъ какъ можно менѣе, и что воспитаніе уже въ самомъ раннемъ возрастѣ можетъ и должно уступать мѣсто образованію. Воспитаніе ставитъ воспитателя между ребенкомъ и окружающею природою, а образованіе ставитъ ребенка въ непосредственныя отношенія къ этой природѣ. Воспитаніе заставляетъ только повиноваться, а образованіе учитъ будущаго человѣка жить и распоряжаться своими силами. Я думаю, нѣтъ надобности доказывать, что образованіе можетъ и должно начинаться съ перваго проблеска мысли въ ребенкѣ, и что оно во всякомъ случаѣ, даже у насъ, начинается гораздо раньше перваго книжнаго ученія.

IV.

Я особенно настоятельно обращаю вниманіе читателя на ту мысль, что у насъ образованіе сдвинуто между нравственнымъ воспитаніемъ и

и учениемъ спеціальности. Эта мысль, къ которой мы пришли путемъ предшествующихъ разсужденій, даетъ намъ ключъ къ пониманію многихъ странныхъ явленій нашей педагогической практики. Когда ребенокъ начинаетъ ходить и говорить, то первыя старанія родителей направляются на то, чтобы покорить возникающую силу, подчинить ее посторонней волѣ, не допустить ее до сознанія того, что она сама — сила, способная крѣпнуть, развиваться, расширять свою дѣятельность и свои права. Прежде всего ребенокъ долженъ быть послушнымъ сыномъ или послушною дочерью; поэтому ему внушается ежеминутно, что онъ самъ ничтоженъ, слабъ, зависимъ, неспособенъ понимать, что ему полезно и вредно; стараются даже доказать ему, что онъ не умѣетъ различать пріятное и непріятное; но этому послѣднему посягательству на его чувства и волю ребенокъ не поддается никогда. На различіи пріятнаго и непріятнаго онъ основываетъ всю свою оппозицію противъ притязаній взрослыхъ. Онъ знаетъ очень хорошо, чего ему хочется и чего не хочется; его желанія называютъ капризами, но это его не смущаетъ; въ капризахъ проявляются первые задатки характера, и эти задатки, противъ которыхъ направлены всѣ усилія воспитателей, все-таки развиваются и въ концѣ концовъ заставляютъ признать свою законность. Вѣдь и Меттернихъ считалъ національныя стремленія итальянцевъ предосудительнымъ капризомъ, а теперь непризнаваніе итальянскаго королевства покажется всякому здравомыслящему человѣку пустымъ дипломатическимъ упорствомъ. Такъ точно бываетъ и въ частной жизни съ тѣми воспитателями, которые ведутъ ожесточенную войну съ такъ называемыми капризами своихъ питомцевъ. Эта ожесточенная война нисколько не ослабѣваетъ тогда, когда начинается книжное ученіе. Напротивъ того, книжное ученіе даетъ каждый день новые матеріалы для педагогическихъ распрей. Ребенокъ лѣнивъ, ребенокъ невнимателенъ, все это надо побуждать и искоренять; гдѣ же тутъ думать о перемиріи? Воспитаніе широкою волною врывается въ собственное поле образованія. Знанія превращаются въ нравоченія. Учитель не спрашиваетъ объ умственныхъ потребностяхъ ребенка, не старается ихъ пробудить и не заботится объ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, которыя уже пробудились сами собою. Всякая умственная потребность, являющаяся безъ призыва, встрѣчается, какъ незванная гостья, — а извѣстно, что незванный гость хуже татарина. Такая нескромная потребность обыкновенно считается такимъ же капризомъ, какъ и всякое другое желаніе ребенка, невходящее въ педагогическіе расчеты воспитателя. Ученіе не отвѣчаетъ на вопросы ребенка и никогда не бываетъ расположено такъ, чтобы ребенокъ самъ понималъ его необходимость. Ребенку говорится съ самаго начала, что онъ долженъ учиться для своей же пользы. Эти сакраментальныя слова: «это, душенька, для тво-

ей же пользы» хорошо известны всякому ребенку. Эти слова всегда произносятся въ заключеніи каждаго правоученія, каждой распечки, даже каждаго наказанія розгою или другимъ орудіемъ. Это послѣдній аргументъ, *ultima ratio*, послѣ котораго воспитатель говоритъ себѣ, что онъ все объяснилъ ребенку и что ребенокъ окажется неблагодарнымъ животнымъ, если не дастъ съ радостью завязать себѣ глаза и не побѣжитъ съ завязанными глазами, по голосу своего воспитателя, всюду, куда прикажутъ. И дѣйствительно, надо сказать правду, только особенно даровитые ребята оказываются неблагодарными животными. Большинство дѣтей такъ благовоспитано, что путешествіе съ завязанными глазами не представляетъ уже для нихъ ничего необыкновеннаго. Нельзя сказать, чтобы слова: «это, душенька, для твоей же пользы» особенно глубоко врѣзались въ ихъ умъ; они вовсе не думаютъ, что это ихъ польза; они не пылаютъ фанатическою вѣрою въ непогрѣшимость своихъ учителей, потому что такую фанатическую вѣру способна возбудить только высоко даровитая личность. Они просто измяты и усыплены воспитаніемъ; они привыкли кому нибудь повиноваться и не умѣютъ ни разсуждать, ни горячо вѣрить. Они смотрятъ на свои уроки, какъ мужики на барщину; «нельзя же безъ этого; добромъ не сдѣлаешь, такъ насильно заставляютъ». Они и дѣлаютъ добромъ, чтобы не вышло неприятности. Такимъ образомъ пріобрѣтается привычка, которая всегда сохраняется далеко за предѣлами дѣтства и часто сопровождаетъ человѣка до гробовой доски. Ребенокъ учитъ урокъ, потому что такъ велѣно; гимназистъ зубритъ къ экзамену, потому что такъ заведено; студентъ записываетъ безтолковую лекцію, потому что она назначена по росписанію; гимназическій учитель требуетъ отъ ученика твердаго знанія урока, потому что онъ на то поставленъ; профессоръ читаетъ безтолковую лекцію, потому что его за тѣмъ посадили на кафедру. Словомъ, одинъ толкаетъ другого, не зная куда и зачѣмъ, и другой также не знаетъ, куда и зачѣмъ толкаетъ его одинъ, — но не спрашиваетъ объ этомъ, слѣдуетъ импульсу, и затѣмъ въ свою очередь начинаетъ толкать невиннаго третьяго. *Perpetuum mobile*, котораго тщетно ищеть механика, блистательнымъ образомъ найдено и осуществлено въ нашей педагогической и житейской практикѣ. Такъ какъ образованіе наше нисколько не обусловливается собственными потребностями ребенка, то чѣмъ же опредѣляется кругъ предметовъ, входящихъ въ его составъ? Если ребенку слѣдуетъ поступить въ казенное заведеніе, то кругъ предметовъ опредѣляется печатною программю; а если ребенокъ — дѣвочка, и если ей предстоитъ закончить свое образованіе въ родительскомъ домѣ, то кругъ предметовъ опредѣляется тѣми требованіями, которыя возбуждаютъ неопредѣленный идеаль *jeune personne charmante et bien élevée*. Вы видите, что къ воспитатель-

ному элементу примѣшивается элементъ спеціальности. Иногда примѣшивается съ первыхъ дней жизни ребенка. Бываютъ родители, которые знаютъ заранѣе, что старшій ихъ сынъ будетъ фельдмаршаломъ, второй адмираломъ, а третій министромъ финансовъ. Сообразно съ этими предначертаніями располагается и воспитаніе, но такихъ родителей уже теперь немного; кромѣ того, это уже крайности, а я хочу говорить только о лучшихъ явленіяхъ нашей педагогической практики. Даже въ этихъ лучшихъ явленіяхъ элементъ спеціальности примѣшивается къ образованію очень рано. Что касается до женщинъ, то онѣ всѣ спеціалисты, потому что воспитываются или для свѣтской жизни, или для кухни, или для мѣста гувернантки. Но о женскомъ воспитаніи я говорить не буду. Посмотримъ, какой же кругъ предметовъ назначается и требуется печатными программами, которыя имѣютъ такое неотразимое вліяніе на ходъ образованія мальчиковъ въ достаточныхъ и просвѣщенныхъ классахъ нашего общества. Мы можемъ принять за норму программу гимназіи, потому что всѣ другія программы гражданскихъ и военноучебныхъ заведеній представляютъ, по крайней мѣрѣ, въ нисшихъ классахъ, очень незначительныя отклоненія отъ программы гимназіи.

V.

Перечислить отдѣльные предметы, входящіе въ гимназическую программу, очень легко, но опредѣлить, хоть въ общихъ чертахъ, планъ и характеръ нашего гимназическаго образованія совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что плана и характера въ немъ положительно нѣтъ.

Представьте себѣ, что я держу въ рукахъ маленькую и очень простую акварельную картинку. Вы умѣете рисовать и сидите въ другой комнатѣ; передъ вами лежатъ на столѣ листъ бумаги, кисти и всѣ тѣ краски, которыми нарисована моя картинка. Я начинаю вамъ диктовать: полвершка желтой краски, три штриха зеленой, два вершка въ длину и полтора въ ширину лиловой, и т. д. Я диктую совершенно вѣрно, и систематически- послѣдовательно иду сверху внизъ, и отъ лѣвой руки къ правой, но не смотря на то, и не смотря на вашъ художественный талантъ, я позволяю себѣ усомниться въ томъ, чтобы на вашей бумагѣ изобразилась моя картина, или вообще какая нибудь другая картина. Именно такимъ образомъ диктовала намъ Европа, и особенно Германія, программы своихъ заведеній, такія программы, которыя и на своемъ-то мѣстѣ не приносили никакой пользы. А ужъ что изъ нихъ вышло

у насъ — такъ этого и разсказать невозможно. Въ послѣднее время, съ легкой руки «Русскаго Вѣстника», за подобную диктовку хотѣла приняться Англія. Являлось въ журналахъ мнѣніе, что слѣдуетъ усилить у насъ классическое образованіе, потому, дескать, что оно господствуетъ въ Англіи, а Англія держава просвѣщенная, и граждане пользуются всѣми благами общественной жизни, и ораторы ея очень замѣчательны, и государственные люди дальновидны, и ученые глубокомысленны. Покуда мы съ приверженцами классическаго образованія не будемъ ни спорить, ни соглашаться. Замѣтимъ только, что школьное образованіе въ Европѣ находится еще подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя вложили въ него гуманисты, жившіе въ эпоху возрожденія и во время реформации. Въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI столѣтія, всѣ мыслящіе люди Европы были увлечены обожаніемъ классической древности, и это было хорошо, потому что лучше увлекаться идеями Цицерона и Платона, лучше восхищаться красотами Гомера и красивыми словами Виргилія, чѣмъ тупѣть надъ средневѣковой схоластической гнилью. Увлеченіе греками и римлянами конечно хватило черезъ край. Латинскій языкъ, постоянно оставшійся языкомъ церкви и права, вытѣснилъ народныя языки изъ литературы и науки. Даже лютеровъ переводъ библии на нѣмецкій языкъ не положилъ предѣла тираническому господству латинскаго языка. На латинскомъ писались и стихотворенія, и богословскіе трактаты, и ученныя изслѣдованія, и политическіе памфлеты. При такомъ положеніи дѣлъ, латинскій языкъ долженъ былъ твердо укорениться въ школахъ.

Кромѣ того, все школьное образованіе должно было сложиться по образцу классической древности, съ тѣми только измѣненіями, которыхъ требовала христіанская религія. Такимъ образомъ и явилось на свѣтъ такъ называемое гуманное образованіе, которому противопоставляютъ образованіе реальное, и котораго жалкіе и искаженные ломотья составляютъ нашъ гимназическій курсъ. Въ Греціи и въ Римѣ образованіе было исключительно словесное. Преподавались грамматика, риторика и философія. Къ этому присоединялось кое-что изъ математики и разныя гаданія объ астрономіи. Естественныхъ наукъ не было. Наука вообще въ древнемъ мірѣ не существовала, потому что соображенія Аристотеля и Платона о мірозданіи и челоувѣкѣ, правившіяся такъ сильно древнимъ и среднимъ вѣкамъ, конечно не могутъ быть названы наукою. Математика была еще мало развита, и вліяніе ея на общее образованіе было незначительно. Стало быть, грекъ или римлянинъ въ школѣ вучивался только хорошо говорить и хорошо писать. Апофеоза фразерства была доведена до такой наивной крайности, до которой она не можетъ дойти въ нашъ лицемѣрный вѣкъ. Мы фразерствуемъ стыдливо и стараемся увѣрить всѣхъ, что говоримъ просто и дѣльно, а

грекъ и, глядя на него, римлянинъ фразерствовали гордо и откровенно, потому что фразерство было и наукою, и искусствомъ, и высшимъ достоинствомъ человѣка, и лучшею доблестью гражданина, и вѣрнѣйшимъ средствомъ ворочать, по своему благоусмотрѣнію, судьбою городовъ и республикъ. Фразерство пользовалось всемогуществомъ во время лучшихъ дней греческой и римской свободы, и это всемогущество фразы было, конечно, одною изъ мрачныхъ сторонъ этого быта. Когда пала свобода Греціи и Рима, тогда фраза потеряла свою силу, потому что эта сила перешла въ македонскую фалангу и въ преторіанскую когорту. Но въ школѣ фраза продолжала господствовать, потому что больше не на чемъ было построить обученіе. Изъ римскихъ школъ фраза, потерявшая смыслъ и силу, перешла въ средневѣковыя училища, потомъ въ школы гуманистовъ, гдѣ она немножко освѣжилась отъ соприкосновенія съ литературными памятниками классической древности, и наконецъ отъ гуманистовъ къ намъ, черезъ Польшу и Кіевъ, черезъ закоспасскую академію и бурсы; та же самая классическая фраза забралась въ гимназіи и даже въ кадетскіе корпуса. Кое-что приставили, кое-что урѣзали, и образовался гимназическій курсъ, въ которомъ, какъ я уже говорилъ, всѣ предметы враждуютъ между собою и неутомимо преслѣдуютъ и истребляютъ другъ друга. Чтобы доискаться до какого нибудь смысла въ нашемъ гимназическомъ или общемъ образованіи, необходимо было отправиться въ историческую экскурсію и добраться до грековъ, потому что только тамъ, въ этомъ первобытномъ источникѣ, словесное или гуманное образованіе имѣло смыслъ и значеніе, а мы обнашиваемъ теперь чужіе обноски, въ которыхъ уже не видно ни цвѣта, ни покроя, ни качества матеріи. Я, конечно, оставляю, въ моемъ обзорѣ, преподаваніе закона божія всторону; судить о томъ, хорошо или дурно ведется это преподаваніе, я предоставляю специалистамъ, какъ людямъ болѣе компетентнымъ. Но, кромѣ закона божія, мы имѣемъ великое множество наукъ.

Исторія, географія, математика, физика, русская грамматика, риторика съ пѣтикой, носящія болѣе современное названіе теоріи словесности, исторія русской литературы, латинскій языкъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ греческій, языки французскій и нѣмецкій. Помилуйте! Да можетъ ли быть что нибудь роскошнѣе этой программы, особенно если мы вспомнимъ, что вмѣсто греческаго языка въ большей части гимназій преподаются законовѣдѣніе и естественная исторія. (Sic!) Но замѣчаете ли вы странное явленіе. Математика и физика стоятъ совершенно одиночно въ этой роскошной программѣ, точно незваные гости, зашедшіе по ошибкѣ въ незнакомое общество. Онѣ такъ и жмутся другъ къ другу; обыкновенно учитель математики преподаетъ и физику. А въ тѣхъ классахъ гимназій, гдѣ еще нѣтъ физики, математика оказывается

совершенной сиротой, и потому поневолѣ примѣняется къ обычаямъ и манерамъ всего остального общества. Всѣ другіе предметы обращаются къ памяти учениковъ; такое обращеніе вовсе не нравится математикѣ, но съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять, и она, скрѣпя сердце, покоряется господствующему порядку. Значить, математику и физику, какъ личности страдательныя и ни въ чемъ неповинныя, мы можемъ оставить всторонѣ. Онѣ бы и рады были помочь горю и предохранить гимназистовъ отъ угрожающаго имъ отупѣнія, но сила остальныхъ наукъ слишкомъ велика, такъ что противъ нихъ невозможно бороться. Вотъ, напримѣръ, исторія. У насъ принято думать, что это великая и прекрасная наука, что дѣти и юноши должны развивать свой умъ и облагораживать сердце, читая дѣянія патріотовъ Греціи и Рима и умилаясь думою надъ священными страницами отечественнаго бытописанія. У насъ принято даже говорить объ исторіи высокимъ слогомъ, что я и старался исполнить въ предыдущей моей фразѣ. У насъ, далѣе, принято негодовать противъ гг. Кайданова, Смарагдова, Зуева и Устрялова; принято утверждать, что эти почтенные дѣятели написали очень плохіе учебники, и что только по милости этихъ учебниковъ не достигаются тѣ возвышенныя цѣли, къ которымъ должно вести преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ. Кто только не бранилъ поименованныхъ господъ, кто не изошрялъ надъ ними своего копѣчнаго остроумія! «Намъ, говорятъ эти остряки, необходимы хорошіе историческіе учебники для гимназій. Это наша настоящая потребность. Пора, пора обратить на нее вниманіе». Затѣмъ слѣдуютъ знаки восклицательныя, многоточія и другія печатныя выраженія взволнованныхъ чувствъ. А между тѣмъ, все это пустяки. Учебники нигуда не годятся, это правда. Но новыхъ учебниковъ совсѣмъ не нужно; они также нигуда не будутъ годиться, потому что учебникъ исторіи для гимназій — бессмыслица, невозможная книга, неосуществимая мечта. Рациональное преподаваніе исторіи въ гимназіи также мечта, которая ни при какихъ условіяхъ осуществиться не можетъ.

VI.

Мое мнѣніе объ исторіи требуетъ доказательствъ, и я не откажу въ нихъ читателю, но предупреждаю его, что мнѣ придется доказывать это довольно долго, и что поэтому читатель не долженъ гнѣваться на меня за отклоненіе отъ главнаго предмета статьи. Въ настоящее время

исторія есть списокъ собственныхъ именъ, связанныхъ между собою разными глаголами и пересыпанныхъ цифрами годовъ: Антонъ поколотилъ Сидора въ такомъ-то году, а потомъ Сидоръ соединился съ Егоромъ, и пошелъ на Антона въ такомъ-то году, и вздулъ его при такомъ-то городѣ, и выгналъ его изъ такого-то царства. Потомъ Сидоръ съ Егоромъ передрались за добычу; потомъ Егоръ женился на дочери Сидора, Феклѣ, въ такомъ-то году, и получилъ за нею въ приданое такіе-то города; потомъ... Ну, и такъ далѣе,—вотъ образецъ той исторіи, которую изучаютъ наши гимназисты. Говорятъ, это нехорошо; это, говорятъ, отъ учебниковъ; слѣдуетъ ученикамъ видѣть внутреннее развитіе народной жизни, слѣдуетъ понимать историческій колоритъ событій, слѣдуетъ постигать связь между великими причинами и великими слѣдствіями... Ну да! Мало ли что слѣдуетъ! Да вѣдь все это однѣ фразы! Вы попробуйте приложить ихъ къ отдѣльному историческому эпизоду. Возьмите, напримѣръ, изъ римской исторіи, дѣятельность Гракховъ. Гимназистъ бойко расскажетъ вамъ, что Тиверій и Кай Гракхъ были украшеніемъ и гордостью матери своей Корнелии, потомъ Тиверій сдѣлался народнымъ трибуномъ и захотѣлъ раздѣлить между бѣдными гражданами общественныя земли—*ager publicus*, потомъ сенатъ перепугался и сталъ хитрить, наконецъ перехитрилъ Тиверія, и наконецъ—Тиверія убили въ народномъ собраніи. И это онъ вамъ расскажетъ по Смарагдову, и конечно гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ я вамъ рассказалъ. Ну чего жъ вамъ больше? Какого вамъ историческаго колорита? Вѣдь все, кажется, на своемъ мѣстѣ: и сенатъ, и народное собраніе, и трибунъ, и плебеи, и даже по-латини *ager publicus*. Вы отъ гимназиста ничего больше требовать не можете, а между тѣмъ, это то же самое, что повѣствованіе о Егорѣ, Антонѣ, Сидорѣ и дочери его Феклѣ. Гимназистъ очевидно не понимаетъ, отчего Тиверію вдругъ вздумалось осчастливить бѣдныхъ, и отчего именно землю, а не деньгами, и откуда взялись эти бѣдные, и отчего сенату было выгодно, чтобы они оставались бѣдными, и отчего сенату удалось перехитрить Тиверія, и отчего все предпріятіе рухнуло, и отчего бѣдные никакъ не могли сдѣлаться землевладѣльцами. Словомъ, гимназистъ во всей дѣятельности Тиверія Гракха не понимаетъ ничего и понимать ничего не можетъ. Его нисколько не удивило, если бы вдругъ оказалось у Смарагдова, что Тиверій настроилъ кораблей, посадилъ туда всѣхъ бѣдныхъ, поѣхалъ съ ними черезъ Геркулесовы столбы, присталъ къ берегамъ Британіи, основалъ королевство и сдѣлался родоначальникомъ династіи Гракховъ. Гимназистъ принялъ бы этотъ исходъ дѣла такъ же равнодушно и рассказалъ бы его такъ же краснорѣчиво, какъ онъ принимаетъ и рассказываетъ дѣйствительное событіе. Чтобы не было этого равнодушія краснорѣчія, гимназисту слѣдуетъ знать и понимать такое множество

различныхъ вещей, которое рѣдко совмѣщается въ надлежащей полнотѣ и ясности въ почтенной головѣ профессора исторіи. Ему надо знать напимѣрь, что такое трудъ и капиталъ, въ какиихъ отношеніяхъ они находились между собою въ древнемъ Римѣ, каково было въ римской республикѣ распредѣленіе богатства, какія причины содѣйствовали переходу имуществъ изъ рукъ въ руки и сосредоточенію ихъ въ рукахъ немногихъ семействъ, каково было умственное и нравственное положеніе бргачей и бѣдняковъ; далѣе, такое же множество разнородныхъ знаній необходимо и для пониманія личнаго характера Тиверія, для оцѣнки интригъ сената, для разумнѣнн тѣхъ мрачныхъ и разрушительныхъ страстей, которыя сенатъ умѣлъ возбудить въ массѣ бѣдняковъ противъ того самого человѣка, который захотѣлъ ихъ облагодѣлствовать. Вотъ и смекайте. Вѣдь чего добраго, для пониманія одного эпизода о Гракхахъ придется гимназисту прочитать нѣсколько объемистыхъ томовъ, придется заглянуть и въ политическую экономію, и въ философію исторіи, и въ римскія древности Нибура. Какъ же вы это желаете въ учебникъ вмѣстить? Если вы внесете въ учебникъ всѣ эти знанія въ видѣ краткихъ афоризмовъ, то книга значительно увеличится въ объемѣ, а гимназисту, вмѣсто одной исторіи о Сидорѣ и Егорѣ, придется заучивать десять исторій, потому что ваши краткіе афоризмы будутъ для него голыми фактами, которые онъ будетъ брать приступомъ, на память, съ равнодушіемъ и краснорѣчіемъ. Надо вообще твердо запомнить, что тысяча прочтенныхъ страницъ можетъ оставить по себѣ ясное понятіе о предметѣ, а экстрактъ изъ этихъ тысячи страницъ, заключающій въ себѣ, напимѣрь, страницъ пятьдесятъ, не оставляетъ никакого понятія, и можетъ быть только затверженъ на память. Стало быть, приходится—или удовлетвориться разсказомъ по Смарагдову, или написать учебникъ всеобщей исторіи томовъ въ пятьдесятъ, или наконецъ, прежде изученія исторіи сообщить ученику множество юридическихъ, политическихъ и экономическихъ свѣдѣній. Но Смарагдовымъ вы удовлетвориться не хотите, и я тоже не хочу. Стало быть, напишемъ учебникъ въ пятьдесятъ томовъ. Хорошо. Но это будетъ не учебникъ, а книга для чтенія. Ну, такъ начнемъ сообщать предварительныя свѣдѣнія, а потомъ уже учиться исторіи. Опять-таки хорошо. Но тогда намъ придется въ гимназін сообщать предварительныя свѣдѣнія, а исторію отложить на будущее время, и тогда уже читать лекціи исторіи, а не задавать уроки по учебнику.

Противъ этихъ двухъ выходовъ я ровно ничего не могу возразить. Пусть гимназисты читаютъ историческія сочиненія, если они ихъ понимаютъ и находятъ ихъ занимательными. Пусть имъ преподаютъ въ гимназін основныя понятія о народномъ хозяйствѣ, о государственныхъ системахъ, о юридическихъ отношеніяхъ, ежели только сдумаютъ пре-

подавать эти мудренныя и щекотливыя вещи такъ, чтобы онѣ были понятны и оставались неизуродованными. Но пусть не сваливаютъ этого разнороднаго матеріала въ одинъ общій ящикъ съ надписью «учебникъ исторіи», и пусть не требуютъ отъ этого учебника такихъ чудесъ, которыя онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ совершить. Вѣдь исторія не наука; это—приложеніе всѣхъ наличныхъ знаній и всего наличнаго ума человѣка къ пониманію прошедшей жизни; поэтому, два различные человѣка на основаніи однихъ и тѣхъ же памятниковъ напишутъ двѣ исторіи совершенно различнаго достоинства; поэтому пониманіе важныхъ историческихъ событій измѣняется съ каждымъ десятилѣтіемъ, хотя бы въ это десятилѣтіе и не открылось никакихъ новыхъ памятниковъ и матеріаловъ. Самый тупой и неразвитый человѣкъ можетъ написать исторію, но она будетъ отражать въ себѣ бессмысленную фізіономію своего творца. А если напишетъ исторію гениальный и очень образованный человѣкъ, то его твореніе будетъ великолѣпно и бессмертно. Понимать исторію мы также можемъ только сообразно съ нашими умственными силами и съ шириною нашего развитія. Шекспиръ самъ по себѣ не измѣняется, но если вы читали его, когда вамъ было четырнадцать лѣтъ, и потомъ прочли его, когда вамъ минуло двадцать лѣтъ, то навѣрное первое впечатлѣніе было значительно слабѣе и смутнѣе послѣдняго. Исторія, написанная замѣчательнымъ человѣкомъ,—тотъ же Шекспиръ; а исторія, составленная какимъ нибудь Капфигомъ или г. Устряловымъ, то же самое, что романъ г. Воскресенскаго или Рафаила Зотова. Перваго рода исторію слѣдуетъ понимать, а втораго рода — со всѣмъ читать не стоитъ. А чтобы понимать, надо стоять на извѣстной степени развитія. Но, если никто не принуждаетъ гимназистовъ читать историческія книги, тогда нѣтъ бѣды въ этомъ, что они возьмутъ въ руки такія сочиненія, которыя еще не вполне доступны ихъ пониманію. Не поймутъ—такъ оставятъ, а если будутъ читать, значить—находятъ удовольствіе и, стало быть, что нибудь понимаютъ. Я встаю только противъ обязательнаго изученія исторіи и противъ обязательнаго чтенія историческихъ книгъ. Эта обязательность прямо наваливаетъ на молодой умъ непосильный грузъ и, слѣдовательно, неизбѣжно ведетъ за собою отупѣніе и упадокъ мыслительной силы.

VII.

Географія, конечно, можетъ и должна быть преподаваема въ гимназіяхъ, но конечно не такъ, какъ она преподается теперь. Вину пло-

хого преподаванія сваливають на учебники, и въ этомъ случаѣ крестовый походъ противъ плохихъ учебниковъ оказывается такою же смѣшною несообразностію, какою онъ оказался въ дѣлѣ гг. Смарагдова и компаніи. Существенный недостатокъ въ преподаваніи географіи заключается въ томъ, что политическая географія преобладаетъ надъ физическою, а этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ только тогда, когда географія будетъ преподаваться въ тѣсной связи съ геологіею, ботаникою и зоологіею. Въ нашихъ географическихъ учебникахъ стоятъ на первомъ планѣ имена горъ, рѣкъ, озеръ, мысовъ и особенно городовъ; но въ нихъ есть также замѣчанія о почвѣ, климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. На эти замѣчанія ни учитель географіи, ни его ученики не обращаютъ никакого вниманія, и дѣйствительно, вниманія обращать не стоитъ, потому что замѣчанія гласятъ обыкновенно, что почва плодородная, климатъ благоприятный, или умѣренный, или холодный, произведеній много, и всѣхъ не упомянуть. Стало быть, если о плодородіи почвы отозваться умѣренно, а о климатѣ сообразить приблизительно по градусу широты, то дѣло сойдетъ благополучно. А насчетъ произведеній учитель рѣдко спрашиваетъ; вѣдь онъ видитъ, что ученикъ запомнилъ нѣсколько десятковъ именъ, означающихъ горы, рѣки и города; къ чему же ему гнаться еще за дюжиною именъ въ родѣ банановъ, пататовъ, боабабовъ, кокосовыхъ пальмъ, орангъ-утанговъ, ташировъ, кенгуру, орниторинксовъ; для ученика, незнакомаго съ естественными науками, это все такія же имена, какъ Камбоджа, Брамапутра, Давалагири, Чандернагоръ и т. д. А если бы учитель взялся объяснять каждое изъ именъ, означающихъ диковинныя растенія, или принадлежащихъ диковиннымъ животнымъ, то ему пришлось бы сдѣлать въ преподаваніи своего предмета цѣлый переворотъ, и переворотъ этотъ принесъ бы очень мало пользы, потому что двѣ самостоятельныя науки, ботаника и зоологія, не могутъ быть сообщены ученикамъ между прочимъ, въ прибавленіи къ урокамъ географіи.

Ни учебникъ, ни учитель географіи не могутъ своими средствами исправить общій недостатокъ системы. Географія прежде всего должна быть описаніемъ земли. Она должна дать ученику рядъ картинъ, показывающихъ ему, какъ размѣщены на земномъ шарѣ минераллы, растенія, животныя и люди. Она должна объяснить ему связь, существующую между этими произведеніями съ одной стороны и устройствомъ поверхности, орошеніемъ, свойствами почвы и климатическими условіями съ другой стороны. Словомъ, дѣло географіи показать общую связь отдѣльных частей; ей дѣло нарисовать общія картины природы. Но исполнить эту важную и трудную задачу она можетъ только въ томъ случаѣ, если отдѣльныя части будутъ уже извѣстны учащимся. Географія можетъ и должна опираться на всѣ естественныя науки, но замѣнять ихъ собою она не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ ей пришлось бы обра-

тяться въ необъятную энциклопедію, наполниться множествомъ эпизодическихъ подробностей, и слѣдовательно, совершенно упустить изъ виду свою единственную законную цѣль. Стало быть, учебники наши ни въ чемъ невиноваты, они совершенно соотвѣтствуютъ общимъ требованіямъ системы, и хорошіе учебники могутъ возникнуть только тогда, когда будетъ перестроена вся система. Теперь преподаваніе географіи впадаетъ въ тѣ же роковыя ошибки, которыя я указалъ въ преподаваніи исторіи. Въмѣсто того, чтобы описывать землю, географія старается описывать государства, или другими словами, старается представить картину современной жизни человѣчества, точно также, какъ исторія усиливается представить картину прошедшей жизни человѣчества. Старанія географіи, въ этомъ случаѣ, такъ же бесплодны, какъ усилія исторіи. Могутъ ли ученики понять, что такое правительство монархическое неограниченное, монархическое ограниченное, республиканское? что такое религія римско-католическая, лютеранская и англиканская? что такое университеты, ученныя и учебныя заведенія, заводы, фабрики и мануфактуры, гавани и крѣпости, и другія слова, которыми для разнообразія пересыпаны собственныя имена городовъ? что такое каналы, доки, верфи, таможи, биржи? что такое мѣсторожденія замѣчательныхъ людей, которыхъ ими попадаетъ ученику въ первый разъ въ жизни, и что такое памятники, воздвигнутые въ честь этихъ людей или въ воспоминаніе событій, о которыхъ ученикъ также не слыхалъ никогда? Чтобы объяснить ученику различныя образы правленія, надо прочесть ему сравнительный обзоръ европейскихъ конституцій; чтобы слова римско-католическій, лютеранскій и т. д. не были для него звуками, лишеными значенія, надо познакомить его съ параллельною исторіею религій; другія, приведенныя мною, слова: университеты, заводы, гавани и т. д. употребляются нами такъ часто, что мы не отдаемъ себѣ отчета въ ихъ неясности; но подумайте, возбуждаютъ ли эти слова въ умѣ ученика какія нибудь опредѣленныя представленія? Онъ присмотрѣлся къ нимъ; слово знакомо, но о томъ предметѣ, который обозначается этимъ словомъ, онъ не имѣетъ никакого понятія. Чтобы дать ему это понятіе, надо, по поводу каждаго отдѣльнаго слова, прочесть ему нѣсколько лекцій; въ географіи надо будетъ ввести множество экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и техническихъ свѣдѣній и подробностей. А всего лучше поступить съ преподаваніемъ политической географіи также, какъ я совѣтовалъ поступить съ преподаваніемъ исторіи. Политическая географія предметъ очень сложный; поэтому слѣдуетъ преподавать ее тогда, когда ученики усвоятъ себѣ понятіе о простыхъ элементахъ, входящихъ въ ея составъ. Но политическія и экономическія свѣдѣнія вообще должны быть передаваемы юношамъ уже развитымъ и способнымъ мыслить; стало быть, всего лучше отложить о нихъ попеченіе въ гимназіи и сосредото-

чить все вниманіе учениковъ на физической географіи, поддерживаемой основательнымъ изученіемъ естественныхъ наукъ.

Кстати о естественныхъ наукахъ. Многіе замѣтятъ, быть можетъ, что естественныя науки и теперь преподаются въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ нѣтъ греческаго языка. Это замѣчаніе конечно не можетъ считаться серьезнымъ. Вы можете себѣ представить, что это за преподаваніе. Припомните только, что вмѣсто одного греческаго языка вводятся два предмета: законовѣдѣніе и естественная исторія. Стало быть, всѣ естественныя науки, вмѣстѣ взятыя, соотвѣтствуютъ половинѣ греческаго языка. Потомъ, что это за наука «естественная исторія»? Это виногреть изъ минералогіи, ботаники и зоологіи, и виногреть этотъ подается на столъ однимъ учителемъ. Тутъ, очевидно, можно ожидать только изобилія терминовъ и классификацій, или же, для разнообразія, бюфоновскихъ разсказовъ о трогательной вѣрности собаки и объ изумительной смышлености бобра. Такія естественныя науки, конечно, не могутъ служить опорой для физической географіи. Но даже естественная исторія все-таки лучше всеобщей исторіи и политической географіи. Вѣрность собаки и смышленость бобра по крайней мѣрѣ понятны ученикамъ, а дѣйствія Тиверія Гракха или монархическое ограниченное правленіе Англіи оказываются для учениковъ китайскою грамотою. Надо принять себѣ за неизмѣнное правило ту основную педагогическую истину, что ученику слѣдуетъ говорить только то, что его интересуетъ, или то, что онъ можетъ исполнѣе понять. Приобрѣтаемая въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ привычка встрѣчать незнакомыя понятія и свывкаться съ ними, не проникнувъ въ ихъ смыслъ, привычка читать книги, не отдавая себѣ отчета въ ихъ содержаніи, привычка скользить надъ трудностями, не желая ихъ замѣтить, эта привычка прямо ведетъ къ расслабленію и къ вялости мысли, къ неизлечимому фразерству, къ бессознательному и безысходному шарлатанству.

VIII.

О преподаваніи русской грамматики распространяться нечего. Оно идетъ недурно, и, конечно, оно совершенно необходимо, какъ естественное и неизбѣжное продолженіе азбуки. Остается желать ему тѣхъ улучшеній, которые понемногу проникаютъ во всякое преподаваніе, по мѣрѣ развитія и уясненія общихъ понятій о рациональныхъ педагогическихъ приемахъ. Въ грамматикѣ не можетъ быть никакихъ радикальныхъ преобразованій, и поэтому я отодвигаю ее всторону.

Но неуждно ли вамъ взглянуть на теорію словесности и на исторію

русской литературы, поглощающія въ жизни гимназистовъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Эти два предмета начинаются въ четвертомъ классѣ и сопровождаютъ учениковъ до седьмого включительно. Подъ именемъ теоріи словесности укрываются, съ несвойственною имъ стыдливостью, риторика и пиитика, тѣ самыя науки, которыя до сихъ поръ открыто свирѣпствуютъ въ семинаріяхъ, отравляя жизнь бурсака и наполняя его несчастную голову непроходимую чепухою. Къ этимъ двумъ знаменитымъ наукамъ присоединяется кусочекъ формальной логики; есть даже покушенія на эстетику; впрочемъ, гдѣ тотъ смертный, который отважится разграничить эти науки? Кто догадается, гдѣ кончается логика и начинается риторика? Кто отличитъ пиитику отъ эстетики? И какой здравомыслищій человекъ объяснитъ намъ, на что годятся всѣ эти четыре науки, вмѣстѣ взятыя? Гимназическая программа желаетъ вѣроятно, чтобы онѣ умягчали жестокія сердца буйныхъ и строптивыхъ учениковъ. Извѣстно, что изящныя искусства поселяютъ кротость и добродушіе въ суровые нравы дикарей; извѣстно, что даже животныя любятъ музыку и что камни слагались сами собою въ стѣны фиванской крѣпости подъ звуки лиры Амфіона. На основаніи всѣхъ этихъ историческихъ и зоологическихъ примѣровъ, гимназическая программа хочетъ умиливать и растрогать юныхъ питомцевъ разсужденіями объ изящномъ и о различныхъ его проявленіяхъ.

Я поневолѣ долженъ предположить въ теоріи словесности скрытую нравственную цѣль, потому что отыскать въ сѣ преподаваніи малѣйшую долю пользы для умственного развитія нѣтъ никакой возможности. Представленія, понятія и силлогизмы, метафоры, эпитеты, синекдохи, антитезы, опредѣленіе, опредѣленіе изящнаго, субъективность и объективность, пластическія и тоническія искусства, художественность и поэзія, трогательное и наивное, юморъ и иронія, дидактизмъ, драматизмъ, эпосъ, лирика — да если бы я захотѣлъ, я могъ бы наполнить словами десятки страницъ; и это море словъ льется сначала широкими и правильными волнами съ кафедры къ скамейкамъ, потомъ журчитъ робкими и перемежающимися ручейками отъ скамеекъ къ кафедрамъ; и въ подобныхъ занятіяхъ учитель и его ученики проводятъ еженедѣльно часа по три впродолженіи двухъ лѣтъ; и учителю несовѣстно глядѣть на своихъ учениковъ; и ученикамъ не смѣшно смотрѣть на своего учителя. Не явное ли это доказательство того чарующаго и смягчающаго вліянія, которое разсужденія объ изящныхъ предметахъ оказываютъ на самыя разнородныя организаціи? Учитель изливаетъ море словъ и, убаюканный его величественнымъ шумомъ, перестаетъ понимать то, что онъ дѣлаетъ, перестаетъ чувствовать подавляющую нелѣпность своего занятія. Ученикъ изливаетъ журчащій ручеекъ словъ и, также убаюканный его серебристымъ журчаніемъ, теряетъ свойственную гимназисту способность

видѣть смѣшную сторону вещей. Учитель и ученикъ баюкають другъ друга, и затѣмъ расходятся, успокоенные и умиротворенные.

Я прошу читателя извинить мой шуточный отзывъ о теоріи словесности; но мнѣ кажется, что объ этомъ предметѣ невозможно говорить серьезно. Вѣдь только тѣ остроумные люди, которые, при напряженіи всѣхъ своихъ умственныхъ силъ, дошли до отрицанія учебниковъ Кайданова и Смараглова, только эти остроумные люди, говорю я, способны серьезно полемизировать противъ теоріи словесности. Я настолько уважаю моего читателя, что не причисляю его къ этимъ остроумнымъ людямъ. Поэтому я нахожу достаточнымъ напомнить читателю, что такое теорія словесности, и замѣтить ему, что этимъ предметомъ занимаются гимназисты въ продолженіи двухъ лѣтъ. Этого напоминанія и замѣчанія слишкомъ достаточно для того, чтобы произнести приговоръ надъ этою умиротворяющею наукой. Археологическое значеніе этой науки также заслуживаетъ вниманіе: мы сохранили ее со времени Аристотеля въ полной чистотѣ и неприкосновенности. Живучесть фразерства ясно доказывается этимъ любопытнымъ обстоятельствомъ.

За теорію словесности слѣдуетъ исторія русской литературы. Эта исторія, какъ и всѣ другія, представляетъ списокъ именъ, которыя навсегда останутся для ученика именами, ровно ничего собою незначащими. Жиль-быль Несторъ, написалъ лѣтопись; жилъ-быль Кирилль Туровскій, написалъ проповѣдей много; жилъ-быль Даниилъ заточникъ, написалъ Слово Даниила заточника; жилъ-быль Серапіонъ, жилъ-быль, жилъ-быль, и всѣ они жили-были, и всѣ они что нибудь написали, и всѣхъ ихъ очень много, и до всѣхъ ихъ никому нѣтъ дѣла, кромѣ гимназистовъ и изслѣдователей старины. Когда дойдетъ дѣло до Ломоносова и Державина, тогда становится еще тошнѣе; приходится запоминать названія одъ и отрывки изъ нихъ, до которыхъ также дотыкаются только гимназисты и изслѣдователи. А ужъ когда доберутся до Пушкина, тогда надо спѣшить, потому что учебный годъ приходитъ къ концу; да и кромѣ того, гимназистамъ не полагается знакомиться съ новѣйшею литературою подробнѣе, чѣмъ съ словомъ Даниила Заточника и съ державинскою Фелицею.

Читатель мой, вы патріотъ, и я тоже патріотъ; вы всей душой любите русскую литературу, и я тоже люблю ее всей душой. Но допустимъ на минуту предположеніе, что наши высокія чувства не помрачаютъ нашего пронизательнаго ума; въ одну изъ такихъ предполагаемыхъ свѣтлыхъ минутъ, приложимъ перстъ ко лбу и подумаемъ: слѣдуетъ ли преподавать исторію русской литературы? Отрицательный отвѣтъ не замедлитъ привести насъ въ ужасъ, потому что, пока мы будемъ размышлять, свѣтлая минута пройдетъ, и отвѣтъ врѣжется въ туманъ нашихъ чувствъ, какъ злобѣщая молнія. Но если настанетъ еще свѣтлая мину-

та, тогда мы не побоимся сознаться передъ собой, что дѣйствительно сохранять отъ забвенія имена такихъ людей, которыхъ идеи и поступки не имѣютъ уже никакого вліянія на нашу умственную жизнь — трудъ тяжелый, неблагодарный, и кромѣ того, всегда безуспѣшный. Имена эти удерживаются въ памяти учащихся только до возделѣннаго дня послѣдняго экзамена. Первые впечатлѣнія дѣйствительной жизни смываются безъ слѣда всѣ тепличныя растенія школы. Если случится, что молодой человѣкъ припомнитъ нечаянно какого нибудь Вассіана Рыло или Сильвестра Медвѣдева, или Аблесимова, Хераскова, Кострова, или два-три стиха Тредьяковскаго, Ломоносова или Державина, то онъ только улыбнется и проговоритъ про себя или вслухъ: чортъ знаетъ, чему насъ учили! И это скажетъ молодой человѣкъ, потому что у насъ всегда случается, что юноша, окончившій курсъ ученія, становится тотчасъ непримиримымъ врагомъ той системы преподаванія, которую онъ испыталъ на себѣ самомъ. Это враждебное отношеніе учащагося или учившагося къ школѣ составляетъ у насъ такое общее явленіе, къ которому мы совершенно приглядѣлись и въ которомъ мы не находимъ даже ничего ненормальнаго. А хорошо ли это явленіе? Не доказываетъ ли оно само по себѣ, независимо отъ всякихъ другихъ доказательствъ, что вся система нашего образованія нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ, и что она можетъ освѣжиться и усовершенствоваться только вслѣдствіе радикальнаго переворота? Если бы были недовольны теперешнимъ преподаваніемъ десять, сто, тысяча воспитанниковъ и учениковъ, то причины этого неудовольствія могли бы быть случайныя, происходящія отъ собственной вины недовольныхъ. Но когда нельзя найти ни одного воспитанника, или ученика, который учился бы съ удовольствіемъ, изъ одной любви къ ученію, когда эта непріязнь къ школѣ сохраняется у людей, уже вышедшихъ изъ подъ ея вліянія, тогда дѣлается очевиднымъ, что школа не исполняетъ своего назначенія.

Однако, патріотическое чувство наше все таки оскорблено, читатель, и мы говоримъ, снова упиваясь туманомъ, что нельзя же народу забывать прошедшее своей умственной жизни. Но туманъ опять разсѣвается, и тогда мы соображаемъ, что прошедшее нашей умственной жизни всегда будетъ сохраняемо изслѣдователями. Кому надо ознакомиться съ старинною русской литературы, духовной и свѣтской, тотъ найдетъ къ ней дорогу, помимо учебника Зеленецкаго, утвержденного департаментомъ народнаго просвѣщенія. А кому такое знакомство не кажется необходимымъ, того не обратитъ на путь истины даже учебникъ Зеленецкаго. Я думаю, не было еще примѣра, чтобы гимназическій курсъ русской литературы вселилъ въ кого нибудь любовь къ этому предмету. Учитель русской словесности, конечно, можетъ поддѣйствовать такимъ образомъ, но только въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ разсуждать съ

учениками, и слѣдовательно, дѣйствовать на нихъ, какъ человѣкъ, а не какъ учитель. Накопецъ, не мѣшаетъ посмотрѣть на дѣло слѣдующимъ образомъ: если мы будемъ думать, что наше умственное прошедшее можетъ сохраниться въ нашей памяти только при содѣйствіи обязательнаго ученія, то мы, стало бытъ, будемъ сомнѣваться въ патріотизмъ нашего юношества. Если патріотизмъ надо втолковывать въ школѣ и поддерживать экзаменами, то какой же это патріотизмъ? Вѣдь вынужденная добродѣтель теряетъ всю свою цѣну. Патріотъ поневолѣ — *le patriote malgré lui*— сюжетъ достойный Мольера и нисколько неуступающій въ комизмѣ сюжету: врачъ поневолѣ — *le médecin malgré lui*. Стало бытъ, нравственная сторона въ преподаваніи русской литературы оказывается несостоятельною. Что же касается до умственной стороны этого преподаванія, то несостоятельность ея не нуждается въ доказательствахъ. А что, если бы учитель, оставивъ въ сторонѣ теорію словесности и исторію русской литературы, началъ читать съ учениками лучшія поэмы и прозаическія сочиненія Пушкина, потомъ прочиталъ бы имъ всего Гоголя, кромѣ переписки съ друзьями, потомъ Кольцова, потомъ Тургенева и Островскаго, потомъ лучшія критическія статьи Вѣлинскаго и Добролюбова, потомъ нѣсколько народныхъ былинъ и пѣсенъ, нѣсколько легендъ и сказокъ? Какъ вы думаете? Вѣдь гимназисты считали бы классъ русской словесности наслажденіемъ для себя; вѣдь они съ благодарностью вспоминали бы о такомъ учителѣ до сѣдыхъ волосъ; вѣдь, пожалуй даже интересы патріотизма были бы сохраняемы, пожалуй у нѣкоторыхъ учениковъ пробудилось бы дѣйствительное желаніе узнать что нибудь о предшественникахъ Пушкина. Пожалуй могло бы изъ этого выдти много хорошаго. Но вѣдь это неосуществимая мечта. Вѣдь ученикамъ тогда нечего было бы учить наизусть, и учителя согнали бы съ кафедры послѣ перваго экзамена въ его классѣ. Вѣдь у насъ принято измѣрять и взвѣшивать плоды ученія, а такъ какъ умственное развитіе нельзя прикинуть ни на аршинъ, ни на безмѣръ, то оно и считается мифомъ и роскошью. Намъ подавай знанія, чтобъ ученикъ говорилъ на экзаменѣ полчаса, не переводя духа, и чтобъ онъ могъ проговорить два или три часа, если только его не останоятъ. Это мы любимъ, и этого мы достигаемъ.

VIII.

Языки латинскій и греческій обыкновенно преподаются въ гимназіяхъ недурно. Въ той гимназіи, гдѣ я учился, эти предметы препода-

вались отлично. Каждымъ изъ нихъ завѣдывали по два учителя, такъ что ни одинъ день не обходился у насъ безъ эллиновъ или римлянъ. Самые лѣнвые и невнимательные ученики припуждены были читать довольно правильно латинскіе стихи и спрягать безъ значительныхъ ошибокъ греческіе глаголы. Результатъ блестящій! Но къ чему это вело? Къ чему это могло вести? Можетъ быть, къ тому, что изъ тридцати учениковъ выработается со временемъ одинъ учитель латинскаго языка и одинъ учитель греческаго языка; а изъ трехъ сотъ учениковъ, можетъ быть, одинъ сдѣлается профессоромъ римской или греческой словесности. Этотъ одинъ втеченіи своей профессорской дѣятельности образуетъ двоихъ или троихъ эллинистовъ или латинистовъ, которые потомъ въ свою очередь передадутъ свѣтильникъ своей науки немногимъ избраннымъ; десятилѣтія, вѣка пройдутъ надъ нашимъ обществомъ, а свѣтильникъ эллинизма или латинизма будетъ горѣть по прежнему въ двухъ трехъ кабинетахъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла; если бы этотъ свѣтильникъ погасъ, то никто бы этого не замѣтилъ, никто бы объ этомъ не пожалѣлъ; а между тѣмъ тысячи дѣтей и юношей постоянно тратятъ силы и время надъ грамматическими и синтаксическими трудностями классическихъ писателей, единственно для того, чтобы подливать въ этотъ тускло-горящій свѣтильникъ скудныя капельки масла.

Зачѣмъ гибнетъ это время? Къ чему тратятся эти силы? Защитники классическаго образованія приводятъ въ его пользу два главные аргумента. Во первыхъ, они говорятъ, что самый процессъ изученія древнихъ языковъ развиваетъ мыслительныя силы. Во вторыхъ, они напоминаютъ о красотахъ классическихъ литературъ и говорятъ, что чтеніе въ подлинникъ Гомера, Виргилія, Горація, Цицерона, Демосфена, Тацита, Фукидида, Платона составляетъ лучшую школу для ума, для сердца и для эстетическаго чувства. Первый аргументъ вѣренъ, но его надо расширить, и тогда практическое примѣненіе его будетъ значительно измѣнено. Не изученіе древнихъ языковъ, а вообще всякое изученіе иностранныхъ языковъ развиваетъ умъ, сообщая ему гибкость и способность проникать въ чужое міросозерцаніе. Изученіе греческаго и латинскаго языковъ труднѣе, чѣмъ изученіе языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, но это обстоятельство вовсе не доказываетъ того, чтобы занятія перваго рода были полезнѣе для развитія ума. Трудности классическихъ языковъ, заключающіяся въ страшномъ изобиліи грамматическихъ формъ, въ сложности склоненій и спряженій, цѣликомъ ложатся на память, и усилія, необходимыя для преодоленія этихъ трудностей, вовсе не развиваютъ критическаго смысла учащагося. Обыкновенно случается такъ, что юный гимназистъ приучается только къ мелочной внимательности, и что весь его умъ уходитъ на борьбу съ удареніями и метрами, съ временами и наклоненіями, съ предлогами и

союзами, съ конструкціями и поэтическими вольностями. Древнія языки сложнѣе новѣйшихъ вовсе не потому, чтобы мысли тѣхъ временъ были богаче нашихъ, а напротивъ—потому, что въ древности форма преобладала надъ мыслью. Для насъ литература есть серьезное дѣло, а для аристократовъ и патриціевъ древности она была художественною забавою. Мысль придумывала для своего выраженія сотни ненужныхъ оттѣнковъ, которыхъ мы теперь не понимаемъ. Самая простота грековъ такъ богата украшеніями, что для насъ она кажется напыщенностью. Илиада въ буквальный переводѣ Гнѣдича поражаетъ насъ своею цвѣтистостью и высокопарностью, а между тѣмъ извѣстно, что удивительная простота рѣчи составляетъ главное достоинство Гомера. Поэтому, углубляясь въ изученіе классиковъ, мы рискуемъ увлечься преимущественно формою выраженія; мы тратимъ всѣ силы своего ума, чтобы вдуматься въ такіе оттѣнки рѣчи, которые для грека или римлянина были только капризами фантазіи, требовавшей разнообразія. Мы дѣлаемся педантами тамъ, гдѣ древній человѣкъ былъ сибаритомъ, тѣшившимся звучностью и прихотливостью своихъ выраженій. Силы, издерживаемыя на изученіе древнихъ языковъ, были бы употреблены гораздо болѣе производительнымъ образомъ, если бы мы обратили ихъ на изученіе живыхъ языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго. Въ этихъ языкахъ нѣтъ тѣхъ бесплодныхъ, техническихъ трудностей, которыя заваливаютъ собою грамматики греческую и латинскую, а между тѣмъ, каждый изъ этихъ языковъ переноситъ насъ въ міросозерцаніе такого народа, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ греки и римляне, какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни.

Но намъ говорятъ о красотахъ классическихъ литературъ, и это напоминаніе составляетъ второй аргументъ защитниковъ классическаго образованія. По правдѣ сказать, изъ всѣхъ греческихъ и латинскихъ писателей только Гомера и Тацита дѣйствительно стоитъ читать въ подлинникѣ. Всѣ остальные писатели древности не произвели ничего такого, чего бы мы не могли найти у современныхъ народовъ въ болѣе совершенной и сознательной формѣ. Но изучать два языка для того, чтобы прочесть въ подлинникѣ двѣ поэмы и четыре историческія сочиненія, о которыхъ все таки можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по хорошимъ переводамъ,—это, воля ваша, слишкомъ удивительный подвигъ самоотверженія; этотъ подвигъ могутъ совершать люди по доброй волѣ, но зачѣмъ возлагать его на невинныхъ гимназистовъ? Пусть учится древнимъ языкамъ тотъ, кто желаетъ этого, но зачѣмъ же обязательное ученіе? Если каждому образованному человѣку необходимо прочесть въ подлинникѣ Гомера и Тацита, то я не вижу, почему не было бы необходимости читать Саади и Гафиза въ персидскомъ подлинникѣ, Магабгарату и Саконталу въ санскритскомъ, сочиненія Конфуція въ китайскомъ, коранъ въ арабскомъ,

и т. д. Навѣрное въ каждомъ языкѣ можно было бы найти такія красоты, которыя утрачиваются или по крайней мѣрѣ блѣднѣютъ въ переводѣ. Но такъ какъ жизнь человѣческая имѣетъ предѣлы и не должна тратиться на одно преслѣдованіе различныхъ красотъ, то для образованнаго русскаго можно признать совершенно достаточнымъ, если онъ, кромѣ своего роднаго языка, будетъ знать языки французскій, нѣмецкій и англійскій. Можно сказать безъ преувеличенія, что на этихъ трехъ языкахъ онъ найдетъ всѣ сокровища человѣческаго ума и человѣческой фантазіи, какъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ, такъ и въ превосходныхъ переводахъ со всѣхъ остальныхъ, мертвыхъ и живыхъ языковъ. Если бы гимназіи, обращающія такъ много вниманія на классическую древность, перенесли это вниманіе на языки французскій, нѣмецкій и англійскій, то общество и учащая молодежь сказала бы имъ большое спасибо. Конечно, многіе молодые люди употребили бы свои лингвистическія познанія только для свѣтской болтовни, но за то всѣ они имѣли бы въ рукахъ ключи отъ трехъ богатѣйшихъ литературъ. Кто изъ нихъ захотѣлъ бы, тотъ могъ бы воспользоваться этими ключами, а это много значить; намъ часто случается видѣть, что самое добросовѣстное стремленіе къ образованію остается на степени стремленія только потому, что стремящемуся приходится начинать съ французской или нѣмецкой азбуки, чтобы добраться до серьезныхъ научныхъ сочиненій. Заниматься азбукою, вокабулами и грамматикою въ двадцать лѣтъ не всякому по силамъ, и прямая обязанность школы состоитъ въ томъ, чтобы облегчить своимъ питомцамъ дальнѣйшій ходъ занятій, сообщивъ имъ тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя такъ легко усваиваются дѣтьми и которыя съ трудомъ и скукою пріобрѣтаются взрослыми. Французскій и нѣмецкій языки преподаются въ гимназіяхъ плохо и небрежно; англійскій вовсе не преподается. Если бы уничтожить въ гимназіяхъ латинскій и греческій языкъ, то сбереженное время могло бы значительно усилить преподаваніе новѣйшихъ языковъ, и польза такой перемѣны была бы очевидна. Защитники классицизма обыкновенно приводятъ въ примѣръ Англію, воспитывающую свое юношество на греческихъ и латинскихъ писателяхъ и въ то же время преуспѣвающую на поприщѣ гражданской жизни. Аргументація этихъ господъ болѣе оригинальна, чѣмъ убѣдительна. Вотъ ихъ логика: Ивановъ — человѣкъ очень богатый. Онъ ѣздитъ обыкновенно на гнѣдыхъ лошадяхъ. Слѣдовательно, чтобы разбогатѣть, необходимо ѣздить также на гнѣдыхъ лошадяхъ. Пока мы будемъ соблазняться такой логикой, или сражаться противъ нея, до тѣхъ поръ мы навѣрное не разбогатѣемъ, на какихъ бы лошадяхъ мы ни ѣздили.

IX.

Обзоръ предметовъ, входящихъ въ гимназическій курсъ, доказываетъ очень убѣдительно наше совершенное равнодушіе къ общему образованію. Воспитательный элементъ очень силенъ въ гимназіяхъ; для сохраненія благонравія между учениками принято множество мѣръ положительныхъ и отрицательныхъ. Къ первымъ относятся различныя наказанія, о которыхъ я не считаю нужнымъ распространяться. Вторыя заключаются въ той заботливости, съ которою начальство слѣдитъ за преподаваніемъ и удаляетъ изъ него всё подробности, могущія повредить нравственной или умственной чистотѣ учащагося юношества. Спеціальный элементъ обнаруживается не такъ сильно, потому что гимназіи считаются преимущественно общеобразовательными заведеніями. Кто желаетъ изучить характеръ спеціальнаго элемента, тотъ долженъ обратиться къ такимъ заведеніямъ, въ которыхъ къ гимназической программѣ присоединены предметы, сообщающіе всему заведенію особый колоритъ и опредѣленное познаніе. Тамъ, конечно, наблюдатель увидитъ, что спеціальныя предметы преподаются очень тщательно и оттѣсняють на самый задній планъ тѣ науки, которыя считаются у насъ необходимою принадлежностью общаго образованія. Даже въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ можно впрочемъ замѣтить признаки спеціализма. Они выражаются въ особеннотщательномъ преподаваніи греческаго и латинскаго языка.

Если бы программа нашего общаго образованія была составлена рационально, то можно было бы пожалѣть о томъ, что это общее образованіе такъ часто приносится въ жертву спеціализму. Но теперь не о чемъ жалѣть. Воспитательный элементъ и спеціализмъ не могутъ повредить общему образованію, потому что нечему вредить; общее образованіе не можетъ пострадать, потому что оно не существуетъ. А почему оно не существуетъ, это довольно трудно объяснить. Можетъ быть потому, что наша программа списана съ устарѣлыхъ нѣмецкихъ программъ; а можетъ быть и потому, что составители нашихъ программъ упустили изъ виду общее образованіе и заботились только о воспитаніи и о спеціальностяхъ. Какъ бы то ни было, общее образованіе оказывается у насъ именно въ данной формѣ, съ очень опредѣленнымъ литературно-историческимъ направленіемъ. Съ этой формой и съ этимъ направленіемъ свыклась разсуждающая часть нашего общества; свыкнувшись съ ними, она стала поддерживать ихъ своимъ мнѣніемъ и своими предразсудками, она приглядѣлась къ тому типу, который она называетъ образованнымъ человѣкомъ; и потому очень смѣло объявляетъ необра-

зованными тѣхъ людей, которые отвергають и этотъ типъ, и ея требованія.

Я не буду говорить о тѣхъ временахъ, когда незнаніе французскаго языка, или вѣрнѣе, непривычка говорить на этомъ языкѣ, считалось рѣшительнымъ доказательствомъ необразованія. Эти времена отживають свой вѣкъ, и ратовать противъ умирающихъ предразсудковъ смѣшно и бесполезно. Я замѣчу, что даже лучшая часть нашего общества до сихъ поръ носится съ такими странными понятіями объ образованіи, которыя она приняла по наслѣдству, безъ малѣйшей критической повѣрки. Образованный человѣкъ, по господствующему мнѣнію, долженъ имѣть понятіе... На этихъ словахъ я долженъ остановиться, потому что нѣтъ никакой возможности выразить точно и опредѣлительно, о чемъ долженъ имѣть понятіе человѣкъ, признаваемый образованнымъ. Онъ долженъ знать, что Сервантесъ написалъ Донъ Кихота, и что Донъ Кихотъ сражался съ мельницами, что Шекспиръ написалъ Гамлета, и что Гамлетъ былъ влюбленъ въ Офелію, что Беатриче была возлюбленною Данте, а Лаура возлюбленною Петрарки, что Жоржъ Зандъ проповѣдуетъ эмансипацію женщинъ, что Юлій Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ, что Байронъ хромалъ на одну ногу и сражался за свободу Греціи, что Людовикъ XIV сказалъ: «l'état—c'est moi,» а потомъ сказалъ: «il n'y a plus de Pyrénées», что графъ Уголино умеръ въ башнѣ съ голода, что Лютеръ бросилъ въ чорта чернильницей, что Марій сидѣлъ на развалинахъ Карфагена, что губернаторомъ острова св. Елены былъ Гудзонъ Ло, что Титъ считалъ потеряннмъ тотъ день, въ который онъ не сдѣлалъ добраго дѣла, что Парижскія тайны написаны Еженемъ Сю, что... ну, все равно, довольно и этого, чтобы видѣть требованія общества. Образованный человѣкъ долженъ знать, кромѣ того, имена всѣхъ столичныхъ городовъ на земномъ шарѣ, а изъ математики — четыре правила арифметики и названія всѣхъ математическихъ наукъ. Нельзя сказать, чтобы требованія общества были обширны и глубоки, но за то въ предѣлахъ своихъ требованій общество очень строго. О Данте оно знаетъ наиримѣръ только то, что онъ любилъ Беатриче и написалъ Божественную комедію; о Петраркѣ то, что онъ итальянскій поэтъ и пѣвецъ Лауры; о Титѣ — что онъ римскій императоръ и хорошій человѣкъ; о Людовикѣ XIV — что онъ le grand roi, и что при немъ былъ le siècle de Louis XIV, ну и потомъ M-lle de la Valliere, M-me de Montespan, M-me de Maintenon. Но если вы не знаете и этихъ вещей, тогда вы человѣкъ необразованный. Вы и не требуйте отъ общества отчета, почему именно необходимо знать эти вещи, и къ чему ведетъ это знаніе. Вамъ или совсѣмъ не отвѣтить, или отвѣтить съ изумленіемъ и досадою: «ахъ, боже мой, да какъ же этого не знать? Это всѣ знаютъ. Какъ, къ чему ведегъ? Но нужно же имѣть понятіе.»

Дальше этого отвѣта общество не идетъ; оно и само не знаетъ, какъ велики предѣлы этихъ обязательныхъ знаній; не знаетъ и того, почему и съ какого времени они сдѣлались обязательными; оно только чувствуетъ непріятное ощущеніе, когда кто нибудь въ его средѣ выходитъ изъ границъ дозволеннаго невѣжества, и объявляетъ тотчасъ такого нарушителя границъ человѣкомъ необразованнымъ. Вы смѣло можете не знать ничего о физическихъ законахъ природы и можете признаваться обществу въ своемъ невѣжествѣ; но есть собственныя имена и историческія сплетни, которыя вы обязаны знать, если не желаете сдѣлаться предметомъ всеобщаго изумленія. Понятно, стало быть, что образованіе представляется обществу чѣмъ-то неопредѣлимымъ; этимъ именемъ называется что-то такое, — а что именно, неизвѣстно; да общество никогда объ этомъ и не спрашиваетъ. Ему досталось откуда-то, когда-то, по какому-то случаю, сумма какихъ-то разрозненныхъ знаній; оно къ нимъ привыкло, назвало ихъ образованіемъ, удовлетворилось ими, и теперь только иногда, точно сквозь сонъ, требуетъ частичныхъ усовершенствованій, новыхъ учебниковъ, нагляднаго преподаванія, улучшенія въ личномъ составѣ учителей. Ему даже въ голову не приходитъ спросить себя: да что же такое образованіе? чѣмъ оно должно быть, и въ какомъ положеніи находится оно у насъ? Молодые люди, выходящіе изъ учебныхъ заведеній, всегда недовольны школою, но всегда объясняютъ свое неудовольствіе мелкими и случайными недостатками: учебники не хороши, учителя плохи, начальство придирчиво. Потомъ это неудовольствіе стирается другими житейскими впечатлѣніями, и молодые люди, дѣлаясь отцами семейства, совершенно мирятся съ школьными неудобствами и безтрепетно подвергаютъ имъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, вліяніе общества на школу ограничивается только тѣмъ, что общество говоритъ: «надо имѣть понятіе...» а такъ какъ школа даетъ понятіе и о Граксахъ, и о Несторѣ, и о синекдохахъ, то общество оказывается совершенно довольнымъ, и отцы каждый годъ проливаютъ слезы умиленія надъ успѣхами возлюбленныхъ дѣтей. Я теперь перейду къ университету, а потомъ въ заключеніе выскажу нѣсколько мыслей о томъ, чѣмъ должно быть общее образованіе.

X.

Лучшія надежды нашего отечества сосредоточиваются на университетахъ; университетская молодежь обыкновенно вноситъ въ практическую жизнь честность стремленій, свѣжесть взглядовъ и непримире-

мую ненависть къ рутинѣ всякаго рода. Обскуранты и рутинеры всегда нападали на университеты и предпочитали имъ систему закрытыхъ заведеній; но теперь эта порода обскурантовъ и рутинеровъ переводится и обращается въ палеонтологическую рѣдкость. Ихъ уже никто не боится и съ ними никто не спорить. Теперь писатель, уважающій самого себя, не обязанъ безусловно защищать университеты; онъ можетъ спокойно разсматривать и указывать недостатки ихъ устройства. А недостатки эти очень многочисленны и крупны. Въ концѣ 1861 года появилось много статей объ университетахъ. Я теперь не имѣю ихъ подъ руками и не помню ихъ выводовъ. Можетъ быть, мнѣ случится въ чемъ нибудь сойтись съ тою или другою изъ этихъ статей, но я не вижу въ этомъ большой бѣды. Если мысли мои будутъ вѣрны, то онѣ не потеряютъ отъ того, что будутъ высказаны во второй разъ. Если онѣ ошибочны, то повторенное вранье будетъ также безвредно для публики, какъ было безвредно вранье первобытное. То обстоятельство, что у меня нѣтъ подъ руками этихъ статей, даже благодѣтельно для публики; оно сокращаетъ мое разсужденіе, потому что отнимаетъ у меня возможность возражать тѣмъ писателямъ, которые раньше меня разрабатывали вопросъ объ университетахъ.

Важнѣйшее и единственное преимущество университета передъ всякими другими высшими учебными заведеніями заключается въ томъ, что учащіеся пользуются значительною степенью свободы въ выборѣ и въ направленіи своихъ занятій. Ни талантъ профессоровъ, ни ихъ усердіе, ни ихъ умѣніе сближаться съ студентами, ничто не можетъ возбудить въ молодомъ человѣкѣ ту энергію и самодѣятельность, которую возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ чувство собственной самостоятельности. Въ закрытомъ заведеніи, молодой человѣкъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ быть только благовоспитаннымъ и прилежнымъ школьникомъ. Въ университетѣ онъ дѣлается человѣкомъ, сознательно распоряжающимся своими силами и способнымъ обращать въ свою пользу даже неблагопріятныя условія. Онъ часто увлекается, часто дѣлаетъ глупости, но надо помнить, что переходъ отъ дѣтства къ мужеству заключается именно въ томъ, что молодой человѣкъ, путемъ собственныхъ опытовъ, ошибокъ и паденій, выучивается твердо стоять на ногахъ и твердыми шагами направляться къ сознательно-выбранной цѣли. Кого заботливая рука удерживала отъ всякихъ паденій, тотъ или въ позднѣйшемъ возрастѣ наверстаетъ потерянное время, или останется на всю жизнь благовоспитаннымъ мальчикомъ, неимѣющимъ ни характера, ни оригинальности. Процвѣтаніе университетовъ всегда соответствовало той степени самостоятельности, которая предоставлена была студентамъ. Дѣятельность самыхъ талантливыхъ профессоровъ никогда не могла замѣнить собой эту драгоцѣнную самостоятельность. Умствен-

ное развитіе похоже въ этомъ отношеніи на кристаллизацію. Главное дѣло экспериментатора, желающаго добыть правильные кристаллы, заключается въ томъ, чтобы не тревожить сосуда, въ которомъ налить растворъ. Главное дѣло университетскаго начальства, добросовѣстно относящагося къ умственнымъ интересамъ студентовъ, не вмѣшиваться въ ходъ ихъ занятій регламентаціею и административными распоряженіями. Если бы начальство захотѣло на примѣръ ввести на лекціяхъ переклички студентовъ и репетиціи, то подобное распоряженіе повредило бы университету сильнѣе, чѣмъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ даровитѣйшихъ профессоровъ. Эта мѣра, можетъ быть, принудила бы десятокъ кутящихъ студентовъ проводить въ аудиторіяхъ часы, тратившіеся въ ресторанахъ, но за то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала бы сотни дѣльныхъ студентовъ на такихъ лекціяхъ, которыя не приносятъ имъ пользы. А истратить часъ времени на бесполезной лекціи гораздо хуже, чѣмъ истратить часъ на болтовню или другое развлеченіе.

Студентъ возвращается съ лекціи утомленный, и долженъ отдыхать, такъ что у полезной работы отнимается не часъ времени, а вдвое или втрое больше. Прибавьте къ этому постоянную досаду противъ нравственнаго насилія, и вы увидите, какъ некрасивы послѣдствія такого распоряженія, которое на первый взглядъ можетъ показаться довольно благообразнымъ.

Такъ какъ преимущества университета передъ другими высшими учебными заведеніями заключаются единственно въ самостоятельныхъ отношеніяхъ студентовъ къ своимъ занятіямъ, то недостатки, обнаруживающіеся въ современномъ устройствѣ университетовъ, заключаются единственно въ ограниченіи этой необходимой и во всѣхъ отношеніяхъ полезной самостоятельности. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій неизбежны въ настоящее время и находятся въ связи съ общимъ положеніемъ образованія въ обществѣ; но во всякомъ случаѣ эти ограниченія оказываются недостатками, на которые должна указывать теорія, и объ исправленіи которыхъ должно заботиться общество. Если эти недостатки существуютъ сами по себѣ, то ихъ нетрудно устранить; если же они представляются только симптомами болѣе глубокаго зла, заключающагося въ образѣ мыслей и въ складѣ жизни самого общества, то мы тѣмъ болѣе не должны съ ними мириться. Какъ бы глубоко ни укоренилось зло, оно никогда не превращается въ добро; его надо искоренить рано или поздно, и анализировать его развѣтвленія и проявленія всегда полезно и своевременно.

Основная причина всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ самостоятельность учащихся, состоитъ въ тѣхъ правахъ, которыя университетъ даетъ своимъ студентамъ, окончившимъ курсъ и выдержавшимъ выпускной экзаменъ. Кто получаетъ права, тотъ, разумѣется, несетъ обязанности.

Всякая обязанность налагаетъ извѣстнаго рода заботы, а всякая забота, неотносящаяся прямо къ интересамъ умственнаго развитія, мѣшаетъ этому развитію.

Права, предоставляемые студентамъ, окончившимъ курсъ, ведутъ за собою два ближайшія послѣдствія. Во-первыхъ, университетъ раздѣляется на факультеты. Во-вторыхъ, являются обязательные экзамены. Оба эти послѣдствія вредятъ очень сильно самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ.

Раздѣленіе на факультеты обязываетъ молодого человѣка, стремящагося къ высшему образованію, выбрать тотчасъ же одинъ изъ факультетовъ. Выборъ этотъ всегда дѣлается на авось, потому что гимназія не даетъ понятія ни объ одной наукѣ. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ гимназіи, не знаетъ ни силъ, ни наклонностей своего ума, не знаетъ также и того, какой работы требуетъ та или другая наука, и какія умственныя наслажденія можетъ она доставить. Чаше всего случается такъ, что молодой человѣкъ дѣлается математикомъ, филологомъ, или юристомъ, смотря потому, за какіе предметы онъ получалъ въ гимназіи хорошіе баллы. Иногда онъ угадываетъ вѣрно, но это только счастливый случай. Часто бываетъ такъ, что онъ перескакиваетъ изъ одного факультета въ другой и тратитъ года два на неудачныя пробы. Большею же частью бываетъ еще хуже. Поступивши на такой факультетъ, который ему не нравится, молодой человѣкъ остается на немъ: «все равно, думаетъ онъ: — какъ нибудь дотяну; стоитъ ли бидаться изъ стороны въ сторону? Еще, богъ знаетъ, найдешь ли на другомъ факультетѣ что нибудь лучше?» — Когда студентъ разсуждаетъ такимъ образомъ, тогда, конечно, нельзя ожидать, чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ съ любовью; онъ записываетъ лекціи, выдерживаетъ экзамены и получаетъ аттестатъ, не почувствовавши ни разу въ жизни живительнаго вліянія любимаго труда. Удивительно ли, что такой человѣкъ, бывши рутинеромъ на студенческой скамейкѣ, окажется рутинеромъ и въ практической жизни? Въ университетѣ онъ стремился къ аттестату, а въ жизни всегда найдутся постороннія цѣли, къ которымъ можно стремиться и которымъ можно приносить въ жертву интересы дѣла и собственное человѣческое достоинство.

Но вы скажете, можетъ быть, что такой человѣкъ самъ виноватъ въ своей деморализаціи, и что эту деморализацію нельзя приписывать раздѣленію университета на факультеты. Вы скажете, что этотъ человѣкъ могъ перейти съ одного факультета на другой; что онъ могъ, наконецъ, поступить въ университетъ вольнымъ слушателемъ, и уже потомъ, изучивъ свои силы и наклонности, присмотрѣвшись къ различнымъ наукамъ, сдѣлаться студентомъ и сознательно выбрать себѣ факультетъ. Ваши разсужденія справедливы, но только до извѣстной степени. Вы

*

берете отвлеченнаго человѣка, глубоко проникнутаго безкорыстнымъ и сознательнымъ стремленіемъ къ образованію; вы забываете, что эти чувства, мысли и стремленія обыкновенно приобрѣтаются и очищаются только путемъ образованія и умственного труда; вы забываете, что въ университетъ поступаютъ не мудрецы, сознательно идущіе къ завоеванію истины, а юноши, прельщающіеся всѣми искушеніями жизни. Лучшіе изъ этихъ юношей приносятъ съ собою въ университетъ только неопредѣленную любознательность, передъ которою вовсе не умолкаютъ житейскіе расчеты. Отъ университетской атмосферы зависитъ— или очистить эту любознательность отъ постороннихъ примѣсей, или напротивъ, совершенно задушить ее подъ этими посторонними побужденіями. Если любознательный юноша сразу заинтересуется какою нибудь наукою, онъ станетъ выше своихъ расчетовъ и будетъ смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ. Если же онъ ошибется въ своемъ выборѣ, то неудовлетворяемая любознательность можетъ замереть; юноша можетъ подумать, что эта любознательность была мечтательнымъ стремленіемъ къ несуществующимъ благамъ; расчеты одержать рѣшительную побѣду, и юноша разсудитъ очень основательно, что переходить съ одного факультета на другой значитъ терять время, затруднять себѣ дорогу къ аттестату, отнимать у самого себя такіе годы, которые могутъ быть употреблены на дѣйствительную службу, ведущую къ чинамъ, къ знакамъ отличія, къ большому окладу жалованья. А поступить въ вольные слушатели? Подобная мысль не можетъ придти въ голову юношѣ, только что вышедшему изъ гимназіи; для этого надобно, чтобы онъ чувствовалъ недовѣріе къ своему собственному выбору. Кто же не знаетъ, что подобное недовѣріе немыслимо въ очень молодомъ и совершенно неопытномъ человѣкѣ? Кромѣ того, поступить въ вольные слушатели значитъ также потерять нѣсколько времени на размышленіе и попытки, а молодость торопится жить. Мы должны имѣть въ виду не отвлеченную молодежь, а такую, какая дѣйствительно существуетъ. Эта молодежь черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ сама смѣяться и надъ своими расчетами, и надъ своими побужденіями; одни ей покажутся мелкими, другіе—ребяческими, но и тѣ и другія въ свое время сообщали ей поступкамъ опредѣленное направленіе. Ими нельзя пренебрегать; ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что отъ нихъ зависитъ часто сила и кѣлоритъ умственной жизни цѣлаго поколѣнія. Этимъ-то мелкимъ расчетамъ и ребяческимъ побужденіямъ современное устройство университетовъ оказываетъ самую предосудительную поблажку.

Говоря поступающимъ молодымъ людямъ: «выбирайте себѣ факультетъ!» университетъ самъ примѣшиваетъ идею карьеры къ идеѣ образованія и потакаетъ такимъ образомъ житейскимъ расчетамъ будущихъ Петровъ Ивановичей Адуевыхъ. Конечно, молодой человѣкъ можетъ про-

тивустоятъ этимъ искушеніямъ; онъ можетъ сказать: «я не ищу правъ, я не хочу выбирать факультетъ. Я буду вольнымъ слушателемъ, выслушаю тѣ курсы, которые меня интересуютъ, и потомъ уйду изъ университета безъ всякихъ экзаменовъ и дипломовъ». Онъ можетъ это сказать и сдѣлать. На это нѣтъ ни физической невозможности, ни запретительной статьи закона. А между тѣмъ очень невѣроятно, чтобы онъ поступилъ такимъ образомъ. Испушенія слишкомъ сильны. Всѣ предразсудки общества поддерживаютъ права, дипломы, экзамены, студенчество распредѣленное по факультетамъ. Простое слушаніе лекцій, незнаграждаемое ни чинами, ни служебными преимуществами, до сихъ поръ кажется обществу пустымъ препровожденіемъ времени. Наука величественна, образованіе полезно, но практическія выгоды болѣе осязательны. Онѣ смягчаютъ самое жестокое сердце и примиряютъ съ университетами самыя скептическія умы престарѣлыхъ родителей. На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ, мы можемъ принять за несомнѣнную истину, что покуда въ университетѣ существуютъ права и факультеты, до тѣхъ поръ большая часть молодыхъ людей будетъ бросаться въ эти факультеты, очертя голову, и въ случаѣ ошибки, будетъ дотягивать ляжку, чтобы получить дипломъ.

— Ну хорошо, говорите вы: — молодой человѣкъ поступилъ на факультетъ. Кто-же ему мѣшаетъ слушать нѣкоторыя лекціи другого факультета? — Да, никто не мѣшаетъ; онъ слушаетъ, но изъ этого слушанія ничего не выходитъ. Онъ смотритъ на постороннюю лекцію, какъ женатый человѣкъ на легкую интрижку. Передъ нимъ лежитъ извѣстная дорога; надъ головой его висятъ извѣстные экзамены; практическое значеніе имѣютъ въ его глазахъ только труды по извѣстнымъ, факультетскимъ предметамъ. Какое же значеніе можетъ имѣть при такихъ условіяхъ посторонняя лекція? Она можетъ ему понравиться, какъ понравилась бы какая нибудь театральная пѣса. Она можетъ возбудить въ немъ желаніе ходить для развлечения въ аудиторію посторонняго профессора — и только. Что же тутъ за польза? Когда наука служитъ намъ развлеченіемъ и не возбуждаетъ въ насъ желанія трудиться, тогда она вовсе не исполняетъ своего назначенія. Комедія или концертъ всегда развлекаютъ сильнѣе, чѣмъ лекція, — стало быть, отъ лекціи не слѣдуетъ требовать развлечения. Но положимъ, что лекція или рядъ лекцій посторонняго профессора заинтересовали студента очень серьезно и возбудили въ немъ желаніе познакомиться покороче съ этою наукою. Такое желаніе дѣлается для него несчастіемъ. Начинается борьба между искусственно сооруженнымъ долгомъ и естественнымъ влеченіемъ. Съ любовью заниматься постороннею наукою значитъ отнимать время у факультетскихъ занятій, значитъ измѣнять интересамъ своей будущей карьеры, значитъ предпочитать пріятное полезному. Оставаться на

одномъ факультетѣ и заниматься предметомъ другого факультета значить дробить свои силы. Перейти на другой факультетъ? Но вѣдь тамъ, кромѣ одной любимой науки, придется заниматься десяткомъ наукъ вовсе непривлекательныхъ. Что же тутъ дѣлать? Положеніе драматическое, а между тѣмъ, весь драматизмъ происходитъ только отъ перегородки, поставленной между двумя факультетами и поддерживаемой обязательными экзаменами и правами. Если бы молодой человѣкъ былъ вольнымъ слушателемъ, то ему ничто бы не мѣшало слушать вмѣстѣ лекціи разныхъ факультетовъ; если бы онъ былъ вольнымъ слушателемъ, то любовь, почувствованная имъ къ какой бы то ни было наукѣ, наполнила бы его душу живѣйшею радостью и повела бы его къ серьезнымъ занятіямъ. Не было бы никакого драматическаго столкновенія. Конечно, студентъ всегда можетъ сдѣлаться вольнымъ слушателемъ. Физической невозможности нѣтъ, но нравственныхъ препятствій много. «Вотъ, подумаетъ онъ: — если я останусь студентомъ и выдержу опредѣленный экзаменъ по программѣ факультета, то получу дипломъ и права. А если сдѣлаюсь вольнымъ слушателемъ и буду заниматься тѣмъ, что мнѣ нравится, то ничего не получу. Это обидно». — И не только обидно, а даже глупо, говорить студенту родители, опекуны и всѣ опытные совѣтники. Да ты объ этомъ и думать не смѣй, подтверждаетъ раздражительная маменька. А отчего они все это думаютъ, говорятъ и подтверждаютъ? Отчего переходъ съ одного факультета на другой подаютъ иногда поводъ къ семейнымъ сценамъ? Отчего такая простая вещь, какъ занятія тѣмъ предметомъ, который нравится, оказывается труднымъ подвигомъ, требующимъ отъ молодого человѣка почти ломоносовской силы характера? Все оттого, что университетъ даетъ права и составляетъ преддверіе карьеры. Если бы не было правъ, не было бы и факультетовъ. Вся учащаяся молодежь была бы вольными слушателями, посѣщала бы лекціи по собственному выбору и распоряжалась бы своимъ развитіемъ съ полною самостоятельностью.

XI.

Факультеты стараются образовать специалистовъ, и вмѣсто того, образуютъ только одностороннихъ теоретиковъ. Студентъ, по выходѣ изъ университета, находится въ положеніи Сократа: онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ, по крайней мѣрѣ, ничего такого, что приложимо къ жизни и къ какой нибудь отрасли труда. Въ этомъ я и не упречаю

университетъ, совсѣмъ не его дѣло учить молодого человѣка ремеслу; но если все устройство университета видимо направлено къ тому, чтобы образовывать нѣсколько сортовъ ремесленниковъ, и если, при всемъ томъ, ремесленники не выходятъ изъ университетовъ, а формируются и обучаются уже послѣ выхода, подъ вліяніемъ практической дѣятельности, то очевидно, не достигается ни та широкая цѣль, къ которой долженъ бы былъ стремиться университетъ, ни та узкая цѣль, къ которой онъ направленъ въ настоящее время. Университетъ не даетъ намъ истинно образованныхъ людей, потому что его устройство ставитъ много препятствій на пути самостоятельнаго умственной развитія учащихся; университетъ не даетъ специалистовъ, потому что специалиста не можетъ образовывать школа, его образуетъ только самая работа,—что же даетъ намъ университетъ? Людей, пропитанныхъ умозрѣніями, принимающихъ теоріи за аксіомы, уходящихъ отъ жизни въ книгу, и сохраняющихъ въ своихъ фразахъ и разсужденіяхъ отпечатокъ того факультета, въ которомъ они были заменены. Я очень хорошо знаю, что многіе изъ теперешнихъ и бывшихъ студентовъ вовсе не подходятъ подъ эту характеристику; я знаю, что между ними найдется много людей, смотрящихъ на жизнь свѣтло и разумно, но я знаю также, что эти люди развиваются помимо университета, и что всѣ неудобства современнаго университетскаго устройства сознательно чувствуются ими и производятъ на нихъ самое тяжелое впечатлѣніе. Защитники современнаго университетскаго устройства очень недовольны теперешними студентами, и неудовольствіе это началось именно съ тѣхъ поръ, какъ студенты поняли неудовлетворительность однихъ профессорскихъ лекцій и начали искать собственными силами, въ жизни и въ литературѣ, матеріаловъ для своего развитія.

Это значитъ, что современное устройство университетовъ не удовлетворяетъ ни тѣхъ, для кого оно составлено, ни тѣхъ, кто его защищаетъ. Для первыхъ, то есть, для учащихся оно стѣснительно. Вторые, то есть, заматерѣлые профессора, находятъ его слабымъ и неспособнымъ сдерживать развитіе студентовъ въ строю — въ опредѣленныхъ границахъ. Молодая жизнь вездѣ просачивается черезъ обветшалыя плотины, затрудненія обходятся, препятствія преодолеваются, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы затрудненія и препятствія уже теперь были безвредны. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, чтобы увидѣть въ нихъ не содѣйствіе, а помѣху, молодому человѣку нужно много остроумія и проникательности; чтобы вступить съ ними въ борьбу и одолѣть ихъ, нужно много энергіи и много драгоцѣннаго времени. Часто бѣлая половина университетскихъ годовъ уходитъ у студента исключительно на то, чтобы убѣдиться въ ложности и бесплодности господствующаго направленія занятій. Конечно, испытывать разочарованія полезно, но, по всей вѣроятности, защитники современнаго университетскаго устройства ожидаютъ

отъ университетовъ не того, чтобы они снабжали студентовъ разочарованіями.

Не одни студенты испытываютъ на себѣ неудобства современнаго университетскаго устройства; эти неудобства падаютъ и на профессоровъ. Профессоръ университета по роду своихъ занятій мало отличается въ настоящее время отъ учителя гимназіи. Вся разница между ними заключается въ томъ, что учитель спрашиваетъ уроки во время каждаго класса, а профессоръ спрашиваетъ уроки за цѣлый годъ, на экзаменѣ. Отношенія учителя къ ученикамъ гораздо проще и откровеннѣе, чѣмъ отношенія профессора къ своимъ слушателямъ. Учитель очень хорошо знаетъ, что ученики сошлись къ нему въ классъ по звонку, безъ всякаго особеннаго желанія учиться; обыкновенно учитель не придаетъ никакого значенія желанію или нежеланію учениковъ, ставитъ имъ за нежеланіе плохіе баллы, оставляетъ ихъ безъ обѣда или безъ отпуска, и дѣло съ концомъ. Профессоръ также можетъ предполагать, что большая часть его слушателей сидитъ въ его аудиторіи по долгу службы, и задабриваетъ его своимъ присутствіемъ для предстоящаго экзамена; но какъ убѣдиться въ этомъ? Какъ отдѣлить слушателей, любящихъ его науку и его лекціи, отъ слушателей, высживающихъ въ его аудиторіи хорошій баллъ? Какъ узнать дѣйствительныя потребности слушателей, записывающихъ съ одинаковымъ усердіемъ все, что благоугодно сказать господину профессору? Какъ заговорить откровенно съ слушателемъ, который прежде всего видитъ въ профессорѣ будущаго экзаменатора? Положеніе добросовѣстнаго профессора чрезвычайно щекотливо. Добросовѣстный профессоръ знаетъ, что официальность студентовъ въ отношеніи къ нему совершенно оправдывается: во-первыхъ, общимъ устройствомъ университета, во-вторыхъ, личностью и дѣятельностью большей части другихъ профессоровъ. Онъ—добросовѣстный профессоръ, не формалистъ, но онъ знаетъ, что по настоящему онъ обязанъ быть формалистомъ; знаетъ и то, что въ сосѣдней аудиторіи сидитъ профессоръ формалистъ, которому нѣтъ никакого дѣла до умственныхъ потребностей слушателей. Конечно, между добросовѣстнымъ профессоромъ и дѣльнымъ студентомъ могутъ установиться разумныя отношенія, независимыя отъ экзаменовъ; но для этого надобно, чтобы профессоръ и студентъ узнали другъ друга, а это вовсе не легко, потому что они поставлены другъ къ другу въ обязательныя отношенія; профессору неловко сдѣлать шагъ къ сближенію съ студентомъ, потому что онъ видитъ съ его стороны официальность и недовѣріе; студенту также неловко, потому что профессоръ можетъ подумать, что студентъ заискиваетъ въ немъ для экзамена. Такая простая вещь, какъ довѣрчивое сближеніе между человѣкомъ знающимъ и человѣкомъ желающимъ знать, становится затруднительною, — а почему? Опять-таки потому, что существуютъ права, и вслѣд-

ствіе того, обязательные экзамены. Эти экзамены, смотря по личности профессора, бывают или очень трудны, или очень легки. Если профессор формалистъ, то малѣйшее отклоненіе отъ записокъ принимается въ расчетъ, какъ доказательство непосѣщенія лекцій; если профессор не формалистъ, то онъ во всякомъ случаѣ и за всякій отвѣтъ ставитъ удовлетворительный баллъ. Въ первомъ случаѣ студентъ принужденъ зубрить, какъ гимназистъ, или какъ бурсакъ; во второмъ случаѣ онъ приходитъ на экзаменъ чтобы исполнить формальность. Очевидно, что въ первомъ случаѣ экзамены вредны, а во второмъ бесполезны. Но конечно, полное отмѣненіе всякихъ экзаменовъ, и выпускныхъ и переходныхъ, возможно только тогда, когда университеты не будутъ давать своимъ слушателямъ никакихъ правъ. Поэтому, отмѣненіе правъ должно быть желаніемъ всѣхъ людей, принимающихъ къ сердцу судьбу высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

ХІІ.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ недостатки нашего гимназическаго образованія и показали слабую сторону нашихъ университетовъ. Теперь нетрудно будетъ обозначить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ преобразованія, въ которыхъ нуждаются гимназіи и университеты. Въ гимназической программѣ нѣтъ общаго плана; собранія словъ и фразъ называются науками; рассказы и гипотезы вытѣсняють собою серьезные знанія; память учениковъ работаетъ постоянно, а мыслительныя способности ихъ находятся въ бездѣйствіи. Конечно, все это должно быть передѣлано. Въ программу должно быть внесено строгое единство общаго плана; фразы, называющіяся въ своей совокупности исторіею, политическою географіею, теоріею словесности, и т. д., должны быть оставлены за штатомъ; рассказы и гипотезы должны уступить мѣсто научнымъ аксіомамъ и теоремамъ; мыслительныя способности учениковъ должны вступить въ отправленіе своихъ естественныхъ обязанностей. Всѣ эти метаморфозы могутъ быть произведены только въ томъ случаѣ, когда будетъ измѣнена самая подкладка образованія. До сихъ поръ въ нашихъ школахъ изучали преимущественно человѣка и его духовныя произведенія, а теперь надобно изучать природу. Это единственное средство выдти изъ области догадокъ и предположеній, фразъ и возгласовъ, красивыхъ теорій и бессмысленнаго зубренія. Это единственное средство ввести учениковъ въ область точнаго знанія, добросовѣстнаго изслѣдованія и живого мышленія.

Я доказалъ уже, говоря о преподаваніи исторіи и географіи въ гимназіяхъ, что изученіе человѣка и его гражданской жизни по своей слож-

ности недоступно гимназистамъ; я доказалъ также, что изученіе это въ дѣйствительности не существуетъ, и что историческія и географическія знанія гимназистовъ составляютъ самый печальный оптический обманъ. Одного этого обстоятельства уже достаточно, чтобы навсегда отложить попеченіе о такъ называемомъ гуманномъ образованіи; объ этомъ образованіи не стоитъ жалѣть; оно кажется удовлетворительнымъ только тогда, когда нѣтъ лучшаго; оно считалось хорошимъ тогда, когда естественныя науки были въ колыбели; оно существуетъ теперь по тому же самому, почему существуютъ многіе антики, давно осужденныя на смерть наукою и здравымъ смысломъ; существуетъ потому, что крѣпка наша рутина, велико наше невѣжество, безгранично наше равнодушіе къ умственнымъ интересамъ подрастающихъ поколѣній. Благодаря невѣжеству и рутинѣ, естественныя науки такъ оклеветаны въ нашемъ обществѣ, что совѣтъ положить ихъ въ основу нашего школьнаго образованія покажется многимъ просвѣщеннымъ педагогамъ преступнымъ посягательствомъ на умственную непорочность учащагося отрочества. За естественными науками стоитъ призракъ матеріализма, выдуманный отъ нечего дѣлать волхвами и кудесниками московской журналистики. Доказать, что матеріализмъ намъ вовсе неопасенъ, что онъ у насъ даже вовсе не существуетъ—конечно нетрудно, но это доказываніе ни къ чему не поведетъ; когда общество наслушалось нелѣпныхъ толковъ, когда оно напугано ими, тогда оно не вѣритъ доказательствамъ. Попробуйте доказать крестьянскому мальчику, что нѣтъ на свѣтѣ домового, и вы увидите, какъ блистательная аргументація ваша разобьется объ укоренившійся предрасудокъ, превратившійся уже въ инстинктивное чувство. Я очень хорошо знаю, что мои мысли о гимназическомъ образованіи и о необходимости положить въ его основу естественныя науки будутъ приняты въ обществѣ очень недовѣрчиво; я знаю, что объ осуществленіи подобной мысли смѣшно даже мечтать. Но я думаю, что между журнальною статьею и дѣловымъ проектомъ существуетъ значительная разница. Проектъ долженъ быть практиченъ и непосредственно приложимъ къ дѣлу; онъ долженъ принимать въ соображеніе взгляды, мнѣнія и даже современные предрасудки общества. Что же касается до простой журнальной статьи, то ея дѣло просто бросить въ общество ту или другую мысль. Авторъ отвѣчаетъ только за честность этой мысли и за искренность собственнаго убѣжденія. Дѣло общества принять, или отбросить эту мысль, оспаривать ее, или оставить ее вовсе безъ вниманія. Поэтому, не смущаясь добродѣтельнымъ отвращеніемъ общества къ естественнымъ наукамъ и къ матеріализму, и въ тоже время не забывая о практической приложимости моего разсужденія, я покажу, почему именно однѣ естественныя науки, положенныя въ основу общаго образованія, могутъ развить умъ и сообщить учащемуся прочныя знанія.

Во-первыхъ, знанія о природѣ вполне соотвѣтствуютъ естественнымъ потребностямъ дѣтскаго ума. Первые проблески ребяческой любознательности направляются прямо на окружающія впечатлѣнія. Спрашиваетъ ли когданибудь ребенокъ о томъ, что было тысячу лѣтъ тому назадъ? Нѣтъ, онъ и представить себѣ не можетъ такую крупную цифру и такую далекую эпоху. Стало быть, исторія дается ребенку помимо его желанія; она не отвѣчаетъ никакой потребности его ума. Спрашиваетъ ли ребенокъ: что такое красота, добро, истина? Когда ему нравится картинка или игрушка, спрашиваетъ ли онъ: почему это мнѣ нравится? Конечно, нѣтъ. Отвлеченіе и анализъ собственныхъ впечатлѣній — такіе процессы, которые совершенно несвойственны уму ребенка. Стало быть, логика, эстетика и весь хламъ теоріи словесности даются ребенку помимо его желанія. Но вѣдь извѣстно, что ребенокъ постоянно пристаётъ къ взрослымъ съ вопросами. О чемъ же онъ спрашиваетъ? Конечно о томъ, что онъ видитъ. Отчего мѣсяць сегодня стоитъ на небѣ серпомъ, а недѣлю тому назадъ былъ круглый? Отчего собака ѣстъ хлѣбъ, а кошка не ѣстъ? Отчего бутылка съ водою лопнула на морозѣ? Отчего облака по небу ходятъ? Отчего дождь идетъ? Вотъ вопросы ребенка, и ребенокъ такъ разнообразитъ ихъ, что вамъ становится очевиднымъ, какъ они рождаются въ головѣ его подъ вліяніемъ свѣжихъ и постоянно измѣняющихся впечатлѣній.

Періодъ такой живой любознательности обыкновенно продолжается недолго; взрослые большею частью отвѣчаютъ на вопросы ребенка такъ глупо, что ребенку надоѣдаетъ спрашивать. Ему приходится думать одно изъ двухъ: или то, что на его вопросы вовсе не существуетъ удовлетворительнаго отвѣта; или то, что окружающіе его взрослые не понимаютъ недѣлности своихъ отвѣтовъ. Въ первомъ случаѣ онъ мирится съ незнаніемъ, и любознательность его засыпаетъ; во второмъ случаѣ онъ ищетъ отвѣта, какъ искалъ отвѣта Ломоносовъ. Конечно, второй случай гораздо рѣже перваго. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ, знакомство съ естественными науками должно привести ребенка въ восхищеніе. Разумный отвѣтъ на одинъ вопросъ порождаетъ въ умѣ десятокъ новыхъ вопросовъ, и ребенокъ приобретаетъ прочныя свѣдѣнія, даже не подозревая того, что онъ началъ учиться. Если естественныя науки преподаются ребенку скольконибудь разумно, то, конечно, удовольствіе испытанное имъ при первомъ знакомствѣ съ законами природы будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ это знакомство будетъ дѣлаться болѣе короткимъ и сознательнымъ. Знаніе природы ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ условіяхъ жизни, ни въ какомъ общественномъ положеніи не можетъ быть мертвымъ капиталомъ ни для ребенка, ни для взрослого человѣка. Всякая школьная мудрость забывается за порогомъ школы, потому что самое существованіе этой мудрости поддерживается

и обуславливается только затхлою атмосферою школы; но природа окружает человѣка вездѣ; стало быть, человѣкъ, однажды заинтересовавшийся изученіемъ ея силъ и законовъ, уже никогда не забудетъ того, что онъ о ней знаетъ, и всегда будетъ стремиться къ расширенію своихъ свѣдѣній. Только однѣ естественныя науки глубоко коренятся въ живой дѣйствительности; только онѣ совершенно независимы отъ теорій и фикцій; только въ ихъ область не проникаетъ никакая реакція; только онѣ образуютъ сферу чистаго знанія, чуждаго всякихъ тенденцій; слѣдовательно, только естественныя науки ставятъ человѣка лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, неподрашенною нравоученіями, не обрѣзанною системами, не сочиненною досужнымъ мышленіемъ философовъ. И между тѣмъ эти самыя естественныя науки до сихъ поръ считаются достояніемъ зачатыхъ специалистовъ; исторію, теорію словесности должны знать всѣ образованные люди; а законы и отправления жизни, которая проявляется во всѣхъ органическихъ существахъ, начиная отъ лишаевъ и водорослей и кончая обезьяною и человѣкомъ, эти законы писаны только для двухъ трехъ десятковъ чудаковъ, называемыхъ натуралистами. Остальному обществу, называющему себя образованнымъ, до нихъ нѣтъ никакого дѣла, — ему, по русской пословицѣ, законъ не писанъ. Конечно, такое непостижимое равнодушіе къ тому, что насъ постоянно окружаетъ и постоянно дѣйствуетъ на насъ, можетъ быть объяснено только крайнею неразвитостію, которую, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно назвать полною умственною слѣпотою. Лечить отъ этой слѣпоты взрослыхъ уже, можетъ быть, поздно; но предохранить отъ нея дѣтей—это должно быть святою обязанностію всѣхъ отцовъ и воспитателей. Общество наше погружено въ спячку; у него нѣтъ никакихъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ, а между тѣмъ великая книга природы открыта передъ всѣми, и въ этой великой книгѣ до сихъ поръ, трудами немногихъ замѣчательныхъ дѣятелей, прочтены только первыя страницы.

Кто-же виноватъ въ томъ, что наши достаточные и *soi-disant* образованные классы ничего не дѣлаютъ и ничѣмъ не интересуются? Виновато очевидно направленіе ихъ образованія; школа ничѣмъ не заинтересовала ихъ, и это обстоятельство даже дѣлаетъ честь ихъ природному уму, потому что въ нашихъ школахъ дѣйствительно интересоваться нечѣмъ. Если бы Александръ Гумбольдтъ учился въ русской гимназій или въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, то по всей вѣроятности, онъ сдѣлался бы ревностнымъ посѣтителемъ баловъ и балетовъ, вмѣсто того, чтобы быть натуралистомъ и путешественникомъ. Вѣдь Александръ Гумбольдтъ былъ барономъ и богатымъ человѣкомъ,—стало быть, нѣтъ ничего несбыточнаго въ той мысли, что, при разумномъ направленіи образованія, даже высшіе классы нашего общества могутъ перейти отъ танцевъ къ дру-

гимъ занятіямъ, болѣе достойнымъ челоуѣка и болѣе полезнымъ для челоуѣчества. Кому же удобнѣе всего разрабатывать науку, какъ не тѣмъ людямъ, которые обезпечены въ матеріальномъ отношеніи? И эти люди дѣйствительно стали бы разрабатывать науку, если бы были заинтересованы ею съ дѣтства. А заинтересовать челоуѣка съ дѣтства можетъ только изученіе природы.

Говорить о практической пользѣ естественныхъ наукъ, указывать на паровыя машины, на желѣзныя дороги, на электрическіе телеграфы, на микроскопъ, химическій анализъ и успѣхи фізіологіи—значило бы повторять фразы, встрѣчающіяся въ предисловіяхъ ко всевозможнымъ оригинальнымъ и переводнымъ книгамъ по естественнымъ наукамъ. Я воздержусь отъ этого словоизверженія. Читатель самъ понимаетъ, что все матеріальное благосостояніе челоуѣчества зависитъ отъ его господства надъ окружающею природою, и что это господство заключается только въ знаніи естественныхъ силъ и законовъ. Но читатель, можетъ быть, не обращалъ вниманія на то обстоятельство, что эти знанія до сихъ поръ вырабатывались только десятками людей; сотни и тысячи принимали уже выработанные результаты, питались готовыми кушаньями и слѣдовательно сами нисколько не помогали стряпнѣ. А почему они не помогали? Неужели потому, что они всѣ были неспособны помогать? Такое предположеніе совершенно неправдоподобно. Неужели наши мужики потому неграмотны, что неспособны выучиться азбукѣ? Вѣдь это уже очевидная нелѣпность. Мужики неграмотны, потому что разныя постороннія обстоятельства мѣшали имъ учиться; точно также, сотни и тысячи образованныхъ людей оставались равнодушными къ изученію природы потому, что направленіе ихъ образованія не давало имъ познаться съ азбукою естествознанія. Но между мужиками находились и находятся люди, въ которыхъ желаніе учиться такъ сильно, что оно вырывалось даже изъ-подъ гнета неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Точно также между образованными людьми попадаются личности, замѣчательныя по своей любознательности, личности, умѣющія вырваться изъ того ограниченнаго круга идей и понятій, въ который ставитъ ихъ господствующее направленіе общаго образованія. Эти-то немногія личности, превращающіяся въ чудаковъ и натуралистовъ, несутъ на плечахъ своихъ весь трудъ матеріальнаго прогресса челоуѣчества. Если бы этихъ личностей было больше, то, очевидно, завоеванія челоуѣчества въ области естествознанія совершались бы быстрѣе; а вмѣстѣ съ тѣмъ, и вся жизнь челоуѣчества представляла бы меньше лишеній и страданій, меньше горя и бѣдности. Если бы азбука естествознанія была также распространена, какъ та азбука, по которой мы учимся читать, то число изслѣдователей природы навѣрное увеличилось бы въ нѣсколько десятковъ разъ, и труды этихъ изслѣдователей сдѣлались бы также гораздо плодо-

творнѣе, чѣмъ теперь, потому что всѣ результаты изслѣдованія обобщались и прилагались бы къ жизни несравненно быстрѣе и полнѣе тепершняго. Рутинна и предрасудки погибли бы на вѣки, потому что они держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самыя простыя законы природы неизвѣстны даже образованному обществу.

Наконецъ, самый законъ умовъ сдѣлается тверже, когда естественныя науки будутъ положены въ основу общаго образованія. Естественныя науки важны и замѣчательны не только по предмету своего изученія, но и по своему методу. Это — науки, основанныя исключительно на наблюденіи и опытѣ. Собственно говоря, только математическія и естественныя науки имѣютъ право называться науками. Только въ нихъ гипотезы не остаются гипотезами; только онѣ показываютъ намъ истину и даютъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно истина. Эти науки сообщаютъ человѣку, посвятившему себя ихъ изученію, такую трезвость и неподкупность мышленія, такую требовательность въ отношеніи къ своимъ и къ чужимъ идеямъ, такую силу критики, которая сопровождаетъ этого человѣка за предѣлы выбранныхъ имъ наукъ, которая не оставляетъ его въ дѣйствительной жизни и кладетъ свою печать на всѣ его разсужденія и поступки.

По всѣмъ этимъ причинамъ я полагаю, что изученіе математическихъ и естественныхъ наукъ должно быть положено въ основаніе нашей гимназической программы. Кромѣ этихъ наукъ должны оставаться только законъ божій, русская грамматика и новѣйшіе языки. Что касается до университета, то онъ нуждается только въ отмѣнѣ правъ и ограниченій. Реформа гимназій естественно отразится на немъ, и потребности слушателей выразятся сами собою, въ томъ обстоятельствѣ, что однѣ аудитории будутъ биткомъ набиты, а другія останутся пустыми. Въ гимназіяхъ должна *быть произведена* реформа, а университетъ *самъ себя* реформируетъ, если только будутъ устранены искусственныя препятствія. Реформа образованія должна быть начата съ низшихъ заведеній, потому что въ нихъ заключается корень нашего умственного безсилія. Все это теорія и мечта, скажетъ читатель, и я скажу тоже самое, и это несколько не приведетъ меня въ смущеніе и въ раскаяніе. Я говорю о томъ, что должно быть, а не о томъ, что дѣлается теперь, и не о томъ, что будетъ дѣлаться въ будущемъ году.

ШКОЛА И ЖИЗНЬ.

I.

Представьте себѣ, что вы входите въ москотильную лавку и требуете какого нибудь снадобья для истребленія таракановъ и клоповъ; вамъ подаютъ стеклянку, наполненную жидкостью, неопредѣленнаго цвѣта; вы спрашиваете, какъ употребляется эта жидкость? Надо, отвѣчаетъ вамъ купецъ, поймать таракана или клопа и капнуть ему изъ этой стеклянки на голову. Черезъ полчаса, послѣ этой операціи, онъ непременно издохнетъ.—Выслушавъ эту инструкцію, вы, вѣроятно, подумаете, что купецъ принимаетъ васъ за идиота и смѣется надъ вами въ глаза. Вы, вѣроятно, сообразите, что жидкость, дѣйствующая такимъ образомъ, совершенно бесполезна, потому что когда тараканъ пойманъ, тогда его можно истребить безо всякой жидкости. — Не знаю, существуютъ ли на свѣтѣ москотильщики, способные давать своимъ покупателямъ подобныя наставленія, но знаю навѣрное, что очень многіе добродушные писатели, стремящіеся обновить и возродить общество силою великихъ идей, преподаютъ своимъ читателямъ точь-въ-точь такіе совѣты касательно этого будущаго обновленія и возрожденія. Если вы хотите провести въ жизнь ваши плодотворныя идеи, говорятъ эти писатели, старайтесь реформировать воспитаніе; если хотите искоренить въ обществѣ вредныя предрассудки, старайтесь, прежде всего, охранить отъ этихъ предрассудковъ подрастающее поколѣніе. Словомъ, дѣйствуйте на школу для того, чтобы подѣйствовать на жизнь. Именно такъ: поймите таракана, облейте ему голову вашей жидкостью, и тогда онъ навѣрное издохнетъ черезъ полчаса. Добродушные писатели, мечтающіе о торжествѣ новыхъ идей посредствомъ школы, упускаютъ изъ виду только одно крошечное обстоятельство, именно то, что школа вездѣ и всегда составляетъ самую крѣпкую и неприступную цитадель всевозможныхъ традицій и предрассудковъ,

мѣшающихъ обществу мыслить и жить сообразно съ его дѣйствительными потребностями. Всѣ члены общества, питающіе искреннюю или притворную нѣжностъ къ традиціямъ и къ предрасудкамъ, охраняютъ школу отъ вліянія новыхъ идей такъ же старательно, какъ старая нянька охраняетъ своего питомца отъ дурного глаза. Всѣ безкорыстные или корыстные приверженцы укоренившихся заблужденій понимаютъ какъ нельзя лучше, что если новая идея заберется въ школу и успѣетъ въ ней утвердиться, тогда эта новая идея, по прошествіи двухъ-трехъ десятилѣтій, а можетъ быть и раньше, охватитъ своимъ вліяніемъ всѣ жизненные отправления и стремленія общества. Этому они, разумѣется, будутъ сопротивляться всѣми силами, и ихъ сопротивленіе будетъ неодолимо до тѣхъ поръ, пока численный перевѣсъ будетъ находиться на ихъ сторонѣ, то есть, пока пассивное и безгласное большинство будетъ, по старой привычкѣ, считать ихъ софизмы за выраженія чистѣйшей истины. Такимъ образомъ, не трудно понять, что овладѣть школою и перестроить воспитаніе можетъ только та идея, которая давно перешла въ наступательное положеніе и одержала рѣшительную побѣду въ сознаніи самого общества, а совсѣмъ не та идея, которая, по своей крайней молодости, принуждена еще бороться за свое собственное существованіе. Когда взята уже школа, тогда борьба кончена, побѣда упрочена, тараканъ пойманъ... Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды, а никакъ не первый актъ борьбы. Взять школу—значитъ упрочить господство своей идеи надъ обществомъ. Но мечтать о томъ, чтобы черезъ школу пробить себѣ дорогу въ жизнь, — черезъ воспитаніе пересоздать общество, — это значитъ принимать окончательный результатъ за вспомогательное средство, компрометировать свою идею безтактными попытками, обрекать самого себя на вѣчное безсиліе и тратить жизнь на маниловскія фантазіи о великолѣпныхъ мостахъ съ каменными лавками. Это еще нелѣпѣе, чѣмъ истреблять таракановъ по рецепту моего вымышленнаго москотильщика. Поймать таракана все-таки возможно, хотя и нелѣпо ловить его для того, чтобы мочить ему голову; а перестраивать воспитаніе, не передѣлавши предварительно основныхъ понятій общества, — нѣтъ даже ни малѣйшей возможности.

Само собою, разумѣется, что со временемъ послѣдовательный реализмъ, то есть, строго-научный и совершенно трезвый взглядъ на природу, на человѣка и на общество, силою своей собственной разумности одержитъ непремѣнно рѣшительную побѣду надъ всѣми произвольными построениями праздної фантазіи. Фантастическій элементъ, вытѣсненный изъ жизни и міросозерцанія общества, конечно не удержится и въ школѣ. Система воспитанія сложится по тому же принципу, которымъ будутъ проникнуты всѣ остальные отправления общественной жизни. Къ такому порядку вещей идетъ вся образованная Европа; вслѣдъ за нашими

европейскими учителями, мы также волей или неволей тянемся къ тому же самому результату, по извѣстной пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Этотъ окончательный результатъ неизбѣженъ, но мы придемъ къ нему еще не очень скоро. Невѣжество, умственная робость, неповоротливость и вялость нашихъ, такъ называемыхъ образованныхъ соотечественниковъ обружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ такими непроницаемыми дѣвственными лѣсами, въ которыхъ могутъ гнѣздиться совершенно безпрепятственно, въ теченіе цѣлаго столѣтія, всевозможныя фантастическія нелѣпости. При существованіи этихъ нетронутыхъ лѣсовъ, въ которые не заглядывалъ до сихъ поръ ни одинъ лучъ строго-научнаго, положительнаго мышленія, нечего и думать о томъ, чтобы проводить въ общественное воспитаніе принципъ послѣдовательнаго реализма. Если бы даже само правительство, при всѣхъ своихъ громаднхъ средствахъ дѣйствовать на общество, взялось за эту задачу, то и тогда задача оказалась бы неразрѣшимой. Попавши въ наши учебныя заведенія, послѣдовательный реализмъ быстро принялъ бы въ себя такое множество нереальныхъ ингредіентовъ самого сомнительнаго достоинства, что въ общемъ итогѣ получилась бы такая же бессмысленная смѣсь *французскаго съ нижегородскимъ*, какая господствовала въ свѣтскихъ манерахъ высшаго общества «время Очакова и покоренія Крыма». Второстепенные и третьестепенные исполнители реальнѣйшихъ предписаній оказались бы, въ большей части случаевъ, такъ же хорошо приготовленными къ своей новой роли, какъ хорошо приготовлены чины земской полиціи къ собиранію статистическихъ матеріаловъ и къ засѣданію въ статистическихъ международныхъ конгрессахъ. Имѣя въ виду эти печальныя истины, въ которыхъ могутъ сомнѣваться только очень наивные оптимисты, «Русское Слово», какъ извѣстно нашимъ читателямъ, созерцало съ невозмутимымъ равнодушіемъ великую и славную борьбу нашихъ классиковъ съ нашими такъ называемыми реалистами, которыхъ «Русское Слово», по правдѣ сказать, даже и не признаетъ за настоящихъ реалистовъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, когда эта борьба находилась въ самомъ разгарѣ, «Русское Слово» всего только два раза коснулось вопроса о нашемъ общественномъ образованіи: въ первый разъ въ 1863 году, посредствомъ статьи: «Наша университетская наука»; во второй разъ, въ 1865 году, посредствомъ статьи: «Педагогическіе софизмы». Обѣ эти статьи держатся на чисто отрицательной точкѣ зрѣнія и посвящены систематическому разоблаченію педагогическаго шарлатанства и доморощенной бездарности. Обѣ клоняются не къ тому, чтобы исправить существующіе недостатки—такая наивная претензія заключала бы въ себѣ слишкомъ много младенческой неопытности и самонадѣянности, — а къ тому, чтобы предостеречь отъ этихъ недостатковъ тѣхъ юныхъ и довѣрчивыхъ людей, которые способны восхищаться шарлатанами и благоговѣть передъ бездарностями.

Еще въ 1863 году, «Русское Слово» выразило очень опредѣленнымъ образомъ то мнѣніе, что наши учебныя заведенія очень плохи, и очень долго останутся еще въ своемъ неудовлетворительномъ положеніи, потому что ихъ недостатки зависятъ не отъ какихъ нибудь частныхъ несовершенствъ гимназическаго устава, а отъ невѣрности того основного понятія, которое общество составляетъ себѣ о цѣли общаго образованія. Въ послѣдніе два года это основное понятіе не могло измѣниться и дѣйствительно нисколько не измѣнилось. Поэтому и «Русское Слово» естественнымъ образомъ остается при своемъ прежнемъ убѣжденіи. Нисколько не сочувствуя классицизму, мы однако нисколько не сокрушаемся о томъ, что гимназическій уставъ рѣшилъ вопросъ о нашемъ общественномъ образованіи въ пользу классическихъ гимназій. Если бы вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу реальныхъ гимназій, то эти гимназій во всякомъ случаѣ были бы реальными только по своему названію, и ихъ реализмъ могъ бы показаться вполне удовлетворительнымъ только для скромныхъ и невзыскательныхъ публицистовъ «Голоса». Намъ такой реализмъ нисколько не прельщаетъ; а такъ какъ реализмъ болѣе чистой пробы долго еще не проникаетъ въ наши школы, то мы считаемъ совершенно лишнимъ дѣломъ ратовать противъ неизбежнаго хода вещей, который можетъ быть исправленъ только дѣйствіемъ и добросовѣстною работою мысли, направленною не на спеціальній педагогическій вопросъ, а на общіе вопросы общественнаго міросозерцанія. Намъ очень жаль, что наша учащаяся молодежь можетъ тратить, пожалуй, непроизводительнымъ образомъ значительную часть того времени, которое она проводитъ въ школѣ или употребляетъ на заучиваніе уроковъ. Но съ этою тратою времени мы готовы помириться. Мы видимъ и знаемъ, что очень многіе молодые люди, по окончаніи полнаго учебнаго курса, принимаются очень серьезно за свое самообразованіе, начинаютъ свою работу, если не съ азбуки, то во всякомъ случаѣ съ арифметики, и, благодаря усиленнымъ трудамъ, успѣваютъ дѣлаться мыслящими людьми, послѣдовательными реалистами и полезными гражданами. Значитъ, заплативши въ своемъ отрочествѣ и въ своей первой молодости тяжелую дань неразвитому обществу, то есть, истративъ лѣтъ десять на бесполезныя учебныя занятія, человѣкъ еще сохраняетъ въ себѣ достаточное количество энергіи и умственной свѣжести на то, чтобы выработать себѣ самостоятельныя понятія о жизни. Значитъ, школа не убила въ человѣкѣ ни здраваго смысла, ни любознательности, ни трудолюбія. И за то спасибо. За неимѣніемъ лучшаго, и въ ожиданіи этого лучшаго, съ существующими школами можно совершенно помириться на слѣдующемъ простомъ и скромномъ условіи: пусть школа поглощаетъ время воспитанниковъ, не давая имъ за это время прямо полезныхъ знаній, но пусть она, по крайней мѣрѣ, не посягаетъ на

ихъ здоровье. — Неприкосновенность здоровья — вотъ, по моему мнѣ-
нію, то единственное условіе, на исполненіи котораго есть возможность
настаивать въ настоящее время, имѣя дѣло съ нашими учебными заве-
деніями. Пожалуй, можно было бы придумать очень много другихъ тре-
бованій, но навѣрное можно сказать, что большая часть ихъ, при ны-
нѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ остаться неисполнимой.

Вы смущены, мой читатель, и, быть можетъ, даже разсержены. *Не-
прикосновенность здоровья* — это требованіе до такой степени кротко и
скромно, что вы даже никакъ не рѣшаетесь принять его за чистую
монету. Въ моихъ кроткихъ и скромныхъ словахъ вы подозрѣваете или
дерзкую насмѣшку, или отчаянный парадоксъ, или вообще какую нибудь
затаенную пакость. Развѣ, размышляете вы съ негодованіемъ, тепереш-
нія школы посягаютъ на здоровье воспитанниковъ? И съ какой же стати,
продолжаете вы, ставить такое требованіе, которое и безъ того испол-
няется всѣми школами безъ исключеній? Нѣтъ, рѣшаете вы, это не
спроста. Тутъ что нибудь да не такъ. Навѣрное тутъ какой нибудь
«крокодилъ на днѣ лежитъ» *).

Успокойтесь, читатель. Въ требованіи моемъ нѣтъ никакихъ злока-
чественныхъ фокусовъ, и требованіе это, къ сожалѣнію, не можетъ счита-
ться анахронизмомъ, не только у насъ, но даже и въ западной Европѣ.
Выдвигая это требованіе на первый планъ, я повторяю только слова
европейскихъ медиковъ. Мало того: напирая на эту мысль, я поддержи-
ваю такія мнѣнія, которыя очень опредѣленнымъ образомъ были выра-
жены даже въ нашей литературѣ, но которыя, по непростительной не-
брежности нашихъ толстыхъ журналовъ и ежедневныхъ газетъ, были
оставлены до сихъ поръ безъ вниманія всѣми наиболее распространен-
ными органами нашей печати. «Давно уже, пишутъ въ «Учителѣ», замѣ-
ченъ тотъ фактъ, что школа имѣетъ на дѣтей особенное вліяніе, рѣзче
выказывающееся въ физическомъ отношеніи. Вліяніе это выражается въ
томъ, что прежняя свѣжесть, бодрость и цвѣтущее здоровье дѣтей смѣ-
няются вялостью, истомленностью и болѣзненностью. Нѣкоторые даже
перестаютъ расти; большинство теряетъ свою прежнюю беззаботную ве-
селость и смотритъ какъ-то угрюмо и боязливо. Вліяніе это нерѣдко
отражается и въ умственномъ отношеніи: дѣти тупѣютъ, теряютъ пре-
жнюю даровитость и взаимно ея приобрѣтаютъ какую-то болѣзненную
нервную раздражительность, признакъ слабосилія. Поэтому не совсѣмъ
неправы тѣ, которые говорятъ о вырожденіи человѣческаго рода подъ ги-
бельнымъ вліяніемъ школы и воспитанія. («Учитель». 1865 г. № 9, стр. 316).

Картина нарисована чрезвычайно вѣрно. Она пугаетъ насъ, когда
мы встрѣчаемся съ нею въ книгѣ; но, къ сожалѣнію, въ дѣйствитель-

*) Стихъ Батюшкова.

ной жизни мы такъ приглядѣлись къ ея уродливымъ подробностямъ, что почти совершенно потеряли способность чувствовать и понимать ея глубокую и возмутительную ненормальность. Случается очень часто, что рѣзвый и веселый ребенокъ, помѣщенный въ учебное заведеніе, скучаетъ, тоскуетъ и плачетъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль послѣ своего поступленія. Мы находимъ, съ свойственнымъ намъ философскимъ глубокомысліемъ, что эта продолжительная грусть, противорѣчащая всему основному характеру юнаго субъекта, совершенно естественна; мы говоримъ, что иначе и быть не можетъ, что ребенокъ тоскуетъ о своихъ родителяхъ, о своихъ ребяческихъ забавахъ, о всей обстановкѣ своей домашней жизни, съ которою ему, во всякомъ случаѣ, необходимо расстаться рано или поздно. Мы соображаемъ, кромѣ того, что ребенокъ лѣнится, и что, вслѣдствіе этого, на его преступныя слезы не должно обращать ни малѣйшаго вниманія. Во время нашихъ глубокомысленныхъ соображеній насъ нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что ребенокъ не былъ лѣнивъ въ родительскомъ домѣ, и что учебное заведеніе, приводящее ребенка въ соприкосновеніе съ дѣтьми его лѣтъ, должно было бы, при нормальныхъ условіяхъ, пробуждать въ ребенкѣ соревнованіе, вмѣсто того, чтобы погружать его въ плаксивую апатію. Философствуя о похвальныхъ или предосудительныхъ причинахъ дѣтскихъ слезъ, мы также не задаемъ себѣ вопроса о томъ, естественна ли, со стороны ребенка, упорная и продолжительная грусть, и можетъ ли здоровый ребенокъ оставаться, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, печальнымъ и неутѣшнымъ, въ томъ случаѣ, если новая обстановка его жизни не причиняетъ ему тяжелыхъ ощущеній, постоянно и ежеминутно подновляющихъ въ немъ воспоминаніе о сдѣланной утратѣ. Само собою разумѣется, что наши глубокомысленныя соображенія не находятъ себѣ никакого отпора; на всѣ наши назидательныя внушенія ребенокъ отвѣчаетъ намъ молчаніемъ или слезами; этотъ послѣдній языкъ достаточно краснорѣчивъ, но краснорѣчивъ только для того, кто умѣетъ или желаетъ его понимать. Болѣе обстоятельныхъ объясненій мы не дождемся, и не вправѣ требовать отъ ребенка. Во-первыхъ, ребенокъ не способенъ анализировать свои ощущенія; онъ чувствуетъ вообще, что ему скверно жить на свѣтѣ; но изъ какихъ отдѣльныхъ частей слагается этотъ скверный итогъ, этого онъ, разумѣется, не знаетъ. Во-вторыхъ, ребенокъ видитъ очень хорошо, что мы относимся къ его страданіямъ недовѣрчиво и недоброжелательно, потому что усматриваемъ въ этихъ страданіяхъ симптомы его порочныхъ наклонностей къ праздности, знаменитой матери всѣхъ пороковъ.—Вслѣдствіе этого, ребенокъ, разумѣется, старается отдѣлаться отъ нашихъ распросовъ, которые, какъ ему извѣстно по горькому опыту, не приводятъ за собою ничего, кромѣ утомительныхъ правоученій и обидныхъ упрековъ. Наконецъ, въ

третьихъ, если бы намъ удалось возбудить въ ребенкѣ откровенность, которую мы систематически подавляемъ въ немъ нашими глупо-скептическими взглядами на его огорченія, и если бы, сверхъ того, у ребенка достало умѣнья описать намъ подробно все, что онъ чувствуетъ, то и тогда наше постыдное невѣжество помѣшало бы намъ извлечь изъ откровеннаго признанія несчастнаго ребенка какую бы то ни было пользу. Ребенокъ объяснилъ бы намъ, что ему по утрамъ ужасно хочется спать, что его утомляютъ уроки, что безконечное сидѣнье въ классѣ наводитъ на него тоску, что ему хотѣлось бы побѣгать и поиграть.

Спрашивается, какое заключеніе вывели бы мы изъ этихъ словъ маленькаго страдальца?—Разумѣется, мы немедленно отдали бы должную дань почтительнаго удивленія нашей собственной необыкновенной проницательности. Такъ и есть, сказали бы мы; мы такъ и знали заранѣе. Ты, мальчуганъ, просто лѣнивъ, и это съ твоей стороны весьма непохвально. — Затѣмъ, полились бы изъ нашихъ устъ нравоученія и упреки, которые, по всей вѣроятности, внушили бы безотвѣтной жертвѣ нашего краснорѣчія сильнѣйшее желаніе исправиться навсегда отъ неумѣстной откровенности со взрослыми.

Въ естественныхъ требованіяхъ дѣтскаго организма, по нашему остроумію и по совершенному отсутствію самыхъ элементарныхъ физиологическихъ познаній, мы видимъ обыкновенно порочныя наклонности, съ которыми необходимо вести упорную, истребительную войну. Дѣйствительно, эта курьезная война ведется неутомимо и добросовѣстно; въ большей части случаевъ, наши воинственные усилія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, потому что обезсилить, изломать и изуродовать нѣжный организмъ ребенка вовсе не трудно. Но, странное дѣло! наша блистательная побѣда надъ дѣтскимъ организмомъ нисколько не удовлетворяетъ и не радуется насъ. Созерцая прямые результаты нашихъ систематическихъ трудовъ, мы даже вовсе не замѣчаемъ того, что мы дѣйствительно одержали побѣду; напротивъ того, мы, въ подобныхъ случаяхъ, готовы даже признать себя побѣжденными. Когда мы смотримъ на слабого, блѣднаго, вялаго и притупленнаго юношу, мы имѣемъ полное право сказать съ законною гордостью: вотъ дѣло рукъ нашихъ. Мы заставляли его учиться, когда ему хотѣлось спать; мы заставляли его сидѣть на мѣстѣ, когда ему хотѣлось бѣгать; мы держали его въ четырехъ стѣнахъ, когда ему необходимо было дышать чистымъ воздухомъ; мы мужественно боролись со всѣми естественными стремленіями этого строптиваго организма, и, какъ видите, мы достигли того, что этотъ организмъ, утративъ всю свою строптивость, въ настоящую минуту не стремится рѣшительно ни къ чему.

Вотъ что мы имѣемъ право сказать; но обыкновенно мы говоримъ совсѣмъ не то. Почти всегда мы чувствуемъ себя чѣмъ-то обиженными;

мы думаемъ и говоримъ, что получилось совсѣмъ не то, чего мы желали; намъ кажется, что какой-то враждебный и неумолимый рокъ уничтожилъ всѣ плоды нашихъ усилій; мы погружаемся въ сентиментальную задумчивость, произносимъ какой нибудь бессмысленно-покорный афоризмъ, и потомъ, не вынеся изъ полученнаго результата никакого практическаго урока для будущаго, съ удвоеннымъ усердіемъ принимаемся истреблять порочныя наклонности слѣдующаго поколѣнія, которое также имѣетъ дерзость ненавидѣть длинные уроки и любить крѣпкій сонъ, веселую бѣготню и чистый воздухъ.

«Педагоги, говорить *«Учитель»*, большею частью пропитанные неизлечимымъ спиритуализмомъ, видѣли въ ученикѣ только духъ; а въ духъ, говорили они, безконеченъ; онъ неистощимъ въ своихъ силахъ; устааетъ только тѣло, а тѣло что такое? тѣло просто дрянь, нестоящая вниманія. На этомъ основаніи, почтенные педагоги считали священною обязанностью своею безпрестанно понукать, подгонять и подстрекать ученика, не давая ему времени на отдыхъ; самая мысль объ отдыхѣ почиталась чѣмъ-то постыднымъ, какъ недостойная духа». (№ 9. Стр. 316).

Если исходная точка понукательной системы заключается въ спиритуализмѣ, то надо будетъ сознаться, что спиритуализмъ *почтенныхъ педагоговъ* никакъ не выдержитъ сравненія съ спиритуализмомъ ломовыхъ извозчиковъ. Эта послѣдняя категория гражданъ заходитъ въ своемъ спиритуализмѣ такъ далеко, что даже къ безсловесной твари примѣняетъ педагогическое ученіе о неистощимыхъ силахъ духа и о дрянности тѣла. Эти крайніе спиритуалисты также считаютъ своею обязанностью безпрестанно *подстрекать* своихъ четвероногихъ учениковъ, смотря по обстоятельствамъ, то сапогомъ по мордѣ, то веревочными возжами по спинѣ. Такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что общій уровень образованія въ средѣ ломовыхъ извозчиковъ стоитъ даже еще ниже, чѣмъ въ средѣ *почтенныхъ педагоговъ* понукательной школы, то нетрудно будетъ додуматься до того заключенія, что необузданный спиритуализмъ составляетъ естественный и неизбежный продуктъ глубокаго невѣжества. Чѣмъ глубже невѣжество, тѣмъ чище и самоувѣреннѣе спиритуализмъ. Можно, разумѣется, умозаключать столь же безошибочно и наоборотъ: чѣмъ чище и самоувѣреннѣе спиритуализмъ, тѣмъ глубже невѣжество. Кто желаетъ повѣрить это правило на отдѣльныхъ примѣрахъ, тому я предлагаю заняться изученіемъ нашихъ великихъ спиритуалистовъ, гг. Николая Соловьева, Каткова, Аверкіева, Юркевича, Страхова, Incognito, Косицы и многихъ другихъ, имъ подобныхъ, ученыхъ мыслителей.

Понукательная система, выработанная вѣковой дѣятельностью педагогическаго *спиритуализма*, пустила такіе глубокіе корни во всѣ отрасли общественнаго преподаванія, что уничтожить эту систему могутъ только самыя радикальныя реформы, далеко превышающія силу единичныхъ

дѣятелей педагогическаго міра. Вредное вліяніе школы на здоровье воспитанниковъ обусловливается не излишнею строгостью начальствующихъ лицъ, не придирчивостью отдѣльныхъ учителей или надзирателей, не частными и мелкими злоупотребленіями недобросовѣстныхъ экономовъ. Это все — второстепенныя неудобства; это — произвольныя уклоненія отъ основнаго принципа, уклоненія, за которыя отвѣтственность падаетъ на отдѣльныя личности нарушителей, и которыя будутъ постоянно становиться болѣе рѣдкими и случайными, по мѣрѣ того, какъ общество будетъ обращать больше и больше вниманія на свои собственные интересы. Героическій періодъ кровопролитнаго сѣченія, педагогическихъ зуботычинъ, нетопленыхъ дортуаровъ и гнилой пищи очевидно приходитъ, и, быть можетъ, даже пришелъ къ концу. Но остается другой источникъ вреднаго вліянія, источникъ гораздо болѣе глубокой, который никакъ не можетъ изсякнуть самъ собою, и передъ которымъ окажутся безсильными самыя блестящія умственныя качества и самыя трогательныя нравственныя совершенства новѣйшихъ педагоговъ, не увлекающихся *спиритуализмомъ* ломовыхъ извозчиковъ. Ни учитель, ни инспекторъ, ни директоръ не могутъ измѣнить основной программы заведенія: число учебныхъ часовъ для нихъ неприкосновенно; а это число чрезмерно велико и совершенно несообразно съ физическими и умственными силами малолѣтнихъ учениковъ. «Стоитъ только взглянуть, говорить *«Учитель»*, на недѣльную роспись учебныхъ часовъ любого учебнаго заведенія нашего времени, чтобы убѣдиться, что педагоги далеко еще не отстали отъ своей привычки гнать учениковъ, какъ почтовыхъ лошадей. Эта недѣльная роспись для семи классовъ какой нибудь гимназіи, представила бы намъ сверхъ того много еще другихъ любопытныхъ вещей. Такъ, напр., наши педагоги воображаютъ, что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между одинадцатилѣтнимъ мальчикомъ и семнадцатилѣтнимъ юношей, и что отъ одного можно требовать столь же продолжительнаго умственнаго напряженія, какъ и отъ другого. Четыре часа въ сутки (по моему расчету выходитъ больше: отъ 9 до 2 1/2 — пять съ половиною часовъ; полчаса уходитъ на завтракъ, отъ 12 до 12 1/2; и того остается на классныя занятія *пять часовъ*) на классныя занятія положено одинаково во всѣхъ семи классахъ нашихъ гимназій, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ, т. е. въ седьмомъ. Вѣроятно, тѣ, которые составляли программу классныхъ занятій, руководились здѣсь началомъ симетріи. Для учениковъ седьмого класса, то есть, для молодыхъ людей лѣтъ 17 и 18, разсуждали они, нисколько не тяжело будетъ просидѣть въ классѣ какіе нибудь четыре часа въ день (при чемъ имъ приходило въ голову, что люди въ разныхъ канцеляріяхъ сидятъ и больше). А если такъ, то необходимо и для всѣхъ другихъ классовъ назначить столько же: иначе выйдетъ разнокалибер-

щина, путаница; а главное, такъ на бумагѣ выходитъ какъ-то красивѣе, аккуратнѣе, когда во всѣхъ классахъ одинаковое число уроковъ. Но, по настоящему, слѣдовало бы разсуждать совсѣмъ иначе, именно вотъ какъ: если я для перваго класса, то есть, для дѣтей 11 лѣтъ, кладу въ день 4 часа на занятія, то сколько же придется положить для взрослыхъ, 17-лѣтнихъ юношей седьмого класса? По крайней мѣрѣ 16 часовъ. А сколько придется назначить часовъ на слушаніе лекцій студентамъ, людямъ, въ которыхъ еще болѣе предполагается силы выдерживать продолжительное умственное напряженіе? Ужъ никакъ не меньше 24 часовъ въ сутки. Дойдя до этого, можно бы было убѣдиться, какъ неудобно назначать 4 часа въ сутки на классныя занятія, и что, кромѣ того, у тѣхъ же дѣтей бываютъ каждый день занятія внѣ класса (то есть, приготовленіе уроковъ), которыя и отнимаютъ у нихъ почти цѣлый день. Тутъ мы ужъ окончательно падаемъ ницъ передъ нашей педагогической практикой, ибо совершенно не понимаемъ ее. Какъ? До поступленія въ училище дитя ничему не учится, или учится, какъ извѣстно, очень мало; и вдругъ, поступивъ въ школу, оно должно цѣлый день сидѣть за книгою!! Гдѣ же тутъ знаніе дѣла, за которое берутся педагоги-практики??» («Учитель» № 9 стр. 317 и 318).

Если бы русскіе журналисты скольконибудь понимали свои обязанности въ отношеніи къ русскому обществу, они непременно удостоили бы этотъ фактъ своего вниманія. Но нашимъ пишущимъ и печатающимъ *спиритуалистамъ* нѣкогда заниматься такимъ ничтожнымъ предметомъ, какъ здоровье подрастающихъ поколѣній. Имъ, этимъ *великимъ спиритуалистамъ*, надо подавать законодательной власти драгоценныя совѣты на счетъ особаго представительства крупной поземельной собственности; имъ надо воевать за русскую народность, которую безъ нихъ непременно обидѣли бы полтора рижскіе булочника и три съ половиною ревелскіе башмачника; имъ надо собирать сплетни всѣхъ уѣздныхъ старухъ о причинѣ частыхъ пожаровъ; имъ надо прислушиваться, не заговорилъ ли какойнибудь обыватель черниговской или полтавской губерніи на малороссійскомъ нарѣчій. При такомъ множествѣ разнообразныхъ занятій, достойныхъ трудолюбивой мартышки, наши спиритуалисты, которымъ, кромѣ того, приходится еще отстаивать чистое искусство и классическую древность, не имѣютъ, разумѣется, ни малѣйшей возможности сказать родителямъ и опекунамъ серьезное слово о томъ, что подрываетъ и губитъ несложившіяся силы ихъ дѣтей и питомцевъ.

III.

Извѣстно, что лучшіе изъ современныхъ медиковъ ненавидятъ меди-

цину въ узкомъ смыслѣ этого слова; они чувствуютъ глубокое недовѣріе къ разнымъ декоктамъ, микстурамъ, пилюлямъ и всякимъ другимъ героическимъ средствамъ такъ называемой латинской кухни; они полагаютъ, что леченіе во всякомъ случаѣ составляетъ зло, и что всѣ усилія благоразумнаго человѣка должны направляться не къ тому, чтобы чинить и конопатить свой организмъ, какъ утлую и дырявую ладью, а къ тому, чтобы устроить себѣ такой раціональный образъ жизни, при которомъ организмъ какъ можно рѣже приходилъ бы въ разстроенное положеніе, и, слѣдовательно, какъ можно рѣже нуждался бы въ потинкѣ. Гигіена или изученіе тѣхъ условій, которыя необходимы для сохраненія здоровья, пріобрѣтаетъ себѣ въ настоящее время преобладающее значеніе въ глазахъ каждаго мыслящаго и свѣдущаго человѣка. Совершенное игнорированіе гигиены съ каждымъ годомъ становится менѣе возможнымъ для всѣхъ разнообразнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства. Медики совершенно основательно присваиваютъ себѣ совѣщательный голосъ во всѣхъ вопросахъ, относящихся до народнаго продовольствія, до производства общественныхъ работъ, до устройства мастерскихъ, фабрикъ и разныхъ другихъ промышленныхъ заведеній. Само собою разумѣется, что и школа не можетъ увернуться изъ подъ контроля медиковъ-гигіенистовъ; зародыши очень многихъ, тяжелыхъ, мучительныхъ, и, отчасти, даже неизлечимыхъ болѣзней прививаются къ организму во время дѣтства, отрочества и первой молодости; чтобы разъяснить себѣ причины этихъ болѣзней, и чтобы открыть противъ нихъ раціональныя предохранительныя средства, медики очевидно должны были подвергнуть самому тщательному анализу всю жизнь ребенка отъ самого его рожденія до его окончательной эманципаціи изъ подъ власти родителей, опекуновъ, воспитателей и учителей.

Мнѣнія гигиенистовъ на счетъ школьнаго обученія оказались въ высшей степени единодушными. Всѣ свѣдующіе медики, безъ исключенія, твердятъ въ одинъ голосъ, на пространствѣ всей цивилизованной Европы, что заботливые педагоги начинаютъ учить своихъ питомцевъ слишкомъ рано и учатъ ихъ слишкомъ много. Пока эти мысли медиковъ формируются въ общихъ выраженіяхъ, до тѣхъ поръ существуетъ еще нѣкоторая возможность пропускать ихъ мимо ушей и видѣть въ нихъ маловажныя проявленія излишней медицинской мнительности. Но что вы станете говорить тогда, когда медикъ начнетъ выставлять вамъ статистическіе факты, и когда онъ, перечисливъ вамъ по пальцамъ цѣлый рядъ специфическихъ болѣзней, развивающихся именно въ школѣ именно вслѣдствіе неестественной продолжительности классныхъ занятій? Что вы скажете, когда медикъ заговоритъ съ вами объ искривленіи позвоночнаго столба, о школьномъ зобѣ, о хронической головной боли, о періодическомъ кровотеченіи изъ носа, о разстройствѣ пищева-

ренія, о неизлечимомъ притупленіи всѣхъ умственныхъ способностей?— Чѣмъ отразите вы аргументы медика, когда онъ начнетъ объяснять вамъ процессъ происхожденія и развитія всѣхъ этихъ болѣзней такъ наглядно и осязательно, что вы, профанъ въ анатоміи и въ физиологіи, не смотря на все ваше невѣжество, вникнувъ и вдумавшись въ его объясненія, поймете вполне роковую связь этихъ болѣзней съ тѣми условіями, въ которыя вы ставите вашихъ дѣтей и воспитанниковъ?

Угодно вамъ знать, на примѣръ, почему продолжительность классныхъ занятій искривляетъ позвоночный хребетъ? Извольте. Докторъ Вильдбергеръ, специально изучившій эти искривленія, немедленно удовлетворитъ вашу любознательность. Когда человѣкъ сидитъ, тогда онъ не находится въ положеніи полного покоя; туловище его поддерживается въ равновѣсіи мускулами спины, а голова мускулами затылка; напряженіе тѣхъ и другихъ мускуловъ довольно значительно, и черезъ нѣсколько времени даетъ себя знать ломотою въ спинѣ и въ шеѣ даже взрослому человѣку, которому приходится сидѣть на одномъ мѣстѣ въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ. Ребенокъ, у котораго кости тонки и мягки, а мускулы слабы, въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, утомляется гораздо скорѣе взрослога. Что же дѣлаетъ утомленный ребенокъ? Онъ или отваливается назадъ, или прислоняется грудью къ столу, или сторбливается, или кладетъ локоть на столъ и подпираетъ голову рукой. Первый случай сравнительно безвреденъ, но онъ не всегда возможенъ, потому что многіе остроумные педагоги, усердно заботятся о сидѣніи на вытяжку, нарочно устраиваютъ скамейки такъ, чтобы ученику не къ чему было прислониться. Такимъ образомъ, педагоги, въ простотѣ души своей, насильно заставляютъ несчастнаго ребенка принять одну изъ тѣхъ позъ, которыя непременно поведутъ за собою вредныя послѣдствія для его здоровья. Прислоняясь грудью къ столу, ребенокъ сдавливаетъ себѣ грудную кѣтку и разстроитъ себѣ органы дыханья, то есть, наживетъ себѣ грудную боль, одышку, кровохарканье и, можетъ быть, чахотку. Сторбливаясь, ребенокъ приобѣтаетъ себѣ сутуловатость; это искривленіе позвоночнаго столба по дѣйствуетъ на ребра, и, приведя ихъ въ ненормальное положеніе, повредитъ всѣмъ органамъ, лежащимъ въ полости груди и живота. Такъ какъ правая рука почти у всѣхъ людей развита болѣе лѣвой, то, подпирая голову рукою, ребенокъ обыкновенно будетъ класть на столъ правый локоть и будетъ при этомъ выворачивать наружу весь правый бокъ. Вслѣдствіе этого, получится со временемъ искривленіе позвоночнаго столба въ правую сторону. Вильдбергеръ замѣтилъ, что на двадцать случаевъ искривленія позвоночнаго столба въ правую сторону приходится только *одинъ* случай искривленія въ лѣвую сторону, и эти послѣдніе, исключительные случаи встрѣчаются у тѣхъ людей, которые

называются *лѣвицами*. Значить искривленіе находится въ тѣсной связи съ тѣми обычными позами, которыя обуславливаются преобладающимъ развитіемъ той или другой руки. Но само собою разумѣется; что ребенку не предстояло бы ни малѣйшей надобности принимать эти уро-дующія позы, если бы усердные педагоги не измучивали его слишкомъ продолжительнымъ сидѣніемъ.

Теперь вы, быть можетъ, желаете узнать, что такое *школьный зобъ*?— Докторъ Гильюмъ объяснить вамъ, что это — застой крови въ щитовидной железнѣ, находящейся въ верхней части шеи; этотъ застой крови происходитъ отъ продолжительнаго вертикальнаго положенія головы, сопровождаемаго утомленіемъ мускуловъ; эта болѣзнь поражаетъ именно тѣхъ учениковъ, которые радуютъ сердца педагоговъ безукоризненнымъ сидѣніемъ на вытяжку; такимъ образомъ, ученикамъ представляется пріятная альтернатива: или искривленіе позвоночнаго столба, какъ наказаніе за противузаконныя позы, или школьный зобъ въ видѣ награды за примѣрное повиновеніе всѣмъ законамъ педагогическаго этикета.—Гильюмъ производилъ свои наблюденія въ Нефшатель, гдѣ масса народонаселенія вовсе не страдаетъ зобомъ; оказалось, что въ Нефшательскомъ Collège municipal, изъ 731 ученика, 414 успѣли отрясти себѣ очень замѣтные школьные зобы.—Вы скажете, можетъ быть, что въ Россіи ничего не слышно о школьномъ зобѣ; я отвѣчу вамъ, что вы совершенно правы; дѣйствительно ничего не слышно; но я осмѣлюсь предложить вамъ вопросъ: въ какомъ положеніи находится наша медицинская статистика? Существуетъ ли она? Кажется мнѣ, что объ ней слышно такъ же мало, какъ и о школьномъ зобѣ. Кромѣ школьнаго зоба, продолжительное сидѣніе въ классѣ производитъ еще хроническія головныя боли, происходящія отъ приливовъ крови къ головѣ. Эти приливы крови ведутъ за собою частыя кровотеченія изъ носа, которыя доставляютъ пациенту минутное облегченіе, но которыя, во всякомъ случаѣ, расслабляютъ его организмъ, и расслабляютъ именно въ то время, когда онъ еще растетъ, и слѣдовательно нуждается во всѣхъ своихъ силахъ. Наблюденіе Гильюма надъ учениками Collège municipal дали ему слѣдующія цифры:

Всѣхъ учениковъ 731.

Искривленій позвоночнаго столба	218
Школьныхъ зобовъ	414
Хроническая головная боль	296
Періодическія кровотеченія	155

Итого болѣзненныхъ случаевъ 1083

Если бы раздѣлить эти болѣзни поровну между всѣми учениками Collège municipal, то на cadaго пришлось бы почти полторы болѣзни.

Результатъ недуренъ, особенно если принять въ соображеніе, что всѣ эти болѣзни привиты къ дѣтямъ именно господствующею педагогической системою, и замѣтите, не злоупотребленіями, не нарушеніями принципа, не небрежностью воспитателей, а именно безукоризненнымъ усердіемъ, примѣрною добросовѣстностью и неусыпною бдительностью. Какъ вы думаете, что сказалъ бы древній грекъ, если бы вы привели его въ этотъ великолѣпный расадникъ слѣпыхъ, хромыхъ, калѣкъ и чающихъ движенія воды?! — Вообразивши себѣ изумленіе и негодованіе этого древняго грека, вы можете составить себѣ легкое понятіе о томъ, какъ глубоко наши педагоги вникають въ духъ той классической древности, которою они начинаютъ головы своихъ изуродованныхъ питомцевъ.

Чтобы положить конецъ этому непростительному поруганію человѣческаго образа, чтобы предохранить образованнѣйшую часть человечества отъ неминуемаго вырожденія, докторъ Гейеръ считаетъ необходимымъ обуздать пламенное усердіе педагоговъ слѣдующей нормою учебныхъ занятій.

Для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ. До обѣда — 2 часа занятій. Послѣ обѣда — ничего.

Для дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ. До обѣда—3 часа. Послѣ обѣда — ничего.

Отъ 12 до 15 лѣтъ. До обѣда 3 часа. Послѣ обѣда 2 часа.

Отъ 15 до 18 лѣтъ. До обѣда 4 часа. Послѣ обѣда отъ 3 до 4 часовъ.

Въ это росписаніе, способное привести въ неописанный ужасъ ревностныхъ педагоговъ, включены не только классныя занятія, но и тѣ часы, которые ученики должны употреблять на приготовленіе заданныхъ уроковъ. Такъ какъ приготовленіе уроковъ происходитъ всегда послѣ обѣда, то изъ росписанія Гейера видно, что онъ допускаетъ уроки только начиная съ 12 лѣтъ, то есть, только съ третьяго класса нашихъ гимназій. Раньше этого возраста, всѣ учебныя занятія должны происходить исключительно въ классѣ, подъ руководствомъ самого учителя. Другой специалистъ, докторъ Шреберъ, идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше Гейера. Онъ требуетъ, чтобы дѣти до десятилѣтняго возраста учились въ сутки не болѣе 2 часовъ, а послѣ 10 лѣтъ не болѣе трехъ часовъ. Кромѣ того, онъ замѣчаетъ, что ни одно дитя, какого бы возраста оно ни было, не должно сидѣть въ школѣ болѣе двухъ часовъ сряду. По истеченіи двухъ часовъ ученія, долженъ непременно и во всякомъ случаѣ слѣдовать антрактъ по крайней мѣрѣ въ полчаса. Кто желаетъ подробнѣе познакомиться съ идеями и наблюденіями Вильдбергера, Гильйома, Гейера и Шребера, тому я предлагаю прочесть въ 9, 10 и 11 номерахъ «Учителя» статьи подъ заглавіемъ: «Гигіеническія условія воспитанія».

IV.

Пока вышеозначенные факты лежали тихо и мирно въ брошюрахъ нѣмецкихъ и французскихъ медиковъ, до тѣхъ поръ наши журнальные и газетные мудрецы имѣли полное право не знать о ихъ существованіи. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, намъ добираться собственнымъ умомъ до специальныхъ изслѣдованій? — Когда эти факты переѣхали изъ французскихъ и нѣмецкихъ брошюръ въ столбцы «Учителя», тогда наши мудрецы все еще не утратили возможности игнорировать и отмалчиваться. — «Учитель» — ничто иное, какъ скромный, специально-педагогическій журналъ, въ который, по всей вѣроятности, никогда не заглядываютъ журнальные и газетные исполины, постоянно витающіе въ эмпирахъ высшихъ политическихъ и полицейскихъ соображеній. Но теперь я перенесъ интересные факты на страницы «Русскаго Слова», и съ этой минуты всякое игнорированіе становится невозможнымъ и бессмысленнымъ. «Русское Слово» одарено такимъ значительнымъ количествомъ пишущихъ и печатающихъ враговъ; оно пользуется такою единодушною и пламенной ненавистью журнальныхъ и газетныхъ мудрецовъ; оно читается этими мудрецами такъ пристально и внимательно, что, черезъ недѣлю послѣ выхода каждой новой книжки «Русскаго Слова», всѣ изложенныя въ ней мысли и даже всѣ отдѣльныя выраженія уже сочтены, измѣрены, взвѣшены, обнюханы, прочувствованы и приняты къ свѣдѣнію.

Принимая въ расчетъ это обстоятельство, которое не можетъ подлежать сомнѣнію ни для кого изъ читателей русскихъ журналовъ и газетъ, я могу сказать въ настоящую минуту, что вопросъ о вредномъ вліяніи школы на здоровье подростющихъ поколѣній поставленъ на очередь, и что всѣ тѣ журнальные и газетные дѣятели, которые будутъ теперь, по прежнему, отвертываться и отмалчиваться отъ этого вопроса, — обнаружатъ, передъ лицомъ всей читающей публики, свое позорное, вполне сознательное и во всѣхъ отношеніяхъ непростительное равнодушіе къ самымъ важнымъ и существеннымъ интересамъ общества. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ мѣста ни для личнаго самолюбія, ни для вражды литературныхъ или какихъ бы то ни было другихъ партій. Я-ли, другой-ли, поддержалъ и воспроизвелъ мысль «Учителя», это рѣшительно все равно; если эта мысль въ настоящее время имѣетъ практическое значеніе, то ея всестороннимъ обсужденіемъ и повсемѣстнымъ распространеніемъ обязаны, положительно *обязаны* заняться всѣ органы

русской печати. О борьбѣ противоположныхъ общественныхъ тенденцій здѣсь также не можетъ быть рѣчи. Къ чему бы вы ни предназначали людей нашихъ подростующихъ поколѣній, къ какой бы дѣятельности вы ихъ ни готовили, какія бы различныя понятія вы ни составляли себѣ о ихъ будущихъ человѣческихъ и гражданскихъ обязанностяхъ и интересахъ, — во всякомъ случаѣ, вы всѣ, консерваторы и прогрессисты, радикалы и ретрограды, должны желать одинаково сильно, чтобы эти будущіе русскіе люди были здоровыми, свѣжими и сильными людьми. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ разногласіе, кажется, невозможно и невысказуемо. Но было бы въ высшей степени смѣшно и нелѣпо надѣяться, что этотъ послѣдній пунктъ уже совершенно обезпеченъ въ настоящее время, или что онъ достанется намъ самъ собою, не требуя съ нашей стороны никакихъ трудовъ и усилій. Мы знаемъ въ какомъ положеніи находится наша педагогическая практика; мы знаемъ, какъ рѣзко противорѣчитъ она самымъ элементарнымъ началамъ гигиенической науки; мы знаемъ, какіе плоды приносятъ за границей совершенно такія же нарушенія гигиеническихъ предписаній; не трудно кажется умозаключить, что точно также плоды постоянно развиваются и ежеминутно созрѣваютъ у насъ на родинѣ.

Скажите пожалуйста, что можете вы противопоставить этому неотразимому умозаключенію? Кажется, ровно ничего, кромѣ вашего непоправимаго невѣжества, вашей непробудной апатіи да извѣстной и остроумной поговорки: что русскому здорово, то нѣмцу смерть. Эта поговорка состоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ столь же остроумнымъ изрѣченіемъ на счетъ закидыванія нашихъ враговъ шапками, которыя, однако, оказались, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительнымъ оружіемъ въ сравненіи съ цилиндрическими пулями и штуцерами Минье. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первая поговорка каждый день играетъ съ нами по мелочамъ такую же скверную штуку, какую вторая поговорка сыграла съ нами гуртомъ, во время крымской войны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на такіе факты, которые каждому извѣстны и бросаются въ глаза. Подумайте, напримѣръ, много ли вы найдете въ высшихъ и среднихъ классахъ общества молодыхъ людей, которые, уже къ двадцати-пяти годамъ, не страдали бы отъ гемороя. Это такое обыкновенное явленіе, что оно даже перестало считаться болѣзнью. У насъ и даже у нашихъ медиковъ составилось убѣжденіе, что геморой есть неизбежное слѣдствіе нашего климата. Легко можетъ быть, что климатъ сѣверной и средней Россіи дѣйствительно предрасполагаетъ человѣка къ геморою; но согласитесь сами, что разсуждать о непреодолимомъ дѣйстви климата мы имѣли бы право только въ томъ случаѣ, когда бы мы, съ своей стороны, всѣмъ образомъ нашей жизни, старались бы противодействовать ра-

звѣтію этой болѣзни. А мы что дѣлаемъ? Мы являемся самыми постоянными и добросовѣтными союзниками того вреднаго климата, на который мы ежеминутно жалуемся и очень часто клеветаемъ. Мы воспитываемъ геморой всевозможными искусственными средствами; мы дѣлемъ его и въ нашихъ канцеляріяхъ, и дома за письменнымъ столомъ, и въ гостяхъ за пульками преферанса, и въ оперѣ, и въ балетѣ, и въ концертѣ, за высокими наслажденіями глазъ, ушей и души. Это все еще куда ни шло. Наши канцеляріи необходимы для процвѣтанія государства и для воплощенія идеи справедливости; наши письменные столы обогащаютъ міръ великими истинами. Пулька преферанса подаетъ поводъ къ гениальнымъ комбинаціямъ и порождаетъ въ духѣ партнеровъ трепетное волненіе; опера, балетъ и концертъ представляютъ собою «нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса». Кто способенъ предаваться такимъ возвышеннымъ помысламъ и ощущеніямъ, тому ни почему идти на встрѣчу геморою, ибо тотъ способенъ стойчески презирать страданія брэннаго тѣла. Но наше усердіе въ воздѣлываніи геморою этимъ не ограничивается. Мы самымъ систематическимъ образомъ вводимъ его въ наши школы; мы обрекаемъ на служеніе геморою десятилѣтнихъ мальчишекъ, которые, по своей совершенной незрѣлости, еще не способны заниматься ни воплощеніемъ идеи справедливости, ни гениальными комбинаціями преферанса, ни даже «нѣкоторою игрою облагороженнаго вкуса». Мы насильно тянемъ этихъ безотвѣтныхъ страдальцевъ туда, куда они совсѣмъ не хотятъ идти, и куда имъ совсѣмъ не слѣдуетъ идти. Потому, продѣлавши великое множество систематическихъ глупостей надъ собою и надъ ними, мы вмѣстѣ съ ними начинаемъ жаловаться на климатъ. А когда знающіе люди говорятъ намъ, что значительная доля этого, такъ называемаго климата, составляетъ дѣло нашихъ собственныхъ, неуклюжихъ рукъ, и нашего собственнаго неразвитаго ума, тогда мы отмалчиваемся отъ этихъ нелестныхъ рѣчей или отвѣчаемъ на нихъ съ самодовольною улыбкой, которая, вѣроятно, также обязана своимъ происхожденіемъ мѣстному климату, что все это—нѣмецкія теоріи, не имѣющія для нашей русской жизни никакого практическаго значенія.

Мы можемъ взять еще другой примѣръ: поговорите съ любимымъ психіатромъ, и вы услышите отъ него, что количество людей, лишающихся разсудка, съ каждымъ годомъ быстро увеличивается, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ существуютъ по этому предмету какія нибудь статистическія наблюденія. Это увеличеніе оказывается, по своей быстротѣ, совершенно несоразмѣрнымъ съ ежегодною прибылью народонаселенія. Возрастающая цифра ежегодныхъ самоубійствъ наводитъ насъ также на довольно поучительныя размышленія о крайней неудовлетворительности общественнаго здоровья. Многіе

медики сильно сомнѣваются въ томъ, чтобы вполне здоровый человѣкъ могъ побѣдить въ себѣ чувство самосохраненія. Конечно, было бы въ высшей степени несправедливо и нелѣпо сваливать на школу всю вину этихъ печальныхъ проявленій физической дряблости. Самая значительная доля ответственности падаетъ, разумѣется, на жизнь, которая идетъ за прѣдѣлами школы. Собственно говоря, даже вся отвѣтственность должна обрушиться на эту жизнь, потому что школа составляетъ ея пассивный продуктъ; школа не имѣетъ безъ нея никакого самостоятельнаго значенія, и школа, во всякую данную минуту, можетъ быть совершенно обновлена и переформирована во всѣхъ своихъ частяхъ благотворнымъ вліяніемъ развивающейся жизни. Но, какъ пассивный продуктъ, созданный и скрѣпленный дѣйствіемъ извѣстныхъ житейскихъ обстоятельствъ, школа все-таки, изъ году въ годъ, вноситъ свою, во все не ничтожную лепту въ общую сокровищницу физическаго и умственнаго расслабленія; кости, мускулы и нервы, высота роста и физическая сила, красота и живучесть, смѣлость и веселость, умъ и характеръ — все это съезживается, вянетъ, линяетъ и искажается отъ мертвящаго, притупляющаго, обезцвѣчивающаго и обезсиливающаго прикосновенія теперешней школы.

И что же даетъ намъ школа взамѣнъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ утратъ?—Обширныя знанія? Широкое умственное развитіе?—Да гдѣ-жъ она, наша широкая и смѣлая умственная дѣятельность? Покажите ее: вѣдь это не такая не замѣтная вещьца, которую надо искать днемъ съ огнемъ, если она дѣйствительно существуетъ въ данномъ обществѣ. И развѣ-жъ могутъ обширныя и дѣйствительно плодотворныя знанія уложиться въ такомъ мозгу, котораго естественное и здоровое развитіе нарушено вмѣшательствомъ понукательной педагогики? Развѣ способна къ широкой и упорной умственной дѣятельности такая голова, которая сидитъ на изнеможенномъ туловищѣ, и ежеминутно страдаетъ то приливами, то отливами крови?

Наша школа не можетъ похвалиться громкими именами тѣхъ дѣятелей, которыхъ она до сихъ поръ подарила нашему обществу; но, елибы даже наша школа могла доказать, что изъ каждой сотни ея бывшихъ учениковъ формировалось по десяти Ньютоновъ, то весь этотъ рядъ блестящихъ именъ не могъ бы убѣдить безпристрастнаго наблюдателя въ томъ, что наше общественное воспитаніе устроено рационально. Геній людей, подобныхъ Ньютону, рождается вмѣстѣ съ этими людьми: онъ, разумѣется, зависитъ не отъ школы, а отъ счастливаго стеченія благоприятныхъ условій эмбриологическаго развитія и самого первоначальнаго, чисто физическаго воспитанія. Но для того, чтобы Ньютонъ дѣйствительно сдѣлался Ньютономъ, то есть, для того, чтобы онъ совершилъ въ области мысли всѣ тѣ великіе подвиги, до которыхъ

могъ возвыситься его гений, для этого ему необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи значительную массу времени, то есть, необходимо было прожить очень долго. Геніальность безъ долговѣчности возбуждаетъ много блестящихъ надеждъ, и вслѣдъ затѣмъ, еще больше страстныхъ сожалѣній; но она даетъ людямъ мало существенной пользы. Такіе гении, которые, подобно Паскалю и Биша, умираютъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, не могутъ сдѣлаться великими преобразователями ни въ области знанія, ни въ области общественной жизни. Если же мы зададимъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ дѣйствуетъ школа на долговѣчность своихъ питомцевъ? — то, разумѣется, отвѣтъ получится самый неутѣшительный. Ослабляя здоровье воспитанниковъ, школа, конечно, сокращаетъ ихъ жизнь, то есть, во первыхъ, приближаетъ минуту ихъ смерти, а во вторыхъ, заставляя ихъ тратить много времени на леченіе различныхъ благопріобрѣтенныхъ немощей, значительно уменьшаетъ то число дней и часовъ, которое можетъ быть употреблено на полезный трудъ или на здоровое наслажденіе жизнью.

Медицинская статистика до сихъ поръ собрала еще немного матеріаловъ, относящихся къ учебнымъ заведеніямъ; но не смотря на то, въ подтвержденіе моихъ словъ, я могу привести изъ книги Мишеля Леви: «*Traité d'hygiène publique et privée*» слѣдующія цифры, заимствованныя этимъ извѣстнымъ гигиенистомъ изъ архивовъ политехнической школы. Въ теченіе 1850, 1851 и 1852 годовъ въ политехнической школѣ пребывало — 586 воспитанниковъ. — Изъ этого общаго числа лечилось въ лазаретѣ — 425 человекъ, то есть, почти 72½ процента. — А нездоровыми чувствовали себя, въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, не имѣя надобности лечиться въ лазаретѣ — 650 человекъ, то есть, 111 процентовъ; или другими словами, всѣ 586 воспитанниковъ прихворнули слегка по одному разу, а человекъ 60 изъ нихъ даже по два раза. Умершихъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ оказалось трое. «Такъ какъ гигиеническія условія соблюдены въ политехнической школѣ превосходно, прибавляетъ Леви, то эти результаты выражаютъ собою только: во 1-хъ, вліяніе индивидуальныхъ особенностей тѣлосложенія у молодыхъ людей, слабыхъ отъ природы или разстроившихъ свои силы предварительными работами; и во 2-хъ, вліяніе школьныхъ занятій». (*Traité d'hygiène. Tome II. p. 874*). Если школьныя занятія дѣйствуютъ такъ сильно даже на взрослыхъ студентовъ политехнической школы, то не трудно понять, что эти занятія должны дѣйствовать еще гораздо разрушительнѣе на дѣтей, которымъ воздухъ и движеніе необходимы для здоровья и для полного развитія физическихъ силъ.

V.

Съ одной стороны, гигиена запрещаетъ школъ обременять дѣтей непосильными учебными занятіями; съ другой стороны, общество совершенно справедливо требуетъ отъ школы, чтобы она выпускала въ жизнь не олуховъ, а образованныхъ и развитыхъ людей, способныхъ и желающихъ сдѣлаться полезными работниками. Школа, разумѣется, обязана мирить требованія общества съ предписаніями гигиены; это — задача очень трудная; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать эту задачу неисполнимою. До сихъ поръ, школа думала только о томъ, чтобы угодить обществу; и вслѣдствіе этого, общество было постоянно недоволено школою, которая, увлекаясь порывами своего усердія, постоянно выпускала въ жизнь вялыхъ и дряблыхъ людей, лишенныхъ всякой энергии и проникнутыхъ глубокимъ отвращеніемъ къ полезному труду. Видя безуспѣшность ея усилій, общество дѣлало школъ строжайшій выговоръ; озадаченная этимъ выговоромъ школа удваивала свои губительныя старанія, и, разумѣется, результатъ оказывался вдвое хуже прежняго, по той простой причинѣ, что гигиеническая сторона воспитательнаго дѣла тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе оттѣснялась на задній планъ, чѣмъ напряженнѣе становились добросовѣстныя усилія заблуждающихся педагоговъ. Этотъ рядъ неудачъ, возраставшихъ вмѣстѣ съ усиліями, доказалъ наконецъ тѣмъ людямъ, которые способны чему нибудь научиться изъ опыта, что задача воспитанія не допускаетъ одностороннихъ рѣшеній, и что ученикъ, въ которомъ школа старается развить умственныя способности въ ущербъ физическому здоровью, оказывается, обыкновенно, не только болѣзненнымъ человѣкомъ, но еще, кромѣ того, очень плохимъ мыслителемъ.

Въ теоріи, между современными педагогами не существуетъ уже разногласія насчетъ того пункта, что гигиеническая точка зрѣнія имѣетъ преобладающую важность въ дѣлѣ воспитанія. Но, когда дѣло доходитъ до примѣненія теоретическихъ началъ къ жизни, тогда начинаются ежеминутныя отступленія отъ гигиеническихъ правилъ, отступленія, которыя или извиняются существующими потребностями общества, данными обстоятельствами мѣста и времени, или даже ничѣмъ не извиняются, потому что гигиеническая точка зрѣнія обыкновенно забывается тотчасъ послѣ того, какъ ея существенная необходимость оказалась прилично оговоренною въ теоретическомъ вступленіи.

Эти нерѣшительныя отношенія педагогики къ гигиенѣ, и вообще прак-

тической рутины къ разумной теоріи, кладутъ свою печать на все устройство современной школы. Слѣды этихъ нерѣшительныхъ отношеній можно найти въ новомъ уставѣ гимназій и прогимназій. Такъ, напримеръ, обязанности гимназическаго врача опредѣляются слѣдующимъ образомъ въ § 36 этого устава. «Обязанности врача, кромѣ пользованія воспитанниковъ и постоянной заботливости объ ихъ здоровьи, заключаются въ наблюденіи: а) чтобы въ гимназію и прогимназію не поступали воспитанники, имѣющіе тѣлесные недостатки или болѣзни, препятствующіе вступленію въ общественное заведеніе; б) чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможности гигиеническія условія, и в) чтобы упражненія воспитанниковъ въ гимнастикѣ соображались съ требованіями правильнаго развитія и укрѣпленія физическихъ силъ юношества. Врачъ обязанъ замѣчанія свои по симъ предметамъ представлять начальству учебнаго заведенія и предъявлять оныя педагогическому совѣту для обсужденія и внесенія въ протоколъ его засѣданій.»

Этотъ параграфъ имѣетъ, очевидно, чисто-теоретическое значеніе, подобно всѣмъ остальнымъ статьямъ закона, опредѣляющимъ обязанности различныхъ должностныхъ лицъ. Чтобы оцѣнить практическую силу подобныхъ статей, надо посмотрѣть, на сколько и какимъ образомъ онѣ приводятся въ исполненіе. Хорошо или дурно гимназическіе врачи будутъ исполнять свои обязанности—этого, разумѣется, никто не можетъ знать заранѣе; это такой вопросъ, котораго рѣшеніе всегда будетъ зависѣть, въ очень значительной степени, отъ личныхъ особенностей того или другаго врача; но, совершенно оставляя въ сторонѣ личныя особенности будущихъ исполнителей, мы, на основаніи текста самого устава, можемъ высказать то предположеніе, что § 36 врядъ-ли гдѣ нибудь и когда нибудь будетъ исполняться совершенно удовлетворительно. Мы заглядываемъ въ штаты гимназій и прогимназій и находимъ тамъ, что врачу полагается 300 рублей годоваго содержанія. Эта цифра доказываетъ очевидно, что законъ обязываетъ гимназическаго врача заниматься постороннею практикою, и изъ этой практики извлекать себѣ самую значительную часть своего годового дохода. Можно сказать навѣрное что порядочный медикъ, живущій въ столицѣ или въ губернскомъ городѣ, захочетъ получать въ годъ, по меньшей мѣрѣ—1500 рублей. Слѣдовательно, къ 300 рублямъ, получаемымъ изъ гимназій, ему придется еще присоединить 1200 рублей изъ различныхъ постороннихъ источниковъ; а чтобы заработать эти 1200 рублей практикою, ему надо будетъ, въ теченіе года, сдѣлать не менѣе 400 визитовъ. Кромѣ того, порядочный медикъ, если желаетъ оставаться порядочнымъ медикомъ, долженъ не премѣнно употреблять очень много времени на серьезное чтеніе для того, чтобы постоянно слѣдить за быстрыми успѣхами различныхъ меди-

цинскихъ наукъ. При такихъ условіяхъ, гимназическій врачъ, имѣющій на рукахъ значительную городскую практику, будетъ, разумѣется, заглядывать въ гимназію въ видѣ любезнаго гостя, и *постоянная заботливость* о здоровьи воспитанниковъ, которую вмѣняетъ ему въ обязанность буква устава, будетъ существовать только на бумагѣ. При такихъ условіяхъ, врачъ, конечно, не сдѣлается регуляторомъ всей внутренней жизни учебнаго заведенія; врачъ останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ: онъ будетъ щупать пульсы, осматривать бѣлые языки и прописывать микстуры и промывательныя; собственно гигиеническое его значеніе едва ли можетъ сдѣлаться полнымъ; намекъ на это послѣднее обстоятельство мы видимъ даже въ томъ самомъ 36-мъ параграфѣ, который опредѣляетъ обязанности врача. Мы читаемъ въ этомъ параграфѣ: «б) чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможности гигиеническія условія».

Слова *по возможности* составляютъ чрезвычайно сильное и выразительное ограниченіе. Законъ не знаетъ и не допускаетъ такихъ ограниченій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ необходимымъ то или другое распоряженіе. Законъ не говоритъ, на примѣръ, что виновные въ такомъ то проступкѣ сажаются *по возможности* подъ арестъ; онъ просто приказываетъ сажать ихъ подъ арестъ непремѣнный, потому что тутъ не можетъ быть и не предполагается никакихъ невозможностей; значить, если въ дѣлѣ гигиеническихъ соображеній употреблена оговорка «*по возможности*», то ее слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что гигиеническая точка зрѣнія считается умѣстной только тогда, когда она не противорѣчитъ педагогическимъ, или хозяйственнымъ, или вообще какимъ нибудь другимъ, высшимъ и болѣе важнымъ разсчетамъ. Эта ограничительная оговорка даетъ директору гимназіи вѣрнѣйшее средство довести врача до молчанія всякій разъ, какъ только замѣчанія врача покажутся ему почему нибудь неприятными или неумѣстными. Врачъ говоритъ директору: въ такомъ то дортуарѣ несоблюдены гигиеническія условія.—Милостивый государь, отвѣчаетъ ему директоръ, они соблюдены *по возможности*. Стало быть, по закону мы съ вами оба правы: вы правы потому, что замѣтили существующій недостатокъ, а я потому, что соблюдаю гигиеническія условія... не вполне, но *по возможности*. Въ *распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ* врачъ, по всей вѣроятности, совсѣмъ не будетъ вмѣшиваться. Если этотъ врачъ одаренъ кротостью нрава и придерживается похвальнаго правила: отъ дѣла не бѣгай, а дѣла не дѣлай, то онъ будетъ ограничиваться смотрѣніемъ бѣлыхъ языковъ во избѣжаніе всякихъ неприятныхъ столкновеній съ педагогическими властями. Если же онъ дѣйствительно знаетъ и любитъ свое дѣло, то онъ также не будетъ ни во что вмѣ-

шиваться, потому что увидить тотчасъ свое совершенное безсиліе. Онъ увидить, что уроковъ слишкомъ много, что число ихъ неприкосновенно, не только для него, но даже и для директора, и что, слѣдовательно, какъ ихъ ни распредѣлай, а все-таки будетъ чрезъчуръ много, и правила гигиены все-таки окажутся нарушенными. Размысливъ такимъ образомъ, несчастный врачъ вздохнетъ, пожметъ плечами и поневолѣ примется каждый день чинить аптечными снадобьями молодые организмы, которые каждый день будутъ скрипѣть и расклевываться.

Вліяніе врача на гимнастическія упражненія воспитанниковъ, конечно, могло бы принести очень много пользы, если бы врачъ былъ въ состояніи изучить внимательно индивидуальную организацію каждаго отдѣльнаго воспитанника, и если бы онъ имѣлъ возможность присутствовать каждый день при гимнастическихъ упражненіяхъ. Тогда врачъ назначилъ бы каждому воспитаннику такой комплектъ гимнастическихъ движеній, который совершенно соотвѣтствовалъ бы его тѣлосложенію и въ должныхъ размѣрахъ упражнялъ и развивалъ бы его силы по всѣмъ направленіямъ. Тогда врачъ могъ бы подмѣтить въ самомъ зародышѣ всякую ненормальность тѣлосложенія и могъ бы совершенно успѣшно противодействовать развитію этой ненормальности цѣлесообразнымъ устройствомъ гимнастическихъ упражненій. Но, такъ какъ врачу, очевидно, нѣкогда будетъ заниматься спеціальнымъ изученіемъ гимназистовъ, то, разумѣется, его вліяніе на гимнастику ограничится тѣмъ, что онъ посоветуетъ въ общихъ выраженіяхъ учителю этого предмета избѣгать такихъ движеній, при которыхъ воспитанники могутъ переломать себѣ руки и ноги или свихнуть себѣ шею. Кромѣ того, гимнастика не можетъ имѣть серьезнаго вліянія на здоровье воспитанниковъ уже и потому, что она не обязательна. Къ § 40 присоединено въ уставѣ слѣдующее примѣчаніе: «къ числу учебныхъ предметовъ принадлежать также пѣніе и гимнастика для желающихъ». Гимнастика поставлена такимъ образомъ на одну доску съ пѣніемъ, которое предполагаетъ въ учащемся присутствіе особеннаго таланта, которое не можетъ имѣть никакого серьезнаго гигиеническаго значенія, и которое, слѣдовательно никакъ не можетъ считаться необходимымъ для всѣхъ. Приведенное мною примѣчаніе позволяетъ уклоняться отъ гимнастики всѣмъ тѣмъ воспитанникамъ, которые, обладая флегматическимъ тѣлосложеніемъ, чувствуютъ расположеніе къ сидѣчей жизни и непремѣнно превратятся къ 25 лѣтнему возрасту въ Обломовыхъ, если только раціональное физическое воспитаніе не будетъ сильно и постоянно противодействовать развитію ихъ квіетистическихъ наклонностей. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ теоріи новый уставъ выражаетъ очень строгія гигиеническія требованія, но что, въ практическихъ подробностяхъ того же устава, гигиена, по прежнему, занимаетъ очень скромное мѣсто. Къ тому же самому заклю-

ченію приводитъ насъ исторія новаго устава, изложенная довольно подробно въ прошлогодней декабрьской книжкѣ «журнала министерства Народнаго Просвѣщенія».

Уставъ выработывался специалистами педагогическаго дѣла въ продолженіе *восьми лѣтъ*; онъ прошелъ черезъ *четыре* редакціи; каждая изъ этихъ редакцій печаталась и подвергалась самому разностороннему обсужденію, какъ въ педагогическихъ совѣтахъ, такъ и въ періодической литературѣ; вторая редакція была переведена на англійскій, французскій и нѣмецкій языки и отправлена за границу на разсмотрѣніе извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ и ученымъ. Всѣ замѣчанія, полученныя министерствомъ какъ отъ нашихъ, такъ и отъ заграничныхъ педагоговъ, были собраны и изданы въ нѣсколькихъ объемистыхъ сборникахъ. Одинъ изъ этихъ сборниковъ былъ разосланъ «въ учебныя заведенія и къ разнымъ лицамъ» въ числѣ 2,200 экземпляровъ; другой— въ числѣ 658 экземпляровъ; третій— въ числѣ 1,912 экземпляровъ; четвертый— въ числѣ 1,943 экземпляровъ. Министерство, очевидно, не жалѣло ни времени, ни денегъ, ни трудовъ на то, чтобы довести проектъ устава до возможной степени зрѣлости и всесторонняго совершенства. Мы не можемъ отказать гг. составителямъ устава въ глубокомъ уваженіи къ добросовѣстности и неутомимости ихъ усилій; но мы не можемъ также не отмѣтить того факта, который бросается въ глаза безпристрастному наблюдателю: въ составленіи новаго устава не участвовала и не имѣла даже совѣщательнаго голоса наука о физической природѣ и о нормальныхъ потребностяхъ человѣческаго организма. Составителями и судьями министерскихъ проектовъ были преимущественно и почти исключительно педагоги, то есть, такіе дѣятели, которые, превосходно умѣя водворять и поддерживать въ учебныхъ заведеніяхъ благоустройство и прилежаніе учащихся, въ тоже время обладаютъ очень недостаточными свѣдѣніями касательно тѣхъ условій, при которыхъ сохраняется и укрѣпляется человѣческое здоровье. Проекты не посылались на разсмотрѣніе физиологамъ, медикамъ и гигиенистамъ, и отсутствіе ихъ вліянія даетъ себя чувствовать во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ новаго устава. «У насъ же, говоритъ, журналъ министерства Народнаго Просвѣщенія,» физическое развитіе учащихся до сихъ поръ было въ полномъ пренебреженіи.» (1864 декабрь. стр. 44). Съ этой мыслью я совершенно согласенъ; но я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ новый уставъ можетъ произвести въ этомъ отношеніи какую нибудь существенную перемѣну?

VI.

Въ реальныхъ гимназіяхъ новый уставъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ число еженедѣльныхъ уроковъ.

П р е д м е т ы .	К л а с с ы .							Всего недѣльн. урок. по часу съ $\frac{1}{4}$ на кажд.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ съ церковнославянскимъ и словесность	4	4	4	4	3	3	3	25
Французскій языкъ	3	3	3	4	3	3	3	22
Нѣмецкій языкъ	3	3	3	3	4	4	4	24
Математика	3	4	4	4	4	3	3	25
Исторія	—	—	2	3	3	3	3	14
Географія	2	2	2	2	—	—	—	8
Естественная исторія и химія	3	3	3	3	3	4	4	23
Физика и космографія	—	—	—	—	3	3	3	9
Чистописаніе, рисованіе и черченіе	4	4	4	2	2	2	2	20
И т о г о	24	25	27	27	27	27	27	184

Замѣчаніе «Учителя» на счетъ того, что педагоги, составляя росписанія учебныхъ занятій, руководствуются началомъ симметріи,—очевидно, совершенно непримѣнимо къ приведенной мною таблицѣ новаго устава. Симметрія нарушена въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, число уроковъ въ различныхъ классахъ не одинаково, а во вторыхъ, во всѣхъ классахъ, кромѣ перваго, положено въ недѣлю такое число уроковъ, которое не дѣлится на цифру дней, то есть, на шесть. Вслѣдствіе этого, у воспитанниковъ второго класса на пять дней въ недѣлѣ приходится по четыре урока, а на шестой день — пять уроковъ; у остальныхъ же пяти классовъ, начиная съ третьяго, приходится на три дня по четыре урока, и на три дня по пяти. Но, отступая такимъ образомъ отъ безплодной симметріи прежнихъ росписаній, новый уставъ нисколько не приближается къ требованіямъ гигиены. — Въ первомъ классѣ, десятилѣтніе мальчики должны будутъ учиться по пяти часовъ въ день, не считая того времени, которое имъ придется употреблять на выучиваніе заданныхъ уроковъ и на разныя письменныя работы.—Во второмъ классѣ, одиннадцатилѣтніе мальчики должны будутъ, одинъ разъ въ недѣлю, просиживать за ученіемъ шесть часовъ съ четвертью. Начиная съ третьяго класса, то есть, для двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ эти сеансы въ шесть часовъ съ четвертью будутъ повторяться уже по три раза въ

недѣлю. Посмотримъ, на сколько расходятся между собою, съ одной стороны, предписанія новаго устава, а съ другой стороны, гигиеническія требованія доктора Гейера.

По уставу, ученики I класса будутъ учиться въ недѣлю 30 часовъ.

По Гейеру, они должны учиться 3 часа въ день, то есть въ недѣлю 18 часовъ. Разница 12 часовъ.

По уставу, ученики II класса будутъ учиться въ недѣлю $31\frac{1}{4}$ часовъ.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $13\frac{1}{4}$ часовъ.

По уставу, ученики III класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики IV класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики V класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 18 часовъ. Разница $15\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики VI класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 24 часа. Разница $9\frac{3}{4}$ часа.

По уставу, ученики VII класса будутъ учиться въ недѣлю $33\frac{3}{4}$ часа.

По Гейеру, они должны учиться въ недѣлю 24 часа. Разница $9\frac{3}{4}$ часа.

Складываю всѣ разницы и получаю:

$$12 + 13\frac{1}{4} + 15\frac{3}{4} + 15\frac{3}{4} + 15\frac{3}{4} + 9\frac{3}{4} + 9\frac{3}{4} = 92$$

То есть, уставъ и Гейеръ расходятся между собою на 92 часа. Уставъ требуетъ для осуществленія своей программы по 230 часовъ въ недѣлю, а Гейеръ отпускаетъ на классныя занятія только 138 часовъ въ недѣлю. Читателю можетъ показаться страннымъ, что цифра 18 повторяется у Гейера, начиная отъ I класса и кончая V-ымъ, и что, такимъ образомъ, десятилѣтнія дѣти уравниваются съ пятнадцатилѣтними отроками. Я напомню читателю, что это уравниваніе относится только къ класснымъ занятіямъ, то есть, къ ученію до обѣда. Для десятилѣтнихъ и одиннадцатилѣтнихъ дѣтей, Гейеръ не допускаетъ никакихъ занятій внѣ класса; а начиная съ двѣнадцати лѣтъ, онъ отводитъ имъ послѣ обѣда по два часа на приготовленіе заданныхъ уроковъ. Это обстоятельство составляетъ замѣтную раздѣлительную черту между учениками первыхъ двухъ классовъ и трехъ слѣдующихъ.

Такъ какъ я разбираю разницу между уставомъ и Гейеромъ, а не

между нашею педагогическою практикою и Гейеромъ, то я допустилъ для первыхъ двухъ классовъ то предположеніе, что преподаватели не задаютъ ни какихъ уроковъ. Если бы не было этого предположенія, то, разумѣется, разница вышла бы еще гораздо значительнѣе. Однако и теперь, какъ же намъ управиться съ разницею въ 92 часа? Есть ли возможность соблюсти требованія гигиены, и, въ тоже время, выпустить изъ гимназіи дѣльныхъ и развитыхъ молодыхъ людей? Я полагаю, что возможность есть; но, разумѣется, нечего и думать о томъ, чтобы въ 138 часовъ сдѣлать точь-въ-точь ту работу, на которую положено по уставу 230 часовъ. Если держаться той основной программы, которую даетъ уставъ, тогда, конечно, надо будетъ плевать на Гейера и на всю его гигиену; до сихъ поръ мы такъ и дѣлали, и нельзя сказать, чтобы такой смѣлый образъ дѣйствій доставлялъ намъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, особенно большія выгоды и удобства.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что основная программа должна быть измѣнена, не во имя чьихъ нибудь вѣчныхъ предубѣжденій въ пользу классицизма или реализма, а просто во имя нашей общей и единопупной заботливости о здоровьи учащихся поколѣній.

Измѣнить основную программу можно двоякимъ образомъ. Во первыхъ, можно оставить неприкосновенными всѣ учебные предметы, но проходить каждый изъ нихъ въ сокращенномъ объемѣ. Во вторыхъ, можно совершенно выкинуть нѣсколько учебныхъ предметовъ. Второй методъ, по моему мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ лучше перваго. Гимназическій курсъ и безъ того уже даетъ намъ только жалкіе остовы многихъ разнородныхъ предметовъ. Мы дотрогиваемся въ гимназіи слегка до всего и не изучаемъ основательно ровно ничего. Новый уставъ направленъ именно противъ этого недостатка нашего гимназическаго образованія; но мнѣ кажется, что онъ, съ большею пользою для дѣла, могъ бы пойти въ этомъ направленіи гораздо дальше. Система сокращенія и упрощенія курсовъ никуда не годится. Если мы изъ краткихъ гимназическихъ учебниковъ составимъ учебники еще болѣе краткіе, то, разумѣется, въ этихъ жалкихъ экстрактахъ не останется уже рѣшительно никакой образовательной силы. Надо, напротивъ того, сосредоточить вниманіе учениковъ на самомъ незначительномъ числѣ предметовъ и сдѣлать преподаваніе этихъ немногихъ предметовъ на столько глубокимъ и основательнымъ, насколько это возможно безъ нарушенія гигиеническихъ условій. Какъ это сдѣлать? спрашиваетъ любопытный и недовѣрчивый читатель. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, я представляю слѣдующую таблицу еженедѣльныхъ уроковъ.

К Л А С С Ы.

Предметы	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего недѣльныхъ
								уроковъ по часу на каждый.
Законъ Божій.	2	2	2	2	2	2	2	14
Математика	6	6	6	6	6	6	6	42
Русскій языкъ	4	4	4	4	4	6	6	32
Французскій языкъ.	2	2	2	3	2	2	2	15
Нѣмецкій языкъ	2	2	2	3	2	2	2	15
Чистописаніе	2	2	2	—	—	—	—	6
Физика и космографія	—	—	—	—	2	6	6	14
Итого	18	18	18	18	18	24	24	138

Эта таблица требуетъ, конечно, очень многихъ комментаріевъ. — Преподаваніе закона Божія, какъ предмета совершенно неприкосновеннаго, оставлено въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ оно опредѣлено уставомъ. Преподаваніе математики усилено на 17 уроковъ, преподаваніе русскаго языка на 7 уроковъ, и преподаваніе физики и космографіи на 5 уроковъ. За то французскій и нѣмецкій языки ослаблены, первый на 7, а второй на 9 уроковъ. Чистописаніе, которое по уставу соединяется съ рисованіемъ и черченіемъ, сведено съ 20 уроковъ на 6, причемъ, разумѣется, рисованіе и черченіе откинута прочь. Наконецъ, — о ужасъ, о позоръ! — четыре предмета подвергнуты полному изгнанію. И какіе же предметы, боже мой, какіе очаровательные предметы?! Отправлены въ изгнаніе исторія, географія, химія и естественная исторія.

Такъ какъ мои мысли подвергаются очень часто различнымъ печатнымъ перетолкованіямъ и искаженіямъ, то я тотчасъ спѣшу оговориться, что исключая исторію, географію, химію и естественную исторію изъ гимназическаго курса, я вовсе не думаю подвергать сомнѣнію необходимость этихъ предметовъ въ кругу знаній каждаго образованнаго человѣка. Я только твердо увѣренъ въ томъ, что ни гимназія, ни университетъ, ни какое-либо другое учебное заведеніе не могутъ и никогда не будутъ въ состояніи выпускать въ свѣтъ совершенно образованныхъ людей, то есть, такихъ людей, которымъ больше значѣмъ было бы трудиться надъ собственнымъ развитіемъ, и приобрѣтать новыя знанія собственными усиліями. Полное банкротство всѣхъ существующихъ системъ общественнаго воспитанія объясняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что изобрѣтатели и распространители этихъ системъ желали и надѣялись рѣшить посредствомъ школы тѣ задачи, которыя могутъ быть рѣшены только посредствомъ упорной, продолжительной и сознательной работы каждой отдѣльной, уже созрѣвшей и возмужалой личности надъ своимъ собственнымъ образованіемъ. Когда школа хочетъ замѣнить человѣку самообразованіе, тогда она берется совсѣмъ не за свое дѣло, и, стараясь сдѣлать для учащагося юноше-

ства черезчуръ много, не дѣлаетъ даже и того, что составляетъ ея прямую и естественную обязанность.

Самообразование составляетъ необходимую и въ высшей степени законную фазу здороваго человѣческаго развитія. Школа должна стремиться не къ тому, чтобы избавить человѣка отъ трудовъ самообразованія, а къ тому, чтобы сдѣлать эти труды возможными и плодотворными. Школа должна, во-первыхъ, разбудить въ человѣкѣ любознательность, и во вторыхъ, развернуть и укрѣпить силы его ума настолько, чтобы человѣкъ, выходя изъ школы въ жизнь, могъ безъ постороннихъ руководителей искать и находить разумное удовлетвореніе для своей пробудившейся любознательности. Если школа имѣетъ какое нибудь спеціально-практическое значеніе, то, разумѣется, она должна, кромѣ того, научить своихъ воспитанниковъ тому ремеслу, ради котораго она сама существуетъ.

Науки, преподающіяся въ каждой школѣ, можно такимъ образомъ раздѣлить на два разряда: 1) науки образовательныя, и 2) науки прикладныя. Тѣ предметы, которые не входятъ ни въ тотъ, ни въ другой разрядъ, можно смѣло считать совершенно бесполезными. — Что ни химія, ни географія, ни естественная исторія, ни всеобщая исторія не могутъ сдѣлаться для гимназистовъ прикладными науками, въ этомъ, надѣюсь, не можетъ быть никакого сомнѣнія. На химіи основаны, конечно, очень многія, въ высшей степени важныя отрасли заводской промышленности; но для того, чтобы приступить къ которой нибудь изъ этихъ отраслей, надо, разумѣется, знать химію вдесятеро подробнѣе и основательнѣе, чѣмъ будутъ знать ее воспитанники реальныхъ гимназій.

Посмотримъ теперь, можно ли приписать этимъ наукамъ образовательное значеніе, при тѣхъ условіяхъ, которыми неизбежно будетъ оставлено ихъ преподаваніе въ гимназіяхъ. На химію вмѣстѣ съ естествою исторіею положено по уставу 23 урока. Подъ именемъ естественной исторіи здѣсь подразумѣвается цѣлая, обширная группа наукъ; сюда входятъ минералогія, ботаника, зоологія, анатомія и физиологія; быть можетъ, сюда придется еще присоединить геологію и палеонтологію; такимъ образомъ, гимназистамъ предстоитъ обнять, посредствомъ 23 недѣльных уроковъ, шесть, а можетъ быть, и восемь громаднхъ и сложнхъ наукъ. На каждую науку приходится, въ первомъ случаѣ, не много меньше *четырехъ*, а во второмъ, не много меньше *трехъ* еженедѣльных уроковъ. Всѣ же шесть или восемь наукъ, въ своей совокупности, считаются не много труднѣе французскаго, и немного легче нѣмецкаго языка; это послѣднее заключеніе вытекаетъ изъ того обстоятельства, что уставъ опредѣляетъ на изученіе французскаго 22 урока, на изученіе шести или восьми естественныхъ наукъ 23, а на изученіе нѣмецкаго 24 урока.

Эта изумительная быстрота и легкость изученія составляет первый изъ тѣхъ подводныхъ камней, на которыхъ разобьется предполагаемое образовательное значеніе естественной исторіи и химіи. Второй подводный камень можно усмотрѣть въ томъ, что преподаваніе естественной исторіи начинается съ перваго класса. Скажите пожалуйста, какого рода естественную исторію можно преподавать десятилѣтнимъ ребятамъ? Одно изъ двухъ: или суровый учитель заставитъ ихъ зубрить классификацію, или же добродушный учитель станетъ увеселять ихъ рассказами о смышленности животныхъ, о вѣрныхъ собачкахъ, о хитрыхъ лисичкахъ и о трудолюбивыхъ пчелкахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, овчинки не будутъ стоить выдѣлки, т. е., образовательное вліяніе такой естественной исторіи будетъ равняться нулю, и дѣти будутъ совершенно напрасно просиживать въ классѣ ежедневно по $3\frac{3}{4}$ часа, которые они съ громадною пользою для своего здоровья и физическаго развитія могли бы истратить на гимнастическія упражненія, на бѣганіе, на прыганіе, и вообще на всякія игры, свойственныя и необходимыя ихъ возрасту.

Образовательное вліяніе всѣхъ естественныхъ наукъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ укореняютъ въ человѣкѣ понятіе о вѣчныхъ и неизблемыхъ законахъ, управляющихъ всѣмъ мірозданіемъ и господствующихъ съ одинаковою силою надъ всѣми явленіями, доступными нашему изученію, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Это понятіе вѣчныхъ и неизблемыхъ законовъ, очевидно, можетъ имѣть интересъ и значеніе только для зрѣлаго или, по крайней мѣрѣ, для созрѣвающаго человѣка, въ умѣ котораго уже шевелятся вопросы и тревожныя сомнѣнія; кому еще ни разу не случалось вглядываться и вдумываться въ явленія окружающей природы, кого никогда не волновалъ и не мучилъ нелѣпый разладъ между смысломъ естественныхъ явленій и фантастическими понятіями немыслящаго большинства, — тому еще не зачѣмъ открывать книгу естествознанія, и для того слова *законъ* и *произволь*, *необходимость* и *личная воля*, *естественное развитіе* и *необъяснимая катастрофа* оказываются еще одинаково пустыми и безцвѣтными словами, которыя ничего не затрагиваютъ, ничему не противорѣчатъ, ни съ чѣмъ не гармонируютъ и ни на что не даютъ отвѣта. Чтобы возвыситься до понятія о *законѣ*, надо пожить хоть немного жизнью мысли и чувства, надо выйти изъ того міра непосредственныхъ ощущеній, въ которомъ прозябаетъ ребенокъ, и надо, наконецъ, серьезно и основательно познакомиться съ тѣмъ порядкомъ явленій, въ которомъ естественные законы обнаруживаются въ самой простой и элементарной формѣ. Свойства чиселъ, свойства величинъ, линій, плоскостей и тѣлъ — вотъ тѣ естественныя явленія, на которыхъ прежде всего должны сосредоточиваться и изощряться умственные способности ребенка.

Математика есть лучшее и даже единственное возможное введеніе къ изученію природы. Безъ геометріи и алгебры невозможно изученіе механики; безъ геометріи, алгебры и механики невозможно изученіе астрономіи; безъ геометріи, алгебры, механики и астрономіи невозможно изученіе физики и физической географіи; безъ физики нельзя взяться за химію; безъ физики и химіи нѣтъ возможности приступить къ физиологіи животныхъ и растений. Разумное и плодотворное изученіе природы возможно только при соблюденіи самой строгой постепенности; надо непремѣнно начинать съ самого начала и переходить къ сложнымъ явленіямъ только тогда, когда уже вполне усвоено знаніе всѣхъ, болѣе простыхъ явленій; прыгнуть разомъ на высшую ступеньку естествознанія, не побывавъ предварительно на всѣхъ низшихъ, нѣтъ никакой возможности, и всякая попытка нарушить такимъ образомъ естественный порядокъ изученія ведетъ за собою только размноженіе фразерозовъ и верхоглядовъ. Поэтому тѣ люди, которымъ дорого распространеніе реальныхъ знаній въ Россіи, должны желать особенно сильно, чтобы естественная исторія вмѣстѣ съ химіею была совершенно исключена изъ гимназическаго курса и чтобы изученіе математики въ гимназіяхъ было доведено именно до тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые опредѣлены для нея въ моей таблицѣ.

Неумѣстность естественной исторіи въ гимназическомъ курсѣ обнаруживается особенно ярко въ томъ обстоятельствѣ, что многія, чрезвычайно важныя подробности изъ жизни растений и животныхъ совершенно умалчиваются учебниками и преподавателями, потому что считаются неприличными и вредными для нравственности и даже для здоровья учащагося юношества. Всѣ половыя отношенія органическаго міра, всѣ факты эмбриологіи и дѣторожденія блистаютъ своимъ отсутствіемъ; вслѣдствіе этого въ знаніяхъ ученика оказывается огромный пробѣлъ, котораго онъ самъ, конечно, не можетъ не замѣтить и который, однимъ голымъ фактомъ своего существованія, непремѣнно будетъ направлять его нескромную любознательность именно туда, куда по соображенію педагоговъ эта нескромная любознательность совсѣмъ не должна заглядывать. Кромѣ того, что цѣлая масса фактовъ выкидывается такимъ образомъ вонъ изъ преподаванія, даже то, что остается на мѣстѣ, оказывается, во многихъ отношеніяхъ, изуродованнымъ и обезсмысленнымъ. Извѣстно, напримѣръ, что самую раціональную классификацію животнаго царства считается въ настоящее время классификація по эмбриологическимъ даннымъ; но такъ какъ эмбриологія составляетъ для гимназистовъ слишкомъ скромное кушанье, то, разумѣется, и раціональная классификація становится невозможною.

Но и это еще не все. Преподавая малолѣтнимъ ребятамъ жалкія лохмотья великой науки, учитель въ большей части случаевъ будетъ

еще располагать и подкрашивать эти лохмотья такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и на воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать. То, что должно было, по буквѣ устава, быть изученіемъ природы, превратится такимъ образомъ въ шатобриановскія и ламартиновскія сахарно-слезливыя медитаціи. Образовательнаго вліянія нечего ожидать отъ этихъ медитацій, потому что, какъ бы онѣ ни были умильтельны, однако можно поручиться за то, что ученики отнесутся къ нимъ недовѣрчиво и насмѣшливо, такъ какъ обыкновенно относятся дѣти ко всякой хитрой и замысловатой мистификаціи, направляемой противъ нихъ тенденціозною педагогикою. Математика не требуетъ никакихъ цѣломудренныхъ умолчаній и не допускаетъ никакихъ благовравныхъ тенденціозностей. Эти важныя преимущества еще болѣе упрочиваютъ за математикою ту роль, которую она по своему естественному положенію въ ряду другихъ наукъ, неизбѣжно должна занимать въ первоначальномъ образованіи юношества.— Для естественной же исторіи подобная роль немислима.

VII.

Если естественная исторія и химія не годятся для гимназическаго курса, то тѣмъ болѣе неумѣстны въ немъ политическая географія и всеобщая исторія. Научное значеніе политической географіи, очевидно, состоитъ въ изслѣдованіи той связи, которая существуетъ между землею и человѣкомъ. Научное значеніе всеобщей исторіи также, очевидно, состоитъ въ изслѣдованіи тѣхъ законовъ, по которымъ живутъ, развиваются и дѣйствуютъ другъ на друга идеи и учрежденія различныхъ человѣческихъ обществъ. Достаточно взглянуть внимательно на эти два опредѣленія для того, чтобы совершенно убѣдиться, до какой степени изученіе всеобщей исторіи и политической географіи не соотвѣтствуетъ ни умственнымъ силамъ, ни предварительно приобрѣтеннымъ знаніямъ нашихъ гимназистовъ.

Преподаваніе политической географіи начинается по уставу въ первомъ классѣ и оканчивается въ четвертомъ, между тѣмъ какъ преподаваніе физики и космографіи начинается съ пятаго класса; гимназистамъ приходится, такимъ образомъ, разсматривать вліяніе земли на человѣка въ то время, когда они не имѣютъ еще ни малѣйшаго понятія о различныхъ свойствахъ и особенностяхъ земли, какъ физическаго тѣла. Такъ какъ это разсматриваніе при такихъ условіяхъ совершенно невоз-

можно, то политическая географія, преподаваемая въ гимназіяхъ, неизбежно должна превратиться и дѣйствительно всегда превращалась до сихъ поръ, или въ каталогъ государствъ, городовъ, рѣкъ, горъ и всякихъ достопримѣчательностей, или въ собраніе нравоучительныхъ рассказовъ о лапландцахъ и о сѣверномъ оленѣ, о бедуинахъ и о верблюдѣ, объ англичанахъ и о паровой машинѣ.

Каталогъ собственныхъ именъ и цифръ окончательно подвергнуть опалѣ всѣми современными педагогами; къ нравоучительнымъ же рассказамъ педагоги, напротивъ того, питаютъ до сихъ поръ и вѣроятно долго еще будутъ питать глубокую нѣжность. Въ этихъ нравоучительныхъ рассказахъ дѣйствительно нѣтъ ничего особенно вреднаго; дѣтямъ не мѣшаетъ читать подобныя рассказы, когда у нихъ пробуждается охота къ чтенію и когда гигиеническія соображенія не заставляютъ взрослыхъ противодействовать этой пробудившейся наклонности. Но держать дѣтей въ классѣ и сидѣть передъ ними на кафедрѣ для того, чтобы рассказывать имъ, какимъ образомъ бедуины ѣздятъ верхомъ на верблюдахъ, значить превращать невинное развлеченіе въ важную и серьезную работу, которая однако, не смотря на всю торжественность обстановки, неспособна дать никакихъ важныхъ и серьезныхъ результатовъ. Когда учитель превращается въ рассказчика, тогда онъ немедленно становится бесполезнымъ, потому что роль рассказчика можетъ съ величайшимъ удобствомъ играть хорошая книга, написанная яснымъ и правильнымъ языкомъ и незагроможденная мудрыми научными терминами. Обязанность учителя состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы рассказывать ученику тѣ факты, которые ученикъ долженъ запомнить, а въ томъ, чтобы постоянно укрѣплять и развивать умственные способности ученика такими упражненіями, которыя во всякую данную минуту соотвѣтствовали бы размѣрамъ его наличныхъ силъ, и которыя съ теченіемъ времени становились бы постоянно болѣе трудными и болѣе сложными.

Ни въ географіи, ни въ исторіи нѣтъ мѣста для подобныхъ упражненій. Въ этихъ предметахъ, на сколько они доступны гимназистамъ, нечего понимать; въ нихъ надо рѣшительно все запоминать; поэтому работа учителя становится въ нихъ совершенно излишнею, и усвоеніе тѣхъ историческихъ и географическихъ фактовъ, которыхъ знаніе необходимо для образованнаго человѣка, можетъ быть цѣликомъ предоставлено личной и самостоятельной дѣятельности cadaго отдѣльнаго ученика.

Куда какъ все это хорошо! замѣтить огромное большинство моихъ читателей. Ученикъ выйдетъ изъ гимназіи и не будетъ имѣть понятія о томъ, кто былъ Наполеонъ I; онъ не будетъ знать, что Рейнь течетъ въ Германіи; услыхавъ въ разговорѣ слово *Европа*, онъ будетъ спрашивать, что это за штука. На что же это въ самомъ дѣлѣ похоже!

Вѣдь въ этихъ словахъ сформулировано самое сильное возраженіе, какое только можетъ быть придумано противъ моихъ размышленій о необходимости исключить изъ гимназическаго курса исторію и географію.

Это возраженіе нисколько не кажется мнѣ неопровержимымъ. Я полагаю, что если молодой человѣкъ, вышедшій изъ гимназіи, чувствуетъ очень глубоко, ежеминутно и на каждомъ шагу, крайнюю недостаточность своихъ знаній и поразительную незаконченность своего образованія — это не совсѣмъ пріятное ощущеніе не можетъ принести этому молодому человѣку ничего, кромѣ самой существенной пользы. Къ восемнадцатилѣтнему возрасту образованіе человѣка никакимъ образомъ не можетъ и даже не должно быть закончено; восемнадцатилѣтній юноша еще растеть, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи и было бы въ высшей степени не нормально и даже вредно, если бы постоянно расширяющійся и усиливающійся умъ былъ принужденъ пробавляться тою пищею, которая была имъ усвоена и удовлетворяла его потребностямъ во время одной изъ предыдущихъ фазъ его развитія. Новыя нарастающія силы требуютъ себѣ новой работы. Гимназическое образованіе, по самой сущности своего назначенія, должно быть непременно неполнымъ и незаконченнымъ; эта неполнота и незаконченность нисколько не составляетъ для него недостатка, и всякія заботы объ устраненіи этихъ необходимыхъ и естественныхъ свойствъ гимназическаго образованія оказываются совершенно безплодными или даже наносятъ школѣ существенный вредъ.

Если неполнота и незаконченность составляютъ нормальное свойство гимназическаго образованія, то спрашивается теперь, что лучше для молодого человѣка, окончившаго курсъ въ гимназіи: чтобы онъ ясно понималъ и глубоко чувствовалъ недостаточность своихъ знаній, или же, что бы эта недостаточность была искусно и тщательно замаскирована отъ него самого и отъ окружающаго общества разными обманчивыми подобіями знаній? Само собою разумѣется, что первое несравненно лучше второго, потому что человѣку всегда выгодно и полезно имѣть ясное и вѣрное понятіе о своемъ положеніи, какъ бы ни было это положеніе хорошо или дурно, утѣшительно или безотраднo. Если я бѣденъ, то никакъ не долженъ считать себя богачемъ, потому что въ такомъ случаѣ я запутаюсь въ долгахъ и доведу себя до окончательнаго раззоренія. Если я — недоучившійся школьникъ, то отнюдь не долженъ принимать себя за образованнаго человѣка, потому что въ такомъ случаѣ я рискую успокоиться на лаврахъ моего невѣжества и сохранить при себѣ это невѣжество до конца моей жизни. Воспитанники нашихъ теперешнихъ гимназій знаютъ, что Наполеонъ I былъ французскимъ императоромъ, что Рейвъ течетъ по Швейцаріи, по Германіи и по Голландіи, что Европою называется та часть свѣта, въ которой мы живемъ; они знаютъ

кромѣ того множество другихъ собственныхъ именъ и отрывочныхъ фактовъ; они не осрамятся въ обществѣ какимъ нибудь поразительнымъ проявленіемъ невѣжества; но развѣ же можно, въ самомъ дѣлѣ, сказать о нихъ, что они знаютъ всеобщую исторію и политическую географію? Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, позволительно оставаться по этимъ предметамъ на всю жизнь съ тѣми знаніями, которыхъ не могутъ сообщить даже превосходные гимназическіе учебники? А между тѣмъ именно то полужнаніе, которое спасаетъ молодого человѣка отъ полезнаго посрамленія, именно это полужнаніе, говорю я, и даетъ юношѣ возможность обходиться въ жизни безъ серьезнаго чтенія и останавливаться въ своихъ знаніяхъ и въ своемъ развитіи на той скромной ступени, на которую поставила его ферула школьнаго учителя. Напротивъ того, кто не вынесъ изъ школы даже элементарныхъ понятій о Наполеонѣ, о Рейнѣ и о Европѣ, тотъ рѣшительно не можетъ обойтись безъ чтенія; пробѣлы его образованія такъ очевидны, что они пугаютъ его и не даютъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не наполнитъ результатами собственныхъ занятій. А для наполненія этихъ ужасныхъ пробѣловъ онъ возьмется, конечно, не за гимназическіе учебники, а за научныя сочиненія по той простой причинѣ, что для взрослого молодого человѣка гораздо легче и пріятнѣе прочитать десять толстыхъ томовъ серьезной книги, чѣмъ одинъ тощій томикъ учебника.

— Однако это оригинально! возразить мнѣ читатель. По вашему мнѣнію, задача школы состоитъ въ томъ, чтобы *не давать* своимъ питомцамъ знаній и чтобы подвергать этихъ питомцевъ *полезнымъ*, какъ вы говорите, посрамленіямъ. Тогда лучше всего совсѣмъ уничтожить всѣ школы; тогда ужъ навѣрное подрастающія поколѣнія не будутъ получать никакихъ знаній; *полезное* посрамленіе ихъ будетъ самое полное, и гигиена окончательно восторжествуетъ, потому что дѣти будутъ бѣгать и кувиркаться съ утра до вечера.

Если бы я самъ не привелъ противъ себя этого остроумнаго возраженія, то его навѣрное измыслилъ бы противъ меня кто-нибудь изъ нашихъ остроумныхъ журналистовъ, хоть бы напримѣръ кто-нибудь изъ атлетовъ, подвизающихся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я отвѣчу на это возраженіе, что школа должна давать своимъ воспитанникамъ такія знанія, которыя она можетъ сообщить имъ въ полномъ объемѣ, которыя развиваютъ и укрѣпляютъ ихъ умы, и которыя, притомъ, воспитанникамъ было бы трудно приобрѣсти собственными усиліями, безъ содѣйствія и руководства преподавателя. По моей программѣ школа даетъ ученикамъ основательное знаніе математики и умѣнье превосходно владѣть отечественнымъ языкомъ. Кто приобрѣлъ навыкъ обращаться легко и свободно со всевозможными алгебраическими и геометрическими выкладками и кто кромѣ того приобрѣлъ умѣнье выражать всѣ отгѣнки своихъ мыслей

яснымъ и точнымъ языкомъ, тотъ можетъ смѣло взяться за какую угодно отрасль самостоятельныхъ занятій. Фактическихъ знаній у него не много, но фактическія знанія усваиваются очень легко такимъ человѣкомъ, у котораго умъ развитъ и закаленъ въ строгой школѣ математическаго образованія. Значить, я требую отъ школы, чтобы она давала своимъ питомцамъ *основательныя* знанія, и чтобы, оставивъ окончательно заботы о разносторонности и обширности своей программы, она направляла всѣ силы воспитанниковъ на глубокое и добросовѣстное изученіе немногихъ, но строго и рационально подобранныхъ предметовъ. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, давали ли наши гимназіи до сихъ поръ основательныя знанія по какому бы то ни было предмету? Нѣтъ, не давали, отвѣтить вамъ каждый знающій человѣкъ, и правительство отвѣчаетъ на этотъ вопросъ точно также, потому что оно признаетъ необходимымъ произвести въ гимназіяхъ полное преобразование. — Почему не давали? — Потому, отвѣтить вамъ каждый знающій человѣкъ, что за всѣмъ хотѣли угоняться. — Стало быть, что же надо сдѣлать? — Надо ограничить претензіи гимназій, надо точнѣе опредѣлить ихъ назначеніе, и избавить ихъ программу отъ вредной и безплодной многосторонности.

Именно такъ разсуждаютъ наши классики, и въ основномъ принципѣ, въ области чистой отвлеченности, я съ ними совершенно согласенъ. Но когда они хватаются за древніе языки, какъ за волшебный талисманъ, тогда я рѣшительно перестаю ихъ понимать. Ихъ нѣжность къ древнимъ языкамъ, при всей своей громадности, все таки не внушаетъ имъ такой храбрости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ русскаго языка, отъ математики, отъ физики, отъ новыхъ языковъ, отъ исторіи и отъ географіи. Всѣ эти предметы оказываются, по ихъ мнѣнію, необходимыми, и, кромѣ того, необходимы еще языки латинскій и греческій. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы избавиться отъ многопредметности, которую они сами ежеминутно проклинаятъ, наши классики своими усилиями только увеличиваютъ эту многопредметность, ведущую за собою непремѣнно безплодную трату силъ и умственную деморализацію учащейся молодежи. Кто хочетъ дѣйствительно устранить вредную многопредметность, тотъ долженъ выбрать изъ массы гимназическихъ предметовъ самые необходимые, и на этихъ необходимыхъ предметахъ сосредоточить все преподаваніе. Какіе же предметы самые необходимые? Я думаю, отвѣчать не трудно: математика и отечественный языкъ. На этихъ двухъ предметахъ и слѣдуетъ сосредоточиться. Чѣмъ меньше будетъ посторонней примѣси, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ умственное развитіе учащихся. Я осмѣливаюсь думать, что въ моей программѣ посторонняя примѣсь доведена до возможнаго *minimum'a*. Кромѣ того, я напомню читателю, что общій итогъ и распредѣленіе учебныхъ часовъ соотвѣтствуетъ буквально гигиеническимъ требованіямъ доктора Гейера.

VIII.

Программа моя можетъ вызвать еще нѣсколько возраженій, на которыя я постараюсь отвѣтить заранее.

1) Читатель можетъ изумиться и ужаснуться тому случаю, что русская исторія исключается, повидимому, изъ гимназій, вмѣстѣ со всеобщей. Русская исторія, въ настоящее время, считается такимъ необходимымъ предметомъ, что она преподается даже въ уѣздныхъ училищахъ, и чуть ли даже не въ приходскихъ. Съ легкой руки «Московскихъ Вѣдомостей», люди, неспособные размышлять собственнымъ умомъ, усвоили себѣ даже тотъ странный предразсудокъ, будто бы преподаваніе русской исторіи можетъ имѣть важное политическое значеніе, и будто оно совершенно необходимо для поддержки и укрѣпленія нашего патріотизма.

Если бы этотъ предразсудокъ не былъ результатомъ самой безотвѣтной наивности, то онъ былъ бы въ высшей степени оскорбителенъ для нашей національной чести, не говоря уже о томъ, что онъ находится въ самомъ вопіющемъ разладѣ съ самыми очевидными и знаменательными фактами нашей же собственной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, хорошъ былъ бы тотъ народъ, котораго патріотизмъ нуждался бы въ искусственномъ подогрѣваніи и основывался бы на изученіи архивныхъ документовъ. Патріотизмъ для народа есть тоже самое, что инстинктъ самосохраненія для отдѣльной личности; человѣку свойственно любить и защищать собственное тѣло; точно также ему свойственно любить и защищать тѣхъ людей, ту землю, тотъ складъ жизни и понятій, къ которымъ онъ привыкъ и привязался съ первыхъ дней своего дѣтства. Это стремленіе любить и защищать совокупность тѣхъ предметовъ, которые составляютъ родину, — слабѣетъ и даже совершенно исчезаетъ только въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда человѣку нѣтъ никакой возможности привыкнуть и привязаться къ тому, что его окружаетъ. Эта невозможность привыкнуть и привязаться является очевидно тогда, когда сумма страданій постоянно и въ очень значительной степени перевѣшиваетъ сумму пріятныхъ ощущеній. Тогда, разумѣется, вмѣсто привязанности развивается, смотря по обстоятельствамъ и по особенностямъ народнаго характера, или тупое равнодушіе, или затаенная ненависть къ даннымъ условіямъ жизни. Для рабовъ и для народовъ, притупленныхъ долговременнымъ угнетеніемъ, не существуетъ отечества и не можетъ быть патріотизма, потому что человѣкъ не можетъ любить то, что отравляетъ его жизнь ежеминутными физическими или нравственными мученіями. Впрочемъ, надо

замѣтить, что природа человѣка чрезвычайно невзыскательна въ этомъ отношеніи и умѣть помириться съ такими условіями существованія, которыя, въ глазахъ безпристрастнаго наблюдателя, оказываются непрерывною цѣпью лишеній, неблагодарныхъ трудовъ и тяжелыхъ страданій. Со времянь Бориса Годунова, на примѣръ, положеніе нашихъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и превращенныхъ въ собственность, было, конечно, такъ плохо, что трудно даже представить себѣ чтонибудь худшее, а между тѣмъ, эти же самые крестьяне съ величайшимъ воодушевленіемъ поднимались два раза на защиту того отечества, которое такъ неудовлетворительно исполняло въ отношеніи къ нимъ свои священныя обязанности. Крестьяне ходили съ Мининымъ подъ Москву, крестьяне шли толпами въ ополченіе 1812 года; конечно, ихъ воодушевленіе поддерживалось не учебниками русской исторіи и, конечно, было бы въ высшей степени безразсудно и несправедливо ожидать, чтобы внутреннія психологическія причины этого воодушевленія утратили свою силу теперь, когда положеніе крестьянъ улучшилось во многихъ отношеніяхъ.

Чѣмъ легче и вольнѣе живется на свѣтѣ какомунибудь народу, тѣмъ сильнѣе любитъ онъ свою родину и свои учрежденія. Единственное средство усилить патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать правильному, здоровому и усиѣнному развитію народныхъ силъ и народной производительной дѣятельности. Школа, конечно, можетъ принести въ этомъ отношеніи значительную долю пользы; но для этого она должна превращать своихъ воспитанниковъ въ здоровыхъ и мыслящихъ людей, а не въ говорунцовъ, почерпающихъ свой патріотизмъ изъ параграфовъ историческаго учебника. Мыслящій человѣкъ, выбравшій себѣ какуюнибудь отрасль труда и пристрастившійся къ своей дѣятельности, любитъ свою родину особенно сильно потому, что чувствуетъ себя полезнымъ для нея и лишнимъ во всякой другой странѣ. Трудъ составляетъ самую крѣпкую и надежную связь между тѣмъ человѣкомъ, который трудится, и тѣмъ обществомъ, на пользу котораго направленъ этотъ трудъ. Поэтому, развивая въ своихъ воспитанникахъ рабочія силы и любовь къ труду, школа готовить изъ нихъ превосходныхъ патріотовъ, хотя бы даже эти патріоты не имѣли никакого понятія о томъ, кто такой былъ Рюрикъ и что такое онъ сдѣлалъ 1003 года тому назадъ.

Впрочемъ, даже эта послѣдняя опасность устраняется сама собою. Я замѣтилъ уже въ самомъ началѣ этой главы, что русская исторія исключена изъ моей программы только *повидимому*. На самомъ же дѣлѣ, преподаваніе этого предмета только соединено съ преподаваніемъ словесности, и это соединеніе въ высшей степени выгодно для обоихъ предметовъ. Когда исторія и словесность преподаются отдѣльно, тогда пре-

подаваніе того и другого предмета рискуеть вдатся и дѣйствительно вдается очень часто въ односторонность, свойственную каждому изъ этихъ двухъ предметовъ. Исторія, въ подобныхъ случаяхъ, сосредоточивается на внѣшней сторонѣ событій и, упуская изъ виду умственную жизнь народа, превращается въ перечень битвъ, осадъ, мирныхъ договоровъ и смертныхъ случаевъ; исторія словесности, въ свою очередь, переполняется или мелкими біографическими фактами, неимѣющими никакого общаго интереса, или туманными эстетическими разсужденіями, неимѣющими въ себѣ никакого осязательнаго смысла. Соединеніе обоихъ предметовъ естественнымъ образомъ предохраняеть преподавателя отъ этихъ нелѣпныхъ и печальныхъ крайностей; въ случаѣ соединенія, преподаватель долженъ будетъ сосредоточить все свое вниманіе на тѣхъ сторонахъ и проявленіяхъ народной жизни, посредствомъ которыхъ исторія и словесность соприкасаются между собою и дѣйствуютъ другъ на друга. Изъ исторіи преподаватель принужденъ будетъ выбирать только такіе факты, которые такъ или иначе видоизмѣняли собою народную жизнь, и, вслѣдствіе этого, налагали свою печать, на словесныя и письменныя выраженія общественнаго самознанія.

Такимъ образомъ, факты внутренней жизни оттѣснять далеко на задній планъ утомительныя и бесплодныя перечисленія войнъ, трактатовъ, собственныхъ именъ, личныхъ пороковъ и личныхъ достоинствъ. Съ другой стороны, изъ груды литературныхъ памятниковъ преподаватель принужденъ будетъ выбирать только такія произведенія, которыя отражаютъ себя въ умственную фізіономію своей эпохи. При такихъ условіяхъ, имѣя постоянно въ виду историческое значеніе разбираемыхъ произведеній, преподаватель, очевидно, не можетъ удариться ни въ біографическую анекдотичность, ни въ эстетическую туманность. При такомъ методѣ преподаванія, ученики узнаютъ изъ русской исторіи немногіе важнѣйшіе моменты, но узнаютъ ихъ по сырымъ матеріаламъ, во всей ихъ типической неподкрашенности; изъ словесныхъ памятниковъ они прочитають также только кое-что; но за то въ этихъ немногихъ памятникахъ они найдутъ ключъ къ пониманію цѣлыхъ историческихъ эпохъ. Главная же цѣль всѣхъ этихъ чтеній и историческихъ толкованій будетъ конечно заключаться въ томъ, чтобы овладѣть вполне всѣми богатствами русскаго языка. Знаніе нашего языка для насъ безусловно необходимо; мы до сихъ поръ очень скверно пишемъ, и со всѣмъ не умѣемъ говорить. Наше неумѣнье говорить уже чувствуется теперь въ нашихъ земскихъ собраніяхъ и обнаружится во всей своей красотѣ въ нашихъ будущихъ гласныхъ судахъ. Гимназистамъ надо непремѣнно много читать и много писать по русски. — Вмѣсто того, чтобы читать какіе-нибудь пустяки, и описывать «восходъ солнца» или «морскую бурю», имъ, конечно, всего лучше читать и комментировать письменно

такіе памятники, которые, своею величественною историческою физиономією, могутъ совершенно успокоить и умпротворить пылкія сердца самыхъ ревностныхъ патріотовъ.

2) Второе возраженіе относится къ географіи. — Въ нашихъ теперешнихъ гимназіяхъ, разсуждаетъ читатель, мальчикъ съ десяти лѣтъ выучивается обращаться съ географическими картами. Если же онъ не будетъ учиться географіи, то легко можетъ быть, что онъ до самого конца гимназическаго курса не увидитъ ни одной географической карты. Когда онъ примется за свое географическое самообразование, тогда это неумѣнье обращаться съ картами можетъ сдѣлаться для него серьезнымъ препятствіемъ. — При тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, отвѣчу я, до которыхъ доведено въ моей программѣ преподаваніе математики, существуетъ полная возможность и даже настоятельная необходимость отвести въ этомъ преподаваніи очень видное мѣсто различнымъ практическимъ упражненіямъ. Въ числѣ этихъ упражненій должны играть довольно важную роль различныя геодезическія и топографическія операціи; ученикамъ высшихъ классовъ, начиная съ пятого, было бы очень полезно, въ лѣтнее и въ осеннее время, заниматься подъ руководствомъ учителя математики, съемкою плановъ въ окрестностяхъ того города, въ которомъ находится гимназія. Вниманіе учителя должно здѣсь сосредоточиваться, конечно, не на красотѣ отдѣлки, а на вѣрности размѣровъ и контуровъ. Когда ученики выучатся наносить на планъ главныя особенности небольшой мѣстности, тогда учителю уже не трудно будетъ объяснить имъ совершенно осязательно, какимъ образомъ наносится на планъ цѣлыя обширныя земли и части свѣта, и какимъ образомъ на этихъ планахъ изображаются различныя и мѣстныя особенности: моря, материка, острова, рѣки, озера, горы и города.

3) Третье возраженіе относится къ преподаванію новыхъ языковъ. Читатель можетъ замѣтить совершенно справедливо, что на нихъ отведено слишкомъ незначительное число уроковъ. Я сознаю вполне, что число уроковъ дѣйствительно недостаточно, но мнѣ кажется, что эта недостаточность не причинитъ ученикамъ чувствительнаго вреда. Знаніе иностранныхъ языковъ необходимо каждому, кто хочетъ серьезно заниматься какою нибудь отраслью науки; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но извѣстно также, что знаніе иностранныхъ языковъ полезно только тогда, когда оно даетъ возможность читать иностранныя книги легко и бѣгло, à livre ouvert. Кому приходится отыскивать въ лексиконѣ по пятидесяти словъ на каждую страницу, тотъ, конечно, не можетъ извлечь себѣ никакой пользы изъ своихъ лингвистическихъ знаній, потому что, читая въ день по пяти или по десяти страницъ, не скоро сдѣлаешься начитаннымъ и свѣдущимъ человѣкомъ. О людяхъ, читающихъ такимъ образомъ иностранныя книги, говорятъ даже обык-

новенно, что они совсѣмъ не знаютъ языка, не смотря на то, что они, быть можетъ, усвоили себѣ вполнѣ всѣ грамматическія правила и даже исключенія.

Гимназіи наши до сихъ поръ давали обыкновенно, въ самыхъ лучшихъ случаяхъ, такое знаніе иностранныхъ языковъ, которое, въ практическомъ отношеніи, равняется отсутствію всякого знанія. При выходѣ изъ гимназіи владѣютъ иностранными языками только тѣ ученики, которые выучились имъ дома, и которые уже поступили въ гимназію, умѣя говорить на этихъ языкахъ. Конечно, кто очень сильно желаетъ выучиться языку, и кто понимаетъ вполнѣ пользу такого знанія, тотъ можетъ выучиться и въ гимназіи, но, признаюсь, я не видалъ такихъ примѣровъ, и я полагаю, что они должны быть очень рѣдки, потому что обыкновенно ясное пониманіе собственной пользы пробуждается у молодыхъ людей довольно поздно, при первыхъ серьезныхъ столкновеніяхъ съ дѣйствительною жизнью. И такъ, кто желаетъ выучиться, тотъ успѣетъ это сдѣлать и при 15 урокахъ; а кто не желаетъ, тому не помогутъ въ этомъ отношеніи, лишніе 8 или 9 уроковъ. Но, такъ какъ равнодушные или нежелающіе составляютъ огромное большинство, то, разумѣется, не мѣшало бы придумать такое средство, которое влило бы въ ихъ головы практическое знаніе языковъ помимо ихъ собственнаго желанія. Мнѣ кажется, что такое средство существуетъ, но только искать его слѣдуетъ не въ гимназіяхъ, а въ воспитаніи ребенка до его поступления въ учебное заведеніе. Маленькіе дѣти, отъ 3 до 10 лѣтъ, съ изумительною легкостью запоминаютъ слова и обороты рѣчи; въ этомъ возрастѣ они могутъ въ полгода, много въ годъ, выучиться говорить на иностранномъ языкѣ. Поэтому ихъ слѣдуетъ учить языкамъ именно въ этомъ возрастѣ. Но какъ учить, когда нѣтъ средствъ нанять для ребенка француженку или нѣмку, и когда сами родители не знаютъ языковъ? Мнѣ кажется, было бы очень возможно и удобно воспользоваться, для пракческаго изученія языковъ, дѣтскими садами, которые, по всей вѣроятности, будутъ размножаться у насъ довольно быстро. Въ одномъ саду пусть господствуетъ, во всѣхъ играхъ дѣтей, нѣмецкій языкъ, въ другомъ англійскій, въ третьемъ— французскій. Устроить это господство языковъ очень не трудно, если дѣтскій садъ помѣщается въ большомъ городѣ. Для этого не нужно даже ни какихъ принудительныхъ мѣръ, никакихъ приказаній говорить именно на томъ, а не на другомъ языкѣ. Кто хочетъ устроить, напримѣръ, французскій садъ, тому надо, для перваго начала, отыскать подлужину маленькихъ французиновъ, которые не знали бы никакого языка, кромѣ своего родного. Потомъ надо показать этимъ французикамъ нѣсколько забавныхъ игръ, въ которыхъ необходимо вести нѣкоторые разговоры. Потомъ, когда эти игры будутъ въ полномъ разгарѣ, надо открыть приемъ русскихъ дѣтей

но открывать надо не вдругъ; принимать дѣтей надо сначала поодиночкѣ, для того, чтобы русскіе не могли завести своихъ отдѣльныхъ игръ, и для того, чтобы они, поневолѣ присоединяясь къ веселой компаніи французовъ, поневолѣ выучивались господствующему языку. Плата за посѣщеніе сада будетъ конечно доступна даже и тѣмъ семействамъ, которыя не въ состояніи нанять иностранныхъ нянекъ или гувернантокъ. Когда же дѣти выучатся говорить на томъ или другомъ иностранномъ языкѣ, тогда 15-ти гимназическихъ уроковъ въ недѣлю будетъ совершенно достаточно для того, чтобы поддержать и систематизировать ихъ лингвистическія знанія, приобретенныя практическимъ путемъ.

IX.

Общество наше плохо знаетъ математику, и вовсе не желаетъ съ нею знакомиться, потому что питаетъ къ ней глубокое, хотя и почти-тельное отвращеніе. Увидѣвъ въ моей программѣ, что преподаваніе математики назначено каждый день, въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ гимназическаго курса, многіе читатели затрепещутъ отъ ужаса, подумаютъ, что я желаю превратить гимназію въ смиренное заведеніе, и возблагодарятъ провидѣніе за то, что моя программа нисколько не похожа на росписаніе уроковъ, принятое новымъ гимназическимъ уставомъ.— Каждый день математика, размышляетъ читатель; это не только ужасно и безчеловѣчно, это даже просто невозможно. Это значитъ насиловать умственныя способности несчастныхъ дѣтей, и ученики навѣрное будутъ учиться изъ рукъ вонъ плохо, потому что математика, появляющаяся передъ ними каждый день, будетъ наводить на нихъ жесточайшую скуку.— Ужь не думаете ли вы, спроситъ читатель въ заключеніе своей филиппики, что вамъ удастся сдѣлать преподаваніе математики интереснымъ и увлекательнымъ?

Нѣтъ, читатель, отвѣчу я, этого я не думаю. Математика всегда, не смотря на всевозможныя усовершенствованія въ методѣ преподаванія, останется для учениковъ трудною работою; она никогда не будетъ давать никакой пищи ни чувству, ни воображенію, и поэтому ея преподаваніе никогда не сдѣлается интереснымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы называете интересными романы Диккенса, или зоологическіе рассказы Одиубона и Брема. Но, во первыхъ, одна изъ важнѣйшихъ обязанностей школы состоитъ въ томъ, чтобы приучить учениковъ къ серьезному и упорному труду, а эта обязанность, очевидно, останется неисполненною и окажется даже неисполнимою, если вы

постоянно, въ продолженіе всего гимназическаго курса, будете довольствоваться учениковъ исключительно интересными разсказами. Выслушивать или прочитывать интересные разсказы значить не трудиться, а сибаритничать. Предаваясь этому приятному и непрелосудительному занятію, можно невольно и нечаянно усвоить себѣ множество фактическихъ и даже полезныхъ знаній, но нѣтъ ни малѣйшей возможности придать своему уму необходимую крѣпость и гибкость, сформировать и закалить свой характеръ, и вообще приготовить себя къ столкновенію съ тѣми суровыми и серьезными сторонами умственной работы, безъ которыхъ не обходится и не можетъ обойтись никакая трудовая дѣятельность, достойная развитога человѣка и честнаго гражданина. Во вторыхъ, хотя математика и не можетъ сдѣлаться эстетически-привлекательною наукою, однако, при искусномъ преподаваніи, она можетъ постоянно доставлять ученикамъ, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ, самыя чистыя и высокія наслажденія, особенно плодотворныя въ томъ отношеніи, что они заставляютъ учениковъ пристраститься къ голому процессу труда, не смягченнаго и не украшеннаго никакими посторонними ингредиентами.

Всякому человѣку хочется быть сильнымъ, красивымъ, ловкимъ, смышленнымъ, остроумнымъ, изобрѣтательнымъ. Всякому человѣку свойственно, во всякомъ занятіи, стремиться къ возможному совершенству, и радоваться, когда, мало по малу, эта желанная виртуозность дѣйствительно пріобрѣтается. Что математика, при сколько нибудь разумномъ преподаваніи, имѣетъ высокую образовательную силу, что она развертываетъ и упражняетъ превосходно умственные способности учащихся, въ этомъ не сомнѣвался еще никто изъ самыхъ заклятыхъ ненавистниковъ этой ужасной и непрístupной науки. Смышленость учениковъ растетъ постоянно во время ихъ математическихъ занятій, это такъ же вѣрно и неизбѣжно, какъ то, что мускулы человѣка крѣпнуть и ловкость его увеличивается, когда онъ занимается гимнастическими упражненіями. Сбумѣйте же расположить и вести ваше математическое преподаваніе такъ, чтобы ученики сами замѣчали тотъ процессъ созрѣванія, который совершается въ ихъ головахъ. Какъ только ученики почувствуютъ и поймутъ совершенно отчетливо, что они съ каждымъ мѣсяцемъ, даже съ каждою недѣлею становятся умнѣе и расторопнѣе, — какъ только дѣйствительное существованіе этого отраднаго психическаго факта сдѣлается для нихъ осязательнымъ и несомнѣннымъ, какъ только они сравнятъ свое недавнее прошедшее съ своимъ настоящимъ, и увидятъ въ послѣднемъ значительный шагъ впередъ, такъ они непременно пристрастятся къ тѣмъ умственнымъ занятіямъ, которыя дали имъ возможность сдѣлать надъ собственными особами такія пріятныя и лестныя наблюденія. *Il faut souffrir pour être belle*, говорятъ ко-

кетки, и онъ дѣйствительно, съ великою стойкостью выносить боль отъ узкихъ башмаковъ, отъ узкихъ перчатокъ, и вообще отъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые такъ или иначе приближаютъ ихъ къ условному идеалу красоты. Не сковерканные съ дѣтства представители обоихъ половъ, по крайней мѣрѣ, такъ же сильно дорожатъ своими умственными достоинствами, какъ глупыя и пустыя женщины дорожатъ тонкостью своей талии или малыми размѣрами рукъ и ногъ. Если послѣднія соглашаются страдать, терпѣть боль для соблюденія красоты, то какое же можетъ быть сомнѣнiе въ томъ, что первые будутъ съ удовольствiемъ заниматься скучными и трудными работами, когда они увидятъ, что умъ ихъ дѣйствительно крѣпнетъ и совершенствуется въ этихъ работахъ?

Но само собою разумѣется, что самобытное, свободное и сильное влеченiе къ трудной и утомительной работѣ пробудится въ ученикахъ только тогда, когда они *сами почувствуютъ, сами подмѣтятъ* развивающее дѣйствiе этихъ работъ, а не тогда, когда учитель будетъ краснорѣчиво описывать имъ это развивающее дѣйствiе. Искусство учителя именно въ томъ и должно состоять, чтобы всѣ занятiя были расположены по такому плану, который естественнымъ образомъ наводилъ бы учениковъ на эти полезныя размышленiя. При хорошемъ преподаванiи, ученики должны полюбить математическiя занятiя по той же самой психической причинѣ, по которой они любятъ различныя игры, дающiя имъ возможность обнаружить передъ собою и передъ другими отвагу, силу и ловкость. Математика вся сплошь составлена изъ такихъ трудностей, которыя учащiйся долженъ преодолевать силою своего ума и постояннымъ, упорнымъ и энергическимъ напряженiемъ вниманiя. Эти трудности приводятъ въ ужасъ несвѣдущихъ людей, но именно этими трудностями хорошiй преподаватель и можетъ воспользоваться для того, чтобы внушить ученикамъ сильное влеченiе къ математическимъ занятiямъ. Надо, чтобы каждый шагъ впередъ доставался ученику послѣ тяжелой борьбы, и чтобы, въ тоже время, эта тяжелая борьба никогда не превышала размѣровъ его наличныхъ умственныхъ силъ. При такихъ условiяхъ, математическiя занятiя будутъ давать ученикамъ всѣ обалтельныя ощущенiя настоящей борьбы; ученикъ будетъ смѣло подходить къ каждой новой трудности, будетъ съ воодушевленiемъ работать надъ ея усвоенiемъ, и, одержавши надъ нею побѣду, будетъ выносить изъ этой побѣды новый запасъ силы и веселой энергiи. Поступая такимъ образомъ, ученикъ съ молодыхъ лѣтъ выучится понимать и чувствовать ту великую истину, что суровый и утомительный трудъ доставляетъ человѣку высокое наслажденiе, если только онъ не доходитъ до такихъ крайнихъ размѣровъ, при которыхъ онъ можетъ подрывать физическiя и умственный силы человеческого организма.

Когда ученику удастся отыскать обаятельную сторону даже въ рѣшеніи алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ, тогда можно будетъ сказать навѣрное, что этотъ ученикъ вполне способенъ принять на себя и довести до конца всякій умственный трудъ, какъ бы ни былъ онъ сухъ и утомителенъ. Обаятельная сторона, отысканная ученикомъ, заключается въ томъ, что эти задачи упражняютъ умъ и энергію; а такъ какъ эта обаятельная сторона отыщется непременно во всякомъ умственномъ, то есть, не машинальномъ трудѣ, то и оказывается въ концѣ концовъ, что для ученика, воспитаннаго на математикѣ, всякій умственный трудъ будетъ привлекателенъ или, по крайней мѣрѣ, сносенъ. Такимъ образомъ, математика сдѣлается для ученика превосходною школою, не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Математика не только приготовитъ ученика къ изученію естественныхъ наукъ; она не только научитъ его мыслить правильно и послѣдовательно; она еще, кромѣ того, воспитаетъ въ немъ неустрашимаго работника, для котораго *трудъ* и *скука* окажутся двумя взаимно исключаящими другъ друга понятіями.

Для окончательнаго же успокоенія тѣхъ мнительныхъ людей, которые думаютъ, что гимназисты будутъ непременно ненавидѣть и презирать ужасную математику, я предлагаю дать каждому классу слѣдующую организацію, направленную къ тому, чтобы усилить и регулировать соревнованіе. Положимъ, что въ первый классъ поступило 50 человѣкъ учениковъ. Въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ преподаватели изучаютъ размѣры ихъ индивидуальныхъ способностей. По прошествіи этого времени преподаватели находятъ, что 7 учениковъ обладаютъ очень хорошими способностями, 29 — посредственными, и 14 — слабыми. Тогда они раздѣляютъ классъ на 7 группъ, наблюдая притомъ, чтобы эти группы были равносильны между собою по общей массѣ входящихъ въ нихъ индивидуальныхъ способностей. На каждую группу придется, такимъ образомъ, по одному даровитому ученику, по два слабыхъ, и по четыре посредственности. Въ одной изъ группъ окажется одна лишняя посредственность, но вліяніе ея будетъ совершенно нечувствительно; она не доставитъ ей того перевѣса надъ другими группами, который далъ бы ей лишній даровитый ученикъ, и не послужитъ ей также тѣмъ обремененіемъ, которымъ оказалась бы для нея одна лишняя бездарность. Затѣмъ, когда это раздѣленіе устроено, остается только, въ концѣ каждаго мѣсяца, выводить для каждой группы средній баллъ по всѣмъ предметамъ, и объявлять классу, что такая-то группа оказалась первою, а такая-то второю, и такъ далѣе. Этого будетъ совершенно достаточно; и можно поручиться за то, что при этой системѣ всякія наказанія за лѣность, и всякія награды за прилежаніе сдѣлаются совершенно излишними.

Въ настоящее время, во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе сильно начало личнаго соревнованія. Пожалуй, и это недурно; во всякомъ случаѣ, лучше дѣйствовать на дѣтей посредствомъ личнаго соревнованія, чѣмъ посредствомъ физической боли. Но нетрудно замѣтить въ системѣ личнаго соревнованія нѣсколько серьезныхъ недостатковъ. Во-первыхъ, эта система совершенно изолируетъ интересы каждой отдѣльной личности; даровитому ученику невыгодно тратить время на то, чтобы помогать бездарному; если онъ это дѣлаетъ, то онъ чувствуетъ самъ, что приноситъ жертву, и оказываетъ товарищу благодареніе. Словомъ, эта система направляется къ тому, чтобы формировать близорукихъ эгоистовъ или сантиментальныхъ филантроповъ, но никакъ не къ тому, чтобы развивать въ ученикахъ чувство солидарности между отдѣльными людьми и личными интересами. Придерживаясь этой системы, школа совершенно забываетъ свою обязанность готовить хорошихъ гражданъ. Во-вторыхъ, личное соревнованіе дѣйствуетъ сильно только на самыхъ лучшихъ учениковъ; для массы оно не можетъ имѣть никакого значенія. Подъ влияніемъ личнаго соревнованія идетъ ожесточенная борьба только за первыя мѣста въ классѣ; а такъ какъ эта борьба доступна только для самого ничтожнаго меньшинства, всего для какихъ нибудь пяти-шести учениковъ, то весь остальной классъ присутствуетъ при этой борьбѣ въ качествѣ постороннихъ и лично-незаинтересованныхъ зрителей. Между первымъ и вторымъ мѣстомъ въ классѣ есть для ученика замѣтная разница; между вторымъ и третьимъ—тоже; между первыми тремя и остальною массою тоже; но кто попалъ въ безразличную массу, и сидитъ въ ней безвыходно, для того уже рѣшительно все равно, перейди ли изъ класса въ классъ семнадцатымъ, или двадцать шестымъ, или тридцать третьимъ. Эти отгѣнки становятся совершенно нечувствительными, и о нихъ нисколько не заботятся ни начальство, ни общественное мнѣніе школьнаго товарищества. — Въ третьихъ, господствующая система личнаго соревнованія нехороша тѣмъ, что на практикѣ она обыкновенно приправляется различными наградами, которыя дѣйствуютъ или на тщеславіе воспитанниковъ, или на инстинктъ стяжанія, подготавливая такимъ образомъ для жизни усердныхъ искателей теплыхъ мѣстъ и видимыхъ знаковъ отличія.

Всѣ эти неудобства устраняются системою коллективнаго соревнованія. Для каждаго изъ членовъ группы одинаково важно, чтобы всѣ его товарищи по группѣ учились хорошо; дурные баллы, получаемые слабыми учениками, тянутъ назадъ всю группу; поэтому, лучшіе ученики будутъ непременно помогать слабымъ, и будутъ помогать имъ не изъ филантропій, а изъ желанія поддержать общее дѣло, и не дать себя въ обиду другимъ группамъ. Такимъ образомъ, въ ученикахъ будутъ незамѣтно и нечувствительно вырабатываться здоровые общественные инстинкты. Сла-

бые ученики, съ своей стороны, будутъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не сдѣлаться для своихъ ближайшихъ товарищей невыносимымъ бременемъ и причиною позорныхъ поражений. Словомъ, всѣ—слабые, посредственные и сильные — будутъ дѣлать столько, сколько могутъ; всѣ они будутъ находиться подъ контролемъ товарищей, а этотъ контроль, разумѣется, оказывается всегда неизмѣримо бдительнѣе и строже всякой начальственной инспекціи. Такъ какъ этотъ контроль будетъ одинаково строгъ для всѣхъ какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, то, разумѣется, при этой системѣ вовсе не окажется той безразличной и неподвижной массы, къ которой относится огромное большинство класса, при системѣ личнаго соревнованія. Наградъ не требуется никакихъ; соперничество между группами установится само собою, и начальство будетъ только ежемесячно сообщать этимъ группамъ простой статистическій фактъ, къ которому нѣтъ никакой надобности прибавлять какіе-бы то ни было хвалительные или порицательные комментаріи.

—Почему же вы однако думаете, спроситъ читатель, что соперничество дѣйствительно установится? — Потому, отвѣчу я, что ребята очень любить хвастаться другъ передъ другомъ силою, ловкостью, храбростью, сметливостью. Какъ только познакомятся между собою два мальчика, неизуродованные чопорнымъ воспитаніемъ, такъ они непременно начнутъ бороться или бѣгать взапуски, и вообще постараются превзойти другъ друга въ томъ или другомъ воинственномъ упражненіи. А борьба между группами еще гораздо занимательнѣе, чѣмъ борьба между отдѣльными личностями. Тутъ есть и союзники, и противники, и безпристрастные судьи, спокойно и хладнокровно читающіе ежемѣсячный статистическій отчетъ, пробуждающій во всѣхъ сгруппированныхъ сердцахъ цѣлыя бури разнообразныхъ, но чистыхъ и полезныхъ страстей. Система, которую я предлагаю здѣсь, уже дѣйствуетъ въ парижской ремесленной школѣ (école professionnelle), и г-жа Маршефъ-Жираръ, въ книгѣ своей: «Des Facultés humaines et de leur développement par l'éducation», говорить, что полезные результаты, добываемые при помощи этого дѣленія на группы, далеко превзошли самыя смѣлыя ея ожиданія.

X.

Кромѣ всѣхъ своихъ вышеисчисленныхъ достоинствъ моя программа имѣетъ еще достоинство дешевизны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить штатъ реальной гимназій съ штатомъ такого училища,

которое было бы устроено по моей программѣ. Выписываю изъ штата реальныхъ гимназій тѣ статьи, которыя относятся собственно къ учителямъ.

1	Законоучителю полагается за	14	недѣльныхъ уроковъ.	1,020	р. жал.
2	Учителямъ русскаго языка »	25	» »	1,860	» »
2	» математики. . . »	28	» »	2,040	» »
2	естественной исторіи . . . »	29	» »	2,100	» »
1	исторіи и географіи . . . »	22	» »	1,500	» »
2	нѣмецкаго языка »	24	» »	1,800	» »
2	французскаго языка »	22	» »	1,650	» »
1	чистописанія »	20	» »	880	» »

Итого за 184 недѣльные урока 12,850 р. жалованья всѣмъ учителямъ.

При назначеніи жалованья учителямъ уставъ держится слѣдующаго правила: когда учитель имѣетъ 12 недѣльныхъ уроковъ или менѣе, то ему полагается за каждый урокъ по 75 р. въ годъ. Если же учитель имѣетъ больше 12 уроковъ, то за каждый урокъ сверхъ 12-ти, онъ получаетъ въ годъ по 60 р. Такъ напр. законоучитель за 12 уроковъ получаетъ $12 \times 75 = 900$ рублей, а за два урока, сверхъ 12-ти, $2 \times 60 = 120$ рублей. Всего 1,020 рублей. Прилагая тотъ же самый расчетъ къ моей программѣ, я получаю слѣдующіе результаты.

1	Законоучителю за	14	уроковъ . . .	1,020	р. жал.
2	Учителямъ русскаго языка »	32	урока	2,280	» »
3	» математики »	42	»	3,060	» »
1	Учителю физики »	14	уроковъ . . .	1,020	» »
1	» нѣмецкаго языка. »	15	»	1,080	» »
1	» французскаго языка. . . »	15	»	1,080	» »
1	» чистописанія »	6	»	300 р.*)	»

Итого за 138 уроковъ 9,840 р. жалованья всѣмъ учителямъ.

Вычитаю 9,840 изъ 12,850 руб. и получаю 3,010 рублей экономіи. Эту экономію было бы полезно употребить слѣдующимъ образомъ:

На жалованье гимназическому врачу	1,200	рублей.
На ученическую бібліотеку	810	»
На содержаніе токарной и столярной мастерской. . .	1,000	»

Итого 3,010 рублей.

*) Учителю чистописанія уставъ назначаетъ меньшее жалованье на томъ основаніи, что отъ него не требуется прохожденія университетскаго курса. Я, для равнаго счета, назначалъ ему по 50 руб. за урокъ, немного больше чѣмъ назначаетъ ему уставъ.

Врачъ получалъ бы тогда всего 1,500 рублей. Тогда можно было бы вмѣнить ему въ обязанность, чтобы онъ присутствовалъ постоянно при гимназическихъ упражненіяхъ воспитанниковъ, чтобы онъ строго наблюдалъ за надлежащею вентиляціею классныхъ комнатъ и дортуаровъ, чтобы онъ изучалъ комплекцію и темпераментъ отдѣльныхъ воспитанниковъ, и чтобы, наконецъ, онъ представлялъ ежегодно медико-статистическіе отчеты по ввѣренному ему заведенію. Тогда врачъ дѣйствительно могъ бы сдѣлаться, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, регуляторомъ внутренней жизни въ гимназій. При этомъ само собою разумѣется, что онъ, подобно директору, инспектору и воспитателямъ, долженъ имѣть квартиру въ самомъ заведеніи, и что каждое опредѣленіе педагогическаго совѣта должно подписываться врачомъ, для того, чтобы получить законную силу.

Крайняя бѣдность гимназическихъ библиотекъ уже давно обращаетъ на себя вниманіе учебнаго начальства. Такъ называемыя фундаментальныя библиотеки, заключающія въ себѣ ученныя сочиненія, необходимыя для преподавателей, не отличаясь своимъ богатствомъ и удовлетворительностью своего состава, могутъ однако, до нѣкоторой степени, выполнять свое назначеніе. Что же касается до такъ называемыхъ ученическихъ библиотекъ, предназначенныхъ для чтенія воспитанникамъ, то онѣ при многихъ гимназійхъ вовсе не существуютъ, а при другихъ *находятся*, по выраженію г. попечителя казанскаго округа, *только въ зачаткѣ*. Въ казанскомъ округѣ имѣется 12 гимназій; изъ нихъ снабжены ученическими библиотеками только 7 гимназій; но читатель никакъ не долженъ думать, что эти счастливыя 7 гимназій дѣйствительно могутъ предложить своимъ воспитанникамъ богатый запасъ разнообразнаго чтенія. Самая богатая изъ этихъ счастливыхъ семи гимназій, Екатеринбургская, имѣетъ въ своей ученической библиотекѣ 505 томовъ; самая же бѣдная, Пермская, имѣетъ въ своемъ распоряженіи 77 томовъ, такъ что вся библиотека можетъ, вѣроятно, умѣститься на двухъ не очень большихъ полкахъ. Впрочемъ, легко можетъ быть, что Вятская библиотека еще бѣднѣе Пермской. Въ отчетѣ г. попечителя цифра вятскихъ книгъ не показана, но сдѣлано замѣчаніе, что «особенно нуждаются въ пополненіи полезными для чтенія учениковъ книгами библиотеки Вятская и Пермская». — Показана же цифра книгъ въ пяти библиотекахъ, и изъ этихъ пяти показаній мы получаемъ средній выводъ: 394. Сама по себѣ эта цифра не очень печальна; ученику нѣкогда прочитать въ семь лѣтъ 394 тома; онъ читаетъ въ свободныя минуты, а свободныхъ минутъ у него не очень много, потому что большая часть того времени, которое не проводится въ классѣ и не употребляется на ученіе уроковъ, должно быть посвящено гимнастическимъ упражненіямъ и различнымъ играмъ, требующимъ физическаго движенія. Въ первые два

или даже три года ученику вовсе не слѣдовало бы читать; если же мы распредѣлимъ чтеніе 394 томовъ на послѣдніе четыре года, то на годъ придется по 98 $\frac{1}{2}$ томовъ, а на мѣсяць слишкомъ по 8 томовъ; то есть, ученику придется прочитывать по одному тому въ три съ половиною дня. Стало быть, если бы книги ученическихъ библіотекъ были удовлетворительны по своему содержанію, то ученикамъ не пришлось бы терпѣть умственного голода. Но удовлетворительны ли онѣ на самомъ дѣлѣ? Г. попечитель Казанскаго округа не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о составѣ ученическихъ библіотекъ, но мы имѣемъ основаніе думать, что онѣ очень плохи въ качественномъ отношеніи; на эту мысль наводитъ меня слѣдующее замѣчаніе въ отчетѣ г. попечителя. «Между тѣмъ, имѣя огромное значеніе въ отношеніи развитія умственного и знаній учащихся, ученическія библіотеки не имѣютъ никакихъ постоянныхъ средствъ, которыя могли бы служить гарантіей ихъ улучшенія, такъ какъ частная благотворительность весьма ненадежный источникъ и не вездѣ, кромѣ того, она проявляется съ одинаковою щедростію. Поэтому, совершенно необходимо, въ видѣ постояннаго улучшенія и пополненія ученическихъ библіотекъ, назначить опредѣленную сумму на ихъ содержаніе, хотя бы, напримѣръ, въ количествѣ 100 руб. въ гимназіяхъ и треть или четверть этой суммы въ уѣздныхъ училищахъ». Мы видимъ, такимъ образомъ, что объ улучшеніи и пополненіи ученическихъ библіотекъ заботилась до сихъ поръ исключительно частная благотворительность. Но, такъ какъ наша частная благотворительность обращалась до сихъ поръ преимущественно на монастыри и на остроги, и проявлялась обыкновенно въ раздаваніи полдусекъ на церковной паперти, или въ одѣленіи арестантовъ черствыми калачами, то надо полагать, что на украшеніе ученическихъ библіотекъ эта благотворительность устремлялась только тогда, когда благотворителю доставалось по наслѣдству отъ какого нибудь стараго дядюшки или дѣдушки нѣсколько десятковъ античныхъ книгъ, совершенно негодныхъ для личнаго употребленія. Что прикажете дѣлать съ такою коллекціею? Толкучаго рынка въ провинціи не имѣется; на оклейку комнатъ подъ обои эти книги не годятся, если онѣ переплетены; чердаки и кладовыя и безъ того биткомъ набиты всякою рухлядью; очевидно остается только навалить эти книги на телѣгу и отправить ихъ въ мѣстный храмъ наукъ, чтобы получить, такимъ образомъ, за весьма дешевую цѣну, репутацію благотворителя и губернскаго Мецената.

— Вотъ прекрасно! возражаетъ читатель. Развѣ допустить гимназическое начальство, чтобы ученическая библіотека сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ всякаго стараго хлама? — Читатель мой, отвѣчу я, хламъ — выраженіе условное и эластическое. Если въ числѣ старыхъ книгъ, ненужныхъ для самого благотворителя, окажутся «La Pucelle» Вольтера,

«Les bijoux indiscrets» Дидро, *Декамеронъ* Боккачю, «Justine» маркиза де-Садъ, и разныя другія, столь же веселенькія произведенія, то легко можетъ случиться, что гимназическое начальство съ негодованіемъ отрѣжетъ имъ доступъ въ ученическую бібліотеку, въ которой подобныя приности дѣйствительно неумѣстны. Но представьте себѣ, что благотворитель присылаетъ въ гимназію сочиненія Сумарокова, Тредьяковскаго, Хераскова, Аблесимова, Кострова, Поповскаго, Озерова, Мерзлякова. Спрашивается: хламъ ли это или не хламъ? Вы скажете, быть можетъ, что это хламъ, и я съ вами не стану спорить, но гимназическое начальство не будетъ имѣть ни малѣйшаго основанія на то, чтобы исключать подобныя книги изъ ученической бібліотеки. Все это — орлы російскаго парнаса, и гимназическое начальство не имѣетъ никакого права отгонять російское юношество отъ живительныхъ струй нашей отечественной Гипокрены. Начальство навѣрное поставитъ полученныя книги въ шкафъ, отмѣтитъ у себя въ каталогѣ, что ученическая бібліотека обогатилась такимъ то количествомъ томовъ, и воздастъ приличную благодарность усердному жертвователю. Но, такъ какъ можно поручиться головою, что ни одинъ гимназистъ не прочитаетъ, во всѣ семь лѣтъ своего пребыванія въ гимназіи, ни одного тома Сумарокова или Хераскова, то очевидно, что изъ средней цифры 394 приходится вычестъ всю массу тѣхъ книгъ, которыя, по своей занимательности и поучительности, равняются произведеніямъ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Легко можетъ быть, что послѣ этого вычитанія, мы, вмѣсто 394 томовъ, получимъ чистый нуль. Очень правдоподобно, что въ ученическихъ бібліотекахъ мы не найдемъ ни одного порядочнаго кругосвѣтнаго путешествія, ни одной дѣльной исторической книги, и ни одного произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Писемскаго, Толстаго, Помяловскаго, Островскаго и другихъ новѣйшихъ писателей, безъ которыхъ невозможно даже составить себѣ ясное понятіе о современномъ положеніи русскаго языка.

Г. Попечитель казанскаго округа желаетъ, какъ мы видѣли выше, чтобы ежегодно отпускалось на комплектованіе ученической бібліотеки по 100 рублей. Скромность этого желанія доказываетъ ясно, что ученическія бібліотеки не избалованы въ прошедшемъ, и что, даже въ ближайшемъ будущемъ, мудро предсказывать имъ роскошное и блистательное развитіе. Положеніе фундаментальныхъ бібліотекъ въ настоящее время гораздо болѣе утѣшительно. Между тѣмъ, какъ для ученическихъ бібліотекъ годовой бюджетъ въ 100 рублей составляетъ еще отдаленную цѣль смѣлыхъ желаній, фундаментальныя бібліотеки казанскаго округа израсходовали на выписку книгъ въ 1863 году, среднимъ числомъ по 259 рублей. Больше всѣхъ истратила 2-я Казанская гимназія, именно 381 р., а меньше всѣхъ Нижегородскій институтъ,

именно 145 р. Какъ видите, даже этотъ minimum почти въ полтора раза больше той суммы, которую г. попечитель проситъ для комплектованія ученическихъ библиотекъ.

Если мы представимъ себѣ учебное заведеніе, устроенное по моей программѣ, то въ этомъ заведеніи отношенія между фундаментальною библиотекою и ученическою будутъ установлены совсѣмъ не такъ, какъ они сложились въ теперешнихъ гимназіяхъ. Съ одной стороны, фундаментальная библиотека будетъ почти совершенно поглощена ученическою. Съ другой стороны, ученическая библиотека будетъ состояться изъ такихъ книгъ, которыя интересны и поучительны не только для учениковъ, но и вообще для всѣхъ людей, способныхъ читать и понимать литературныя произведенія и популярно-научныя книги. Въ чисто-ученыхъ сочиненіяхъ преподаватели моего воображаемаго заведенія будутъ нуждаться очень мало. Трое изъ нихъ преподають математику, двое—русскій языкъ, двое новые языки, и одинъ — физику. Собственно говоря, только одинъ преподаватель физики будетъ постоянно нуждаться въ новыхъ, строго и рационально-ученыхъ сочиненіяхъ по своему предмету. Математики могутъ быть превосходными преподавателями, вовсе не заботясь о тѣхъ мелкихъ математическихъ мемуарахъ, которые представляются каждый годъ трудолюбивыми учеными въ различные европейскія академіи. Можно сказать навѣрное, что время великихъ открытій и радикальныхъ переворотовъ окончательно миновалось для математики, что теперешнее положеніе этой науки въ существенныхъ чертахъ своихъ останется непоколебимо-твердымъ на вѣчныя времена, что мелкіе мемуары современныхъ геометровъ не разрушаютъ въ этой наукѣ ничего стараго, и не построятъ въ ней почти ничего новаго, и что, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ добросовѣстный учитель математики ни въ какомъ случаѣ не рискуетъ оказаться отсталымъ по предмету своей спеціальности. Со стороны гимназическихъ математиковъ было бы даже гораздо благоразумнѣе, если бы они заботились о расширеніи своего общаго образованія, вмѣсто того, чтобы ловить на лету и изучать отъ доски до доски незначительные математическіе мемуары. А для общаго образованія имъ будетъ всего удобнѣе обращаться къ ученической библиотекѣ, которая должна быть направлена именно къ этой послѣдней цѣли. Преподавателямъ русскаго языка необходимо слѣдить за современнымъ развитіемъ русскои литературы, но въ этомъ отношеніи ученическая библиотека должна удовлетворять всѣмъ ихъ требованіямъ, потому что эта библиотека непременно должна выписывать лучшіе литературные журналы, и приобрѣтаетъ себѣ всѣ замѣчательныя произведенія современной словесности. Кромѣ того, преподавателямъ русскаго языка придется изрѣдка выписывать книги по исторіи литературы, въ родѣ «Историческихъ очерковъ» г. Буслаева, или «Памятни-

ковъ» г. Костомарова, или «Обзора славянскихъ литературъ» гг. Спассовича и Пшпина; но такія книги выходятъ вообще такъ рѣдко, что врядъ ли придется, на этотъ предметъ, тратить изъ года въ годъ больше десяти или пятнадцати рублей. Для нѣмца и француза даже и того не придется истратить, потому что гимназистамъ нужно знаніе языка, а не литературъ.

И такъ фундаментальная библіотека будетъ состоять почти исключительно изъ сочиненій по физикѣ, и еще изъ лучшихъ произведеній по педагогической части. За развитіемъ педагогики, какъ науки и какъ искусства, за всѣми усовершенствованіями въ методахъ преподаванія все гимназическое начальство и весь педагогическій совѣтъ должны слѣдить пристально и неутомимо. Гимназіи должны выписывать непременно всѣ лучшіе педагогическіе журналы и трактаты, какъ русскіе, такъ и заграничные; недостатка въ денежныхъ средствахъ оказаться не можетъ; напротивъ того, должна даже оказаться значительная экономія. Уставъ опредѣляетъ для реальныхъ гимназій на учебныя пособія 800 рублей. На эти деньги по уставу должны содержаться и ремонтироваться: 1) фундаментальная библіотека, 2) ученическая библіотека, 3) физическій кабинетъ, 4) зоологическія, ботаническія и минералогическія коллекціи, 5) химическая лабораторія, 6) географическія карты, глобусы, чертежи, рисунки и модели для рисованія, 7) музыкальныя ноты.—По моему программѣ, всѣ эти статьи расхода уничтожаются, кромѣ *первой* и *третьей*. То есть, на эти 800 рублей придется ремонтировать только фундаментальную библіотеку и физическій кабинетъ. Ученическая библіотека будетъ имѣть, какъ мы видѣли выше, свой особенный годовою бюджетъ въ 810 рублей, составленный изъ жалованья упраздненныхъ преподавателей; а всѣ остальные предметы, коллекціи, лабораторія, рисунки, модели, ноты, окажутся просто ненужными по основнымъ условіямъ программы. Ясно, стало быть, что можно будетъ выписывать множество педагогическихъ сочиненій, и обставить физическій кабинетъ самымъ блистательнымъ образомъ.

XI.

Такъ какъ малолѣтнимъ ребятамъ первыхъ трехъ классовъ гораздо полезнѣе въ свободное время бѣгать, играть и возиться, чѣмъ сидѣть смиренно и читать правоучительныя исторіи, то ученическая библіотека должна быть составлена вовсе не изъ дѣтскихъ, а изъ общезанимательныхъ и общедоступныхъ книгъ. Специально-дѣтская литература всегда и вездѣ

составляеть и будетъ составляеть одну изъ самыхъ жалкихъ, самыхъ ложныхъ и самыхъ ненужныхъ отраслей общей литературы. Развитие дѣтской литературы и запросъ на дѣтскія книги, несомнѣнно существующій во всѣхъ современныхъ обществахъ, объясняются просто и легко разными уродливыми особенностями, укоренившимися, во-первыхъ, въ господствующихъ системахъ первоначальнаго воспитанія, и, во-вторыхъ, въ нашихъ собственныхъ нравственныхъ привычкахъ. Не умѣя развивать правильнымъ образомъ физическія силы ребенка, совершенно забывая о томъ, что ребенокъ, для укрѣпленія своего организма, долженъ дѣлать какъ можно больше движенія, мы, съ первыхъ лѣтъ жизни, прививаемъ ребенку наклонность къ старческой усидчивости, и радуемся, глядя на нашего питомца, который не шумить, не кричитъ, не топчетъ ногами по комнатѣ, а сидитъ себѣ за какимъ нибудь благонаправленнымъ занятіемъ, въ родѣ разсматриванія картинокъ, или рисованія разныхъ каракулекъ. У такого ребенка, приученнаго уже къ сидячей жизни, и взирающаго на бѣганіе и прыганіе, какъ на занятія безмысленныя и вовсе не комфортабельныя, у такого ребенка, говорю я, очень не трудно развить неестественную и преждевременную охоту къ чтенію.

Неестественность и преждевременность этой охоты обнаружится для насъ совершенно очевидно, какъ только мы серьезно зададимъ себѣ вопросъ о томъ, что такое чтеніе, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ оно, по настоящему, должно быть для человѣка? — Чтеніе есть тотъ актъ, посредствомъ котораго отдѣльная личность, чувствуя свое безсиліе передъ осаждающими ее вопросами, обращается къ коллективному уму человѣчества, къ лучшимъ представителямъ этого ума, чтобы отъ нихъ добыть себѣ отвѣтъ на эти вопросы, неразрѣшимые для индивидуальныхъ силъ. — Только такое чтеніе имѣетъ смыслъ и приносить пользу, какъ самому читателю, такъ и обществу, пожинаящему рано или поздно плоды этого разумнаго и цѣлесообразнаго чтенія. Но развѣ семи-восьми-десяти и даже двѣнадцатилѣтніе пузыри могутъ читать такимъ образомъ? Развѣ ихъ осаждаютъ какіе нибудь вопросы? Развѣ они ищутъ какихъ-нибудь отвѣтовъ? Развѣ имъ есть какое-нибудь дѣло до коллективнаго ума человѣчества?—Они съ великою радостью промѣняютъ весь этотъ коллективный умъ со всѣми его отвѣтами на арабскія сказки Шехеразады. Они читаютъ просто для того, чтобы убить время, читаютъ для того же самого, для чего предаются чтенію всѣ любители романовъ Поль-де-Кока и обонхъ Дюма, *père et fils*. Это чтеніе безобразно и безнравственно, какъ гнусный продуктъ позорной праздности. И это убиваніе времени вдвойнѣ безобразно и безнравственно, когда дѣйствующими лицами являются дѣти. Если взрослый болванъ читаетъ для процесса чтенія, то на него уже можно махнуть рукой. Кто сдѣлался совершеннолѣтнимъ человѣкомъ,

не выучившись цѣнить время, тотъ можетъ уже заниматься чѣмъ ему угодно, потому что, во всякомъ случаѣ, не займется ничѣмъ путнымъ. Ребенокъ, напротивъ того, только-что втягивается въ искусство убивать время, и поэтому, безцѣльное чтеніе, — эта профанція и проституція мысли, — имѣетъ еще для него развращающее значеніе, котораго оно уже больше не можетъ имѣть для окончательнаго развращеннаго и кренинизированнаго взрослога. Поэтому, я огоршу читателя тѣмъ неожиданнымъ для него заключеніемъ, что такъ называемыя хорошія дѣтскія книги гораздо безнравственнѣе и, по своему вліянію на общество, гораздо вреднѣе самыхъ грязныхъ и пустыхъ романовъ французской фабрикаціи. Читатель закричитъ конечно, что это вопіющій парадоксъ, но я попрошу его взглядѣться въ тотъ общеизвѣстный и очевидный фактъ, что мы вообще относимся чрезвычайно легкомысленно къ чтенію, и, вслѣдствіе этого, также и къ литературѣ, и къ наукѣ, и ко всему, что можетъ расширить кругъ нашихъ идей и возвыситъ насъ надъ грязнымъ уровнемъ нашихъ узкихъ, мелкихъ, копѣечныхъ и ложно-понимаемыхъ интересовъ. Пусть читатель взглянется въ этотъ фактъ, и пусть онъ подумаетъ, не находится ли этотъ фактъ въ тѣсной причинной связи съ тѣмъ другимъ, столь же общеизвѣстнымъ и очевиднымъ фактомъ, что мы начинаемъ читать слишкомъ рано, и что, вслѣдствіе нашей крайней молодости и умственной незрѣлости, мы поневолѣ приучаемся видѣть забаву въ томъ процесѣ, который, по настоящему, долженъ быть серьезною и глубокообдуманною бесѣдою человѣка съ человѣчествомъ.

Другая причина существованія дѣтскихъ книгъ заключается въ полнѣйшей дрянности тѣхъ взрослыхъ людей, среди которыхъ дѣтямъ приходится расти и развиваться. Эта дрянность имѣетъ свою положительную и свою отрицательную сторону, то есть, распространенію дѣтскихъ книгъ содѣйствуютъ, во-первыхъ, нѣкоторыя дурныя качества взрослыхъ, и во-вторыхъ, отсутствіе у тѣхъ же взрослыхъ нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ.

Защитники специально-дѣтской литературы, прежде всего, приведутъ въ ея пользу то разсужденіе, что тринадцати или четырнадцати лѣтъ субъекты дѣйствительно нуждаются въ чтеніи, и что, между тѣмъ, имъ невозможно давать тѣ книги, которыя читаются взрослыми. Обѣ части этого разсужденія довольно вѣрны: дѣйствительно, у тринадцатилѣтнихъ дѣтей уже начинаетъ пробуждаться серьезная любознательность, требующая себѣ удовлетворенія; и дѣйствительно, дрянныя книги, читаемыя взрослыми, могутъ разстроить здоровье молодыхъ людей, приближающихся къ критическому возрасту половой зрѣлости. Но развѣ же это хорошо и нормально, что взрослые читаютъ съ наслажденіемъ пакостныя книги? Развѣ же эти пакостныя книги полезны и необходимы для самихъ взрослыхъ? Развѣ было бы возможно такое извращеніе об-

щественнаго вкуса въ такомъ обществѣ, въ которомъ не было бы мѣста для праздности, для умственной пустоты, для тунеядства и для разнообразнѣйшихъ проявленій экономической эксплуатаціи?

Здоровое общество всегда порождаетъ здоровую литературу, а здоровая литература одинаково полезна для всѣхъ грамотныхъ людей, безъ различія пола, возраста и состоянія. Необходимость отдѣльной дѣтской литературы указываетъ прямо на существованіе общественныхъ болѣзней, съ которыми мы свыклись, и которыя мы стараемся удержать и сохранить, какъ величайшую драгоценность, и какъ источникъ любимѣйшихъ нашихъ наслажденій. Эта милая способность любить и лелѣять болѣзнь случается въ исторіи у очень многихъ народовъ: такимъ образомъ римляне любили гладіаторскія игры, испанцы — инквизицію, французы — централизацію, англичане — свою *happy constitution*, южные плантаторы — невольничество. Такъ точно и мы любимъ дѣтскую литературу, которая позволяетъ намъ, взрослымъ, оставаться пустоголовыми селадонами, и относиться къ чтенію съ точки зрѣнія пріятныхъ возбуждательныхъ спецій.

Другой аргументъ въ пользу дѣтской литературы, и даже въ пользу книгъ, написанныхъ для шести и восьмилѣтнихъ ребятъ, состоитъ въ томъ, что надо приучать дѣтей къ чтенію и вообще къ умственнымъ занятіямъ съ самого ранняго возраста, потому что впоследствии эти привычки пріобрѣтаются съ большимъ трудомъ; если оставлять ребенка безъ книгъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ пробудится любознательность, разсуждаютъ многіе родители и педагоги, то легче можетъ случиться, что эта желанная любознательность не пробудится въ немъ никогда; именно книги-то и содѣйствуютъ пробужденію ея любознательности. Факты, на которыхъ построено это разсужденіе, подмѣнены совершенно вѣрно. Дѣйствительно можетъ случиться, что ребенокъ до четырнадцати лѣтъ будетъ играть въ бабки и въ лошадки, а послѣ четырнадцати лѣтъ, взявъ нѣсколько уроковъ у танцмейстера, начнетъ блистать, сначала на дѣтскихъ вечерахъ, потомъ на настоящихъ балахъ. Любознательность дѣйствительно не обнаружится ни въ эпоху бабокъ и лошадокъ, ни въ періодъ балльных походовъ. Но такая атрофія любознательности возможна только тогда, когда всѣ взрослые люди, окружающіе ребенка, не имѣютъ въ головѣ ни одной дѣльной мысли, неспособны ни на одно глубокое чувство, и не поставили себѣ въ жизни никакой серьезной цѣли. Если отецъ ребенка обратилъ всѣ свои способности на псовую охоту, дядя — на азартную игру, старшій братъ — на преслѣдованіе хорошенькихъ горничныхъ, мамаша — на куафюры и бурнусы, сестра на усовершенствованіе цвѣта своего лица, то, разумѣется, и пробуждающаяся любознательность ребенка будетъ также тратиться вся безъ остатка на усвоеніе элементарныхъ свѣдѣній по тѣмъ предметамъ,

которыми интересуются его ближайшіе родственники. Вотъ тутъ-то и выдвигается дѣтская литература, какъ противодѣйствіе той умственной пустотѣ и деморализаціи, которая постигла бы ребенка, если бы онъ съ малыхъ лѣтъ почерпалъ всѣ свои мысли и чувства исключительно изъ своихъ всендневныхъ сношеній съ взрослыми родственниками. Это противодѣйствіе въ настоящее время полезно и даже необходимо, именно такъ, какъ полезенъ и необходимъ ядъ ртутиаднаго лекарства, истребляющій ядъ сифилитической болѣзни. Искусственность того книжнаго міра, въ который мы вводимъ ребенка, во всякомъ случаѣ есть зло; но пустота дѣйствительной жизни оказывается еще худшимъ зломъ, объ устраненіи котораго мы и можемъ только помечтать. Изъ двухъ золъ мы выбираемъ меньшее, и, по нашему обыкновенію, довольствуемся жалкими надліативами въ такомъ дѣлѣ, гдѣ требуются радикальные перевороты. Мы пичкаемъ дѣтей добродѣтельными книжками, и успокоиваемся на той надеждѣ, что эти книжки замѣнятъ имъ благотворное вліяніе честной трудовой жизни, въ которую мы не умѣемъ или не желаемъ вводить ихъ съ ранней молодости.

И такъ, дѣтская литература есть жалкая, ложная и совершенно искусственная отрасль общей литературы. Въ ученическихъ бібліотекахъ дѣтскія книги совершенно неумѣстны. Ученическая бібліотека должна открываться для учениковъ только тогда, когда они уже будутъ въ состояніи понимать и читать съ удовольствіемъ книги, написанныя для взрослыхъ, разумѣется, не для такихъ взрослыхъ, которые ищутъ въ книгѣ скоромныхъ описаній. Какія же книги должны входить въ составъ ученической бібліотеки? Произведенія лучшихъ беллитристовъ и критиковъ, русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, описанія замѣчательныхъ путешествій, историческія сочиненія и популярныя книги по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Если тратить каждый годъ сполна всѣ 810 рублей, назначенныя на комплектованіе бібліотеки, то, разумѣется, въ короткое время, эта бібліотека будетъ заключать около пяти тысячъ томовъ. Такія бібліотеки будутъ конечно очень полезны воспитанникамъ во время ихъ пребыванія въ гимназіи, но онѣ могутъ принести имъ еще гораздо больше пользы послѣ ихъ выхода изъ заведенія. Если гимназистъ мало читаетъ, или даже совсѣмъ ничего не читаетъ, это еще не очень большая бѣда; его время впереди; передъ нимъ лежитъ еще университетъ, который можетъ разбудить и направить къ полезному труду его дремлющія умственныя силы; но, когда молодой человѣкъ уже кончилъ курсъ своего ученія, и когда обстоятельства забросили его въ сонное царство провинціальной благодатной жизни, тогда хорошая бібліотека можетъ рѣшить для него навсегда гамлетовскій вопросъ: «быть или не быть», то есть, думать или пить запремя, учиться или благодумствовать за преферансомъ и за стуюлкой. Каждый годъ, сотни неслухихъ и небез-

честныхъ молодыхъ людей, поавши въ кружокъ мелкаго провинціального чиновничества или мѣстной землевладѣльческой аристократіи, глупѣютъ и развращаются именно потому, что нѣтъ ни человѣка, съ которымъ можно было бы отвести душу, ни книги, которая освѣжила бы въ памяти идеи, чувства и порывы свѣтлой и чистой студенческой юности. Поэтому, было бы необходимо, чтобы каждая гимназія предоставляла своимъ воспитанникамъ право пользоваться ученическими бібліотеками до конца жизни.

На это мнѣ возразить, разумѣется, что это право, въ большей части случаевъ, оказалось бы ни на что ненужнымъ, потому что воспитанникъ Костромской гимназіи можетъ попасть куда-нибудь въ Могилевъ, а могилевскій въ Саратовъ, и такъ далѣе. Какъ же онъ изъ Могилева будетъ пользоваться костромскою, или изъ Саратова могилевскою бібліотекою? Очень просто, отвѣчу я. Для этого надо только, чтобы между всѣми ученическими бібліотеками существовали отношенія взаимности. То есть, выходя изъ гимназіи, ученикъ вмѣстѣ съ аттестатомъ, получаетъ билетъ, который даетъ ему право пользоваться бесплатно всѣми ученическими бібліотеками на всемъ пространствѣ російской имперіи. Могилевскій гимназистъ будетъ читать книги въ Саратовской бібліотекѣ, саратовскій — гдѣ нибудь въ Вологодской, вологодскій — опять въ Могилевской, и такъ далѣе. При этомъ круговомъ обмѣнѣ услугъ окажется, что всѣ гимназіи даютъ чужимъ воспитанникамъ столько, сколько ихъ воспитанники получаютъ отъ чужихъ гимназій. Общество, при такомъ порядкѣ вещей, останется въ чистыхъ барышахъ, потому что многіе изъ мелкихъ чиновниковъ, прикащиковъ, конторщиковъ и т. д., окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, будутъ читать хорошія книги, вмѣсто того, чтобы пьянствовать, играть въ карты и безобразничать.

Въ настоящее время, мѣста преподавателей въ гимназіяхъ отдаленныхъ губерній внушаютъ очень естественный ужасъ тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ они предлагаются. Заѣдешь туда въ эту глушь, думаешь молодые кандидаты, мохомъ обростешь, отупѣешь, отстанешь отъ научныхъ занятій, бросишь чтеніе, оскотинишься, пить начнешь... Нѣтъ ужъ лучше жить въ Петербургѣ или въ университетскомъ городѣ гдѣ нибудь на чердакѣ, перебиваясь изо дня въ день грошовыми уроками, переводами или даже частною перепискою. Вслѣдствіе такихъ разсужденій молодыхъ кандидатовъ, многія провинціальныя гимназіи, подобно имѣніямъ ирландскихъ ландлордовъ, жестоко страдаютъ абсентизмомъ. Мѣста учителей остаются незанятыми въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, такъ что многія поколѣнія учениковъ проходятъ черезъ гимназію, не получая даже смутныхъ понятій о нѣкоторыхъ предметахъ, которые, однако продолжаютъ красоваться въ программѣ и на росписаніи еженедѣльныхъ уроковъ. — Десятки лѣтъ! восклицаетъ читатель. Быть не можетъ! — А?

Быть не можетъ? Такъ вотъ же вамъ выписка изъ «журнала Министерства! Народнаго Просвѣщенія». — «Бывали случаи, что учительскія мѣста въ гимназіяхъ оставались незамѣщенными цѣлые годы и даже десятки лѣтъ: такъ напр., въ астраханской гимназіи математика, русскій языкъ, исторія и географія не преподавались по пяти лѣтъ, по невозможности приискать учителей; нѣмецкій языкъ по той же причинѣ не преподавался 27 лѣтъ, французскій 17 лѣтъ, и латинскій 13 лѣтъ. Въ Архангельской гимназіи географія не преподавалась 8 лѣтъ, французскій языкъ 15 лѣтъ, и англійскій 11 лѣтъ, и т. д.» (1864. Декабрь. По поводу новаго устава гимназій и прогимназій. Стр. 91). «Отчетъ по управленію Казанскимъ учебнымъ округомъ на 1863 годъ» показываетъ намъ, что такіе случаи не только *бывали*, но и *бываютъ* до настоящей минуты. Во всѣхъ 12 гимназіяхъ Казанскаго округа существуютъ незанятыя ваканціи; всѣхъ учительскихъ ваканцій имѣлось въ 1863 году 28, такъ что на каждую гимназію приходится по 2½ вакантныхъ мѣста; въ симбирской гимназіи, на примѣръ, не замѣщены четыре кафедры: по русской словесности, по математикѣ, по естественной исторіи и по французскому языку; а въ пензенской—пять кафедръ: законовѣдѣніе, русская словесность, математика, французскій и нѣмецкій. Есть основаніе думать, что удовлетворительное положеніе ученическихъ библиотекъ, которыя, конечно, не будутъ составлять запретнаго плода для преподавателей, въ значительной степени ослабило бы бѣдствія этого учительскаго абсентизма. Какая нибудь Вятка, Пермь или Уфа потеряютъ для молодого кандидата половину своего устрашающаго и отталкивающаго вида, когда онъ узнаетъ, что въ каждомъ изъ этихъ ужасныхъ городовъ есть порядочная библиотека, которая непременно каждый годъ выписываетъ по нѣскольку литературныхъ журналовъ и по двѣ или по три сотни томовъ новѣйшихъ сочиненій по самымъ интереснымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Тогда не будетъ уже для молодого человѣка опасности заглохнуть и поглубѣть, и не будетъ, слѣдовательно, необходимости отказываться отъ учительскаго мѣста по чувству нравственнаго самосохраненія.

ХП.

Въ началѣ X-ой главы я назначилъ, изъ ежегодной экономіи, по 1000 рублей въ годъ, на содержаніе при гимназіи столярной и токарной мастерской. Я полагаю, что каждому человѣку, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни находился, необходимо во многихъ

отношеніяхъ знать, по крайней мѣрѣ одно ручное ремесло. Слѣдующія слова Руссо, которыя я беру изъ III-ей книги *Эмиліи*, останутся на вѣчныя времена великою истиною:

«Помните, говоритъ онъ, что я требую отъ васъ не таланта; мнѣ нужно ремесло, настоящее ремесло, искусство чисто механическое, въ которомъ руки работаютъ больше головы, и которое не ведетъ къ богатству, но при которомъ можно безъ него обойтись. Я видѣлъ, что въ семействахъ, вовсе не подвергавшихся опасности остаться безъ хлѣба, отцы, для предотвращения всякихъ случайностей, давали своимъ дѣтямъ, кромѣ общаго образованія, такія свѣдѣнія, посредствомъ которыхъ можно было бы заработать себѣ пропитаніе. Эти предусмотрительные отцы думаютъ сдѣлать много, и не дѣлаютъ ничего, потому что тѣ средства, которыми они рассчитываютъ обезпечить своихъ дѣтей, зависятъ отъ того самого богатства, выше котораго они стараются ихъ поставить. Обладатель всѣхъ этихъ прекрасныхъ талантовъ, попавши въ такую обстановку, которая не благопріятствуетъ ихъ проявленію, погибнетъ отъ бѣдности такъ точно, какъ будто бы у него не было ни одного таланта. Когда дѣло идетъ о проискахъ и объ интригахъ, тогда можно пожалуй направить ихъ на то, чтобы удержать за собою богатство, вмѣсто того, чтобы при ихъ содѣйствіи, выбиваться потомъ изъ бѣдности къ прежнему благосостоянію. Если вы занимаетесь искусствами, которыхъ успѣхъ зависитъ отъ репутаціи художника, если вы приобретаете себѣ способность исправлять такія должности, которыя получаютъ только по протекціи, — то къ чему послужитъ вамъ все это, когда, получивши справедливое отвращеніе къ свѣтскому обществу, вы съ презрѣніемъ будете смотрѣть на тѣ средства, безъ которыхъ невозможно добиться успѣха? — Вы изучили политику и интересы государей: это очень хорошо; но что вы будете дѣлать съ этими знаніями, если вы не умѣете, отыскать дорогу къ министрамъ, къ придворнымъ женщинамъ, къ начальникамъ департаментовъ, если вы не обладаете тайною нравиться имъ, если всѣ не найдутъ въ васъ тѣхъ качествъ, которыя для нихъ годятся? — Вы -- архитекторъ или живописецъ: согласенъ; но надо доставить вашему таланту извѣстность. Развѣ вы думаете, что ваша работа, ни съ того ни съ сего, попадетъ тотчасъ на публичную выставку? О нѣтъ! дѣло идетъ совсѣмъ не такъ. Надо числиться въ академіи, надо даже пользоваться тамъ протекціею, чтобы добыть себѣ въ какомъ нибудь уголкѣ теплое мѣстечко. Отложите въ сторону линейку и кисть. Наймите извозчика и отправляйтесь стучаться то въ ту, то въ другую дверь: знаменитость приобретается именно этимъ послѣднимъ средствомъ. Но вы должны знать, что у всѣхъ этихъ могущественныхъ дверей есть швейцары или привратники, которые понимаютъ только мимику, и которыхъ уши находятся въ рукахъ. Хотите вы давать уроки по тѣмъ предметамъ, кото-

рые вы научили, хотите сдѣлаться учителемъ географіи, или математики, или языковъ, или музыки, или рисованія? Даже и для этого надо найти себѣ учениковъ, то есть, прежде всего надо завербовать хвалителей. Знайте впередъ, что главное дѣло заключается не въ искусствѣ, а въ шарлатанствѣ, и что вы всегда будете считаться нецѣлью, если будете знать только вашу специальность. — Посмотрите же какъ всѣ эти блестящія подспорья непрочны, и какъ много вспомогательныхъ средствъ необходимо для того, чтобы извлекать изъ нихъ пользу. И кромѣ того, что съ вами сдѣлается въ этомъ позорномъ униженіи? Бѣдствія опошляютъ васъ, ничему васъ не научая; сдѣлавшись, болѣе чѣмъ когда либо, игрушкою общественнаго мнѣнія, какимъ же образомъ подниметесь вы выше тѣхъ предрасудковъ, которые будутъ располагать самовластно вашею участію? Какимъ образомъ станете вы презирать низость и пороки, въ которыхъ вы нуждаетесь, какъ въ источникъ пропитанія? Прежде вы зависѣли только отъ богатства, а теперь вы зависите отъ богатыхъ; вы только ухудшили ваше рабство, и обременили его вашею бѣдностью; вы теперь бѣдны и при этомъ все-таки не свободны: это самое скверное изъ всѣхъ возможныхъ человѣческихъ положеній. Но если, въ случаѣ нужды, вы обращаетесь, для добыванія насущнаго хлѣба, не къ тѣмъ возвышеннымъ знаніямъ, которыя питаютъ душу, не заботясь о тѣлѣ, а къ вашимъ собственнымъ рукамъ и къ тому, что вы умѣете ими дѣлать, тогда всѣ затрудненія исчезаютъ, всѣ происки становятся бесполезными; средство всегда готово въ ту минуту, когда надо имъ пользоваться; честность и нравственная самостоятельность перестаютъ быть помѣхами въ жизни: вамъ нѣтъ болѣе надобности подличать и лгать передъ вельможами, извиваться и ползать передъ мошенниками, угождать всѣмъ и каждому, занимать деньги или воровать, что почти равносильно, когда у васъ нѣтъ ничего за душою: мнѣніе другихъ людей до васъ не касается; никому вы не обязаны кланяться; вамъ не зачѣмъ лѣстить дураку, задобривать цвейцара, подкупать и превозносить цохвалами продажную женщину. Пускай мошенники заправляютъ крупными дѣлами, вамъ до этого нѣтъ дѣла; это не помѣшаетъ вамъ, въ вашей скромной жизни, быть честнымъ чедовѣкомъ и имѣть кусокъ хлѣба. Вы входите въ первую попавшуюся лавку того ремесла, которому вы учились. — Хозяинъ, мнѣ нужна работа. — Товарищъ, садитесь, работайте. Прежде, чѣмъ наступитъ часъ обѣда, вы заработаете вашъ обѣдъ. Если вы трудолюбивы и умѣренны, то не пройдетъ недѣли, какъ вы уже обезпечите вашимъ трудомъ ваше существованіе на слѣдующую недѣлю; и въ теченіе всего этого времени вы будете оставаться свободнымъ, здоровымъ, трудолюбивымъ и честнымъ чедовѣкомъ. Жить такимъ образомъ не значитъ терять время по пустому».

Немногок велерѣчиво, немногок восторженно, немногок черезчуръ пропитано мелодраматическимъ презрѣніемъ къ богатству, и столь же мелодраматическою нѣжностью къ отвлеченной vertu, которую такъ любилъ впослѣдствіи покойникъ Робеспьерръ, но въ сущности, въ основнѣйшей идеѣ, совершенно вѣрно. Нравственная самостоятельность дѣйствительно невозможна, когда человѣкъ прикрѣпленъ наглухо къ извѣстной профессіи, и когда ему некуда отступить назадъ, въ случаѣ какихъ нибудь несправедливыхъ преслѣдованій или неисполнимыхъ требованій со стороны тѣхъ лицъ или общественныхъ кружковъ, отъ которыхъ онъ зависитъ въ условіяхъ своего существованія. Всякій умственный трудъ можетъ поставить человѣка въ такое положеніе, въ которомъ ему приходится выбирать одно изъ двухъ: или ренегатство, или *chomage*, то есть, вынужденное прекращеніе работы, и, слѣдовательно, непріятный маневръ: *зубы на помю*. Такъ какъ на свѣтѣ мало такихъ героевъ, которые, изъ любви къ своимъ убѣжденіямъ, готовы смотрѣть въ глаза голодной смерти и такъ какъ возможность отступить назадъ къ безопасному ручному ремеслу не существуетъ почти ни для кого, то, разумѣется, ренегаты растутъ какъ грибы по всѣмъ отраслямъ умственной дѣятельности. Такая перспектива способна запугать самыхъ храбрыхъ и расположить къ уступчивости самыхъ упорныхъ. Но такая перспектива была бы очевидна, если бы каждый членъ образованнаго сословія выносилъ изъ школы, вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ и съ научными свѣдѣніями, основательное и совершенно практическое знаніе какого нибудь ручнаго ремесла.

Ручное ремесло необходимо, кромѣ того, по своему важному и несомнѣнному вліянію на общій складъ умственнаго развитія. Источникъ всего нашего богатства, основаніе всей нашей цивилизаціи и настоящій двигатель всемірной исторіи заключается конечно въ физическомъ трудѣ человѣка, въ прямомъ и непосредственномъ дѣйствіи человѣка на природу. Кто смотритъ на физическій трудъ издали и со стороны, кто не имѣетъ никакого понятія о томъ, что значить собственноручно побѣждать сопротивление неодушевленной матеріи, тотъ, по всей вѣроятности, останется навсегда, въ отношеніи къ самымъ важнымъ вопросамъ общественной жизни, поверхностнымъ теоретикомъ и неисканнымъ, хотя и заносчивымъ, регламентаторомъ. Бюрократы приобрѣли себѣ, съ этой стороны, всемірную и весьма печальную знаменитость, а въ сущности, что такое бюрократъ? Бюрократъ есть именно человѣкъ, смотрящій на физическій трудъ издали и со стороны, и наваливающій часто, по своему, очень естественному незнанію, на чужія плечи такія тяжести, которыя превышаютъ размѣры человѣческихъ силъ. Поэтому, вѣрнѣйшее средство положить конецъ дальнѣйшему размноженію бюрократовъ, которыхъ неудовлетворительность чувствуютъ въ настоящее время всѣ евро-

пейскія правительства, заключается въ томъ, что бы сдѣлать физическій трудъ необходимою составною частью общественнаго воспитанія.

Въ настоящее время, вся историческая будущность западной Европы зависитъ отъ того, какимъ образомъ разрѣшится рабочій вопросъ, то есть какимъ образомъ упрочится и обезпечится матеріальное существованіе рабочихъ населеній. Разрѣшимъ ли самъ по себѣ этотъ вопросъ или нѣтъ, объ этомъ можно высказывать разнородныя или даже противоположныя мнѣнія; но врядъ ли возможно малѣйшее сомнѣніе на счетъ того пункта, что если этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ самъ по себѣ, то онъ разрѣшится не какими нибудь посторонними благодѣтелями и покровителями, а только самими работниками, когда къ ихъ рабочей силѣ, практической смѣтливости и трудолюбію присоединится ясное пониманіе междучеловѣческихъ отношеній и умѣнье возвышаться отъ единичныхъ наблюденій до общихъ выводовъ и широкихъ умозаключеній. Поэтому, одна изъ важнѣйшихъ задачъ настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы совмѣстить въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ научное развитіе и физическій трудъ, между которыми лежала до сихъ поръ широкая и непроходимая бездна. Только такіе люди, которые умѣютъ въ одно и то же время работать и мыслить, окажутся способными разрѣшить вопросъ о разумной организаціи труда, вопросъ, котораго названіе показываетъ ясно, что тутъ необходимо совокупное дѣйствіе мысли и рабочей силы. Благодаря младенческому состоянію нашей промышленности, рабочій вопросъ находится у насъ въ зародышѣ, и вѣроятно долго еще не приметъ въ русской жизни тѣхъ колоссальныхъ и грозныхъ размѣровъ, которые характеризуютъ его въ западной Европѣ; но съ нашей стороны было бы очень неосновательно думать, что эта чаша пройдетъ мимо насъ, и что наша общественная жизнь, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, никогда не наткнется на эту мудреную задачу. Поэтому, глядя на нашихъ западныхъ сосѣдей, и вдумываясь въ ихъ поучительныя ошибки и страданія, мы должны заранѣе припасать тѣ матеріалы, которые требуются для удовлетворительнаго разрѣшенія этого неизбежнаго и неотвратимаго вопроса. Къ числу этихъ матеріаловъ должно отнести организацію прочной нравственной и умственной связи между лабораторією ученаго спеціалиста и мастерскою простаго ремесленника. Сближеніе образованнаго общества съ чернымъ народомъ, то сближеніе, о которомъ такъ уморительно и безтолково разсуждали наши умолкнувшіе *почвенники*, конечно необходимо, но только оно должно состоять не въ тупомъ уваженіи къ народной мудрости, которую совершенно справедливо осмѣиваетъ и отвергаетъ положительная наука, а въ разумной, полной, искренней и дѣятельной реабилитаціи физическаго труда, которому всѣ мы, на словахъ, свидѣтельствуемъ наше низжайшее почтеніе, и отъ котораго, однако, на дѣлѣ, всѣ мы

тщательно остраиваемся сами, и отстраиваемъ нашихъ возлюбленныхъ дѣтей. Если только физическій трудъ будетъ, наравнѣ съ научными занятіями, вмѣненъ въ обязанность воспитанникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній, то можно будетъ ручаться за то, что изъ этихъ заведеній будутъ выходить такіе люди, которые легко и свободно будутъ сближаться съ простымъ народомъ, и на которыхъ народъ не будетъ смотрѣть, какъ на чужихъ людей, неспособныхъ сознательно сочувствовать его интересамъ. Простой народъ всегда и вездѣ дѣлитъ все человѣчество на такихъ людей, которые работаютъ сами, и на такихъ, за которыхъ работаютъ другіе; первыхъ онъ считаетъ своими, а вторыхъ чужими. Кто упускаетъ изъ виду эту простую истину, тому нечего и мечтать о сближеніи съ народомъ. Ничто, кромѣ физическаго труда, не ведетъ къ искреннему сближенію.

ХІІІ.

Вводя физическій трудъ въ учебное заведеніе, надо, разумѣется, постоянно имѣть въ виду требованія гигиены. Поэтому очевидно, что въ учебномъ заведеніи совершенно неумѣстны такія ремесла, которыя вредятъ здоровью работника, или такія, которыми надо заниматься сидя. Неудобными оказываются также тѣ работы, при которыхъ необходимо имѣть дѣло съ огнемъ или съ химическими кислотами. Ни булочниковъ, ни красильщиковъ, ни ткачей, ни кузнецовъ, ни слесарей, ни портныхъ, ни сапожниковъ, нельзя формировать въ учебныхъ заведеніяхъ. Я совершенно соглашаюсь съ Руссо, выбравшимъ для своего Эмиля столярное ремесло; дѣйствительно, трудно найти другую отрасль физическаго труда, которая соединяла бы въ себѣ такъ много удобствъ и преимуществъ, какъ съ гигиенической, такъ и съ педагогической точки зрѣнія. Столяръ работаетъ большею частью стоя, и дѣлаетъ руками сильныя и разнообразныя движенія, которыя могутъ служить превосходнымъ дополненіемъ гимнастики. Столяръ имѣетъ дѣло съ такимъ чистымъ матеріаломъ, который не даетъ отъ себя ни тяжелаго запаха, ни пыли, вредной для дыхательныхъ органовъ. Наконецъ, столяръ, менѣе всякаго другого ремесленника, рискуетъ одурѣть и сдѣлаться автоматомъ. Столяру приходится постоянно размѣрять и соображать, упражнять вѣрность глаза и вѣрность руки, дѣйствовать циркулемъ и наугольникомъ, словомъ, прикладывать къ практическому дѣлу истины элементарной геометріи.

Принимая въ расчетъ всѣ эти обстоятельства, я полагаю, что вос-

питаникамъ каждаго учебнаго заведенія было бы очень полезно, во всѣхъ отношеніяхъ, заниматься ежедневно, въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ, столярнымъ и токарнымъ ремесломъ. Мнѣ кажется, что назначенная мною сумма 1,000 рублей совершенно покрыла бы всѣ издержки, необходимыя для содержанія мастерской, покрыла бы ихъ даже въ первые два или три года, когда неопытные работники портили бы матеріалъ и инструменты въ самомъ значительномъ количествѣ. Возьмемъ самыя невыгодныя условія: положимъ, что въ зданіи гимназій нѣтъ мѣста для устройства мастерской, которая, конечно, требуетъ довольно просторнаго помѣщенія. Тогда надо будетъ нанять возлѣ гимназій особенную квартиру; положимъ на наемъ квартиры 500 рублей; за эту цѣну можно нанять комнатъ пять или шесть даже въ Петербургѣ, а въ губернскомъ городѣ можно будетъ нанять цѣлый большой домъ. На жалованье того столяра, который будетъ управлять работами гимназистовъ, положимъ 300 рублей. На порчу матеріала остается 200 рублей. Неужели гимназисты испортятъ дерева больше чѣмъ на 200 рублей? и неужели мастерская въ первый годъ не сработаетъ ни одной такой доски, ни одного такого простаго ящика, которые могли бы пойти въ продажу? Правда, что обученіе тѣхъ мальчиковъ, которые отдаются на выучку къ хозяевамъ, продолжается очень долго, годъ по четыре и больше, но вѣдь это происходитъ не отъ того, что ремесло дѣйствительно трудно и головоломно, а отъ того, что первые годы учений тратятся мальчикомъ обыкновенно на исполненіе разныхъ мелкихъ комиссій, которыя даютъ ему хозяинъ и подмастерья, и которыя, развивая быстроту его ногъ, въ то же время нисколько не знакомятъ его съ техническими тайнами мастерской. Такъ какъ воспитанники гимназій ни одного дня не будутъ состоять на посылкахъ, то, по всей вѣроятности, усвоеніе мастерства пойдетъ у нихъ несравненно скорѣе, такъ что на третій или на четвертый годъ своего существованія, мастерская будетъ содержаться своими собственными средствами, и управлять работами будетъ не наемный столяръ, а ремесленный комитетъ, составленный изъ опытныхъ и свѣдущихъ гимназистовъ старшихъ классовъ.

Въ гимназіяхъ, возражаетъ мнѣ читатель, учатся преимущественно приходящіе ученики, а время столярныхъ занятій будетъ назначено, по всей вѣроятности, послѣ обѣда, потому что утрожь происходитъ классное ученіе; стало быть, ученикамъ придется ходить въ гимназію по два раза въ день. Это неудобно. Особенно неудобнаго тутъ нѣтъ ничего, отвѣчу я. Послѣобѣденные классы бывали во многихъ провинціальныхъ гимназіяхъ. Пройти лишній разъ по улицѣ не велика бѣда для здоровыхъ ребятъ. А для тѣхъ, которые живутъ отъ гимназій слишкомъ далеко, можно устроить завтракъ и обѣдъ въ гимназіи, за особенную плату. Ученики, ночующіе дома, но пользующіеся завтракомъ и обѣдомъ въ

стѣнахъ заведенія, существуютъ въ настоящее время, и называются *полупансионерами*. О нихъ упоминается и въ новомъ уставѣ, въ § 83.

Въ гимназій, возражаетъ далѣе читатель, бываетъ иногда до 300 учениковъ, иногда даже того больше. Если вы всю эту ватагу поведете въ мастерскую, и отдадите подъ руководство одному мастеру, то вѣдь это выйдетъ столпотвореніе вавилонское. Что жъ онъ одинъ съ нимъ сдѣлаетъ? Тутъ нужно, по меньшей мѣрѣ, человекъ тридцать учителей.— И прекрасно! отвѣчу я. Если нужно тридцать учителей, то ихъ и будетъ тридцать. А понадобится шестьдесятъ, и шестьдесятъ найдемъ. Устроить это очень не трудно. Никто вамъ не говоритъ, что съ перваго же дня послѣ открытія мастерской, надо сразу напустить туда цѣлый легіонъ учениковъ, неизбѣжающаго понятія о столярномъ ремеслѣ. Это было бы вѣрнѣйшее средство сразу испортить все дѣло такъ, что потомъ трудно было бы и поправить. Сначала надо выбрать изъ всей гимназій человекъ десять, и потомъ ждать, пока эти десять не выучатся на столько, чтобы быть помощниками мастера при управленіи работами. Когда эти десять будутъ готовы, тогда можно каждому изъ нихъ поручить по три ученика. Такимъ образомъ, въ мастерской окажется уже сорокъ работниковъ. Черезъ нѣсколько времени, къ этимъ сорока можно будетъ присоединить еще сорокъ, потомъ къ этимъ восьмидесяти еще восемьдесятъ, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока вся гимназія не акклиматизируется въ мастерской. Сколько времени потребуетъ на акклиматизацію, этого я, разумѣется, не знаю. Это видно будетъ изъ опыта, и я могу только замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ тщательно избѣгать излишней торопливости, которая можетъ все перепутать, даже дискредитировать въ глазахъ общества основную идею. Само собою разумѣется, что первые десять учениковъ должны быть выбраны изъ четырехъ младшихъ классовъ для того, чтобы они успѣли выучиться сами и выучить другихъ до выхода своего изъ гимназій. Понятно также, что эти десять должны быть взяты въ мастерскую не насильно, а по собственной охотѣ, и что ихъ слѣдуетъ выбрать изъ лучшихъ учениковъ, для того, чтобы право работать въ мастерской считалось въ обществѣ воспитанниковъ за особенную честь. Всѣ эти предосторожности необходимы только въ самомъ началѣ дѣла, для того, чтобы у воспитанниковъ не возникало предубѣжденія противъ физическаго труда, какъ противъ излишняго бремени, наложеннаго на нихъ по прихоти начальства. Когда же занятія въ мастерской обратятся въ общую привычку, тогда, конечно, всякое различіе между лучшими и худшими учениками должно будетъ совершенно сгладиться. Легко можетъ быть, и даже правдоподобно, что многіе молодые люди, очень мало расположенные къ научнымъ занятіямъ, окажутся превосходными ремесленниками и найдутъ себѣ свое настоящее мѣсто за токарнымъ станкомъ или за верстакомъ столяра.

А какимъ образомъ будетъ устроена промышленная часть мастерской? Кто будетъ принимать заказы, продавать готовые издѣлія, и производить закупку матеріала? Высшій контроль по всемъ этимъ дѣламъ долженъ конечно принадлежать директору гимназіи, вмѣстѣ съ инспекторомъ и педагогическимъ совѣтомъ. Контроль этотъ долженъ однако имѣть чисто-охранительное значеніе; онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы не было самовольной и недобросовѣстной растраты суммъ. Что же касается до чисто промышленныхъ подробностей дѣла, то онѣ должны находиться сначала въ рукахъ нанятаго столяра, а потомъ, когда этотъ столяръ окажется излишнимъ, въ рукахъ старшихъ и благонадежныхъ воспитанниковъ, достаточно ознакомившихся со всемъ механизмомъ этого дѣла. Выручаемыя деньги должны употребляться, прежде всего, на содержаніе мастерской, которая, вполнѣдствіи, по всей вѣроятности, будетъ поддерживать себя своими собственными средствами. Что же касается до чистыхъ барышей, то, разумѣется, они должны дѣлиться между работниками, по общему соглашенію, въ которое начальство совсѣмъ не должно вмѣшиваться.

Многіе изъ моихъ читателей давно уже начали улыбаться саркастическою улыбкою, и теперь, конечно, дойдя до того мѣста, гдѣ гимназисты превращаются въ промышленниковъ и дѣлятъ между собою барыши, эти насмѣшливые читатели помираютъ со смѣху, и называютъ меня наивнѣйшимъ строителемъ воздушныхъ замковъ. На эти насмѣшки и на этотъ самодовольный хохотъ я не буду отвѣчать рѣшительно ни слова. Я знаю очень хорошо, что очень многіе солидные люди видятъ воздушные замки и нелѣпныя утопіи въ каждой идеѣ, не вполнѣ согласной съ общимъ строемъ ихъ закоренѣлыхъ привычекъ и нестремимыхъ предразсудковъ. Я знаю также, что этихъ почтенныхъ людей не проймешь логическими доказательствами, и что отъ нихъ не дождешься обстоятельныхъ возраженій. Совѣтую этимъ почтеннымъ людямъ углубиться въ благоговѣйное чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей», а я пойду дальше, не обращая вниманія на ихъ остроумныя насмѣшки и восклицанія.

XIV.

Реформа гимназій, произведенная по вышеуказанному плану, естественнымъ образомъ влечетъ за собою столь же радикальную реформу университетовъ. Въ настоящее время нѣкоторые факультеты университетовъ замѣтно пустуютъ, а нѣкоторые другіе наполняются студентами

вслѣдствіе чистаго недоразумѣнія, то есть, благодаря тому очень печальному обстоятельству, что большинство молодыхъ людей поступаетъ въ университетъ, не зная ни своихъ собственныхъ наклонностей, способностей и умственныхъ потребностей, ни общаго значенія тѣхъ наукъ, за изученіе которыхъ они принимаются. Къ пустѣющимъ факультетамъ относятся историко-филологическій и факультетъ восточныхъ языковъ. Около 1856 года, по историко-филологическому факультету, въ петербургскомъ университетѣ, кончилъ курсъ *одинъ* студентъ. Это фактъ вполне достовѣрный; онъ извѣстенъ всѣмъ студентамъ того времени, и я до сихъ поръ запомнилъ даже фамилію того молодого человѣка, который, въ продолженіе цѣлаго года, составлялъ своею особою весь четвертый курсъ историко-филологическаго факультета. Что этотъ единственный студентъ кончилъ курсъ *первымъ* кандидатомъ, въ этомъ мои читатели, вѣроятно, не усомнятся. На факультетѣ восточныхъ языковъ, если не ошибаюсь, число профессоровъ превышаетъ число студентовъ, не смотря на то, что этотъ факультетъ существуетъ только при двухъ университетахъ, и что, слѣдовательно, въ нихъ должны стекаться со всей Россіи всѣ молодые люди, желающіе обогатить свой умъ и развить свое эстетическое чувство изученіемъ арабской, турецкой, татарской, калмыцкой и многихъ другихъ, столь же богатыхъ и просвѣтительныхъ литературъ. Умственное тяготѣніе Россіи къ востоку съ одной стороны, и къ классической древности съ другой стороны, оказывается, очевидно, очень слабымъ, и я осмѣливаюсь думать, что оно съ каждымъ годомъ будетъ становиться все слабѣе и слабѣе, если только московскимъ публицистамъ не удастся придумать какой нибудь особенный снарядъ для искусственнаго оживленія этихъ угасающихъ симпатій.

Къ числу факультетовъ, наполняющихся по недоразумѣнію, относятся, безъ всякаго сомнѣнія, факультеты юридическій и камеральный. Оба эти факультета переполнены слушателями, и это обстоятельство показываетъ намъ особенно наглядно, до какой степени поверхностными и безсознательными остаются до настоящаго времени отношенія нашего общества къ наукѣ. Наука служитъ нашему обществу даже не дойною коровою, а просто благообразною вывѣскою, за которою скрывается въ совершенной безопасности старое непочатое невѣжество. — Юридическій факультетъ готовитъ, или, по крайней мѣрѣ, старается готовить чиновниковъ; камеральный факультетъ старается избѣгнуть, и дѣйствительно избѣгаетъ съ полнымъ успѣхомъ, всякой научной специальности и дѣльности. Первый — однимъ своимъ названіемъ пробуждаетъ въ честолюбивыхъ родителейскихъ душахъ обаятельныя грезы о блестящихъ бюрократическихъ карьерахъ; второй изображаетъ собою диллетантизмъ, возведенный въ систему.

Именно въ этихъ особенностяхъ обоихъ факультетовъ заключается

вся ихъ притягательная сила. Тѣ люди, которые ко всякой наукѣ относятся такъ же отрицательно, какъ относился къ ней Фамусовъ, — въ то же время чувствуютъ самую глубокую нѣжность ко всякимъ аттестатамъ и дипломамъ, и поэтому очень желаютъ снабдить своихъ дѣтей такими документами, въ которыхъ было бы засвидѣтельствовано ихъ примѣрное прилежаніе. Какъ же это сдѣлать? Какъ приобрести благообразный документъ, не отдавая благовоспитанныхъ дѣтей на жертву скучнымъ и совершенно бесполезнымъ наукамъ? Благовоспитанное дитя должно непременно сдѣлаться кандидатомъ университета, но оно ни подъ какимъ видомъ не должно вдаваться въ ученость. Оно рождено для того, чтобы блистать въ свѣтѣ, и купаться въ сливкахъ высшаго общества. Если оно измѣнитъ своему назначенію, если оно вздумаетъ погрузиться въ книжную пыль и запереться въ своемъ кабинетѣ, то его осмѣютъ его блестящіе сверстники. и тогда сердца его родителей будутъ непрестанно обливаться кровью. Какъ же устроить дѣло такъ, чтобы благовоспитанное дитя имѣло при себѣ кандидатскій дипломъ, и чтобы оно, въ то же время, не утратило охоты и способности блистать наравнѣ съ своими сверстниками? — Надо помѣстить благовоспитанное дитя на юридическій или камеральный факультетъ. Тамъ оно навѣрное ни къ какой наукѣ не пристрастится, и тамъ оно приобрететъ себѣ желанный дипломъ посредствомъ усерднаго зубренія профессорскихъ записокъ во время приготовленія къ переходнымъ и къ выпускному экзаменамъ. Если благовоспитанное дитя не принадлежитъ къ разряду безнадежныхъ идіотовъ или самыхъ отчаянныхъ лѣнтыевъ, то, конечно, оно завоевываетъ себѣ кандидатскій дипломъ, и отправляется, куда слѣдуетъ, служить и блистать.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: зачѣмъ это дитя появлялось въ университетѣ? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать, что дитя было жертвою смѣшного и печальнаго недоразумѣнія, вслѣдствіе котораго люди, глубоко презирающіе науку, съ наивною жадностью хватаются за ея внѣшніе знаки и атрибуты. Много лѣтъ тому назадъ, правительство, желая приохотить нашихъ соотечественниковъ къ высшему образованію, предоставило по службѣ нѣкоторыя права и преимущества кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ университетовъ. Распоряженіе это, очевидно клонившееся къ тому, чтобы обогатить Россію развитыми и мыслящими людьми, послужило поводомъ къ громадному недоразумѣнію, которое не прекратилось до настоящей минуты. Наши университеты наполнились искателями правъ и преимуществъ, совершенно равнодушными къ знанію и способными только сдавать экзамены; наши присутственныя мѣста наполнились счастливыми обладателями дипломовъ, не усвоившими себѣ въ университетѣ ни практической опытности, ни теоретическаго развитія, ни даже твердыхъ нравственныхъ убѣжденій; а между тѣмъ наше

общество, въ лицѣ самыхъ вліятельныхъ своихъ представителей, смотрѣло съ умиленіемъ на этихъ патентованныхъ недорослей, и ласкало себя тою увѣренностью, что, чѣмъ больше оно наплодитъ такихъ кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ, тѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе разовьеть оно въ себѣ самое блестящее образованіе. Для огромнаго большинства нашихъ учащихся юношей, четырехлѣтнее пребываніе въ университетѣ превратилось въ обрядъ, который заканчивался полученіемъ диплома, и потомъ дѣйствовалъ на всю дальнѣйшую жизнь бывшаго студента именно только посредствомъ правъ и преимуществъ, связанныхъ съ дипломомъ, а никакъ не посредствомъ какихъ нибудь руководящихъ идей, воспринятыхъ въ университетѣ, и развивающихся въ житейской практикѣ. Такъ какъ вся сила образованія заключается, по мнѣнію нашего общества, въ дипломѣ, а не въ идеяхъ, и такъ какъ всѣ факультеты университета даютъ своимъ слушателямъ равносильные дипломы, то, разумѣется, наше общество, неспособное и не желающее обсуживать образовательное значеніе различныхъ наукъ, предпочитаетъ юридическій факультетъ, какъ преддверіе гражданской службы, и камеральный, какъ разсадникъ милыхъ свѣтскихъ юношей, не углубляющихся ни во что, но имѣющихъ легкое понятіе обо всемъ.

Если бы сегодня были отмѣнены права и преимущества, предоставленны кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ, то на завтрашній же день число слушателей во всѣхъ нашихъ университетахъ убавилось бы, по крайней мѣрѣ, на половину, и почти всѣ наши юристы и камералисты переселились бы изъ университетскихъ аудиторій въ различныя канцеляріи, или же преобразились бы въ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ юнкеровъ. Факультеты юридическій и камеральный опустѣли бы почти совершенно, между тѣмъ, какъ на остальные факультеты отмѣненіе правъ и преимуществъ не произвело бы никакого замѣтнаго вліянія.

Почему обнаружилось бы между факультетами такое рѣзкое различіе—понять не трудно. Кто хочетъ сдѣлаться учителемъ математики—тотъ *дѣйствительно* нуждается въ математическихъ знаніяхъ. Кто хочетъ сдѣлаться натуралистомъ тотъ *дѣйствительно* нуждается въ основательныхъ свѣдѣніяхъ по различнымъ отраслямъ естествознанія. Кто хочетъ сдѣлаться медикомъ — тому *дѣйствительно* необходимы профессорскія лекціи, анатомическій театръ и клиника. Для всѣхъ этихъ людей знанія составляютъ въ жизни рабочій инструментъ, и за этимъ рабочимъ инструментомъ они и отправляются въ университетъ. вмѣстѣ съ инструментомъ имъ даютъ въ университетѣ дипломъ; они берутъ и дипломъ, потому что, во первыхъ, нѣтъ причины не брать, а во вторыхъ, нѣтъ возможности отказаться, если бы даже и явилась подобная фантазія. Но если выдача дипломовъ прекратится, то притокъ людей, идущихъ въ университетъ за рабочимъ инструментомъ нисколько не осла-

бѣтъ, именно потому, что эти люди добываютъ себѣ въ университетѣ не дипломъ, а рабочій инструментъ, который, очевидно, будетъ выдаваться имъ по прежнему.

У юристовъ и камералистовъ, напротивъ того, вопросъ ставится совершенно иначе. Кто хочетъ сдѣлаться чиновникомъ, тотъ *дѣйствительно* нуждается только въ знаніи русскаго языка, въ умѣннѣ обращаться за справками къ своду законовъ, и въ служебномъ навыкѣ. Русскій языкъ изучается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а практическое знакомство съ сводомъ законовъ и съ служебною процедурою приобретається на самой службѣ, по французской пословицѣ *à force de forger on devient forgeron*. Въ университетѣ не имѣется такого рабочаго инструмента, который былъ бы приложимъ къ канцелярской служебной дѣятельности, и поэтому теперешніе юристы и камералисты, послѣ отмѣненія правъ и преимуществъ, сообразяють немедленно, что имъ гораздо выгоднѣе употребить на усвоеніе служебнаго навыка тѣ четыре года, которые, въ университетскихъ аудиторіяхъ, потрапились бы на философію права и на поучительный анализъ различныхъ юридическихъ фикцій, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ скромнымъ обязанностямъ столоначальника и его помощниковъ.

Думаете ли вы, читатель, что русская наука и русская жизнь потеряли бы что нибудь вслѣдствіе этого основательнаго размышленія нашихъ юристовъ и камералистовъ? Если вы это думаете, то вамъ не мѣшало бы въ этомъ разувѣриться. Значительная убыль въ общемъ числѣ русскихъ студентовъ и совершенное упраздненіе двухъ, самыхъ многочисленныхъ факультетовъ — разсѣяли бы только тотъ долговременный оптический обманъ, который до сихъ поръ скрываетъ отъ нашихъ добродушныхъ оптимистовъ нашу крайнюю умственную нищету. На самомъ же дѣлѣ не произошло бы ни малѣйшей перемѣны къ худшему. Кто работаетъ, тотъ продолжалъ бы работать по прежнему, а кто джентльменствуетъ, тотъ по прежнему продолжалъ бы джентльменствовать, только безъ университетскаго диплома. Васъ, читатель мой, конечно сокрушаетъ то обстоятельство, что тогда значительно убавилось бы число чиновниковъ, получившихъ университетское образованіе. Это обстоятельство не престанетъ сокрушать васъ, какъ только вы убѣдитесь въ томъ, что вы до сихъ поръ любовались призраками и удовлетворялись мыльными, но пустыми звуками. Вы привыкли давать общее имя университетскаго образованія семи совершенно различнымъ системамъ образованія, которыя никакъ не могутъ взаимно уравновѣшивать другъ друга. Одинъ студентъ занимается дифференціальнымъ исчисленіемъ и астрономіею, другой — зоологіею и ботаникою, третій хирургіею и терапіею, четвертый — славянскими древностями и трагедіями Софокла, пятый — калмыцкою грамматикою и стихотвореніями Гафиза или Фирдуси, шестой — Русскою Прав-

дою и пандектами Юстиніана; седьмой хватаетъ всего по немногу, то есть, слушаетъ однѣ лекціи съ юристами, другія — съ натуралистами, третьи — съ филологами. Пока эти семь человѣкъ носятъ одинаковой формы сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и съ синимъ воротникомъ, до тѣхъ поръ вы всѣхъ ихъ называете студентами. Потомъ, когда они показываютъ вамъ большой пергаментный листъ съ большею печатью, вы всѣхъ ихъ называете кандидатами (впрочемъ, нѣтъ, одного изъ нихъ вы называете лекаремъ). Въ томъ и въ другомъ случаѣ, всѣ они въ вашихъ глазахъ совершенно равны между собою; одинаково-синіе воротники и одинаково-величественные дипломы сглаживаютъ между ними всякое различіе; оказывается такимъ образомъ, что калмыцкая грамматика и дифференціальное исчисленіе, пандекты Юстиніана и зоологія, *всего понемножку* и медицина въ вашихъ глазахъ совершенно уравниваются другъ друга.

Не трудно понять однако, что образовательное вліяніе этихъ предметовъ вовсе не одинаково, — что мыслительныя способности семи разсматриваемыхъ субъектовъ развернутся далеко неравномѣрно, и что ихъ міросозерцанія окажутся совершенно не сходными. Если вы это понимаете, то потрудитесь объяснить мнѣ, которое изъ данныхъ семи образованій вы предпочитаете всѣмъ остальнымъ? Если же вы этого не понимаете, и если всѣ семь различныхъ образованій сливаются для васъ въ одну неопредѣленную массу, къ которой вы пытаете безотчетную нѣжность, то позвольте мнѣ объяснить вамъ, что васъ прельщаютъ просто непонятныя для васъ слова «образованіе» и «университетъ,» и что, если бы при университетѣ былъ учрежденъ завтра какой нибудь восьмой факультетъ, на примѣръ, геральдическій, — для изученія гербовъ, то вы и на этотъ восьмой факультетъ распространили бы вашу всеобъемлющую и расплывающуюся нѣжность. Когда вы вдумаетесь въ это обстоятельство, то вы, вѣроятно, согласитесь сами, что, при теоретическомъ обсужденіи серьезнаго дѣла, на вашу бессознательную нѣжность къ плѣнительнымъ словамъ не стоитъ обращать ни малѣйшаго вниманія. Если чиновники наши не будутъ знакомы съ пандектами Юстиніана и съ философіею права Гегеля, то они отъ этого нисколько не сдѣлаются хуже теперешняго. Общество же наше останется тогда въ чистомъ выигрышѣ, потому что оно яснѣе теперешняго будетъ понимать свои собственныя отношенія къ наукѣ, и не будетъ называть наукою безплодную и мертвую юридическую метафизику, которую завѣщали намъ римляне и средневѣковые схоластики вмѣстѣ со многими другими, столь же драгоценными сокровищами.

XV.

Чтобы опредѣлить тѣ основанія, на которыхъ должны быть перестроены за-ново наши университеты, надо, прежде всего, отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ: что такое общее образованіе, на что оно нужно, чѣмъ оно полезно, въ чемъ должно состоять его вліяніе на жизнь и дѣятельность образованнаго человѣка. Мнѣ кажется, что общее образованіе есть скрѣпленіе и осмысленіе той естественной связи, которая существуетъ между отдѣльною личностью и человѣчествомъ. Общее образованіе выводитъ васъ изъ тѣснаго круга вашихъ непосредственныхъ личныхъ интересовъ, разъясняетъ вамъ ваши отношенія къ окружающей природѣ, описываетъ вамъ то мѣсто, которое вы, какъ человѣкъ, занимаете въ ряду другихъ органическихъ существъ, — характеризуетъ вамъ потребности и стремленія того народа, среди котораго вы родились и опредѣляетъ вамъ значеніе и направленіе тѣхъ историческихъ силъ и культурныхъ элементовъ, которые накладываютъ свою печать на вашу жизнь, личность и дѣятельность. Давая вамъ возможность интересоваться тѣми вопросами науки и жизни, которые занимаютъ лучшихъ и умнѣйшихъ людей вашего времени, общее образованіе обогащаетъ ваше существованіе такими тревогами и наслажденіями, которыя совершенно непонятны и недоступны вашимъ необразованнымъ современникамъ и соотечественникамъ. Польза общаго образованія и его живительное вліяніе на отдѣльную личность заключаются именно въ этихъ тревогахъ и наслажденіяхъ, въ которыхъ выражается способность понимать все, и сочувствовать всему, что въ данную минуту волнуетъ и радуетъ весь образованный міръ. Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за общими интересами современнаго человѣчества, подмѣчая и обсуживая каждую новую побѣду разума надъ инерціею природы и надъ рутинною тупыхъ и близорукихъ людей, стараясь, по мѣрѣ силъ, упрочить и расширить вліяніе этой побѣды въ вашемъ собственномъ кругу, — вы постоянно вносите въ вашу личную жизнь все величіе и всю чистоту тѣхъ непобѣдимыхъ и неистребимыхъ идей, за воплощеніе и осуществленіе которыхъ борются, страдаютъ и умираютъ лучшие изъ вашихъ современниковъ.

Привязывая такимъ образомъ, по выраженію Некрасова, вашу лодку къ кормѣ большого корабля, вы навсегда застраховываете себя отъ нравственнаго измельченія и опошленія; умѣя понимать и любить все, что подвигаетъ впередъ дѣло меловѣческаго благосостоянія и умствен-

наго совершенствованія, умѣя направлять свои мысли и симпатіи въ такія земли, гдѣ вы никогда не бывали, и даже въ такую даль будущаго, до которой вы не доживете, — вы развиваете въ себѣ способность смотрѣть со стороны, или такъ, сказать, à vol d'oiseau, на тѣ мелкія препятствія, неудачи, утраты и непріятности, изъ которыхъ обыкновенно складывается наша всеневная жизнь, и которыя ежеминутно заставляютъ неразвитыхъ людей охать, плакать, рвать на себѣ волосы, и выражать разными другими, столь же плоскими манерами, крайнюю расстроенность своихъ чувствъ. Вы счастливы и спокойны въ то самое время, когда ваши знакомые считаютъ своимъ долгомъ сожалѣть о васъ, какъ о несчастнѣйшемъ страдальцѣ. Вы счастливы и спокойны, потому что видите, что *большой корабль* величественно и ровно подвигается впередъ, и что ваша маленькая лодка, привязанная къ нему крѣпкимъ канатомъ, легко и свободно слѣдуетъ за всѣми его движеніями. Чистая красота и постоянно возрастающее богатство вашего умственнаго міра съ избыткомъ вознаграждаетъ васъ за тѣ внѣшнія неудобства, которыя, на гиперболическомъ языкѣ вашихъ, знакомыхъ, называются огорченіями, несчастіями и страданіями. Впрочемъ, наслаждаясь гармоніею вашего умственнаго міра, въ которомъ находятъ себѣ отзывъ всѣ великіе интересы современной дѣйствительности, вы, вслѣдствіе этого, нисколько не теряете способности устроить основательно и благоразумно ваши собственныя личныя или семейныя дѣла. Напротивъ того, умѣя смотрѣть à vol d'oiseau на неизбѣжныя житейскія передраги, вы, именно вслѣдствіе этого умѣнья, сохраняете полное хладнокровіе и совершенное присутствіе духа, которыя и помогаютъ вамъ выпутаться изъ этихъ передрагъ быстро, дешево и успѣшно, между тѣмъ какъ другіе люди, называвшіе васъ мечтателями, и считавшіе самихъ себя за образцовыхъ практиковъ, въ такихъ же точно передрагахъ унываютъ, теряются, запутываются и доводятъ себя, со всею своею практичностью, до безвыходнаго положенія.

И такъ общее образованіе даетъ всей жизни человѣка извѣстный колоритъ, извѣстный смыслъ и извѣстное направленіе; оно проникаетъ собою весь складъ его ума и глубоко видоизмѣняетъ собою весь его характеръ и образъ мыслей. Общее и специальное образованіе взаимно дополняютъ другъ друга: специальное даетъ человѣку въ руки рабочій инструментъ, а общее образованіе заставляетъ человѣка пристроить свою рабочую силу такъ, чтобы она содѣйствовала общему движенію *большого корабля*. Чтобы удовлетворительнымъ образомъ исполнить свое назначеніе, общее образованіе очевидно должно снабдить человѣка такими знаніями, которыя позволяли бы ему понимать труды и тенденціи передовыхъ мыслителей и дѣятелей данной эпохи. Такъ какъ смыслъ этихъ трудовъ и тенденцій въ различныхъ историческихъ эпохи бываетъ

различный, то не трудно понять, что и общее образованіе должно постоянно видоизмѣняться вмѣстѣ съ потребностями и обстоятельствами даннаго времени. Такъ, напримѣръ, въ XVI столѣтіи общее образованіе должно было заключаться преимущественно въ тщательномъ изученіи латинскаго и греческаго языковъ, потому что въ это время философія и поэзія языческой древности производили полный переворотъ въ идеяхъ и въ чувствахъ образованныхъ европейцевъ. Безъ древнихъ языковъ въ то время не было возможности привязать *лодку* отдѣльной личности къ *большому кораблю* мыслящаго человечества. Въ настоящее время вопросъ ставится иначе. Умственное движеніе нашей эпохи совершается, конечно, не въ области классической филологіи. Въ эту опустѣлую область стараются затянуть насильно наше юношество именно тѣ достойные публицисты, которые систематически поворачиваются спиною къ умственному движенію нашего времени. Всѣ великія открытія, всѣ одушевленные споры и разсужденія нашего времени относятся или къ области естествознанія или къ различнымъ отдѣламъ создающейся социальной науки. Поэтому, въ наше время, естествознаніе составляетъ настоящій центръ общаго образованія. Кто знаетъ естественныя науки, тотъ знаетъ все, что долженъ знать современно-образованный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что естественныя науки даютъ человѣку то подготовленіе, при помощи котораго онъ, уже безъ руководителя, можетъ слѣдить, въ теченіе всей своей жизни, за развитіемъ и разработкою различныхъ социальныхъ вопросовъ.

Основаніе изученію природы было положено въ гимназіяхъ, посредствомъ тѣхъ усиленныхъ математическихъ занятій, которыя составляютъ существенный смыслъ этой программы. Университетъ, очевидно, долженъ строить дальше на томъ фундаментѣ, который заложенъ гимназіею. Университетъ долженъ давать *высшее общее* образованіе, и поэтому раздѣленіе на факультеты совершенно бесполезно. Общее образованіе въ каждую данную эпоху, можетъ быть только *одно*; дробить его на части не слѣдуетъ и невозможно; а соединять въ одномъ заведеніи общее образованіе и нѣсколько специальныхъ значить сбивать съ толку такое общество, которое и безъ того не отличается своею толковостью.

Уничтоженіе факультетовъ, конечно, кажется читателю чрезвычайно радикальною и даже дерзкою мыслью; но есть основаніе думать, что это уничтоженіе совершится естественнымъ образомъ. Факультеты историко-филологическій и восточный, по всей вѣроятности, скончаются естественною смертію, не дожидаясь даже отмѣненія правъ. Факультеты юридическій и камеральный опустѣютъ немедленно, какъ только дипломы потеряютъ свою магическую силу; даже гласное судоустройство не удержитъ студентовъ на этихъ факультетахъ, если только университетскій дипломъ не сдѣлается необходимымъ *формальнымъ* условіемъ для каж-

даго практикующаго адвоката. Если можно будетъ заниматься адвокатурою безъ университетскаго диплома, то молодые люди, желающіе сдѣлаться адвокатами, будутъ поступать на нѣсколько времени въ ученики къ опытнымъ практикамъ, такъ точно, какъ это дѣлается въ Англіи.

Такимъ образомъ, въ университетѣ останутся математики, натуралисты и медики. Каждый медицинскій факультетъ, какъ чисто-спеціальное училище, можетъ съ величайшимъ удобствомъ отдѣлиться отъ университета и превратиться въ медицинскую академію. Затѣмъ останутся только математики и натуралисты, то есть, два отдѣленія одного физико-математическаго факультета. Такъ какъ преподаваніе математики въ гимназіяхъ по моему плану значительно усилено, то въ гимназіяхъ будутъ проходиться многія изъ тѣхъ частей чистой математики, которыя теперь читаются въ университетѣ. Аналитическую геометрію можно будетъ цѣликомъ перенести въ гимназію. Что касается до дифференціального и интегральнаго исчисленія, то его, разумѣется, надо будетъ оставить въ университетѣ, если оно окажется слишкомъ мудренымъ для шестнадцати и семнадцатилѣтнихъ гимназистовъ. — Два оставшіеся факультета, математическій и естественный, сольются въ одинъ факультетъ, пожертвовавши, при этомъ сляніи, тѣми отдѣльными науками, въ которыхъ, въ настоящее время, выражается ихъ спеціализмъ. Послѣ этого слянія, университетскій курсъ расположится по слѣдующему плану, вполнѣ соответствующему тѣмъ требованіямъ, которымъ, въ настоящее время, должно удовлетворять общее образованіе.

I курсъ.

- 1) Дифференціальное и интегральное исчисленіе.
- 2) Теоретическая механика.
- 3) Астрономія.

II курсъ.

- 1) Высшая физика.
- 2) Неорганическая химія.
- 3) Органическая химія.

III курсъ.

- 1) Сравнительная анатомія растений и животныхъ.
- 2) Сравнительная фізіологія растений и животныхъ.
- 3) Гигіена.

IV курсъ.

- 1) Геологія.
- 2) Географія.
- 3) Исторія.

XVI.

Въ предлагаемой программѣ я прошу читателя обратить вниманіе на два обстоятельства; во-первыхъ, на то, что науки расположены въ ней сообразно съ ихъ возрастающею сложностью, и во-вторыхъ, что вниманіе студентовъ въ теченіи каждаго курса будетъ постоянно сосредоточиваться на очень незначительномъ количествѣ наукъ, которыя, вслѣдствіе этого, конечно будутъ изучаться основательнѣе, чѣмъ онѣ изучаются теперь,—затѣмъ я сдѣлаю еще нѣсколько частныхъ примѣчаній и поясненій къ этой программѣ.

Высшею физикою я называю тѣ части этой науки, которыя не были пройдены въ гимназіи, или были пройдены слегка и поверхностно, по недостатку времени, или же вслѣдствіе того, что воспитанники не были еще знакомы съ нѣкоторыми частями высшей математики. Читатель, вѣроятно удивится тому, что въ моей программѣ совсѣмъ нѣтъ зоологіи и ботаники. Я полагаю, что сравнительная анатомія и сравнительная физиологія совершенно достаточно ознакомляетъ студентовъ съ устройствомъ и съ отправленіями растительныхъ и животныхъ организмовъ, а также и съ главными видоизмѣненіями, которымъ подвергаются это устройство и эти отправленія на различныхъ ступеняхъ органической лѣстницы. При этомъ, разумѣется, студенты узнаютъ также основныя черты зоологической и ботанической классификаціи; что же касается до мелкихъ подробностей этой классификаціи, то, во-первыхъ, онѣ важны и интересны только для записныхъ натуралистовъ, а во-вторыхъ, изученіе теперешней классификаціи, по всей вѣроятности, окажется скоро напрасною тратою времени, потому что идеи Дарвина навѣрное произведутъ въ ней очень глубокія измѣненія. Основательное изученіе гігіены я считаю необходимымъ, во-первыхъ, для всендневной жизни, гдѣ польза этой науки не можетъ подлежать сомнѣнію, и во-вторыхъ, для яснаго пониманія многихъ социальныхъ вопросовъ, въ которыхъ гігіеническая точка зрѣнія съ каждымъ годомъ становится болѣе важною и неизбѣжною. Вопросы о школахъ, о тюрьмахъ, о фабрикахъ, о народномъ продовольствіи, о рабочей платѣ, о числѣ рабочихъ часовъ, о народныхъ увеселеніяхъ и предрасудкахъ только тогда выступаютъ передъ нашими глазами во всей громадности своего общественнаго значенія, когда мы умѣемъ всматриваться и вдумываться въ ихъ гігіеническую сторону. Исторія, по моему мнѣнію, должна преподаваться студентамъ, уже совершенно созрѣвшимъ въ умственномъ отношеніи, и основательно ознакомившимся

съ общимъ строемъ физическихъ, химическихъ и физиологическихъ законовъ природы. Исторія человечества должна преподаваться въ ближайшей и тѣснѣйшей связи съ геологіею, т. е., съ исторіею нашей планеты, и съ географіею, т. е., съ описаніемъ той сцены и тѣхъ разнообразныхъ вліяній, среди которыхъ развертывается физическая и умственная жизнь человѣческихъ обществъ. Цѣль преподаванія исторіи должна заключаться въ томъ, чтобы объяснить всю цѣпь извѣстныхъ намъ событій и переворотовъ коренными свойствами человѣческаго организма, подвергающагося разнообразнымъ вліяніямъ окружающей природы. Вниманіе профессора должно сосредоточиваться преимущественно на преемственности различныхъ формъ народнаго труда, на колебаніяхъ народнаго богатства, и на филиаціи тѣхъ идей и учреждений, которыя накладывали на экономическій бытъ народа печать своего полезнаго или вреднаго вліянія. Не знаю, много-ли найдется профессоровъ, способныхъ читать исторію по такой непривычной программѣ, но знаю навѣрное, что молодые люди, прошедшіе черезъ ту строгую школу положительной науки, которой планъ представленъ въ этой статьѣ,—ни за что не станутъ слушать тѣхъ пріятныхъ рассказчиковъ, которые, получивши легкое литературное образованіе, по своему трогательному простодушію, считаютъ себя, въ настоящее время, замѣчательными профессорами исторіи.

Конечно, было бы желательно, чтобы то общее образованіе, котораго программу я здѣсь предлагаю, усвоивалось предварительно всѣми молодыми людьми, посвящающими себя той или другой спеціальной дѣятельности. Говоря другими словами, было бы желательно, чтобы молодые люди принимались за ученіе спеціальности не раньше, какъ послѣ выхода изъ университета, перестроеннаго на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Но, разумѣется, желаніе это, въ полномъ своемъ объемѣ, такъ же неосуществимо, какъ другое еще болѣе смѣлое и завѣтное желаніе, чтобы общее образованіе, построенное на строго реальныхъ основахъ, сдѣлалось достояніемъ всей народной массы, безъ различія пола и состоянія. Многіе молодые люди, имѣющіе возможность дотянуть до конца гимназической курсъ, не имѣютъ возможности поступить въ университетъ, т. е., еще на четыре года отложить свое превращеніе въ экономическихъ производителей. Надо заботиться о насущномъ пропитаніи, надо поскорѣе приниматься за хлѣбное ремесло: та же самая причина, которая, въ бѣднѣйшихъ классахъ, отрываетъ шести-лѣтняго ребенка отъ азбуки, мѣшаетъ, въ среднемъ сословіи, пятнадцати-лѣтнимъ юношамъ изучать физику или астрономію. Многимъ молодымъ людямъ придется, конечно, поступать въ спеціальныя училища или приниматься за практическую дѣятельность до окончанія полнаго университетскаго курса. Въ этихъ случаяхъ, которые, конечно, будутъ очень многочисленны, молодежь лю-

дямъ надо будетъ оставаться въ обще-образовательныхъ училищахъ до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ себѣ всѣхъ знаній, находящихся въ связи съ ихъ спеціальною.

Рядъ примѣровъ тотчасъ пояснитъ вполне эту послѣднюю мысль. Представьте себѣ, что въ гимназій учатся нѣсколько юношей, которымъ домашнія обстоятельства не позволяютъ истратить одиннадцать лѣтъ (семь въ гимназій и четыре въ университетѣ) на общее образование. Одинъ изъ этихъ юношей хочетъ сдѣлаться чиновникомъ, другой — армейскимъ офицеромъ, третій — морякомъ, четвертый — машинистомъ, пятый — сахароваромъ, шестой — агрономомъ, седьмой — медикомъ, восьмой — профессоромъ какой нибудь отрасли естествознанія. Будущій чиновникъ и будущій офицеръ могутъ опредѣлиться на службу тотчасъ по выходѣ изъ гимназій; они даже *должны* поступить такимъ образомъ, если имѣютъ въ виду исключительно экономію времени. Во всемъ университетскомъ курсѣ они не найдутъ ни одного предмета, который бы имѣлъ прямое отношеніе къ ихъ будущимъ практическимъ занятіямъ. Собственно говоря, они могли бы даже безъ ущерба для своей практической дѣятельности, выдти изъ цѣлаго класса гимназій, усвоивши себѣ, въ первыхъ пяти классахъ, основательное знаніе отечественнаго языка, и развивши свои умственные способности математическими упражненіями на столько, что имъ уже не придется стать въ тупикъ надъ нехитрыми логическими соображеніями, которыхъ потребуешь отъ нихъ ихъ будущая практическая дѣятельность. Напротивъ того, третій гимназистъ, готовящій себя въ моряки, поступитъ нерасчетливо, если сойдетъ съ обще-образовательной дороги тотчасъ послѣ окончанія гимназическаго курса. Моряку понадобятся и астрономія, и дифференціалы, и механика. Значитъ, ему слѣдуетъ прослушать первый курсъ университета, и потомъ свернуть въ сторону, въ спеціальное училище. Будущій машинистъ долженъ поступить точно также. И также точно должны поступить будущій архитекторъ, будущій военный инженеръ, будущій кораблестроитель. Но сахаровару слѣдуетъ идти дальше, прослушать полный курсъ химіи, и потомъ уже свернуть на спеціальную тропинку. Точно также слѣдуетъ поступить тому юношѣ, который хочетъ сдѣлаться горнымъ инженеромъ, или литейщикомъ, или винокуромъ. Медіку и агроному слѣдуетъ прослушать еще и третій курсъ. Наконецъ, будущему профессору какой-бы то ни было науки необходимо пройти весь университетскій курсъ до конца, и уже потомъ, бросивъ такимъ образомъ общій взглядъ на все поле реального знанія, вполне сознательно отмежевать себѣ въ этомъ полѣ отдѣльный участокъ, никогда не упуская при этомъ совершенно изъ виду всѣхъ остальныхъ участковъ, на которыхъ трудятся другіе спеціалисты.

Такимъ образомъ, вся совокупность общаго и спеціальнаго образо-

ванія представляется намъ въ видѣ большой дороги, отъ которой уходятъ, съ различныхъ пунктовъ въ разныя стороны, многія мелкія тропинки. Каждый юный путникъ идетъ сначала по большой дорогѣ, идетъ по ней до тѣхъ поръ, пока позволяютъ обстоятельства, потомъ проголодавшись, свертываетъ на одну изъ боковыхъ тропинокъ, которыя всѣ ведутъ къ какому нибудь хлѣбному ремеслу. Эта система сворачиваній съ одной общей дороги имѣетъ два важныя преимущества сравнительно съ тою системою, при которой различныя спеціальныя образованія представляются въ видѣ многихъ самостоятельныхъ, параллельныхъ дорогъ, неимѣющихъ никакого правильнаго сообщенія съ главною, столбовою дорогою общаго образованія. Первое преимущество состоитъ въ томъ, что педагогическое дѣло страны не дробится на множество замкнутыхъ и независимыхъ другъ отъ друга операций. Между всѣми частями педагогическаго цѣлаго существуетъ живое сообщеніе и неизбежное взаимное вліяніе. Когда всѣ мелкіе спеціальныя каналы почерпаютъ все свое содержаніе изъ одного общаго большого русла, и когда они такимъ образомъ получаютъ матеріалъ, испытавшій уже значительную переработку и окрѣпшій въ этой переработкѣ, тогда, конечно, всѣ они принуждены въ своей дальнѣйшей образовательной дѣятельности подчиняться тѣмъ руководящимъ идеямъ, которыя господствуютъ въ главномъ руслѣ. А такъ какъ въ главномъ руслѣ, по самому его устройству, будетъ господствовать чистѣйшій реализмъ, безъ всякой посторонней примѣси, то этотъ же самый безукоризненный реализмъ разольется также и по всѣмъ развѣтвленіямъ мелкихъ капаловъ. Второе важное преимущество моей системы состоитъ въ томъ, что она позволяетъ молодымъ людямъ выбирать себѣ спеціальность довольно поздно, по крайней мѣрѣ, гораздо позднѣе; чѣмъ того требуетъ отъ нихъ господствующая система. Это преимущество обуславливается, во-первыхъ, строгимъ отдѣленіемъ общеобразовательныхъ наукъ отъ спеціальныхъ, и во-вторыхъ, строго-дѣловымъ характеромъ того общаго образованія, которое я рекомендую.

Курсъ спеціальныхъ училищъ долженъ ограничиваться чисто-прикладными науками, такъ чтобы молодому человѣку приходилось дѣлать рѣшительный шагъ, то есть, поступать въ спеціальное училище, именно въ ту минуту, когда онъ, по своимъ общимъ знаніямъ и по своему умственному развитію, способенъ прямо приниматься за изученіе избраннаго ремесла. Но, разумѣется, это откладываніе рѣшительнаго шага до послѣдней минуты можетъ производиться безъ вредной потери времени только при такомъ общемъ образованіи, которое знакомитъ юношу съ настоящими науками, необходимыми на всякомъ дѣловомъ поприщѣ, а не съ какими нибудь приятными бездѣлушками, вроде рассказовъ о царѣ Горохѣ, поэмъ Гомера и Виргилія, и анекдотовъ о смысленности животныхъ. А почему именно молодымъ людямъ полезно дѣлать рѣшительный

шагъ какъ можно поздиѣе—это, я думаю, очень понятно. Чтобы чело-
вѣкъ былъ хорошимъ работникомъ, ему необходимо любить свое реме-
сло; а любимъ мы только то, что соотвѣтствуетъ нашимъ способностямъ
и наклонностямъ; а способности и наклонности наши выясняются посте-
пенно по мѣрѣ того, какъ растетъ и крѣпнетъ вся наша личность. Кто
выбираетъ себѣ ремесло тогда, когда способности и наклонности его еще
не обозначились, тотъ дѣйствуетъ на авось, и, слѣдовательно, рискуетъ
ошибиться. Когда ошибка становится понятою самому субъекту, тогда
начинается для него пора мучительнаго раздумья, сомнѣній и колебаній;
потомъ, въ лучшемъ случаѣ, происходитъ торопливое перепрыгиваніе
на какую нибудь другую специальность, которую, быть можетъ, придется
перемѣнить на третью, а въ худшемъ случаѣ являются безплодные
усилія помириться съ ненавистнымъ ремесломъ, сознаніе невозможности
этого примиренія, и позорная рѣшимость тянуть ляжку кое-какъ, и ра-
ботать спусти рукава. Все это, какъ видите, очень убыточно, какъ для
отдѣльной личности, такъ и для цѣлаго общества: тратится время, тра-
тятся молодыя силы, и въ результатѣ получаютъ или плохіе работники
или разочарованные тунеядцы, вродѣ Гамлета щигровскаго уѣзда. При
позднемъ выборѣ специальности, шансы ошибиться въ значительной сте-
пени ослабѣваютъ, и, вслѣдствіе этого, всѣ неудобства, вытекающія изъ
ошибки, должны сдѣлаться гораздо рѣже. Всѣмъ извѣстно, что, въ бы-
лое время, у насъ готовили воиновъ, дипломатовъ, юристовъ, моряковъ,
и такъ далѣе, чуть ли не съ восьмилѣтняго возраста; всѣмъ извѣстно
также, что теперь правительство старается противудѣйствовать этому
преждевременному втискиванію человѣческой личности въ специальную
форму; желательно было бы, чтобы въ этомъ послѣднемъ, противу-
дѣйствующемъ направленіи, мы подвигались впередъ гораздо быстрее и
рѣшительнѣе.

XVII.

— Къ чему вы написали всю эту статью? спрашиваетъ меня читатель.
Неужели вы думаете, что вашу программу примутъ и осуществятъ?
Нѣтъ читатель. Ни одной минуты не потратилъ я на такія несбыточные
мечтанія. Мнѣ хотѣлось только представить ясно и осязательно до по-
слѣдней степени тотъ воспитательный идеалъ, во имя котораго мы отно-
симся отрицательно къ нашей педагогической дѣйствительности. Ясность
и осязательность доведены, какъ видите, до такихъ размѣровъ, что
статья украсилась выкладками, цифрами и таблицами. Если выкинуть

изъ статьи объяснительныя разсужденія, и если разбить ее на параграфы, то изъ нея выйдетъ дѣловой проектъ, совершенно исполнимый во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Послѣ этого, я полагаю, нашимъ литературнымъ противникамъ трудно будетъ обвинять насъ въ томъ, что мы отрицаемъ для процесса отрицанія, и что мы не сумѣли бы ничего построить на томъ мѣстѣ, которое намъ удалось бы очистить отъ существующихъ зданій готической архитектуры.

Эта статья, совершенно бесполезная въ практическомъ отношеніи, можетъ служить образчикомъ тѣхъ *положительныхъ* плановъ, которые имѣются у насъ въ запасѣ. Главныя достоинства изложеннаго мною воспитательнаго плана заключаются въ слѣдующихъ его чертахъ: 1) Гигіеническія правила соблюдены строжайшимъ образомъ. 2) Вниманіе учащихся сосредоточено на самомъ незначительномъ количествѣ предметовъ, имѣющихъ дѣйствительную образовательную силу. 3) Физическій трудъ введенъ въ составъ общаго образованія. 4) Общее образованіе поставлено въ уровень съ умственнымъ движеніемъ нашего времени. 5) Между общимъ образованіемъ и спеціальностями проведена ясная пограничная черта. 6) Спеціальности подчинены господствующему направленію общаго образованія. Приглашаю нашихъ противниковъ доказать несостоятельность этихъ основныхъ идей.

МЫСЛИ ФИРХОВА О ВОСПИТАНІИ ЖЕНЩИНЪ.

I.

Одинъ изъ замѣчательныхъ европейскихъ натуралистовъ нашего времени, Рудольфъ Фирховъ, высказалъ въ нынѣшнемъ году нѣсколько очень свѣтлыхъ мыслей о воспитаніи женщинъ. Мысли эти важны не столько по своему прогрессивному характеру, сколько по своей практичности, безобидности и осуществимости. Прогрессивныхъ мечтаній по вопросу о женщинахъ было высказано чрезвычайно много. Еслибы человечество могло подвигаться впередъ посредствомъ рисованія блестящихъ идеаловъ, то всѣ эти мечтанія были бы чрезвычайно полезны. Къ сожалѣнію, это рисованіе идеаловъ составляетъ только самую легкую и самую незначительную часть той работы, которая должна вести человечество къ его будущему благосостоянію. Если вы нарисовали идеалъ, то вы должны еще, кромѣ того, показать обществу, какимъ путемъ оно должно идти къ осуществленію этого идеала. Если вы сказали обществу: «вотъ чѣмъ *должна* быть женщина!», то на васъ лежитъ еще обязанность объяснить вашимъ современникамъ, какимъ образомъ она *можетъ* придти къ указанной вами цѣли. Принимаясь за эту вторую часть задачи, вы должны брать въ расчетъ не только отвлеченную возможность, но и реальную удобоисполнимость. Есть множество вещей, совершенно возможныхъ по законамъ природы и въ то же время совершенно неисполнимыхъ при данныхъ условіяхъ мѣста и времени. Данные условія, мѣшающія осуществленію прекрасныхъ идеаловъ,— это, конечно, штука очень нелѣпая и несносная; но, будете ли вы ихъ проклинать, будете ли вы ихъ игнорировать—это рѣшительно все равно; ни ваши проклятія, ни ваше игнорированіе не сдвинуть ихъ съ

мѣста и не принесутъ ни малѣйшей пользы вашей любимой идеѣ; вы будете, въ счастливомъ невѣденіи матеріальныхъ препятствій, ублажать себя великолѣпными теоретическими построениями, а дѣйствительная жизнь будетъ по прежнему тащиться по своей колеѣ.

Чтобы быть настоящимъ прогрессистомъ, не на словахъ а на самомъ дѣлѣ, чтобы быть реалистомъ, а не мечтателемъ, вы должны изучать данныя условія, каковы бы они ни были. Вы должны постоянно принимать ихъ въ соображеніе, вы должны даже, скрѣпя сердце, поддѣлываться къ нимъ, для того, чтобы передѣлывать ихъ по своему. Вы видите, напримѣръ, что какая нибудь любимая, высоко-гуманная и прогрессивная идея ваша осмѣяна и оклеветана тѣми людьми, которые неспособны ее понять. Испытавши такое пораженіе, вы все-таки не должны останавливаться на томъ безотрадномъ заключеніи, что общество еще не доросло до пониманія своихъ собственныхъ выгодъ. Если общество, по своей неразвитости или по какимъ нибудь другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, неспособно воспользоваться вашей идеею въ той формѣ, въ которой вы ее предложили сначала, то вы должны измѣнить эту форму и повторить вашу попытку, и повторять эти попытки до тѣхъ поръ, пока не добьетесь успѣха. Каждая великая и плодотворная идея обладаетъ такою гибкостью, эластичностью и живучестью, которая, рано или поздно, должна побѣдить или пережить всѣ препятствія. Для каждой великой и плодотворной идеи можно придумать такое скромное приложеніе, которое не покажется предосудительнымъ даже самому отъявленному рутинеру.

Эти общія размышленія о великихъ и плодотворныхъ идеяхъ прилагаются въ частности съ величайшимъ удобствомъ къ великой и плодотворной идеѣ раціональнаго воспитанія женщинъ. Нѣкоторые умные и честные люди высказали въ нашей періодической литературѣ ту мысль, что женщина должна быть дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества, что, слѣдовательно, она должна учиться и трудиться. Другіе возражали на это, также въ нашей періодической литературѣ, что женщины въ обществѣ нечего дѣлать, что ей мѣсто у семейнаго очага, что она должна быть исключительно женою, матерью и хозяйкою. Я называю этихъ возражателей людьми неумными и нечестными, потому что они прикинулись защитниками очень почтенныхъ вещей, на которыя никто не думалъ нападать. По поводу вопроса о серьезномъ научномъ образованіи женщинъ, они защищали цѣломудріе дѣвушки, которое не подвергалось ни малѣйшей опасности. По поводу вопроса объ артельномъ трудѣ, они защищали семейныя добродѣтели супруги, противъ которыхъ также никто не говорилъ худого слова. Такими дешовыми средствами они ухитрились набросить на своихъ литературныхъ противниковъ неблагоприятную тѣнь и съумѣли упрочить за собою репутацію зоркихъ и

благонамѣренныхъ блюстителей общественной нравственности. Публика, при которой производились эти незамысловатые фокусы, по своему обыкновению, благодушествовала, хлопала глазами, развѣшивала уши. Женскій вопросъ, при такихъ условіяхъ, разумѣется, сѣлъ на мель, и снимать его съ этой мели стало дѣломъ почти опаснымъ.

Мнѣ кажется, однако, что вопросъ сѣлъ на мель собственно потому, что у нашихъ прогрессистовъ не хватило практической находчивости и изворотливости. Располагая нѣкоторою дозою этихъ драгоценныхъ качествъ, можно было извлечь для даннаго вопроса самую существенную пользу даже изъ возраженій; можно было совершенно неожиданно стать на точку зрѣнія этихъ софистовъ и разбить ихъ на голову ихъ собственнымъ оружіемъ. Эти благодѣтели нашего общества твердятъ безъ умолку, что женщина должна быть исключительно женою, матерью и хозяйкою. Прекрасно. Это очень хорошо, что они высказали свои желанія, и притомъ высказали ихъ такъ неоднократно, такъ громко и торжественно, что имъ уже невозможно отъ нихъ отпереться. Теперь остается только спросить у нихъ, желаютъ ли они, чтобы женщина была *хорошею* женою, *хорошею* матерью и *хорошею* хозяйкою. Если на этотъ вопросъ они отвѣтятъ *нѣтъ*, то, можетъ быть, даже наша благодушная публика перестанетъ пить шампанское за ихъ здоровье. Если же они, какъ и слѣдуетъ того ожидать, отвѣтятъ *да*, то прогрессисты могутъ считать свое дѣло выиграннымъ и могутъ прочесть мистификаторамъ очень блистательное и очень назидательное поученіе. Послушайте вы, благодѣтели, скажутъ прогрессисты: знаете ли вы, что значитъ быть *хорошею* женою, *хорошею* матерью и *хорошею* хозяйкою? Знаете ли вы, какія для этого требуются обширныя и основательныя свѣдѣнія? Знаете ли вы, какое тутъ необходимо высокое развитіе? Знаете ли вы, какія радикальныя преобразованія надо произвести во всей системѣ женскаго воспитанія для того, чтобы это воспитаніе дѣйствительно давало обществу *хорошихъ* женъ, *хорошихъ* матерей и *хорошихъ* хозяекъ? Если вы этого не знаете, то вы — пустые фразеры. Если же вы это знаете, то вы, толкующіе безъ умолку о жонахъ, матеряхъ и хозяйкахъ, должны дѣйствовать съ нами за-одно и хлопотать еще усерднѣе насъ о серьезности о разносторонности женскаго образованія. А такъ какъ вы сами стараетесь помѣшать всему, что клонится къ образованію *хорошихъ* женъ, *хорошихъ* матерей и *хорошихъ* хозяекъ, то вы опять-таки пустые фразеры и ничтожные мистификаторы. Тѣ люди, которымъ дѣйствительно дорого процвѣтаніе и совершенствованіе русскаго семейства и русскаго хозяйства, должны отвернуться отъ вашей лицемѣрной болтовни и прислушаться къ тому, что говорятъ честные граждане и мыслящіе наблюдатели общественной жизни.

Такою филиппикою прогрессисты могли зажать ротъ непризваннымъ

*

оберегателямъ общественнаго цѣломудрія. Затѣмъ, вырвавъ изъ ихъ рукъ знамя семейныхъ добродѣтелей и убѣдивъ общество въ томъ, что эти добродѣтели не подвергаются ни малѣйшей опасности, прогрессисты могли развернуть программу того образованія, которое дѣйствительно формируетъ жонъ, матерей и хозяекъ. Эта программа, силою своей очевидной разумности, привлекла бы къ себѣ полное сочувствіе и полное довѣріе всѣхъ безпристрастныхъ и неразвращенныхъ людей нашего общества. Самые робкіе и недалковидные умы поняли бы безъ труда ея несомнѣнную практическую пользу, и великая идея женскаго образованія и женскаго труда привилась бы къ нашему обществу именно благодаря тому обстоятельству, что она явилась къ нему въ самой скромной, элементарной и неблестящей формѣ.

По вашему мнѣнію, господа филистеры, мыслящія женщины составляютъ вредную и опасную роскошь. Вы не знаете, что съ ними дѣлать. Вы повторяете стихи вашего милаго Пушкина о семинаристахъ въ желтой шали и объ академикахъ въ чепцѣ. Вамъ нужны только жоны, матери и хозяйки. Прекрасно. Будемъ формировать добросовѣстно жонъ, матерей и хозяекъ и не будемъ вовсе заботиться о формированіи мыслящихъ женщинъ. Вы, господа филистеры, останетесь спокойны и довольны, а мыслящія женщины придутъ сами собою, и когда онѣ придутъ, тогда вы будете знать, что съ ними дѣлать и тогда вы забудете или осмѣете стихи вашего милаго Пушкина.

Всѣ эти размышленія вызваны публичной лекціей Фирхова, прочитанною 20 Февраля 1865 года, въ Берлинѣ, въ пользу общества домашняго и народнаго воспитанія. Эта лекція носитъ заглавіе: «О воспитаніи женщины для ея назначенія.» Я передамъ изъ нея тѣ мѣста, которыя имѣютъ чисто-практическій характеръ.

II.

«При теперешнемъ положеніи общества, говоритъ Фирховъ, вліяніе отца на дѣтей несравненно болѣе слабо, чѣмъ въ прежнія времена, когда сословіе, занятія, ремесло отца заранѣе рѣшали вопросъ о томъ, къ какому сословію, къ какимъ занятіямъ, къ какому ремеслу будетъ принадлежать ребенокъ. Движеніе общества, становясь съ каждымъ днемъ болѣе свободнымъ, даетъ возможность даже ребенку простолюдина выбирать себѣ свое будущее назначеніе по собственному желанію; вслѣдствіе этого, на основаніи весьма понятныхъ психологическихъ при-

чинъ, сила отцовскаго вліянія уменьшается; а съ другой стороны, постоянно возрастающее раздѣленіе труда и перенесеніе рабочихъ центровъ прочь отъ домашняго очага отнимаютъ также у отцовъ и физическую возможность слѣдить постоянно за воспитаніемъ дѣтей. Такимъ образомъ, усиливается то вліяніе, которое сама природа отводитъ матери, хозяйкѣ дома».

Фирховъ приходитъ къ тому общеизвѣстному заключенію, что воспитаніе продростающихъ поколѣній составляетъ высшее назначеніе женщины.

«Забота о мужѣ, продолжаетъ онъ, стоитъ уже на второмъ планѣ. Мужъ прежде всего долженъ заботиться самъ о себѣ, и подмога жены должна быть для него именно только подмогою. Въ общемъ домашнемъ хозяйствѣ мужу принадлежать, естественнымъ образомъ, внѣшнія заботы, а женѣ—внутреннія. Обратный порядокъ вещей никогда не превратится въ общее правило, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ возможенъ и даже совершенно законенъ. Но если бы этотъ обратный порядокъ сдѣлался общимъ правиломъ, если бы вообще люди попробовали осуществить ту *эманципацию женщины*, къ которой стремились нѣкоторые отдѣльные кружки со временъ французской революціи, — то это могло бы произойти только въ ущербъ семейству. Этого никогда и не отрицали послѣдовательные мыслители, занимавшіеся этой задачею. Эманципация женщины, разрушеніе семейства, гуртовое воспитаніе дѣтей съ пеленокъ, — все это неизбѣжно идетъ одно къ одному. По странному смѣшенію понятій, это считалось послѣдовательнымъ проведеніемъ идеи свободы. Но тутъ надо помнить одно: все, что выигрываетъ при этомъ женщина, не столько въ свободѣ, сколько въ своеволіи, то теряетъ ребенокъ. Вся обезпеченность индивидуальнаго развитія, на которомъ основаны полное чувство личности и отвѣтственности и всѣ ручательства независимости, порядка и свободы, — утратилась бы совершенно при гуртовомъ воспитаніи дѣтей. Вся будущность человѣчества была бы поставлена на карту для того, чтобы осуществить произвольно-придуманную и притомъ все-таки только мнимую свободу женщины».

Видите, господа филистеры, какой благонадежный человѣкъ Фирховъ! Даже порицаетъ эманципацию женщинъ и даже за будущность человѣчества трепещетъ. И я нарочно привелъ вамъ все это мѣсто, для того, чтобы вы возликовали, и для того, чтобы, вслѣдъ затѣмъ, вы немедленно убѣдились въ преждевременности и неосновательности вашего ликованія. Вы подумайте только, *какую* эманципацию женщинъ осуждаетъ Фирховъ? Развѣ ту, на которую нападали вы? Нѣтъ-съ, извините, совсѣмъ не ту. О той эманципации женщинъ, которая находится въ ближайшей и непосредственной связи съ французскими мыслителями XVIII вѣка и ихъ послѣдователями нашего времени, у насъ не было

никогда ни слуху, ни духу. Вспомните, что въ нашей журналистикѣ проводились по этому вопросу исключительно идеи чисто-англійскаго или англо-американскаго происхожденія. Вспомните, что краеугольнымъ камнемъ всѣхъ нашихъ прогрессивнѣйшихъ разсужденій о женщинахъ оказалась извѣстная статья солиднѣйшаго англійскаго ученаго, Джона Стюарта Милля, который такъ же похожъ на сень-симониста или на фурьериста, какъ г. Катковъ на В. Гюго. Вспомните, что самымъ крайнимъ выраженіемъ радикализма считается со стороны нашихъ женщинъ отрицаніе косы и кринолина. Вспомните, что самыя отпѣтыя изъ нашихъ озорницъ требуютъ себѣ только науки и труда. Вспомните все это — и тогда вы убѣдитесь въ томъ, что если бы вы обратились къ Фирхову съ жалобою на нашихъ прогрессистовъ и на нашихъ эманципированныхъ женщинъ, и если бы вы, въ подтвержденіе вашихъ жалобъ, представили ему самыя поразительныя факты изъ нашей жизни и изъ нашей печати, то Фирховъ пришелъ бы въ крайнее недоумѣніе и спросилъ бы у васъ съ самымъ искреннимъ изумленіемъ: да на что же вы жалуетесь? И что вы тутъ видите дурного? И гдѣ вы тутъ ухитрились откопать эманципацію женщинъ? — Легко можетъ быть, что Фирховъ, съ самымъ неподдѣльнымъ соболѣзнованіемъ, пощупалъ бы даже вашъ пульсъ и освѣдомился бы о вашемъ здоровьи.

Выгородивъ, такимъ образомъ, совершенно нашъ вопросъ о женскомъ образованіи и о женскомъ трудѣ, я могу теперь замѣтить изъ безкорыстной любви къ истинѣ, что трепетанье Фирхова за будущность чело-вѣчества составляетъ въ его лекціи такое ораторское украшеніе, которому самъ Фирховъ, какъ очень умный человѣкъ, конечно, не могъ придавать никакого серьезнаго значенія. Дѣйствительно, если эманципація женщинъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее нѣкоторые французскіе мыслители, идетъ въ разрѣзъ съ естественными стремленіями чело-вѣческаго организма, то она останется навсегда неосуществимою мечтою, потому что всѣ эти французскіе мыслители не имѣли и никогда не будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи, для распространенія своихъ идей, никакихъ средствъ, кромѣ словесной и печатной проповѣди. Въ такомъ случаѣ, ихъ заблужденіе никому не опасно и ни для кого незаразительно; стало быть, незачѣмъ и трепетать за будущность чело-вѣчества.

Можно замѣтить вообще, что всеневная жизнь людей слагается всегда не по искусственнымъ теоріямъ, а по законамъ природы. Когда и что ѣсть, когда и какъ спать, какъ обращаться съ женой и съ дѣтьми, — все это такіе вопросы, на которые огромное большинство людей никогда не согласится искать отвѣта въ той или другой книгѣ. Масса будетъ жить такъ, какъ она привыкла; привычки ея, безъ сомнѣнія, измѣняются, но ихъ измѣняютъ важныя историческія событія, а не

гнѣжныя теоріи. Введеніе картофеля, распространеніе желѣзныхъ дорогъ, примѣненіе химіи къ земледѣлію, развитіе машиннаго производства, вліяніе кооперативныхъ обществъ — вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ явленій жизни, которыя перевоспитываютъ массу, то есть, измѣняютъ ея основныя привычки, иногда въ хорошую, а иногда и въ дурную сторону. Книжная теорія можетъ также подѣйствовать на массу, но не прямо, то есть, не такъ, что масса прочтетъ книгу и, въ одинъ прекрасный день, скажетъ: «давайте осуществлять теорію». Чтобы подѣйствовать на массу, книжная теорія должна сначала воплотиться въ жизни очень небольшого кружка самыхъ усердныхъ и вѣрующихъ адептовъ. Этотъ небольшой кружокъ сдѣлается зародышемъ чисто-практическаго движенія. Къ нему начнутъ примыкать понемногу новыя кружки, и члены этихъ кружковъ, подчиняясь указаніямъ теоріи въ своей всенедельной жизни, будутъ исподоволь приобрѣтать себѣ новыя привычки. Войдя, такимъ образомъ въ жизнь, какъ воспитательный элементъ, теорія передѣлаетъ характеры и взаимныя отношенія своихъ адептовъ. Такъ поступили, напримѣръ, съ своими адептами теоріи квакерства и мармонизма. Если теорія такъ сильна по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, что она можетъ подчинить своему господству цѣлое общество, то эти же самыя внутреннія достоинства, упрочившія за нею побѣду, устранятъ также и тѣ второстепенныя неудобства, которыя могли бы отравить ея благотворное вліяніе.

«Но меня спросятъ, продолжаетъ Фирховъ, неужели единственное назначеніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть женою, матерью? Конечно, нѣтъ. Многимъ женщинамъ совсѣмъ не суждено сдѣлаться супругами и матерями, и, разумѣется, о такихъ женщинахъ нельзя сказать, что призваніе ихъ — быть *старыми дѣвами*. Судьба человѣка и его призваніе — двѣ вещи разныя. Даже для супруги и для матери вся задача жизни вовсе не ограничивается тѣмъ, чтобы быть именно только супругою и матерью. Многимъ женщинамъ даны отъ природы самыя обширныя средства дѣйствовать на судьбу человѣчества, и я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія сомнѣваться въ томъ, что женщина способна посвящать себя разрѣшенію такихъ болѣе общихъ задачъ. Пусть каждая отдѣльная личность сама обдумываетъ и рѣшаетъ, какая дѣятельность соотвѣтствуетъ размѣрамъ ея личныхъ силъ. Современное общество отчасти уже выработало въ себѣ, отчасти еще вырабатываетъ, какъ естественный результатъ дальнѣйшаго развитія, ту степень индивидуальной свободы, которая необходима для того, чтобы и женскій полъ самостоятельно (*selbstthätig*) принималъ надлежащее участіе въ разрѣшеніи общихъ задачъ человѣчества».

Да, *selbstthätig*! Я не даромъ выписывалъ это нѣмецкое слово, которое доказываетъ совершенно очевидно, что Фирховъ непременно

пощупаетъ вашъ пульсъ, если вы пойдете жаловаться ему на русскую эманципацию женщинъ. Вы ужъ лучше и не ходите.

III.

«Почти 200 лѣтъ тому назадъ, говоритъ Фирховъ, почтенный Фенелонъ написалъ слѣдующія слова: «женщину слѣдуетъ обучать тому, что составляетъ задачу ея жизни. Ей придется наблюдать за воспитаніемъ дѣтей, — сыновей до извѣстнаго возраста, дочерей до ихъ замужества, наблюдать за образомъ жизни, за нравственностью и за службою домо-чадцевъ, наблюдать за всѣмъ ходомъ хозяйства, за расходами и т. д. Въ этомъ заключается ея обязанность и по этимъ предметамъ она должна обладать свѣдѣніями». — «Но, продолжаетъ Фирховъ, эти слова окажутся благочестивыми желаніями, если мы сравнимъ ихъ съ общимъ состояніемъ женскихъ училищъ, какъ они существовали въ XVIII столѣтіи и какъ они существуютъ даже въ XIX-мъ. Ни высшія, ни низшія женскія школы не стремятся къ той цѣли, чтобы воспитывать *для жизни*. Онѣ, можетъ быть, развертываютъ умственные способности воспитанницъ для впечатлѣній искусства и науки; онѣ, можетъ быть, доставляютъ имъ обильный запасъ знаній, выучиваютъ ихъ разнымъ искусствамъ, изоцряютъ ихъ въ различныхъ отрасляхъ женскаго рукодѣля; онѣ, можетъ быть, готовятъ даже хорошихъ учительницъ. но онѣ не образуютъ хозяекъ (Hausfrauen). Когда я говорю «хозяйка», то, послѣ всего вышесказаннаго, я подразумѣваю тутъ не только супругъ и матерей, но вообще такихъ женщинъ, которыя сознательно могутъ взять въ свои руки всѣ отрасли домашняго управленія, — такихъ женщинъ, которыя самостоятельно могутъ заниматься ухаживаніемъ за дѣтьми, попеченіями о больныхъ, кухнею, садомъ. Поэтому я оставляю здѣсь совершенно въ сторонѣ специальный вопросъ о «воспитаніи женщины для мужа»; я также не буду касаться здѣсь вопроса о «воспитаніи женщины для общества». По моему мнѣнію, какъ первый, такъ и второй вопросъ предполагаютъ непременно *воспитаніе женщины для дома*. Но какъ должно быть ведено это воспитаніе? Мнѣ скажутъ, что подобное воспитаніе не составляетъ задачи женскихъ школъ и пансіоновъ. Да, я долженъ признаться, что имъ не задавали этой задачи и что отъ нихъ даже не справедливо было бы требовать ея разрѣшенія. Но, тѣмъ не менѣе, сама жизнь ставитъ эту задачу. Вѣдь навѣрное же для большинства молодыхъ дѣвушекъ наступитъ когда нибудь такое время, когда

имъ придется нянчить дѣтей, ухаживать за больными, завѣдывать кухней, погребомъ или садомъ. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, можно думать, что все это дѣлается само собою, что все это изучается въ одну минуту? Сколько горькихъ опытовъ приходится тутъ пережить, какъ много тяжелыхъ заботъ приходится перенести! Какое множество браковъ было бы гораздо счастливѣе, если бы время перваго ученя было пережито раньше свадьбы! Какъ часто случается, что положеніе супруги было бы гораздо самостоятельнѣе, если бы она во время своей дѣвической жизни была лучше приготовлена къ супружеству! Много необходимыхъ свѣдѣній можно усвоить себѣ теоретически; ко многому можно приготовиться посредствомъ теоріи; заботы объ этой теоретической части женскаго воспитанія составляютъ, конечно, прямую обязанность женскихъ школъ.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о тѣлесномъ уходѣ, собственно о *тиленъ*. Никому не придетъ въ голову та мысль, что суевѣрныя примѣты, доходящія до насъ путемъ изустнаго преданія, рисуютъ намъ, хотя бы въ самыхъ грубыхъ очеркахъ, картину жизни здороваго и больного организма. Естествознаніе, преподаваемое въ женскихъ школахъ, подрываетъ отчасти авторитетъ этого преданія, но оно не ставитъ на ея мѣсто ничего цѣлостнаго. Конечно, анатомія и физиологія — такія науки, о которыхъ думали прежде, что онѣ не смѣютъ показываться въ хорошемъ обществѣ, и что молодыя дѣвушки, по возможности, не должны даже подозрѣвать ихъ существованія. Но то, что естественно, не всегда бываетъ опасно, даже въ томъ случаѣ, когда оно является въ полной наготѣ; опытъ научилъ насъ, что прикрываніе бываетъ часто гораздо опаснѣе. Кромѣ того, мы не настаиваемъ на томъ, чтобы въ женскихъ школахъ читался полный курсъ анатоміи и физиологіи, и, конечно, всегда найдется возможность выбрать изъ этихъ наукъ тѣ отдѣлы, которые не подѣйствуютъ возмущающимъ образомъ ни на какую душу».

По тону Фирхова видно, что эту послѣднюю уступку онъ дѣлаетъ очень неохотно; и можно сказать рѣшительно, что онъ дѣлаетъ ее совершенно напрасно; онъ самъ высказалъ ту мысль, что знаніе естественнаго закона неопасно и что прикрываніе бываетъ опаснѣе наготы; эту мысль онъ долженъ былъ выдержать до конца и провести до самыхъ крайнихъ ея послѣдствій. Если только допустить систему утаиваній и закрываній, то невозможно будетъ опредѣлить заранѣе, гдѣ остановится маскирующая дѣятельность педагоговъ. Вѣдь тогда и о пищевареніи придется говорить съ деликатными выпусками; пока пища находится въ желудкѣ, тогда еще куда не шло; но когда она попадетъ въ такое неприличное мѣсто, какъ кишечный каналъ, тогда стыдливому преподавателю, конечно, придется потерять ее изъ виду. А ужъ о прямой кишкѣ онъ даже и подумать посовѣстится во время своего пребыванія въ стѣ-

нахъ женской школы. Какъ поставить что нибудь *цѣлостное* на мѣсто преданій народной медицины? И если преподавать анатомію и физиологію съ нѣкоторыми опущеніями, то зачѣмъ же отзывать съ насмѣшкою о тѣхъ временахъ, когда анатомія и физиологія не смѣли показываться въ хорошемъ обществѣ? Нѣтъ, нехорошо поступилъ тутъ Фирховъ. Онъ уже черезчуръ дружелюбно и ласково относится здѣсь къ предрасудкамъ, противъ которыхъ можетъ и долженъ сказать свое полное и откровенное слово такой авторитетъ науки, какъ Рудольфъ Фирховъ. Если такіе люди, какъ Фирховъ, будутъ церемониться и видать хвостомъ передъ общественными предрасудками, то у кого же хватить рѣшимости вступить съ ними въ борьбу и, самое главное, у кого хватитъ нравственнаго авторитета на то, чтобы заставить общество выслушать и принять разумное мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ господствующимъ заблужденіемъ?

«Чтобы завѣдывать кухней правильнаго хозяйства, продолжаетъ Фирховъ, надо же знать, что удобоваримо и что нѣтъ. Хозяйка обыкновенно усваиваетъ себѣ это знаніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посредствомъ опыта. Для этого нѣсколько членовъ семейства должны сначала неоднократно испортить себѣ желудки. Но почему именно они себѣ испортили желудки, этого хозяйка все-таки не узнаетъ, и черезъ нѣсколько времени это происшествіе повторяется снова, и набирается, такимъ образомъ, запасъ опытныхъ знаній. На сколько этотъ родъ опытовъ недостаточенъ для того, чтобы на нихъ можно было основать цѣлесообразное приготовленіе кушаній, это очень ясно видно изъ того обстоятельства, что во вѣднейшей жизни считается удобоваримымъ все, что непроизводитъ боли въ желудкѣ или въ животѣ. А между тѣмъ, удобоваримо только то, что дѣйствительно переваривается, то есть, растворяется и *входитъ въ кровь*. Удобоваримое можетъ сдѣлаться вреднымъ, а неудобоваримое можетъ только быть потрачено даромъ. А пища маленькихъ дѣтей—какъ ошибоченъ бываетъ часто ея выборъ! И сколько кушаньевъ, которыя можно было бы ѣсть безъ вреда, подаются на столъ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ бы это нужно было для успешнаго хода пищеваренія!»

За этотъ гениальный маневръ Фирхова читатель можетъ ему простить даже его разсужденіе о цѣломудренной анатоміи. Онъ попалъ въ слабую струну филистеровъ. Онъ понялъ, что на нихъ надо дѣйствовать желудочными аргументами. Хотя они обыкновенно прикидываются идеалистами, хотя они съ добродѣтельнымъ ужасомъ относятся къ реальному и утилитарному направленію, которое, по ихъ мнѣнію, включаетъ человѣка въ разрядъ безсловесныхъ скотовъ,—однако, на самомъ дѣлѣ, они живутъ исключительно въ желудокъ и въ немъ обрѣтаютъ себѣ весь смыслъ и всю поэзію человѣческаго существованія. Поэтому Фир-

ховъ поражаетъ ихъ именно въ желудокъ. Смотрите, филистеры, говорить онъ имъ, учите вашихъ маленькихъ дочерей уму-разуму, а то у васъ, на старости лѣтъ, каждый день будетъ животъ болѣть по ихъ милости. Онѣ будутъ мстить вамъ за свое невѣжество самымъ естественнымъ и, въ то же время жестокимъ образомъ. Онѣ будутъ учиться физиологiи надъ вашими почтенными особами. Онѣ будутъ производить химическіе опыты надъ вашими собственными животами. Нравится ли вамъ такая мрачная перспектива? Пріятно ли солидному гражданину и отцу семейства играть въ отношеніи къ собственной дочери ту пассивную роль, которую выполняютъ кролики и собаки на столѣ у профессора экспериментальной физиологiи? Надъ этимъ, господа, стоитъ вамъ призадуматься.

IV.

«Для того, продолжаетъ Фирховъ, чтобы судить объ этихъ простѣйшихъ вещахъ, надо же, по крайней мѣрѣ, знать, какъ устроенъ желудокъ и какимъ манеромъ онъ ухитряется переваривать пищу и нитье, и изъ какихъ составныхъ частей состоятъ кушанья и напитки, и что дѣлается съ этими составными частями въ человѣческомъ тѣлѣ, и на что онѣ пригодны, и такъ далѣе. Для всего этого требуется не только кое-что изъ физиологiи, но также кое-что изъ химіи, изъ ботаники и многое другое. И это знаніе должно быть не ви́шнимъ знаніемъ, не собраннымъ изъ отрывочныхъ доскутковъ, не такимъ, при которомъ надо было бы долго размышлять, чтобы додуматься до того, какъ надо дѣйствовать; это знаніе должно быть цѣльнымъ и живымъ знаніемъ, такъ чтобы оно во всякую данную минуту было подъ руками и чтобы оно постоянно само собою поддерживало и направляло работу мысли. Въ такомъ же точно положеніи находятся вопросы о согрѣваніи и о пріученіи къ холоду, о вентиляціи и объ отопленіи, объ одѣваніи и объ устройствѣ постели. Всѣ эти вопросы могутъ быть обработаны теоретически и основные принципы ихъ могутъ быть изложены такъ просто, что самое посредственное пониманіе усвоитъ ихъ легко и запомнить ихъ отчетливо. Все это можно было бы преподавать въ каждой школѣ дѣвушкамъ старшаго возраста».

Всѣ эти совѣты Фирхова замѣчательно-хороши именно потому, что они одинаково убѣдительны, какъ для самыхъ трусливыхъ консерваторовъ, такъ и для самыхъ размахистыхъ прогрессистовъ. Консерваторы должны принять эти совѣты съ восторгомъ; женщину хотятъ готовить

для семейства; изъ нея хотятъ сформировать образцовую хозяйку; чего же лучше? Вѣдь это завѣтный идеалъ консерваторовъ; вѣдь этимъ идеаломъ они постоянно поражаютъ всѣхъ своихъ противниковъ по женскому вопросу; вѣдь только за неприкосновенность этого идеала они и сражаются съ такъ называемыми эманципаторами женщины. Но, приводя въ восторгъ консерваторовъ, совѣты Фирхова, въ то же время, совершенно удовлетворяютъ и прогрессистовъ. Въ своихъ надеждахъ и желаніяхъ, въ своихъ взглядахъ на будущее, обѣ партіи остаются, конечно, въ непримиримомъ разногласіи. Одни надѣются, что женщина засядетъ въ кухнѣ и въ дѣтской и углубится въ научное штопанье, въ научное стиранье грязнаго бѣлья и въ столь же научное приготовленіе превосходнѣйшихъ кулебякъ. Другіе питаютъ въ своихъ преступныхъ душахъ совѣмъ другія надежды; они не отрицаютъ ни бѣлья, ни кулебякъ, но они осмѣливаются думать, что каждая умная и образованная женщина, поддерживая порядокъ въ своемъ домѣ, сдумаетъ оставить въ своей жизни очень просторное мѣсто для такихъ идей и дѣйствій, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ бѣльемъ, ни съ кулебякою. Но пусть каждая партія надѣется по своему; кто изъ нихъ угадывалъ вѣрно фізіономію будущаго и кто ошибался въ своихъ расчетахъ—это видно будетъ впоследствии; спорить и горячиться изъ-за надеждъ и желаній рѣшительно не стоитъ; стоило бы спорить и горячиться только въ томъ случаѣ, если бы въ данную минуту существовали два противоположныя мнѣнія на счетъ того, *какъ надо поступать* въ разбираемомъ вопросѣ. Но двухъ противоположныхъ мнѣній быть не можетъ. Рисуите себѣ какой угодно идеалъ—образцовую хозяйку или мыслящую женщину—это все равно: въ данную минуту наша женщина стоитъ одинаково далеко, какъ отъ перваго изъ этихъ идеаловъ, такъ и отъ второго: чтобы сдвинуть ее съ мѣста и чтобы сколько нибудь приблизить ее къ тому или къ другому идеалу, ей, во всякомъ случаѣ, надо дать образованіе. Вотъ это, значитъ, первый пунктъ, на которомъ должны согласиться между собою всѣ оттѣнки мнѣній. Кромѣ того, они сойдутся еще и на второмъ пунктѣ. Спрашивается: какое образованіе надо дать женщинѣ? Обогаатели образцовой хозяйки скажутъ, конечно, что ей надо дать такое образованіе, которое выучило бы ее хозяйничать. А Фирховъ доказываетъ ясно, какъ дважды два—четыре, что благоразумное хозяйничаніе немыслимо безъ основательной теоретической подготовки, и что эта подготовка должна состоять въ изученіи природы вообще и человѣческаго организма въ особенности. То есть, другими словами: обогаатели образцовой хозяйки, если у нихъ есть въ головѣ капля здраваго смысла, должны настоятельно требовать, чтобы женщинѣ было дано обширное, серьезное и, притомъ, *реальное* образованіе. Ну, и слава тебѣ Господи! Обогаатели мыслящей женщины только этого въ данную минуту и желаютъ.

Программа Фирхова превосходна въ томъ отношеніи, что она соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества общаго и спеціальнаго образованія,— такого, которое должно выпускать женщину прямо изъ школы въ жизнь, и такого, которое должно готовить ее для болѣе серьезныхъ научныхъ занятій. Пройдя черезъ школу, устроенную по идеѣ Фирхова, однѣ дѣвушки, одаренныя обыкновенными умственными способностями, сдѣлаются хорошими хозяйками, а другія, болѣе даровитыя, получаютъ такой толчекъ впередъ, что поймутъ ясно свое призваніе и, смотря по складу своего ума, сдѣлаются медиками, натуралистами, механиками, технологами, мыслительницами, писательницами, вообще чѣмъ угодно. Школа, готовившая ихъ преимущественно или даже исключительно для хозяйственной дѣятельности, заложитъ въ ихъ умныя головы, благодаря своему реальному направленію, такой прочный фундаментъ дѣльныхъ мыслей и основательныхъ знаній, который пригодится имъ на всякомъ житейскомъ поприщѣ и изощритъ ихъ умственные способности для всякой дальнѣйшей работы.

Спеціальное образованіе обыкновенно стѣсняетъ умственный кругозоръ учащагося и нерѣдко уродуетъ человѣка для того, чтобы сформировать искусснаго ремесленника. Но этотъ упрекъ совершенно неприменимъ въ тому спеціальному образованію, которое Фирховъ рекомендуетъ женщинамъ. Такое спеціальное образованіе, которое цѣликомъ основано на изученіи природы, оказывается неизмѣримо выше всѣхъ возможныхъ общихъ образованій. Если бы предложили умнѣйшему изъ прогрессистовъ составить такой планъ женскаго образованія, который, не клонясь ни къ какимъ спеціальнымъ цѣлямъ, долженъ былъ бы направляться исключительно къ тому, чтобы развернуть и укрѣпить всѣ умственные способности ученицъ,—то прогрессистъ, навѣрное, пришелъ бы къ тѣмъ самымъ практическимъ выводамъ, къ которымъ подошелъ Фирховъ съ другой стороны, посредствомъ анализа чисто-хозяйственныхъ потребностей, недосмотровъ и недостатковъ. Та практическая тенденція, которую Фирховъ рекомендуетъ женскимъ школамъ, имѣетъ очень важное и очень полезное значеніе для общаго развитія умственныхъ способностей. То значеніе, которое усвоивается для того, чтобы потомъ прикладываться къ дѣлу, должно быть непременно живымъ и цѣльнымъ знаніемъ. Химія, ботаника и фзіологія, которыя должны каждый день являться на помощь къ будущей хозяйкѣ, стоящей передъ кухонной плитою, будутъ конечно, изучаться не такъ, какъ изучаются теперь въ женскихъ и даже въ мужскихъ заведеніяхъ разныя науки, необходимыя только для того, чтобы придать блескъ выпускному экзамену и занять почетное мѣсто въ аттестатѣ или въ дипломѣ. Если только мысли Фирхова когда нибудь найдутъ себѣ достойныхъ исполнителей, то во многихъ европейскихъ государствахъ молодые люди мужскаго пола принуждены бу-

дуть завидовать тому образованію, которое будутъ получать прусскія дѣвушки.

V.

«Но, продолжаетъ Фирховъ, и основные принципы *душевной гигиены*— преимущественно въ приложеніи къ дѣтямъ, — могутъ безъ труда быть развиты въ общихъ чертахъ. Педагогическихъ образцовъ имѣется достаточно; ихъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ діетическихъ и гигиеническихъ образцовъ; и молодая мать стала бы смотрѣть съ болѣе смѣлостью и самоувѣренностью на своего перваго младенца, если бы она не принуждена была сознаваться самой себѣ, что онъ—ея *пробный ребенокъ*, тотъ ребенокъ, надъ которымъ она, болѣе или менѣе самостоятельно, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, должна производить свои педагогическіе эксперименты. Нечего грѣха таить, наше домашнее воспитаніе стоитъ до сихъ поръ на томъ низкомъ уровнѣ развитія, на которомъ находилось въ прошедшемъ столѣтіи народное хозяйство. Это—чисто первобытное хозяйство. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы ввести въ жизнь *науку воспитанія*, которая положила бы конецъ производству безконечныхъ педагогическихъ экспериментовъ и воспитанію дѣтей по неопредѣленнымъ слухамъ».

Такимъ образомъ, Фирховъ вводитъ въ свою программу еще новую черту, которая окончательно отстраняетъ отъ нея всякій упрекъ въ односторонности. Изучая химію, ботанику, анатомію, физиологію и другія отрасли естествознанія, дѣвушки должны, кромѣ того, знакомиться съ тѣми законами, по которымъ развиваются и крѣпнутъ, съ самаго ранняго дѣтства, умъ и характеръ человѣка. Теоретическая часть *науки воспитанія*, какъ понимаетъ ее Фирховъ, должна, конечно, заключать въ себѣ сводъ наблюденій, рисующій передъ ученицами полную и вѣрную картину тѣхъ психическихъ видоизмѣненій, черезъ которыя проходитъ ребенокъ, начиная отъ колыбели и кончая юношескимъ возрастомъ. Эта теоретическая часть должна быть направлена преимущественно къ тому, чтобы заставить молодую дѣвушку уважать въ ребенкѣ будущаго человѣка.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашего воспитанія состоитъ именно въ томъ, что мы слишкомъ легко и, смотря по нашему минутному настроенію, то слишкомъ игриво, то слишкомъ презрительно относимся къ мыслямъ, чувствамъ, желаніямъ и требованіямъ дѣтей. Намъ почти никогда не приходитъ въ голову, что ребенокъ есть человѣческая лич-

ность, не только имѣющая, но даже сознающая свои естественныя и неотъемлемыя права. Мы почти никогда не умѣемъ сообразить, что, легкомысленно нарушая законныя права ребенка, мы приучаемъ его смотрѣть съ такимъ же нахальнымъ легкомысліемъ на права другихъ людей, съ которыми ему впослѣдствіи придется имѣть сношенія. Ежеминутно оскорбляя ребенка нашею невнимательностью къ его разумнымъ желаніямъ, требованіямъ и возраженіямъ, мы ежеминутно, ни къ селу, ни къ городу, подольщаемся къ нему то ласками, то поцѣлуями, то пряниками. Такимъ образомъ, мы какъ-будто нарочно воспитываемъ въ ребенкѣ презрѣніе къ нашему уму и нашему характеру, а потомъ, когда плоды нашей педагогической безтолковщины начинаютъ созрѣвать, мы начинаемъ выть и орать, что злонамѣренная журналистика выдумала молодое поколѣніе и посѣяла раздоръ между отцами и дѣтьми.

Всѣ эти печальныя явленія нашей вседневной жизни происходятъ преимущественно оттого, что наше домашнее воспитаніе есть *«чисто первобытное хозяйство»*, то есть, оттого, что мы не имѣемъ никакого понятія о самыхъ элементарныхъ истинахъ опытной психологіи. Мы знаемъ, напримѣръ, очень хорошо, что пятилѣтній мальчикъ лѣтъ черезъ пятнадцать сдѣлается двадцати-лѣтнимъ юношею; но изъ этого положенія мы не умѣемъ вывести самыхъ естественныхъ и необходимыхъ послѣдствій; мы не умѣемъ понять, что въ нервной системѣ пятилѣтняго мальчика заключается, въ видѣ зародыша, весь складъ ума, весь темпераментъ и весь характеръ будущаго мужчины, и что этотъ зародышъ разовьется правильно или уродливо, разцвѣтетъ или зачахнетъ, смотри потому, будемъ ли мы своимъ влияніемъ содѣйствовать или мѣшать его развитію, будемъ ли мы охранять лабораторію молодой мысли отъ всякихъ постороннихъ посягательствъ, или же, напротивъ того, врываться въ эту лабораторію съ нашими глупыми фантазіями и съ нашимъ грубымъ самодурствомъ.

Для того, чтобы мы дѣйствительно проникнулись глубокимъ уваженіемъ къ тому живому матеріалу, который мы имѣемъ подъ руками въ дѣлѣ воспитанія, мы нуждаемся, конечно, не въ умилительныхъ наставленіяхъ о великой задачѣ воспитателя, не въ риторическихъ словоизліяніяхъ объ отвѣтственности передъ обществомъ и передъ собственною совѣстью, а именно въ томъ, чтобы мыслящіе наблюдатели нарисовали намъ полную и вѣрную картину развитія отдѣльнаго человѣка. Глядя на эту картину, вдумываясь во всѣ ея подробности, замѣчая, что одна фаза вытекаетъ необходимо изъ другой, что всѣ эти фазы неразрывно связаны между собою, что онѣ взаимно объясняютъ другъ друга и что взрослый юноша, вступающій въ дѣйствительную жизнь, есть ни что иное, какъ продуктъ и результатъ впечатлѣній, пережитыхъ имъ въ родительскомъ домѣ и въ школѣ, — каждая мать семейства пойметъ,

глубоко прочувствуетъ и навсегда запомнить ту великую истину, что во всей человѣческой жизни нѣтъ ни одной минуты, въ которую было бы позволительно относиться къ человѣку легкомысленно и безопасно, и что человѣкъ имѣетъ полное и неотъемлемое право на уваженіе своихъ ближнихъ съ самаго своего появленія на свѣтъ.

Любопытно замѣтить, что законодательство всѣхъ образованныхъ народовъ обогнало въ этомъ отношеніи права всендневной жизни. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ жизнь и собственность грудного ребенка ограждены такъ же прочно, какъ жизнь и собственность всѣхъ остальныхъ гражданъ. Законъ признаетъ права человѣка съ минуты его рожденія; но тамъ, гдѣ прекращается охранительное дѣйствіе закона, — тамъ начинается полный произволъ взрослыхъ; отецъ не смѣетъ ни убить, ни обобрать своего ребенка, но онъ нисколько не посовѣтится высѣчь его безвинно, прикрикнуть на него ни за что ни про что, дать ему неисполнимое приказаніе и заставить его молчать, когда ребенокъ представляетъ ему дѣльные возраженія. А между тѣмъ, всѣ эти проявленія родительской халатности ложатся грязными пятнами и безобразными рубцами на характеръ будущаго человѣка; всѣ они отзываются болѣзненно на самихъ же родителяхъ; и всѣ они могли бы найти себѣ крѣпкую узду въ основательномъ изученіи законовъ человѣческаго развитія.

Мы увидимъ сейчасъ, какъ серьезно понимаетъ Фирховъ то преподаваніе педагогики, которое онъ рекомендуетъ женскимъ училищамъ.

«Конечно, говорить онъ, я не держусь того мнѣнія, что такая *наука воспитанія* окажется достаточною, если она будетъ преподаваться въ женскихъ школахъ *только* теоретически. Не думаю я также, чтобы слѣдовало предоставлять на произволъ судьбы изученіе *педагогической практики*, которая, такимъ образомъ, усвоивалась бы старшею сестрою только въ томъ случаѣ, если журавлю заблагоразсудится принести ей еще братца или сестрицу. Надо устроить такъ, чтобы *педагогическая практика* сдѣлалась одною изъ нормальныхъ составныхъ частей женскаго воспитанія».

Разумѣется, Фирховъ не ограничивается однимъ голымъ заявленіемъ существующей потребности; онъ показываетъ, какимъ образомъ можно удовлетворить эту потребность. Эта часть его лекціи составляетъ ея лучшее украшеніе. Тутъ Фирховъ подаетъ мысль дѣйствительно новую, очень оригинальную и до такой степени простую и удобоисполнимую, что остается только удивляться тому, какимъ образомъ она могла оставаться до сихъ поръ новою и оригинальною въ Германіи, въ классической странѣ педагогики. Впрочемъ, одна изъ характеристическихъ особенностей всѣхъ замѣчательныхъ умовъ состоитъ именно въ томъ, что они умѣютъ открывать новыя стороны въ такихъ предметахъ, которые

всѣмъ давно извѣстны и всѣ давно успѣли намоволить глаза. А потомъ, когда замѣчательный умъ подалъ новую мысль, тогда всѣ начинаютъ удивляться тому, какъ это они сами давнымъ-давно не додумались до такой простой и очевидной истины.

VI.

«Для того, продолжаетъ Фирховъ, чтобы большинство молодыхъ дѣвушекъ могли изучить практическую часть педагогики, надо воспользоваться тѣми учреждениями, которыя находятся подъ руками и которыя могутъ быть созданы повсемѣстно, каждою общиною (Gemeinde) и каждымъ обществомъ (Verein). Я подразумеваю здѣсь заведенія для храненія маленькихъ дѣтей (Kleinkinderbewahranstalten), такъ называемыя ясли (Krippen) и дѣтскіе сады (Kindergärten). Они совершенно приспособлены къ тому, чтобы играть въ развитіи созрѣвающаго женскаго поколѣнія ту роль, которую играютъ больница и клиника въ образованіи молодого медика. Они могутъ сдѣлаться образовательными заведеніями, въ которыхъ будетъ изучаться на практикѣ воспитаніе дѣтей, какъ съ физической, такъ и съ моральной стороны. Можно пользоваться и другими заведеніями, тамъ, гдѣ они существуютъ, на примѣръ, воспитательными домами (Findelhäuser) и сиротскими пріютами, но ужь дѣтскіе сады и заведенія для храненія маленькихъ дѣтей можно имѣть почти повсемѣстно».

Написавши эти слова Фирхова, я вспомнилъ, что очень недавно я встрѣтилъ въ одномъ журналѣ, кажется, въ «Современникѣ», извѣстіе о первомъ дѣтскомъ садѣ, заведенномъ въ Петербургѣ госпожею Люгембилъ. Въ самомъ прогрессивномъ изъ русскихъ городовъ, въ Петербургѣ, только-что начинаетъ появляться то, что, по словамъ Фирхова, встрѣчается въ Пруссіи на каждомъ шагу, то есть, почти въ каждой деревнѣ, и ужь навѣрное въ каждомъ изъ самыхъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ. Славянофилы наши имѣютъ полное основаніе порадоваться тому, что мы очень упорно сопротивляемся разлагающему влиянію тлетворнаго запада.

«Всѣ эти заведенія, говоритъ Фирховъ далѣе, до сихъ поръ существовали только ради тѣхъ дѣтей, которыя туда принимались, или ради ихъ родителей; иногда съ этими учреждениями связывались также церковныя цѣли. До сихъ поръ было упущено изъ виду, что эти заведенія могутъ быть питомниками дѣятельной добродѣтели и основательнаго знанія для женской молодежи, семинаріями хорошихъ матерей и хозяйекъ, если только воспользоваться ими для пракческаго изученія пе-

дагогини подъ руководствомъ опытныхъ учителей или учительницъ. Такимъ образомъ, къ готовому *знанію* присоединится готовое *умѣнье*. — Когда дѣвочка лежитъ еще въ люлькѣ, вы даете ей куклу, и она играетъ ею до тѣхъ поръ, пока подростетъ. Потомъ вы отдаете въ ея распоряженіе кукольную комнату и убираете эту комнату всѣми принадлежностями, какія вы только можете приобрѣсти. За чѣмъ это дѣлается? За тѣмъ, чтобы въ играхъ ребенка подготовить будущую специальную дѣятельность женщины; за тѣмъ, чтобы пробудить чувство женщины, чтобы приучить малютку къ заботамъ дѣтской комнаты. Очень хорошо! Но за тѣмъ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Куклу ставятъ въ уголь. Весь міръ появляется передъ дѣвушкой въ какомъ-то замаскированномъ видѣ. Только въ лицѣ своего собственного ребенка молодая мать встрѣчаетъ снова передъ собою реальный предметъ. Неужели вы не чувствуете, что здѣсь оказывается въ воспитаніи большая ошибка, самая тяжелая изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ общество? Неужели вы не понимаете, что это грѣхъ — довѣрять живого ребенка такой матери; которая только въ кукольной комнатѣ приготовлялась къ исполненію своихъ серьезныхъ материнскихъ обязанностей? Да еще къ тому же такой матери, которой приходится платить дань всѣмъ запутаннымъ условіямъ современной общественной жизни, переполненной суетными удовольствіями, искаженной странными модами, подавленной превратными и суетными понятіями! Эту ошибку можно устранить только тѣмъ, чтобы, вслѣдъ за кукольною комнатою, вести теоретическую подготовку женской школы, а потомъ практическое образованіе дѣтскаго сада».

Этими цитатами я исчерпалъ все содержаніе лекціи Фирхова. Собственно новою можетъ быть названа въ этой лекціи только мысль о практическомъ изученіи дѣтскихъ нравовъ въ дѣтскихъ садахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Но эта мысль очень плодотворна, потому что она въ высшей степени удобоисполнима. Кромѣ того, вся лекція очень замѣчательна, какъ сжатая и дѣльная программа послѣдовательнаго реализма, примененнаго къ воспитанію женщины. Эту программу я, въ самомъ началѣ этой статьи, назвалъ *безобидною* въ томъ смыслѣ, что она не испугаетъ никого изъ самыхъ безнадежныхъ филистеровъ. Это достоинство очень немаловажное, потому что многія превосходныя идеи остаются неосуществленными единственно по той причинѣ, что онѣ, благодаря своему яркому блеску, однимъ своимъ появленіемъ возбуждаютъ противъ себя оглушительное возраженіе. Программа Фирхова не возбудитъ противъ себя никакого негодованія.

ПОГИБШЕ И ПОГИБАЮЩЕ.

I.

Сравнительный методъ одинаково полезенъ и необходимъ, какъ въ анатоміи отдѣльнаго человѣка, такъ и въ социальной наукѣ, которую можно назвать анатоміею общества.

Въ анатоміи человѣка сравнительный методъ можетъ прикладываться къ дѣлу или такъ, что сравниваются между собою одинаковые органы различныхъ животныхъ, или же такъ, что для сравненія берутся различные органы одного и того же животнаго. Въ анатоміи общества умѣстны и употребительны оба видоизмѣненія сравнительнаго метода. Можно сравнивать между собою соответственныя учрежденія различныхъ обществъ, напримѣръ, суды Франціи съ судами Англій, Пруссіи, Россіи и такъ далѣе; и можно также сопоставлять и разсматривать въ связи между собою различныя учрежденія одного и того же общественнаго организма, напримѣръ, французскую армію и французскіе финансы, прусскую палату депутатовъ и прусское чиновничество, англійское земледѣніе и англійскіе workhouses (рабочіе дома для нищихъ).

Въ этой статьѣ я намѣренъ представить читателю сравнительно-анатомическій этюдъ, произведенный по этому второму способу. Я намѣренъ сопоставить русскую школу съ русскимъ острогомъ. Результаты получатся неожиданные и довольно поучительные. Берусь же я именно за эту задачу собственно потому, что мы имѣемъ въ нашей новѣйшей литературѣ два замѣчательныя сочиненія: «Очерки бурсъ» Помяловскаго, и «Записки изъ Мертваго дома» г. Достоевскаго,—два сочиненія, изъ которыхъ можно почерпнуть самыя достовѣрныя и самыя любопытныя свѣдѣнія о русской школѣ и о русскомъ острогѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Читателямъ покажется, быть можетъ, что, называя бурсу русскою школою, я придаю бурсѣ слишкомъ обширное значеніе. Читатели скажутъ, что гимназіи, корпуса, лицей, университеты и академіи непременно должны быть признаны русскими школами, что бурсы составляютъ самую послѣднюю категорію русскихъ школъ, и что слѣдовательно, употребляя общее выраженіе *русская школа*, надо брать не низшій сортъ, а средній выводъ, который, разумѣется, долженъ оказаться значительно лучше этого низшаго сорта.—Это правда. Надо брать средній выводъ. Но тутъ есть одно маленькое затрудненіе: тотъ средній выводъ, на который указываетъ возраженіе читателей, изображаетъ собою совсѣмъ не русскую школу, а только школу русскаго привилегированнаго меньшинства. Настоящій средній выводъ, настоящая русская школа остаются неизвѣстными, по той простой причинѣ, что несоразмѣрно-громадное большинство русскаго народа обходится до сихъ поръ совсѣмъ безъ школъ. Если же мы, во что бы то ни стало, непременно желаемъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ могла бы быть русская школа, школа открытая и доступная для большинства, томы должны удариться въ область предположеній. Хорошо, ударимся. Положимъ, что, при сохраненіи всѣхъ существующихъ условій нашей общественной жизни, въ каждой русской деревнѣ открыто, по крайней мѣрѣ, по одному училищу. Въ какомъ же родѣ будутъ эти училища? Чему они будутъ обучать своихъ воспитанниковъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно, если только мы желаемъ оставаться въ границахъ правдоподобнаго. Самые пылкіе просвѣтители, не только у насъ, но даже и за границей, въ самыхъ пылкихъ своихъ мечтаніяхъ, осмѣливаются доходить только до того требованія, чтобы всѣ ихъ соотечественники и соотечественницы умѣли читать, писать и считать. Дальше этого нейдутъ покуда ни ихъ желанія, ни ихъ надежды. При настоящихъ условіяхъ дальше идти дѣйствительно невозможно, потому что не на что: денегъ не хватитъ. И такъ, въ деревенскихъ училищахъ будутъ читать, писать и считать. Въ бурсѣ этимъ не ограничиваются; стало быть, уровень преподаванія немедленно понижается, какъ только школа начинаетъ дѣлаться доступною для большинства. Такое же точно пониженіе допускается и въ личномъ составѣ учителей; въ бурсѣ учительствуютъ кандидаты и магистры духовныхъ академій, или по меньшей мѣрѣ люди, окончившіе курсъ въ семинаріи; въ деревенскихъ училищахъ будутъ господствовать волостные писаря, безсрочно-отпускные солдаты, пономари, и вообще такіе люди, для которыхъ буква ѿ составляетъ вѣчный камень преткновенія, а дѣленіе простыхъ чиселъ—крайнюю границу человѣческой премудрости. Чѣмъ невѣжественнѣе преподаватель, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ средствъ сдѣлать ученіе привлекательнымъ для учениковъ; а чѣмъ скучнѣе и несноснѣе ученіе, тѣмъ сильнѣе долженъ быть педагогическій терроръ, потому что, разумѣется,

только боль и страх могут сколько нибудь противодействовать тому естественному отвращенію, которое внушаютъ отрокамъ и юношамъ безмысленные уроки, непонятные даже самому преподавателю. Стало быть, въ предполагаемыхъ деревенскихъ училищахъ должно непременно совершиться одно изъ двухъ: или водвориться терроръ, еще болѣе сильный, чѣмъ въ бурсѣ; или же, если развитію террора помѣшаютъ какія-нибудь внѣшнія гуманно-либеральныя вліянія, — все преподаваніе окажется безплоднымъ, и ученики будутъ выходить изъ школы съ тѣми же самыми знаніями, съ которыми они въ нее вступили.

Въ матеріальномъ отношеніи содержаніе учениковъ также будетъ еще хуже, чѣмъ содержаніе бурсаковъ. Какъ живутъ наши мужики, во что они одѣваются, что ѣдятъ—это, я думаю, до нѣкоторой степени извѣстно, хотя и по слухамъ, моему человѣколюбивому читателю. Какъ ни скромно, какъ ни мизерно внутреннее устройство бурсы, описанной Помяловскимъ, однако же въ этой завалищей бурсѣ есть кое-какіе предметы роскоши, неизвѣстной и недоступной огромному большинству нашихъ соотечественниковъ. Такъ, напримѣръ, бурсаки учатъ уроки при свѣтѣ дрянной лампы, которая одна освѣщаетъ большую комнату, вмѣщающую въ себѣ болѣе сотни учениковъ. Эта дрянная лампа составляетъ чистѣйшую роскошь, потому что въ мужицкихъ избахъ горитъ по вечерамъ не лампа, и даже не сальная свѣча, а лучина, при свѣтѣ которой читать книжку и заниматься наукою еще гораздо мудренѣе. Далѣе, у каждаго бурсака есть кровать съ тюфякомъ, съ подушкой и съ одѣяломъ; это уже огромная роскошь: большинство нашихъ соотечественниковъ спитъ на лежанкахъ, на лавкахъ, на палатахъ, подкладывая подъ голову зипунъ и покрываясь въ холодное время какимъ нибудь дырявымъ полушубкомъ. Если мы предположимъ, что ученики деревенскихъ школъ живутъ у своихъ родителей и приходятъ въ школу только на классное время, то окажется, что огромное большинство этихъ экстерновъ живетъ, ѣстъ и одѣвается хуже бурсаковъ, изображенныхъ у Помяловскаго. Если же мы предположимъ, что въ каждой деревнѣ устроенъ особый пансіонъ, въ которомъ постоянно живетъ учащееся юношество, то этотъ пансіонъ своею мизерностью и неопрятностью далеко превзойдетъ бурсу Помяловскаго. Кромѣ того, даже этотъ мизернѣйшій и грязнѣйшій пансіонъ для многихъ сельскихъ общинъ окажется совершенно непосильнымъ бременемъ.

На содержаніе бурсака казна отпускаетъ *немного*; значительная часть прилипаетъ обыкновенно къ рукамъ смотрителя, инспектора, эконома и училищной прислуги; остаткомъ поддерживается брешное существованіе бурсака; остатокъ этотъ составляетъ уже очень незначительную горсточку земныхъ благъ; но даже и по такой горсточкѣ наше общество никакъ не можетъ тратить ежегодно на *каждаго* изъ своихъ подрастаю-

щихъ членовъ. Бурсакъ живетъ очень бѣдно и грязно; но у него есть тысячи ровестниковъ, которые живутъ еще бѣднѣе и грязнѣе; между этими тысячами, составляющими большинство русскаго молодого поколѣнія, есть очень много и такихъ, которыхъ бѣдность и грязь доводятъ до преждевременной смерти. Поэтому назвать бурсу русскою школою вовсе не значить обидѣть русскую школу. Разсматривая внутреннее устройство бурсы, мы вовсе не должны думать, что имѣемъ дѣло съ какимъ нибудь исключительнымъ явленіемъ, съ какимъ нибудь особеннымъ и душнымъ угломъ нашей жизни, съ какимъ нибудь послѣднимъ убѣжищемъ грязи и мрака. Ничуть не бывало. Бурса — одно изъ очень многихъ, и притомъ изъ самыхъ невинныхъ проявленій нашей повсемѣстной и всесторонней бѣдности и убогости.

И такъ, будемъ разсматривать бурсу и мертвый домъ; проведемъ параллель между русскою школою и русскимъ острогомъ сороковыхъ годовъ.

II.

Обитатели мертваго дома, или проще каторжники, занимаются, какъ извѣстно, обязательными казенными работами, которыя составляютъ одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей наложеннаго на нихъ наказанія. Самая работа, говоритъ г. Достоевскій, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тяжесть и *каторжность* этой работы — не столько въ трудности и непрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная изъ-подъ палки». (Т. I, стр. 33). Далѣе, г. Достоевскій соображаетъ очень основательно, что эта обязательная работа сдѣлалась бы еще болѣе ужасною и даже совершенно невыносимою, если бы ей былъ приданъ характеръ совершенной, полнѣйшей бесполезности и бессмыслицы, то есть, если бы, напримеръ, арестанта заставили переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое, и обратно.

Спрашивается теперь, есть ли въ жизни бурсаковъ какое нибудь занятіе, соотвѣтствующее обязательной работѣ каторжниковъ? Каждый бывшій бурсакъ и даже каждый читатель, знакомый съ очерками Помяловскаго, отвѣтитъ не задумываясь, что всѣ учебныя занятія бурсаковъ похожи, какъ двѣ капли воды, на обязательную работу каторжниковъ. Остается только рѣшить вопросъ, на какую именно работу похожи умственные труды бурсаковъ, на ту ли, которая дѣйствительно существуетъ въ мертвомъ домѣ, или же на ту, въ которой г. Достоевскій справедливо видитъ ужасный и, къ счастью, несущественный идеалъ каторжной работы? Мнѣ кажется, что работа бурсаковъ подходит довольно близко къ послѣдней категоріи, то есть, къ мучительному пере-

ливанію воды изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый. Каждому бурсаку, еще не совсѣмъ потерявшему способность размышлять, бурсацке зубреніе должно казаться и дѣйствительно кажется занятіемъ совершенно бессмысленнымъ, совершенно бесполезнымъ, и слѣдовательно такимъ же мучительнымъ и невыносимымъ, какъ напримѣръ, безцѣльное переливаніе воды туда и обратно. Всѣ мы знаемъ очень хорошо, что бурсаки зубрятъ, или, по крайней мѣрѣ, зубрили жестоко. Но мнѣ кажется, немногіе изъ насъ отдають себѣ совершеннаго опыта отчетъ въ томъ, что такое зубреніе или долбленіе. При поверхностномъ и невнимательномъ взглядѣ на предметъ можетъ показаться, что между прочимъ значеніемъ и жесточеннымъ вызубреніемъ урока существуетъ только количественное различіе. Профаны могутъ разсуждать такъ: прочтите урокъ два или три раза, вы его запомните и будете такъ состояніи пересказать его своими словами; а прочтите тотъ же въ десять или пятнадцать — и вы его вызубрите, то есть, ать и зубрить — это два совершенно различные процесса, и каждый изъ этихъ процессовъ имѣеть свои специфическіе приемы. Тотъ негнанный и несчастный смертный, который вздумалъ бы зубрить урокъ, глупый и несчастный смертный, который вздумалъ бы зубрить урокъ, со смысломъ и съ толкомъ отъ начала до конца, потратилъ даромъ oleum et argam. Запоминать, значить вглядываться въ мысли отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ одна мысль связана съ другою или вытекаетъ изъ нея. Зубрить, напротивъ того, блй и прѣ, чать свой языкъ, свои губы, и всѣ другіе органы слова къ и выдѣлывали бойко, безошибочно и въ неизмѣнной потому, тобы еще длинный рядъ сложныхъ движеній, которые слѣдательности тотъ же и поднимать голову. Вся отвѣствуетъ писаннымъ или печатнымъ словамъ даннаго урока. Вся и весь букетъ состоятъ именно въ томъ, чтобы эти движенія выдѣлывались сами собою, чтобы первое движеніе съ неодолимою силою тянуло за собою второе, третье, четвертое и такъ далѣе до самого конца, и чтобы весь этотъ рядъ движеній совершался независимо отъ размышленія; если вы, пустившись въ эти движенія, принуждены припоминать и соображать, то это значить, что результатъ не достигнуть, и что урокъ непременно начнетъ высказываться собственными словами, сообразно съ вашимъ личнымъ складомъ ума и съ вашимъ индивидуальнымъ отбѣнкомъ краснорѣчія. Если вы хотите что нибудь вызубрить, то вы должны, въ какіе нибудь полтора часа совершить надъ собою ту операцію, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ совершается надъ фабричнымъ, приучающимся дѣлать, машинально, руками или ногами, тѣ или другія эволюціи. Навыкъ работника состоитъ въ томъ, что известныя сочетанія движеній дѣлаются у него безъ напряженія вниманія, безъ постоянного участія воли и размышленія. Именно такіе навыки

приходится приобретать зубрищему челѣвѣку въ самое короткое время. Если каждый день у бурсака имѣется по четыре урока, то аккуратно каждый вечеръ бурсакъ долженъ приобрести себѣ по четыре совершенно различныхъ навыка, изъ которыхъ каждый не въ примѣръ сложности и замысловатѣе единственнаго навыка, приобретаемаго рабочимъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Приобрѣтаются эти навыки слѣдующимъ образомъ: вы дѣлаете сначала первые десять движеній, то есть произносите первые три или четыре слова урока, произносите нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока они у васъ сростаются между собою на глухо; въ этомъ упроченныхъ движеніяхъ вы приставляете пять или шесть новыхъ движеній, которыя черезъ нѣсколько минутъ прирастаютъ къ затѣмъ вы оставляете въ сторонѣ образовавшуюся группу словъ, и точною же манеромъ устраиваете изъ слѣдующихъ словъ урока новую группу; затѣмъ производится сличеніе обѣихъ группъ въ одно слово, когда склейка оказывается настолько солидною, тогда вы идете дальше, задумываясь, произносите подъ рядъ обѣхъ группъ, тогда вы идете дальше, постоянно приклеивая къ затверженному началу урока новыя комбинаціи звуковъ. Взгляните со стороны на занимающихся учениковъ, и вы, при нѣкоторой наблюдательности, тотчасъ замѣтите, который изъ нихъ учитъ урокъ съ размышленіемъ и который зубрить. Размышляющій ученикъ читаетъ книгу глазами; губы его не шевелятся, а только изрѣдка сжимаются, когда онъ, наморщивъ лобъ и прищуривъ глаза, намывается, припоминаетъ и резюмируетъ прочитанную страницу; иногда останавливается, поворачиваетъ страницу назадъ, переставляетъ и думаетъ вновь тѣ мѣста, въ которыхъ заключается исходная точка послѣдующихъ мыслей; на лицѣ его видна живая смѣлость, что она точка послѣдующихъ признаков недоумѣнія, онъ чего-то ищетъ, онъ чѣмъ-то озабоченъ, онъ нахмуривается; потомъ онъ нападаетъ на слѣдъ той мысли, которую онъ искалъ, фізіономія его проясняется, въ глазахъ его треплещивается лучъ радости и живого пониманія, и юный мыслитель на минуту спокойно и весело продолжаетъ свою приостановившуюся работу. — Зубрило, напротивъ того, постоянно шевелитъ губами, и, покачиваясь всѣмъ туловищемъ, быстро вышоптываетъ одно за другимъ роковыя слова урока; чѣмъ сильнѣе становится его зубрильный пафосъ, тѣмъ яростнѣе шевелятся губы, тѣмъ громче произносятся слова и тѣмъ неукротимѣе качается туловище; зубрило шалѣетъ, глаза его мутятся, и весь онъ становится похожъ на челѣвѣка, опившагося дурманомъ, или на дурмана, закружившагося до помраченія разсудка.

Помяловскій, издавшій на своемъ вѣку множество самыхъ чистокровныхъ зубриль и отвѣдавшій самъ прелести этого занятія, рисуетъ очень яркими чертами процессъ бурсацкой каторжной работы и вліяніе этой работы на матеріальное и умственное здоровье бурсаковъ. «Уче-

ники, говорить онъ, сидя надъ книгою, повторяли безъ конца и безъ смыслу: стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ... Потомъ, потомъ... постигли, стигли, стигли... стыдъ и срамъ... потомъ... постигли... Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока на вѣки нерушимо не запечатлѣвался въ головѣ ученика *стыдъ и срамъ*. Сильно мучился воспитанникъ во время урока, такъ что ученіе здѣсь является физическимъ страданіемъ, которое выразилось въ пѣснѣ: «сколь блаженны тѣ народы». (Стр. 56).

«Что же удивительнаго, говорить онъ далѣе, что такая наука поселяла только отвращеніе въ ученіи, и что онъ скорѣе начнетъ играть въ плевки или продѣнетъ изъ носу въ ротъ нитку, нежели станетъ учить урокъ? Ученикъ, вступая въ училище изъ-подъ родительскаго крова, скоро чувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то новое, никогда имъ неиспытанное, какъ будто передъ глазами его опускаются съѣти одна за другою, въ безконечномъ рядѣ, и мѣшаютъ видѣть предметы ясно; что голова его перестала дѣйствовать любознательно и смѣло и сдѣлалась похожа на какой-то аппаратъ, въ которомъ стоитъ пожать пружину—и вотъ ротъ раскрывается и начинаетъ выкидывать слова, а въ словахъ — удивительно! — нѣтъ мысли, какъ бывало прежде». (Стр. 58). «Вонъ Данило Песковъ, продолжаетъ Помяловскій, — мальчикъ умный и прилежный, но рѣшительно неспособный долбить слово въ слово, просидѣвъ надъ книгою два часа съ половиною, поводитъ помутившимися глазами... и что же?... онъ видитъ, многіе измучились еще болѣе, чѣмъ онъ, многіе еще доканчиваютъ свою порцію изъ учебниковъ, озабоченно вычитывая урокъ и поднявъ голову кверху, какъ пьющія куры. Иные чуть не плачутъ, потому что невысокій баллъ будетъ выставленъ противъ ихъ фамиліи въ нотатѣ. Одинъ, желая возбудить въ себѣ энергію, треплетъ самъ себя за волоса»... (Стр. 59).

По мучительности своей, ученая бурсацкая работа далеко превосходитъ работу арестантовъ, которая, по словамъ г. Достоевскаго, сама по себѣ нисколько не обременительна. Съ точки зрѣнія обязательности или подневольности, работа бурсаковъ также перецеголяла работу арестантовъ. Въ первомъ томѣ своихъ «Записокъ» отъ стр. 147 до стр. 152, г. Достоевскій описываетъ арестантскую работу, ломаніе старой барки; прица на рѣку, арестанты разсаживаются по бревнамъ и закуриваютъ трубки; потомъ начинаютъ разсуждать о томъ, кто догадался ломать эту барку; потомъ брѣтуютъ проходящихъ мужиковъ, потомъ любезничаютъ съ калашницей и просятъ у нея того, чего мыши не ѣдятъ. Тутъ является приставъ надъ работами и приглашаетъ публику приступить; публика проситъ себѣ урока, говорить, что скорѣй сгораго не сдѣлаешь, и начинаетъ дѣйствовать такъ вяло, что приставъ считаетъ необходимымъ плюнуть и отправиться за кондукторомъ, который исполняетъ желаніе

публики и задаетъ ей урокъ». — Такимъ образомъ работники нисколько не надрываются; они резонируютъ, благодушествуютъ, дѣлаютъ кейфъ, и даже торгуются насчетъ работъ съ своимъ ближайшимъ начальствомъ; положеніе этихъ работниковъ конечно очень тяжело и незavidно, потому что они лишены свободы и принуждены заниматься такимъ дѣломъ, которое не доставляетъ имъ ни удовольствія, ни личной выгоды; но неволя арестантовъ легка въ сравненіи съ неволей бурсаковъ; надъ послѣдними контроль по работамъ несравненно строже; арестантовъ никто не подвергаетъ взысканію за то, что они балагурятъ въ рабочее время; бурсака, напротивъ того, порятъ очень аккуратно за каждый невыученный урокъ; а что значить выучить урокъ — это я показалъ выше, объясняя и анализируя процессъ зубренія. Притомъ надо замѣтить, что бурсака порятъ не гуртомъ за общую неисправность работы, а порознь за каждый невыученный урокъ; при такой раздробительной системѣ воздаянія, на долю одного бурсака можетъ придтись въ одинъ день по нѣсколькѣ сѣченій, чего съ арестантомъ уже никакимъ образомъ случиться не можетъ, такъ какъ въ острогѣ право казнить и миловать принадлежитъ одному начальству, а въ бурсѣ это право распределяется между многими учителями. «Когда приходилось, говоритъ Помяловскій, что три описанные учителя занимали уроки въ одинъ и тотъ же день, то одного и того же ученика сѣкли нѣсколько разъ. Такъ Карася, случалось, отдирали четыре раза въ одинъ день (въ продолженіи всей училищной жизни непремѣнно разъ четыреста)». (Стр. 114). Далѣе, по своей занимательности, работа бурсака стоитъ положительниже ломанія барки или дѣланія кирпича, и можетъ быть поставлена на одну доску съ переливаніемъ воды изъ ушата въ ушатъ. Если мнѣ возразятъ, что бурсакъ въ этой работѣ можетъ видѣть средство добиться хорошаго аттестата и составить себѣ карьеру, то я отвѣчу, что и арестантъ, посаженный въ острогъ на извѣстное число лѣтъ, можетъ видѣть въ исправномъ переливаніи воды дорогу къ освобожденію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы арестантъ, осужденный на переливаніе воды, вздумалъ заупрямиться, и отказался бы отъ своей бесплодной и мучительно-скучной работы, то его стали бы наказывать, а если бы дисциплинарныя наказанія не сломили его упрямства, то его вторично отдали бы подъ судъ за дурное поведеніе, и время его заключенія увеличилось бы въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ. Точно также поступаютъ и съ лѣнливымъ бурсакомъ: сначала его отечески наказываютъ, а потомъ его исключаютъ, то есть, у него отнимаютъ аттестатъ и карьеру. Стало быть, интересъ работы одинаковъ для бурсака, зубрящаго «*стигъ и срамъ*», и для арестанта, переливающего воду изъ ушата въ ушатъ, потому что первый за небрежное выполненіе работы лишается нѣкоторыхъ выгодъ, а второй за то же самое подвергается нѣкоторымъ невы-

годамъ. Цѣль бурсака состоятъ въ томъ, чтобы доплестись всѣми правдами и неправдами до выпускного экзамена; цѣль арестанта въ томъ, чтобы безнакостно дожить до дня освобожденія. Обѣ эти цѣли до такой степени отдаленны, что онѣ нисколько не могутъ освѣтить и украсить собою обязательную работу. Человѣкъ можетъ работать охотно и весело только тогда, когда онъ постоянно извлекаетъ себѣ изъ работы немедленную выгоду, или когда самый процессъ работы доставляетъ ему непосредственное удовольствіе. Когда работа сама по себѣ имѣетъ какой нибудь внутренней смыслъ, понятный для работника, тогда возможно увлеченіе работою, хотя бы даже и обязательною. Но такъ какъ затверживаніе *стыда и срама* не имѣетъ никакого внутренняго смысла, и въ то же время требуетъ очень сильнаго напряженія энергіи и вниманія, то далекая перспектива аттестата и карьеры становится совершенно недѣйствительною, и юношество подвигается впередъ по узкому и скорбному пути бурсацкой премудрости при содѣйствіи такихъ героическихъ средствъ, которыя могли бы испугать даже обитателей мертваго дома, и которыя даже въ мертвомъ домѣ оказались бы необходимыми только въ томъ немислимомъ случаѣ, если бы начальству вздумалось приурочить арестантовъ къ бессмысленному переливанію воды семо и овамо.

III.

Другая сходная черта бурсы и мертваго дома состоятъ въ мизерности того содержанія, которое получаютъ обитатели этихъ двухъ, одинаково воспитательныхъ или одинаково карательныхъ заведеній. Здѣсь опять пальма первенства остается за бурсою, по крайней мѣрѣ за тою бурсою, которую описалъ Помяловскій. Что ѣдятъ бурсаки и что ѣдятъ арестанты? Качества ихъ щей, каши и такъ далѣе, мы, разумѣется, сравнивать не можемъ, потому что къ сочиненіямъ Помяловскаго и г. Достоевскаго не приложено, въ видѣ *pièces justificatives*, образчиковъ этихъ деликатныхъ кушаній; оба говорятъ, что скверно, а что хуже, объ этомъ по описанію судить мудрено. Но есть одинъ осязательный пунктъ, который доказываетъ, что бурсакамъ было хуже жить, чѣмъ арестантамъ. Какъ бы ни былъ дурень обѣдъ, но во всякомъ случаѣ, если только хлѣба дается въ волю, до-отвалу, то человѣкъ обезнеченъ, по крайней мѣрѣ, противъ голода. Чѣмъ отвратительнѣе обѣдъ, тѣмъ важнѣе становится вопросъ о хлѣбѣ, который при дурномъ обѣдѣ дѣлается самою главною статьею питанія. И — какъ бы вы думали? — хлѣбъ въ бурсѣ выдавался счетомъ, а въ мертвомъ домѣ давалось хлѣба, сколько угодно. «Большинство, говоритъ Помяловскій, не желало

дѣлиться съ нимъ (съ воспитанникомъ оставленнымъ безъ обѣда) запаснымъ хлѣбомъ: впрочемъ, и дѣлиться было не изъ чего: утреннихъ и вечернихъ фриштиковъ въ бурсѣ не полагалось; за обѣдомъ выдавали только по два ломтя хлѣба, изъ которыхъ одинъ съѣдался въ столовой, другой уносился въ карманъ про запасъ». (Стр. 123). По моему мнѣнію, эти скверные два ломтя, эта низкая плюшкинская скаредность, выжимающая сокъ изъ молодыхъ желудковъ, несравненно отвратительнѣе всевозможныхъ мордобитій и сѣченій *на воздухѣ*. Мнѣ кажется даже, что эта скаредность вреднѣе жестокихъ наказаній по своимъ послѣдствіямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и нравственнымъ.

Въ мертвомъ домѣ дѣло продовольствованія велось гораздо благопристойнѣе.

«Впрочемъ, говорить г. Достоевскій, арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Послѣднее ихъ ужасало; при выдачѣ съ вѣсу, треть людей была бы голодная; въ артели же всёмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ». (Стр. 35 I тома).

Изъ разговоровъ между арестантами видно, что они питаютъ глубокое уваженіе къ своему хлѣбу. — «Вирюлина корова! говоритъ одинъ арестантъ другому, — ишь отѣлся на острожномъ *чистякъ*. (I, 37)». — На волѣ не умѣли жить, говорится далѣе, — рады, что здѣсь до *чистяка* добрались (I, 41). «*Чистякомъ*, объясняетъ г. Достоевскій въ подстрочномъ примѣчаніи, — назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ примѣси». — Это названіе очень выразительно. Оно показываетъ лучше всякихъ политико-экономическихъ разсужденій, какіе мы богатые люди. Хлѣбъ, испеченный изъ чистой муки, безъ примѣси разныхъ неудобоваримыхъ гадостей, въ родѣ отрубей, мякины, лебеды и древесной коры, долженъ у насъ отличаться особеннымъ хвалебнымъ именемъ отъ того обыкновеннаго хлѣба, которымъ питаются сплошь и рядомъ наши рабочіе классы. Этимъ *чистякомъ* арестанты колятъ другъ другу глаза, выражая ту мысль, что-молъ ты, свинья, на свободѣ и не нюхалъ такихъ отборныхъ и утонченныхъ кушаній. Въ этихъ взаимныхъ попрекахъ, какъ вообще во всякихъ ругательныхъ выходкахъ, есть непременно своя доля преувеличенія; но для того, чтобы такой попрекъ могъ сформироваться, ему надо все-таки имѣть нѣкоторое основаніе въ общихъ и общезвѣстныхъ фактахъ русской жизни. Арестантъ не станетъ попрекать своего товарища тѣмъ, что вотъ-молъ ты на свободѣ голый ходилъ, а теперь радъ, что добрался до казенной рубашки. Такой попрекъ не произвелъ бы никакого эффекта на острожную публику, потому что такой попрекъ совершенно неправдоподобенъ. Голыхъ людей въ Россіи дѣйствительно не имѣется, но людей, набивающихъ себѣ желудокъ раз-

ною дрянью, имѣется во всякое время очень достаточное количество. Во всякомъ случаѣ спасибо мертвому дому за *чистякъ*, на которомъ можно отѣяться. Сравнивая этотъ *чистякъ* съ несчастными *двумя лом-тями* бурсы, мы узнаемъ ту поучительную истину, что въ нашей великой и обильной странѣ даже добросовѣстная раздача хлѣба должна взыватьъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе, и считаться едва ли не за патриотическій подвигъ.

Если начальство бурсы рѣшалось соблюдать мудрую экономію даже при раздачѣ простого хлѣба, то, разумѣется, съ остальными предметами первой необходимости и подавно нечего было церемониться, такъ что бурсаки во всѣхъ отношеніяхъ должны были уподобляться гарнизону осажденной крѣпости или экипажу корабля, застигнутого безвѣтріемъ въ открытомъ морѣ. Отопленіе и освѣщеніе бурсы производились съ самою примѣрною бережливостью. «Въ классѣ совершенно темно, говоритъ Помяловскій, потому что начальство, изъ экономическаго расчета, зажигало лампу только въ часы занятій». (Стр. 39). «Начальство, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, печей не топило по недѣлѣ; ученики воровали дрова, но это не всегда случалось, и товарищество, ложась подъ холодныя одѣяла, должно было покрываться своими шубами и шинелями». (Стр. 65). Обитатели мертваго дома не испытывали ни одного изъ этихъ двухъ неудобствъ,—ни темноты, ни холода. «Плацъ-маіоръ или караульные, говоритъ г. Достоевскій, являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора». (Стр. 95, т. I). *Лишними свѣчками* здѣсь называются собственныя свѣчи арестантовъ. Выше на стр. 93, было сказано, что «каждый держалъ свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большею частью деревянный». Но если были *лишнія* свѣчи, то, стало быть, были и не лишнія, казенныя, которыми казарма должна была освѣщаться постоянно, отъ вечерней зари до утренней.

Говоря о различныхъ непріятностяхъ осторожной жизни, г. Достоевскій упоминаетъ о мепитическомъ воздухѣ, о нечистотѣ, о множествѣ насѣкомыхъ, но о сырости и холодѣ не сказано ни слова. Значитъ, надо полагать, что топили хорошо. Разумѣется, на это были свои мѣстныя причины; на берегахъ Иртыша дрова несравненно дешевле, чѣмъ на берегахъ Невы. «Дрова въ городѣ, говоритъ г. Достоевскій, продавались по цѣнѣ ничтожной, и кругомъ лѣсу было множество». (I, 139). Но каковы бы ни были причины, во всякомъ случаѣ это нисколько не измѣняетъ того печальнаго факта, что бурсаки страдали отъ сырости и отъ холода, и, въ этомъ отношеніи могли завидовать обитателямъ мертваго дома. Что же касается до мепитическаго воздуха, до нечистоты и до паразитовъ, то здѣсь бурса и мертвый домъ нисколько не уступаютъ

другъ другу. Впрочемъ, кажется, в тутъ можно отыскать одно обстоятельство, оставляющее пальму первенства за бурсою. «Наконецъ — говорить г. Достоевскій, описывая жизнь въ гошпиталѣ, — уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внеся въ нее предварительно ночной ушатъ. Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ корридорѣ, всего только два шага отъ дверей». (II, 16). Такъ какъ рассказчикъ попалъ въ гошпиталь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поступленія въ острогъ, то его удивленіе по поводу ушата было бы немислимо, если бы такой же точно обычай былъ заведенъ и въ казармѣ. Удивленіе рассказчика показываетъ ясно, что въ казармѣ ночныхъ ушатовъ не было. У Помяловскаго же бурсацкія спальные описываются слѣдующимъ образомъ: «Съ дома, особенно съ деревень, привозились въ запасъ огромные бѣлые хлѣбы, масло, толокно, грибы въ сметанѣ, моченые яблоки. Отъ этихъ припасовъ отдѣлялись особаго рода запахи и наполняли собою воздухъ; съ этими запахами мѣшались нецензурные міазмы; отъ стѣнъ, промерзавшихъ зимою въ сильные морозы насквозь, несло сыростью, сальныя свѣчи въ шандалахъ дѣлали атмосферу горькою и ѣдкою, и ко всему этому надо прибавить, что въ углу у дверей стоялъ огромный ушатъ, наполненный до половины какою-то жидкостью и замѣнявшій мѣсто нечистотъ. Къ такой ядовитой атмосферѣ долженъ былъ привыкать ученикъ, и повѣритъ ли кто, что большинство, живя въ зараженномъ воздухѣ, утрачивало наконецъ способность чувствовать отвращеніе къ нему». (Стр. 65). Здѣсь ушатъ составляетъ постоянное явленіе, которое уже никого не удивляетъ. Пребываніе ушата въ гошпитальной палатѣ объясняется тѣмъ, что палату велѣно на ночь запираеть; а запирають ее для того, чтобы арестанты ночью какъ нибудь не ухитрились убѣжать. Г. Достоевскій доказываетъ очень убѣдительно, что убѣжать нѣтъ возможности, но во всякомъ случаѣ чрезмѣрная мнительность начальства, при всей своей неосновательности, до нѣкоторой степени понятна; такъ какъ побѣги дѣйствительно случаются, и случаются иногда при такой обстановкѣ, при которой ихъ по видимому невозможно было предположить, то, разумѣется, болѣзненная мнительность поддерживается, и начальство, которому не приходится дышать вмѣстѣ съ арестантами зараженнымъ воздухомъ, запираетъ ихъ на всю ночь вмѣстѣ съ ушатомъ, придерживаясь того правила, что лишняя предосторожность, хотя бы и совершенно безсмысленная, испортить дѣла не можетъ. Въ казарму ушата вносить не зачѣмъ, и тамъ онъ дѣйствительно не вносится. Это различіе происходитъ отъ того, что, находясь у себя въ острогѣ, арестантъ окруженъ со всѣхъ сторонъ самымъ бдительнымъ надзоромъ; сдѣлавшись больнымъ, арестантъ напротивъ

того приходитъ въ общій военный госпиталь, въ которомъ только одна арестантская палата караулится такъ, какъ положено караулить острогъ. Поэтому больного арестанта лишаютъ даже той доли свободы, которая предоставлена здоровому арестанту. Здоровый можетъ ходить днемъ по всему острогу, а ночью по всей своей казармѣ; больной напротивъ того остается почти безвыходно въ той комнатѣ, которая въ госпитальѣ служитъ представительницею острога. Все это очень тяжело, но понятно. Что же касается до ушата, украшающаго сцальню бурсаковъ, то его уже невозможно объяснить никакою начальственной мнительностью и никакими глубокомысленными плацъ-маюрскими соображеніями. Тутъ сіяетъ во всей своей красотѣ одно голое свинство... Если бы бурсаки вздумали просить начальство объ удаленіи ушатовъ, то можно сказать навѣрное, что просителей перепороли бы за вольнодумство. Въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, ушатъ поставленъ въ спальню начальствомъ; слѣдовательно къ ушату надо питать глубокое уваженіе, и возставать противъ ушата значить сомнѣваться въ начальственной благодети и въ начальственной мудрости. Первый шагъ строптиваго юношества на этомъ гибельномъ пути отрицанія можетъ повести за собою неисчислимыя послѣдствія. Поэтому начальство непременно должно отставать ушатъ, какъ видимое проявленіе и вещественный знакъ невещественной отеческой заботливости, предусмотрительности и распорядительности, украшающей жизнь бурсака всевозможными высокими и плодотворными наслажденіями.

О невѣроятномъ изобиліи насѣкомыхъ г. Достоевскій и Помяловскій сообщаютъ одинаково любопытныя свѣдѣнія. «Блохи, говоритъ г. Достоевскій, кишатъ міриадами. Онѣ водятся у насъ и зимою, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но начиная съ весны разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть и слыхивалъ прежде, но не испытывалъ на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, въ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это; но все-таки это тяжело достается. До того, бывало, измучаютъ, что лежишь наконецъ словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь». (II, 112).

«Этихъ насѣкомыхъ (вшей), говоритъ Помяловскій, было огромное количество въ бурсѣ. Не повѣрятъ, что одинъ ученикъ былъ почти съѣденъ ими; онъ служилъ какимъ-то огромнымъ гнѣздомъ для паразитовъ; цѣлыя стада на виду ходили въ его нестриженной и нечасаной головѣ; когда однажды сняли съ него рубашку, и вынесли ее на свѣтъ, то свѣтъ зачернѣлся отъ нихъ. Вообще неопрятность бурсы была поразительна; золотуха, чесотка и грязь ѣли тѣло бурсака». (Стр. 18).

IV.

Теперь декорации обрисованы; надо познакомиться съ фізіономіями и характерами дѣйствующихъ лицъ. Такъ какъ мы замѣтили поразительное сходство въ тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено существованіе бурсаковъ и арестантовъ, то нужно ожидать уже заранѣе, что обнаружится сходство и въ тѣхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, которыя развиваются изъ данныхъ условій.

Гнетъ, обязательная работа, лишенія и грязь — вотъ тѣ неудобства, которыя въ большей или меньшей степени отправляютъ собою существованіе арестантовъ и бурсаковъ. Что же изъ этого должно получиться? И въ какихъ формахъ должно здѣсь выразиться то неистребимое чувство самосохраненія, которе вездѣ и всегда является самымъ сильнымъ двигателемъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ?

Представьте себѣ, что въ одну тѣсную кучу собрано нѣсколько десятковъ людей, которыхъ насильно держатъ впроголодь, и которымъ не даютъ вообще самыхъ необходимыхъ принадлежностей матеріальнаго благосостоянія. При этомъ, этихъ людей занимаютъ съ утра до вечера такими работами, отъ которыхъ нисколько не можетъ улучшиться ихъ невыносимое положеніе. Спрашивается, о чемъ должны думать эти люди, и что они должны чувствовать? Отвѣчать, кажется, не трудно. Они должны думать о томъ, нельзя ли какимъ нибудь образомъ промыслить себѣ какой нибудь лакомый кусокъ, или беремя дровъ для печки, или вообще такую штуку, которая въ данную минуту доставила бы мимолетное облегченіе организму, измученному различными лишеніями. Всѣ помыслы и всѣ желанія должны быть постоянно устремлены туда, куда указываютъ неудовлетворенныя потребности организма. Осуществленіе этихъ естественныхъ и неизбѣжныхъ желаній до крайности затруднительно. Ему постоянно мѣшаютъ тѣ люди, которые наблюдаютъ за неуклоннымъ выполненіемъ обязательныхъ работъ. Отсюда, разумѣется, должна развиваться глухая, но ожесточенная борьба между наблюдателями и работниками. Отсюда рождаются между тѣми и другими взаимная ненависть и взаимное недоверіе. Наблюдатели дѣйствуютъ открытою силою; работники, какъ люди подначальные, поднимаются на разныя хитрости; замѣтивъ эти хитрости, наблюдатели стараются ихъ проникнуть и разрушить; для этого пускается въ ходъ шпионство, болѣе или менѣе утонченное и замысловатое. Словомъ, свирѣпствуетъ война во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и со всѣми своими неизбѣжными нравственными послѣдствіями.

Но все это — только одна сторона дѣла. Прежде всего надо конечно обмануть наблюдателей, увернуться на нѣсколько времени изъ-подъ ихъ надзора, сбросить съ плечъ тяжесть обязательной работы, но затѣмъ, своротивъ съ дороги это препятствіе, надо еще предпринять что нибудь такое, вслѣдствіе чего получились-бы продукты, соотвѣтствующіе потребностямъ истомленнаго организма. Словомъ, надо выработать или похитить. Послѣдній способъ приобретенія конечно не одобряется ни сводомъ законовъ, ни ученіемъ моралистовъ, ни даже общепринятыми житейскими обычаями. Къ сожалѣнію, надо сознаться, что организмъ, принужденный бороться съ обществомъ за свое собственное существованіе, становится обыкновенно внѣ всякихъ законовъ и обычаевъ. Органическая потребность, долго ненаходящая себѣ удовлетворенія, доводитъ желанія до такой крайней степени напряженія, что наконецъ для желающаго субъекта всѣ средства становятся безразличными, лишь бы только они вели къ предположенной цѣли. Всѣ фанатики, какъ бы ни были противоположны ихъ стремленія, сходны между собою по своей неразборчивости въ средствахъ, а фанатизмъ — не что иное, какъ любовь къ какой нибудь идеѣ, дошедшая до степени непреодолимой органической потребности. Поэтому можно сказать навѣрное, что человѣкъ, измученный голодомъ и холодомъ, будетъ для удовлетворенія своихъ потребностей работать или воровать, смотря потому, который изъ этихъ двухъ промысловъ окажется для него болѣе сподручнымъ и производительнымъ. Съ особеннымъ наслажденіемъ онъ будетъ воровать у тѣхъ людей, которые заставляютъ его голодать и терпѣть холодъ; здѣсь воровство будетъ ему казаться только необходимымъ возстановленіемъ нарушенной справедливости; легко можетъ случиться, что и другіе люди, непричастные къ этому воровству, произнесутъ объ немъ почти такое же сужденіе. Что бы вы сказали, напр., если бы голодные бурсаки пошли воровать хлѣбъ у того эконома, который выдаетъ имъ за обѣдомъ по два ломтя? Быть можетъ, вы сказали бы, что поступокъ бурсаковъ, по внѣшней формѣ своей, конечно неправиленъ, но что настоящимъ воромъ въ этомъ дѣлѣ оказывается эконома, хотя онъ и не пускаетъ въ ходъ неприличныхъ воровскихъ пріемовъ. Впрочемъ я, по добротѣ души моей, не совѣтую вамъ отваживаться на такія рискованныя утводства. Я предупреждаю васъ, что этотъ путь очень скользокъ и опасенъ. Чтобы не съѣхать по этому пути въ невѣдомую вамъ глубину мучительныхъ соціальныхъ вопросовъ, держитесь крѣпко, держитесь руками и зубами за внѣшнюю форму человѣческихъ поступковъ. Въ данномъ случаѣ немедленно приговаривайте къ розгамъ и къ исключенію тѣхъ бурсаковъ, которые посягнули на казенный хлѣбъ, и такъ же немедленно приглашайте къ себѣ въ домъ, какъ знакомаго и друга, того искуснаго

эконома, который из казеннаго хлѣба умѣетъ выкраивать шелковыя платья для своей супруги и для своихъ дочерей.

Кто усвоилъ себѣ техническую сторону хищничества, и кто при этомъ постоянно голодаетъ и зябнетъ, тотъ непременно постарается развернуть свои таланты во всей ихъ обширности, и никакъ не захочетъ ограничивать ихъ приложеніе узкою сферою казеннаго буфета. Кто началъ свое поприще съ набѣговъ на казенныя дрова и на казенный хлѣбъ, тотъ пойдетъ дальше, если только нужда будетъ угнетать его по прежнему. Привычка и умѣнье красть ставятъ человѣка въ разрѣзъ съ законами и обычаями; попавши разъ въ это оппозиціонное положеніе, человѣку трудно остановиться; если онъ оправдалъ въ своихъ собственныхъ глазахъ кражу хлѣба у эконома, то онъ сумѣетъ оправдать кражу съѣстныхъ припасовъ въ мелочной лавочкѣ; основная причина воровства, голодъ, продолжаетъ существовать и подавляетъ очень легко робкія возраженія совѣстливости, деликатности и справедливости. Лавочникъ конечно нисколько не виноватъ въ томъ, что бурсака дурно кормятъ; но вѣдь и самъ бурсакъ въ этомъ также ни сколько не виноватъ; на него наваливаютъ мученія голода ни за что, ни про что; съ нимъ самимъ поступаютъ несправедливо, и это онъ чувствуетъ; поэтому онъ и старается перебросить на перваго встрѣчнаго, хоть, напримѣръ, на лавочника, часть той подавляющей тяжести, которую онъ, бурсакъ, несетъ совершенно безвинно, по волѣ благодѣтельнаго начальства. Приучившись красть съѣстное, бурсакъ сообразить безъ особеннаго труда, что, посредствомъ обмѣна, всевозможные предметы могутъ быть превращаемы въ булки и въ калачи. Тогда начнется сілошное похищеніе всего, что имѣетъ какую нибудь мѣновую цѣнность. Постоянное упражненіе въ хищничествѣ разовьетъ въ данномъ субъектѣ именно тѣ качества и способности, которыя совершенно неумѣстны въ благоустроенномъ обществѣ. Чрезмѣрное развитіе этихъ противуобщественныхъ способностей и наклонностей задудитъ всякое расположеніе къ правильному и спокойному труду. Данный субъектъ пустится обирать всѣхъ, своихъ и чужихъ, начальниковъ, сосѣдей и даже товарищей. Наконецъ онъ попадется; его отпорятъ и выключатъ; онъ очутится на улицѣ безъ аттестата, безъ ремесла, съ пустымъ желудкомъ и съ очень замѣчательными хищническими инстинктами и способностями.

Живи такой субъектъ въ XVI столѣтіи, онъ отправился бы въ запорожскую сѣчь и сдѣлался бы лучшимъ украшеніемъ тамошняго казачества. Но такъ какъ въ наше прозякающее время казацкіе подвиги строго запрещены уголовными законами, то предприимчивый юноша, по выходѣ изъ бурсы, не превратится въ знаменитаго героя и будетъ тихо и скромно заниматься мазурничествомъ до тѣхъ поръ, пока его беззаконія не переполюютъ мѣрмъ полицейскаго долготерпѣнія. Когда же, не

смотря на его похвальную скромность, его возрастающая слава обратит на себя внимание мѣстнаго начальства, тогда его препроводятъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ одинъ изъ многихъ мертвыхъ домовъ, находящихся въ европейской или азіатской Россіи. Мертвый домъ не испугаетъ нашего юношу, который въ своемъ новомъ жилищѣ увидитъ знакомыя картины, способныя освѣжить въ его памяти дни его печальнаго отрочества. Если юноша окажется способнымъ окинуть все свое прошедшее общимъ философскимъ взглядомъ, то онъ, вѣроятно, сообразитъ, что мертвый домъ составляетъ для него естественное продолженіе и логическій результатъ бурсы. . . .

V.

Въ предыдущей главѣ была проведена та мысль, что, еще очень недавно, бурса систематически направляла нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ къ мертвому дому. Въ подкрѣпленіе этой мысли я, правда, не могу привести никакихъ статистическихъ фактовъ, потому что подобные факты еще не собраны: мы рѣшительно не знаемъ, изъ какихъ элементовъ слагается населеніе нашихъ мертвыхъ домовъ и какъ велико число бурсаковъ, погибшихъ для общества, въ сравненіи съ общимъ числомъ юношей, обучавшихся въ былые годы въ духовныхъ училищахъ. Достоверныя статистическія цифры рѣшили бы вопросъ, но когда нѣтъ цифръ, тогда слѣдуетъ принимать въ соображеніе такіе матеріалы, какъ «Очерки бурсы» Помяловскаго, котораго до сихъ поръ еще ни одинъ бывшій бурсакъ не рѣшался уличать въ искаженіи фактовъ или въ ложности основнаго колорита. «Надобно замѣтить, говоритъ Помяловскій, характеристическую черту бурсацкой морали: воровство считалось предосудительнымъ только относительно товарищества. Было три сферы, которыя, по нравственному отношенію къ нимъ бурсака, были совершенно отличны одна отъ другой. Первая сфера — товарищество, вторая — общество, то есть все, что было внѣ стѣнъ училищныхъ, за воротами его: здѣсь воровство и скандалы одобрялись бурсацкою коммуной, особенно когда дѣло велось хитро, ловко и остроумно. Но въ такихъ отношеніяхъ къ обществу не было злости или мести: позволялось красть только съѣдобное; поэтому обокрасть лавочника, разнощика, сидѣльца уличнаго — ничего, а украсть, хоть бы на сторонѣ, деньги, одежду и тому подобное, считалось и въ самомъ товариществѣ мерзостью. Третья сфера — начальство: ученики гадали ему злорадно и съ мезью. Такъ сложилась

бурсацкая этика.... Теперь также понятно, отчего это въ бурсацкомъ языкѣ такъ много самобытныхъ фразъ и рѣченій, выражающихъ понятие кражи: вотъ откуда всѣ эти *сбондили*, *сляпсим*, *сперли*, *стибрили*, *обгорили* и тому подобныя. (Стр. 83.) Нельзя сказать, чтобы эти общепризнанныя нравственныя правила бурсы отличались особенною строгостью. Но любопытно замѣтить, что эта теорія все-таки стоитъ выше той житейской практики, которую изображаетъ самъ же Помяловскій.

По теоріи, воровство относительно товарищества считается предосудительнымъ. А на практикѣ, Аксютка обворовываетъ своихъ товарищей, пользуется между ними репутаціею извѣстнаго мазурика и въ то же время не подвергается съ ихъ стороны никакимъ преслѣдованіямъ; съ нимъ обращаются, какъ съ хорошимъ товарищемъ и лихимъ удалцомъ. Самъ онъ постоянно весель, развязенъ и самодоволенъ, чего никакъ не могло бы быть, если бы все товарищество обращалось съ нимъ, какъ съ негодеемъ и отверженцемъ. А что бурсацкое товарищество дѣйствительно умѣетъ преслѣдовать тѣ преступленія, которыя возбуждаютъ его негодованіе, то это можно усмотрѣть изъ трагической исторіи фискала Семенова, выведеннаго на сцену въ первомъ очеркѣ Помяловскаго. Этого Семенова въ одинъ вечеръ избили, обокрали, высѣкли и наконецъ чуть-чуть не задушили дымомъ горячей ваты. Къ этому надо еще прибавить, что съ нимъ никто не говорилъ съ той минуты, какъ его огласили фискаломъ. Сравнивая печальную судьбу фискала Семенова съ постояннымъ ликованіемъ вора Аксютки, я прихожу къ тому заключенію, что воровство въ бурсѣ не считалось предосудительнымъ даже относительно товарищества. Что Аксютка не ограничивался похищеніемъ съѣстныхъ припасовъ—на это у Помяловскаго имѣется также достаточное количество доказательствъ. Первый шагъ Аксютки на глазахъ читателя состоитъ въ томъ, что онъ крадетъ ночью у товарища волчью шубу, которая, при поголовной бурсацкой бѣдности, должна была считаться великою драгоценностью. Что такая покража совершилась, въ этомъ нѣтъ еще ничего особенно удивительнаго и характернаго. Подобные случаи возможны даже въ самыхъ приличныхъ и благоустроенныхъ заведеніяхъ, потому что въ семьѣ не безъ уroda. Но замѣчательно то, что пропажа шубы осталась безъ всякихъ послѣдствій; описавши воровскую продѣлку Аксютки, Помяловскій уже не возвращается больше къ этому предмету; шуба канула въ воду, и на другой день въ бурсацкомъ товариществѣ объ этомъ событіи не было даже никакого разговора. Значить, придется предположить, что подобные случаи очень нерѣдки, и что владѣлецъ украденной шубы, быть можетъ, ждетъ только слѣдующей ночи, чтобы наверстать свою потерю па комъ-нибудь изъ своихъ безпечныхъ товарищей. Если это предположеніе сколько нибудь основательно, то бурсацкая этика, о которой говоритъ Помяловскій, оказывается въ со-

вершенномъ разладѣ съ фактами дѣйствительной бурсацкой жизни, или, по крайней мѣрѣ, не обнаруживаетъ на эти факты никакого регулирующаго вліянія. Мнѣ кажется, настоящая бурсацкая этика состоитъ только въ томъ, что нѣкоторыми воровскими подвигами можно хвататься во всеуслышаніе, а другіе слѣдуетъ покрывать благоразумнымъ молчаніемъ.

Оно и понятно. Если вы обокрали вашего товарища, то не можете же вы въ его присутствіи рассказать вашу продѣлку, за которую оскорбленный собственникъ можетъ тотчасъ же вступить съ вами въ рукопашный бой. Что же касается до общественнаго мнѣнія бурсы, то оно по видимому, относится совершенно равнодушно ко всякимъ неправильнымъ передвиженіямъ собственности, гдѣ бы они ни совершились и въ какихъ бы формахъ они ни обнаруживались. Тебя обокрали, говоритъ общество,—ты самъ и вѣдайся съ воромъ, самъ разыскивай его, самъ отнимай у него твою собственность и самъ наказывай его за нарушеніе твоего спокойствія. Если же у тебя на все это не хватитъ умѣнья и силы, если воръ вторично одурачитъ тебя или намнетъ тебѣ же бока, то намъ, постороннимъ зрителямъ, до этого не будетъ никакого дѣла, и мы сами очень добродушно будемъ смѣяться надъ твоею неловкостью и надъ твоимъ безсиліемъ.

Такъ разсуждаютъ обыкновенно всѣ первобытныя общества, и было бы очень удивительно, если бы бурса разсуждала иначе. Помяловскій рассказываетъ, что нѣкоторые бурсаки умилостивляли и задобивали подарками знаменитаго вора Аксютку, чтобы онъ пощадилъ ихъ достоиніе. Вотъ видите! А почему же тѣ же бурсаки и не думали умилостивлять и задобивать фискаловъ, несмотря на то, что фискаль, находящійся въ союзѣ съ начальствомъ, гораздо опаснѣе вора, котораго начальство, разумѣется, не станетъ поддерживать? Потому, что въ борьбѣ съ фискаломъ каждая отдѣльная личность чувствовала за собою единодушную, горячую и энергическую поддержку всего бурсацкаго общества; фискаль былъ всегда одинокимъ явленіемъ, поразительною аномаліею, гнуснымъ уродомъ, котораго безобразіе росалось въ глаза всему окружающему обществу; почти каждый бурсакъ, положи руку на сердце, могъ смѣло сказать, что онъ самъ нисколько не фискаль; поэтому всеобщее негодованіе противъ фискала было такъ неподдѣльно и неустойчиво, что оно не допускало и мысли о какихъ бы то ни было компромиссахъ съ преступникомъ. Съ воромъ, напротивъ того, каждому надо было бороться одинъ на одинъ; публика въ воровскомъ поступкѣ видѣла преимущественно его изящную сторону; публика любовалась отвагою и хитростью похитителя; почти каждый бурсакъ, положи руку на сердце, долженъ былъ признаться, что онъ также способенъ учинить похищеніе; поэтому, союзъ всего общества противъ вора былъ невозмо-

жень, и знаменитый воръ въ бурсацкомъ мірѣ могъ играть роль грознаго божества, умиловляемаго посильными жертвоприношеніями.

Въ мертвомъ домѣ умиловленій не было, но воровство процвѣтало, и такъ какъ арестанты были отгорожены отъ ви́шняго міра крѣпкими стѣнами и частоколами, то это воровство имѣло совершенно междоусобный характеръ. Воронъ очень смѣло выклевывалъ глаза ворону, или, говоря по французски, *les loups se mangeaient entre eux* (волки ѣли другъ друга).

«Вообще, говорить г. Достоевскій, всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ съ замкомъ для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю, можно представить, какіе тамъ были искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человекъ (говорю это безъ всякой натяжки), укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ». (I, 28).

Кромѣ воровства въ мертвомъ домѣ и въ бурсѣ процвѣтало съ безпримѣрною силою ростовщичество. «Нѣкоторые, говорить г. Достоевскій, съ успѣхомъ промышляли ростовщичествомъ. Арестантъ, заматавшійся или раззорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ, за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ, то онъ безотлагательно и безжалостно продавались; ростовщичество до того процвѣтало, что принимались подъ закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч.,—вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ.» (I, 28).

Въ томъ же томѣ, на стр. 191, г. Достоевскій даетъ намъ понятіе о величинѣ каторжнаго процента. Осторожный ювелиръ и ростовщикъ, Исай Фомичъ Бумштейнъ, подъ залогъ какихъ-то старыхъ штановъ и подвертокъ, даетъ займы другому арестанту семь копѣекъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ черезъ мѣсяцъ заплатилъ ему десять копѣекъ. Три копѣйки на семь копѣекъ, это значить 43 процента въ мѣсяцъ. Въ годъ получится, стало быть, 516 процентовъ, то есть, капиталъ увеличится слишкомъ въ шесть разъ. Это очень не дурно, но, въ сравненіи съ бурсацкими процентами, это умѣренно. Бурсаки и въ этомъ отношеніи умудрились перещеголять каторжниковъ. «Ростъ въ училищѣ, говорить Помяловскій, при нелѣпомъ его педагогическомъ устройствѣ, былъ безсовѣстенъ, наглъ и жестокъ. Въ такихъ размѣрахъ онъ нигдѣ и никогда не былъ и не будетъ. Говсе не рѣдкость, а напротивъ норма, когда *десять копѣекъ, взятая на недѣльный срокъ, оплачивались пятнадцатью копѣйками*, т. е. по общепринятому займу на годъ это выйдетъ *двадцать пять (вѣрнѣе двадцать шесть) разъ капиталъ на капиталъ.*»

(Стр. 14). На стр. 216 и 217 мы видим сдѣлку между Карасемъ и Тавлею. Карась въ среду проситъ у Тавли пять копѣекъ. Тавля къ воскресенью требуетъ семь копѣекъ. Но Карась оставленъ безъ отпуска и поэтому желаетъ уплатить долгъ не въ ближайшее, а въ слѣдующее воскресенье. — Тогда десять, говоритъ Тавля. И такъ капиталъ удваивается въ одиннадцать дней.

Ростовщичество поддерживалось въ бурсѣ взяточничествомъ, которое въ свою очередь было порождено остроумною выдумкою начальства, создавшаго изъ старшихъ учениковъ цѣлую систему контроля надъ младшими. Одинъ изъ этихъ старшихъ учениковъ, *цензоръ*, долженъ былъ смотрѣть за поведеніемъ своего класса; другіе, *авдиторы*, выслушивали уроки и ставили ученикамъ баллы, на основаніи которыхъ учитель производилъ надлежащія вразумленія; третьи, *сѣкундаторы*, были сами орудіями этихъ вразумленій; на ихъ попеченіи находились розги, и они же сами, по приказанію учителя, сѣбли своихъ лѣнливыхъ или шаловливыхъ товарищей. Эти сановники занимались своимъ дѣломъ методически и съ любовью. «У печки, говоритъ Помяловскій, сѣкундаторъ, по прозванію Сушина, учился своему мастерству: въ рукахъ его отличныя лозы; онъ помахивалъ ими и выстегивалъ въ воздухѣ полосы, которыя должны будутъ лечь на тѣло его товарища.» (Стр. 27). Всѣ эти владыки, цензора, авдиторы и сѣкундаторы, держались на одинаковомъ продовольствіи съ остальными бурсаками: всѣ они голодали, а между тѣмъ имъ была дана власть надъ массами; цензоръ и авдиторы могли во всякую данную минуту подвести любого изъ своихъ товарищей подъ розги; а сѣкундаторъ могъ сѣчь бережно или во всю ивановскую; каждый изъ этихъ властителей понималъ свою силу и давалъ ее чувствовать тѣмъ подчиненнымъ, которые осмѣливались сомнѣваться въ ея сокрушительности. Подчиненные принуждены были подольщаться къ сановникамъ и откупаться отъ ихъ взысканій деньгами и различными приношеніями. «Цензора, авдиторы, старшіе и сѣкундаторы, говоритъ Помяловскій, получили полную возможность дѣлать что угодно. Цензоръ былъ чѣмъ-то въ родѣ царька въ своемъ царствѣ, авдиторы составляли придворный штатъ, а второкурсные (оставшіеся въ классѣ на второе двухлѣтіе) — аристократію». (Стр. 13). «Тавля, въ качествѣ второкурснаго авдитора, притомъ въ качествѣ силача, былъ нестерпимый взяточникъ, дралъ съ подчиненныхъ деньгами, булками, порціями говядины, бумагой, книгами. Ко всему этому Тавля былъ ростовщикъ».... «Необходимость въ займѣ всегда существовала. Цензоръ или авдиторъ требовали взятки; не дать — бѣда, а денегъ нѣтъ; вотъ и идетъ первокурсный къ своему же товарищу, но ростовщику; понятно, что въ этомъ случаѣ онъ заранѣе согласенъ на какой угодно процентъ, лишь бы избавиться отъ престоющихъ грядущихъ розгачей. Кредитъ обыкновенно гаранти-

руется кулакомъ, либо всегдашнею возможностью нагадить должнику, потому что рисковали на ростъ только второкурсники». (Стр. 14).

Этого источника деморализаціи въ мертвомъ домѣ не было; арестанты могли обворовывать другъ друга, но взяточничество было для нихъ невозможно, потому что ни одинъ изъ нихъ не могъ подводить своихъ товарищей подъ наказанія. Когда арестантъ занималъ у ростовщика, то онъ тратилъ эти деньги на свои собственныя надобности или удовольствія, а не на то, чтобы отвратить отъ своей спины карающую десницу, вооруженную *прежестокими розгами*. Поэтому, вѣроятно, каторжный процентъ былъ впятеро ниже бурсацкаго. Неимовѣрная высота послѣдняго объясняется преимущественно тѣмъ страхомъ, подъ вліяніемъ котораго находился ученикъ въ то время, когда онъ обращался къ ростовщику.

Обирая своихъ подчиненныхъ, классные сановники въ то же время и развращали ихъ, пріучая ихъ къ самому безотвѣтному раболѣпству, и подвергая ихъ самымъ возмутительнымъ униженіямъ. «Пошлая, гнилая и развратная натура Тавли, говоритъ Помяловскій проявилась вся при деспотизмѣ второкурсія. Онъ жилъ бариномъ, никого знать не хотѣлъ ему писались записки и вокабулы, по которымъ онъ учился; самъ не встанетъ для того, чтобы напиться воды, а кричить: «Эй, Катька, пить!» Подъавдиторные чесали ему пятки, а не то велить взять перочинный ножъ и скоблить ему между волосами въ головѣ, очищая эту поганую голову отъ перхоти, которая почему-то называлась плотью; заставлялъ говорить ему сказки, да непремѣнно страшныя (проявленіе эстетическаго чувства!), а не страшно такъ отдуеть (проявленіе критической разборчивости!); да и чѣмъ только, при глубокомъ развратѣ Тавли, не служили для него подъавдиторные?» (Стр. 15). Въ послѣднихъ словахъ заключается довольно ясный намекъ на — какъ бы выразиться поупочениѣе?—на сократическую любовь...

VI.

Человѣческая природа до такой степени богата, сильна и эластична, что она можетъ сохранять свою свѣжесть и свою красоту посреди самаго гнетущаго безобразія окружающей обстановки. Чистыя и свѣтлыя личности, подобныя Добролюбову и Помяловскому, выходятъ иногда изъ бурсы, такія же личности проходятъ иногда не загрязнившись, черезъ мертвый домъ. Но и въ бурсѣ, и въ мертвомъ домѣ, на одного

устоявшаго приходится всегда по нѣсколько десятковъ погибшихъ, развращенныхъ, разслабленныхъ, растерявшихъ здоровье, энергію и умственные способности. Устоять противъ бурсы, должно быть, во всякомъ случаѣ гораздо труднѣе, чѣмъ удержаться невредимымъ въ мертвомъ домѣ. Въ бурсу поступаютъ малолѣтніе ребята, которыхъ силы и способности, какъ бы онѣ ни были велики и блистательны, могутъ быть направлены и въ хорошую, и въ дурную сторону, и на полезный трудъ, и на подлое надувательство, смотря потому, какимъ вліяніямъ подчинятся формирующійся характеръ и развивающійся умъ. Въ мертвый домъ, напротивъ того, попадаютъ обыкновенно взрослые люди, которые или окончательно испорчены жизнью, или уже до такой степени закалены въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, что никакія постороннія вліянія не покачнутъ ихъ убѣжденій ни въправо ни влѣво. Первыхъ уже нечего портить, а вторыхъ испортить невозможно. Къ этимъ двумъ крайнимъ разрядамъ надо впрочемъ прибавить третій, очень многочисленный разрядъ людей, попавшихъ на каторгу случайно, за какое нибудь такое преступленіе, въ которомъ нельзя подмѣтить ни радикальной испорченности, ни фанатической любви къ непопозволительной идеѣ. Къ этому третьему разряду принадлежать преимущественно убійцы, потому что убійство очень часто обуславливается такими страстями и порывами, которые во всякую данную минуту могутъ разыгаться въ самомъ спокойномъ и кроткомъ человѣкѣ. Въ этомъ третьемъ разрядѣ могутъ попадаться люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ, между прочимъ и такіе, которые, безъ какой нибудь несчастной случайности, безъ какого нибудь совершенно непредвидимаго и неотвратимаго стеченія обстоятельствъ, прожили бы непременно до глубокой старости по всѣмъ правиламъ строжайшаго благочинія. Разнообразію характеровъ соотвѣтствуетъ въ мертвомъ домѣ безконечное разнообразіе той жизни, которую вели его обитатели раньше своего соединенія подъ гостепріимною кровлею острога.

При такомъ разнообразіи стремленій, понятій, воспоминаній и надеждъ, — у взрослыхъ людей, собранныхъ въ острогъ со всѣхъ концовъ Россіи и расположенныхъ заранѣе подозрѣвать другъ въ другѣ отъявленныхъ мерзавцевъ, — не можетъ проявляться особенно сильная склонность къ взаимному сближенію. Корпоративный духъ въ острогѣ долженъ быть очень слабъ. Яркія и крѣпкія личности должны конечно подчинять своему вліянію людей безцвѣтныхъ и ничтожныхъ, такъ точно, какъ это дѣлается само собою во всякомъ обществѣ; но въ мертвомъ домѣ не должно существовать такой силы, которая пригоняла бы къ одному общему идеалу и шлифовала бы на одинъ образецъ всѣ индивидуальныя умы и характеры. Осторожное общество такъ рыхло и рассыпчато, въ немъ такъ мало однородности и компактности, что оно, какъ общество,

не может подчинить своихъ членовъ никакимъ общеобязательнымъ законамъ, запрещеніямъ или предписаніямъ. Это полное безсиліе общества особенно ярко выражается въ томъ обстоятельстве, что это общество даже не пробуетъ защищать себя противъ своихъ собственныхъ измѣнниковъ и шпионовъ. Во II томѣ своихъ записокъ, отъ стр. 150—168, г. Достоевскій рассказываетъ, какимъ образомъ арестанты заявляли претензію, то есть жаловались плацъ-маіору на дурное качество пищи. Большинство сговорилось между собою, выстроилось на острожномъ дворѣ, и черезъ унтеръ-офицера послало доложить маіору, что «желаетъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ». Маіоръ пріѣхалъ и тотчасъ началъ ругаться; арестанты не произнесли ни одного слова, и претензія разстроилась, потому что многіе струсили и объявили себя довольными. Кромѣ того нѣсколько человекъ во время претензіи оставались въ кухнѣ и не хотѣли принимать въ общей демонстраціи никакого участія. Когда все дѣло кончилось, и когда маіоръ перепоролъ тѣхъ людей, которыхъ ему угодно было считать зачинщиками, тогда арестанты не обнаружили никакого неудовольствія, ни противъ тѣхъ, которые сидѣли въ кухнѣ, ни противъ тѣхъ, которые первые объявили себя довольными и разстроили общее предпріятіе. Явная измѣна, подводившая подъ розги смѣлыхъ и стойкихъ товарищей, осталась такимъ образомъ совершенно безнаказанною. Это обстоятельство очень удивляетъ автора записокъ, потому что авторъ совершенно ошибочно примѣняетъ къ мертвому дому тѣ понятія о товариществѣ, которыя мы обыкновенно выносимъ съ собою въ жизнь изъ учебныхъ заведеній. Но эти понятія къ населенію мертваго дома совершенно непримѣнимы. Гдѣ существуетъ хоть какое нибудь товарищество, тамъ непременно должны существовать ненависть и презрѣніе къ фискальству. Безъ этого условія товарищество немыслимо, и солидарность между отдѣльными личностями невозможна. А въ мертвомъ домѣ не было ничего похожаго на преслѣдованіе доносчиковъ. «Что же касается вообще доносовъ, говоритъ г. Достоевскій, то они обыкновенно процвѣтаютъ. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію; негодованіе къ нему даже немыслимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, если бы вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли». (I, 68).

Не можетъ быть, чтобы то лицо, которое само страдаетъ отъ доноса, не чувствовало ненависти противъ доносчика. Это было бы совершенно неестественно. Боль всегда вызываетъ злобу противъ причины боли. Но тутъ-то именно и обнаруживается разница между товариществомъ и такимъ обществомъ, въ которомъ нѣтъ солидарности. Въ товариществѣ боль одного лица отражается на всѣхъ остальныхъ; всѣ заступаются за одного, и одинъ долженъ дѣйствовать, какъ всѣ; донос-

чикъ оказывается общимъ врагомъ, и съ нимъ не смѣютъ водить дружбу даже тѣ люди, которымъ его поступокъ не внушаетъ особенно сильнаго отвращенія. Въ такомъ обществѣ, какъ населеніе мертваго дома, дѣло идетъ совсѣмъ иначе: тутъ всякій злится и мститъ собственными средствами только за свои собственные обиды. Очень можетъ быть, что многіе презираютъ и ненавидятъ доносчика, но эти чувства обнаруживаются въ разсыпную, урывками, такъ что выраженія этихъ чувствъ сливаются съ общимъ потокомъ ругательствъ, безпрестанно оглашающихъ собою различныя обитатели мертваго дома. Изъ того, что доносчиковъ не преслѣдуютъ, никакъ нельзя выводить то заключеніе, что всѣ арестанты—подлецы, способные сами, при первомъ удобномъ случаѣ, превратиться въ фискаловъ. Ничуть не бывало. Терпимость въ отношеніи къ доносчикамъ доказываетъ только, что между арестантами нѣтъ единодушія и взаимнаго довѣрія. Каждый держитъ себя особнякомъ и думаетъ про себя: это не мое дѣло. Сунусь я одинъ ругать или бить доносчика — а вдругъ меня никто не поддержитъ, и останусь я въ дуракахъ; надо мною же всѣ будутъ смѣяться, да и шпионъ нагадитъ мнѣ по-своему.

При полномъ отсутствіи товарищества въ мертвомъ домѣ, каждый можетъ совершенно безпрепятственно оставаться самимъ собою, можетъ также, слѣдуя собственному влеченію, совершенствоваться или развращаться. Никому до этого не будетъ дѣла; каждый занятъ самимъ собою и каждый требуетъ только съ своей стороны, чтобы имъ какъ можно меньше занимались другіе; весь тонъ арестантскихъ разговоровъ носитъ на себѣ печать общей скрытности и несообщительности; арестанты болтаютъ, шутятъ, смѣются, ругаются, но разговоръ, и брань вертятся постоянно на самыхъ незначительныхъ предметахъ, вовсе незатрагивающихъ за живое тѣхъ людей, которые разговариваютъ и бранятся; кромѣ того, смѣхъ и шутки большинству арестантовъ рѣшительно не нравятся; ровная и сдержанная угрюмость составляетъ въ мертвомъ домѣ преобладающій колоритъ именно потому, что эта угрюмость всего лучше соответствуетъ внутренней разьединенности такихъ людей, которые принуждены жить вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, не чувствуя никакихъ взаимныхъ симпатій и не желая имѣть другъ съ другомъ никакихъ общихъ интересовъ. Въ бурсѣ отношенія между обществомъ и отдѣльною личностью складываются совсѣмъ не такъ, какъ въ мертвомъ домѣ. Въ бурсѣ товарищество очень сильно, быть можетъ, даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всякое школьное товарищество есть, въ большей или меньшей степени, оборонительный или наступательный союзъ учениковъ противъ начальства. Чѣмъ свирѣпѣе начальство и чѣмъ сильнѣе ненавидятъ его ученики, тѣмъ тѣснѣе смыкаются они между собою, чтобы выручать другъ друга въ бѣдѣ и чтобы общими силами

причинять непобѣдимому врагу множество мелкихъ непріятностей. Такъ какъ свирѣпость и скаредность бурсацкаго начальства доходила до фантастическихъ размѣровъ, то союзъ противъ этого начальства былъ совершенно необходимъ для спасенія здоровья и даже, можетъ быть, жизни учениковъ. Союзъ этотъ, разумѣется, былъ очень тѣсенъ, потому что общая ненависть была велика, а общая опасность постоянно висѣла, какъ дамокловъ мечъ, если не надъ головами, то, по крайней мѣрѣ, надъ спинами всѣхъ бурсаковъ.

Начальство мертваго дома было также достаточно свирѣпо и скаредно, и спины арестантовъ находились также въ постоянной опасности, но союза однако же не было, во-первыхъ потому, что арестанты, какъ люди опытные, понимали непобѣдимость общаго врага, а во-вторыхъ потому, что слишкомъ большое разнообразіе уже сформированныхъ характеровъ и умовъ заранѣе уничтожало всякую возможность соглашенія. Бурсаки, напротивъ того, лѣзли въ неравный бой со всею неразсчитливою заносчивостью молодости; имъ прежде всего хотѣлось насолить начальству, не обращая вниманія на то, что за это соленіе будетъ расплачиваться ихъ собственная шкура; страсть брала верхъ надъ благоразуміемъ, и легко можетъ быть, что именно эти взрывы страсти спасали бурсаковъ отъ окончательнаго отупѣнія и отъ неизлечимаго идиотизма. Далѣе, заключеніе и поддерживаніе тѣснаго товарищескаго союза было особенно удобно и легко потому, что въ бурсѣ, какъ въ чистословномъ заведеніи, было очень мало внутренняго разнообразія. Въ бурсу поступали дѣти, выросшія при очень сходныхъ условіяхъ, воспитанныя въ одинаковыхъ пднятіяхъ, учившіяся читать по однимъ и тѣмъ же книгамъ, игравшія дома въ однѣ и тѣ же игры, слышавшія отъ взрослыхъ одни и тѣ же нравоученія, словомъ, въ бурсу поступали цвѣтки одной и той же почвы, или одного поля ягоды. Имъ было уже очень не трудно спѣться между собою и выработать, при содѣйствіи начальственнаго гнета, одинъ общій идеаль, который для всѣхъ вновь поступающихъ учениковъ сдѣлался уже строго-обязательнымъ. Хотя идеаль былъ выработанъ при самыхъ каторжныхъ условіяхъ жизни, однако же бурсаки горячо полюбили этотъ идеаль и стали имъ гордиться, продолжая въ то же время ненавидѣть и презирать бурсу, то есть, ту форму, въ которую ихъ возлюбленный идеаль былъ отлитъ. Бурсацкій идеаль имѣетъ свои хорошія стороны; его можно назвать превосходнымъ оборонительнымъ оружіемъ, посредствомъ котораго богатая и сильная натура можетъ защитить себя отъ притупляющаго вліянія бурсацкой атмосферы, созданной тупоумной рутиной. Единственная обязанность идеальнаго бурсака состоитъ въ томъ, чтобы безгранично и неумолимо ненавидѣть гнетущую силу, проводя эту ненависть во всѣ

поступки жизни и дѣйствуя постоянно наперекоръ всѣмъ начальственнымъ приказаніямъ и запрещеніямъ.

Суровый и дикій идеаль бурсаковъ хорошъ именно тѣмъ, что поддерживаетъ въ своихъ поклонникахъ мужество, энергію, стойкость, расторопность, свободу сужденій, и вообще такія качества, которыя были бы безпощадно истреблены начальственною системою безгласности, рабства и чиновочитанія. Но во-первыхъ, бурсацкій идеаль не всякому по силамъ; а во-вторыхъ, этотъ идеаль многими своими сторонами могъ прирости къ человѣку на-глухо и совершенно изуродовать на всю жизнь умъ и характеръ даннаго субъекта. Въ бурсу поступало много дѣтей слабаго сложенія, кроткаго и уступчиваго характера; эти личности, робкія, нѣжныя, стыдливыя, чувствительныя, приученныя къ материнскимъ ласкамъ и способныя плакать на-взрыдъ отъ сердитаго взгляда или отъ насмѣшливаго слова, попадали въ бурсѣ подъ перекрестный огонь, который совершенно сбивалъ ихъ съ толку и въ короткое время превращалъ ихъ въ подлецовъ или идіотовъ, не смотря на то, что они, по своимъ природнымъ задаткамъ, могли бы сдѣлаться людьми честными и очень неглупыми. Съ одной стороны, этихъ дѣтей тиранило начальство; съ другой стороны, ихъ презирало товарищество за то, что въ нихъ не было бурсацкой суровости и воинственности. Начальство требовало отъ этихъ простодушныхъ младенцевъ того, чего оно не рѣшилось бы требовать отъ закаленныхъ или *отпѣтыхъ* бурсаковъ; изъ такихъ птенцовъ, ошеломленныхъ бурсацкими нравами, начальство, при пособіи кое-какихъ коварно-ласковыхъ словъ, очень легко могло изготovitъ себѣ фискаловъ. Первое фискальство можетъ быть сдѣлано случайно, вслѣдствіе ребяческой довѣрчивости, вслѣдствіе неумѣнья отмалчиваться и отнѣкиваться; но когда первый шагъ сдѣланъ, тогда дуна уже продана чорту, и отступление становится невозможнымъ, потому что товарищество не умѣетъ прощать, и въ раскаяніе фискаловъ не вѣритъ. Тогда несчастному мальчику приходится уже, изъ чувства самосохраненія, городить ложь на ложь и подлость на подлость, до тѣхъ поръ, пока наушничество и пролазничество не сдѣлаются для него второю натурою.

Надо сказать правду, что, кромѣ начальства, въ развращеніи такихъ личностей виновато и само товарищество, которое на первыхъ порахъ отталкиваетъ и озадачиваетъ робкаго новичка своею суровостію и неумолимостію. Тѣмъ матушкинымъ сынкамъ, которымъ удастся избѣгнуть сѣтей начальства, въ бурсѣ предстоитъ также незавидная участь. Примкнувши къ товариществу, они стараются поддѣлаться подъ его замашки, напускаютъ на себя искусственное ухарство, отдаютъ себя въ полное распоряженіе настоящихъ удалцовъ, съ которыми у нихъ по натурѣ нѣтъ ничего общаго, и такимъ образомъ, отказавшись отъ всякой нрав-

ственной самостоятельности, приучаются на всю жизнь плясать по чужой дудкѣ и носить маски, совершенно несоотвѣтствующія природнымъ наклонностямъ. Подъ ихъ напускнымъ молодечествомъ скрывается самая жалкая безцвѣтность, которая и обнаружится немедленно, какъ только эти недоразвившіяся личности выйдутъ изъ подъ вліянія товарищества и вступятъ въ дѣйствительную жизнь.

Для сильныхъ характеровъ, для настоящихъ головорѣзовъ, бурсацкій идеаль опасенъ тѣмъ, что онъ можетъ наградить ихъ на всю жизнь буйными инстинктами и дикими привычками, совершенно неудобными въ цивилизованномъ обществѣ и до крайности тяжелыми для всѣхъ окружающихъ людей. Если бурсакъ, вырвавшись изъ бурсы на свободу, останется вѣренъ своему идеалу, — то онъ рискуетъ сдѣлаться горькимъ пьяницею, уличнымъ буяномъ, дикимъ самодуромъ въ семействѣ и не-сноснѣйшимъ человѣкомъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей. А между тѣмъ ему очень трудно отрѣшиться отъ такого идеала, передъ которымъ онъ благоговѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Для того, чтобы это отрѣченіе сдѣлалось возможнымъ, бурсаку необходимо встрѣтиться съ такими людьми и съ такими идеями, которые идутъ прямо въ разрѣзъ всѣмъ бурсацкимъ преданіямъ и убѣжденіямъ. Тогда пелена спадетъ съ глазъ умнаго, даровитаго и энергическаго бурсака, которому бурса дала драгоценную способность терпѣть, злиться и выжидать благопріятную минуту. Тогда, и только тогда, здоровая бурсацкая сила, взлелѣянная всевозможными невзгодами, перестанетъ тратиться на глупые подвиги ухарства и, пристроившись къ полезному дѣлу, развернется во всю свою ширину. Это значитъ, что бурсакъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ, даровитъ и крѣпокъ, можетъ сдѣлаться свѣтлою личностью только за предѣлами бурсы. Въ самой же бурсѣ лучшіе изъ бурсаковъ подавлены своимъ идеаломъ, а мы уже видѣли, что этотъ идеаль очень хорошъ для борьбы, но никуда не годится при обыкновенныхъ условіяхъ мирной трудовой жизни. Не годится онъ также и для той высшей борьбы, въ которой умные и честные люди поражаютъ заблужденія и разбиваютъ софизмы своихъ недалководидныхъ или недобросовѣстныхъ современниковъ. Но хорошъ и великъ бурсацкій идеаль тѣмъ, что онъ, какъ твердая скорлупа, охраняетъ до поры до времени и берегаетъ для великаго житейскаго борьбы такія силы, которыя, оставаясь безъ прикрытія, непременно испортились бы въ затхлой атмосферѣ зубренія и слѣпago послушанія.

VII.

Послѣ всего, что было говорено выше, читателя уже не должно удивлять то обстоятельство, что въ мертвомъ домѣ встрѣчается больше

привлекательныхъ и симпатичныхъ характеровъ, чѣмъ въ бурсѣ. Въ тѣхъ четырехъ очеркахъ, которые успѣлъ написать Помяловскій, выведено на сцену нѣсколько сильныхъ натуръ, одаренныхъ блестящими способностями и желѣзною волею, но эти натуры находятся постоянно въ осадномъ положеніи, онѣ вѣчно враждуютъ не только съ начальствомъ, но и между и собою; добродушію, дружелюбію, мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ человѣческой природы въ бурсѣ рѣшительно нѣтъ мѣста; всѣ игры бурсаковъ — *постные, скоромные, швычки, щипчики*, и т. д. основаны на томъ, чтобы наносить другъ другу боль самыми разнообразными средствами; во время рекреаціи, ученики старшаго класса, отъ нечего дѣлать, отправляются *дуть приходчину*, т. е. колотить младшій классъ; идя въ баню, бурсаки наравятъ изобидѣть всякаго встрѣчнаго, и монастырскаго сторожа, и ломового извозчика, и барочныхъ мужиковъ, и уличныхъ собакъ, и даже жильцовъ тѣхъ домовъ, мимо которыхъ лежитъ ихъ путь. «Шествіе ихъ, говоритъ Помяловскій, знаменуется порчею разныхъ предметовъ, безъ всякаго смысла и пользы для себя, а просто изъ эстетическаго наслажденія разрушать и пакостить». «Старуха бросается отъ нихъ опретью на другую сторону улицы и шепчетъ съ ужасомъ: «Господи! да это никакъ бурса тронулась!» «Хорошо, прибавляетъ Помяловскій, что она догадалась перейти на другую сторону, а то нашлись бы охотники сдѣлать ей *смазь, и верховную, и боковую, и всеобщую*». (Стр. 74). Подъ вліяніемъ тяжелой жизни, наполненной лишеніями, нравственными обидами и физическими страданіями, въ бурсака развивается и созрѣваетъ хроническая потребность срывать зло на правыхъ и на виновныхъ, на людяхъ и на животныхъ, и вообще на всемъ, что можно растерзать и исковеркать. Разумѣется, эта потребность сама себя питаетъ и поддерживаетъ; бурсаки всего чаще срываютъ его другъ на другѣ, и, увеличивая собственными безобразіями массу своихъ страданій, увеличиваютъ въ то же время и количество того зла, которое должно быть сорвано. Это очень откровенно и наглядно выражено Помяловскимъ по поводу избіенія приходчины. «Впрочемъ, говоритъ онъ, въ такихъ случаяхъ большинство только удовлетворяло своей потребности побить когонибудь, дать вытряску, дупку, волосянку, отдуть, отвалить, взберепенить, отмордасить, чтобы чувствовать, что въ твоихъ рукахъ нищитъ что-то живое, страдаетъ и просить пощады, и все это дѣлается не изъ мести, не изъ вражды, а просто изъ любви къ искусству». (Стр. 46).

Опредѣленной вражды тутъ дѣйствительно нѣтъ, но любовь къ искусству *срепенить* и *мордасить* развилась именно отъ того, что бурсака постоянно озлобленъ на всѣхъ и на все. Теперь представьте же вы себѣ, какова должна быть злость той приходчины, которая должна нищать, страдать и просить пощады. Что должна чувствовать эта приход-

чина послѣ ухода истребителей? Она должна клокотать и задыхаться отъ злости, тѣмъ болѣе, что злость ея безсильна, и что многіе изъ этой избитой приходчины навѣрное въ тотъ же день уже были высѣчены учителями, которымъ также ничѣмъ нельзя было отмстить. Что же это за жизнь! Утромъ поретъ учитель, вечеромъ дупятъ ученики. И куда же долженъ вылиться весь запасъ накипѣвшей злости? А разумѣется, онъ выльется въ нѣдра той же избитой и пересѣченной приходчины. Ученики начнутъ придирааться другъ къ другу; затѣются междуусобныя потасовки, и озлобленіе будетъ постоянно возрастать, вмѣсто того, чтобы успокоиваться. Было бы очень удивительно, если бы при такихъ условіяхъ, въ бурсѣ могли выработаться или только сохраниться кроткіе и любвеобильные характеры.

Самыми яркими и замѣчательными личностями въ очеркахъ Помяловскаго являются Аксютка и Гороблагодатскій. Съ Аксюткой мы уже отчасти знакомы: онъ знаменитый воръ, мастеръ своего дѣла, веселый и остроумный изобрѣтатель мазурническихъ продѣлокъ и притомъ человѣкъ, освободившійся отъ всякихъ предрасудковъ, такой человѣкъ, который крадетъ все и у всѣхъ: у лавочника онъ тащитъ булки, малиновое варенье, картофель, и при этомъ не забываетъ наплевать, для пущей игривости, въ кадушку съ капустой; у товарищей онъ крадетъ книги, бумагу, платье и тутъ же кладетъ на мѣсто украденныхъ вещей камни или грязь, чтобы оскорбить собственника не только убыткомъ, но еще и насмѣшкой; укравши у товарища мѣшокъ съ толокномъ, Аксютка, ради глумленія, самъ же подуетъ собственника его же добромъ; у училищнаго солдата Аксютка воруетъ голенищи и потомъ самъ же дразнитъ его голенищами; у своей невѣсты похищаетъ шелковый платокъ и три мѣдныхъ гривны. Впрочемъ, собственно говоря, у Аксютки даже никакой невѣсты и не было, и однако же несомнѣнно то, что онъ былъ «уволень въ городъ для свиданія съ своею невѣстою, Ириною Вознесенскою», у которой онъ и укралъ вышеупомянутыя вещи. А какимъ образомъ Ирина Вознесенская, въ одно и то же время, можетъ быть и не быть невѣстою Аксютки—это исторія хитрая и любопытная, которую стоитъ рассмотреть внимательно, тѣмъ болѣе, что она, съ своей стороны, бросаетъ нѣсколько лучей свѣта на причины бурсацкой дикости и наглости. Дѣло все въ томъ, что за дьячковскою дочерью, Ириною Вознесенскою, закрѣплено мѣсто ея покойнаго отца; это значить, что ея мужъ сдѣлается дьячкомъ въ томъ приходѣ, гдѣ служилъ ея отецъ; такъ какъ приходъ не можетъ долго оставаться безъ дьячка, то Ирина Вознесенская должна выходить замужъ немедленно, тотчасъ послѣ смерти отца. А чтобы найти жениха, Ирина, вмѣстѣ съ матерью, отправляются въ разсадникъ жениховъ, то есть, въ бурсу, вадятся въ ноги инспектору, какъ стражу этого прекраснаго вертограда, подносятъ ему

ливанъ и смирну, или точнѣе, ромъ, чай, сахаръ, грибы, яблоки, холстъ и серебряный рубль, и наконецъ, задобривъ цербера медовыми лепешками, умоляютъ его одолжить жениха и даже не жениха, а жениховъ... «Да не озорниковъ какихъ, батюшка!» прибавляетъ старуха, продолжая выражаться во множественномъ числѣ. Просьба старухи показываетъ, что достоинства бурсаковъ достаточно извѣстны русскому духовенству. Инспекторъ черезъ цензора вызываетъ къ себѣ жениховъ, которыхъ оказывается пять человекъ. Двоихъ инспекторъ бракуетъ, одного за нетрезвое поведеніе, другого за несовершеннолѣтіе. Остальные трое одобряются инспекторомъ и получаютъ отъ него отпускные билеты, гдѣ прописано, что каждый изъ нихъ уволенъ въ отпускъ для свиданія съ своею невѣстою, Ириною Вознесенскою.

Такимъ образомъ Ирина Вознесенская, въ одинъ и тотъ же день, по волѣ бурсацкаго начальства, оказалась невѣстою троихъ жениховъ. Въ число одобренныхъ претендентовъ попалъ Аксютка, о которомъ инспекторъ, повидимому, думалъ, что онъ совсѣмъ не озорникъ. На другой день женихи всѣ вмѣстѣ отправляются къ невѣстѣ, но къ сожалѣнію Помяловскій пропускаетъ сцену смотринъ и прямо сообщаетъ читателю окончательные результаты. Оказывается, что претенденты размежевались полюбовно: Аксютка отправился къ своей невѣстѣ собственно за тѣмъ, чтобы поѣсть и украсть; поэтому онъ совершенно удовольствовался угощеніемъ, шелковымъ платкомъ и мѣдными гривнами. Другой претендентъ, Васенда, имѣлъ болѣе серьезныя намѣренія, но ему не понравились ни невѣста, ни приданое, ни закрѣпленный приходъ. Третій, Азинусъ, женился.

Такимъ образомъ дѣло обошлось благополучно. Но вѣдь могло оно разыгратъ совершенно иначе. Можно себѣ представить два любопытные случая: во-первыхъ тотъ, что ни одинъ изъ жениховъ не пожелалъ бы обвиняться съ дѣвицею Вознесенскою, а во-вторыхъ тотъ, что всѣ трое прельстились бы невѣстою, приданымъ и закрѣпленнымъ приходомъ.

Въ первомъ случаѣ чрезвычайно интересно было бы знать, что принималъ бы инспекторъ. «Чтожь вы, подлецы, — сказалъ бы онъ вѣроятно, — въ дуракахъ меня что ли оставить хотите? Нѣтъ, врите; сунулись въ женихи, такъ теперь и вѣнчайтесь, такіе-сякіе!» Но тутъ инспекторъ вспомнилъ бы, что вѣдь ихъ, подлецовъ или жениховъ, все-таки нѣсколько, и что нельзя же ихъ всѣхъ перевѣнчать съ Ириною Вознесенскою, какъ бы ни было такое наказаніе полезно и внушительно въ педагогическомъ отношеніи. Надо непременно выбрать одного, чтобы этого избраннаго сдѣлать козломъ отпущенія. Но какимъ же образомъ выбрать? Приказать имъ развѣ, чтобы они кинули между собою жребій, и чтобы Ирина Вознесенская досталась тому, кому измѣнить счастье?

Или, можетъ быть, просто принять въ соображеніе списокъ балловъ и обречь на жертву того, кто учится и ведетъ себя хуже всѣхъ остальныхъ? Женить человѣка за дурное поведеніе, наказать человѣка женитьбою—это конечно очень мило, остроумно и даже водевилльно, но и тутъ есть серьезное затрудненіе. Женихъ въ церкви непременно долженъ самъ сказать «да» и очень легко можетъ случиться, что озорникъ, осужденный на женитьбу, въ пику начальству, скажетъ «нѣтъ», презирая всѣ могущія вослѣдовать престокие розгачи. Чѣмъ хуже онъ ведетъ себя, и слѣдовательно, чѣмъ больше онъ заслуживаетъ наказаніе, тѣмъ правдоподобнѣе, что онъ, по озорству своему, осмѣлится отъ него уклониться. Скажетъ «нѣтъ», и кончено дѣло, хоть ты козь на головѣ теши! Что тутъ прикажете дѣлать? Не знаю, рѣшительно не знаю. Я никогда не былъ инспекторомъ бурсы, поэтому никакъ не могу себѣ представить, чтобы я сталъ предпринимать, если бы упорство моихъ питомцевъ лишило меня возможности презентовать Ирину Вознесенскую жениха, за котораго я уже получилъ наличную плату деньгами, вещами и колынопреклоненіями.

Второй возможный случай также достаточно интересенъ, хотя и менѣе затруднителенъ для инспектора бурсы. Спрашивается, какимъ образомъ примирить притязанія троихъ молодцовъ, которые, опираясь на свои отпускные билеты, всѣ трое захотѣли бы серьезно считать себя женихами Ирины Вознесенской? Можно было бы, пожалуй, предоставить рѣшеніе вопроса самой невѣстѣ, но какія же она можетъ имѣть основательныя причины для того, чтобы выбрать себѣ одного изъ троихъ юношей, которыхъ она видитъ въ первый разъ въ жизни? А между тѣмъ проживаться въ городѣ ей неприходится; кромѣ того, дьяческое мѣсто не можетъ стоять вакантнымъ, куда Ирина Вознесенская будетъ изучать своихъ претендентовъ; наконецъ и бурсаковъ не станутъ же отпускать къ ней въ гости до тѣхъ поръ, пока она соблаговолитъ рѣшиться; однимъ словомъ, надо выбирать немедленно, имѣя въ виду и тотъ шансъ, что любезный супругъ, въ первый же день медоваго мѣсяца, можетъ подбить своей сожительницѣ оба глаза или стащить въ кабакъ ея заячій салопъ, или провороваться и попасть подъ судъ. Если нѣтъ возможности сдѣлать выборъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, если бракъ совершается при такихъ условіяхъ, при которыхъ не можетъ возникнуть чувство, способное заглушить всякія опасенія,—то невѣстѣ всего лучше оставаться совершенно пассивнымъ лицомъ до самаго конца всей исторіи. Тогда, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ неудачи, ей можно будетъ плакаться на судьбу, а не на собственную оплошность. Можно будетъ, во время подбиванія глазъ или пропиванія салопъ, утѣшать себя тѣмъ размышленіемъ, что не было другого выхода и что все это сдѣлалось помимо ея воли. Жизнь Ирины Вознесенской,—бѣдной, некрасивой

и уже очень немолодой дочери деревенскаго дьячка, — уже давно должна была приучить ее къ той безотвѣтной и полусонной покорности, которая составляет послѣднее утѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, послѣднее утѣхище забитыхъ и затертыхъ личностей, обиженныхъ природою и людьми. Для такой личности, махнувшей рукой на себя и на жизнь, каждое проявленіе энергіи и самостоятельности составляет очень тяжелый и даже мучительный трудъ. Поэтому Ирина Вознесенская врядъ ли согласилась бы воспользоваться правомъ выбора, если бы такое право было ей предоставлено претендентами и начальствомъ бурсы.

Но такой утонченной деликатности нельзя даже и ожидать ни отъ претендентовъ, ни отъ начальства. Инспекторъ знаетъ очень хорошо, что Ирина наглухо прикрѣплена къ своему мѣсту, безъ котораго ей нечѣмъ будетъ кормиться; знаетъ онъ также очень твердо, что судьба Ирины въ его рукахъ, и что отъ него зависитъ наградить Ириною достойнѣйшаго изъ претендентовъ, если только Ирина дѣйствительно въ какомъ-нибудь отношеніи можетъ исправлять должностъ награды. Этого права инспекторъ, вѣроятно, не захочетъ выпустить изъ своихъ рукъ, потому что власть и могущество, во всѣхъ своихъ малѣйшихъ проявленіяхъ, веселятъ сердце и возвышаютъ духъ всякаго начальствующаго человѣка. Бурсаки, съ своей стороны, желая вырваться изъ бурсы и, влюбившись въ прелести прихода, приданаго и независимой жизни, все не будутъ великодушничать и отдаваться на произволь Ирины. Они будутъ спорить между собою, оставляя невѣсту въ пассивно-выжидательномъ положеніи, и споръ ихъ, по всей вѣроятности, будетъ рѣшенъ или какою-нибудь полюбовною сдѣлкой, съ распитіемъ нѣсколькихъ косушекъ насчетъ счастливаго соперника, или, что еще правдоподобнѣе, безапелляціоннымъ приговоромъ инспектора, который въ этомъ случаѣ превратитъ Ирину въ премію низкопоклонства, искуснаго лицемерія и, быть можетъ, даже усерднаго фискальства.

Въ разсказѣ Помяловскаго всѣ эти затрудненія сглаживаются сами собою, но любопытно обратить вниманіе на тѣ причины, которыя отклонили отъ брака одного изъ претендентовъ, Васенду, имѣвшаго серьезное намѣреніе жениться. «Васенда, — говоритъ Помяловскій, — какъ человѣкъ положительный и практическій, нашелъ невыгоднымъ закрѣпленное мѣсто, приданое и обязательства, а невѣсту черезчуръ заматорѣвшею во днѣхъ своихъ, на видъ рябую, длинную и черстою. Онъ рѣшился остаться въ камчаткѣ (камчаткою назывались заднія скамейки класса, составлявшія жилище неисправимыхъ лѣнтяевъ) до лучшей суженой» (стр. 164).

Эти слова даютъ вамъ нѣкоторое понятіе о красотѣ той сцены, которая называется *смотринами*, и въ которой живая и свободная человѣческая личность продается и покупается съ соблюденіемъ всѣхъ тор-

говыхъ правилъ и ухватокъ толкучаго рынка. Эта сцена особенно мило-видна тѣмъ, что тутъ сразу даже и не разберешь, кто кого покупаетъ, кто кого продаетъ, кто кого забираетъ въ кабалу. Всѣ дѣйствующія лица (кромѣ Аксютки, пришедшаго ѣсть и красть) играютъ роль страда-тельную, зависимую и подневольную. Всѣ они подавлены какою-то высшею силою, которая заставляетъ ихъ насиловать самыя естественныя и не-истребимыя наклонности человѣческой природы. Стоитъ только сличить то, чего хотятъ всѣ дѣйствующія лица этой сцены, съ тѣмъ, что они дѣлаютъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ они — жертвы, всѣ, кромѣ Аксютки, и что всѣхъ ихъ, кромѣ того же Аксютки, продаетъ, покупаетъ и кабалить, давить и унижаетъ виѣшняя сила, неимѣющая въ данной сценѣ ни одного представителя.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хочетъ старуха Вознесенская? Она хочетъ добыть для своей дочери смирнаго, честнаго, трезваго и работающаго мужа. А что она дѣлаетъ? Поступаетъ ли она сообразно съ своимъ же-ланіемъ? Напротивъ того. Она привлекаетъ къ своей дочери бурсаковъ, которыхъ она сама же считаетъ озорниками, и отъ которыхъ она на-вѣрное перебѣжала бы на другую сторону улицы, подобно старухѣ, по-навшейся на встрѣчу бурсакамъ, во время ихъ побѣднаго шествія въ баню. Она бросаетъ свою дочь на шею такому человѣку, котораго обѣ онѣ, и старуха и дочь, видятъ въ первый разъ. Она встрѣчаетъ разомъ троихъ гостей и передъ всѣми троици разсыпаетъ одинаковыя любез-ности, потому что каждый изъ нихъ можетъ оказаться тѣмъ суженымъ, которому достанется право карать и миловать ея дочь. Положеніе ста-рухи, какъ видите, совершенно пассивно и до послѣдней степени зави-симо. Тутъ съ ея стороны нѣтъ ничего похожаго на обыкновенную лов-лю жениховъ; она ловить то, чего ей вовсе не хочется поймать; ло-вить то, въ чемъ она боится найдти несчаствіе для себя и для своей дочери.

Чего хочетъ эта дочь? Подобно всякой другой дѣвушкѣ, Ирина хо-четъ приобрести себѣ мужа красиваго, веселаго, кроткаго, расторопнаго, способнаго хорошо кормить и одѣвать ее, вообще такого, который бы понравился ей и полюбилъ ее. — А что она дѣлаетъ? Она принимаетъ съ заискивающимъ видомъ и съ стереотипною улыбкою всѣхъ уродовъ и всѣхъ негодяевъ, которыхъ заблагоразсудить прислать къ ней въ го-сти инспекторъ бursы. Наружность посѣтителей можетъ ей нравиться; она можетъ думать про себя, что они по всей вѣроятности окажутся негодьями, но все это ровно ничего не значить; не смотря на свое от-вращеніе, не смотря на свои мучительныя предчувствія, она съ невоз-мутимымъ смиреніемъ должна изображать своею особою вещь, которую пришли разсматривать и оцѣнивать покупатели. Въ ея роли нѣтъ такъ-

же ни малѣйшей активности и ничего похожаго на завлечаніе поклонниковъ.

Чего хотятъ покупатели, Васенда и Азинусъ? Но во-первыхъ, какіе же они покупатели? На какіе достатки могутъ они купить человѣка? Какъ бы ни были дешевы въ наше время человѣческое счастье, человѣческая жизнь, человѣческая любовь, человѣческая совѣсть, — все же эти вещи дороже трехъ-копѣчной сайки, а Васендѣ и Азинусу даже и трехъ-копѣчная сайка обыкновенно оказывается не по карману. Васендѣ и Азинусу, для совершенія купли, надо заложить, закабалить или продать собственныя особы. Они приходятъ къ госпожѣ Вознесенской именно для того, чтобы устроить такую сдѣлку. Одно это обстоятельство уже достаточно устраняетъ всякое помышленіе о ихъ активности. Но во всякомъ случаѣ, чего же они хотятъ? Подобно всѣмъ другимъ молодымъ людямъ ихъ возраста, она желали бы, чтобы ихъ любила и ласкала молодая и красивая женщина. Это физиологическое влеченіе къ молодости, къ свѣжести и къ красотѣ не можетъ быть истреблено ни однимъ изъ тѣхъ талисмановъ, которыми располагаетъ бурса: ни голодомъ, ни грязью, ни розгами, ни даже тамошнею наукою. Это влеченіе несомнѣнно существуетъ въ обоихъ претендентахъ, являющихся къ Иринѣ Вознесенской. А между тѣмъ, что дѣлають эти претенденты? Познакомившись съ своею *общою невѣстою*, они видятъ прежде всего, что Ирина—дѣвица, *заматорьвавшая во дняхъ своихъ, на видъ рябая, длинная и черствая*. Тогда они оба кладутъ на одну чашку вѣсовъ карявую наружность и преклонныя лѣта Ирины, а на другую начинаютъ накладывать стаметовыя юбки, шелковые платки, заячьи салопы, коровъ и овецъ, доходы закрѣпленнаго мѣста и всѣ другія сокровища, принадлежащія невѣстѣ. Уложивши все какъ слѣдуетъ, Васенда находитъ, что первая чашка все-таки перетягиваетъ; поэтому онъ отступаетъ отъ невѣсты. Но если бы вы на вторую чашку вѣсовъ прибавили нѣсколько стаметовыхъ юбокъ, двѣ-три коровы, два-три десятка рублей годоваго дохода,—то Васенда, *какъ человѣкъ практической и положительный*, переломилъ бы свое физиологическое отвращеніе къ рябой и черствой дѣвицѣ и, скрѣпя сердце, отдалъ бы себя въ кабалу за очень дешевую цѣну. Азинусъ поступилъ именно такимъ образомъ, и, разумѣется, не потому, что рябое лицо казалось ему привлекательнымъ, и также не потому, что влеченіе къ красотѣ и къ молодости въ немъ не существовало. Рѣшился онъ на свой неблестящій бракъ потому, что и въ бурсѣ оставаться было скверно и впереди не предвидѣлось ничего утѣшительнаго. Браки по расчету, покупки и продажи живыхъ и полнокровныхъ человѣческихъ личностей, совершаются каждый день въ самыхъ богатыхъ и знатныхъ слояхъ европейскихъ обществъ. Но эти торговныя сдѣлки имѣють такъ же мало общаго съ проступками Азинуса и Ва-

сенды, какъ мало общаго имѣють дѣйствія Принцы и старухи Вознесенской съ кокетствомъ богатыхъ барышень и съ маневрами богатыхъ маменекъ. Въ блестящихъ бракахъ по расчету обѣ стороны по своему остаются въ выигрышѣ, то есть, обѣ получаютъ дѣйствительно то, къ чему онѣ стремились: одна сторона покупаетъ себѣ красоту и наслаждается ею; другая за противныя старческія ласки вознаграждаетъ себя блестящими нарядами, каретой, балами и театрами, словъ мѣ всеми прелестями утонченнаго комфорта. Но что же получаютъ другъ отъ друга monsieur и madame Азинусъ? Ни красоты, ни довольства, ни того, что наполняетъ жизнь наслажденіемъ, ни того, что дѣлаетъ пустую жизнь сколько-нибудь сносною. Оба собираются взаимно отравить другъ другу жизнь, оба предвидяютъ, что не принесутъ другъ другу ничего, кромѣ заботъ, обидъ и огорченій, и оба дѣлаютъ рѣшительный шагъ, получая отъ общества, за весь этотъ подвигъ хроническаго самоистязанія, возможность жить въ дрянной избенкѣ, одѣваться въ дрянныя ветошки и набивать животь чуть-чуть не сѣномъ. Такой бракъ слѣдуетъ назвать не бракомъ по расчету, а бракомъ изъ-подъ палки, и палкою является тутъ для обѣихъ сторонъ бѣдность, не та мнимая бѣдность, при которой нельзя завести себѣ собственныхъ лошадей и французскаго повара, а та настоящая, неприличная бѣдность, при которой можно голодать и зябнуть, нищенствовать и воровать, страдать отъ болѣзни и обходиться безъ медицинскон помощи, безъ мягкой постели, безъ чистаго и сухаго воздуха.

«Въ свѣтскихъ искусственныхъ бракахъ, говоритъ Помяловскій большею частію оскорбляется женщина: но въ бурсацкихъ — и женщина и мужчина. Въ свѣтскихъ мужчина говоритъ: «я сытъ и есть у меня имя, иди за меня—ты будешь сыта и получишь имя;» въ бурсацкихъ же не то; женихъ кричитъ: «ѣсть нечего;» неvěста кричитъ: «съ голоду умираю»—и исходъ одинъ: соединиться обѣимъ сторонамъ.» (Стр. 131). И соединиться для того, чтобы, грызя другъ друга взаимными попреками, прожить всю жизнь впроголодь! Исходъ прелестенъ, и прелести этого исхода достаточно извѣстны бурсакамъ, насмотрѣвшимся на семейныя заботы и семейные раздоры, какъ въ домѣ своихъ родителей, такъ и у всѣхъ своихъ ближайшихъ знакомыхъ. И однакоже, вообразите себѣ, что этотъ исходъ, этотъ бракъ изъ-подъ палки, это отвратительное взвѣшиваніе стаметовыхъ юбокъ и карявой наружности, являются въ жизни бурсаковъ радостнымъ и счастливымъ событіемъ, которое воодушевляетъ цѣлый классъ, возбуждаетъ ликованіе въ Камчаткѣ, наводитъ на всѣхъ учениковъ веселія думы, и охватываетъ трепетомъ наслажденія все училище *«отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика до двадцати-двухъ годовалаго парня, отъ послѣдняго лѣтня до перваго ученика»*. Женихи считаются героями дня. Камчатка гордится ими. *Машическое слово: же-*

или —быстрѣ ласточки облетаетъ по всемъ классамъ, сладостно волнуя бурсаикія души.

Все, что подчеркнуто, принадлежитъ Помяловскому. — Это всеобщее ликованіе составляетъ, разумѣется, только слабое отраженіе гордой и непомѣрной радости, переполняющей сердца жениховъ, которые дѣйствительно сами считаютъ себя *героями дня*, и въ тяжелой сценѣ *смотринъ*, унижительной для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, видятъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и блестящихъ эпизодовъ своей жизни. Быть женихомъ изъ-подъ палки — такая великая честь, и попасть на *смотринѣ* — такое несказанное благополучіе, что, забывая свой возрастъ, къ этой чести и къ этому благополучію порывается даже четырнадцатилѣтній мальчикъ, котораго забраковалъ инспекторъ и жестоко осмѣяли за эту преждевременную прыткость товарищи.

Что же все это значить? Неужели же бурсакъ неспособенъ влюбиться въ женщину? Неужели въ бурсакѣ дѣйствительно истреблено влеченіе къ молодости и красотѣ? Это невозможно, такъ точно какъ невозможно истребить въ человѣкѣ влеченіе къ здоровой и обильной пищѣ, къ теплomu и удобному платью, къ мягкой и чистой постели. Влеченіе къ удобствамъ жизни не исчезаетъ никогда, и человѣкъ всегда сохраняетъ способность отличать пріятное отъ непріятнаго, и даже различать довольно тонкіе оттѣнки въ своихъ пріятныхъ ощущеніяхъ. Но когда человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, при которомъ самыя пріятныя ощущенія для него рѣшительно недоступны, тогда онъ по неволѣ привыкаетъ пробавляться тѣмъ вторымъ, третьимъ или четвертымъ сортомъ наслажденій, который оказывается для него сподручнымъ. Спускаясь на нижнія ступеньки общественной лѣстницы, мы находимъ тамъ такія положенія, при которыхъ человѣкъ страдаетъ съ утра до вечера, и съ вечера до утра, то отъ холода, то отъ голода, то отъ копоти, то отъ насѣкомыхъ, то отъ непомѣрной и однообразной работы, то отъ грубаго обращенія. Для такого человѣка облегченіе привычныхъ страданій оказывается уже наслажденіемъ, хотя намъ съ вами это наслажденіе показалось бы очень ощутительнымъ страданіемъ. Бурсакъ можетъ считать счастливымъ тотъ день, когда его не оставили безъ обѣда, не прибили и не высѣкли, но если бы насъ съ вами заставили прожить штукъ десять такихъ счастливыхъ дней, то мы считали бы себя очень жестоко наказанными. Когда общій колоритъ жизни мраченъ и грязенъ, когда глубокія, сильныя и чистыя наслажденія недоступны, тогда человѣкъ привыкаетъ считать пустою прихотью тѣ изъ своихъ собственныхъ законныхъ потребностей, которыя при данныхъ условіяхъ не могутъ найти себѣ удовлетворенія. Такія суровыя отношенія человѣка къ самому себѣ необходимы, потому что они одни даютъ ему силы переносить тяжесть безотраднаго существованія; давая волю своимъ не-

удовлетворимымъ стремленіямъ, и въ тоже время не имѣя возможности выбиться изъ подъ гнета тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ удовлетворенію,—человѣкъ домучилъ бы себя до съумасшества и до самоубійства. Но если, при данныхъ условіяхъ, человѣку необходимо насиловать, переламявать, истощать и уродовать свою природу, то во всякомъ случаѣ невозможно находить эти крутыя мѣры полезными для человѣческаго совершенствованія. Осажденный гарнизонъ поступаетъ очень благоразумно, если, въ ожиданіи скорой помощи, онъ тратитъ съѣстные припасы съ самою крайнею скупостью; но эта скупость, необходимая при данныхъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ на здоровье людей разрушительнымъ образомъ.

Тожe самое можно сказать и о бурсакахъ. Они были бы невыносимо несчастливы, если бы грязь и безобразіе ихъ существованія постоянно поражали ихъ такъ же сильно, какъ они могутъ поражать свѣжаго человѣка, смотрящаго на дѣло со стороны. — Привычка къ грязи и примиреніе съ тусклыми и мутными удовольствіями составляютъ для бурсаковъ единственное спасеніе отъ самаго убійственнаго отчаянія. Но это спасеніе достается имъ не даромъ. Они должны обезобразить себя для того, чтобы принаровиться къ условіямъ жизни, невыносимымъ для нормальнаго человѣка. Отказываясь по необходимости отъ высшихъ наслажденій, человѣческая природа бѣднѣетъ, вянетъ и черствѣетъ. Становясь непомерно суровымъ къ самому себѣ, называя прихотью свое собственное законное желаніе, человѣкъ приучается быть неумолимымъ въ отношеніи къ другимъ. Онъ топчетъ въ грязь чужія чувства такъ точно, какъ его собственныя чувства топтались въ грязь желѣзнымъ гнетомъ обстоятельствъ. Что скажетъ, напримѣръ, Азинусъ, когда лѣтъ черезъ двадцать, — сынъ его захочетъ жениться на любимой дѣвушкѣ, несоотвѣтствующей финансовымъ или политическимъ планамъ родителя? Азинусъ припомнитъ свои смотрины и тотъ восторгъ, съ которымъ онъ летѣлъ въ домъ совершенно незнакомой дѣвушки, и ту неустрашимость, съ которою онъ отнесся къ рябой фізіономіи Ирины Вознесенской. — Дуракъ, скажетъ онъ своему сыну: Развѣ жъ тебѣ не все равно, что одну взять дѣвку, что другую. За тебя нашъ благочинный хочетъ свою Степаниду отдать, а ты рыло воротишь. Глупъ ты, молодецъ, мало каши ѣлъ, мало вѣниковъ объ тебя изломали, — оттого и дуришь. А ты бы посмотрѣлъ, какъ я на твоей матери женился. И рожа-то у нея хуже Степанидиной была, и старше-то она была лѣтъ на семь, и добра-то за нею никакого не было, — да взялъ же я ее, да еще земли подъ собой не слышалъ отъ радости. А ты рыло воротишь! Меня передъ благочиннымъ погубить стараешься! Ну не осель ли ты послѣ этого? На моемъ мѣстѣ другой отецъ съ тобой языкомъ-то и говорить бы не сталъ. — И за тѣмъ начинается крикъ, шумъ, избіеніе непокорнаго сына, и все

это происходит отъ того, что человекъ всегда прикидываетъ чужія чувства и страсти на собственный аршинъ, укороченный или изломанный враждебными обстоятельствами. Разсмотрѣвши исторію Аксюткиной невѣсты, я теперь возвращаюсь къ самому Аксюткѣ и къ Гороблагодатскому.

VIII.

Великъ и славенъ Аксютка своими воровскими подвигами, но еще больше славы и величія доставляетъ ему та кровопролитная война, которую онъ ведетъ съ жестокимъ учителемъ Лобовымъ. Эта война ведется самымъ оригинальнымъ образомъ и оказывается кровопролитною для одного Аксютки. Обладая отличными способностями, Аксютка начинаетъ вдругъ превосходно учиться. Любовь восхищается его успѣхами и сажаетъ его на первую скамейку. Аксютка тотчасъ перестаетъ учиться и постоянно получаетъ нули въ аудиторскихъ нотахъ. Любовь начинаетъ его пороть и, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, проливаетъ его кровь за каждый невыученный урокъ. Аксютка съ непоколебимою стойкостью выдерживаетъ лобовскія внушенія и наконецъ отсылается въ Камчатку, въ страну безнадежныхъ лѣнтаевъ, которыхъ начальство уже не удостоиваетъ сѣченія. Повидимому, всего выгоднѣе для Аксютки было бы успокоиться въ Камчаткѣ и навсегда забыть о существованіи учебныхъ книгъ и учительскихъ розогъ. Но Аксютка на это рѣшиться не можетъ. Ему непременно надо лицедействовать въ классѣ, обращать на себя вниманіе и изумлять товарищество своимъ геройствомъ. Попавши въ Камчатку, онъ снова начинаетъ учиться, и появляется въ нотахъ съ полными баллами. Покаялся, думаетъ Любовь и переводитъ Аксютку на первую скамейку. Но Аксютка обнаружилъ признаки раскаянія только для того, чтобы завязать съ Лобовымъ новую борьбу. Начинается опять рядъ нулей; надъ Аксюткой свистятъ лобовскія розги; Аксютку гонять въ Камчатку, и опять разыгрывается съ начала та же самая исторія. Наконецъ Любовь видитъ ясно, что Аксютка, жертвуя собственной спиною, дразнить и дурачить его для потѣхи всего лихого бурсачества. Тогда Любовь, уславши Аксютку въ Камчатку, рѣшительно запрещаетъ ему учиться.

— Ты, животное, говоритъ Любовь, потѣшаешься надо мною; когда тебя порють, у тебя въ нотахъ нули, когда шлють въ Камчатку — пятки? Знаю я тебя: ты добиваешься того, чтобы опять перейти на первую парту, чтобы потомъ снова бѣсить меня нулями? Врешь же! Не

бывать, тебѣ на первой партѣ, и пока у тебя снова не будутъ нули, до тѣхъ поръ не ходи въ столовую.

Какое должно быть торжество Аксютки, когда Любовь произносить эти слова? Учитель признается публично, при всемъ классѣ, что Аксютка *потышается надъ нимъ*, что Аксютка *нарочно бѣситъ его нулями*. Учитель рассказываетъ публично всю тактику Аксютки. Значитъ, учитель понялъ наконецъ и объявилъ всѣмъ ученикамъ, что Аксютка рѣшительно не боится его, Ивана Михайловича Лобова, передъ которымъ трепещетъ вся неустрашимая бурса. Любовь сдается на капитуляцію и проситъ себѣ только милости: храбрый Аксютка, оставь меня въ покоѣ и позволь мнѣ не пороть тебя! — Ни за что! возражаетъ Аксютка и, сидя въ Камчаткѣ, учится отлично, единственно для того, чтобы добраться снова до лобовскихъ розогъ. Любовь старается истребить аксюткино прилежаніе голодомъ, но Аксютка непобѣдимъ и съ этой стороны. Онъ не ходитъ въ столовую; но воруетъ съ удвоеннымъ искусствомъ все, что можно украсть, поддерживаетъ кое-какъ свое существованіе и, на зло Лобову, продолжаетъ учиться великолѣпно.

Чѣмъ кончается эта изумительная борьба — объ этомъ Помяловскій не говоритъ, но довольно и того, что было рассказано до сихъ поръ. Этихъ фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы почувствовать самое почтительное изумленіе передъ громадною силою аксюткина характера. Человѣкъ терпитъ голодъ и розги, человѣкъ самъ напрашивается на розги, человѣкъ учится и старается для полученія розогъ, и всѣ эти удивительныя эволюціи производятся съ тою единственною цѣлью, чтобы сказать себѣ и товарищамъ: «а я все-таки поставилъ на своемъ! Хочу дурачиться, и буду дурачиться, и никакой Лобовъ меня не испугаетъ».

Чѣмъ ничтожнѣе цѣль, тѣмъ изумительнѣе та настойчивость, съ которою эта цѣль преслѣдуется. Если человѣкъ, ради пустѣйшаго изъ своихъ капризовъ, добровольно и неоднократно подвергаетъ себя очень сильной физической боли, то передъ чѣмъ же отступить этотъ человѣкъ, когда въ немъ заговоритъ настоящая страсть, и когда онъ увидитъ передъ собою дѣйствительное наслажденіе? Чѣмъ вы запугаете такого человѣка, который въ бурсѣ, безъ всякихъ средствъ обороны, нарочно дразнить и бѣситъ учителя, вооруженнаго всѣми орудіями школьной инквизиціи и имѣющаго полную возможность запоротъ до полу-смерти непочтительнаго ученика? Заставьте такого человѣка, какъ Аксютка, полюбить полезное дѣло, сдѣлайте такъ, чтобы онъ нашелъ приложение для его громадной энергіи, бросьте въ его свѣтлый умъ плодотворныя мысли — и этотъ училищный воръ былъ бы великимъ человѣкомъ. Гибель такихъ умныхъ, даровитыхъ, блестящихъ и энергическихъ личностей, какъ Аксютка, неизбежна, но неизбежна она только потому, что огненный потокъ великихъ

людей, очищающих и увлекающих за собою все, что способно мыслить, желать и увлекаться, — до сихъ поръ не проложилъ себѣ дороги въ низшіе, бѣднѣйшіе и грязнѣйшіе слои нашего общества. Но пока солнышко взойдетъ, до тѣхъ поръ роса глаза выѣстъ, и многія сотни Аксютокъ сгніють на парахъ мертвыхъ домовъ, въ ожиданіи очищающихъ, обновляющихъ и увлекающихъ идей.

Другой сильный характеръ бурсы, Гороблагодатскій, обреченъ также на вѣрную гибель, не смотря на то, что въ немъ имѣется гораздо больше хорошихъ качествъ, чѣмъ въ мазурикѣ-Аксютѣ. Въ Гороблагодатскомъ мы видимъ самое чистое и самое прекрасное воплощеніе дикаго бурсацкаго идеала. Ненависть этого человѣка къ угнетающей рутинѣ беспредѣльна; честность его въ отношеніи къ товарищамъ беспредѣльна. «Онъ, — говоритъ Помяловскій, — не взялъ ни одной взятки, безпристрастно и справедливо отмѣчалъ подьавдиторнымъ баллы, не куражился надъ ними, часто защищалъ слабосильныхъ, любилъ вмѣшиваться въ ссоры и хотя деспотически, но всегда справедливо рѣшалъ ихъ; онъ постоянно солилъ ростовщикамъ и взяточникамъ. Товарищество его любило и уважало» (стр. 21). Но въ ненависти своей страстный и сильный характеръ Гороблагодатскаго доходитъ до безпощадной свирѣпости, для которой бурса, переполненная всѣмъ, что способно возмущать честнаго человѣка, — представляетъ конечно самое обширное поприще. Первый очеркъ Помяловскаго («Зимній вечеръ въ бурсѣ») показываетъ намъ, какимъ образомъ Гороблагодатскій доѣзжаетъ двухъ подлецовъ, ростовщика Тавлю и фискала Семенова.

Желая насладиться мученіями Тавли, Гороблагодатскій играетъ съ нимъ въ камушки со щипчиками. Интересъ игры состоитъ въ томъ, что выигравшій имѣетъ право щипать руку проигравшаго. Такъ какъ Тавля и Гороблагодатскій — оба силачи, то щипчики ихъ ужасны и называются *съ пылу горячіе*. Отъ этихъ щипчиковъ краснѣетъ, синѣетъ, чернѣетъ и пухнетъ рука побѣжденнаго партнера. Гороблагодатскій проигрываетъ. Тавля закатываетъ ему сотню жесточайшихъ щипчиковъ и потомъ насмѣшливо спрашиваетъ у него, не хочетъ ли онъ сыграть еще партію. Гороблагодатскій говоритъ: «Давай!» — и выигрываетъ. — Съ пылу горячіе! — провозглашаетъ побѣдитель такимъ зловѣщимъ голосомъ, что товарищамъ становится страшно. — Конца не будетъ! произноситъ Гороблагодатскій, и начинается истязаніе. Товарищи смотрятъ и молчатъ. У Тавли душа уходитъ въ пятки. Получивши сотню баснословныхъ щипчиковъ, Тавля начинаетъ отпрашиваться. «Послѣ двухъ сотъ проси пощады», отвѣчаетъ истребитель ростовщиковъ. Тавля продолжаетъ уговаривать побѣдителя, но побѣдитель велитъ ему молчать: «Скажи только слово, — говоритъ Гороблагодатскій, — еще двѣсти закачу». Тавля начинаетъ плакать. Послѣ двухъ сотъ, Гороблагодатскій приказываетъ Тавлѣ про-

ситъ прощенія и побѣждаетъ его упрямство жестокимъ щипкомъ. Истерзанный Тавля смиряется и при всей собравшейся публикѣ проситъ прощенія. Гороблагодатскому этого мало. Страданія и покорность Тавли нисколько не укрощаетъ его ненависти. Черезъ нѣсколько времени Тавля играетъ *въ постыные*. Эта игра состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ, закрывши голову руками, подставляетъ спину подъ удары и старается угадать, кто его ударилъ. Угадалъ—тогда ложится ударившій; не угадалъ—ложись опять прежній страдалецъ. Въ этой занимательной игрѣ Тавлѣ пришлось лечь подъ удары. Тогда въ кучкѣ играющихъ примкнулъ Гороблагодатскій, а за нимъ потянулись и другіе силачи класса. Тавлѣ не повезло. Онъ четыре раза ошибся при угадываніи, и поэтому получилъ пять такихъ ударовъ, которые чуть-чуть не переломили ему становой хребетъ. Онъ сталъ протестовать: «Чтожь это, братцы? Убить что ли хотите?» Протестъ и слово *братцы* не тронули черстваго сердца Гороблагодатскаго. Онъ отвѣчалъ кровавою насмѣшкой: «Значить, любимъ тебя, почитаемъ». Тавля возражаетъ: «Другихъ такъ не бьютъ». — «А тебя вотъ бьютъ!» отвѣчаетъ ему кто-то, по всей вѣроятности тотъ же его неизмѣнный доброжелатель, потому что проще, осторожнѣе и свирѣпѣе этого отвѣта трудно что-нибудь придумать. Наконецъ Тавля угадываетъ и говоритъ съ неудовольствіемъ, что онъ не хочетъ больше играть. Гороблагодатскій на прощаніе ввертываетъ ему еще шпильку: «Отчего же, душа моя?» спрашиваетъ онъ добродушно и ласково.

Въ тотъ же вечеръ, во время темноты, сберегающей казенное масло, бурсаки сбьютъ очень сильно фискала Семенова. Ему даютъ семьдесятъ розогъ, и при этомъ товарищескомъ подвигѣ Тавля играетъ одну изъ главныхъ ролей. Онъ зажимаетъ рукою ротъ Семенова. Семеновъ, терпя горькую муку, кусаетъ его за руку и узнаетъ его голосъ, потому что укушенный Тавля начинаетъ ругаться. Послѣ сбьенія Семеновъ идетъ къ инспектору и доноситъ ему на Тавлю. Инспекторъ приходитъ въ классъ съ четырьмя солдатами и даетъ Тавлѣ полтораста розогъ. Тутъ повидимому всѣ симпатіи Гороблагодатскаго должны склониться на сторону Тавли, который, такъ сказать, положилъ животъ за бурсацкое отечество и потерпѣлъ мученичество за величіе и славу товарищеской общины. Но не тутъ-то было. Свирѣпость Гороблагодатскаго такъ велика, что его ненависть къ инспектору и къ его кreature Семенову нисколько не мѣшаетъ ему ненавидѣть въ эту же минуту и Тавлю и радоваться его неудачѣ. Помяловскій говоритъ, что Гороблагодатскій «съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Тавлю, который не могъ ни стать, ни сѣсть послѣ экзекуціи» (стр. 63).

Теперь читатель можетъ себѣ вообразить, до какой степени неудобно

фискалу Семенову сидѣть въ одной комнатѣ съ Гороблагодатскимъ, безпощаднымъ истребителемъ всякихъ мерзостей. Встрѣтившись съ Семеновымъ, Гороблагодатскій даетъ ему затрепину (стр. 26). Потомъ, во время игры *въ постыле*, Гороблагодатскій схватываетъ Семенова сзади и насильно кладетъ его подъ жестокіе удары, которые валятся на Семенова безъ счета, и не въ очередь, потому что его бьютъ не какъ играющаго, а какъ фискала, исключеннаго изъ всякихъ товарищескихъ забавъ и стоящаго внѣ закона. Черезъ нѣсколько времени Семенова съкутъ. Кѣмъ придумана такая необычная штука—это оставлено у Помяловскаго во мракѣ неизвѣстности. Но мудро себѣ представить, чтобы такое патріотическое дѣло совершилось безъ участія Вани Гороблагодатскаго. Всего правдоподобнѣе даже то, что ему принадлежитъ первая мысль объ этой кровавой экзекуціи. Мое предположеніе совершенно соотвѣтствуетъ какъ серьезности его характера, такъ и блестящимъ способностямъ его изобрѣтательнаго ума. Когда инспекторъ, при содѣйствіи четырехъ сильныхъ солдатъ, отнялъ у Тавли возможность стоять и сидѣть, тогда Гороблагодатскій такъ сильно прочувствовалъ наказаніе, данное Тавлѣ, что вознамѣрился *«идти къ Семенову и избить его окончательно»*. Но онъ раздумалъ, потому что въ головѣ его родился новый и болѣе удобный планъ мщенія. Онъ устроилъ Семенову *пфимфу*. *Пфимфу* называется въ бурсѣ свертокъ бумаги, въ видѣ конуса, набитый ваткою. Трое заговорщиковъ отправились ночью, подъ предводительствомъ нашего Вани, къ постели спящаго Семенова, осторожно вставили ему въ носъ отверстіе *пфимфы*, зажгли вату съ широкаго конца и начали дуть въ этотъ конецъ. Послѣ двухъ дуновеній, Семеновъ, обожженный и прокопченный дымомъ до самой глубины легкихъ, лишился чувствъ. На другой день его замертво стащили въ больницу, гдѣ онъ никакъ не могъ объяснить причины своей болѣзни. Если Семенову послѣ этой передѣлки удалось выздоровѣть, и если онъ не догадался покинуть навсегда враждебную бурсу, то можно сказать навѣрное, что Гороблагодатскій не оставилъ его въ покоѣ. Изъ всѣхъ сообщенныхъ подробностей читатель видитъ ясно, что этотъ человекъ не могъ и не умѣлъ прощать.

Любопытно было бы узнать, какимъ образомъ Гороблагодатскій относится къ Аксюткѣ. Эти двѣ личности, одинаково умныя и сильныя, но не одинаково честныя, должны жестоко ненавидѣть другъ друга. Постоянныя столкновенія между ними тѣмъ болѣе неизбежны, что они сидятъ въ одномъ классѣ. Эта борьба между двумя самыми блестящими личностями, представителями бурсацкой цивилизаціи, наполнена самыми оригинальными и занимательными эпизодами. Къ сожалѣнію, Помяловскій не сообщаетъ объ этой борьбѣ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Аксютка и Гороблагодатскій совсѣмъ не встрѣчаются между собою, точно

будто они живутъ на двухъ разныхъ планетахъ. Въ первомъ очеркѣ Помяловскаго господствуетъ Гороблагодатскій; тутъ не упоминается ни разу даже имя Аксютки. Въ двухъ слѣдующихъ очеркахъ царствуетъ Аксютка; тутъ имя Гороблагодатскаго упоминается мимоходомъ, раза два или три. Если бы «Очерки бурсы» были совершенно законченнымъ сочиненіемъ, то молчаніе Помяловскаго объ отношеніяхъ двухъ героевъ бурсы оказалось бы со стороны автора очень важною ошибкою. Но такъ какъ Помяловскій хотѣлъ написать около десяти или двѣнадцати очерковъ, а успѣлъ написать только четыре, то осуждать автора за пробѣлы было бы несправедливо; и слѣдовательно остается только пожалѣть о томъ, что замѣчательный трудъ Помяловскаго не могъ быть доведенъ до конца.

По выходѣ изъ бурсы, Гороблагодатскій навѣрное погибнетъ такъ или иначе. Попадетъ ли онъ въ мертвый домъ—этого я не знаю. Но что онъ не сноситъ своей буйной головы и шибко напакоститъ себѣ и другимъ—это врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гороблагодатскій придетъ къ гибели конечно не тѣмъ путемъ, по которому бѣжитъ Аксютка. Гороблагодатскій останется навсегда безукоризненно-честнымъ человѣкомъ. Кто терпѣлъ голодь, имѣлъ подъ руками возможность вѣточничать и не пользовался выгодами своего положенія, тотъ навѣрное выйдетъ чистъ и невредимъ изъ всевозможныхъ испытаній. Кого въ молодыхъ лѣтахъ не развратила бурса, того врядъ ли развратить послѣдующая жизнь. Но Гороблагодатскаго, честнаго, умнаго и сильнаго человѣка, загубить вынужденная праздность, дикое безобразіе пьянаго разгула и безтолковыя схватки съ мелкими проявленіями общественнаго зла. Гороблагодатскій учится въ бурсѣ хорошо. Поэтому для него есть надежда получить аттестатъ. Хорошо. Получить онъ аттестатъ, пристроятся къ мѣсту, возьмется за добросовѣстное исполненіе своихъ почтенныхъ обязанностей. Но развѣ же эти обязанности, очень почтенныя, но очень скромныя, тихія и однообразныя, могутъ удовлетворить Гороблагодатскаго? Къ этимъ обязанностямъ можно только привыкнуть, въ эту идиллію можно только втянуться, а Гороблагодатскому необходимо пристраститься. Ему нужна борьба. Его кипучая природа требуетъ себѣ такой жизни, которая держала бы въ постоянномъ напряженіи всю нервную систему, такой жизни, въ которой цѣною великихъ трудовъ и тяжелыхъ страданій покупались бы минуты невыразимаго наслажденія, непонятнаго и недоступнаго для мелкихъ и вальхъ людишекъ. Не имѣя возможности создать себѣ такую полную и дѣятельную жизнь, Гороблагодатскій, подавленный избыткомъ своихъ собственныхъ непристроенныхъ силъ, будетъ поневолѣ разгонять свою хроническую скуку тѣми нехитрыми средствами, которыя окажутся у него подъ руками. Прежде всего подъ руками окажется водка; нашъ скучающій богатырь приметъ

ее въ соображеніе, тѣмъ болѣе, что онъ и въ бурсѣ считалъ ее вѣрнѣйшимъ средствомъ *отъ всѣхъ скорбей*. Далѣе, въ пьяныя минуты, подъ руками будетъ оказываться жена, прибрѣтенная вмѣстѣ съ закрѣпленнымъ мѣстомъ, и слѣдовательно, врядъ ли способная внушать мужу особенно сильную привязанность. Въ этой женѣ Гороблагодатскій будетъ усматривать различные пороки, за искупленіе которыхъ онъ примется съ свойственною ему энергіею; борьба съ недостатками супруги будетъ служить Гороблагодатскому очень сильнымъ средствомъ развлеченія, но отъ этой борьбы получится немного пользы, какъ для семейнаго счастья нашего героя, такъ и для всего направленія его жизни. Живя въ какомъ нибудь бѣдномъ сельскомъ приходѣ, Гороблагодатскій будетъ встрѣчаться съ различными, очень возмутительными проявленіями насилія, произвола, несправедливости и вымогательства. Какъ честный и страстный человѣкъ, онъ будетъ протестовать, не жалѣя и не выгораживая самаго себя. Протесты эти, при всей своей искренности и безкорыстности, будутъ очень узки, поверхностны и безплодны. Гороблагодатскій, подобно всѣмъ неразвитымъ людямъ, будетъ сражаться съ внѣшними симптомами зла, съ недобросовѣстными или тупоумными личностями, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ настоящихъ причинъ зла, противъ тѣхъ общихъ условій и идей, вслѣдствіе которыхъ тупоумныя и недобросовѣстныя личности могутъ играть важныя роли и отравлять жизнь своихъ умныхъ и честныхъ ближнихъ. Донъ-Кихотская борьба Гороблагодатскаго съ подлецами и съ дураками окончится полнѣйшимъ пораженіемъ нашего героя; его замнутъ, затрутъ, отрѣшатъ отъ должности, сошлютъ куда нибудь на покаяніе, у него отнимутъ насущный хлѣбъ; его доведутъ до самаго нищенства, и эта гибель будетъ тѣмъ болѣе ужасна, что она останется совершенно безплодною. Тысячи такихъ безалаберныхъ гибелей проведутъ по одной лишней морщинкѣ на лицѣ тѣхъ самодовольныхъ идіотовъ, съ которыми боролись эти побѣжденные протестанты.

Чего же недостаетъ Гороблагодатскому для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ и занять, въ ряду мыслящихъ работниковъ то мѣсто, на которое онъ имѣетъ право по своимъ способностямъ и по желѣзной силѣ своего характера? На этотъ вопросъ я смѣло отвѣчаю, что ему недостаетъ *развитія*, или проще, *знаній*. Отвѣчаю я такъ, не смотря на то, что меня еще въ прошломъ году упрекали печатно, изъ дружескаго лагеря, въ зловредныхъ стремленіяхъ основать на умственномъ развитіи новую аристократію. Если считать такой упрекъ за что-нибудь серьезное, то его пришлось бы распространить на всѣхъ тѣхъ людей, которые желаютъ и требуютъ для народа грамотности. Сила грамотности очевидно заключается не въ тѣхъ каракулькахъ, которыя человѣкъ разбираетъ въ книгѣ или выводитъ перомъ на бумагѣ, а въ

тѣхъ знаніяхъ, къ которымъ каракульки открываютъ доступъ. Но знанія поверхностныя, шаткія или ограниченныя, не разрушающія въ умѣ челоуѣка ни одного стараго заблужденія и не обогащающія его новыми идеями, — составляютъ только лишній балластъ для памяти. Значить, желая для народа грамотности, мы требуемъ для него такихъ знаній, изъ которыхъ могли бы выработаться прочныя положительныя убѣжденія. Грамотность драгоценна для насъ только какъ дорога къ развитію. Но если мы желаемъ народу развитія, то, разумѣется, мы считаемъ это развитіе за благо, потому что съ какой же стати мы стали бы желать народу того, что само по себѣ не имѣетъ никакого достоинства. Если же развитіе есть благо, то приходится согласиться, что меньшинство, обладающее этимъ благомъ, стоитъ въ болѣе выгодномъ положеніи и можетъ работать на общую пользу съ болѣшимъ успѣхомъ, чѣмъ то большинство, которое не приобрѣло себѣ этого сокровища.

Гдѣ же тутъ аристократизмъ?—Никто не думаетъ говорить, что всякій развитой челоуѣкъ честнѣе и умнѣе всякаго неразвитаго. Я говорю только, что умъ и честность развитаго челоуѣка приносятъ обществу и самому обладателю этихъ качествъ гораздо больше пользы и наслажденій, чѣмъ умъ и честность челоуѣка неразвитаго. Эту мысль, которая, по своей простотѣ и очевидности, похожа даже на общее мѣсто, можно повести дальше и выразить болѣе опредѣленнымъ образомъ. Можно сказать, что безъ развитія сильный умъ и сильный характеръ становятся не только бесполезными, но даже вредными, какъ для общества, такъ и для самаго даннаго субъекта. Посредственность уживается лучше генія съ такою обстановкою, при которомъ умъ и страсти осуждены на бездѣйствіе. Тихій и скромный бурсакъ Васенда проживетъ на свѣтѣ гораздо приличнѣе, благоразумнѣе и безобиднѣе для себя и для всѣхъ, чѣмъ даровитый и замѣчательный Гороблагодатскій, который насолитъ себѣ, насолитъ другимъ, и въ то же время, не произведетъ никакой существенной перемѣны во всемъ томъ, что стѣсняло, волновало и бѣсило его. Это неумѣнье сильныхъ натуръ мириться съ пошлостями жизни драгоценно тѣмъ, что оно выводитъ замѣчательныхъ людей на лучшую дорогу, заставляетъ ихъ искать и иногда помогаетъ имъ найти тѣ знанія, при содѣйствіи которыхъ они могутъ развернуть въ полезной работѣ всѣ свои силы. Но для тѣхъ людей, которымъ выходъ на лучшую дорогу на удается, это неумѣнье помириться становится обильнымъ источникомъ мученій и ошибокъ. Гороблагодатскій не можетъ сдѣлаться Васендою; онъ не можетъ урѣзать отъ своего ума и отъ своихъ страстей тѣ излишки, которымъ некуда дѣваться при данныхъ условіяхъ. Но если нѣтъ возможности превратить себя въ тихую и приличную посредственность, за то есть полная возможность убить въ себѣ дикимъ разгуломъ всѣ порывы къ лучшей жизни и, вмѣстѣ съ этими неумѣ-

стными порывами, убить всё способности своего ума; словомъ, можно превратить себя въ ходячую развалину, и эту операцію продѣлываютъ надъ собою такъ или иначе почти всё замѣчательные люди, которые, нуждаясь въ знаніяхъ, сами не умѣютъ понять, чего именно имъ недостаётъ. Такимъ людямъ нѣтъ успокоить свою тревогу, потому что знанія составляютъ единственный ключъ ко всякой широкой и разумной дѣятельности, какая бы она не была, теоретическая или практическая, ученая или социальная.

IX.

Бурса распоряжается съ своими даровитѣйшими воспитанниками очень безцеремонно: однихъ она развращаетъ голодомъ, на подобіе Аксютки; другимъ, неприступнымъ съ нравственной стороны, она навсегда засоряетъ головы и загораживаетъ дорогу къ образованію. Такимъ образомъ молодая жизнь, такъ или иначе, оказывается изломанною. Блестящія исключенія изъ этого правила не должны подкупать насъ въ пользу бурсы, во-первыхъ потому, что эти исключенія очень малочисленны, а во-вторыхъ потому, что всё они относятся къ такимъ личностямъ, которыя, по выходѣ изъ бурсы, сворачивали въ сторону съ торной бурсацкой дороги. Эти личности, подобныя Добролюбову и Помяловскому, развиваются и совершенствуются именно только тогда, когда стараются какъ можно быстрѣе и полнѣе забыть все то, чѣмъ наградила ихъ alma mater бурса. Только эти блестящіе ренегаты бурсы и привлекли вниманіе общества на замкнутый бурсацкій міръ. Принимая этихъ ренегатовъ за образчики, общество расположено было думать, что бурса—таинственная лабораторія, въ которой рутинныя педагогическія средства, на удивленіе почтенной публики, даютъ превосходнѣйшіе результаты и выковыываютъ *сердца изъ золота и стали*. Общество забывало, что бурсу слѣдуетъ судить по тѣмъ ея продуктамъ, которые остаются навсегда въ предназначенной для нихъ колѣѣ. Объ этихъ продуктахъ я распространяться не желаю; но замѣчу мимоходомъ, что ими не совсѣмъ доволенъ былъ г. Иванъ Аксаковъ, который въ этомъ дѣлѣ можетъ быть болѣе компетентнымъ судьей, чѣмъ я.

Посмотримъ теперь, какъ дѣйствуетъ на своихъ воспитанниковъ мертвый домъ. Объ одномъ изъ обитателей этого дома г. Достоевскій говоритъ не только съ уваженіемъ, но даже съ самымъ горячимъ восторгомъ. «Его мѣсто на нарахъ, говоритъ авторъ «Записокъ», было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время

добродушно-наивное лицо, съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него». (Стр. 99). «Трудно представить себѣ, говорится далѣе о томъ же каторжникѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрузѣть, не развратиться. Это впрочемъ была сильная и стойкая натура, не смотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впоследствии. Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильственный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались отъ того еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-помалу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще скажу заранее: я считаю Алея далеко не обыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденные Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?» (Т. I. Стр. 100, 101).

Этотъ Алея, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, сдѣлался бы навѣрное украшеніемъ и гордостью отборнаго кружка, составленнаго изъ самой лучшей, самой умной и самой честной университетской молодежи. Характеристика Алея возбуждаетъ собою два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ такая личность дошла до каторги, а во-вторыхъ, какими средствами этотъ двадцати-лѣтній юноша могъ сохранить въ острогѣ свои превосходныя качества. Алея — младшій сынъ дагестанскаго татарина; у него было на родинѣ пять старшихъ братьевъ, которымъ онъ, по молодости своихъ лѣтъ, повиновался безпрекословно; однажды эти старшіе братья повезли его съ собою на грабежъ. «Уваженіе къ старшимъ, говорить г. Достоевскій, въ семействахъ горцевъ такъ велико,

что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются». (I, 99). Набѣгъ удался, но потомъ вся исторія раскрылась; Алея вмѣстѣ съ братьями осудили, подвергли тѣлесному наказанію и сослали въ каторгу; впрочемъ, принимая въ соображеніе молодость его лѣтъ, судъ назначилъ Алею *только* четыре года каторжной работы; но послѣ этихъ четырехъ лѣтъ, Алею предстояло поселиться въ Сибири; возвращеніе на родину, подъ прекрасное небо Дагестана, къ матери и сестрамъ, было навсегда отрѣзано бѣдному мальчику за избытокъ его послушности, въ которой впрочемъ онъ рѣшительно не могъ отказать своимъ старшимъ родственникамъ.

Итакъ, скажемъ вмѣстѣ съ читателемъ: по дѣломъ вору мука! и перейдемъ ко второму вопросу: что поддерживало Алея на каторгѣ? — Мнѣ кажется, что его, съ одной стороны, спасалъ отъ развращенія постоянный трудъ, а съ другой стороны, что и товарищи его по каторгѣ вовсе не были такими заразительно-скверными людьми, какихъ мы, добропорядочные и сытые граждане, привыкли себѣ воображать подъ именемъ каторжниковъ или арестантовъ. — Алея трудился постоянно; у него, какъ и у большей части его товарищей, была своя работа, совершенно отличная отъ казенной или обязательной. «Между прочимъ, — говоритъ г. Достоевскій, — у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, точать сапоги, и внослѣдствіи выучился, сколько могъ, столярному дѣлу». (I, 103). Трудъ не былъ запрещенъ; но запрещалось имѣть при себѣ въ острогѣ инструменты, безъ которыхъ работа невозможна; но инструменты все-таки имѣлись, работа принимала такимъ образомъ характеръ запрещеннаго плода. Арестанты принуждены были спасать себя отъ праздности и деморализаціи, вопреки распоряженіямъ начальства. При такихъ условіяхъ арестантская промышленность не могла развиваться; надо было ограничиваться такими отраслями труда, которыя не требуютъ большихъ и громоздкихъ инструментовъ; надо было вести работу такъ, чтобы во всякую данную минуту можно было скрыть всѣ слѣды и признаки ея; кто попадался съ инструментами или съ деньгами, тотъ терялъ все свое достоинство и кромѣ того ложился подъ розги. «Но, послѣ каждого обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи, и все шло по старому» (I, 27). Борясь постоянно съ этими искусственно-созданными трудностями и опасностями, арестанты не только продолжали работать, но даже умѣли выучиваться новымъ ремесламъ. «Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ, и потомъ выходили на волю хорошими мастерами. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесари, и рѣзчики, и золотильщики». (I, 26).

Тѣхъ людей еще нельзя считать безнадежно-погибшими, у которыхъ проявляется такое сильное стремленіе къ труду. Но любопытно замѣ-

тить, что, выучиваясь ремеслу и приобретая себѣ возможность сдѣлаться честнымъ и полезнымъ гражданиномъ, арестантъ нарушалъ приказанія начальства. Арестанта можно и должно было сѣчь за то, что онъ на будущее время старался избавить себя отъ печальной необходимости воровать и грабить. Впрочемъ арестанты, по своей скотской безчувственности, не боялись розогъ и оказывались неисправимыми, несмотря на добросовѣстныя старанія осторожнаго начальства отвадить ихъ отъ ремесленной дѣятельности. Они чувствовали, что работа спасала отъ преступленій, и что безъ работы арестанты, по выраженію г. Достоевскаго, поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стеклянкѣ. Начальственное преслѣдованіе рабочихъ инструментовъ обусловливалось, по всей вѣроятности, тѣмъ опасеніемъ, что арестанты могутъ передрататься и искалѣчить другъ друга разными ножами, ножницами, шилами и другими острыми орудіями; нельзя сказать, чтобы это опасеніе было совершенно неосновательно; самъ г. Достоевскій рассказываетъ, что однажды одинъ арестантъ пырнулъ своего товарища шиломъ; но опираться на такіе случаи и преслѣдовать изъ-за нихъ рабочія орудія, значить пускать въ ходъ такое лекарство, которое оказывается хуже самой болѣзни.

Осуждая арестантовъ на праздность и на скуку, начальство значительно усиливало въ нихъ задорное настроеніе; если бы начальству удалось окончательно очистить острогъ отъ рабочихъ инструментовъ, то драки стали бы затѣваться каждый день и за неимѣніемъ острыхъ орудій арестанты ухитрились бы наносить другъ другу тяжелыя раны полѣнами или даже просто кулаками. Главное соображеніе, мѣшавшее развитію ссоръ между каторжниками, состояло въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ свои тайны, которыя могли быть раскрыты обыскомъ; поэтому всѣ старались отвращать такіе скандалы, за которыми должно было послѣдовать появленіе разгнѣваннаго начальства. Когда начиналась ругань между двумя арестантами, то масса публики тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы противники словеснаго препирательства не переходили къ кулачнымъ упражненіямъ. Диспутантовъ прерывали именно тогда, когда они входили въ азартъ; все это дѣлалось потому, что каждый берегъ себя и свое собственное трудовое гнѣздо. У каждого были кое-какія крошечныя удобства, которыми онъ дорожилъ и которыя онъ могъ потерять въ случаѣ начальственнаго разгрома. Поэтому, всѣ вмѣстѣ, общими силами, унимали другъ друга и поддерживали у себя миръ и благочиніе. Эта причина, предотвращавшая безчисленное множество дракъ и скандаловъ, совершенно перестала бы дѣйствовать, если бы начальство достигло своей цѣли и конфисковало всѣ орудія, необходимыя для работы.

Страдая отъ самой безвыходной скуки и потерявши уже все, что только можно было потерять, арестанты дѣйствительно поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ банкѣ. Другая причина, побудившая начальство

преслѣдовать орудія, могла состоять въ томъ предположеніи, что арестанты своими инструментами перепилятъ желѣзныя рѣшетки, проломаютъ каменныя стѣны, проруютъ подземныя галереи и наконецъ разбѣгутся на всѣ четыре стороны. Противъ этого соображенія можно возразить, что геній побѣговъ дается очень немногимъ, и что эти немногіе избранные, подобные барону Тренку или Латыду, умѣютъ устраивать побѣги при такихъ обстоятельствахъ, которыя въ глазахъ обыкновенныхъ людей считаются непреодолимыми препятствіями. Побѣждая то, что кажется непобѣдимымъ, эти люди конечно ухитрятся промыслить или даже смастерить себѣ то орудіе, въ которомъ они нуждаются. Поэтому отбирать орудія у цѣлаго острога только для того, чтобы удержать отъ побѣга какого-нибудь геніальнаго бѣгуна, способнаго просверлить незамѣтнымъ образомъ цѣлыя каменныя горы, — значитъ стѣснять и деморализировать сотни невинныхъ для того, чтобы доконать одного виновнаго, который все-таки съумѣетъ поставить на своемъ. Кромѣ того, и это самое важное, побѣгъ изъ казармы невозможенъ, потому что всѣ предварительныя операціи, перепиливаніе рѣшетокъ или ломаніе стѣнъ, должно производиться въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ человекъ самаго разнокалибернаго характера. Въ такомъ обществѣ никакой ^{за} разговоръ не можетъ составиться и никакая тайна не можетъ удержаться. Г. Достоевскій описываетъ одинъ побѣгъ, окончившійся поимкою бѣжавшихъ арестантовъ; но этотъ побѣгъ устроился безъ всякихъ романическихъ проломовъ и подкоповъ. Двое арестантовъ просто подговорили конвойнаго ефрейтора и убѣжали вмѣстѣ съ нимъ. Рабочіе инструменты нисколько не содѣйствовали этому побѣгу.

Впрочемъ я, можетъ быть, совершенно напрасно тружусь надъ приискываніемъ общепонятныхъ причинъ, внушавшихъ начальству мертваго дома тѣ или другія распоряженія. Начальство этого мертваго дома, о которомъ пишетъ г. Достоевскій, распоряжалось часто такъ оригинально, что невозможно приискать никакихъ причинъ, кромѣ начальственнаго желанія и добродѣтельной ненависти къ нарушителямъ закона, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія. Такъ напримѣръ, г. Достоевскій рассказываетъ, что плацъ-маіоръ врывается въ острогъ иногда даже по ночамъ, и если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или навзничъ, то на утро его наказывалъ: «Спи, дескать, на правомъ боку, какъ я приказалъ». (I, 49). Не смотря на такія нашествія, не смотря на всѣ трудности, опасности, наказанія, арестанты все-таки работали на себя, по собственному желанію и для собственной выгоды. Это обстоятельство даетъ арестантамъ огромное преимущество надъ бурсаками, у которыхъ обязательная работа была, а собственной работы никакой не было и быть не могло. Впрочемъ, въ свободные часы, когда арестанты могли считать себя до нѣкоторой степени безопасными со стороны началь-

ственныхъ визитовъ, — казармы каторжниковъ превращались въ огромныя мастерскія. Каждый углублялся въ мирное, честное и разумное занятіе; каждый желалъ, чтобы ему не мѣшали другіе, и, вслѣдствіе этого, каждый, въ свою очередь, старался не мѣшать сосѣдямъ. Въ такія минуты мертвый домъ былъ несравненно приличнѣе и благороднѣе, чѣмъ бурса во время рекреации. Вѣрнѣе было бы сказать, что мертвый домъ въ свободныя часы былъ совершенно приличенъ, между тѣмъ какъ бурса не знала, куда дѣвать свое свободное время, и доходила, въ минуты рекреаціоннаго мрака, до фантастическихъ нелѣпостей. «Въ классѣ такъ темно, — говоритъ Помяловскій, — что за два шага не распознать лица человѣческаго. Всякія игры прекращались въ эти часы, и бурсакъ могъ развлекаться звуками странными и разнообразными. Общее впечатлѣніе было дико. Звуки мѣшаются. Раздается крикъ какого-то несчастнаго, которому вѣроятно *възыхали въ загорбокъ*; слышенъ напѣвъ на *Господи воззвахъ гласъ осьмый*; вырывается изъ концерта патетическая нота въ *верхнее ге*; кого-то еще треснули по рожѣ; у нечки поютъ: «отроцы семинаріи, посередъ кабака стояще, пояху: подавай, наливай; мы книги продадимъ, тебѣ деньги отдадимъ»; слышенъ плачь; *грогочетъ* какая-то тварь, т. е. ржетъ по лошадиному, выдѣлывая: и-и-го-го-го-го! Ругань виситъ въ воздухѣ, крики и хохотъ, козлоглагольствуютъ, грогочутъ, поютъ на гласы и вкушаютъ затрещины». (Стр. 40). Тутъ же придумывается для разнообразія избіеніе приходчины.

Такихъ явленій въ мертвомъ домѣ нѣтъ, и возможны такіе эпизоды только въ бурсѣ и, въ слабѣйшей степени, въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, возможны собственно потому, что педагоги считаютъ полную праздность превосходнымъ отдыхомъ послѣ умственныхъ занятій. Полная праздность всегда порождаетъ дикія развлеченія, которыя не доставляютъ ни пользы, ни удовольствія самимъ развлекающимся субъектамъ. Этими дикими развлеченіями медленно и нечувствительно, но неизбѣжно уродуются умы и характеры. Заставьте человѣка выдерживать каждый день, въ продолженіе пяти или шести лѣтъ, часа по три бурсацкой рекреации, и этотъ человѣкъ непременно огрубѣетъ и ожесточится. Если бы Алей попалъ въ бурсу, то вся его грація, воспѣтая г. Достоевскимъ и устоявшая противъ вліянія мертваго дома, истрепалась и уничтожилась бы въ водоворотѣ смазей, салазокъ и затрещинъ, отъ которыхъ невозможно увернуться и за которыя непременно надо распахиваться тою же монетою. Каторжники работаютъ; поэтому каждый изъ нихъ хочетъ и можетъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ, и уединяться отъ товарищей, продолжая сидѣть съ ними въ одной комнатѣ и на однихъ нарахъ. Бурсаки напротивъ того развлекаются, т. е., озорничаютъ другъ надъ другомъ, вслѣдствіе чего обособленіе личности становится невозможнымъ.

Х.

Г. Достоевскій говоритъ, что Алея *всѣ любила и всѣ ласкала*. Это значитъ, что каторжники умѣли цѣнить красоту тѣхъ качествъ, которыми отличался Алея. Это значитъ, что каторжники вообще были способны любить безкорыстно чистое, свѣжее, кроткое и прекрасное существо. Это обстоятельство въ значительной степени помогло Алею сохранить себя во всемъ блескѣ своей нравственной чистоты. Это же обстоятельство показываетъ ясно, что товарищи Алея были не Богъ знаетъ какіе безнадежно-гнусные люди. Мыслящему читателю врядъ ли есть надобность доказывать, что преступникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, все-таки не перестаетъ думать и чувствовать по-человѣчески. Но не всѣхъ читателей можно называть мыслящими, и потому говорить о человѣческомъ достоинствѣ каторжниковъ въ наше время не только необходимо, но даже и до нѣкоторой степени опасно. Если вы скажете, что каторжникъ не лютый звѣрь и не грязная гадина, что въ немъ не замерли лучшіе инстинкты человѣческой природы, что онъ способенъ подняться на ноги и начать новую жизнь, то суровые мудрецы, солидные моралисты и непогрѣшимые *sensores* могутъ считать себя оскорбленными до глубины души: они подумаютъ, что вы ставите ихъ на одну доску съ презрѣннымъ каторжникомъ; они закричатъ во все горло, что вы унижаете добродѣтель и прославляете порокъ; они обвинятъ васъ въ томъ, что вы потворствуете воровству, поощряете убійство и стараетесь подорвать авторитетъ закона, карающаго похитителей чужой собственности и чужой жизни. Въ виду такого жалкаго неразумія, заявляющаго себя публично и торжественно, съ аллобомъ и съ величественнымъ самодовольствомъ, становится необходимымъ говорить подробно, но съ нѣкоторою осторожностью, о тѣхъ истинно-человѣческихъ чувствахъ, которыя подмѣчены г. Достоевскимъ въ несчастныхъ обитателяхъ мертваго дома. Описывая человѣческія чувства каторжниковъ, я постоянно долженъ упрасивать читателя, чтобы онъ не увлекался примѣромъ арестанта и не старался подражать его преступленіямъ. При такихъ условіяхъ интересы истины будутъ соглашены съ требованіями осторожности, и самые строгіе цѣнители литературныхъ заслугъ не рѣшатся заподозрить меня въ посягательствѣ на чистоту и непорочность читающей публики.

Хорошія черты, собранныя г. Достоевскимъ, особенно драгоцѣнны потому, что онѣ вырываются у него почти неволью, и что онѣ сооб-

щаетъ ихъ читателю безъ всякой предвзятой мысли. Большая часть этихъ подробностей брошена мимоходомъ, такъ что авторъ самъ не вглядывался въ нихъ; и не ставилъ ихъ въ заслугу каторжникамъ.

И такъ: *первая черта* — любовь каторжниковъ къ Алею.

Вторая черта. На каторгѣ былъ одинъ старикъ изъ раскольниковъ, безукоризненно честный и чрезвычайно добродушный. «Во всемъ острогѣ, говоритъ г. Достоевскій, старикъ приобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его». (Стр. 61, Т. I.). «Вотъ этому-то старику мало по малу почти всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ украсть». (I, 62). Это уваженіе къ старости и къ честности, это безграничное довѣріе, это слово *дѣдушка* заключаютъ въ себѣ такъ много глубоко-трогательной теплоты и задушевности, что мой добродѣтельный читатель рискуетъ увлечься и расчувствоваться, если я, соблюдая долгъ осторожности, не напомню ему о надлежащемъ презрѣніи къ клейменымъ лицамъ и къ бритымъ головамъ.

Третья черта. «Помню, говоритъ г. Достоевскій, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмѣльной (въ каторгѣ иногда можно было напиться) началъ рассказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо было про это* говорить, потому что говорить *про это* не принято». (I, 15). Фактъ замѣчательный, но объясненіе, прибавленное авторомъ, ровно ничего не объясняетъ и рѣшительно не выдерживаетъ критики. Почему авторъ знаетъ, что казарма закричала *не отъ негодованія*? И что это за резонъ выраженъ словами: *а такъ*? И если рассказъ разбойника ни въ комъ не возбуждалъ негодованія и отвращенія, то почему же *не надо* и *не принято* было говорить о такихъ предметахъ? — На эти вопросы авторъ опять отвѣтитъ: *такъ*, но кто же удовлетворится подобнымъ отвѣтомъ? — Мнѣ кажется, что казарма закричала именно отъ негодованія, потому что ей показалось черезчуръ отвратительнымъ, во-первыхъ, умерщвленіе беззащитнаго ребенка, а во-вторыхъ, ~~наглое~~ хвастовство. Слушатели почувствовали, что это хвастовство глубоко оскорбляетъ ихъ человѣческое достоинство. За кого же, дескать, этотъ осель насъ принимаетъ, если онъ думаетъ, что мы будемъ любоваться такими мерзостями? Г. Достоевскій полагаетъ, что *«про это* говорить не принято». — То есть, про что же именно? Про какое *это*? Если подъ словомъ *это* г. Достоевскій подразумѣваетъ вообще убійство, то онъ

ошибается и самъ себя опровергаетъ. Въ томъ же томѣ, на стр. 182 и 183, Лучка рассказываетъ товарищамъ очень подробно, какъ онъ зарѣзалъ одного сердитаго плацъ-маіора, и всѣ его слушаютъ, и никто на него не кричитъ. Значить, объ убійствѣ говорить можно, и, значить, крикъ казармы, въ первомъ случаѣ, былъ направленъ не противъ нарушенія каторжнаго этикета, а противъ отвратительности разбойническихъ изліяній.

Четвертая черта. Арестанты любятъ докторовъ за ихъ гуманное обращеніе и вспоминаютъ со вздохами и съ умиленіемъ о тѣхъ начальникахъ, въ которыхъ замѣтны были хоть какіе-нибудь проблески добродушія. — Душа человѣкъ! Отца не надо! — говорятъ арестанты, вспоминая поручика Смекалова (II, 44), который однако наказывалъ ихъ за провинности, но только при этомъ не смотрѣлъ на нихъ, какъ на отверженцовъ, и не придирался ко всякимъ пустякамъ. «Даже, говоритъ г. Достоевскій, подь часъ какой-то маниловщиной отзывались воспоминанія о добрѣйшемъ поручикѣ». (II, 44). Значить, самая ничтожная ласка находитъ себѣ доступъ въ сердцу арестанта. Гдѣ же тутъ закоренѣлость и несправимость? Но при этомъ осторожность все-таки заставляетъ меня напомнить читателю, что подражать арестантамъ не годится.

Пятая черта. На канунѣ Рождества во всемъ острогѣ господствуетъ торжественная тишина. Всѣ арестанты ведутъ себя особенно чинно и спокойно. Нѣтъ ни балагурства, ни каторжной игры. Кто нарушаетъ общее строгое спокойствіе, того унимаютъ и бранятъ за неуваженіе къ празднику. Словомъ, арестанты хотятъ, чтобы у нихъ въ ихъ тѣсной и душевной острожной сферѣ, было то же самое, что дѣлается въ мірѣ свободныхъ и добропорядочныхъ людей. Арестанту очень хочется поддержать въ своихъ собственныхъ глазахъ свое человѣческое достоинство, и онъ приступаетъ къ этой задачѣ съ тѣми средствами, которыя даетъ ему въ руки его нероскошное умственное развитіе. Въ какихъ бы формахъ ни проявлялось это стремленіе уважать въ самомъ себѣ человѣка, — оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что, не смотря на всю безвыходную грязь и тоску острожнаго прозябанія, арестантъ все-таки не хочетъ и не можетъ окончательно махнуть на себя рукою.

Шестая черта. Въ самый день Рождества изъ города привозятъ и приносятъ въ острогъ цѣлыя горы подаяній, въ видѣ всевозможныхъ съдобныхъ печеній. Начинается дѣлежъ. «Не было ни спору, ни брани, говоритъ г. Достоевскій; дѣло вели честно, по-ровну. Что пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлилъ Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукою и своей рукою раздавали каждому. Не было ни малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ кого

нибудь; всё остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подаваніе можно было утаить или раздать его не поровну». (I, 222).

Седьмая черта. На святкахъ арестанты устроили театр. «Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо, и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что върать ихъ слову». (I, 241). Это все прекрасно; но ты, читатель, все-таки не забывай, что ты, въ лицѣ арестантовъ, обязанъ ненавидѣть и презирать пороки и преступленіе.

Восьмая черта. Ссылные поляки, гнушаясь арестантами, не хотѣли ходить на ихъ театральные спектакли. Наконецъ, изъ любопытства, они рѣшились одинъ разъ посмотрѣть на арестантскія затѣи. «Брезгливость поляковъ ни мало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста». (I, 247). Такое спокойное и простое великодушіе могло бы сдѣлать честь даже какому нибудь очень образованному и блестящему обществу.

Девятая черта. Театромъ своимъ арестанты восхищаются, какъ дѣти. Ихъ наивная радость, превосходно описанная въ XI главѣ I тома, доказываетъ двѣ вещи: во-первыхъ то, что вся ихъ прежняя жизнь была чрезвычайно однообразна и бѣдна пріятными впечатлѣніями, а во-вторыхъ, что эти люди, не смотря на свой каторжническій санъ, представляютъ собою, въ умственномъ отношеніи, совершенно дѣвственную почву, на которой искусный воспитатель, при нѣкоторомъ стараніи, могъ бы возростить богатую жатву хорошихъ мыслей, великодушныхъ чувствъ и честныхъ намѣреній. Если для нихъ ново и драгоценно самое ничтожное эстетическое наслажденіе, то, значитъ, ясно, что умъ ихъ спалъ глубокимъ сномъ во все то время, когда они совершали преступленія. А если умъ ихъ ничѣмъ не былъ пробужденъ и затронутъ съ самаго ихъ рожденія, то, спрашивается, какую же силу они могли противопоставить тѣмъ искушеніямъ, которыя осаждаютъ со всѣхъ сторонъ голоднаго и безпомощнаго бѣдняка? Далѣе, если для нихъ новы *всѣ впечатлѣнія бытія*, то можно ли ихъ считать погибшими людьми? Погибшимъ можно назвать только того человѣка, который весь поглощенъ одною страстью, вредною для общества. Плюшкинъ, для котораго не существуетъ на свѣтѣ ничего, кромѣ денегъ, погибшій человѣкъ, хотя онъ никогда не попадетъ на каторгу. Но каторжникъ, способный отдаваться всевозможнымъ впечатлѣніямъ съ порывистою страстностью ребенка, можетъ воскреснуть и начать новую жизнь, лишь бы только общество рѣшилось дружелюбно протянуть ему руку помощи. Но вы, читатели, разумѣется подобной глупости не сдѣлаете, потому что вы обязаны помнить то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ васъ, честныхъ людей, отъ презрѣнныхъ обитателей мертваго дома.

Десятая черта. Преступниковъ, наказанныхъ шпицрутенами, приводили обыкновенно въ госпитальную палату, и тутъ больные арестанты, принимая ихъ на свое попеченіе, ухаживали за ними самымъ тщательнымъ образомъ. «Всю ночь ухаживали за нимъ арестанты, говорить г. Достоевскій о наказанномъ разбойникѣ Орловѣ, перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лекарство, точно они ухаживали за кровнымъ роднымъ, за какимъ нибудь своимъ благодѣтелемъ». (I, 89). «Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдаютъ битаго въ опытныхъ и искусныхъ руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которою одѣвали истерзанную спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ того въ ловкомъ выдергивачи занозъ изъ болячекъ, которыя за-частую остаются въ спинѣ отъ сломавшихся объ нее па-локъ». (II, 14).

Если бы я захотѣлъ приводить здѣсь всѣ хорошія черты, подмѣченныя г. Достоевскимъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, то мнѣ еще долго не пришлось бы кончить. Но я нарочно ограничился только тѣми чертами, которыя относятся къ общей массѣ каторжниковъ, и характеризуютъ собою господствующее настроеніе. Взятая порознь, эти черты очень мелки и незначительны; но если сложить ихъ всѣ вмѣстѣ, и если дополнить ихъ тѣми нравственными свойствами, съ которыми эти мелкія черты неразрывно связаны, то получится общій результатъ, далеко не отвратительный. Говоря о каторгѣ, слѣдуетъ перевернуть извѣстную поговорку: «не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто», поговорку, которая впрочемъ нигдѣ и никогда не оказывается вѣрною. О каторгѣ можно сказать, что тутъ не люди портятъ мѣсто, а мѣсто портитъ людей. Острогъ ужасенъ не тѣмъ, что въ немъ живутъ ужасные люди, а тѣмъ, что эти люди, совсѣмъ не ужасные, терпятъ въ немъ значительныя лишенія и стѣсненія, которыя притупляютъ ихъ умы, и портятъ ихъ характеры. Когда начальству угодно будетъ устранить нѣкоторыя изъ этихъ лишеній, тогда острогъ, превращаясь по-немногу въ мастерскую и въ ремесленную школу, утратитъ большую часть своей отвратительности, и начнетъ приносить дѣйствительную пользу тѣмъ заключеннымъ, которымъ не удалось приобрести себѣ на свободѣ ни техническихъ знаній, ни житейской сноровки. Мертвый домъ, описанный г. Достоевскимъ, заключаетъ въ самомъ себѣ зачатки своего усовершенствованія. Эти зачатки развернутся, и нравственность арестантовъ улучшится, какъ только имъ дадутъ возможность смѣло и открыто заниматься своею собственною работою.

Въ бурѣ, описанной Помяловскимъ, я не замѣтилъ такихъ задат-

ковъ развитія. Начальство можетъ конечно замѣнить розги карцеромъ, а карцеръ еще какимъ нибудь другимъ болѣе деликатнымъ наказаніемъ. Начальство можетъ улучшить столь воспитанниковъ, ѣстребить сырость и грязь, вентилировать комнаты, и зажигать лампы на цѣлый вечеръ. Все это конечно значительно облегчитъ участь бурсаковъ, но основное зло бурсы останется нетронутымъ, потому что оно неизлечимо. Это основное зло заключается въ той антипатіи, которая существуетъ между умами учениковъ и бурсацкою наукою. Эту антипатію невозможно искоренить, потому что бурсацкую науку невозможно сдѣлать привлекательною. Всѣ лучшія силы общества устремлены совсѣмъ не на тѣ занятія, которыя могутъ сформировать хорошихъ бурсацкихъ преподавателей. Общество интересуется совсѣмъ не тѣмъ, что интересовало его нѣсколько столѣтій тому назадъ. То, что оставляется безъ вниманія лучшими умами и самыми блестящими талантами, поневолѣ облекается въ такія сухія и черствыя формы, которыя никому не могутъ нравиться, и которыя приходится навязывать ученикамъ насильно, посредствомъ розогъ, или посредствомъ карцера, или при содѣйствіи какихъ нибудь еще болѣе утонченныхъ и облагоустроенныхъ средствъ угнетенія. Ученики воспринимаютъ неохотно, забываютъ немедленно, и выносятъ съ собою въ жизнь вмѣсто полезныхъ знаній отвращеніе къ умственному труду. Очень жаль, но счастливыя времена Абеяра все-таки остаются невозвратимыми.

КОНЕЦЪ ЦЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
I. Наша университетская наука	1
II. Школа и жизнь	111
III. Мысли Фирхова о воспитаніи женщинъ	193
IV. Погибшіе и погибающіе	211

22979

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Издание Ф. Павленкова.

ЦѢНА ЗА КАЖДУЮ ЧАСТЬ 1 Р.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. ГОЛОВACHEVA.

(Вознесенскій пр., д. № 23 и 81).

1866.

Право перевода статьи „Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений“ остается за издателемъ.

22979

СТАТЬИ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ.

ПРОЦЕССЪ ЖИЗНИ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА КАРЛА ФОХТА.

(Physiologischen Briefe von Carl Vogt.)

I.

Представьте себѣ, что вамъ приходится описывать очень сложную машину съ замысловатымъ внутреннимъ устройствомъ, которое непременно должно находиться во время дѣйствія снаряда въ плотно закупоренномъ ящикѣ, чтобы не подвергнуться разлагающему вліянію атмосфернаго воздуха, чтобы не отсырѣть, не засориться и не придти въ негодность. Представьте себѣ, что эта машина приводится въ движеніе не одними механическими средствами (т. е. не только колесами, гириями, шестернями и цѣпочками), а кромѣ того, химическими соединеніями и разложеніями, совершающимися внутри снаряда. Чтобы дать читателямъ какое нибудь понятіе объ этой сложной машинѣ, вамъ поневолѣ придется описывать ее по частямъ, представлять ее въ разрѣзѣ, вынимать изъ нея отдѣльныя колеса и гири, разсматривать химическіе агенты, словомъ, разрушать ту общую связь, которая необходима для успѣшнаго дѣйствія снаряда. Вамъ придется утомлять вниманіе читателя мелкими подробностями, которыхъ необходимость нѣсколько времени будетъ оставаться для него непонятною; въ то время, когда читатель будетъ требовать отъ васъ общаго, идеи снаряда, вы будете принуждены говорить ему о дѣйствіи того или другаго блока, о свойствахъ той или другой щелочи. Въ такомъ-то неприятомъ положеніи находится физиологъ, пытающійся сообщить публикѣ въ популярной формѣ главные результаты новѣйшихъ изслѣдованій, касающихся человѣческаго организма. Конечно, никакая машина не можетъ интересовать насъ

такъ сильно, какъ интересуеть насъ наше собственное тѣло. Но зато, какая же машина сложностью своего внутренняго устройства можетъ сравниться съ животнымъ организмомъ? Какая машина представляетъ наблюдателю такія, на первый взглядъ, непреодолимыя препятствія? Мы хотимъ видѣть машину въ полномъ ходу, — это оказывается невозможнымъ. Какъ только мы попытаемся какимъ нибудь способомъ раскрыть дверцу, чтобы бросить любопытный взглядъ на внутреннее устройство, такъ это внутреннее устройство оказывается насильственно измѣненнымъ; гармонія нарушена, и намъ остается только догадываться, какъ было прежде, до той минуты, когда мы разорвали живую связь органическихъ тканей.

О тѣхъ временахъ, когда предразсудокъ мѣшалъ врачамъ анатомировать трупы, нечего и говорить; въ тѣ времена физиологія не существовала, какъ наука; тогда приходилось любознательному врачу рѣзать кошекъ, собакъ, кроликовъ, и по аналогіи воссоздавать внутреннее устройство человѣческаго тѣла; зато, тогда медицина опиралась на магію; поле этихъ двухъ наукъ не можетъ быть разграничено, и многіе знаменитые врачи за излишнюю догадливость попадали въ тюрьмы священной инквизиціи и умирали на кострахъ. Теперь измѣнились препятствія, измѣнились опасности, угрожающія физиологу; наука далеко подвинулась впередъ, но и теперь еще она нуждается почти въ оправданіи, въ извиненіи въ глазахъ той массы, которая именно всего болѣе нуждается въ знаніяхъ, и которая, уже потому, что знаетъ грамотъ, была бы дѣйствительно способна усвоить себѣ результаты изслѣдованія. Теперь добросовѣстный и талантливый изслѣдователь рискуеть остаться непрочитаннымъ только потому, что онъ не забѣгаетъ впередъ фактовъ, не строитъ скороспѣлыхъ теорій, не возвышается преждевременно до синтетическихъ взглядовъ. Мы всѣ еще сильно заражены наклонностью къ натурфилософіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка, и прочей дребедени, которая смущаетъ даже многіхъ спеціалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ. Теоріи физиологіи растутъ какъ грибы подъ руками плодовитыхъ писателей; медицина кидается на эти теоріи, прилагаетъ ихъ къ дѣлу, едва провѣривъ степень ихъ основательности, является путаница, практическія ошибки, отзывающіяся сотнями смертныхъ случаевъ, сотнями и тысячами неудачныхъ леченій. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, иначе объяснить появленіе на нашихъ глазахъ разныхъ противурѣчивыхъ системъ леченія, гомеопатіи, гидропатіи, магнитическаго, электрическаго, гальваническаго леченія? Если все это не ~~не~~ одно чистое шарлаганство, что предположить какъ-то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи — остатокъ средневѣковой методы восхо-

дять къ началу всѣхъ началъ, когда знаешь факты изъ пятого въ десятое, и когда почва еще колыхнется подъ ногами.

Естественныя науки не то, что исторія, совсѣмъ не то, хотъ Бокль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ; еслибы Маколей ошибся сто разъ въ фактическомъ разсказѣ событій, и тогда бы его произведенія имѣли для насъ несравненно болѣе прелести, болѣе жизненной полноты и человѣческаго достоинства, чѣмъ творенія какого нибудь Капфига или Миркура, хотя бы эти господа не ошиблись ни въ одномъ годѣ, ни въ одной генеалогической подробности. Разсматривая прошедшую жизнь человѣчества, я непременно становлюсь къ ея проявленіямъ въ тѣ или другія отношенія; если же у меня нѣтъ никакихъ отношеній къ прошедшимъ событіямъ, тогда становится непонятнымъ, для чего же я ихъ разсказываю. Лѣтописецъ записываетъ для того, чтобы событія не пропали для потомства. А историку такой причины въ наше время привести нельзя. Лѣтописи не пропадутъ; онѣ хранятся въ бібліотекахъ и архивахъ, за замками и запорами. Стало-быть, если я беру эти лѣтописи, то для того, чтобы сказать что нибудь по поводу событій, а не для того, чтобы пересказать событія, иначе и г. Семевского придется зачислить въ русскіе историки. Исторія есть осмысленіе событія съ личной точки зрѣнія автора; каждая политическая партія можетъ имѣть свою всемірную исторію, и дѣйствительно имѣетъ ее, хотя конечно не всѣ эти исторіи записаны, точно также, какъ всякая философская школа имѣетъ свой философскій лексиконъ. Исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практическихъ убѣжденій, составившихся путемъ жизни и имѣющихъ свое положительное значеніе въ настоящемъ. Объ естественныхъ наукахъ этого конечно нельзя сказать; природѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ вы объ ней думаете; если вы ошиблись, она васъ помнетъ или совсѣмъ раздавитъ, какъ помнетъ или раздавитъ васъ колесо огромной машины, къ которой вы подошли слишкомъ близко во время ея полного хода. Изучая природу, вы имѣте дѣло съ слѣпными силами, но съ силами громадными, постоянно дѣйствующими, которыя не подадутся для васъ ни вправо, ни влѣво. Управлять вы ими можете, но для этого вы должны *знать* ихъ, а не составлять себѣ объ нихъ произвольныя теоретическія понятія. Каждая естественная наука имѣетъ свои практическія приложенія; отъ степени развитія этихъ практическихъ приложеній зависитъ вся наша жизнь; самохраненіе, удобства жизни, наслажденія — все это возможно только при знаніи окружающей природы; тутъ ужъ на теоріи далеко не уѣдешь.

Цѣль естественныхъ наукъ — никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того

русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ, все то, что мы называемъ жизнью. Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерпаніе. Если вы думаете, что Фохтъ, Мошешотъ и другіе подобные имъ, имѣютъ міросозерпаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто настолько сильны умомъ, что отъинули всѣ бредни, которыми наслаждались, а подѣ-часъ и пугали себя окружающіе ихъ взрослые дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. Они рѣшились каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами; какъ люди, способные работать мозгомъ, они конечно видѣли нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями и даже старались находить эту связь, располагая свои наблюденія въ извѣстной послѣдовательности; общихъ результатовъ они не нашли еще, потому ли, что ихъ вовсе нѣтъ, или же потому, что фактическая часть науки еще малоизвѣстна; какъ бы то ни было, но своей теоріи міра они не построили, и въ этомъ, вообразите себѣ, и состоитъ величайшая ихъ заслуга. Когда люди, расположенные строить теоріи міра, берутся за изученіе природы, то они дѣлаются Сведенборгами, или Экартсгаузенами, или же, по крайней мѣрѣ, подобно Мильну-Эдвардсу, превращаютъ природу въ специалиста политической экономіи. Мнѣ всегда приходило въ голову, что подобные господа положительно не поняли своихъ наклонностей и способностей. Въ нихъ творчество положительно преобладаетъ надъ любознательностью. Имъ бы слѣдовало усвоить себѣ изящную форму изложенія и писать романы, повѣсти, поэмы, лирическія мелочи, все, что угодно, только никакъ не ученныя изслѣдованія. Оно, конечно, пріятно смотрѣть на природу какъ на кучку пестрыхъ камешковъ, изъ которыхъ можно сложить красивую, пеструю мозаику, но вѣдь надо же себя поставить на мѣсто тѣхъ людей, которые желали бы видѣть, какъ эти пестрые камешки лежатъ не въ книгѣ неудавшагося поэта, а на самомъ дѣлѣ, въ живой дѣйствительности. Зачѣмъ же этихъ людей вводить въ заблужденіе заглавіемъ книги? Если-бы на оберткѣ было написано: *Фантазія такого-то о природѣ, въ стихахъ и прозѣ*, то можетъ быть эти люди и въ руки не взяли бы этого произведенія.

Да, строители теорій, или, что то же, неудавшіеся поэты надѣлали много вреда, они, напримѣръ, до такой степени извратили понятія и вкусъ публики, что публика требуетъ отъ изслѣдованій натуралистовъ—направленія. Ради Бога, господа, выкиньте въ безобразіе этого требованія: направленія отъ натуралистовъ. Я поясню это требованіе короткимъ разговоромъ дѣйствительнаго происшествія. Мнѣ случилось разговаривать о Мошешотѣ съ однимъ знакомымъ мнѣ современно развитымъ гуманистомъ. Мой собесѣдникъ упрекнулъ Мошешота въ аристократизмъ.

Я пришелъ въ недоумѣніе и ждалъ, что-то будетъ. Помилуйте, продолжалъ гуманистъ, онъ придаетъ такое значеніе пици, что по его теоріи выдетъ такъ: кто хорошо обѣдаетъ, тотъ и силенъ, и уменъ, а тотъ, у котораго рѣдко бываетъ во щахъ кусокъ мяса, стало-быть дрянъ.... Мой знакомый долго продолжалъ говорить на эту тему, но направленіе его рѣчи уже намѣчено и потому я его оставляю въ сторонѣ. Что же касается до Мошешота, его конечно защищать мудрено. Онъ виноватъ безъ оправданія! Какъ онъ смѣлъ, вопреки гуманнѣмъ тенденціямъ вѣка, доказывать, что мясная пища даетъ силы мускуламъ и мозгу, а растительная—заставляетъ организмъ почти исключительно заниматься пищевареніемъ! Можно было бы возразить, пожалуй, что для бѣдныхъ Ирландцевъ было бы полезнѣе, еслибы филантропы поменьше восторгались ихъ патріархальными добродѣтелями, и побольше заботились о замѣненіи картофеля чечевицею и горохомъ. Но филантропы такого возраженія не примутъ: если вы скажете, что народъ грубъ, они обвинятъ васъ въ негуманности; если вы скажете, что порода измельчала и испортилась отъ дурной пици и дурнаго образа жизни, они обвинятъ васъ въ кощунствѣ. Преклоняйтесь передъ народною правдою, уважайте даже народныя щи да кашу и не вѣрьте Мошешоту, котораго, по выраженію г. Полонскаго, изучаетъ самъ чортъ, — вотъ что скажутъ вамъ филантропы, гуманисты, которые всѣ болѣе или менѣе подходятъ подъ типъ неудавшихся поэтовъ.

II.

Фохтъ не поэтъ; его физиологическія письма написаны безъ міросозерцанія; съ міромъ онъ и не имѣетъ дѣла, онъ старается описать понятнымъ языкомъ главныя органическія отправления, образующія собою тотъ страшно сложный процессъ, который мы называемъ простымъ, общеизвестнымъ словомъ жизнь. Вся книга Фохта состоитъ изъ отдѣльныхъ подробностей и исчерпываетъ, насколько это теперь возможно, только одну сторону жизни, растительную жизнь (*das vegetative Leben*). Въ книгѣ Фохта говорится только о томъ, какъ поддерживается органическая жизнь, т. е. какъ обращается кровь, какъ совершается процессъ дыханія, какъ принимается и переваривается пища. Цѣлая, огромная сторона жизни остается еще незатронутою; о жизни животной, т. е. о воспріятіи и переработкѣ впечатлѣній, о дѣятельности нервной системы, въ этомъ томѣ еще не сказано ни слова. Говоря о различныхъ отправленияхъ растительной жизни (т. е. той жизни, которая составляетъ

общее достояніе растений и животныхъ), Фохтъ принужденъ бороться съ рутиною и скрытымъ мистицизмомъ прежнихъ физиологовъ. Говорить-ли онъ о кровообращеніи, о дыханіи или о пищевареніи, ему вездѣ приходится еще *доказывать*, что всѣ эти процессы совершаются по простому спѣянію физическихъ и химическихъ законовъ, безъ всякаго вмѣшательства посторонней, таинственной силы. Эту таинственную силу прежніе физиологи называли жизненною силою. Гдѣ кончались предѣлы ихъ наблюденій, тамъ они, вмѣсто того, чтобы откровенно сказать: не знаю, говорили: здѣсь начинается дѣйствіе жизненной силы.

«Жизненная сила, говоритъ Фохтъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ заднихъ дверей, которыхъ такъ много въ наукѣ, и которыя всегда будутъ убѣжищемъ праздныхъ умовъ; вмѣсто того, чтобы потрудиться, да изслѣдовать то, что на первый взглядъ кажется непостижимымъ, эти умы довольствуются тѣмъ, что дивятся кажущемуся чуду. Медицина въ этомъ отношеніи особенно изобрѣтательна. Боже милостивый! Что бы случилось съ медицинскою практикою, еслибы не было подъ руками терминовъ: ревматизмъ, ипохондрія и истерія, этихъ трехъ кладовыхъ, въ которыя мы сваливаемъ все то, о чемъ не имѣемъ точныхъ свѣдѣній? Когда не знали электричества, тогда считали громъ явленіемъ сверхъестественнымъ; но чѣмъ дальше шли впередъ въ познаніи природы, тѣмъ болѣе исчезало таинственное и чудесное. То же явленіе совершалось и въ физиологін; жизненная сила есть тотъ неизвѣстный, тотъ *x*, который стоитъ вездѣ въ глубинѣ сцены и постоянно увертывается, когда его хотятъ схватить; царство этого неизвѣстнаго отодвигается назадъ и въ глубь, по мѣрѣ того, какъ наука проникаетъ впередъ съ своимъ факеломъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не было ни одного отправления нашего тѣла, въ которомъ этотъ неизвѣстный элементъ жизненной силы не игралъ бы значительной роли:—теперь ссылка на жизненную силу для объясненія наблюдаемаго факта не имѣетъ уже никакого научнаго значенія; она будетъ просто описательнымъ выраженіемъ невѣдѣнія». И такъ, жизненной силы, какъ чего-то самостоятельнаго, неразлагаемаго, не существуетъ; послѣдній оплотъ невѣжества разрушенъ; маска сорвана съ мистицизма, и изслѣдователи смотрятъ на природу внимательно, но просто, безъ суевѣрнаго благоговѣнія, безъ институтской мечтательности.

Иные скажутъ, пожалуй, что это и есть направленіе изслѣдованія. Господа, помилосердуйте! Неужели человѣкъ, говорящій самому себѣ: смотри въ оба, не зѣвай по сторонамъ, не ври глупостей, — вслѣдствіе этого представляется вамъ адептомъ извѣстной школы? Тогда вы должны будете сознаться, что и здравый смыслъ, и нормальный глазъ тоже принадлежатъ не здоровымъ людямъ вообще, а приверженцамъ того или другаго ученія. Впрочемъ и это бываетъ. Когда я въ одной критической

статьѣ выразилъ сомнѣніе въ необходимости идеаловъ, то мнѣ замѣтили въ «Сѣверной Пчелѣ», что я только подставляю вмѣсто существующихъ идеаловъ свой идеальчикъ; вотъ видите-ли, отсутствіе идеаловъ и безграничная свобода личности, формулирующаяся русскою пословицею: «кто во что гораздъ» или «всякій молодецъ на свой образецъ», какъ желаемое состояніе человѣчества, показалось моему рецензенту новымъ идеаломъ. Если такъ смотрѣть на вещи, тогда конечно и Молешота, и Фохта придется считать идеалистами и адентами школы: они отрицаютъ всякія предвзятія теоріи, освобождаются отъ всякихъ предубѣжденій. Ну, чтожь? это отрицаніе и есть, стало-быть, ихъ теорія. Спорить съ подобнымъ мнѣніемъ не стоитъ уже потому, что оно нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, а спорить изъ-за словъ

Есть тѣмъ охотниковъ, —
Я не изъ ихъ числа.

III.

Приступимъ къ дѣлу. Въ процессѣ жизни можно замѣтить три главныя отправленія, тѣсно, неразрывно связанные между собою, но между тѣмъ совершающіяся отдѣльными органами и, слѣдовательно, допускающія отдѣльное изученіе. Эти три отправленія называются кровообращеніемъ, дыханіемъ и пищевареніемъ. При остановкѣ одного изъ этихъ трехъ отправленій останавливаются и остальные; организмъ разлагается и составныя его части возвращаются въ вѣчный круговоротъ вещества. Если, положимъ, отъ холода остановилось обращеніе крови, мы говоримъ, что животное замерзло; если какое нибудь постороннее препятствіе остановило притокъ кислорода въ легкія, мы говоримъ, что животное задохнулось; если отъ недостатка питательныхъ матеріаловъ остановилось на извѣстный промежутокъ времени пищевареніе, мы говоримъ, что животное умерло съ голоду. Во всѣхъ трехъ случаяхъ прекращеніе одной изъ функций жизненнаго процесса повело за собою прекращеніе двухъ остальныхъ и, слѣдовательно, уничтоженіе органической жизни вообще. Жизнь же есть ни что иное, какъ постоянное измѣненіе матеріала при сохраненіи извѣстной формы. Я сегодня тотъ же человѣкъ, какой былъ вчера, а между тѣмъ процессы испражненія, испаренія и выдыханія выдѣлили изъ моего тѣла матеріалы, входившіе вчера въ его составъ; въ то же время процессы принятія пищи и вдыханія воздуха внесли въ мое тѣло частицы, которыхъ въ немъ не было вчера. Если я теряю способность

вообще слишкомъ быстро. Люди малокровные отличаются вялою кожею, слабостью половой дѣятельности, спокойнымъ, ровнымъ, часто нерѣшительнымъ характеромъ. Люди полнокровные страдаютъ приливами, легко раздражаются, часто горячатся, сильно увлекаются, любятъ движеніе и дѣятельность, отличаются физическою силою и предприимчивостью. Горячительные напитки, гимнастическія упражненія, волненіе, возбужденное разговоромъ или событіемъ, ускоряютъ біеніе сердца, т. е. его сжатіе и расширеніе, увеличиваютъ быстроту кровообращенія и этимъ самымъ повышаютъ температуру тѣла. У кого кровь движется быстрѣе; у того всѣ отправленія дѣлаются не такъ, какъ у человѣка съ медленнымъ движеніемъ крови. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и процессъ мысли, и весь такъ называемый нравственный характеръ въ значительной степени зависятъ отъ скорости кровообращенія.

Біеніе пульса, по которому медики опредѣляютъ состояніе своихъ пациентовъ, находится въ непосредственной связи съ сжатіемъ и расширеніемъ сердца: сердце сжимается, волна крови ударяетъ въ пульсовую артерію; артерія, какъ упругая трубочка, расширяется, и вслѣдъ затѣмъ, пропустивши волну, опять сжимается. При каждой новой волнѣ повторяется расширеніе и сжатіе; это и есть біеніе пульса. Свойства этого біенія зависятъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ силы сжатія сердца, отъ величины кровяной волны, и отъ эластичности артеріи; эти три обстоятельства измѣняются смотря по состоянію субъекта, и слѣдовательно даютъ медику возможность ознакомиться съ положеніемъ больного. Въ оконечностяхъ тѣла, въ волосныхъ сосудахъ приливы крови отъ сердца, отзывающіеся въ артеріяхъ сжатіемъ и расширеніемъ ихъ, становятся едва чувствительными; тамъ кровь течетъ ровно; точно также течетъ она въ вѣнахъ, и потому вены не бьются подобно артеріямъ. Волосные сосуды отличаются значительною способностью сжиматься; отъ холода они могутъ совершенно закрыться; если морозъ сильно подѣйствовалъ на вашъ палецъ, волосные сосуды его сжимаются, кровь перестаетъ проникать въ него, и весь палецъ или покрайней мѣрѣ поверхность его начинаетъ коченѣть. Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, вы входите по поясъ въ холодную воду; волосные сосуды нижней части вашего тѣла отъ дѣйствія холода до извѣстной степени сжимаются; потокъ крови, хлынувшій къ этой нижней части, не можетъ проникнуть въ нее весь; ясно, что въ верхней части вашего тѣла окажется больше крови, чѣмъ сколько нужно; произойдетъ приливъ крови къ головѣ; во избѣжаніе этого прилива, который можетъ повести за собою неприятыя послѣдствія, обыкновенно, входя въ воду, прежде всего мочатъ голову, чтобы волосные сосуды головы также сжались и не пустили бы къ себѣ излишняго количества крови.

Во сколько времени совершается полный оборотъ крови, т. е. во

сколько времени частица крови, вышедшая изъ лѣваго сердца, обойдетъ все тѣло и возвратится назадъ въ лѣвое сердце? Тщательныя наблюденія показали, что средняя величина времени, необходимаго для полного оборота, равняется одной минутѣ. Въ сутки полный оборотъ крови совершается слѣдовательно, 1440 разъ. Эту быстроту оборота объясняется то обстоятельство, что всякій ядъ, разлагающій или заражающій кровь, вбѣдается въ организмъ чрезвычайно быстро. Зачумленные частицы крови въ теченіи сутокъ 1440 разъ обѣгутъ все ваше тѣло, столкнутся со множествомъ еще здоровыхъ частицъ, передадутъ имъ долю своей ядовитости и, смотря по силѣ яда, въ нѣсколько часовъ или въ нѣсколько дней, перепортятъ всю кровь. Змѣя укусила васъ въ ногу, а между тѣмъ у васъ пухнетъ все тѣло; бѣшеная собака оцарапала руку, а между тѣмъ, если тотчасъ же не прирѣчь ранку, явятся признаки бѣшенства, т. е. общаго пораженія организма. На кровообращеніи основываются точно также страшныя послѣдствія сифилитической болѣзни, которая, начинаясь едва замѣтною ранкою, кончается, или, по крайней мѣрѣ, можетъ кончиться гніеніемъ всего тѣла. Возможность оспопрививанія заключается точно также въ обращеніи крови. Ничтожная частичка коровьей оспы, положенная въ ранку, всасывается кровью, производитъ въ ней химическія измѣненія, порождаетъ всеобщее воспаленіе и сыпь, и наконецъ отнимаетъ у организма способность воспринимать эту заразу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Умѣйте только узнавать свойства природы, и дѣйствительную фізіологію вещей, и вы всегда будете въ состояніи воспользоваться этими свойствами по вашему благоусмотрѣнію; не передѣлывая природу по своему, вы будете ея повелителемъ. Магики, искавшіе такихъ заклинаній, которыми можно было бы держать стихіи въ своемъ распоряженіи, инстинктивно понимали силу человѣка. Они видѣли эту силу въ знаніи и въ этомъ случаѣ не ошибались. Ошибались же они только тѣмъ, что однимъ прыжкомъ хотѣли вскочить на ту лѣстницу, по которой придется идти медленно, отдыхая на каждой ступенькѣ и тщательно ощупывая слѣдующія ступени, чтобы не оступиться и не полетѣть внизъ. Они хотѣли магическимъ словомъ или обрядомъ достигнуть того, чего современная цивилизація достигла путемъ долговременныхъ и безчисленныхъ опытовъ. Они хотѣли отгадать, и не отгадали. Молешотъ и Фохтъ ищутъ, и кое-что отыскали, точно также, какъ много отыскали Ньютонъ, Коперникъ, Леверрье, Гауу, Кювье, Линней, Верцелюсъ, Либихъ, Фаредэ и пр. и пр.

«Неужели же, спрашиваетъ Фохтъ въ концѣ главы о кровообращеніи, фізіологіи удалось такимъ образомъ смирить сердце, безпокойно волнующееся въ груди человѣка, положить на него оковы, и навязать ему законы? Неужели же то участіе, которое мы ему приписываемъ въ на-

нихъ чувствахъ, оказывается вымысломъ? Когда мы, по старой привычкѣ, говоримъ, что наше сердце усиленно бьется, замираетъ отъ радости, или сжимается отъ тоски, неужели мы употребляемъ только картинныя выраженія, отдаемъ дань привлекательной мечтѣ подвижнаго воображенія? Неужели съ нами случилось то же, что случилось съ Петромъ въ сказкѣ Гауффа о Тангейзерѣ? Неужели, у насъ, какъ у Петра, вырвали изъ груди живое сердце и вставили каменное, которое, правда, бьется и приводитъ въ движеніе кровь, но не принимаетъ участія въ нашихъ радостяхъ и страданіяхъ, равнобѣрно бьется отъ любви и отъ ненависти, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ? Нѣтъ! право, нѣтъ! До этихъ результатовъ не доходитъ наша механика. Она открываетъ намъ законы; она показываетъ намъ физическія силы, дѣйствующія въ сердцѣ и въ сосудахъ; но наблюденія и размышленія показываютъ также, какъ сильно приложеніе этихъ силъ зависитъ отъ высшаго руководителя, отъ нервной системы; каждое впечатлѣніе, воспринятое ею, отзывается и отражается въ скорости и въ силѣ движеній сердца и въ распредѣленіи крови. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, какъ въ минуту воодушевленія сердце бьется полнѣе, какъ въ минуту тоски или ожиданія оно судорожно вздрагиваетъ. Мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если непосредственно, самому сердцу приписываемъ это участіе. Сердце отражаетъ только впечатлѣнія и ощущенія, воспринятія мозгомъ, центральнымъ органомъ нервной системы; раздраженія, исходящія изъ этого центрального органа, дѣйствуютъ на сердце сильнѣе непосредственнаго раздраженія. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, что щеки наши краснѣютъ отъ стыда, и блѣднѣютъ отъ страха: мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если приписываемъ эти измѣненія дѣйствію крови, между тѣмъ, какъ они производятся сосудными нервами, управляющими распредѣленіемъ крови. Раздраженныя дѣйствіемъ мозга, эти нервы сжимаютъ сосуды; когда же эти нервы находятся въ бездѣйствіи и въ ослабленіи, сосуды расширяются и наливаются кровью. Но что болѣею частью вліяніе мозга на растительныя процессы жизни основано на этой тѣсной связи его съ сердцемъ и его движеніями, съ расширеніемъ и сжатіемъ сосудовъ, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ, тоска и забота изнуряютъ тѣло. Веселое расположеніе духа, бодрый взглядъ на жизнь, умѣренность въ волненіяхъ и страстяхъ сохраняютъ здоровье и свѣжесть. Эти замѣчанія каждый можетъ провѣрить въ жизни. Причину связи этихъ явленій между собою объяснить не такъ легко. Но отъ постояннаго обновленія крови зависитъ питаніе, дыханіе, вся растительная жизнь; а обновленіе и движеніе крови находится въ непосредственной зависимости отъ движенія сердца. Гдѣ недостаетъ одного фактора, тамъ и вся сумма будетъ невѣрна; ~~если~~ избытокъ страстей, необузданная смѣна сильныхъ ощущеній или постоянное вліяніе грустнаго настроенія

духа нарушаютъ или ослабляютъ правильную дѣятельность сердца и сосудовъ, то конечно ни обращеніе крови, ни зависящее отъ него питаніе тѣла не могутъ совершаться должнымъ порядкомъ.» (S. 30—31).

Это великолѣпное мѣсто Фохта можно принять за попытку, не отходя ни на шагъ отъ осязательныхъ фактовъ, сблизить между собою области психологій и физиологій. О вліяніи сердца и кровеносныхъ сосудовъ на нервы онъ здѣсь не упоминаетъ, потому что считаетъ это обстоятельствомъ совершенно несомнѣннымъ и очевиднымъ для всѣхъ. О вліяніи мозговыхъ нервовъ на сердце онъ говоритъ особенно подробно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что физиологія не вырываетъ у человѣка живаго сердца и не отнимаетъ у этого полагая мускула способности повиноваться (чисто пассивно) распоряженіямъ мозга. Изъ словъ Фохта можно вывести чисто физиологическое опредѣленіе понятій: мысль и чувство. Вы видите, что на движеніе сердца, на положеніе кровеносныхъ сосудовъ дѣйствуютъ исключительно чувства, напр. грусть, радость, боязнь, стыдъ, и т. д. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чувство есть такое раздраженіе въ мозговыхъ нервахъ, которое мгновенно, по крайней мѣрѣ быстро и притомъ произвольно проходитъ черезъ всѣ нервы нашего тѣла и черезъ эти нервы такъ или иначе дѣйствуетъ на обращеніе крови. Мысль, напротивъ того, есть такое раздраженіе мозговыхъ нервовъ, которое распространяется въ нихъ медленно и не дѣйствуетъ на нервы тѣла; оно совершается въ извѣстномъ порядкѣ, за которымъ мы сами можемъ прослѣдить, и для котораго у насъ даже есть готовое названіе—логическая послѣдовательность. Надо полагать и надѣяться, что понятія *психическая жизнь, психологическое явленіе* будутъ со временемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена; они пойдутъ туда же, куда пошелъ философскій камень, жизненный эликсиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова и иллюзіи гибнутъ—факты остаются.

IV.

Дыханіе, какъ несомнѣнный и очень важный фактъ, должно обратить на себя теперь наше вниманіе. Дыханіе совершается посредствомъ легкихъ, это мы уже знаемъ изъ общезнатія; это одна изъ тѣхъ медицинскихъ истинъ, которыя находятся во всеобщемъ обращеніи, но въ которыхъ мы все-таки не отдаемъ себѣ яснаго отчета. Такъ, напримѣръ, не всѣмъ извѣстно то, что сжатіе и расширеніе легкихъ совершается чисто пассивно. Грудная клѣтка человѣческаго скелета состоитъ изъ двѣнадцати паръ плоскихъ, въ различной степени согнутыхъ, эластич-

ныхъ костей; кости эти называются ребрами и прикрѣпляются спереди къ грудной кости, а сзади къ спинному хребту. Внутренняя сторона этого костяной клѣтки обтянута крѣпкою кожею, не пропускающею внѣшняго воздуха; нижняя часть клѣтки, смежная съ брюшною полостью, отдѣляется отъ этой полости мускулистою поперечною перегородкою, извѣстною въ анатоміи подъ названіемъ грудобрюшной преграды; верхняя часть грудной клѣтки гораздо уже нижней, и черезъ дыхательное горло сообщается съ полостями рта и носа. Въ грудной клѣткѣ висятъ на разныхъ сосудахъ и мышцахъ легкія и сердце. Легкія можно сравнить съ двумя мѣшками, сдѣланными изъ эластической матеріи. Кожа, обтягивающая стѣнки грудной клѣтки, плотно прилегаетъ къ легкимъ и даже срастается съ ихъ верхнею частью. Теперь положимъ, что грудная клѣтка увеличивается въ своемъ объемѣ: мускулы грудобрюшной преграды вытягиваютъ ее, и середина этой кожаной перегородки немного опускается къ брюшной полости; очень понятно, что объемъ грудной клѣтки становится больше и стѣнки этой клѣтки отходятъ отъ внѣшней поверхности легкыхъ. Но грудная клѣтка плотно обтянута кожею; въ ней нѣтъ атмосфернаго воздуха, потому что съ дыхательнымъ горломъ сообщается не самая клѣтка, а висяція въ немъ легкія. Стало быть, между стѣнками легкыхъ и стѣнками грудной клѣтки, въ случаѣ расширенія послѣдней, происходитъ пустота; не встрѣчая себѣ сопротивленія извнѣ и испытывая на себѣ изнутри давленіе содержащагося въ нихъ атмосфернаго воздуха, легкія расширяются до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ собою всей грудной клѣтки; такимъ образомъ происходитъ вдыханіе. Но вотъ грудной клѣтки, расширившаяся на мгновеніе, снова сжимается и сжимаетъ легкія; очень естественно, что часть принятаго воздуха выбрасывается черезъ тѣ же отверстія, черезъ которыя онъ вошелъ; происходитъ выдыханіе. Расширять или сжимать легкія мы собственно не можемъ; мы сжимаемъ и расширяемъ грудную клѣтку, а легкія измѣняются въ объемѣ уже помимо нашей воли, по физическому закону равновѣсія газообразныхъ тѣлъ, по тому самому закону, по которому пузырь, положенный подъ колоколь воздушнаго насоса, при вытягиваніи воздуха изъ-подъ колокола, раздувается и наконецъ лопається отъ напора содержащагося внутри его воздуха, не встрѣчающаго себѣ уравновѣшивающаго давленія извнѣ.

Кромѣ физическаго процесса въ дыханіи есть еще процессъ химическій; воздухъ не только входитъ въ легкія и выходитъ обратно; онъ самъ испытываетъ измѣненія и производитъ измѣненія въ тѣхъ частяхъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе. Каждому извѣстно, что въ комнатѣ, гдѣ слишкомъ много людей, становится душно, тяжело дышать; всякому извѣстно, что въ комнатахъ необходимо освѣжать воздухъ, лѣтомъ открывая окна, а зимою протапливая печи.

Все это происходит оттого, что мы выдыхаемъ не тѣ газы, которые вдыхаемъ, и слѣдовательно въ извѣстный промежутокъ времени можемъ химически переработать весь воздухъ, содержащійся въ комнатѣ, и сдѣлать его негоднымъ для дальнѣйшаго вдыханія. Тогда надо перемѣнить воздухъ, или задохнуться. «Давно уже, говоритъ Фохтъ, былъ извѣстенъ фактъ, что люди или животныя, запертыя въ тѣсномъ и плотно закуоренномъ пространствѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, начинали дышать съ трудомъ; кожа людей становилась синекраснаго цвѣта, и самыя значительныя усилія вздохнуть не находили себѣ удовлетворенія. Если ихъ оставляли запертыми еще'дольше, то у нихъ являлись конвульсивныя движенія, исчезало сознаніе, и наконецъ жизнь постепенно угасала при сильнѣйшихъ судорогахъ; словомъ, при этомъ родѣ смерти повторялись тѣ же явленія, какія случаются при удавленіи.» Причина этого явленія объяснилась вполне удовлетворительно только тогда, когда химія сдѣлала значительные успѣхи, позволившіе ей разлагать и анализировать газы. Теперь мы знаемъ положительно, что атмосферный воздухъ состоитъ изъ 21 процента кислорода и 79 процентовъ азота; мы знаемъ, что количество азота не измѣняется отъ процесса дыханія, а что кислородъ, напротивъ того, поглощается нашими легкими, которыя, взамѣнъ воспринятаго количества кислорода, выдѣляютъ равное по объему количество углекислоты. Кислородомъ дышать всѣ животныя; въ другихъ газахъ они задыхаются, и углекислота въ этомъ отношеніи стоитъ на-ряду съ другими, т. е. рѣшительно не можетъ поддерживать животной жизни. Кислородъ имѣетъ особенное химическое сродство съ красными шариками, плавающими въ нашей крови и сообщающими ей ея яркій цвѣтъ. Эти красные шарики жадно соединяются съ кислородомъ и подъ его вліяніемъ измѣняютъ даже свой цвѣтъ; до соединенія съ кислородомъ они отличаются синекраснымъ, багровымъ цвѣтомъ, послѣ соединенія они принимаютъ яркочерный, болѣе свѣтлый колоритъ.

При теперешнемъ состояніи науки, мы еще не въ состояніи прослѣдить всѣ химическія измѣненія, совершающіяся въ крови. Причины и назначеніе каждаго измѣненія еще не могутъ быть указаны. Мы знаемъ только, что кровь, притекающая къ легкимъ, бываетъ синекраснаго цвѣта и насыщена углекислою; въ легкихъ она выдѣляетъ углекислоту, принимаетъ соответствующую дозу кислорода и выходитъ изъ легкихъ, превратившись въ ярко-красную кровь. Мы знаемъ также, что это насыщеніе кислородомъ необходимо для процесса жизни; есть ядовитые газы, которые, при вдыханіи, отнимаютъ у кровяныхъ шариковъ способность соединяться съ кислородомъ. Къ числу такихъ газовъ принадлежитъ окись углерода, которую не должно смѣшивать съ углекислою. Углекислота можетъ задушить чисто пассивно; здѣсь дѣйствуетъ не

углекислота, а просто отсутствіе кислорода; человѣкъ, задохнувшійся въ углекислотѣ, все равно что утопленникъ; если его вытащить во-время, то его можно оживить, вдывая ему въ легкія воздухъ или чистый кислородъ. Окись углерода, напротивъ того, прекращая процессъ дыханія, кромѣ того химически измѣняетъ кровь и отнимаетъ у нея способность сродства съ кислородомъ. Людей, задохнувшихся въ этомъ газѣ, невозможно спасти. Съ этимъ газомъ намъ приходится встрѣчаться въ вседневномъ быту. Онъ производитъ угарь; отъ него болитъ голова, когда онъ въ небольшомъ количествѣ проникаетъ черезъ легкія въ кровь; и отъ него умираютъ люди, если онъ дѣйствуетъ на нихъ долгое время, т. е. въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. На дѣйствиі этого газа основанъ извѣстный, очень употребительный въ Парижѣ способъ самоубійства посредствомъ жаровни; этотъ способъ по своей дешевизнѣ доступенъ бѣднякамъ, на которыхъ всего тяжеле напираетъ суровая сторона жизни, сторона лишеній, трудовъ и страданій; сверхъ того, онъ нечувствительно приводитъ къ смерти, если только можно найти средство заснуть, подвергаясь дѣйствию убивающаго газа. Кто испыталъ ощущеніе угара, или видѣлъ его дѣйствіе на другихъ, тотъ пойметъ, какъ сильно отзывается во всемъ организмѣ, во всей нервной системѣ малѣйшее химическое измѣненіе въ составѣ крови. Какъ ни быстро развивается въ наше время химія, а она не въ состояніи еще, по несовершенству своихъ орудій, прослѣдить за этими, едва замѣтными измѣненіями, которыя ведутъ за собою очень ощутительныя послѣдствія. Многіе вопросы, вслѣдствіе этого, должны еще остаться нерѣшенными. Почему, напримѣръ, кровяные шарики должны соединяться именно съ кислородомъ? На что нуженъ этотъ кислородъ въ общей экономіи животной жизни? Рѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ еще будущему.

V.

Третій процессъ, необходимый для поддержанія животной жизни, основанъ на томъ, что мы перерабатываемъ въ свое тѣло вещества, воспринимаемыя нами извнѣ, изъ окружающаго міра. Этотъ процессъ называется пищевареніемъ и отличается особенною сложностью. Говоря о пищевареніи, надо принимать въ расчетъ свойства тѣхъ предметовъ, которые мы принимаемъ въ себя, и свойства тѣхъ органовъ, которые ихъ перерабатываютъ. Дышать мы можемъ только атмосфернымъ воздухомъ; питаемся мы, напротивъ того, самыми разнообразными веществами; это конечно имѣетъ на насъ значительное вліяніе; мы

обыкновенно приписываемъ разнымъ невѣсомымъ причинамъ то, что надо отнести насчетъ дѣйствія пищи; мы даже приходимъ въ негодованіе, когда намъ объясняютъ чисто физическими причинами то, что мы называемъ душевнымъ страданіемъ; мы улыбаемся съ видомъ недовѣрія, когда опытный медикъ совѣтуетъ намъ, для устраненія дурнаго расположенія духа, кушать то или другое, заниматься гимнастикой или принимать слабительное. Во вседневной частной жизни мы стараемся такимъ образомъ проломить лбомъ стѣну, или, что то же самое, подчинить себѣ наши физиологическія отправления, вмѣсто того, чтобы подчиниться имъ, и, поддерживая ихъ въ самомъ нормальномъ положеніи, во всякую данную минуту располагать всеми силами организма. Мы даже во вседневной жизни, которая однако у большей части людей вовсе не отличается преобладаніемъ высокихъ стремленій, стараемся забыть великолѣпное правило классической древности: «въ здоровомъ тѣлѣ здоровая мысль» (*mens sana in corpore sano*). Мудрено ли послѣ того, что когда намъ приходится имѣть дѣло съ общими вопросами, хоть бы напримѣръ, въ области исторіи, мы уже окончательно замираемъ, и соглашаемся скорѣе говорить фразы, которыхъ сами не понимаемъ, чѣмъ приводить различныя великія событія въ связь съ матеріальными причинами, подобными выбору пищи и процессу пищеваренія.

Мои выписки изъ Моленшота *) многимъ показались парадоксальными. Фохтъ тѣмъ не менѣе, во всехъ отношеніяхъ сходится съ выводами Моленшота, и потому я, чтобы не повторяться, обойду то письмо его, въ которомъ онъ говоритъ о предметахъ, употребляющихся въ пищу. Приведу только двѣ-три выписки, въ которыхъ выражается взглядъ Фохта на значеніе пищи для общественной и исторической жизни. «При разведеніи картофеля, говоритъ онъ, всѣ выгоды лежатъ на сторонѣ производящаго, всѣ невыгоды падаютъ на потребителя, который получаетъ пищу въ неудобной формѣ и въ неудобномъ смѣшеніи составныхъ частей; потребитель этотъ долженъ пустить въ ходъ величайшую сумму пищеварительной дѣятельности для того, чтобы добиться малѣйшаго полезнаго результата. На этомъ основаніи одинъ замѣчательный изслѣдователь говоритъ совершенно справедливо, что преобладаніе картофельной пищи доводитъ бѣдный классъ до послѣдней крайности, что ему уже некуда отступить, и не на что опереться; бѣдный поденщикъ или бѣдный мужикъ поставленъ въ необходимость разрѣшить ужасную задачу: доставить наибольшее количество работы при наименьшемъ количествѣ пищи плохаго достоинства.»

Пріятно встрѣтить въ серьезномъ изслѣдователѣ истинно гуманнаго человѣка; пріятно видѣть, что сухой анализъ отдѣльныхъ составныхъ

*) См. «Физиологическіе эскизы Моленшота», стр. 25.

частей человѣческаго тѣла не вытѣснилъ въ умѣ ученаго натуралиста образа полной человѣческой личности, не сдѣлалъ его невнимательнымъ къ ея затрудненіямъ и страданіямъ. Ни Мошоту, ни Фохту нельзя отказать въ здоровой, дѣльной гуманности; гуманность эта не фразиста, и не слезлива; она выражается не возгласами, не умиленіемъ надъ непорочностью простаго народа, а всѣмъ ходомъ мысли, математически вѣрными выкладками, внимательностью къ насущнымъ потребностямъ бѣдняка, и снисхожденіемъ къ тѣмъ слабостямъ, которыя порождаются его лишеніями и страданіями.

«Съ каждымъ днемъ, говоритъ Фохтъ, возрастаетъ потребление чая и кофе; чѣмъ больше распространяется, при увеличеніи бѣдности, картофельная пища, тѣмъ упорнѣе народъ держится за кофе, который дѣлается необходимымъ подкрѣпляющимъ средствомъ.... Сильное возбужденіе дѣйствіе алкалоида, заключающагося въ настоѣ, заставляетъ прибѣгать къ употребленію чая и кофе, потому, что эти напитки доставляютъ возможность управляться съ пищею, принятою при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ.» Считать чай или кофе пустою прихотью, и осуждать бѣдныхъ людей за то, что они, отказывая себѣ въ необходимомъ, позволяютъ себѣ въ отношеніи къ этимъ напиткамъ нѣкоторую роскошь, было бы, какъ вы видите, неосновательно и негуманно. Извѣстная доля наслажденія до такой степени необходима для того, чтобы поддержать въ человѣкѣ бодрость, что онъ скорѣе согласится недоѣсть и недоспать, чѣмъ обойтись безъ этой микроскопической радости. Чѣмъ больше въ его обыденной жизни труда и черной заботы, тѣмъ необходимѣе для него минуты развлеченія и разгула. У кого есть всякій день сытный обѣдъ и умѣренная работа, тотъ можетъ, пожалуй, круглый годъ не отходить отъ конторки или письменнаго стола. Но для пролетарія, для поденщика, таскающаго по буднямъ кули и сѣдающаго кусокъ черстваго хлѣба, совершенно необходимо въ воскресенье или въ праздникъ пропѣть пѣсню, отхватить трепака, или даже хлебнуть чарку водки. «Собственно предметы пищи, говоритъ Фохтъ, необходимы для поддержанія жизни, а наркотическія и спиртуозныя вещества увеличиваютъ наслажденіе, и доставляютъ нѣсколько счастливыхъ часовъ даже тому, кого гнететъ забота.» «Отдѣльная личность, говоритъ Бибра, принявшая слишкомъ много гашиша, бѣгающая по улицамъ и нападающая на встрѣчнаго и поперечнаго, исчезаетъ при сравненіи съ тѣмъ множествомъ людей, которые, принявъ умѣренную дозу послѣ обѣда, проводятъ нѣсколько веселыхъ и счастливыхъ часовъ. Число тѣхъ людей, которымъ кока доставляетъ возможность преодолевать самыя страшныя трудности, и даже спастись отъ голодной смерти, значительно превышаетъ количество тѣхъ немногихъ кокверо, которые неумѣреннымъ употребленіемъ этого наркотическаго вещества погубили свое здоровье.

Точно также одно неумѣстное лицемѣріе можетъ проклинать употребленіе кубка, прогоняющаго заботы, основываясь на томъ, что есть пьяницы, не останавливающіеся во время и незнающіе мѣры.»

По этимъ выпискамъ можно видѣть, что Фохтъ соглашается съ Мошотомъ какъ въ общей идеѣ, такъ и въ отдѣльныхъ фактахъ. Онъ вмѣстѣ съ Мошотомъ придаетъ пищѣ очень важное значеніе, и находитъ, что въ выборѣ пищи всего лучше руководствоваться инстинктомъ, т. е. естественными требованіями своего вкуса; но, такъ какъ подобный образъ дѣйствія доступенъ только людямъ обезпеченнымъ, такъ какъ бѣдняки ѣдятъ не то, чего имъ хочется, а то, что подешевле, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ одинаково дешевой пищи имѣетъ важное практическое значеніе. Въ рѣшеніи этого вопроса, Фохтъ опять-таки сходится съ Мошотомъ: картофель безусловно отвергается и вмѣсто него рекомендуются стручковые растенія, горохъ, чечевица и бобы. Къ наркотическимъ и спиртуознымъ веществамъ и Фохтъ и Мошотъ относятся очень снисходительно; обоимъ изслѣдователямъ одинаково противенъ тотъ квакерскій ригоризмъ, который превращаетъ человѣка въ рабочую машину, и запрещаетъ всякое наслажденіе, для того, чтобы не могло быть излишества. Оба изслѣдователя стоятъ на твердой почвѣ живыхъ фактовъ и смотрятъ на человѣческую личность трезвымъ взглядомъ, не исключаяющимъ ни снисхожденія, ни любви.

VI.

Теперь мнѣ остается только прослѣдить за тѣми видоизмѣненіями, которыя испытываетъ пища, проходя черезъ желудокъ и кишечный каналъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ цѣлою химическою лабораторією, которая, работая безостановочно, превращаетъ въ кровь то, что можетъ подвергнуться этому измѣненію, и выбрасываетъ то, что не разлагается, изъ чего уже добыты всѣ нужные ингредиенты.

Прежде всего мы беремъ пищу въ ротъ, разжевываемъ ее зубами и при этомъ невольно смачиваемъ ее слюною; пища отправляется въ желудокъ въ размельченномъ видѣ и притомъ пропитанная водянистою жидкостью; черезъ это она дѣлается доступною химическому вліянію желудочнаго сока; еслибы мы глотали куски, не прожевавши ихъ, то это химическое вліяніе вовсе не могло бы имѣть мѣста, или, по крайней мѣрѣ, совершалось бы гораздо медленнѣе, и процессъ пищеваренія во всякомъ случаѣ потерпѣлъ бы нѣкоторое разстройство.

Мнѣ случилось читать въ одной статьѣ о Карлѣ V, что этотъ госу-

дарь постоянно страдалъ несвареніемъ желудка, и что это обстоятельство объясняется до нѣкоторой степени устройствомъ его черепа; дѣло въ томъ, что нижняя челюсть была сильно выдвинута впередъ, такъ что не могла плотно сходиться съ верхнею. Императоръ не могъ хорошо пережевать пици и притомъ любилъ плотно покушать; жирные куски говядины и рыбы, едва помятые во рту, скользили въ горло и конечно комомъ залегали въ желудкѣ. Кто знаетъ, насколько это обстоятельство имѣло вліянія на эксцентрическіе поступки повелителя образованнаго міра, и даже на его удаленіе въ монастырь св. Юста? Сколько мнѣ помнится, статья, о которой я говорю, была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1856 годъ и авторомъ ея былъ П. Н. Кудрявцевъ. Жаль, что не вездѣ и не всегда физическія причины какого нибудь явленія такъ очевидны и осязательны, какъ въ дѣлѣ Карла VI!

Размельченная пища проникаетъ въ желудокъ — простой мѣшокъ, сдѣланный изъ тонкой кожи и снабженный мускулами; внутреннія стѣнки желудка шероховаты и покрыты железками, отдѣляющими кисловатую жидкость; эта жидкость называется желудочнымъ сокомъ и играетъ главную роль въ химической переработкѣ пици. Одинъ любопытный опытъ показалъ физиологамъ, что желудокъ не растираетъ пицу, а только разлагаетъ ее выдѣляемымъ сокомъ. Собакамъ, уткамъ и курамъ давали проглотить маленькія жестяныя или деревянные коробочки, въ которыхъ была положена пица; стѣнки этихъ коробочекъ были продырявлены, такъ, чтобы жидкость могла проникать въ коробочки, но чтобы самая пица не приходила въ соприкосновеніе съ стѣнками желудка; коробочки эти были привязаны на ниткѣ, за которую ихъ можно было вытащить назадъ. Когда ихъ вытаскивали по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, то въ нихъ уже не осталось пици; все было слѣдовательно разложено желудочнымъ сокомъ и унесено въ кишечный каналъ.

Какъ кровообращеніе нисколько не зависитъ отъ присутствія какой нибудь воображаемой жизненной силы, такъ точно и пищевареніе совершается безъ вмѣшательства этого таинственнаго агента. Химическій процессъ пищеваренія можно произвести внѣ животнаго организма, если только взять тѣ кислоты, которыя дѣйствуютъ въ желудочномъ сокѣ, смѣшать ихъ въ должной пропорціи и привести ихъ въ температуру, равняющуюся теплотѣ нашихъ внутренностей. Мясо и растительная пица, подверженныя дѣйствію такого состава въ какомъ нибудь стеклянномъ сосудѣ, измѣнятся точно также, какъ и измѣнились бы они въ человѣческомъ желудкѣ.

Работа желудка кончается тѣмъ, что пица превращается въ такъ называемую пищевую кашницу, т. е. въ болѣе или менѣе густое тѣсто, смотря по свойству принятой пици. Эта кашница, въ которой однѣ частицы оказываются совершенно разложенными, другія — только размяг-

ченными, третьи совершенно нетронутыми, изъ желудка выходитъ въ тонкую кишку и подвергается дѣйствию поджелудочной железы и печени. Поджелудочная железа выдѣляетъ изъ себя прозрачную, клейкую жидкость, имѣющую свойство превращать крахмаль въ сахаръ, сахаръ въ молочную, потомъ въ масляную кислоту, и наконецъ въ жиръ. Примѣшиваясь къ готовому жиру, эта жидкость производитъ въ немъ такое химическое измѣненіе, которое позволяетъ ему распускаться въ водѣ и вообще соединяться съ водянистыми жидкостями. Это измѣненіе необходимо для того, чтобы жиръ просачивался сквозь стѣнки кишечнаго канала и по мелкимъ волоснымъ сосудамъ проходилъ въ кровь. Печень, дѣйствующая на пищу посредствомъ выдѣляемой ею желчи, играетъ очень важную роль, какъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ, такъ и въ обычныхъ понятіяхъ, распространенныхъ въ массѣ; печенью объясняются многія болѣзненные явленія; страданіе печени и разлитіе желчи составляютъ, по мнѣнію публики и нѣкоторыхъ медиковъ, главныя причины дурнаго расположенія духа, ипохондріи, меланхоліи, и т. п. Фохтъ говоритъ, что по большей части эти объясненія ошибочны, но что во многихъ случаяхъ приходится оставить дѣло нерѣшеннымъ; нельзя отвѣчать ни да, ни нѣтъ, потому что химическая работа печени и вліяніе желчи на пищевареніе еще недостаточно разработаны. До сихъ поръ найдено, что желчь оказываетъ двойное вліяніе на пищевую кашницу. Во-первыхъ, она предохраняетъ ее отъ гніенія въ самомъ кишечномъ каналѣ. Во-вторыхъ, она, подобно соку поджелудочной железы, превращаетъ жиръ въ эмульсію, легко соединяющуюся съ водянистыми жидкостями. Надъ животными производили слѣдующій опытъ: у нихъ перевязывали каналъ, ведущій изъ желчнаго пузыря въ кишки, такъ чтобы ни одна капля желчи не могла попасть въ переваривающуюся пищу; потомъ желчный пузырь прорѣзывался съ другой стороны такъ, чтобы желчь выливалась наружу, и чтобы дѣятельность печени шла такимъ образомъ своимъ порядкомъ. Многія животныя не выдерживали операціи и умирали подъ ножомъ изслѣдователя; другія жили болѣе или менѣе долго, но всѣ безъ исключенія не могли выздороветь; они ѣли чрезвычайно много, и при этомъ постоянно худѣли, жиръ совершенно пропалъ; а такъ какъ жиръ въ извѣстномъ количествѣ совершенно необходимъ нашему организму, то отсутствіе жира приводило за собою смерть. Эта пропжа жира объясняется тѣмъ, что жиръ, содержащійся въ пищѣ, не превращался въ эмульсію, и слѣдовательно, не имѣя возможности черезъ волосныя сосуды просачиваться въ кровь, проходилъ по кишечному каналу и выходилъ вонъ, не принеся организму никакой пользы. Жиръ животный или сало, и жиръ растительный, или масло (напр. конопляное, маковое), какъ извѣстно каждому по вседневному опыту, не соединяются съ водою, между тѣмъ изъ сала дѣлается

мыло, распускающееся въ водѣ; а изъ тѣхъ же самыхъ зеренъ, изъ которыхъ выжимается масло, дѣлается молоко (конопляное, маковое), очень легко соединяющееся съ водою. Желчный сокъ поджелудочной железы превращаетъ жиръ и сало въ мыло (т. е. въ жирныя вещества, растворяющіяся въ водѣ), а растительное масло въ растительное молоко или эмульсію. У животныхъ, у которыхъ была вырѣзана печень, эта переработка жира не могла производиться въ достаточныхъ размѣрахъ, и потому они чахли, несмотря на огромное количество поглощаемой пищи. Кромѣ того, экскременты этихъ животныхъ отличались отвратительнымъ, гнилымъ запахомъ; запахъ этотъ сообщался даже ихъ дыханію; ясно, что пища загнивала въ ихъ кишечномъ каналѣ оттого, что къ ней не было притока желчи.

Испытавъ на себѣ вліяніе сока поджелудочной железы и желчи, пищевая кашка смачивается еще кишечнымъ сокомъ и наконецъ выходитъ изъ нашего тѣла. Составныя части экскрементовъ значительно отличаются отъ составныхъ частей пищи; многія вещества, входившія въ пищу, не находятся въ экскрементахъ; зато въ нихъ находится много такого, чего не было въ пищѣ, и что входило въ составъ нашего тѣла, какъ-то желудочный сокъ, желчь, кишечный сокъ и т. п. Въ экскрементахъ организмъ выбрасываетъ то, что оказывается въ принятой пищѣ лишнимъ или нерастворимымъ, и съ этими остатками пищи соединяетъ тѣ вещества, которыя ему нужно выдѣлить изъ себя, и которыя, оставаясь долѣе въ организмѣ, могли бы произвести въ немъ то или другое расстройство. А что же сдѣлалось съ тѣми частями пищи, которыя пошли въ прокъ? Говоря о химической переработкѣ пищи, мы до сихъ поръ показали только, какимъ образомъ изъ пищи выдѣляются эти полезныя части. Посмотрите теперь, какъ эти части входятъ въ общую экономію организма.

Если мы положимъ въ воду сухое органическое вещество, напр. кусокъ дерева, кожи, пузыря, то это вещество разбухнетъ, т. е. приметъ въ себя нѣкоторое количество воды. На этой способности органическихъ тканей, всасывать водянистыя жидкости, основанъ весь процессъ питанія и обновленіе нашего тѣла. Сверхъ того, органическія ткани имѣютъ также способность служить проводниками между двумя жидкостями, прикасающимися къ нимъ съ обѣихъ сторонъ. Если вы нальете виннаго спирта въ пузырь и, крѣпко завязавши его, положите все это въ чашу, наполненную водою, то черезъ нѣсколько часовъ окажется, что въ пузырьѣ — разбавленный спиртъ; а въ чашѣ — вода съ слабою примѣсью спирта. Водянистыя жидкости такимъ образомъ не только всасываются въ органическія ткани, но и просачиваются насквозь. Органическая ткань даже притягиваетъ къ себѣ жидкость; въ этомъ вы можете убѣдиться слѣдующимъ опытомъ: возьмите длинную стеклянную трубку, на-

лейте въ нее спирту, завяжите ее конецъ пузыремъ и опустите этотъ завязанный конецъ въ воду: вы увидите, что жидкость въ трубкѣ начнетъ подниматься и поднимется даже гораздо выше общаго уровня воды. Последнее обстоятельство не могло бы случиться, еслибы конецъ трубки не былъ завязанъ пузыремъ. Ясно стало быть, что притягиваетъ органическая ткань.

Если мы посмотримъ вообще на устройство кишечнаго канала, то увидимъ, что его можно сравнить съ длинною трубкою, на внутренней поверхности которой находится безчисленное множество чрезвычайно тонкихъ, лимфатическихъ и кровеносныхъ сосудовъ; сосуды закрыты со всѣхъ сторонъ, но стѣнки сосудовъ состоятъ изъ органическихъ тканей, которыя не только пропускаютъ, но даже притягиваютъ жидкости; очень естественно, что между содержаніемъ кишечнаго канала, т. е. пищевою кашцею и жидкостями сосудовъ совершается постоянный обмѣнъ; чѣмъ жиже пища, тѣмъ скорѣе она всасывается кровяными и лимфатическими сосудами, вносится въ общее кровообращеніе, испытываетъ множество химическихъ измѣненій, и наконецъ совершенно уподобляется крови или лимфѣ, а потомъ идетъ на обновленіе твердыхъ органическихъ тканей. Это очень неясно, я это знаю, но, чтобы представить это ясно, надо подождать дальнѣйшихъ успѣховъ физиологій, и притомъ написать статью во 100 разъ больше той, которую я теперь представляю на благосклонное вниманіе читателя.

VII.

Вотъ мы въ бѣгломъ очеркѣ посмотрѣли на три важнѣйшіе процесса растительной жизни человѣка. Что же мы изъ этого выведемъ? Благодарятъ ли намъ передъ мудростью природы? Любоваться ли сложнымъ устройствомъ нашего тѣла? Или, напротивъ того, находить въ этой сложности существенный недостатокъ? Вѣдь, извѣстное дѣло, чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ чаще она портится, тѣмъ чаще ее приходится чинить, тѣмъ бережливѣе съ нею приходится обращаться. Если принять въ соображеніе многочисленность нашихъ болѣзней, несовершенство нашей медицины, необходимость множества предосторожностей и необходимость умереть, несмотря на всѣ предосторожности, то можно, пожалуй, подумать: Богъ съ нею, съ этою красивою сложностью; съ нею такъ много хлопотъ, неприятностей и страданій! Но эти мысли будутъ совершенно неосновательны, собственно потому, что онѣ глубоко безплодны. Физическое *statu quo*, то, что мы называемъ природою, то,

чѣмъ мы любуемся, то, къ чему поэты пишутъ, или, по крайней мѣрѣ, писали воззванія и идилли, безстрастно, безчувственно, безсознательно, неумолимо, глухо къ нашимъ благодарственнымъ возгласамъ и къ нашимъ безсильнымъ проклятіямъ. Къ-чему же становится намъ къ этой слѣпой силѣ въ какія бы то ни было нравственныя отношенія? Она не посторонится для насъ ни вправо, ни влево. Она сама по себѣ, мы сами по себѣ, но мы отъ нея зависимъ, и зависимъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше знаемъ ее. Вотъ что намъ нужно: узнавать ее, вглядываться въ нее, и постепенно овладѣвать ея тайнами, которыхъ она впрочемъ и не думаетъ скрывать, а которыя мы считаемъ за тайны только потому, что онѣ до поры до времени не попадались намъ на глаза. Старайтесь разъяснить себѣ факты и законы, а потомъ, какое впечатлѣніе произведутъ на васъ эти факты и законы, какое міросозерцаніе вы себѣ со-стряпаете, и какимъ чувствомъ вы его окрасите, — любовью, ненавистью, благоговѣніемъ или презрѣніемъ, — это уже предоставляется вашему личному вкусу и до этого, кромѣ васъ, никому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ МОЛЕШОТА.

(Physiologisches Skizzenbuch von Jac. Moleschott. Giessen 1861.)

I.

«Въ наше время было бы странно думать, что духъ не зависитъ отъ матеріи» — этими словами начинается Молешотъ свою книгу. Мы постепенно перестаемъ бояться природы и благоговѣть передъ нею; мы перестаемъ навязывать ей сознательныя стремленія и опредѣленныя цѣли; мы смотримъ на то, что у насъ передъ глазами, и стараемся быть внимательными; усилія наши направлены къ тому, чтобы усовершенствовать орудія познания, и, чтобы разсмотрѣть предметъ нашего наблюденія въ разныхъ положеніяхъ и съ разныхъ сторонъ, мы обуздываемъ дѣятельность теоретическаго мышленія, которое постоянно торопится къ общимъ выводамъ; мы хотимъ какъ можно больше видѣть, и какъ можно меньше догадываться. До сихъ поръ не придумано такого микроскопа, который могъ бы слѣдить за работою мысли въ мозгу живаго человѣка; на этомъ основаніи, изслѣдователи очень благоразумно обходятъ до времени эти интересныя отправления человѣческаго организма, и сосредоточиваютъ свои силы на разъясненіи другихъ процессовъ, болѣе грубыхъ и слѣдовательно болѣе осязательныхъ. Что можно разсмотрѣть микроскопомъ и разложить химическимъ анализомъ, то разсматривается и разлагается; что недоступно непосредственному изслѣдованію, то наблюдается черезъ сближеніе отдѣльныхъ фактовъ, подобно тому, какъ въ алгебраическихъ уравненіяхъ неизвѣстная величина опредѣляется по извѣстнымъ. Камень за камнемъ сносится на то мѣсто, гдѣ надо вы-

строить домъ; наблюденія и опыты не противорѣчатъ другъ другу, но часто лежатъ особнякомъ, не обнаруживая между собою видимой связи и необходимаго соотношенія. Неизвѣстнаго еще такъ много, что даже не обозначены общія линіи того зданія, которое выстроится современнымъ, и въ которое войдутъ, какъ строительные матеріалы, всѣ песчинки, добытыя правильнымъ трудомъ человѣческой мысли. Ни что не построено, но многое собрано, и главное, многое разрушено.

Съ тѣхъ поръ, какъ живетъ человѣчество, оно невольно старалось себѣ объяснить, что такое человѣкъ, міръ, природа и ея законы; любознательности было много, а знаній мало; поневолѣ приходилось добавлять фантазіей; возникло великое множество міросозерцаній, болѣе или менѣе поэтическихъ, великое множество образовъ болѣе или менѣе величавыхъ; отъ разныхъ остатковъ этихъ міросозерцаній приходится теперь избавляться; разные изношенные образы приходится разбивать, выметая ихъ осколки съ того мѣста, на которомъ предполагается строить новое зданіе въ современномъ вкусѣ, на прочномъ фундаментѣ. Отношеніе между человѣкомъ и окружающею природою, и, даже въ самомъ человѣкѣ, отношенія между различными частями и отправлениями его организма составляютъ рѣшительное яблоко раздора между мыслителями и фантазерами. Послѣдніе, сильные числомъ, хотятъ допустить, во что бы то ни стало, присутствіе такихъ элементовъ, какихъ въ дѣйствительномъ мірѣ никогда не было и не можетъ быть, такихъ вещей, о которыхъ, по выраженію нашего народно-эпического языка, «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.» Фантазеры вооружаются самымъ разнообразнымъ дрекольемъ, чтобы отстоять свое дѣло; они вносятъ свои невѣсомыя тонкости во всѣ сферы человѣческихъ знаній и искусства; натуралисты, историки и поэты часто оказываются зараженными самымъ узкоболымъ мистицизмомъ. Мыслителямъ приходится иногда тратить много времени на то, чтобы разбивать теоріи и фантазіи, и чтобы открывать глаза слишкомъ довѣрчивымъ и совершенно беззащитнымъ неспеціалистамъ; лучшіе изъ мыслителей идутъ другимъ путемъ, болѣе труднымъ, но зато болѣе плодотворнымъ; они совершенно отворачиваются отъ области произвольныхъ гаданій, предоставляютъ ее идеалистамъ, а сами наблюдаютъ и изучаютъ химическій составъ крови, процессъ пищеваренія, конструкцію волосъ, ногтей и прочія ничтожныя мелочи; и эти ничтожныя мелочи уже теперь повернули вверхъ - дномъ колоссальныя теоріи міровыхъ мыслителей и цѣлыхъ народовъ; эти ничтожныя мелочи уже теперь разбили оковы человѣческой мысли. Дѣло разрушенія сдѣлано; дѣло созиданія будетъ впереди и займетъ собою не одно поколѣніе.

II.

«Физиологическіе эскизы» Молешота посвящены строгому изслѣдованію нѣкоторыхъ отравленій и отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла. Первый этюдъ разсматриваетъ вліяніе пищи на человѣчскій организмъ, второй разбираетъ подробно тѣ видоизмѣненія, которыя производитъ въ человѣкѣ движеніе на чистомъ воздухѣ, четвертый въ популярной формѣ сообщаетъ публикѣ микроскопическія наблюденія ученыхъ надъ роговою оболочкою человѣческаго тѣла. Третій очеркъ, о которомъ стоитъ поговорить подробно въ концѣ статьи, существенно отличается отъ остальныхъ по своему характеру и предмету; онъ заключаетъ въ себѣ характеристику Георга Форстера, написанную съ замѣчательною глубиною критическаго взгляда и проникнутую самымъ честнымъ сочувствіемъ къ личности благороднаго дѣятеля. — Главною задачею моею настоящей статьи будетъ сгруппировать мысли Молешота, выраженные въ его чисто физиологическихъ эскизахъ и представить ихъ читателямъ въ ясномъ и по возможности сжатою изложеніи.

«Жить, говорить Молешотъ, значитъ сохранять форму своего тѣла вопреки непрерывному измѣненію мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ, составляющихъ собою тѣло» (стр. 2.) Безпрерывное измѣненіе матеріальныхъ частицъ совершается посредствомъ тѣхъ выдѣленій, которыя сопровождаютъ собою процессы дыханія и пищеваренія; кромѣ того оно происходитъ путемъ испаринны, отпаденія засохшихъ частичекъ кожи, выростанія и обрѣзыванія волосъ и ногтей. Убывающія частицы нашего тѣла должны замѣщаться новыми; новыя надо выработывать изъ какого нибудь матеріала, а матеріаль этотъ мы получаемъ изъ пищи, которую принимаемъ въ желудокъ, и изъ воздуха, который вдыхаемъ въ легкія. Мы, по словамъ Либиха, похожи на ходячія печи, нуждающіяся въ постоянной или по крайней мѣрѣ часто повторяющейся топкѣ. Положенное въ насъ топливо перегараетъ и, претерпѣвая разныя измѣненія, перерабатывается въ кровь. А что такое кровь? Бордѣ говоритъ, что кровь есть мясо въ жидкомъ состояніи, но Молешотъ съ этимъ не соглашается. Въ крови, по его словамъ, заключаются задатки и зародыши всего тѣла: мозгъ, нервы, кости, мясо, кожа и хрящи — все выработывается изъ крови, слѣдовательно въ крови есть такія химическія составныя части, которыхъ нѣтъ въ мясѣ и которыя идутъ на построеніе другихъ тканей нашего тѣла.

Значеніе крови становится такимъ образомъ чрезвычайно важнымъ.

Химическій составъ крови даетъ намъ мѣрку для оцѣнки сравнительнаго достоинства всякой пищи; если употребляемая нами пища содержитъ въ себѣ всѣ составныя части крови и притомъ въ одинаковой пропорціи съ кровью, то эта пища можетъ поддерживать наше существованіе и сохранять наше здоровье. Тщательное изслѣдованіе химическаго состава здоровой крови должно такимъ образомъ служить основаніемъ для всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о количествѣ и качествѣ пищи, необходимыхъ для надлежащаго восполненія убывающихъ частицъ организма.

Молешотъ посвящаетъ разсмотрѣнію крови цѣлую главу своего эскиза. Изъ этого разсмотрѣнія оказывается, какъ извѣстно людямъ, знакомымъ съ физиологіею, что кровь состоитъ изъ соединенія азота, углерода, водорода, кислорода, калия, натрія, кальція, магнія, желѣза, сѣры, фосфора, хлора и фтора. Если выразиться проще, можно сказать, что на 100 частей крови приходится 79 частей воды; остальные 21 часть состоятъ изъ бѣлковины (т. е. изъ такого вещества, которое по своему составу и по свойствамъ очень похоже на яичный бѣлокъ), изъ различныхъ солей, и изъ очень незначительнаго количества жира и сахара; на 1000 частей крови приходится около 4 частей жира, а количество сахара, заключающееся въ крови, еще гораздо меньше и до сихъ поръ еще не было опредѣлено. Красный цвѣтъ крови происходитъ отъ примѣси желѣза; нарушеніе этого цвѣта сопровождается собою разстройство и большую или меньшую слабость всего организма; поэтому присутствіе желѣза въ крови совершенно необходимо, хотя количество такъ незначительно, что не можетъ быть въ точности опредѣлено. Каждая изъ составныхъ частей крови потребляется организмомъ на построеніе тѣхъ или другихъ разрушающихся или устарѣвшихъ частицъ. Такъ напр. фосфорнокислая известь (соединеніе фосфора, кислорода и кальція) идетъ на ремонтъ костей, фтористый кальцій образуетъ зубы, поваренная соль — хрящи.

Для работы нашего мозга необходимъ фосфоръ и особеннаго рода фосфористый жиръ. «Какъ кровь не можетъ обращаться съ должною силою безъ притока желѣза, какъ кости не могутъ служить опорой для нашего тѣла безъ притока извести, такъ точно мозгъ не можетъ думать безъ притока фосфора и фосфористаго жира». Безъ фосфора нѣтъ дѣятельности мысли; но предполагать, чтобы у умнаго человѣка было въ мозгу много фосфора, по словамъ Молешота, неосновательно, потому что органъ одинаково страдаетъ отъ избытка какого нибудь ингредиента какъ и отъ недостатка. Каждый органъ вытягиваетъ изъ крови именно то количество матеріала, которое необходимо для его отправленій; онъ не возьметъ себѣ лишняго, но если же случится недостатокъ, если въ крови не найдется необходимыхъ матеріаловъ, тогда конечно дѣятельность

органа должна ослабѣть, и постепенно прекратиться—(Moleschott. Lehre der Nahrungsmittel s. 100). Очень можетъ быть, что утомленіе, которое мы чувствуемъ послѣ продолжительной умственной работы, происходитъ отъ того, что фосфористый жиръ истрачивается и что мозгъ не успѣваетъ вытягивать изъ крови необходимаго количества матеріала; очень можетъ быть, что напряженіе мысли, усиліе ума связано съ усиленною дѣятельностью тѣхъ сосудовъ, которые тянутъ фосфоръ изъ крови въ мозгъ. Что это утомленіе, эти усилія и напряженія основываются на чисто *материальномъ* процессѣ — въ этомъ смѣшно и сомнѣваться; но сущность этого процесса совершенно не разъяснена, и потому мы хорошо сдѣлаемъ, если изъ заманчивой сферы гипотезъ снова спустимся на твердую почву положительныхъ фактовъ.

III.

Такъ какъ принимаемая нами пища должна переработаться въ кровь, то она, какъ уже было выше замѣчено, должна заключать въ себѣ всѣ тѣ составныя части, которыя были указаны въ крови; вода, бѣлковина, соли, жиръ и сахаръ непременно должны входить въ нашу пищу, потому что всѣ эти спеціи необходимы для образованія крови; воды должно быть всего больше, потому что изъ нея состоятъ почти $\frac{4}{5}$ всей нашей крови; дѣйствительно, опытъ показываетъ, что самыя сухія пищи содержать въ себѣ значительный процентъ воды; мы пьемъ чай или кофе утромъ и вечеромъ; за обѣдомъ мы ѣдимъ супъ, слѣдовательно во всѣхъ этихъ видахъ поглощаемъ воду; сверхъ того мы понѣскольку разъ въ день чувствуемъ жажду, и утоляемъ ее напитками, которыхъ большая часть разбавлена водою; наконецъ, мы вдыхаемъ въ себя водяные пары, носящіеся въ воздухѣ, и такимъ образомъ еще увеличиваемъ количество поглощаемой воды. Словомъ, вода есть самая важная и необходимая составная часть нашей пищи; жажда чувствуется скорѣе голода и въ меньшее время ведетъ за собою смерть; впрочемъ, всѣ составныя части крови непременно должны входить въ нашу пищу; если будетъ совершенно опущенъ хоть одинъ изъ ея ингредиентовъ, то произойдетъ разстройство организма, которое рано или поздно приведетъ къ его разрушенію.

Я обратилъ вниманіе на особенную важность воды только потому, что недостатокъ ея замѣчается всего скорѣе, измучиваетъ и убиваетъ человѣка въ самое короткое время, и слѣдовательно бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Въ строго научномъ смы-

слѣ нельзя сказать, чтобы вода была важнѣе другихъ составныхъ частей крови: всѣ онѣ необходимы для поддержанія жизни и здоровья, слѣдовательно всѣ одинаково важны; замѣчу только, что жиръ можетъ быть замѣненъ сахаромъ потому, что сахаръ, принимая въ кишечномъ каналѣ разныя химическія измѣненія, превращается въ жиръ. Пчелы приготавливаютъ воскъ изъ цвѣточного сахара, а воскъ представляетъ существенное сходство съ жиромъ, съ тою только разницею, что еще менѣе жира содержитъ въ себѣ кислорода. Наблюденія Либиха надъ домашними животными доказали рѣшительно, что сахаръ превращается въ жиръ; знаменитый химикъ взвѣшивалъ жиръ убитыхъ быковъ и масло доставляемое коровами и вычислилъ, что эти животные не могли получить этихъ веществъ изъ своей пищи въ видѣ чистаго жира. Анализъ коровьяго помета показалъ, что въ немъ корова выбрасываетъ столько же жира, сколько его находится въ ея пищѣ. Но въ этой пищѣ (въ сѣнѣ и картофелѣ) есть много такихъ веществъ, которыя въ желудкѣ превращаются въ сахаръ; изъ сахара развивается молочная кислота, изъ молочной кислоты масляная кислота и наконецъ жиръ. Изъ этого превращенія сахара въ жиръ видно, что вещества, составляющія нашу пищу, болѣе или менѣе подвергаются измѣненіямъ, смотря потому, насколько эти вещества сродны составнымъ частямъ нашей крови. Молочная кислота ближе сахара подходит къ жиру; сахаръ подходит къ жиру ближе крахмала. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что крахмаль не такъ скоро можетъ быть превращенъ въ жиръ, какъ сахаръ, и что сахаръ въ свою очередь перейдетъ въ жиръ медленнѣе молочной кислоты.

Но главная и важнѣйшая часть пищеваренія заключается именно въ приготовленіи крови изъ принятой пищи, слѣдовательно чѣмъ скорѣе и легче принятая пища перерабатывается въ кровь, тѣмъ успѣшнѣе совершается пищевареніе; успѣшность пищеваренія зависитъ преимущественно отъ свойства пищи, или, точнѣе, отъ степени сродства ея съ составными частями крови; удобоваримою можно назвать ту пищу, изъ которой легче и скорѣе добываются ингрѣдиенты крови; на этомъ основаніи молочная кислота окажется удобоваримѣе сахара, сахаръ удобоваримѣе крахмала. Тѣ составныя части нашей пищи, которыя не могутъ переработаться въ кровь, оказываются ненужными и должны быть удалены, какъ постороннія тѣла. Эти-то ненужныя составныя части нашей пищи составляютъ главное основаніе испражнений, къ которымъ сверхъ того присоединяются желудочныя и кишечныя слизи и жидкости, обветшалыя частицы кожи, выдѣленія желчи, словомъ, такіе матеріалы, которые входили въ составъ нашей крови и нашего тѣла и потомъ устарѣли и пришли въ негодность. Чѣмъ меньше ненужныхъ частицъ содержитъ въ себѣ наша пища, тѣмъ большее количество питательныхъ веществъ она отдаетъ въ кровь; такимъ

образомъ болѣе питательною называется та пища, которая содержитъ въ себѣ наибольшій процентъ веществъ, необходимыхъ для образованія крови.— Не всѣ питательныя вещества, заключающіяся въ нашей пищѣ, могутъ быть изъ нея добыты во время ея пребыванія въ желудкѣ и въ кишечномъ каналѣ. Пребываніе это ограничено извѣстнымъ временемъ, и если, въ теченіи этого времени, желудочные и кишечные соки не успѣли химически переработать пищу, если они не успѣли обратить ее въ кровь, то пища выйдетъ изъ нашего тѣла, несмотря на то, что она въ неразложенномъ состояніи заключаетъ въ себѣ много матеріаловъ, способныхъ превратиться въ кровь.

Мясо и молоко по своему химическому составу подходятъ къ крови ближе печенаго хлѣба; печеный хлѣбъ подходитъ къ ней ближе сѣна; мясо и молоко питательнѣе хлѣба и сверхъ того удобоваримѣе хлѣба; это значить, что фунтъ мяса заключаетъ въ себѣ больше ингредиентовъ крови, чѣмъ фунтъ хлѣба; кромѣ того ингредиенты крови, заключающіеся въ фунтѣ хлѣба, должны претерпѣть нѣсколько химическихъ измѣненій, прежде чѣмъ они превратятся въ дѣйствительную кровь, и число этихъ химическихъ измѣненій больше, чѣмъ число измѣненій, которыя должны претерпѣть питательныя вещества, заключающіяся въ фунтѣ мяса. Стало быть, не говоря уже о томъ, что количество питательныхъ частицъ въ хлѣбѣ меньше, чѣмъ въ мясѣ, нужно еще обратить вниманіе на то, что это меньшее количество труднѣе добыть изъ хлѣба, чѣмъ изъ мяса, и что слѣдовательно большее количество питательнаго вещества пропадаетъ даромъ, т. е. пройдетъ черезъ пищеварительный каналъ, не разложившись. При всемъ томъ, человѣкъ можетъ жить, питаясь хлѣбомъ и водою, и совершенно обходясь безъ мяса и молока; онъ будетъ слабѣе человѣка, питающагося мясомъ, но не умретъ и даже будетъ способенъ работать. Если же вы будете кормить человѣка однимъ картофелемъ, то онъ черезъ 2 недѣли ослабѣетъ и сдѣлается неспособнымъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Это происходитъ отъ того, что картофель непитателенъ и неудобоваримъ. Въ крови нашей заключается въ 50 разъ больше бѣлковины, чѣмъ жира, а въ картофелѣ бѣлковины почти въ 20 разъ меньше чѣмъ веществъ, образующихъ жиръ. Стало быть, чтобы вытянуть изъ картофеля то количество бѣлковины, которое необходимо для поддержанія нормальнаго состава крови, человѣкъ долженъ принять въ желудокъ огромное количество разныхъ постороннихъ и ненужныхъ веществъ. По вычисленіямъ Мошешота оказывается, что здоровый работникъ долженъ сѣдать въ день 20 фунтовъ картофеля, чтобы добывать изъ него необходимое количество бѣлковины. Но органы пищеваренія не могутъ справиться съ такимъ огромнымъ количествомъ матеріала; они будутъ завалены ненужнымъ мусоромъ и, можетъ быть, совершенно остановятъ свою дѣятельность; еслибы этого не случилось, тогда прои-

зошло бы другое неудобство: крахмаль картофеля переработался бы в жиръ и этотъ жиръ потопилъ бы собою остальные, болѣе благородныя части нашей крови.

«Можетъ ли, восклицаетъ Молешотъ, лѣнивая картофельная кровь придавать мускуламъ силу для работы, и сообщать мозгу животворный толчекъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницею въ борьбѣ съ гордымъ сосѣдомъ, которому обильныя стада сообщаютъ могущество и бодрость! Ты не можешь побѣдить! Твоя пища можетъ породить безсильное отчаяніе, но не возбудитъ она воодушевленія, а только воодушевленіе способно отразить исполина, въ жилахъ котораго течетъ живая сила дѣятельности вмѣстѣ съ богатою кровью. Не благодари Америку за тотъ подарокъ, который увѣковѣчиваетъ твое несчастіе! Мы можемъ хвалить доброе намѣреніе Гокинса, принесшаго тебѣ картофель, но ты не должна считать его своимъ благодѣяніемъ». (Ученіе о пищѣ. Стр. 119.)

Но почему же картофель, неспособный поддерживать силы человѣка, служить отличною пищею для рогатаго скота и для свиней? Почему сѣно, изъ котораго человѣческой желудокъ не вытянетъ ни одной питательной частицы, можетъ въ случаѣ необходимости, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ поддерживать существованіе лошади? Почему человѣкъ, оставленный въ луговой степи, рискуетъ умереть съ голоду, между тѣмъ какъ эти же самыя степи кормятъ многочисленныя стада буйволовъ? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы отыскивается въ различномъ устройствѣ органовъ пищеваренія. Эти органы у травоядныхъ животныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ у плотоядныхъ, потому что растительная пища сравнительно съ животною нуждается въ большемъ количествѣ измѣненій, чтобы превратиться въ кровь и слѣдовательно должна дольше животной пищи пробыть въ желудкѣ и въ кишкахъ и дольше ея подвергаться дѣйствию пищеварительныхъ соковъ и кислотъ. «Пища, говоритъ Молешотъ, превратила дикую кошку въ ручную. Изъ плотояднаго животнаго съ короткимъ пищеварительнымъ каналомъ путемъ постепенной привычки изъ нея образовалось совершенно другое существо, которому длинный каналъ даетъ возможность переваривать растительную пищу, незнакомую ему въ естественномъ состояніи». (Уч. о пищѣ. Стр. 1.) «Человѣкъ занимаетъ средину между плотоядными и травоядными животными: зубы и челюсти, желудокъ и кишки, слюнныя железки и жевательныя мускулы его устроены такъ, что дѣлаютъ его способнымъ принимать и переваривать смѣшанную пищу (ibid. 180.) Вслѣдствіе этой смѣшанной пищи, кровь его также стоитъ по своему химическому составу по срединѣ между кровью чисто плотояднаго и кровью чисто травояднаго. Изъ крови вырабатываются ткани организма; свойствами крови обусловливаются свойства мускуловъ, зубовъ, желѣзокъ, костей, мозга, особенности ума и характера. Измѣните

пищу человѣка, и весь человѣкъ мало-по-малу измѣнится. Переходъ отъ мяса къ сѣну такъ рѣзокъ, что человѣкъ его не вынесетъ, но путемъ постепенныхъ измѣненій можно довести человѣка до того, что онъ сдѣлается травояднымъ животнымъ, точно также, какъ кошка изъ животнаго плотояднаго сдѣлалась животнымъ способнымъ варить растительную пищу. Такой переходъ потребовалъ бы многихъ поколѣнй, но въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго; сомнительно только, чтобы травоядный человѣкъ могъ быть вѣнцомъ созданія и человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сомнительно, чтобы усовершенствованіе или вѣрнѣе усложненіе пищеварительныхъ органовъ не совершилось въ ущербъ развитію мозга.

Можно выразить смѣлое предположеніе, что разнообразіе пищи, ведущее за собою разнообразіе составныхъ частей крови, служитъ основаніемъ разносторонности ума и гармоническаго равновѣсія между разнородными силами и стремленіями характера. Европейецъ доводитъ разнообразіе пищи до послѣднихъ предѣловъ; какъ гражданинъ міра, онъ не ограничивается произведеніями своей родины и питается всѣмъ, что приходится ему по вкусу; какъ человѣкъ занимаетъ средину между животными, такъ Европейецъ занимаетъ средину между людьми; растительная и мясная пища достигаютъ возможно полнаго равновѣсія въ репертуарѣ европейской кухни образованныхъ и зажиточныхъ классовъ. Поэтому въ Европейцѣ нѣтъ той дикости, которая характеризуетъ собою племена звѣролововъ; нѣтъ и той сонливости, которою отличаются Индусы, питающіеся корнями и овощами; процессъ пищеваренія совершается легко и скоро; отягощеніе и лѣнь, порождаемая сытнымъ обѣдомъ, продолжаются не болѣе часа, потому что смѣшанная пища разлагается легко и отсылаетъ въ кровь необходимый транспортъ матеріаловъ. Мозгъ тянетъ изъ крови столько фосфора, сколько понадобится; работа мысли идетъ широкимъ махомъ; возникаютъ философскія системы и художественныя произведенія, слагаются социальныя теоріи и практическія усовершенствованія, является вѣра въ силы человѣчества и уваженіе къ человѣческому достоинству — и что же? Если даже побудительный толчокъ къ этимъ прекраснымъ движеніямъ лежитъ внѣ свойствъ нашей пищи, то конечно этимъ свойствамъ мы обязаны тѣми силами, которыя выполняютъ задуманное дѣло, и не дадутъ замереть благороднымъ и высокимъ стремленіямъ. (Уч. о пищѣ. Стр: 181.)

IV.

Существеннѣйшая часть принимаемой нами пищи подвергается нѣсколькимъ, болѣе или менѣе, важнымъ измѣненіямъ, прежде нежели мы

рѣшаемся взять ее въ ротъ. Никто не ѣстъ сыраго мяса или картофеля, никто не глотаетъ цѣликомъ зерна ржи или пшеницы. Поваренное искусство, развивавшееся помимо всякой научной теоріи, заботится только о томъ, чтобы угодить болѣе или менѣе утонченнымъ требованіямъ вкуса, а между тѣмъ, большая часть его распоряженій заслуживаетъ полнаго одобренія со стороны возникающей науки о предметахъ пищи. Цѣлый рядъ примѣровъ можетъ подтвердить собою ту мысль, что человѣчество руководилось безошибочнымъ инстинктомъ въ выборѣ и приготовленіи своихъ яствъ.

По извѣстному непріятному ощущенію жаждущій чувствуетъ, что его организмъ нуждается въ притокѣ воды; грудной ребенокъ кричитъ, когда чувствуетъ голодъ и успокоивается, когда начинаетъ сосать грудь; въ этихъ случаяхъ очевидно дѣйствуетъ природный инстинктъ, а не опытъ. Тотъ же природный инстинктъ выражается въ чувствѣ вкуса; когда мы находимся въ здоровомъ состояніи, то намъ нравится то, чего дѣйствительно требуетъ нашъ организмъ; намъ пріѣдается одна и та же пища, потому что она вноситъ въ нашу кровь слишкомъ много однихъ ингредиентовъ и слишкомъ мало другихъ; намъ никогда не надобѣдаетъ хорошая говядина именно потому, что она доставляетъ намъ въ избыткѣ всѣ составныя части нашей крови; намъ никогда не надобѣдаетъ чистая ключевая вода, именно потому, что этого матеріала всегда требуетъ наша кровь. Словомъ, организмъ нашъ заявляетъ свои требованія, по мѣрѣ того, какъ они возникаютъ, и мы по необходимости стремимся ихъ выполнить; мы чувствуемъ, что намъ чего-то хочется, и чувствуемъ, въ чемъ именно мы нуждаемся; для этого намъ нѣтъ надобности напрягать вниманіе; такъ называемыя животныя потребности и влеченія сказываются сами-собою и говорятъ громче и громче, до тѣхъ поръ, пока вы не заткнете имъ ротъ полнымъ удовлетвореніемъ. Духовную потребность вы можете отсрочить, или даже задушить въ себѣ, но бѣда вамъ будетъ, если вы вздумаете упрямиться и идти наперекоръ заявившей себя физической потребности. Разстройство организма, помраченіе умственныхъ способностей, общій упадокъ силъ, — вотъ тѣ послѣдствія, которыя неминуемо ведетъ за собою умышленная борьба съ собственнымъ тѣломъ. Тому, кто выбралъ однажды мрачную дорогу аскета, трудно повернуть назадъ и выбратъ на вѣрный путь.

Неправильный образъ жизни развиваетъ органическія ткани, отклоняющіяся отъ нормы; неправильно слагающійся мозгъ порождаетъ дикія идеи и ведетъ къ нелѣпымъ заключеніямъ; эти заключенія образуютъ міросозерцаніе, въ которомъ каждый предметъ представляется въ своеобразныхъ размѣрахъ и окрашивается произвольными красками; жизнь смѣняется вѣчною галлюцинаціею; образъ жизни становится строже, потому что этого требуютъ дикія умозаключенія, и все это

фантастическое зданіе завершается явленіемъ идиотизма или помѣшательства. — Къ счастью всего человѣчества, поваренное искусство никогда не шло въ разрѣзъ съ потребностями нашей физической природы; оно дѣйствовало ошупью, и попадало въ цѣль безъ промаха, потому что старалось угодить требованіямъ нашего вкуса, а во вкусѣ всегда заявлялись дѣйствительныя нужды нашего организма. — Приведу нѣсколько примѣровъ.

Мы варимъ картофель и поступаемъ въ этомъ случаѣ очень рационально. Превращеніе крахмала въ сахаръ, долженствующее совершиться въ желудкѣ, значительно облегчается этою операціею. Въ сыромъ картофелѣ крахмаль заключенъ въ видѣ маленькихъ зернышекъ въ клѣточки или пузырьки; оболочка этихъ клѣточекъ состоитъ изъ такой матеріи, которую желудочный сокъ разлагаетъ съ большимъ трудомъ. Дѣйствіе горячей воды разрушаетъ сцѣпленіе клѣточекъ между собою, и крахмальныя зернышки освобождаются изъ своихъ футляровъ; они приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ разлагающими слизями пищеварительныхъ органовъ и превращеніе ихъ въ сахаръ и въ жиръ значительно облегчается.

Крахмаль хлѣбныхъ зеренъ освобождается изъ клѣточекъ уже тогда, когда дѣйствіе мельничныхъ жернововъ превращаетъ ихъ въ муку. Просѣиваніе муки отдѣляетъ отъ нея отруби, т. е. мелкіе остатки клѣтчатки (Zellstoff). Печеніе хлѣба превращаетъ значительную часть крахмала въ сахаръ, и потому печеный хлѣбъ не только вкуснѣе сырой муки, но и удобоваримѣе ея.

Изъ гороха и чечевицы готовится супъ; этотъ супъ или похлебка протирается сквозь сито и шелуха гороховыхъ и чечевичныхъ зеренъ выбрасывается. Это значительно облегчаетъ работу желудка. Шелуха этихъ зеренъ состоитъ изъ очень плотной клѣтчатки, которая почти вовсе не поддается разлагающему дѣйствію желудочнаго сока. Еслибы мы стали цѣликомъ глотать горошины, какъ пилюли, то большая часть ихъ прошла бы черезъ пищеварительный каналъ совершенно неразложенною. Еслибы мы стали жевать горохъ, то зерна конечно разложились бы въ желудкѣ и въ кишкахъ, но шелуха составила бы совершенно лишнее бремя, и понапрасну засорила и распучила бы наши внутренности. Стало быть приготовленіе гороховой похлебki предлагаетъ нашему желудку питательныя вещества гороха въ очищенномъ и упрощенномъ видѣ.

Если изъ куска мяса хотять приготовить бульонъ, то это мясо кладутъ въ холодную воду, и эту воду кипятятъ вмѣстѣ съ мясомъ; если же хотять получить хорошій кусокъ варенаго мяса, то мясо кладутъ прямо въ кипятокъ. Это правило, извѣстное каждой кухаркѣ, также имѣетъ свое разумное основаніе.

Въ сыромъ мясѣ мясныя волокна окружены особеннаго рода сокомъ, заключающимъ въ себѣ растворъ бѣлковины, различныхъ солей и азотистаго креатина (Fleischstoff). Этотъ растворъ отъ прикосновенія горячей воды свертывается и твердѣетъ; вокругъ мяса образуется корка, затрудняющая дѣйствіе воды на мясо; питательныя вещества остаются въ самомъ кускѣ и не выходятъ въ воду, и такимъ образомъ получается вареное мясо, сохраняющее весь свой вкусъ и всю питательность. Въ холодной водѣ, постепенно подогреваемой, распускается сокъ, окружающій мясныя волокна; онъ весь выходитъ изъ мяса и переходитъ въ воду, такъ что когда вода вскипитъ, то получится крѣпкій мясной наваръ и вываренный кусокъ мяса, котораго волокна легко отдѣляются другъ отъ друга и сравнительно съ прежнимъ составомъ мяса, представляютъ мало питательности.

Жареное мясо удобоваримѣе, чѣмъ сырое. По изслѣдованіямъ Мульдера оказалось, что жареніе образуетъ укусную кислоту, которая облегчаетъ собою пищевареніе; маринованное мясо, т. е. мясо, вымоченное въ укусѣ, переваривается также легче сыраго мяса. Очень жирное мясо, напр. свинину, обыкновенно солятъ, потому что соленое сало переваривается легче сыраго жира. Употребленіе разныхъ приправъ: перца, гвоздики, лавроваго листа, мускатнаго орѣха, употребленіе сахара, стараго сыра, вина и ликера основано также на требованіяхъ нашего желудка; если пользоваться всѣми этими приправами съ благоразумною умѣренностью, то всѣ онѣ могутъ содѣйствовать пищеваренію, ускорять въ нашемъ тѣлѣ обмѣнъ соковъ и передвиженіе частицъ, и слѣдовательно усиливать дѣйствіе нервовъ, воспринимающихъ впечатлѣніе и выполняющихъ мысль.

На умѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ Молешотъ смотритъ очень снисходительно; попытки разныхъ филантроповъ и обществъ трезвости онъ считаетъ не только практически бесполезными, но даже теоретически неразумными. Алкоголь, говоритъ онъ, замедляетъ сгараніе органическихъ тканей, такъ что работникъ, выпивающій чарку водки послѣ своего скуднаго обѣда, не такъ скоро проголодается, какъ его товарищъ, не употребляющій крѣпкихъ напитковъ. «Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, продолжаетъ онъ, что было бы жестоко отнимать у поденщика, который въ потѣ лица зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, средство подольше удерживать въ своемъ тѣлѣ скудную пищу. Пусть дадутъ ему обильное пропитаніе, тогда онъ будетъ въ состояніи обходиться безъ водки. Пока не позаботятся о томъ, чтобы работа должнымъ образомъ прокармливала человѣка; до тѣхъ поръ будетъ казаться насмѣшкою наше желаніе устранить менѣе хорошее, не давая и не умѣя дать лучшаго. Или, можетъ быть, слѣдуетъ отмѣнить употребленіе водки, потому что оно дѣлаетъ возможнымъ злоупотребленіе? Тогда попробуйте

сначала опровергнуть тотъ упрекъ, что вы унижаете нравственное достоинство человѣка, если заставляете его отказываться отъ наслажденія, во избѣжаніе скотскаго разврата. Аскетъ, требующій строгаго цѣломудрія, насилуетъ человѣческую природу; точно также насилуетъ еврачъ, требующій уничтоженія водки, на томъ основаніи, что на свѣтѣ есть пьяницы. Гёте далъ новому міросозерцанію прекрасный лозунгъ: *memento vivere!* (помни, что нужно жить!). Кто проповѣдуетъ уничтоженіе водки, тотъ переноситъ насъ въ средневѣковое католичество, которое душило лучшій цвѣтъ человѣчности безобразнымъ девизомъ: *memento mori!* (помни, что нужно умереть!).» (Уч. о пицѣ. Стр. 148.)

V.

Мы видѣли такимъ образомъ, что приготовленіе пищи въ нашихъ кухняхъ основано на инстинктивно понятыхъ потребностяхъ нашего организма.

На томъ же инстинктивномъ пониманіи этихъ потребностей основано смѣшеніе нашихъ кушаній между собою, порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ обѣдѣ, и старанія разнообразить репертуаръ обѣда, такъ чтобы сегодня не повторялось то, что подавалось вчера.—Мясо напр. подается обыкновенно съ какимъ нибудь соусомъ, и соусъ этотъ состоитъ изъ какихъ нибудь овощей.

Причина объясняется очень просто. Мясо даетъ нашей крови необходимое количество бѣлковины, а овощи сообщаютъ ей тѣ вещества, изъ которыхъ образуется жиръ; сверхъ того, они содержатъ въ себѣ значительное количество солей, облегчающихъ собою перевариваніе мяса. Если же приправою къ мясу постоянно служить одинъ сортъ овощей, то очень понятно, что въ кровь вносится постоянно та соль, которая преобладаетъ въ данномъ овощѣ; въ другихъ соляхъ и минеральныхъ частицахъ чувствуется недостатокъ, и этотъ недостатокъ обнаруживается въ томъ, что намъ надоѣдаетъ и пріѣдается одна и та же приправа, и мы съ удовольствіемъ принимаемъ за что нибудь новое. Напр. въ рѣпѣ мало желѣза, а въ шпинатѣ его очень много; если на нашемъ столѣ въ продолженіи трехъ дней будетъ появляться рѣпа, то на четвертый день вы съ удовольствіемъ увидите шпинатъ, именно потому, что онъ способенъ пополнить возникшій въ крови недостатокъ желѣза.

Мы видимъ такимъ образомъ, что главное назначеніе принимаемой пищи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать въ нашемъ организмѣ необходимое количество и нормальный химическій составъ крови. Очевидно,

что не только качество, но и количество пищи должно быть въ этомъ случаѣ принято въ соображеніе. Какъ бы ни была пища питательна и удобоварима, но если ея такъ мало, что она не покрываетъ расходовъ нашего тѣла, то мы постоянно будемъ терять больше, чѣмъ будемъ получать; сводить концы съ концами будетъ невозможно, и всѣ наши жизненные отправления будутъ страдать отъ недостаточнаго питанія. Бѣлковина, заключающаяся въ крови, постепенно перегараетъ, и превращается въ мочевины, въ мочевую кислоту, въ углекислоту и въ воду, выбрасывается изъ нашего тѣла разными каналами и путями. Жиръ и вещества, служащіе къ его образованію, также выдѣляются въ формѣ воды и углекислоты. Съ каждымъ выдыханіемъ выходитъ изъ нашего тѣла известная часть пережженной бѣлковины и пережженного жира. Каждый разъ, когда мы испражняемся, съ нашими испражненіями выходитъ желчная кислота, образовавшаяся изъ жира. Каждый разъ, когда мы выпускаемъ мочу, изъ нашего тѣла выдѣляются разныя соли и минеральныя частицы. Въ теченіи 24 часовъ различныя выдѣленія и испражненія уменьшаютъ вѣсъ нашего тѣла на $\frac{1}{14}$ часть. Этотъ ущербъ долженъ быть пополненъ, если мы на завтрашній день желаемъ сохранить ту сумму силъ, которою владѣли сегодня. Около четвертой части понесеннаго ущерба покрывается тѣмъ количествомъ кислорода, который мы вдыхаемъ въ атмосферномъ воздухѣ, остальные три четверти должны быть пополнены пищею и питьемъ.

Такимъ образомъ, чтобы не почувствовать ослабленія, мы должны въ теченіи сутокъ принимать такое количество питательныхъ веществъ котораго вѣсъ былъ немного больше $\frac{1}{10}$ части вѣса всего нашего тѣла. Если предположить, что въ нашемъ тѣлѣ 4 пуда вѣса, то вы въ теченіи сутокъ должны принимать пищи отъ $8\frac{1}{2}$ до 9 фунтовъ; если вы цѣлыя сутки пробудете на одномъ мѣстѣ въ совершенномъ спокойствіи, то количество выдѣленій будетъ меньше, и меньшее количество пищи будетъ въ состояніи поддержать вашу жизнь и вѣсъ вашего тѣла. Но мы ѣдимъ не для того, чтобы жить, говоритъ Молешотъ. «Наука конечно интересуется тѣмъ, при какой діетѣ человѣкъ можетъ не умереть, но человечеству важно знать то, при какой пищѣ мужчина способенъ работать, а женщина—кормить своихъ дѣтей». Чѣмъ сильнѣе работа, тѣмъ обильнѣе и питательнѣе должна быть пища. «Когда идетъ дѣло о лошадяхъ и о конской работѣ, говоритъ Мульдеръ, тогда никто не сомнѣвается въ томъ, что пища должна соответствовать работѣ. Не сѣно, а овесъ способенъ удовлетворять потребностямъ лошадинаго организма, когда лошадь должна работать какъ слѣдуетъ. А при напряженной работѣ и овесъ оказывается недостаточнымъ; тогда лошадей надо кормить бобами. Лошадямъ даютъ то, что имъ необходимо! А людямъ?» (!)

Такимъ образомъ, наибольшую практическую важность имѣеть въ

нашихъ глазахъ количество пищи, необходимое человѣку для того, чтобы жить полною, человѣческою жизнью, чтобы работать и мыслить, чувствовать и любить, чтобы производить дѣтей и выкармливать ихъ, а не для таго только, чтобы прозябать и предохранять свои органическія ткани отъ окончательнаго разрушенія. Исслѣдованія Молешота доводятъ его до слѣдующихъ результатовъ. Сумма всей пищи должна равняться 7-ми фунтамъ; на это количество приходится почти $5\frac{3}{4}$ фунтовъ воды. Твердыхъ веществъ требуется немного больше $1\frac{1}{4}$ фунта (125 золотниковъ); въ томъ числѣ должно быть около 25 золотниковъ бѣлковины, около 14 золотниковъ чистаго жира, около 80 золотниковъ веществъ способныхъ превратиться въ жиръ, и около 6 золотниковъ солей и минеральныхъ частицъ.

Молешотъ допускаетъ, что отдѣльныя личности уклоняются отъ этихъ цифръ въ ту или другую сторону, но онъ утверждаетъ, что эти цифры могутъ быть смѣло приняты въ основаніе разсчета, когда дѣло идетъ о запасеніи провіанта для крѣпости или для экипажа корабля. Жиръ, сахаръ и крахмалъ могутъ замѣнять другъ-друга въ этомъ разсчетѣ; но бѣлковина, которой требуется только 25 золотниковъ въ сутки, не можетъ быть замѣнена никакимъ другимъ веществомъ. Дешевая растительная пища, богатая крахмаломъ, обыкновенно бѣдна бѣлковиною и потому количество бѣлковины въ большей части случаевъ опредѣляетъ собою степень питательности. Бѣлковина всего дороже, потому что ея мало, и потому, что она въ достаточномъ количествѣ встрѣчается большею частью въ такой пищѣ, которая по дорогой цѣнѣ своей мало доступна рабочему классу. Изъ предметовъ растительной пищи только чечевица, бобы и горохъ содержатъ въ себѣ столько бѣлковины, что одного фунта этой пищи почти достаточно, чтобы удовлетворить въ этомъ отношеніи требованіямъ организма на цѣлыя сутки. Печенаго хлѣба надо съѣсть для достиженія той же цѣли около трехъ фунтовъ, рису болѣе 5 фунтовъ, картофеля 20 фунтовъ, цвѣтной капусты 52 фунта, а грушъ 110 фунтовъ. Питаться фруктами работнику нѣтъ никакой возможности; питаться картофелемъ тоже мудрено. Мясо, горохъ, или печеный хлѣбъ одни въ состояніи поддерживать силы человѣка, доставляя ему необходимый процентъ бѣлковины, и потому конечно позволительно выразить желаніе, чтобы бобы, горохъ и чечевица вытѣснили собою картофель, занимающій самое почетное мѣсто въ пропитаніи неимущихъ классовъ Ирландіи и Германіи. Такого рода измѣненіе могло бы повести за собою улучшеніе породы, укрѣпленіе народнаго здоровья и возвышеніе національнаго самосознанія. Значеніе употребляемой пищи въ развитіи историческихъ событій до сихъ поръ еще не было достаточно принято въ соображеніе, и даже Бокль выразилъ на счетъ этого предмета однѣ догадки, которыя ожидаютъ еще въ будущемъ опроверженія или подтвержденія.

Мы видѣли выше, что здоровый человѣкъ въ теченіи 24 часовъ долженъ принять около семи фунтовъ пищи; эта средняя величина измѣняется смотря по времени года, смотря по полу и возрасту субъекта и смотря по той степени напряженія, которой требуетъ отъ него его работа. Зимой мы ѣдимъ больше чѣмъ лѣтомъ, если только предположить, что дѣятельность наша остается одинаковою; зимой мы больше чѣмъ лѣтомъ выдыхаемъ углекислоты и выдѣляемъ мочи. Расходъ нашего тѣла черезъ это увеличивается, и сообразно съ этимъ долженъ увеличиваться и приходъ. Каждый замѣчалъ, что аппетитъ уменьшается во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ; въ это время организмъ нашъ собственными средствами развиваетъ меньшую степень животной теплоты, пережигаетъ меньшее количество бѣлковины и жира, и потому нуждается въ меньшемъ количествѣ топлива. Праздность значительно уменьшаетъ скорость обмѣна матеріи. Люди богатые, непривычные ни къ физической, ни къ умственной работѣ, обыкновенно не въ мѣру толстѣютъ, страдаютъ приливами крови, жалуются на недостатокъ аппетита и стараются расшевелить его искусственными средствами и замысловатыми приправами. Женщины выдыхаютъ только двѣ трети того количества углекислоты, которое выдыхаютъ мужчины; вслѣдствіе этого онѣ ѣдятъ обыкновенно меньше мужчинъ. Старики выдѣляютъ также меньше взрослыхъ мужчинъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется то уменьшеніе аппетита, которое обыкновенно замѣчается подъ старость. Грудной ребенокъ и юноша, не достигшій еще полного развитія силъ, выдѣляютъ относительно величины своего тѣла, больше углекислоты и мочевины, чѣмъ взрослый мужчина. Кромѣ того и ребенокъ и юноша растутъ, слѣдовательно приходъ долженъ превышать расходъ, потому что только избытокъ принимаемой пищи даетъ матеріалы для увеличенія объема тѣла и для укрѣпленія всѣхъ органическихъ тканей. Стало бытъ, еслибы мы стали опредѣлять количество пищи, необходимое для ребенка, сравнивая размѣры его тѣла съ размѣрами нашего, то мы рисковали бы заморить его голодомъ, и во всякомъ случаѣ значительно остановили бы его ростъ. Во-первыхъ, ребенокъ выдѣляетъ сравнительно больше взрослого, во-вторыхъ, онъ растетъ, слѣдовательно по этимъ двумъ причинамъ нуждается въ большемъ количествѣ пищи, чѣмъ нуждался бы карликъ зрѣлаго возраста и одинаковой величины съ нашимъ субъектомъ. «Съ того дитя растеть», говорятъ русскія няньки, видя, что окружающіе удивляются аппетиту ихъ питомцевъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, данныя науки оправдываютъ народное изрѣченіе, основанное на непосредственномъ опытѣ. Если ребенокъ не приученъ къ лакомствамъ, и если онъ требуетъ себѣ простой пищи, то можно давать ему столько, сколько онъ пожелаетъ. Неиспорченная природа не потребуетъ лишняго и не создастъ себѣ искусственныхъ нуждъ. Животныя объѣдаются очень

рѣдко и нѣтъ причины думать, чтобы ребенокъ, неизбалованный воспитаніемъ, составилъ въ дурную сторону исключеніе изъ общаго правила.

VI.

Вопросъ о сравнительной цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становится существеннѣе и важнѣе. Въ западной Европѣ, въ Англіи, во Франціи и въ Германіи, при густомъ и постоянно возрастающемъ населеніи, пролетаріи обращаютъ на себя вниманіе государственныхъ людей и ученыхъ, социалистовъ и филантроповъ. Вѣдь нельзя же цѣлымъ тысячамъ работниковъ и работницъ оставаться безъ куска хлѣба, нельзя же имъ умирать голодною смертію, а между тѣмъ, нельзя же требовать, чтобы хлѣбъ, овощи и мясо составляли общую собственность, подобно тому, какъ составляютъ общую собственность атмосферный воздухъ, солнечный свѣтъ и рѣчная вода. Надо стало-быть подумать о томъ, чтобы немущіе могли собственными руками зарабатывать себѣ здоровую пищу, которая могла бы сообщать ихъ мышцамъ силу для новой работы, а ихъ мозговымъ нервамъ живую бодрость и постоянно обновляющійся притокъ надежды. Въ 1679 году Папинъ предложилъ приготовить пищу изъ костей; кости эти подвергались сильному давленію, вываривались въ кипяткѣ и превращались такимъ образомъ въ клей или студень. Обстоятельства замяли проесть Папина, но когда французская революція выдвинула впередъ вопросъ о пролетаріяхъ, коммиссія знаменитыхъ тогдашнихъ врачей получила приказаніе рассмотреть это предложеніе, остававшееся подъ спудомъ въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Каде де-Во, Жемберна, Пелльтье, д'Арсе и другіе объявили, что кости даютъ превосходную пищу, что одинъ фунтъ костей даетъ столько навару, сколько давали шесть фунтовъ говядины, и что супъ изъ костей во всѣхъ отношеніяхъ лучше говяжьего бульона. Такъ называемый румфордовскій супъ, приготовленный изъ костей, былъ даже введенъ въ госпитали и въ инвалидные дома. Но больнымъ и инвалидамъ отъ этого супа не поздоровилось, и новой коммиссіи поручено было снова рассмотреть дѣло; членами этой коммиссіи были между прочими Дю-Пюитрентъ и Мажанди; результаты новаго изслѣдованія были вовсе неутѣшительны. Оказалось, что румфордовскій супъ легко подвергается гніенію, что онъ не вкусенъ, обременителенъ для желудка и вовсе не такъ питателенъ, какъ мясной наваръ. Новѣйшія изслѣдованія подтвердили мнѣніе второй коммиссіи и теперь можно сказать рѣши-

тельно, что супъ изъ костей настолько же дороже мяснаго супа, насколько дурное сукно дороже хорошаго. Конечно, порція костянаго супа и аршинъ плохаго сукна можно получить за меньшее количество денегъ, чѣмъ порцію мяснаго навара и аршинъ хорошаго сукна, но если вы примете въ соображеніе сравнительную питательность обоихъ суповъ и сравнительную прочность обѣихъ матерій, то вы увидите, что, покупая болѣе дорогую вещь, вы сберегаете деньги, потому что обезпечиваете себя отъ новыхъ тратъ на болѣе долгое время, и доставляете себѣ существенную, а не воображаемую пользу.

Въ новѣйшее время, въ 1849 году, французскій ученый Мильонъ предложилъ печь хлѣбъ изъ непросѣянной муки, говоря, что отдѣляющіеся отруби уносить съ собою множество самыхъ питательныхъ частицъ. Коммиссія, разсматривавшая вопросъ о костяхъ, бралась подарить Франціи огромное количество пропадавшей до того времени говядины. Мильонъ сулилъ Франціи такую же огромную прибыль въ сбереженіи отрубей. «Еслибы, говорить онъ, ктонибудь вдругъ объявилъ, что ему удалось обогатить Францію на нѣсколько милліоновъ гектолитровъ очень питательной пищи, не увеличивая трудовъ земледѣльца и не отнимая ни вершка земли у какогонибудь другаго растенія; еслибы этотъ человѣкъ сталъ утверждать, что эта пища въ сравненіи съ пшеничною мукою содержитъ въ себѣ больше клейковины и вдвое больше жира, и что остальные ея части, за исключеніемъ 10 процентовъ клѣтчатки, легко превращаются въ кровь, то можно было бы подумать, что онъ бредитъ или видитъ сонъ. А между тѣмъ эта пища дѣйствительно существуетъ, она находится въ пшеницѣ и ее удаляютъ изъ пшеницы съ большимъ трудомъ. У пшеницы отнимаютъ значительную часть ея азота, ея жира, ея крахмала, солей, вкусныхъ и пряныхъ матеріаловъ для того только, чтобы освободиться отъ нѣсколькихъ тысячныхъ долей клѣтчатки». Это краснорѣчивое воззваніе Мильона, напечатанное въ «Annales de chimie et de physique» за 1849 годъ, встрѣтило себѣ правдивое опроверженіе. «Хлѣбпашецъ и садовникъ, пишетъ Бушарда, люди постоянно работающіе и находящіеся въ постоянномъ движеніи, могутъ переваривать рѣшетный хлѣбъ; отруби, заключающіеся въ этомъ хлѣбѣ, находятъ себѣ полезное назначеніе. Но если вы дадите этотъ хлѣбъ слабому старику, то отруби, не разложившись, пройдутъ черезъ его кишечный каналъ, потому что пищеваженію помѣшаетъ плотность питательныхъ частицъ и тотъ слой клѣтчатки, въ которомъ онѣ заключены. Не экономнѣе ли будетъ въ этомъ случаѣ отдать отруби и мякину рогатому скоту, и получить отъ него взамѣнъ мясо и молоко, въ высшей степени полезныя для людей съ слабыми пищеварительными органами.»

Солдаты, получающіе въ крѣпостяхъ рѣшетный хлѣбъ, по словамъ Мошота, часто продаютъ свой паекъ, и покупаютъ себѣ хлѣбъ изъ

просѣянной муки. Дѣло въ томъ, что только сильный желудокъ способенъ переносить рѣшетный хлѣбъ, и каждый согласится съ тѣмъ, что пріятнѣе избѣгать разстройства, нежели лѣчиться отъ него. «Всякій, говоритъ Мошотъ, съ большимъ удовольствіемъ понесетъ деньги къ булочнику, чѣмъ къ аптекарю.»

Эти два примѣра показываютъ ясно, что когда дѣло идетъ о пищѣ, то сравнительная дешевизна съѣстныхъ припасовъ опредѣляется не только тою суммою денегъ, которая за нихъ заплачена. Возь соломы дешевле четверти овса, но ежели вы станете кормить вашихъ лошадей соломою, то навѣрное въ концѣ концовъ останетесь въ убыткѣ. Картофель дешевле мяса, но если вы станете питаться картофелемъ, то навѣрное придете къ неприятнымъ и разорительнымъ результатамъ. Дешевымъ можно назвать то средство, которое съ наименьшими издержками ведетъ насъ къ желанной цѣли; если же, платя ничтожную сумму, мы не достигаемъ предполагаемой цѣли, то мы бросаемъ деньги на вѣтеръ, и утѣшаемся только тѣмъ, что бросаемъ ихъ мелкими клочками. Развѣ картофель можетъ быть названъ дешевою пиццей? Развѣ онъ исполняетъ назначеніе пицци? Если онъ обманываетъ голодъ, то на это есть средства еще болѣе дешевыя; стоитъ только покрѣпче затянуть себѣ животъ, какъ дѣлаютъ то австралійскіе дикари, и вы этимъ средствомъ на нѣсколько часовъ укротите мучительное чувство голода; вы не лишите новой силы вашему организму, но этого не сдѣлаетъ и картофель; вся разница въ томъ, что картофельная діета ослабитъ и разстроитъ васъ мало-по-малу и на медленномъ огнѣ сожжетъ ваши силы, между тѣмъ какъ голодъ разрушитъ ихъ быстро и заставитъ васъ испытать острые мученія вмѣсто хронической болѣзни. Есть ли между тѣмъ и другимъ чувствительная разница? — это такой вопросъ, рѣшеніе котораго совершенно зависитъ отъ вашего вкуса, если дѣло идетъ о васъ самихъ; но если вы администраторъ или филантропъ, если вы обязаны или желаете обсуживать и рѣшать вопросы народнаго продовольствія, тогда будьте осторожны и не рекомендуйте той или другой дешевой пицци, не справившись съ тѣмъ, насколько она питательна и здорова. Говинсъ, познакомившій Ирландію съ картофелемъ, оказалъ ей плохую услугу; его можно оправдать только его невѣдѣніемъ; привести же невѣжество въ оправданіе какого нибудь современнаго намъ дѣятеля было бы бессмысленно, потому что теперь физиологія, діететика, гигиена возвысились до степени науки; кто не знакомъ съ успѣхами науки, тотъ рѣшительно неспособенъ быть судьей въ какомъ бы то ни было важномъ вопросѣ практической жизни, тотъ рѣшительно неспособенъ быть благодѣтелемъ челоѣчества въ какомъ бы то ни было отноше-

Время случайныхъ открытій миновало; усовершенствованія вырабатываются, а не рождаются сами-собою. Микроскопъ и химическій анализъ,

вотъ орудія современнаго прогресса, и при помощи этихъ орудій Моленшотъ дошелъ до одного простаго, частичнаго, но существенно важнаго результата. Онъ доказалъ, что обработка стручковыхъ растений (чечевицы, гороха, бобовъ и фасоли) должна вытѣснить обработку картофеля. За первыми больше хлопотъ и издержекъ, но за то эти растения даютъ такую пищу, которая во всѣхъ отношеніяхъ можетъ замѣнить собою мясо, недоступное по своей цѣнѣ бѣднымъ работникамъ западной Европы. Недостаточность картофеля, какъ главной пищи, сознается всѣми свѣдущими людьми. Съ разныхъ сторонъ слышатся предложенія замѣнить его какимъ нибудь заморскимъ еще не акклиматизованнымъ растеніемъ. Верро хвалитъ корни трюфелевиднаго растенія, прозябающаго въ средней Африкѣ и извѣстнаго подъ англійскимъ именемъ native bread (туземный хлѣбъ). Боскъ рекомендуетъ корни *Glycine Apios*, растущей въ Каролинѣ; Трекюль указываетъ на *Apios tuberosa*, находящуюся въ Миссури; Мульдеръ говоритъ объ обилии бѣлковины, заключающейся въ корняхъ *Ullico tuberosus*. Всѣ эти растенія съ мудреными названіями надо еще пріучать къ европейской почвѣ, а между тѣмъ горохъ, бобы и чечевица цвѣтутъ на нашихъ глазахъ, и нуждаются только въ томъ, чтобы мы расширили масштабъ ихъ обработки. Простой, чисто-житейскій совѣтъ Моленшота, основанный въ то же время на тщательномъ анализѣ составныхъ частей рекомендуемыхъ имъ растений, во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе европейскихъ агрономовъ.

Если мысль Моленшота можетъ быть осуществлена на дѣлѣ, то послѣдствія этого осуществленія навѣрное будутъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшение народной нравственности, на развитіе народнаго богатства, на усиленіе народной дѣятельности и предприимчивости.

VII.

Послѣ всего, что было изложено выше, трудно сомнѣваться въ томъ вліяніи, которое оказываетъ пища на темпераментъ, на направленіе и дѣятельность мысли, словомъ, на весь нравственный и интеллектуальный характеръ человѣка. Есть осязательные факты, способные убѣдить самаго необузданнаго идеалиста. Въ кузницахъ департамента Тарнъ рабочихъ постоянно кормили растительною пищею; по ежегоднымъ отчетамъ оказывалось, что каждый работникъ круглымъ числомъ проводилъ въ году 15 дней въ лазаретѣ. Въ 1833 году Талабо, назначенный глав-

нымъ начальникомъ этихъ заведеній, ввелъ мясную пищу, и здоровье рабочихъ поправилось такъ сильно, что уже только три дня въ году приходилось на болѣзни. При этомъ нужно принять въ соображеніе то, что рабочій уходилъ въ лазаретъ тогда, когда уже чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ къ работѣ, что онъ нѣсколько времени перемогался, работалъ черезъ силу, старался выходиться и переломить болѣзнь; окажется, что 15 дней лежанія въ больницѣ равняются нѣсколькимъ мѣсяцамъ ненормальнаго состоянія, мрачнаго и раздражительнаго расположенія духа. Здоровая пища въ пять разъ уменьшила число болѣзненныхъ дней; ясно, что она вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣнила характеръ рабочихъ; кто впадетъ въ болѣзнь, тотъ по крайней мѣрѣ вдвое веселѣе и бодрѣе, у того по крайней мѣрѣ вдвое успѣшнѣе идетъ работа и вслѣдствіе этого вдвое больше родится надеждъ и предпріятій. Ирландцы, переселяющіеся въ Америку, часто представляютъ замѣчательные примѣры физическаго и нравственнаго превращенія. Изнуренный и органически испорченный картофельною діетой, Ирландецъ лѣнивъ по слабости, вслѣдствіе химическаго состава крови, и не годится у себя дома ни на какую работу. Тотъ же Ирландецъ переѣзжаетъ въ Америку, подкрѣпляетъ свои силы сочнымъ мясомъ — и становится другимъ человѣкомъ; мускулы становятся тверже, работа идетъ успѣшнѣе; смѣлость, предприимчивость, веселая бодрость и самоуваженіе, естественныя слѣдствія здоровья и успѣшной дѣятельности, вытѣсняють мало-помалу прежнія, неутѣшительныя черты ирландскаго характера; Ирландецъ перерождается на новой почвѣ и становится другимъ человѣкомъ вслѣдствіе обильной и здоровой пищи. Различіе типовъ въ различныхъ состояніяхъ навѣрное находится въ связи съ свойствами принимаемой ими пищи. На сколько свойства пищи имѣютъ вліяніе на особенности народнаго характера, это опредѣляютъ, вѣроятно, болѣе тщательныя изслѣдованія; здѣсь достаточно будетъ привести нѣсколько общихъ замѣчаній. Племена, питающіяся звѣриною ловлею, отличаются большею частью физическою силою и отвагою; тѣми же свойствами, хотя не въ такой сильной степени, одарены кочевые народы, питающіеся молокомъ и мясомъ; многіе расположены искать причины этихъ свойствъ въ образѣ жизни этихъ племенъ; но при этомъ не должно забывать, что образъ жизни развивается изъ особенностей темперамента, что темпераментъ обуславливается преимущественно химическимъ составомъ крови, и что кровь вырабатывается изъ принимаемой пищи.

Невозможно отрицать вліяніе мѣстности и климата, но невозможно также не видѣть, что эти условія дѣйствуютъ уже на нѣчто данное, на существующее тѣло, и что слѣдовательно всего важнѣе вопросъ: изъ чего составилось это тѣло? Вопросъ о принимаемой пищѣ равносильнъ этому вопросу и слѣдовательно всего ближе подходитъ къ

вопросу о личном характерѣ человѣка. «Пока Яванцы будутъ питаться преимущественно рисомъ, а суринамскіе Негры банановою мукою, до тѣхъ поръ они будутъ подчинены Голландцамъ», говоритъ Молешотъ. «Безъ сомнѣнія, преобладаніе Англичанъ и Голландцевъ надъ туземцами своихъ колоній зависитъ преимущественно отъ большаго развитія мозга; мозгъ зависитъ отъ химическаго состава крови, а кровь отъ пищи. Сравните, напримѣръ, кротость Отаитянъ, питающихся плодами, съ дикостью Новозеландцевъ, упивающихся кровію своихъ враговъ.» (Физ. эск. стр. 91.)

Въ дѣйствиі вина на организмъ и на мыслительныя способности человѣка, всего ярче обнаруживается наша зависимость отъ матеріи; нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка измѣняютъ человѣка совершенно; если онъ былъ грустенъ, онъ становится веселъ; если онъ былъ сосредоточенъ, онъ становится общителенъ; шутки, остроты, откровенныя изліянія, внезапныя порывы гнѣва, неожиданныя припадки чувствительности — рядъ словъ и поступковъ, на которые тотъ же самый человѣкъ никогда бы не рѣшился при другихъ условіяхъ, становится естественнымъ въ его собственныхъ глазахъ и понятнымъ для всѣхъ окружающихъ; всѣ говорятъ: «онъ пьянъ» и извиняютъ многое, чего не извинили бы трезвому. Состояніе пьянаго человѣка рѣзко отдѣляютъ отъ нормальнаго положенія; это дѣлаютъ потому, что напряженіе силъ и нервовъ, произведенное дѣйствиемъ вина, продолжается очень не долго и вскорѣ смѣняется разслабленіемъ организма и усыпленіемъ субъекта; сверхъ того, это напряженіе рѣзко бросается въ глаза и потому невольно кажется намъ подозрительнымъ и какъ будто болѣзненнымъ. Но сравните между собою двухъ трезвыхъ людей: одинъ изъ нихъ хладнокровенъ и разсудителенъ, спорить спокойно, возражаетъ мягко, дѣлаетъ жесты умѣренныя и скромныя; другой горячъ и впечатлителенъ, спорить съ ожесточеніемъ, кричитъ на васъ, машетъ руками, и во всякую минуту готовъ вамъ наговорить дерзостей, въ которыхъ черезъ четверть часа будетъ просить извиненія. Еслибы эти два господина, А и В помѣнялись между собою ролями, вы навѣрное подумали бы, что А пьянъ, а В болѣнъ, и потому не въ мѣру тихъ и кротокъ. Между тѣмъ А не дѣлалъ бы ничего неприличнаго; онъ только обнаруживалъ бы ту степень страстности, съ которою вы уже совершенно освоились въ В; разница между прежнимъ А и теперешнимъ показала бы вамъ поразительною только потому, что та возникла вдругъ, безо всякихъ переходовъ и промежуточныхъ инстанцій. Если вы сегодня видѣли 10-ти-лѣтняго ребенка, который приходится вамъ по-поясъ, и черезъ четверть часа увидите, что тотъ же самый ребенокъ приходится вамъ по плечо, то вы скажете, конечно, что его поставили на ходули; но если вы увидите того же ребенка лѣтъ черезъ пять, то васъ даже нисколько не

удивить происшедшая въ немъ перемѣна, единственно потому, что вы видѣли или можете предположить промежуточныя инстанціи. Еслибы, выдаясь постоянно съ А, вы видѣли и замѣчали, что его спокойная природа становится постепенно живѣе и страстнѣе, и еслибы, лѣтъ черезъ пять, онъ сдѣлался очень похожъ на В, то вы вѣроятно не стали бы объяснять дѣйствиємъ вина эту страстность и впечатлительность. Вы только сказали бы, припоминая прошлое, что въ характерѣ вашего знакомаго произошла значительная перемѣна; эта перемѣна, совершившаяся внезапно, могла бы васъ озадачить и испугать; совершаясь постепенно, она васъ будетъ радовать; вы увидите въ ней признакъ здоровья и возрастающей силы. Слабая степень опьяненія оказывается такимъ образомъ усиленіемъ и ускореніемъ кровообращенія, произведеннымъ внезапно, и вслѣдствіе этого, продолжающимся недолго. Укрѣпляющая пища, принимаемая въ изобиліи, произведетъ, при продолжительномъ дѣйствіи на организмъ, тѣ же явленія, которыя производитъ лишняя рюмка крѣпкаго вина, съ тою только существенною разницею, что эти явленія будутъ нормальнымъ состояніемъ организма, а не результатомъ временнаго возбужденія.

Наша зависимость отъ вѣчныхъ свойствъ матеріи, выражающаяся рѣзко въ дѣйствіи вина на организмъ, выражается не такъ рѣзко, но за то болѣе прочнымъ образомъ, въ дѣйствіи мясной и растительной пищи. Эту зависимость хорошо понимали поборники аскетизма; воздержаніе отъ мясной пищи было необходимо для достиженія ихъ цѣлей; надо было ослабить мускулы и разводянить кровь, чтобы приучить человѣка къ взнуренію плоти. Всѣ мы знаемъ по опыту, что воздержаніе отъ мясной пищи уменьшаетъ половое влеченіе; противъ этого никто не споритъ, какъ противъ существующаго факта; а допуская это обстоятельство, можно ли долѣе сомнѣваться въ зависимости всего нравственнаго характера отъ химическаго состава пищи. Развѣ могутъ смотрѣть одними глазами на разнообразныя явленія жизни сильный и слабый, здоровый и больной человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и аскетъ, изуродованный образомъ жизни и питанія? Краски и звуки окружающей природы, дѣйствія и личности близкихъ людей, движенія собственной мысли и собственнаго чувства — словомъ, всѣ матеріалы, надъ которыми работаетъ зиждущая дѣятельность нашего мозга, представляются въ различномъ свѣтѣ этимъ двумъ діаметрально-противоположнымъ типамъ. Тамъ, гдѣ здоровый и сильный человѣкъ увидитъ только пестроту и разнообразіе явленій, привлекательную игру жизни, тамъ слабый и больной увидитъ тщету міра сего, суетность земной красоты, неразумное и незаконное уклоненіе отъ вѣчной нормы; тамъ, гдѣ первый снисходительно улыбнется, тамъ второй нахмуритъ брови; тамъ, гдѣ первый увлечется живымъ порывомъ, тамъ второй призоветъ на помощь суро-

выя требованія идеала; то, что первый пойметъ и оправдаетъ инстинктомъ сердца, силою чувства, то осудить второй педагогическимъ приговоромъ сухаго разсудка, вращающагося въ ограниченной сферѣ одностороннихъ отвлеченностей.

«Сытый голоднаго не разумѣетъ», говоритъ русская пословица, и эту пословицу въ самомъ буквальномъ смыслѣ можно приложить ко всѣмъ сферамъ духовной дѣятельности человѣчества. Разладъ между сытыми и голодными, между людьми наслаждающимися и людьми страждущими, продолжится до тѣхъ поръ, пока на бѣломъ свѣтѣ будутъ люди нуждающіеся въ необходимомъ, и люди упорно отворачивающіеся отъ наслажденія; обезпечить матеріальное существованіе первыхъ и побѣдить разумными доводами упорство вторыхъ — эти двѣ великія задачи, сознанныя уже нашею эпохою, предстоить окончательно рѣшить отдаленному будущему. Уничтоженіе матеріальныхъ лишеній и связанныхъ съ ними физическихъ страданій, уничтожило бы большую часть общественныхъ золъ и преступленій. Каждая дикая мысль, каждое отчаянное движеніе души могутъ быть приведены въ нѣкоторую зависимость отъ неправильнаго или недостаточнаго питанія; тѣ же обстоятельства жизни, тѣ же столкновенія съ печальною дѣйствительностью производить совершенно различное впечатлѣніе на сытаго и на голоднаго, на здороваго и на больнаго. «Мы рождены изъ матеріи, говоритъ Молепшотъ; растенія, вытягивающія свойственныя имъ соли изъ земли, связываютъ вась съ извѣстною почвою. Черты нашего лица и мысли нашего мозга имѣютъ такую же географію, какъ и растенія. Мы не можемъ жить безъ пищи, и потому не можемъ избѣжать вліянія матеріи; распространяющагося изъ кишечнаго канала черезъ кровь во всѣ части нашего тѣла при каждомъ кускѣ пищи, который мы проглатываемъ».

(Phys. Skizz. S. 93.)

Связанный такимъ образомъ съ почвою, на которой онъ живетъ, человѣкъ господствуетъ надъ этою почвою, умѣя выбирать себѣ именно то, что ему нравится и что онъ признаетъ для себя необходимымъ. Не ограничиваясь простымъ утоленіемъ голода и жажды, человѣкъ создаетъ себѣ потребности, которыя можно было бы назвать искусственными, если бы они не проявлялись одновременно у всѣхъ народовъ земнаго шара, и если бы какой-то непосредственный инстинктъ не указывалъ этимъ народамъ на разнообразныя средства, удовлетворяющія атимъ потребностямъ. Стремленіе къ наркотическимъ веществамъ существуетъ у Аравитянъ и у Гренландцевъ, у Негровъ и у Европейцевъ, у Индусовъ и у американскихъ Индѣйцевъ. Сибирскіе дикари пьютъ настой мухомора, Турки курятъ табакъ и опиумъ, мы пьемъ чай, кофе, пиво, вино и курияъ табакъ, Индусы жуютъ бетель, Перуанцы воку, Негры готовятъ вино изъ пальмоваго сока, Киргизы — изъ кобыльаго молока: всѣ

безъ исключенія находятъ возможность какимъ нибудь снадобьемъ привести себя въ возбужденное состояніе. Колоритъ этого возбужденія измѣняется смотря по свойствамъ принятаго вещества, смотря по силѣ пріема и по комплекціи принимающаго субъекта.

Между тѣми галлюцинаціями, которыя возбуждаютъ опиумъ и гашишъ, и тѣмъ слабымъ возбужденіемъ, которое доставляетъ чашка крѣпкаго чаю—лежитъ множество промежуточныхъ оттѣнковъ. Сильное напряженіе нервовъ, порождаемое опиумомъ и гашишемъ, ведетъ за собою всеобщее расслабленіе и страданіе; крѣпкій чай производитъ только біеніе сердца и очень медленно разстраиваетъ нервную систему; поэтому опиумъ и гашишъ употребляютъ на востокѣ люди, готовые за нѣсколько минутъ жгучаго наслажденія заплатить годами страданій; чай и кофе, напротивъ того, пьютъ Европейцы, съ величайшею осторожностью и бережливостью тратящіе силы. Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе принадлежитъ католикамъ, а чай—протестантамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблюденія показали, что кофе развиваетъ силу воображенія, а чай изощряетъ критическую способность ума; въ сѣверной Германіи преобладаетъ чай, въ южной—кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе въ всеобщее употребленіе; правители, боявшіеся этого движенія, запирали кофейные дома, служившіе сборнымъ мѣстомъ для людей, интересовавшихся политическими вопросами; такъ распорядился Карлъ II, но эта полицейская мѣра не принесла особенной пользы династіи Стюартовъ и не остановила даже распространенія чая и кофе.

Видѣть въ употребленіи чая или кофе причину того или другаго политическаго переворота было бы конечно смѣшно, но вотъ съ какой стороны можно посмотрѣть на дѣло: еслиби народонаселеніе какого нибудь государства вмѣсто стакана чаю выпивало утромъ и вечеромъ по стакану пива, то у большей части жителей нервы сложились бы какъ нибудь иначе; не было бы той впечатлительности, той подвижности, той раздражительности, которую возбуждаетъ чай; мозговые нервы воспримчивѣе остальныхъ нервовъ и прежде другихъ испытываютъ на себѣ вліяніе наркотическихъ веществъ; очень понятно, что въ мозговыхъ нервахъ и выразилось бы всего сильнѣе дѣйствіе пива или чая. Скорость и послѣдовательность въ развитіи идей, вліяніе воспринятой идеи на поступки, словомъ логика и практическая философія народа всего замѣтнѣе могутъ измѣниться отъ того, что одинъ наркотическій напитокъ будетъ замѣненъ другимъ. Представьте же себѣ, что въ государство это проникаетъ какая нибудь новая, общечеловѣческая идея; скоро ли она распространится, встрѣтитъ ли себѣ горячее сочувствіе, найдетъ ли критическое опроверженіе, явятся ли въ отношеніи къ этой идее фанатическіе адепты или благоразумные цѣнители, все это такіе

вопросы, на которые можно отвѣчать приблизительно вѣрно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ знать главныя особенности народной логики, или проще, если мы будемъ знать свойства мозговыхъ нервовъ отдѣльныхъ гражданъ. На положеніе этихъ нервовъ имѣютъ несомнѣнное вліяніе употребительныя наркотическія напитки. Стало быть эти же напитки имѣютъ нѣкоторую долю вліянія на судьбу той или другой великой идеи.

«Посредствомъ кофе, говоритъ Молешотъ, точно также какъ посредствомъ паромовъ и электрическихъ телеграфовъ, пускается въ обращеніе рядъ мыслей, возникаетъ теченіе идей, прозрѣтвъ и предпріятій, которые всѣхъ увлекаютъ за собою». Не одинъ историкъ-мистикъ придетъ въ негодованіе при мысли о міровомъ значеніи чая или кофе; употребляя слова: «духъ времени, требованія эпохи, настроеніе умовъ;» онъ не думаетъ и не гадаетъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ высокихъ представленій лежатъ чисто матеріальныя причины, которыя еще ждутъ себя правильной оцѣнки. Развитие промышленности, путей сообщенія, торговли и военного дѣла принимаются въ соображеніе и считаются существенными чертами въ прогрессѣ народностей и въ совершенствованіи всего человѣчества. Когда рѣчь заходитъ о выборѣ и приготовленіи пищи, т. е. о построеніи нашего собственнаго тѣла, тогда мы улыбаемся или дѣлаемъ гримасу, относимся къ изслѣдованію какъ къ безвредной шуткѣ или осуждаемъ его какъ неумѣстный парадоксъ. Наши историки говорятъ о тѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, которыя клонятся къ тому, чтобы доставить нашему тѣлу извѣстнаго рода комфортъ, избытокъ и частости жизненнаго наслажденія, и ничего не говорятъ о томъ, изъ чего слагалось это тѣло, и какъ съ теченіемъ времени совершенствовались и очищались эти строительныя матеріалы. Эта странная непослѣдовательность извиняется съ одной стороны молодостью естественныхъ наукъ, не успѣвшихъ еще занять свое мѣсто въ ряду руководящихъ знаній исторіи, съ другой стороны, бѣдностью историческихъ свидѣтельствъ о пищѣ различныхъ народовъ и различныхъ сословій.— Тепѣрь интересъ къ естественнымъ наукамъ пробуждается, мелочи перестаютъ считаться бесполезными и незанимательными, анализъ подробностей разрушаетъ туманныя теоріи и звонкія фразы, и зданіе антропологии, надъ фундаментомъ котораго работаютъ люди, подобные Фохту и Молешоту, основывается на твердыхъ фактахъ, на неопровержимыхъ данныхъ непосредственнаго опыта и точнаго наблюденія.

Надѣюсь, что, прочитавъ эти страницы, наша публика согласится съ тѣмъ, что изслѣдованія Молешота о съѣстныхъ припасахъ, представленныя въ популярной формѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія всякаго образованнаго человѣка и могутъ имѣть самое благотворное вліяніе на дѣятельность молодой, формирующей мысли, сбрасывающей оковы ру-

тиннаго фразерства и подавляющаго мистицизма. Веселѣе жить, легче дышать, когда вмѣсто призраковъ и отвлеченностей видишь осязательныя явленія и сознаешь какъ свою зависимость отъ нихъ, такъ и свое господство надъ ними. Я беру въ руки топоръ и знаю, что могу этимъ топоромъ срубить себѣ домъ или отрубить себѣ руку; я держу въ рукѣ бутылку и знаю, что налитое вино можетъ доставить мнѣ умѣренное наслажденіе или довести меня до уродливыхъ нелѣпостей; въ каждой частицѣ матеріи лежитъ и наслажденіе, и страданіе; все дѣло въ томъ, чтобы знать ея свойства и умѣть ими пользоваться, какъ мы умѣемъ пользоваться топоромъ и виномъ; чѣмъ шире и глубже становятся наши знанія, тѣмъ полнѣе и безслѣднѣе расплываются въ ничто неуклюжіе призраки Ормузда и Аримана, пугавшіе довѣрчивое дѣтство отдѣльныхъ личностей и цѣдыхъ народовъ. Газы, соли, кислоты, щелочи соединяются и видоизмѣняются, дробятся и разлагаются, кружатся и движутся безъ цѣли и безъ остановки, проходятъ черезъ наше тѣло, порождаютъ новыя тѣла — и вотъ вся жизнь, и вотъ исторія. Но формы для насъ дороже матеріала; мы любимъ и ненавидимъ только формы, сражаемся за формы и противъ формъ, и потому въ исторіи конечно слѣдимъ за развитіемъ и увиданіемъ формъ, а не матеріала, потому что матеріаль вѣченъ, неизмѣненъ. Это естественно, но изучая формы, надо же знать и матеріалы, хотя бы для того, чтобы опредѣлить, насколько дорогія намъ формы зависятъ отъ свойствъ матеріала, хотя бы для того, чтобы овладѣть матеріаломъ и располагать имъ по своему благоусмотрѣнію. Изученіе матеріала и изученіе формъ, естественныя науки и гуманныя, химія и исторія должны идти рука объ руку и сознать въ себѣ потребность соединенія, хотя самое соединеніе относится также къ области будущаго.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

(ПО ВЮХНЕРУ) *).

I.

Знаніе природы дается людямъ съ величайшимъ трудомъ; каждое открытіе въ области естественныхъ наукъ дѣлается путемъ сложныхъ и хлопотливыхъ наблюдений; когда открытіе сдѣлано, оно обыкновенно встрѣчается всеобщимъ недоувѣріемъ; чѣмъ важнѣе открытіе, тѣмъ сильнѣе бываетъ возбужденное имъ недоувѣріе; для большей ясности возьму самый простой примѣръ: всѣ мы въ случаѣ болѣзни обращаемся къ доктору, и пока лежимъ въ постелѣ, довольно точно и добросовѣстно исполняемъ его предписанія; но вотъ мы укрѣпились, ходимъ по комнатѣ, черезъ окно поглядываемъ на улицу, а между тѣмъ докторъ продолжаетъ угощать насъ лекарственными снадобьями, запрещаетъ ѣсть то, что намъ особенно нравится, и ни подъ какимъ видомъ не велитъ подходить къ окну. Мы начинаемъ относиться скептически къ совѣтамъ доктора, мы съ досадою смотримъ на его предосторожности, мы въ тихомолку посмѣиваемся надъ его предписаніями и наконецъ подъ часъ нарушаемъ тотъ образъ жизни, который, по мнѣнію свѣдущаго медика, необходимъ для нашего окончательнаго поправленія. Въ этомъ случаѣ мы часто поступаемъ такимъ образомъ не только по естественному неперпѣнью выздоравливающаго чловѣка; мы оправдываемъ свои неосторожныя дѣйствія разными аргументами, которые, конечно, не выдержи-

*) Physiologische Bilder von dr. Louis Büchner. I-er Band, 1861.

вають критики. Мы говоримъ: докторъ А, конечно, хорошій человекъ, но онъ странно смотритъ на вещи. Ну, можетъ ли такая пустая вещь повредить моему здоровью; онъ, какъ спеціалистъ, пускаетъ въ ходъ микроскопъ, когда надо смотрѣть на вещи простыми, человѣческими глазами. Тутъ, какъ вы видите, является систематическое недовѣріе къ наукѣ и къ тому самому ея представителю, который, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, оказалъ намъ самую существенную услугу и этою услугою доказалъ намъ состоятельность и практическую пригодность своихъ теоретическихъ знаній. Недовѣріе это въ однихъ людяхъ бываетъ сильнѣе, въ другихъ слабѣе, въ однихъ проявляется вспышками, въ другихъ преобладаетъ постоянно. Есть доморощенные скептики, поставившіе себѣ за правило считать всю медицину шарлатанствомъ и пробавляться, въ случаѣ надобности, собственными соображеніями и домашними средствами. Есть доморощенные физиологи, составляющіе себѣ самыя своеобразныя понятія объ устройствѣ собственного организма. Такого рода скептики и физиологи встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества и почти на всѣхъ степеняхъ умственного развитія: скептикъ - мужикъ нейдетъ въ больницу и отлеживается на печи или, въ случаѣ тяжелой немочи, отпаиваетъ себя разными травками; скептикъ - баринъ гордо отвергаетъ помощь врача и, руководствуясь собственными соображеніями, приставляетъ себѣ пиявки и горчичники, пускаетъ кровь, принимаетъ слабительныя или глотаетъ крупинки какого нибудь гомеопатическаго лекарства. Собственные инстинкты, собственные, смутныя ощущенія кажутся этимъ господамъ основательнѣе и важнѣе умозаключеній медика, основанныхъ на тщательномъ наблюденіи и на предварительномъ изученіи человѣческаго организма въ здоровомъ и въ больномъ состояніи. Этотъ самородный скептицизмъ, приводящій нерѣдко къ самымъ печальнымъ результатамъ, находитъ себѣ пищу въ недобросовѣстности и невѣжествѣ многихъ врачей и даже въ несовершенствѣ самой медицины. Иногда подобное недовѣріе оказывается справедливымъ, иногда медицинѣ или медику приходится сознаться въ своемъ безсиліи, приходится сказать: мы знаемъ далеко *не все*; но *не все* и *ничего* двѣ вещи разныя. Область медицинскихъ свѣдѣній очень обширна, она расширяется съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ годомъ увеличиваются и усиливаются тѣ средства, при помощи которыхъ изслѣдователи вносятъ свѣтъ въ темныя углы своей великой науки. Медицина, какъ извѣстно, есть практическое приложеніе свѣдѣній, добытыхъ въ области различныхъ естественныхъ наукъ; физиологія и анатомія, химія и ботаника, зоологія и физика приносятъ ей свои результаты и она пользуется ими для того, чтобы, изучивъ нормальный процессъ различныхъ отправленій человѣческаго организма, понять уклоненія, происходящія иногда въ этомъ процессѣ, угадать причины этихъ уклоненій и наконецъ нати-

средства предотвращать эти уклонения, или поправлять зло, когда оно уже сдѣлано.

Если медицина, необходимая во вседневной жизни, и составляющая только практическое приложеніе уже добытыхъ истинъ, встрѣчаетъ себѣ въ массахъ такъ много незаслуженнаго недовѣрія, то легко себѣ представить, съ какими страшными трудностями приходится бороться тѣмъ теоретическимъ наукамъ, которыя ложатся въ основаніе врачебнаго искусства. Мнѣ кажется, можно сказать безошибочно, что теоретическія истины проникаютъ въ сознаніе общества гораздо медленнѣе, чѣмъ практическія открытія и усовершенствованія. Всякій русскій человѣкъ, побывавшій въ Москвѣ, знаетъ о существованіи желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ; всякій мужикъ, грамотный или неграмотный, садится въ вагонъ, когда ему является необходимость изъ одной столицы переѣхать въ другую; тотъ же самый мужикъ, который такимъ образомъ обращаетъ въ свою пользу изобрѣтеніе, сдѣланное въ XIX вѣкѣ, вполне увѣренъ въ томъ, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Ильи и что домовый, или, какъ онъ выражается, *хозяйинъ* путаетъ по ночамъ гривы его лошадей. Такого рода суевѣріе не ограничивается неграмотнымъ сословіемъ деревенскаго и городскаго населенія: та самая милая, образованная дама, которая съ величайшимъ воодушевленіемъ толкуетъ о современной журналистикѣ, поддерживая или опровергая идеи новѣйшихъ эманципаторовъ, — блѣднѣетъ и чувствуетъ себя разстроенною при видѣ трехъ зажженныхъ свѣчей, поставленныхъ на одномъ столѣ; тотъ самый дѣльный хозяинъ, который выписываетъ для своего сахарнаго завода машины изъ Бельгіи или изъ Англіи, способенъ встать изъ-за стола, если за этимъ столомъ сидитъ тринадцать человѣкъ гостей. Суевѣріе, живущее такимъ образомъ помимо успѣховъ науки, покрываетъ сплошною корою общество и, въ большей части случаевъ, отнимаетъ у него возможность пользоваться результатами добросовѣстныхъ изслѣдованій и располагать свою жизнь сообразно съ тѣми истинами, которыя передовые люди добываютъ дорогою цѣною трудовъ и усилий.

Можетъ быть, ни одна наука не встрѣчала себѣ на пути своего развитія столько препятствій, сколько встрѣчала физиологія. Мы готовы вѣрить тому, что натуралистъ рассказываетъ намъ о цвѣткѣ, объ улиткѣ и о слонѣ; мы сами не давали себѣ труда вглядываться въ эти предметы, мы видѣли ихъ мелькомъ, не составляли себѣ о нихъ никакого округленнаго и законченнаго понятія, и слѣдовательно, въ запасъ наслѣдованныхъ или благопріобрѣтенныхъ воззрѣній не имѣемъ ничего такого, чтобы помѣшало намъ согласиться съ мнѣніями естествоиспытателя; но когда тотъ же естествоиспытатель, распространяя кругъ воихъ изслѣдованій, постепенно втягиваетъ въ этотъ кругъ организмъ

человѣка, тогда мы начинаемъ прислушиваться внимательнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаемъ чувствовать разладъ между нашими понятіями и тѣми научными фактами, которые сообщаются намъ съ самою убѣдительною наглядностью. Почувствовавъ такой неизбежный разладъ, слушатели или читатели ведутъ себя различно, смотря по темпераменту и по устройству своего мозга; одни зажимаютъ себѣ уши или бросають съ негодованіемъ начатую книгу за то, что она не гладитъ по головкѣ ихъ закоренѣлыя заблужденія; другіе, напротивъ того, чувствуя въ книгѣ вѣяніе свѣжаго воздуха, съ удвоеннымъ вниманіемъ погружаются въ чтеніе. Кто изъ нихъ поступаетъ благоразумнѣе—это такой вопросъ, котораго рѣшеніе надо предоставить на личное благоусмотрѣніе каждаго читателя. Я нахожу, впрочемъ, что уже давно пора выдти изъ области разсужденій и приступить къ фактамъ, которые гораздо рельефнѣе могутъ представить высказанныя мною идеи о развитіи естественныхъ наукъ и о ихъ постоянной борьбѣ съ невѣжествомъ массъ, съ суевѣріемъ сантиментальной публики и съ недоброжелательствомъ различныхъ инквизиторовъ, мѣнявшихъ съ вѣками свои костюмы, названія и приемы преслѣдованія.

II.

Я намѣренъ прежде всего поговорить о крови, о такомъ предметѣ, который всякому извѣстенъ по наружному виду, и который, между тѣмъ, не вполне извѣстенъ самымъ новѣйшимъ изслѣдователямъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ и по своему назначенію въ общей экономіи органической жизни.

«Кровь, говоритъ Мефистофель Фаусту, есть сокъ совсѣмъ особеннаго рода», и Фаустъ, повинувшись требованію своего руководителя, подписываетъ собственною кровью пагубный контрактъ, отдающій его душу въ распоряженіе мрачнымъ силамъ ада; въ средніе вѣка такого рода контракты, заключавшіеся довольно часто, если вѣрить легендамъ, всегда подписывались кровью и вслѣдствіе этого получали свою таинственную силу; кровью подписывались священныя клятвы; заключая между собою союзъ военнаго братства, два витязя обыкновенно смѣшивали нѣсколько капель своей крови съ тѣмъ виномъ, которое они выпивали въ честь своего побратимства; кровь невинныхъ мальчиковъ употреблялась колдунами для узнаванія будущаго и алхимиками для приготовленія жизненнаго эликсира; побѣдивъ своего врага, дикарь пилъ его горячую кровь, чтобы присвоить себѣ силу и мужество убитаго воина; кровью

жертвеннаго животнаго обливались съ головы до ногъ Римляне, желавшіе очиститься отъ совершеннаго преступленія; вампиръ или упырь, выходящій изъ могилы, сосеть кровь живыхъ людей и вмѣстѣ съ кровью высасываетъ изъ нихъ силу и жизнь. Мы до сихъ поръ въ нашемъ разговорномъ языкѣ придаемъ крови чрезвычайно важное значеніе; о горячей, молодецкой крови поютъ наши народныя пѣсни; въ немъ кипитъ молодая кровь, говоримъ мы, желая обозначить пылкій характеръ живаго юноши.

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства,
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь...

говоритъ Некрасовъ о своемъ «тяжеломъ, неуклюжемъ стихѣ», и мы вполнѣ понимаемъ это образное выраженіе, не смотря на его очевидную неточность. «Въ его жилахъ текла благородная кровь великихъ предковъ», говоритъ какой нибудь велерѣчивый панегиристъ, и мы, къ сожалѣнію, понимаемъ это выраженіе, не смотря на всю его нескладную напыщенность. Кровь играетъ, такимъ образомъ, очень видную роль въ повѣрьяхъ и сказкахъ, въ поэзіи и въ риторикѣ, словомъ, въ разнородныхъ созданіяхъ человѣческой фантазіи. Это обстоятельство доказываетъ намъ, что люди инстинктивно сознавали важное значеніе крови для различныхъ отправленій органической жизни; это инстинктивное сознаніе выражалось и до сихъ поръ выражается въ тѣхъ медицинскихъ понятіяхъ, которыя находятся во вседневномъ обращеніи; одинъ пациентъ жалуется доктору на *полнокровіе*, другой на *малокровіе*; одинъ находитъ, что у него кровь слишкомъ густа, другой убѣжденъ въ томъ, что она черезчуръ жидка, третій острою кровью объясняетъ происхожденіе разныхъ кожныхъ сыпей или нарывовъ.

Новѣйшая рациональная физиологія соглашается въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ преданіями и народными вѣрованіями, съ поэтами, говорящими о крови и съ пациентами, жалующимися на различныя свойства своей крови; она соглашается съ этими господами въ томъ отношеніи, что признаетъ несомнѣнную важность крови для существованія и для развитія всякаго организма. Затѣмъ она желаетъ счастливаго пути всѣмъ фантазерамъ, приписывающимъ крови какія бы то ни было таинственныя свойства поворачивается спиною къ панегиристамъ, прославляющимъ благородную кровь чьихъ бы то ни было предковъ, и, вооружившись сильно увеличивающимъ микроскопомъ, кладетъ подъ его предметное стекло каплю красной жидкости, обращающейся въ нашихъ венахъ и артеріяхъ. Въ этой каплѣ, положенной подъ микроскопъ, изслѣдователь можетъ видѣть милліоны крошечныхъ шариковъ, насыпанныхъ кучами другъ на друга и плавающихъ въ безцвѣтной жидкости. Если взять каплю неразбавленной крови, то при самомъ сильномъ увеличеніи

микроскопа будетъ совершенно невозможно разглядѣть устройство отдѣльныхъ шариковъ; поэтому, для наблюденія надъ микроскопическимъ составомъ крови, лучше всего развести взятую каплю въ такой жидкости, которая бы не разлагала кровяныхъ шариковъ. Капля этой разсыропленной жидкости, положенная подъ микроскопъ, покажетъ, пожалуй, нѣсколько тысячъ плавающихъ шариковъ; но, такъ какъ число ихъ все-таки на томъ же пространствѣ окажется значительно меньше, чѣмъ оно было въ цѣльной крови, то наблюдателю будетъ гораздо легче рассмотретьъ ихъ устройство. Каждый шарикъ величиною своею равняется одной трехсотой части линіи, т. е. надо положить рядомъ 5000 такихъ шариковъ, чтобы составить длину вершка; каждый изъ нихъ состоитъ изъ чрезвычайно тонкаго эластическаго пузырька, наполненнаго жидкостью; и пузырекъ, и жидкость отдѣльнаго шарика подъ микроскопомъ оказываются безцвѣтными.

Я предчувствую, что здѣсь проявится въ читателѣ самородный скептицизмъ. — Какъ же это такъ? спроситъ онъ съ улыбкою, безцвѣтные шарики плаваютъ въ безцвѣтной жидкости, а кровь, составленная изъ шариковъ и жидкости отличается темнокраснымъ цвѣтомъ. Это я знаю лучше всякаго физиолога.

— Совершенно справедливо, г. читатель, отвѣчу я. Потрудитесь только произвести слѣдующій, несложный опытъ. Положите другъ на друга листовъ 20 самаго лучшаго стекла и посмотрите тогда, покажется ли вамъ эта стеклянная гора прозрачною и безцвѣтною. Можете повторить тотъ же опытъ надъ рѣкою: вы знаете, конечно, что Нева въ самую тихую погоду не покажется вамъ массою прозрачной жидкости; зачерпните стаканъ воды изъ этой синеватой рѣки и вы увидите, что эту воду можно будетъ назвать вполне безцвѣтною.

Смотря на каплю крови, вы должны помнить, что въ ней лежатъ другъ на другѣ *тысячи* безцвѣтныхъ шариковъ или пузырьковъ, заключающихъ въ себѣ невообразимо маленькую капельку жидкости, окрашенной совершенно незамѣтнымъ оттѣнкомъ краснаго цвѣта. Чѣмъ больше шариковъ навалено другъ на друга, тѣмъ опредѣленнѣе и темнѣе становится красный цвѣтъ. Простая капля крови кажется намъ свѣтло-красною, а ведро крови покажется почти чернымъ.

Форма этихъ пузырьковъ не вполне шарообразна, такъ что названіе кровяныхъ шариковъ можно допустить съ грѣхомъ пополамъ; они скорѣе похожи на чечевичныя зерна; у человѣка и у большей части млекопитающихъ эти чечевичеобразныя пузырьки отличаются круглою формою; у птицъ, рыбъ и амфибій, кромѣ того, у верблюда, дромадера и ламы кровяные пузырьки имѣютъ продолговатую форму. Величина этихъ пузырьковъ у различныхъ животныхъ бываетъ различная, но величина ихъ никакъ не зависитъ отъ величины самаго животнаго. Крошечная

мышь въ этомъ отношеніи стоитъ на однихъ правахъ съ благородною лошадыю. Слонь оказывается однако вполне послѣдовательнымъ, и размѣры его кровяныхъ шариковъ сообразуются съ размѣрами его колоссальнаго тѣла; по крайней мѣрѣ ни у кого изъ млекопитающихъ нѣтъ такихъ большихъ кровяныхъ пузырьковъ, какъ у слона.

При крайней незначительности своего объема, при гладкости и эластичности своей кожи, кровяные пузырьки свободно скользятъ вдоль стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ, проходятъ въ самые тонкіе волосные сосудцы и такимъ образомъ въ короткое время пробѣгаютъ чрезъ всѣ запутанныя развѣтвленія нашихъ артерій и венъ. Подвижность этихъ шариковъ или пузырьковъ подавала поводъ къ самымъ страннымъ гипотезамъ, которыя, не смотря на свою очевидную нелѣпность, находили себѣ горячихъ защитниковъ. Нѣкоторые изслѣдователи приняли эти пузырьки за микроскопическихъ животныхъ, принадлежащихъ къ классу инфузорій, одаренныхъ самостоятельною способностью движенія и завѣдывающихъ отправленіями нашей крови по собственному, свободному влеченію. Эти воображаемыя животныя получили названіе первобытныхъ животныхъ (Urthiere) и изслѣдователи, подарившіе такимъ образомъ нашей планетѣ неисчислимое количество живыхъ существъ, выразили то мнѣніе, что изъ этихъ существъ, какъ изъ первой основы всякаго органическаго бытія, образуются всѣ ткани и отдѣльныя части нашего тѣла. Овладевъ этою своеобразною идеею, философія природы, по свойственному ей стремленію исцѣпать конечныхъ выводовъ и дѣлать общія заключенія, настроила множество самыхъ удивительныхъ системъ, которыя, какъ карточные домики, валятся отъ малѣйшаго прикосновенія непосредственнаго, непредубѣжденнаго наблюденія. Очень недавно одинъ англичанинъ Тоддъ написалъ цѣлую книгу о кровяныхъ животныхъ, которыя называются у него bloodliving-animals или болѣе ученымъ терминомъ — haematozoa. Онъ приписываетъ имъ разныя электрическія и химическія свойства; онъ даже думаетъ, что электрическія силы, заключающіяся въ этихъ животныхъ, могутъ объяснить собою то половое влеченіе, по которому мужчина и женщина стремятся сблизиться между собою.

Новѣйшая физиологія доказала самымъ нагляднымъ образомъ, что всѣ эти попытки населить кровь легионами живыхъ существъ относятся къ области чистой фантазіи. Кровь движется въ артеріяхъ и въ венахъ точно также, какъ могла бы двигаться въ нихъ какая нибудь другая жидкость, повинующаяся давленію насоса. Что же касается до кровяныхъ шариковъ, то они не затрудняютъ ея движенія, потому что они, какъ я уже замѣтилъ, очень малы по объему, очень гладки и эластичны. Назначеніе кровяныхъ шариковъ состоитъ, по мнѣнію Бюхнера, въ томъ, чтобы, проходя чрезъ легкія, насыщаться кислородомъ и проносить этотъ кислородъ, необходимый для поддержанія органической жизни, въ различныя части

и окончности тѣла. Сами кровяные пузырьки, какъ и всѣ составныя части организма, разрушаются и выдѣляются изъ живаго тѣла, замѣняясь новыми пузырьками, образующимися изъ принимаемой пищи.

Какимъ образомъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они разрушаются — до сихъ поръ рѣшительно неизвѣстно.

Кровь, выпущенная изъ живаго тѣла, свертывается или запекается, т. е. разлагается на свѣтлую, желтоватую жидкость и на болѣе твердую студенистую, темнокрасную массу, состоящую изъ кровяныхъ шариковъ и изъ воловнины, отдѣлившейся отъ той безцвѣтной жидкости, въ которой плавали пузырьки. Эта воловнина состоитъ изъ соединенія кислорода, водорода, углерода и азота и отличается своею способностью свертываться тотчасъ послѣ выхода крови изъ кровеносныхъ сосудовъ.

Разложеніе крови, вышедшей изъ живаго тѣла, давно уже обращало на себя вниманіе медиковъ и изслѣдователей. Самъ отецъ медицины Гиппократъ занимался этимъ вопросомъ, но не умѣлъ разрѣшить его. Дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что изслѣдователи говорили: *кровь умираетъ*, т. е. живая жидкость, сохраняющая свои свойства, благодаря силамъ живаго организма, теряетъ свои отличительныя качества, покидая то тѣло, которому она принадлежала. Объясняя такимъ образомъ разложеніе крови, изслѣдователи не замѣчали того, что они только другими словами называли непонятый ими фактъ. У нихъ спрашивали: отчего свертывается кровь? А они на это отвѣчали: кровь умираетъ. Дѣло очевидно не подвигалось впередъ; мало того, предполагая какую-то таинственную, необъяснимую связь между кровью и тѣмъ организмомъ, въ которомъ она содержится, изслѣдователи ввели въ область своей науки несчастное понятіе жизненной силы, которое долгое время отводило глаза наблюдателямъ. То, что не могло быть объяснено физическими и химическими законами, сваливалось на жизненную силу и причислялось такимъ образомъ къ области необъяснимаго. Сердце билось вслѣдствіе жизненной силы, кровь обращалась вслѣдствіе жизненной силы, кровь свертывалась потому, что ее покидала жизненная сила. Такимъ образомъ всѣ физиологическіе вопросы рѣшались легко и свободно, но такъ какъ жизненная сила оставалась понятіемъ совершенно неопредѣленнымъ и расплывающимся въ пространство, то такая метода рѣшенія раскидывала непроницаемое покрывало на всѣ отправленія, совершающіяся внутри организма. Теперешніе физиологи дѣйствуютъ гораздо проще; они подробно описываютъ то, что они видѣли и прямо говорятъ, что того или другаго имъ пока еще не удавалось изслѣдовать. Нерѣшеннаго много, но за то нѣтъ полурѣшеній, нѣтъ шарлатанства въ терминахъ и объясненіяхъ.

Бюхнеръ прямо говоритъ, что причины разложенія крови еще не найдены.

Дѣйствиємъ атмосфернаго воздуха нельзя объяснить этого явленія, потому что кровь можетъ свертываться даже внутри живаго организма, въ тѣхъ кровеносныхъ сосудахъ, въ которыхъ правильное обращеніе оказывается нарушеннымъ. Отсутствіемъ движенія также не объясняется разложеніе крови, потому что выпущенная кровь разлагается и въ томъ случаѣ, если мы станемъ болтать ее въ бутылкѣ. При взбалтываніи крови окажется только, что волокнина не успѣетъ соединиться съ кровяными шариками и осадеть отдѣльными хлопьями. Если же мы будемъ постоянно размѣшивать свѣжую кровь или бить ее гибкою палкою, то осѣдающая волокнина, приставаая къ палкѣ, будетъ выдѣляться изъ крови; такимъ образомъ можно будетъ выдѣлить изъ крови всю волокнину, и тогда оставшаяся масса крови, состоящая изъ водянистой жидкости и кровяныхъ шариковъ, вовсе не свернется; впрочемъ составъ ея будетъ, конечно, значительно измѣненъ; взбивая кровь палкою, мы не препятствуемъ ея разложенію, а только чисто-механическимъ путемъ удаляемъ изъ нея волокнину; взбитая кровь будетъ существенно отличаться отъ той свѣжей крови, которую мы выпустили изъ жилъ животнаго; несмотря на то, эта взбитая кровь, остающаяся вслѣдствіе этой операціи въ жидкомъ состояніи, оказывается пригодною для техническаго медицинскаго употребленія: иногда, когда человѣкъ, потерявшій значительное количество крови, подвергается опасности умереть, ему разрѣзываютъ жилу и въ эту жилу впускаютъ битую кровь; такого рода операція возможна на томъ основаніи, что организмъ паціента собственными силами дополнить потребное количество недостающей волокнины и такимъ образомъ обойдется съ битой кровью также удобно, какъ будто бы она была свѣжая.

Волокнина, выдѣленная изъ крови, твердѣетъ въ видѣ студенистой массы и принимаетъ зеленовато-желтый цвѣтъ; иногда, свертываясь вмѣстѣ съ кровью, волокнина осѣдаетъ сверхъ темнокрасной массы и образуетъ надъ нею желтоватую кору. Медики придумали для этой коры особое названіе *crusta inflammatoria* (воспалительная кора) и даже дошли до того ошибочнаго убѣжденія, будто эта кора образуется надъ темнокрасною массою крови только въ томъ случаѣ, если кровь выпущена изъ жилъ паціента, находящагося въ воспаленномъ состояніи. Это ошибочное убѣжденіе часто приводило къ печальнымъ практическимъ результатамъ. Убѣжденный въ томъ, что его паціентъ страдаетъ отъ воспаления, докторъ продолжаетъ кровопусканія и такимъ образомъ постоянно отнимаетъ у больнаго тѣ силы, которыя могутъ быть необходимы для его выздоровленія. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, мы можемъ заключить, что графъ Кавуръ умеръ именно вслѣдствіе того, что лечившіе его медики, держась ошибочнаго мнѣнія о *crusta inflammatoria*,

истощили его организмъ излишними и положительно вредными кровопусканіями.

Убѣжденіе медиковъ насчетъ того, что кора изъ волокнины образуется надъ запекшеюся кровью только въ случаѣ воспаленія пациента, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что подобная кора можетъ образоваться даже въ свернувшейся крови субъекта, подверженнаго блѣдной немочи (Bleichsucht). Блѣдная немочь состоитъ въ томъ, что въ общемъ составѣ крови убавляется количество кровяныхъ пузырьковъ. Кровь становится такимъ образомъ водянистѣе и свѣтлѣе по цвѣту. Пускать кровь больному, страдающему отъ блѣдной немочи очень опасно, потому что онъ и безъ того слабъ вслѣдствіе недостаточнаго количества кровяныхъ пузырьковъ. Медикъ, который захотѣлъ бы лечить такого больного, осмысливая по-своему образование *воспалительной коры*, подвергается опасности зарѣзать пациента своимъ ланцетомъ.

Вообще докторъ долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ распознаваніи болѣзненныхъ симптомовъ. Чѣмъ обширнѣе становится научная область физиологін, тѣмъ сильнѣе суживается область общихъ симптомовъ. Каждый болѣзненный случай имѣетъ свои причины, свою исторію, свое развитіе; каждое явленіе, совершающееся въ человѣческомъ организмѣ, обусловливается множествомъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть разсказаны заранѣе; эти обстоятельства надо прослѣдить и сообразить на мѣстѣ; здѣсь не выручить общее правило; здѣсь необходимы навыкъ, знаніе множества частныхъ случаевъ и величайшая внимательность въ разсмотрѣніи даннаго казуса. Химическій составъ человѣческой крови отличается значительною сложностью; въ нашей крови есть поваренная соль, которая сообщаетъ ей довольно замѣтный вкусъ, и желѣзо, которое, въ соединеніи съ кислородомъ, является причиною краснаго цвѣта крови.

Желѣзо было открыто въ крови французомъ Мери, и это любопытное открытіе возбудило множество химерическихъ идей и надеждъ. Нашлись люди, которые стали думать, что желѣзо, заключающееся въ крови, можетъ имѣть важное значеніе для промышленности, что изъ этого желѣза можно выковывать мечи, кочерги и тому подобные общепользные инструменты. Другіе господа посмотрѣли на дѣло съ болѣе сантиментальной точки зрѣнія: послышалось желаніе, чтобы изъ крови великихъ людей выковывались послѣ ихъ смерти жетоны или медали. Всѣ эти предположенія оказались совершенно невыполнимыми.

Нашлось, что, если выпустить всю кровь изъ цѣлой сотни людей, то наберется около одного аптекарскаго фунта металлическаго желѣза. Желѣзные рудники, открывшіеся такимъ образомъ въ жилахъ людей и животныхъ, оказались на столько скудными, что никто не взялъ на

себя труда разработывать ихъ, и никто не выпросилъ себѣ привилле-
гій на эту новую отрасль промышленности.

Узнавъ о томъ, что въ крови человѣка заключается желѣзо, одинъ
парижскій студентъ медицины выдумалъ подарить своей любовницѣ же-
лѣзное кольцо, добытое изъ собственной крови. Предмету его любви
было бы вѣроятно пріятнѣе получить въ подарокъ какую нибудь золо-
тую вещицу, а самому студенту было бы легче добыть деньги на по-
купку дорогой бездѣлушки путемъ усиленнаго труда, вмѣсто того, что-
бы постоянно ослаблять себя извлеченіемъ желѣза изъ собственнаго
тѣла. Но онъ разсудилъ иначе: ему понравилась его странная идея, и
онъ принялся безо всякой надобности пускать себѣ кровь черезъ из-
вѣстные промежутки времени. Собираніе желѣза шло очень медленно;
нетерпѣніе молодого мечтателя было слишкомъ велико; онъ поторопил-
ся, выпустилъ за одинъ разъ слишкомъ много крови и умеръ, не ус-
пѣвши привести въ исполненіе своего оригинальнаго намѣренія. Если
подобныя нелѣпости предпринимались вслѣдствіе того обстоятельства,
что въ крови заключаются ничтожныя частички самаго дешеваго ме-
талла, то можно себѣ представить, сколько преступленій совершалось
бы въ томъ случаѣ, когда бы вмѣсто желѣза въ составъ крови входило
бы, на примѣръ, золото. Убійства вѣроятно, сдѣлались бы весьма
обыкновенными происшествіями; охотниковъ пускать кровь себѣ и дру-
гимъ нашлось бы несмѣтное количество; эпитетъ *кровотѣца*, который
придается теперь слишкомъ жаднымъ ротавицикамъ, принимался бы
тогда въ буквальномъ значеніи этого слова. Игроки могли бы ставить
на карту часть своей крови, точно также, какъ теперь они ставятъ на
 карту необходимыхъ деньги и вещи. Словомъ, число нелѣпостей и га-
достей, совершающихся теперь, вѣроятно увеличилось бы въ десятеро.

Взглянувъ на ту бездну несчастій, въ которую погрузилось бы че-
ловѣчество, еслибы въ его жилахъ открылись золотыя рудники, я по-
неволѣ становлюсь оптимистомъ и, обращаясь къ нравственному чув-
ству читателя, предлагаю ему торжественный вопросъ: осмѣлится ли
онъ послѣ этого изъявить малѣйшее сомнѣніе въ благодати Провидѣнія?

Кромѣ твердыхъ и жидкихъ веществъ, входящихъ въ составъ крови,
надо упомянуть еще о веществахъ газообразныхъ, образующихъ различ-
ныя химическія соединенія съ твердыми и жидкими составными частями
крови. Въ крови нѣтъ газовъ, находящихся въ свободномъ состояніи;
если нѣкоторое количество атмосфернаго воздуха попадетъ въ кровеносный
сосудъ, то оно можетъ нарушить весь порядокъ кровообращенія и повести
къ мгновенной смерти разсматриваемаго субъекта. Такого рода опыты
производились надъ животными; имъ вбрызгивали воздухъ въ открытыя
жилы посредствомъ воздушнаго насоса, и они издыхали среди сильныхъ
конвульсій. Иногда случается, что воздухъ проникаетъ въ кровеносный

сосудъ пациента при большихъ хирургическихъ операціяхъ; тогда больной мгновенно умираетъ. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что газы, находящіеся въ крови, должны непременно образовать съ твердыми и жидкими веществами химическія соединенія.

Кислородъ, воспринимаемый организмомъ при вдыханіи атмосфернаго воздуха, соединяется съ кровью, протекающею черезъ легкія и, окисляя желѣзистое содержаніе кровяныхъ шариковъ, придаетъ всей крови ярко-красный цвѣтъ, которымъ она отличается при выходѣ своемъ изъ легкихъ. Углекислота накапливается въ крови во время ея прохожденія черезъ волосныя сосуды, т. е. черезъ тончайшія развѣтвленія жилъ, находящіяся возлѣ поверхности тѣла; она образуется изъ соединенія кислорода, заключающагося въ крови, съ углеродомъ тѣхъ органическихъ тканей, черезъ которыя проходитъ кровь. Углекислота эта выдѣляется изъ легкихъ при выдыханіи; она придаетъ крови темный цвѣтъ, и потому кровь, пройдя черезъ легкія, получаетъ болѣе свѣтлый и яркій цвѣтъ.

Азотъ, проходящій въ кровь изъ пищи и изъ атмосфернаго воздуха, выдѣляется черезъ почки, въ формѣ мочи, въ соединеніи съ водою.

Въ крови совершается такимъ образомъ весь химическій процессъ превращенія воздуха и пищи въ органическія ткани нашего тѣла. Образованіе крови происходитъ отчасти отъ принятія пищи, отчасти отъ вдыханія атмосфернаго воздуха. Люди, страдающіе чахоткою, т. е. поврежденіемъ легкихъ, худѣютъ и сохнутъ, не смотря на предлагаемую имъ питательную пищу и не смотря на то, что они часто до послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни сохраняютъ полный аппетитъ. Недостатокъ воздуха, который ослабѣвшія легкія уже не могутъ принимать въ необходимомъ количествѣ, отнимаетъ у крови притокъ кислорода и, такимъ образомъ, существенно измѣняя ея составъ, нарушаетъ нормальный процессъ питанія и жизни.

Количество всей крови, находящейся въ тѣлѣ взрослого человѣка, заключаетъ въ себѣ по вѣсу около 13 фунтовъ. По мнѣнію однихъ изслѣдователей вся масса крови составляетъ одну восьмую часть вѣса всего человѣческаго тѣла; по мнѣнію другихъ — только одну тринадцатую.

Организмъ выдерживаетъ значительныя потери крови, если только эти потери совершаются не вдругъ, а слѣдуютъ другъ за другомъ черезъ извѣстныя промежутки времени. Опыты, произведенные надъ животными, показали, что можно, не убивая самаго животного, въ нѣсколько пріемовъ выпустить изъ его жилъ такое количество крови, которое превосходитъ вѣсъ его собственнаго тѣла. Но въ одинъ разъ достаточно, чтобы убить животное или человѣка, выпустить изъ него количество крови, равняющееся одной двадцать пятой части его вѣса.

III.

Обращение крови, необходимое для процесса жизни, совершается от сердца к оконечностям и к поверхности тела, и от поверхности обратно к сердцу. Механизм кровообращения объясняется очень просто следующими наглядным примеромъ.

Представьте себе полый гуттаперчевый шаръ, въ которомъ въ двухъ мѣстахъ прорѣзаны два круглыя отверстія. Къ этимъ двумъ отверстіямъ придрѣланы двѣ длинныя, гибкія трубочки; отверстія шара закрываются клапанами, которые оба отворяются въ одну сторону, положимъ, вправо.

Весь снарядъ, т. е. шаръ и оба колѣна трубки наполнены водою; свободные концы трубочекъ, т. е. концы непривѣланные къ шару, спаяны между собою такъ плотно, что спайка не пропускаетъ воздуха. Если вы рукою сожмете шаръ, то вода, заключающаяся въ немъ, будетъ выдавлена и черезъ тотъ клапанъ, который отворится наружу, потечетъ въ трубочку; но трубочка и безъ того полна водою, и потому жидкость, уступая напору вновь притекающей воды, ударяетъ въ другой клапанъ и входитъ въ шаръ. Вы еще разъ сжимаете его рукою, и опять повторяется то же самое явленіе, т. е. часть воды опять вытѣсняется изъ шарика и опять замѣняется такимъ же количествомъ воды, прилившей съ другаго конца, вслѣдствіе того же самаго давленія. Еслибы трубочки, по выходѣ своемъ изъ шара, раздѣлились на два канала, потомъ на четыре, потомъ на восемь, и т. д., еслибы всѣ эти развѣтвленія были спаены между собою и такимъ образомъ опять сходились бы въ одну общую трубку, сообщающуюся съ шаромъ, то отъ этого обстоятельства процессъ обращенія жидкости не измѣнился бы.

Роль гуттаперчеваго шара играетъ въ телѣ животныхъ и человѣка сердце, которое, сжимаясь и расширяясь, попеременно выгоняетъ изъ себя кровь въ артеріи и принимаетъ кровь, притекающую изъ венъ. Система артерій и венъ, раскинувшихъ свои отроги и развѣтвленія во всѣ части тела, раздробившихся на безчисленное множество микроскопически-тонкихъ волосныхъ сосудовъ и охватившихъ почти сплошною сѣтью тело животнаго подъ самою его кожею, — замѣняетъ собою въ организмѣ тѣ гибкія трубочки, о которыхъ я говорилъ въ моемъ примѣрѣ. Въ артеріяхъ и въ венахъ существуетъ сложная система клапановъ, отворяющихся только по одному направленію и потому непускающихъ обратно въ сердце ту часть крови, которая уже вышла въ артеріи вслѣдствіе его сжатія. Вслѣдствіе этого устройства клапановъ, кровь принуждена при каждомъ сжатіи сердца подвигаться впередъ по

артеріямъ; подвигаясь такимъ образомъ дальше и дальше отъ сердца къ поверхности тѣла, она наконецъ входитъ въ волосные сосуды; дальше идти впередъ некуда, а между тѣмъ новыя волны крови, напирající изъ сердца, тѣснятъ попрежнему; волосные сосуды отъ поверхности тѣла поворачиваютъ опять къ центру и кровь, конечно, течетъ туда, куда направлены эти каналы, потому что изъ нихъ нѣтъ никакого выхода. Съ той минуты, какъ сосуды поворачиваютъ назадъ къ центру, они начинаютъ называться венами; по мѣрѣ приближенія къ сердцу, тонкія вены соединяются между собою подобно тому, какъ ручьи сліяніемъ своимъ образуютъ рѣки; наконецъ венозная кровь, насытившаяся углекислотою во время своего путешествія по тѣлу, черезъ толстыя вены вливается въ сердце, а сердце опять сжимается и кровь опять отправляется гулять по артеріямъ.

Въ статьѣ «Процессъ жизни», написанной по поводу физиологическихъ писемъ Карла Фохта и помѣщенной въ началѣ этой части, я говорилъ довольно подробно о маршрутѣ крови въ тѣлѣ человѣка. Теперь я поговорю о дѣятельности сердца и о различныхъ особенностяхъ этого важнаго и интереснаго органа.

Прежде всего надо замѣтить, что сердце, подобно желудку и легкимъ, относится къ тѣмъ органамъ, отъ которыхъ зависитъ исключительно растительная жизнь. Сердце своими движеніями производитъ кровообращеніе, но оно не воспринимаетъ никакихъ впечатлѣній, и не сообщаетъ нашимъ поступкамъ никакого импульса. Любовь, ненависть, желанія, надежды, волненія, страхъ, горе, радость—не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью сердца и не могутъ доставить сердцу ни пріятнаго, ни тяжелаго ощущенія. Малѣйшее нарушеніе въ дѣятельности сердца ведетъ за собою болѣзненное разстройство, которое часто оканчивается смертію, но такого рода нарушенія происходятъ не отъ горести, не отъ душевнаго страданія, а оттого, что расхлябался какой нибудь клапанъ, распухъ тотъ полый мускулъ, который называется сердцемъ, или засорилось то или другое отверстіе, ведущее къ артеріи. Болѣзни сердца имѣютъ чисто физическія причины, и сердце наше само по себѣ также нечувствительно къ нашимъ радостямъ и страданіямъ, какъ нечувствителенъ желудокъ, постоянно занимающійся своею скромною поварскою должностію.

Впрочемъ, нельзя отрицать тотъ фактъ, что душевныя волненія могутъ нарушить до нѣкоторой степени нормальную дѣятельность сердца. Воспринимая впечатлѣнія нервами, мы въ этихъ самыхъ нервахъ чувствуемъ ощущенія радости, горя, страха и т. д. Напряженное или раздраженное состояніе нервовъ отзывается во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, потому что нервы проходятъ въ нихъ своими развѣтвленіями, и переплетаясь тонкими ниточками съ кровеносными сосудами, могутъ

сжимать ихъ независимо отъ нашей воли. Мы часто краснѣемъ вовсе не въ попадъ, тогда, когда не слѣдовало бы и не хотѣлось бы краснѣть; мы краснѣемъ совершенно произвольно, и это дѣлается единственно потому, что нервы, повинуясь внезапно воспринятому впечатлѣнію, мгновенно нарушаютъ нормальный ходъ кровообращенія и дольше, чѣмъ слѣдовало бы, задерживаютъ въ лицѣ ту кровь, которая должна возвращаться къ сердцу.

Если наши нервы поражены какимъ нибудь сильнымъ и прочнымъ впечатлѣніемъ, то они могутъ нарушить весь процессъ кровообращенія и вслѣдствіе этого измѣнить состояніе сердца, которое такимъ образомъ совершенно произвольно, пассивно и безсознательно испытываетъ на себѣ реакцію нашихъ психическихъ ощущеній. Точно также можетъ испытать эту реакцію и желудокъ; если вы огорчены, вы можете потерять аппетитъ не потому, что желудокъ сочувствуетъ вашему горю, а потому, что напряженіе вашей нервной системы отнимаетъ у васъ возможность внимать скромно заявляемымъ требованіямъ вашего пищеварительнаго органа.

Словомъ, всѣ ощущенія воспринимаются только нервами, а нервы, получивши извѣстное сотрясеніе, могутъ нарушить или измѣнить дѣятельность такихъ органовъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ ощущеній. Мы чувствуемъ боль только въ нервахъ; ни мускулы, ни кровеносные сосуды, ни желудокъ, ни сердце не могутъ страдать; страдаютъ только прилегающіе къ нимъ нервы. Все это такъ, скажетъ читатель, но если сердце все оплетено нервами, то оно, конечно, способно страдать, потому что оплетающіе его нервы составляютъ одну изъ его частей.

— Конечно, отвѣчу я, это было бы совершенно справедливо, если бы сердце дѣйствительно было оплетено нервами, но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Сердце совершенно лишено чувствительности, какъ на поверхности своей, такъ и въ своемъ центрѣ. Нервы, находящіеся въ сердцѣ, относятся къ тому разряду нервовъ, которые проводятъ движеніе, но не сообщаютъ ощущеніе. Есть люди, у которыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго развитія грудныхъ костей, существуетъ отверстіе, позволяющее видѣть и даже ощупывать рукою сердце. Это ощупываніе не причиняетъ имъ не только ни малѣйшей боли, но даже ни малѣйшаго ощущенія. Рана, нанесенная человѣку въ сердце и ведущая за собою неизбѣжную смерть, заставитъ его страдать не потому, что она тронула сердце, а потому, что она по дорогѣ изломала грудныя кости и изорвала грудныя ткани.

Болезни сердца, нарушающія весь процессъ кровообращенія, приводятъ все тѣло въ состояніе ненормальной раздражительности и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ оказать значительное вліяніе на душевное настро-

ніе паціента. Бывають впрочемъ и такіа болѣзни сердца, которыя, не смотря на всю свою важность, не причиняють ни малѣйшей боли, позволяють паціенту веселиться и наслаждаться жизнью, и до послѣдней роковой минуты укрываются даже отъ его собственнаго вниманія. И такъ сердце—ничто иное, какъ безсознательно дѣйствующій насосъ, необходимый для того, чтобы приводить въ движеніе кровь животнаго, но совершенно нечувствительный къ впечатлѣніямъ физическаго и духовнаго міра.

Когда мы говоримъ: у такого-то человѣка доброе сердце, а у такого-то нѣтъ сердца, когда Французы говорятъ съ воодушевленіемъ: *c'est un coeur d'or, il a du coeur*—*cet homme*, когда Нѣмцы толкуютъ съ умиленіемъ объ *herzliche Liebe, herzlicher Kummer*, то всѣ мы, Русскіе, Французы и Нѣмцы, говоримъ такіа вещи, для которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ соотвѣтствующихъ явленій. Не имѣя никакого понятія о физиологіи, мы замѣняемъ дѣйствительныя знанія созданіями нашей фантазіи и надѣляемъ сердце, которымъ мы почему-то особенно интересуемся, небывальными, невозможными и неестественными свойствами, качествами, достоинствами и пороками.

Одно французское выраженіе, навсегда утвердившееся въ языкѣ, показываетъ чрезвычайно наглядно ложность тѣхъ физиологическихъ воззрѣній, которыми пробавляется публика. *J'ai mal au coeur*, какъ извѣстно, значить по-французски: меня тошнитъ. Тошнота объясняется, такимъ образомъ, болью въ сердцѣ, между тѣмъ какъ она, очевидно, не имѣетъ съ сердцемъ ничего общаго. При тошнотѣ страдаетъ только желудокъ, и если страданія желудка переносятся такимъ образомъ въ сердце, то изъ этого можно вывести слѣдующія два заключенія: во-первыхъ, люди, соорудившіе это выраженіе, не имѣли понятія о мѣстоположеніи сердца; во-вторыхъ, они никогда не чувствовали боли въ сердцѣ, потому что перенесли на сердце ощущенія другого органа, не имѣющаго съ нимъ никакихъ сношеній и ни малѣйшаго сходства.

Жизнь, или вѣрнѣе, біеніе сердца начинается до рожденія животнаго и продолжается до самой смерти, или вѣрнѣе, сердце продолжаетъ биться даже тогда, когда всѣ остальные признаки жизни покидаютъ тѣло. Когда куриное яйцо пролежало нѣсколько дней подъ насѣдкою, то въ немъ начинаетъ обозначаться сердце въ видѣ маленькой, красной точки, находящейся въ постоянномъ движеніи.

Это движеніе сердца начинается тогда, когда еще не существуетъ ни крови, ни нервовъ; слѣдовательно, причину этого движенія, начавшагося такъ рано, надо искать въ раздражительности самыхъ мускулистыхъ частей сердца, а не въ вліяніи крови и даже не въ дѣйствіи нервовъ. Говоря такимъ образомъ, что причина движенія заключается не въ нервахъ, я не хочу сказать, чтобы нервы, проходящіе отъ мозга

къ сердцу, не имѣли никакого вліянія на темпъ этого движенія. Нервы эти, при извѣстномъ раздраженіи, могутъ замедлить или задержать біеніе сердца; потомъ, за этою мгновенною задержкою, послѣдуетъ ускоренная дѣятельность сердца, которое, однако, несмотря на свои подчиненныя отношенія къ нервамъ, бьется все-таки по собственному, внутреннему импульсу.

• Сердце, вынутое изъ тѣла животнаго и слѣдовательно оторванное отъ всякой связи съ нервной системою, продолжаетъ биться нѣсколько времени. Вырѣзанныя лягушечьи сердца прыгаютъ на столѣ натуралиста въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, сначала быстро и сильно, потомъ постепенно слабѣе и медленнѣе. Это самостоятельное движеніе вырѣзанныхъ сердець можетъ быть поддержано въ продолженіи нѣсколькихъ дней, если только не давать сердцамъ высохнуть и сохранять въ окружающемъ воздухѣ умѣренную теплоту. «Это, говоритъ Льюисъ, одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя наполняютъ духъ анатома какою-то невольною робостью. Онъ съ дѣтства привыкъ видѣть какое-то таинственное соотношеніе между біеніемъ сердца и жизнью организма, и вдругъ онъ видитъ это біеніе при такихъ обстоятельствахъ, которыя отгоняютъ всякую мысль о жизни и движеніи. Что же значить это біеніе? Въ немъ не видно равномѣрныхъ движеній жизни, не видно раздраженія испуга; его нельзя принять за дѣйствіе инстинкта. Убить и разрушенъ тотъ чудесный механизмъ, котораго центромъ было сердце, и вотъ рядомъ съ мертвымъ тѣломъ лежитъ этотъ органъ и продолжаетъ биться, будто самъ по себѣ хочетъ бороться со смертію.»

• Сердце, переставшее биться послѣ смерти животнаго или человѣка, можетъ, посредствомъ электрическаго тока, еще разъ получить на нѣкоторое время способность сжиматься и расширяться. Подобные опыты производились нерѣдко надъ сердцами повѣшенныхъ или вообще казненныхъ преступниковъ.

• Если даже смерть субъекта произошла не вдругъ и была слѣдствіемъ долговременной болѣзни, то случается, что біеніе сердца не прекращается вскорѣ послѣ смерти. Знаменитому анатому Везалію, жившему въ XVI-мъ столѣтіи, пришлось дорого заплатить за открытіе этого факта. Этотъ замѣчательный человѣкъ, стоявшій по своему развитію гораздо выше уровня своей эпохи, рѣшался анатомировать человѣческіе трупы въ то время, когда это дѣйствіе считалось грѣховнымъ и преступнымъ. Одинъ молодой дворянинъ, котораго лечилъ Везалій, умеръ, несмотря на всѣ его попеченія, и любознательный медикъ, желая узнать причину смерти, выпросилъ себѣ позволеніе вскрыть его трупъ. Вскрытіе произошло въ присутствіи нѣсколькихъ зрителей, которые пришли въ неописанный ужасъ, когда увидѣли, что сердце покойника бьется полнымъ, правильнымъ темпомъ. Везалія обвинили въ томъ, что онъ зарѣ-

заль живого человѣка; въ это дѣло вмѣшалась инквизиція, и Везалій съ большимъ трудомъ избѣжалъ мучительной смерти. Его принудили отправиться въ Палестину и замолить свой грѣхъ, вызванный дерзкимъ желаніемъ узнать тайны созданій Божіихъ. Репутація Везалія, какъ врача, погибла съ того времени, и ему не удалось до самой своей смерти избавиться отъ подозрѣнія въ томъ, что онъ зарѣзалъ своего пациента.

• У здоровыхъ и крѣпкихъ людей сила, съ которою сжимается сердце, равняется вѣсу въ 60 фунтовъ. Если вы, сидя на стулѣ, положите одну ногу на колѣнко другой ноги, то вы увидите, что носокъ свободно ви- сящей ноги постоянно, независимо отъ вашей воли движется назадъ и впередъ; если вы повѣсите на ступню этой ноги пудовую гирю (предпо- лагая, что вы будете въ силахъ сдерживать ее), то и эта гири не помѣ- шаетъ колебаніямъ носка, которыя будутъ совершаться прежнимъ темпомъ и, попрежнему, независимо отъ вашей воли. Это колебаніе носка про- исходитъ отъ біенія сердца и отъ прилива крови въ артерію ноги. Если разрѣзать одну изъ большихъ артерій, то сила, съ которою брыз- нетъ изъ нея кровь, дастъ намъ понятіе о силѣ импульса, сообщеннаго этой крови сжатіемъ сердца. У собакъ и овецъ кровь брызжетъ даже изъ малыхъ артерій на шесть футовъ въ вышину. Скорость, съ которою волна крови идетъ отъ сердца по артеріямъ, равняется 28 парижскимъ футамъ въ секунду.

Весь рядъ явленій, относящихся къ кровообращенію, очень недавно сдѣлался достояніемъ науки. Запутанность и ложность понятій, господ- ствовавшихъ объ этомъ предметѣ въ древности, превосходятъ всякое вѣроятіе. Греки и Римляне были увѣрены въ томъ, что наши жилы на- полнены воздухомъ. Римскій медикъ Галенъ, жившій въ половинѣ вто- раго вѣка послѣ Рождества Христова, первый доказалъ, что въ жилахъ заключается кровь, и что въ однихъ жилахъ эта кровь отличается темнокраснымъ цвѣтомъ, а въ другихъ—яркокраснымъ. Во второй поло- винѣ шестнадцатаго столѣтія испанскій медикъ Михаилъ Серветъ от- крылъ движеніе крови отъ сердца къ легкимъ и отъ легкихъ обратно къ сердцу. Религіозный фанатизмъ не пощадилъ этого замѣчательнаго человѣка, и Кальвинъ сжегъ его на кострѣ въ Женевѣ, доказывая та- кимъ образомъ потомству, что начало реформаціи далеко не совпадаетъ съ началомъ вѣротерпимости. Несмотря на преслѣдованія и казни, не- смотря на презрѣніе и невнимательность легкомысленной массы, духъ живой любознательности и терпѣливаго изученія пробивалъ себѣ дорогу, опрокидывалъ нагроможденные препятствія и дарилъ плоды своихъ тру- довъ тому самому человѣчеству, которое не умѣло распознавать своихъ истинныхъ друзей и не понимало значенія ихъ дѣятельности. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія Англичанинъ Гарвей открылъ, что движеніе крови совершается во всемъ тѣлѣ, описалъ пути, по которымъ кровь выходитъ

изъ сердца и возвращается къ сердцу, и этимъ мировымъ открытіемъ положили основаніе новой, истинно-научной физиологіи, основанной на наблюденіи и не имѣющей ничего общаго съ прежними гаданіями и фразистыми разсужденіями. <

Открытие Гарвея встрѣтило себѣ рѣзкую оппозицію со стороны ученыхъ мечтателей того времени. Медицинскій факультетъ парижскаго университета возражалъ самыми оригинальными аргументами. «Жизнь, писалъ физиологъ Бурдахъ, теряетъ свой идеальный блескъ, если мы рѣшимся простымъ механизмомъ объяснить теченіе крови, составляющее такую существенную часть ея проявленія.»

Закаленные натурфилософы, смотрѣвшіе на вещи умственными очами, не признали существованія кровообращенія; они остались при томъ убѣжденіи, что «кажущееся движеніе крови есть необъяснимое чудо (*mirabile dictu*), колебаніе между бытіемъ и небытіемъ.» Благодаря такому глубокомысленному и удобопонятному возрѣнію на тѣ факты, которые легко и свободно объяснялись непосредственнымъ наблюденіемъ, натурфилософія постепенно стала терять ореолъ своего величія, и въ XIX столѣтіи окончательно сошла съ того пьедестала, на которомъ она стояла вслѣдствіе невѣжества массъ и шарлатанства ученыхъ. Бюхнеръ говоритъ, что его учитель физиологіи былъ отчаянный натурфилософъ, старавшійся кудреватými фразами убѣдить своихъ слушателей въ вѣрности своихъ идей и постоянно бранившій тѣхъ ученыхъ, которые хотѣли тѣлесными глазами увидать вещи и процессы, доступные только умственному оку. А въ это время тѣлесные глаза разсмотрѣли волосные сосуды, соединяющіе тонкія артеріи съ тонкими венами, охватывающіе всѣ части тѣла частою, тонкою, подкожною сѣткою и такимъ образомъ замыкающіе собою тѣ пути, по которымъ кровь обтекаетъ все тѣло. При помощи микроскопа открылась для изслѣдователей возможность собственными глазами разсматривать теченіе крови въ волосныхъ сосудахъ живыхъ существъ.

«Трудно себѣ представить болѣе великолѣпную микроскопическую картину, говоритъ Бенеке въ своихъ физиологическихъ этюдахъ, чѣмъ ту, которую представляетъ подъ микроскопомъ плавательная кожа живой лягушки. Постепенно суживающіеся, извивающіеся каналы, образующіе собою петли, проходятъ въ видѣ сѣтки чрезъ эту кожу; въ нихъ движется свѣтложелтоватая кровяная жидкость и въ серединѣ этихъ рѣчекъ катятся, подобно песчинкамъ на днѣ прозрачнаго ручья, красные кровяные пузырьки; въ большихъ сосудахъ ихъ очень много, въ меньшихъ они по одиночкѣ слѣдуютъ другъ за другомъ. Слой жидкости, прилегающій къ стѣнкѣ сосуда, движется гораздо медленнѣе, чѣмъ средний потокъ, несущій въ себѣ кровяные пузырьки; если внимательно наблюдать за движеніемъ крови въ волосныхъ сосудахъ, то можно замѣ-

тить, что оно совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ большихъ сосудахъ; это обстоятельство, очевидно, указываетъ на то взаимное вліяніе, которое существуетъ между кровью и органическими тканями.»

•Натуралистъ Левенгукъ первый увидѣлъ обращеніе крови въ волосяныхъ сосудахъ въ хвостѣ живой ящерицы. «Тутъ, говоритъ онъ, мнѣ представилось такое восхитительное зрѣлище, какого до тѣхъ поръ еще не видывали мои глаза. Я открылъ въ различныхъ мѣстахъ болѣе пятидесяти различныхъ циркуляцій крови. Я увидѣлъ, какъ кровь чрезъ необыкновенно тонкіе сосуды идетъ отъ середины хвоста къ краямъ его, и какъ потомъ каждый сосудъ поворачиваетъ назадъ и приводитъ кровь обратно къ серединѣ хвоста, откуда она отправляется далѣе по дорогѣ къ сердцу.»

IV.

•Вглядитесь въ общую жизнь природы, въ прозябаніе растеній, въ существованіе животнаго, и вы увидите, что необходимымъ условіемъ всякой органической жизни, всякаго движенія, измѣненія и развитія является теплота.

Теплота, или, какъ ее называютъ въ физикѣ, теплородъ не есть матерія; это — движеніе; присутствіе теплоты проявляется всегда въ движеніи того вещества, на которое она дѣйствуетъ; вездѣ, гдѣ есть движеніе, тамъ обнаруживается и теплота.

Представьте себѣ картину природы въ лѣтній день, когда теплота всего сильнѣе дѣйствуетъ на окружающіе предметы и сравните эту картину съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляетъ та же самая мѣстность зимою, при сильномъ морозѣ. Въ первомъ случаѣ вы увидите растительную жизнь во всемъ ея роскошномъ развитіи, во второмъ случаѣ вы не увидите ничего, кромѣ необозримой, утомительно однообразной снѣговой равнины. Положимъ, что 7-го іюня вы захотите взглянуть на дерево, которое вы внимательно осматривали 1-го іюня; вы навѣрное найдете въ немъ замѣтную перемѣну; тамъ распустился новый цвѣтокъ, здѣсь осыпались отжившіе цвѣтки и завязались плоды, тутъ молодой побѣгъ увеличился въ длинѣ и объемѣ. Если же вы 7-го января посмотрите на снѣговую равнину, по которой вы гуляли 7-го декабря, то, вѣроятно, вы не замѣтите никакой перемѣны: вы увидите, можетъ быть, что количество снѣга увеличилось или уменьшилось, что сугробы его окрѣпли или сдѣлались рыхлѣе, что по дорогѣ образовались лужи или ледяные раскаты. Лѣтній пейзажъ измѣняется въ своихъ отдѣльныхъ

частяхъ, развивается и живетъ подъ вліяніемъ теплоты въ каждомъ деревѣ, въ каждой былинкѣ; зимній пейзажъ, благодаря уменьшенію теплоты, показываетъ намъ оцѣпенѣніе органической жизни, неподвижность и утомительное однообразіе застоя. Скучныя измѣненія, которыя иногда происходятъ въ этомъ зимнемъ пейзажѣ, и которыя не имѣютъ ничего общаго съ развитіемъ органической жизни, совершаются все-таки при содѣйствіи теплоты. Если мы вообразимъ себѣ такую мѣстность, на которой круглый годъ стоитъ тридцатиградусный морозъ, то эта мѣстность никогда не измѣнится; пройдутъ цѣлые вѣка, и она по прежнему останется холодною, пустынною и безжизненною; тѣ же снѣжные сугробы, тѣ же ледяныя глыбы, ни на одинъ вершокъ не измѣнившія своей фигуры, будутъ по прежнему останавливать на себѣ глаза наблюдателя. Но пусть въ эту оцѣпенѣвшую, застывшую мѣстность заглянетъ солнце, пусть начнется сильная оттепель—и черезъ день вы ее не узнаете; ледяные утесы расплывутся, снѣговые сугробы осадутъ, зашумитъ вода, потекутъ мутныя ручьи; органическая жизнь, придавленная долговременнымъ холодомъ, не успѣетъ еще пробиться, но обнаружится движеніе, слышатся шумъ и плескъ воды, и мертвая тишина ледянаго застоя окажется нарушенною, благодаря сильному притоку живительной теплоты. Возьмите другой мелкій примѣръ изъ всендневной жизни. Если вы хотите сохранить кусокъ мяса въ неспорченномъ видѣ, вы кладете его въ холодное мѣсто. Холодъ останавливаетъ или по крайней мѣрѣ значительно замедляетъ процессъ гніенія.

Гніеніе ничто иное, какъ одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни въ природѣ. Гниющій кусокъ мяса разлагается на свои составныя части, поступаетъ въ общую экономію природы, и, облекаясь въ новыя формы, образуя новыя тѣла, продолжаетъ принимать участіе въ общемъ круговоротѣ жизни. Жизнь — ничто иное, какъ движеніе, переходъ изъ формы въ форму, постоянное, неутомимое превращеніе, разрушеніе и созиданіе, слѣдующія другъ за другомъ и вытекающія другъ изъ друга. Задерживая гніеніе куска мяса, холодъ исполняетъ наши желанія; но здѣсь, какъ и вездѣ, онъ задерживаетъ теченіе жизни и сковываетъ его проявленія. Когда мы беремъ съ ледника сохранившійся кусокъ мяса, когда, приготовивъ его по своему вкусу, мы съѣдаемъ его за обѣдомъ или за завтракомъ, тогда задерживающее дѣйствіе холода прекращается, и мясо, подъ вліяніемъ желудочныхъ кислотъ и теплоты нашихъ пищеварительныхъ органовъ, разлагается, входитъ въ нашу кровь, служитъ къ образованію нашихъ органическихъ тканей и такимъ образомъ снова начинаетъ принимать участіе въ движеніи вещества и въ общемъ процессѣ жизни. Вы видите, такимъ образомъ, что и здѣсь движеніе началось вмѣстѣ съ притокомъ теплоты.

Всѣ мы знаемъ изъ физики и изъ всендневной жизни, что дѣйствіе

теплоты измѣняетъ форму и свойства тѣлъ, подверженныхъ ея вліянію. Ледъ превращается въ воду, вода превращается въ паръ, металлы становятся мягкими и наконецъ переходятъ въ жидкое состояніе, и всѣ эти измѣненія происходятъ отъ дѣйствія теплоты. Норма этихъ измѣненій для всѣхъ тѣлъ одинакова; твердое тѣло, нагрѣваясь, становится жидкимъ и наконецъ улетучивается въ видѣ газа. Теплота расширяетъ тѣла, т. е. ослабляетъ связь между ихъ атомами; при усиленіи теплоты, связь эта становится такъ слаба, что твердое тѣло растекается; когда теплота становится еще сильнѣе, тогда, вмѣсто прежняго плотнаго сдѣпленія между атомами, является полное разъединеніе, даже взаимное отталкиваніе, и прежняя твердая масса разлетается въ видѣ газа. Мы привыкли видѣть желѣзо въ твердомъ состояніи, ртуть и воду въ жидкомъ, воздухъ въ газообразномъ; мы считаемъ этотъ видъ названныхъ веществъ нормальнымъ и прочнымъ, потому что эти вещества находятся именно въ такомъ видѣ при той температурѣ, при которой намъ удобно и возможно жить. На самомъ же дѣлѣ, то или другое вещество находится въ твердомъ, жидкомъ или газообразномъ состояніи, только благодаря количеству теплоты, разлитому въ нихъ и вокругъ нихъ. Еслибы мы могли искусственнымъ путемъ производить безконечно высокую и безконечно низкую температуру, то мы, конечно, могли бы получить газообразное желѣзо, жидкій кислородъ, твердый азотъ. Газообразное желѣзо получилось бы при страшномъ жарѣ, а жидкій кислородъ или твердый азотъ — при чрезвычайно сильномъ холодѣ.

Расширяясь отъ дѣйствія теплоты, тѣла стремятся занять большее пространство и слѣдовательно оказываютъ давленіе на все, что ихъ окружаетъ. На этомъ общемъ свойствѣ тѣлъ основано устройство паровыхъ машинъ; по этому же самому свойству порохъ, вспыхивая отъ прикосновенія зажженного фитиля, съ огромною силою вырывается въ видѣ газа изъ дула артиллерійскаго орудія и выбрасываетъ ту чугунную массу, которая мѣшала его выходу. Вода подъ вліяніемъ теплоты постепенно переходитъ изъ одного вида въ другой, постепенно расширяется и усиливаетъ свое давленіе; на этомъ основаніи вода, подверженная дѣйствію теплоты, можетъ, при извѣстныхъ предосторожностяхъ, быть употреблена, какъ двигательная сила; порохъ напротивъ того, не таетъ, а мгновенно изъ твердаго состоянія переходитъ въ газообразное; поэтому расширение его совершается такъ быстро и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что оно ломаетъ и коверкаетъ всѣ препятствія, словомъ, производитъ то, что мы называемъ взрывомъ, и что водяной паръ можетъ произвести только вслѣдствіе неопытности и оплошности машиниста. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, присутствуя при дѣйствіи паровой машины и при выстрѣлѣ изъ орудія, мы видимъ, что вліяніе теплоты развиваетъ извѣстное количество механической силы,

Теоретическая физика въ новѣйшее время открыла одинъ изъ важнѣйшихъ мировыхъ законовъ — законъ сохраненія или неразрушимости силы. Сохраненіе или неразрушимость силы заключается въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ никакая сила не уничтожается и не возникаетъ вновь. Передъ нашими глазами совершается постоянно переходъ силы изъ одной формы въ другую; какъ ни одна частица матеріи не пропадаетъ и не уничтожается, а только видоизмѣняется, такъ точно ни одна частица какой бы то ни было силы не утрачивается, а только принимаетъ иногда такую форму, которая скрываетъ ее отъ нашего наблюденія. «Механическая, химическая, электрическая, магнетическая сила, теплота, свѣтъ превращается другъ въ друга; величина или количество силы остается неизмѣненнымъ, не смотря на то, что самая сила проявляется въ той или въ другой формѣ.» Мы уже видѣли, говоря о паровыхъ машинахъ, какимъ образомъ теплота превращается въ механическую силу. Точно также и механическая сила способна превращаться въ теплоту. Дикари добываютъ огонь, разгорячая два куска дерева посредствомъ сильного тренія.

Пила, которою работаетъ дюжій ремесленникъ, разогрѣвается вслѣдствіе тренія такъ сильно, что можетъ обжечь руку своимъ прикосновеніемъ; въ Мюнхенѣ, на литейномъ заводѣ производились опыты, которые доказали, что, безъ внѣшняго нагрѣванія, однимъ треніемъ машины можно довести воду до точки кипѣнія. Температура воды возвышается даже отъ взмѣшиванія и взбалтыванія. Силою падающей воды или дѣйствіемъ вѣтра можно натопить цѣлую комнату, если приложить эти силы къ вращенію большаго деревяннаго цилиндра въ металлическомъ поломъ цилиндрѣ, тѣсно прилегающемъ къ первому. Это отопленіе будетъ происходить такимъ образомъ: металлическій цилиндръ накалится отъ сильнаго тренія и, подобно желѣзной печи, будетъ выдѣлять въ окружающіе слои воздуха количество теплоты, соразмѣрное съ силою тренія, съ величиною обоихъ цилиндровъ и съ продолжительностью движенія всего снаряда. Каждому извѣстно, что оси экипажныхъ колесъ дымятся и обугливаются вслѣдствіе скорой и продолжительной ѣзды, особенно въ томъ случаѣ, если между осью и втулкой нѣтъ вещества, ослабляющаго треніе, т. е. говоря простымъ языкомъ, если колеса не смазаны. Кузнецы умѣютъ ударами молотка довести гвоздь до раскаленнаго состоянія. Ледъ, сдавленный гидравлическимъ прессомъ, превращается въ воду, потому что сила давленія порождаетъ то количество теплоты, которое необходимо для того, чтобы растопить ледъ.

Всѣ эти примѣры сводятся къ одному общему положенію: каждой механической работѣ соотвѣтствуетъ извѣстное количество теплоты; когда теплота производитъ механическую работу, тогда исчезаетъ извѣстное количество теплоты, соотвѣтствующее произведенной работѣ; потра-

тивъ вновь эту же самую работу, можно произвести то же количество теплоты. Машинистъ разводитъ огонь подъ котломъ паровой машины; дрова горятъ яркимъ пламенемъ, слѣдовательно, то количество теплоты, которое въ нихъ заключается, истрачивается; вы думаете, что эта теплота пропала? Ошибаетесь. Вода превращается въ паръ, слѣдовательно, теплота выражается въ формѣ движенія и видоизмѣненія вещества; паровая машина приходитъ въ движеніе, слѣдовательно, теплота превращается въ механическую работу; вслѣдствіе этой механической работы разогрѣваются тѣ части машины, въ которыхъ происходитъ треніе, слѣдовательно, работа опять превращается въ теплоту, которая въ свою очередь можетъ быть превращена въ работу и т. д. до безконечности.

Законъ неразрушимости силы имѣетъ свое несомнѣнное и огромное значеніе какъ теоретическое положеніе, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней рациональнаго міросозерцанія. Практическое примѣненіе этого закона не всегда возможно.

Ясно какъ день, что въ природѣ не пропадаетъ ни одинъ клочекъ матеріи, ни одна частичка силы, по той простой причинѣ, что имъ некуда пропасть, некуда вывалиться изъ этого безпредѣльнаго ящика. Но точно также ясно и то, что для насъ, для нашихъ цѣлей, интересовъ и потребностей ежедневно и ежеминутно пропадаетъ и матерія, и сила. Если вы прольете на полъ рюмку вина, которую вы несете къ губамъ, то она для васъ пропала, хотя природа, конечно, не потеряла отъ этого ни одного атома. Если у васъ горитъ лѣсъ, то для васъ пропадаетъ то количество теплоты, которое заключалось въ деревьяхъ, пропадаетъ, не смотря на то, что воздухъ, окружающій вашъ сгорѣвшій лѣсъ, оказывается нагрѣтымъ въ значительной степени; возвышенная температура этого воздуха производитъ движеніе въ воздухѣ—вѣтеръ; слѣдовательно, въ природѣ неразрушимость силы остается существующимъ фактомъ. Лѣсъ вашъ сгорѣлъ, воздухъ нагрѣлся, поднялся вѣтеръ. Химическое измѣненіе дерева породило теплоту, теплота породила движеніе. Это васъ однако нисколько не утѣшаетъ и вы спрашиваете съ отгѣнкомъ досады: да для чего же все это? Кому это нужно? Кому отъ этого польза? Для чего? Съ такимъ вопросомъ смѣшно даже обращаться къ явленіямъ природы. Ставить ей какія бы то ни было требованія, значить сходитьсь въ міросозерцаніи съ Ксерксомъ, бичевавшимъ Дарданельскій проливъ за поднявшуюся на немъ бурю. Въ такомъ міросозерцаніи можетъ быть много поэзіи, но очень мало здраваго смысла. О сгорѣвшемъ лѣсѣ можно пожалѣть, какъ можно пожалѣть о проигранныхъ деньгахъ, но отождествлять свои интересы съ интересами природы нелѣпно; природа не сдѣлается бѣднѣе отъ какого нибудь пожара или наводненія, потому что всѣ частицы сгорѣвшаго лѣса или затопленной земли остаются по прежнему въ полномъ и безотчетномъ ея распоряженіи. Ваше личное подо-

женіе, положеніе милліоновъ людей можетъ сдѣлаться бѣдственнымъ и невыносимымъ, но природѣ до-этого обстоятельства нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла. Вамъ хорошо жить — живите, не можете жить — умирайте, и она сейчасъ же распорядится съ составными элементами вашего тѣла.

Я позволилъ себѣ это отступленіе единственно для того, чтобы сдѣлать разграниченіе между жизнью природы и нашею человѣческою жизнью, изъ которой мы такъ часто, совершенно не въ попадѣ, выхватываемъ мѣрны, прилагаемыя нами къ оцѣнкѣ физическихъ явленій. Природу надо изучать, а мы, вмѣсто того, становимся къ ней въ разныя патетическія отношенія, тратимъ время на возгласы, отуманиваемъ свой мозгъ разными фантазмагоріями, въ которыхъ одни люди находятъ красоту, другіе отраду, третьи даже смыслъ и послѣдовательность. Пора однако возвратиться къ теплотѣ.

• Конечный источникъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ на землѣ, всякой дѣятельности, проявляющейся на нашей планетѣ, заключается въ лучахъ солнца; они льютъ на землю свѣтъ и теплоту, они производятъ движеніе воды въ океанахъ и озерахъ, въ рѣкахъ и бассейнахъ; они поднимаютъ въ воздухъ водяные пары, порождаютъ облака, служатъ причиною дождя, града, снѣга; они производятъ теченія атмосферы или вѣтры; они вызываютъ изъ земли растительную жизнь и поддерживаютъ эту жизнь вліяніемъ свѣта и теплоты; они орошаютъ луга, поля, лѣса потоками той воды, которая при ихъ содѣйствіи поднимается въ видѣ паровъ и носится въ воздухѣ подъ названіями тучъ, тумановъ и облаковъ.

- Животныя и люди, существующіе по милости солнечныхъ лучей, обращаютъ въ свою пользу ихъ вліяніе на почву и растительность. Травоядныя падаются растеніями, не спрашивая о причинѣ ихъ происхожденія; плотоядныя пожираютъ травоядныхъ, не заботясь о ихъ разведеніи; человѣкъ оказывается смышленѣе тѣхъ и другихъ: онъ не довольствуется тѣмъ, что нечаянно перепадаетъ на его долю; онъ пользуется силами и движеніями, возникающими подъ живительнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; онъ ловитъ тѣ формы матеріи и силы, которыя кажутся ему удобными; онъ принимаетъ свои мѣрны, для того чтобы эти удобныя формы сохранялись какъ можно долѣе или измѣнялись именно тогда, когда ему это необходимо. Онъ сохраняетъ запасы дерева и сжигаетъ ихъ тогда, когда теплота солнечныхъ лучей оказывается недостаточною; онъ ловитъ вѣтеръ и по вѣтру распускаетъ паруса своего корабля или направляетъ крылья своей вѣтряной мельницы; онъ бросаетъ въ землю семена растеній, рассчитывая время такъ, чтобы растеніе успѣло взрѣть и принести плоды раньше наступленія холода. Не сознавая въ природѣ новыхъ силъ, человѣкъ пользуется существующимъ капиталомъ и примѣняется къ неизмѣняемымъ физическимъ законамъ. Во

всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности онъ постоянно, посредственно или непосредственно эксплуатируетъ вліяніе солнечныхъ лучей. «Сила, говоритъ Бюхнеръ, съ которою локомотивъ несется по рельсамъ, есть капля солнечной теплоты, заключенная въ растенія силами природы за милліоны лѣтъ тому назадъ и въ настоящую минуту превращенная въ механическую работу посредствомъ машины, приготовленной рукою человѣка».

Еслибы лучи солнца перестали согрѣвать и освѣщать землю, то наша планета въ самое короткое время превратилась бы въ ледяную глыбу; растительность исчезла бы немедленно; вмѣстѣ съ растительностью погибли бы тѣ животныя, которыя не защищены рукою человѣка и сами по себѣ не способны согрѣваться искусственно произведенною теплотою. Человѣкъ нѣсколько времени боролся бы съ природою, запираясь въ своихъ домахъ, отапливая ихъ мерзлыми остатками растительнаго царства, защищая своихъ домашнихъ животныхъ отъ разрушительнаго дѣйствія холода, и питаясь набранными запасами. Но этихъ искусственныхъ средствъ хватило бы не надолго; холодъ и голодъ погубили бы человѣка вслѣдъ за другими животными, органическая жизнь остановилась бы окончательно и замерзшая земля превратилась бы въ страшную, громадную пустыню.

Отдавая себѣ такимъ образомъ ясный отчетъ въ томъ всеобъемлющемъ вліяніи, которое солнечная теплота оказываетъ на всѣ отправления нашей жизни, мы будемъ въ состояніи понять, почему первобытные народы, не слыхавшіе ученія объ истинномъ *Богѣ*, поклонялись солнцу и огню, который они считали земнымъ отраженіемъ небеснаго свѣтла. Первобытныя религіи основаны на обоготвореніи силъ природы и выражаютъ собою міросозерцаніе народа въ томъ періодѣ, въ которомъ философія и наука были неразлучны съ поэзіею, и въ которомъ идея представлялась уму не иначе, какъ въ яркомъ, фантастически раззукрашенномъ образѣ. Правильный инстинктъ первобытнаго человѣка указалъ ему на ту важную роль, которую въ нашей жизни играетъ солнце; человѣкъ угадалъ связь, существующую между появленіемъ солнца на небосклонѣ и процвѣтаніемъ органической жизни на землѣ; онъ понялъ свою зависимость отъ климатическихъ измѣненій, обусловливающихся дѣйствіемъ солнца; впечатлительный какъ ребенокъ, онъ упалъ на колѣни передъ источникомъ жизни и наслажденія; онъ заговорилъ съ нимъ своимъ языкомъ, онъ думалъ умиловить его мольбами и жертвами, да солнце обливало его по прежнему своимъ беззучастнымъ свѣтомъ и согрѣвало его также безсознательно и произвольно, какъ согрѣвало какую нибудь полевую мышь или безчувственный камень.

V.

Когда мы прикасаемся рукою къ какому нибудь предмету, то мы чувствуемъ, что онъ тепелъ или холоденъ; мы различаемъ эти два понятія въ разговорномъ языкѣ и даже считаемъ ихъ діаметрально противоположными; на самомъ же дѣлѣ этой противоположности не существуетъ; между горячимъ и холоднымъ предметомъ существуетъ только количественное различіе; въ горячемъ предметѣ находится больше теплоты, чѣмъ въ нашей рукѣ — въ холодномъ меньше; когда мы дотрогиваемся до горячаго предмета, то теплота изъ этого предмета протекаетъ въ нашу руку; если же мы кладемъ руку на холодный предметъ, то теплота изъ нашей руки переходитъ въ этотъ предметъ, и мы чувствуемъ потерю теплоты точно также, какъ въ первомъ случаѣ чувствуемъ приращеніе теплоты въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, судя о температурѣ окружающихъ предметовъ, называя каленое желѣзо горячимъ, а ледъ—холоднымъ, мы только выражаемъ отношеніе, въ которомъ находится теплота этихъ предметовъ къ теплотѣ нашего тѣла.

• Средняя температура нашего тѣла колеблется между 28 и 30 градусами Реомюра; эта температура не можетъ быть ни возвышена, ни понижена, не подвергая опасности здоровья и даже жизни; на поверхности нашего тѣла, особенно въ оконечностяхъ и въ тѣхъ частяхъ, которыя не покрыты платьемъ, эта температура подвержена значительнымъ измѣненіямъ, не представляющимъ ни малѣйшей опасности. Лицо, руки и ноги человѣка, пробывшаго около часу на открытомъ воздухѣ въ зимнее время, будутъ очень холодны, когда онъ возвратится въ комнату; потомъ, когда кровь опять прильетъ въ волосные сосуды, сжавшіеся отъ дѣйствія холода, лицо, руки и ноги сдѣлаются теплѣе, чѣмъ они были до выхода на улицу; каждый изъ моихъ читателей вѣроятно испыталъ на себѣ, какъ горитъ лицо при переходѣ изъ холоднаго воздуха въ болѣе теплый; эти измѣненія температуры, быстро слѣдующія другъ за другомъ, нисколько не вредятъ нашему здоровью, если они проявляются только въ нашей кожѣ и въ оконечностяхъ тѣла. Что же касается до степени теплоты нашей крови и нашихъ внутренностей, то она не можетъ измѣняться, не подвергая насъ опаснымъ болѣзнямъ, или не являясь слѣдствіемъ подобныхъ болѣзней.

Положимъ, говорить Льюисъ въ своей «Физиологіи обыденной жизни», что въ комнатѣ виситъ птичья клѣтка. Атмосфера комнаты измѣняетъ степень своей теплоты, смотря по времени года и по свойствамъ каждаго отдѣльнаго дня. Лучи дѣтняго солнца и холодный сѣверный вѣтеръ

проникають въ комнату и измѣняютъ температуру тѣхъ мѣдныхъ прутьевъ, изъ которыхъ составлена клѣтка. Но въ это время птица, сидящая въ клѣткѣ, не становится ни теплѣе, ни холоднѣе. Ни лучи августовскаго солнца, ни пронзительный декабрьскій вѣтеръ не увеличиваютъ ея нормальной теплоты, которая вообще можетъ измѣниться только на одинъ или на два градуса. Какимъ образомъ, спрашиваетъ Льюисъ, можетъ птица, подверженная вѣдшему вліянію измѣнчивой температуры, постоянно сохранять такую высокую степень собственной теплоты?

На этотъ вопросъ можно дать слѣдующій, прямой отвѣтъ: каждый живой организмъ заключаетъ въ себѣ источникъ самостоятельно развивающейся теплоты. Такого рода отвѣтъ обобщаетъ вопросъ, поставленный Льюисомъ, но, конечно, нисколько не рѣшаетъ предложенной задачи. Мы видимъ, что всѣ организмы развиваютъ въ себѣ извѣстную степень теплоты; надо теперь объяснить, какимъ образомъ совершается въ организмахъ этотъ замѣчательный процессъ.

Когда признавали существованіе особенной, необъяснимой жизненной силы, тогда на ея широкія плечи сваливались всѣ тѣ явленія, которыя изслѣдователи не могли объяснить себѣ вслѣдствіе незнанія фактовъ или лѣности мысли. вмѣстѣ съ другими процессами былъ отправленъ въ обширную область жизненной силы процессъ развитія органической теплоты. Нѣкоторые физиологи, совѣстившіеся прикрывать свое незнаніе избитою вывѣскою жизненной силы, пытались доказать, что животная теплота есть слѣдствіе таинственной дѣятельности нервовъ. И тѣ, и другіе витали въ области гипотезъ и не могли привести въ подтвержденіе своихъ догадокъ ни одного факта, выдерживающаго серьезную, научную критику.

Въ концѣ XVIII столѣтія атмосферный воздухъ былъ разложенъ на свои составныя части и ученые того времени узнали замѣчательныя свойства кислорода. Открытіе кислорода повело къ пониманію процесса горѣнія. Изслѣдователи убѣдились въ томъ, что всякое горѣніе есть ничто иное какъ окисленіе какого нибудь тѣла или соединеніе его съ кислородомъ; когда какое нибудь тѣло соединяется съ кислородомъ, то оно стараетъ и развиваетъ извѣстную степень теплоты; какъ бы ни совершалось это соединеніе, медленно или быстро, съ пламенемъ или безъ пламени, оно все-таки сопровождается извѣстною степенью теплоты, хотя иногда эта теплота развивается такъ медленно, что мы не можемъ убѣдиться въ ея существованіи ни посредственнымъ чувствомъ, ни термометромъ.

Узнавши о существованіи кислорода, ученые прошлаго столѣтія узнали также, что кислородъ необходимъ для поддержанія животной жизни, и что процессъ дыханія заключается именно въ поглощеніи кисло-

рода, проникающаго въ легкія и соединяющагося съ кровью. Кислородъ соединяется съ кровью, и всякое соединеніе съ кислородомъ есть горѣніе медленное или быстрое, неразлучное съ развитіемъ большей или меньшей степени теплоты. Такого рода мысль еще въ концѣ XVIII вѣка пришла въ голову французскимъ ученымъ Лувуазье и Лапласу. Съ ними сошлись на этой идеѣ Англичане Блекъ и Крофордъ, и животная теплота была объяснена этими изслѣдователями, какъ слѣдствіе горѣнія, совершающагося внутри организма. Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія Французы Дюлонгъ и Депрець дали этой идеѣ исполнѣ научную обработку; кромѣ того, знаменитый нѣмецкій химикъ Либихъ посвятилъ вопросу о животной теплотѣ самыя тщательныя изслѣдованія и дошелъ до того заключенія, что большая часть теплоты, развивающейся въ тѣлѣ животнаго, происходитъ отъ сожженія углерода и водорода въ углекислоту и въ воду. Углеродъ и водородъ заключаются въ самомъ организмѣ, а кислородъ притекаетъ изъ атмосфернаго воздуха и, соединяясь съ этими элементами, образуетъ, какъ результаты горѣнія, углекислоту и воду.

Кислородъ черезъ легкія входитъ въ наше тѣло; въ легкихъ онъ соединяется съ кровью; кровь, насыщенная кислородомъ, идетъ во всѣ части нашего тѣла и несетъ съ собою то количество кислорода, которое, соединяясь съ органическими тканями и пережигая ихъ, развиваетъ во всѣхъ частяхъ тѣла животнаго теплоту и потомъ выдѣляется вмѣстѣ съ пережженными веществами въ видѣ углекислоты, аммоніака и воды. Поэтому животная теплота порождается не въ однихъ легкихъ, но во всякомъ мѣстѣ, въ которомъ кислородъ соприкасается съ другими веществами, способными окисляться. Притокъ кислорода въ легкія можно сравнить съ тою тягою воздуха, которая необходима для того, чтобы поддерживать горѣніе дровъ въ печи. Тяга эта необходима для развитія теплоты въ печкѣ, но теплота развивается не въ томъ мѣстѣ, въ которомъ воздухъ вливается въ печку, а въ томъ, въ которомъ кислородъ этого воздуха соединяется съ углеродомъ горящаго дерева. Такъ точно и животная теплота развивается не въ самыхъ легкихъ, которыя представляютъ только дверь для прохода атмосфернаго воздуха, а во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, вездѣ, гдѣ совершается горѣніе, вездѣ, гдѣ кислородъ, заключенный въ крови, соединяется съ углеродомъ и водородомъ прилегающихъ тканей.

Постоянный обмѣнъ веществъ, составляющихъ ткани нашего тѣла, постоянное созиданіе и разрушеніе этихъ тканей при содѣйствіи атмосфернаго кислорода, являются такимъ образомъ главными и даже единственными причинами животной теплоты. Чѣмъ быстрѣе совершается этотъ обмѣнъ веществъ, тѣмъ сильнѣе развивается теплота; чѣмъ медленнѣе онъ происходитъ, тѣмъ слабѣе вырабатывается теплота. Надъ

кроликами производился слѣдующій любопытный опытъ. Кролика обрили и вымазали лакомъ, не пропускающимъ воздуха; повидимому слѣдовало бы ожидать, что кролику будетъ очень тепло, потому что воздухъ не будетъ касаться его тонкой, обнаженной кожи. Вышло однако совершенно наоборотъ; теплота кролика быстро понизилась на 14, потомъ даже на 18 градусовъ и вслѣдъ за тѣмъ, похолодѣвши заживо, кроликъ околѣлъ. Почему же такъ случилось? А потому, что лакъ закрылъ поры кожи и потому черезъ эти поры не могли выдѣляться ни газообразныя, ни жидкія испаренія. Пережженные вещества, выдѣляющіяся черезъ кожу, должны были оставаться въ тѣлѣ кролика и своимъ накопленіемъ замедлили общій обмѣнъ веществъ, служащій источникомъ всякой животной теплоты. Смерть вымазаннаго кролика можетъ быть замедлена только притокомъ теплоты изъ окружающаго воздуха; въ холодной комнатѣ кроликъ умираетъ скорѣе, чѣмъ въ теплой. Животныя, умирающія отъ голода, также живутъ дольше въ искусственно нагрѣтомъ воздухѣ.

Чтобы поддерживать въ нашемъ тѣлѣ то горѣніе, которое производитъ животную теплоту, мы должны постоянно принимать въ себя постороннія вещества, которыя пережигаются въ нашей крови или послѣ своего предварительнаго превращенія въ органическія ткани. Эти постороннія вещества, называющіяся общимъ именемъ пищи—различными процессами, совершающимися въ нашемъ тѣлѣ, перерабатываются въ плоть и кровь и развиваютъ силу теплоты, электричество, необходимое для нервовъ, механическую силу, проявляющуюся въ мускулахъ, и ту особенную, неизслѣдованную силу, которой отравленія происходятъ въ мозгу. Пища и кислородъ, постоянно созидающій и постоянно разрушающій, составляютъ, по мнѣнію Молешота, единственные источники тѣхъ силъ, которыя обнаруживаются въ нашемъ тѣлѣ. Это мнѣніе можетъ быть принято какъ осязательная и неопровержимая научная аксіома.

Теплота нашего тѣла измѣняется періодически, смотря по возрасту человѣка, смотря по занятіямъ и по времени дня. У ребенка обмѣнъ веществъ совершается быстрѣе, чѣмъ у взрослога, и потому тѣло его обыкновенно на одинъ градусъ теплѣе. У старика обмѣнъ веществъ производится медленнѣе, чѣмъ у мужчины среднихъ лѣтъ, и соразмѣрно съ этимъ тѣло его на одинъ градусъ холоднѣе.

Движеніе, гимнастическія упражненія, работа, бѣганіе ускоряютъ обмѣнъ веществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаютъ температуру. Ускоряя горѣніе органическихъ тканей, механическая работа увеличиваетъ потребность въ пищѣ, усиливаетъ аппетитъ. Чѣмъ больше расходъ, тѣмъ больше долженъ быть и приходъ, иначе нельзя будетъ свести концы съ концами, и организмъ рано или поздно обанкротится. Въ жизни это явленіе очень обыкновенное. Тѣ сословія, которыя всего болѣе напря-

гаютъ свои физическія силы, питаются самою дешевою и, вслѣдствіе этого, самою не питательною пищею. Пролетарій, работающій съ утра до вечера, выбивающійся изъ силъ, изнемогающій подъ тяжестью труда, нуждается въ хорошемъ кускѣ мяса, въ питательномъ бульонѣ, въ долговременномъ отдохновеніи, а на повѣрку оказывается, что этому человеку, растрачивающему свои силы съ вынужденною расточительностью, приходится набивать желудокъ хлѣбомъ, капустой и картофелемъ, приходится спать кое-какъ, въ промежутки между работами, безъ хорошей постели, безъ теплаго одѣяла. Послѣдствія такого образа жизни предсказать не трудно. Преждевременная дряхлость и частыя болѣзни, безотрадная жизнь и ранняя смерть—вотъ что достается на долю голоднаго бѣдняка, работающаго черезъ силу. «Голодь и холодъ, говоритъ Бюхнеръ, величайшіе враги человѣчества, непрерывно работающіе надъ гибелью отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, и всегда достигающіе своей цѣли тамъ, гдѣ имъ изнутри или снаружи не можетъ быть противопоставлено достаточное сопротивленіе.»

На этой мысли великій физиологъ сходится съ замѣчательнымъ по-этомъ:

Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно

отвѣчаютъ прохожему въ «Коробейникахъ» Некрасова луга и звѣри, и мужики, у которыхъ этотъ прохожій спрашиваетъ причину ихъ бѣдствій и горестей. Этотъ страшный по своей простотѣ отвѣтъ смѣняется другимъ отвѣтомъ не менѣе выразительнымъ:

Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно.

И въ этихъ двухъ отвѣтахъ сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами.

Голодь и холодъ! Этими двумя простыми причинами объясняются всѣ дѣйствительныя страданія человѣчества, всѣ тревоги его исторической жизни, всѣ преступленія отдѣльныхъ лицъ, вся безнравственность общественныхъ отношеній. Вглядитесь въ дѣло внимательно и безъ предубѣжденія, и вы увидите, что въ этой мысли нѣтъ ничего преувеличеннаго.

Я сказалъ выше, что температура нашего тѣла измѣняется періодически въ теченіи сутокъ. Утромъ, когда мы просыпаемся, она повышается и достигаетъ высшей степени послѣ обѣда, во время пищеваренія. Къ вечеру она понижается и доходитъ до низшей степени во время сна, послѣ полуночи. Когда мы спимъ, процессъ дыханія, кровообраще-

нія и обмѣна веществъ вообще совершаются гораздо медленнѣе, чѣмъ тогда, когда мы бодрствуемъ. Вслѣдствіе этого температура нашего тѣла понижается и мы на этомъ основаніи принуждены ночью покрываться теплѣе, чѣмъ мы покрываемся днемъ. Ночью всего легче простудиться и поэтому слѣдуетъ особенно беречься ночью сквознаго вѣтра, прикосновенія къ холоднымъ предметамъ, вліянія сырости и т. п. Кто ляжетъ спать на тюфякѣ, принесенномъ съ морозу, тотъ навѣрное можетъ считатьъ на сильную простуду и на опасную болѣзнь. Люди не умѣющіе противиться тому желанію заснуть, которое проявляется почти всегда подъ вліяніемъ сильнаго холода, обыкновенно замерзаютъ, потому что во время сна тѣло не вырабатываетъ достаточнаго количества собственной теплоты и слѣдовательно не можетъ бороться съ тѣмъ морозомъ, котораго дѣйствіе оно переносило во время бодрствованія.

Для того, чтобы организмъ взрослого человѣка находился въ нормальномъ положеніи, чтобы тѣло не увеличивалось и не уменьшилось въ вѣсѣ, не заплывало жиромъ и не доходило до худобы, необходимо соблюдать равновѣсіе между количествомъ принимаемой пищи и быстротою горѣнія органическихъ тканей. Мы видѣли выше, что пролетаріи сжигаютъ больше, чѣмъ сколько они принимаютъ извнѣ, и потому постепенно разрушаютъ свое собственное тѣло. Богатый человѣкъ, проводящій время въ бездѣйствіи, поступаетъ совершенно наоборотъ; онъ принимаетъ въ себя больше, чѣмъ сколько можетъ сжечь и накопляетъ такимъ образомъ бесполезные и обременительные запасы жира. Такой образъ жизни не можетъ быть названъ правильнымъ и неизбѣжно ведетъ за собою разныя неудобства, непріятности и болѣзни, напр. уменьшеніе аппетита, расслабленіе желудка, расположеніе къ апоплексическому удару. Нормальный образъ жизни ведетъ тотъ человѣкъ, который, наѣдаясь до сыта, работаетъ по мѣрѣ силъ; въ этомъ отношеніи умственная работа также полезна, какъ и механическая; дѣятельность мозга, подобно физическому движенію, возвышаетъ температуру тѣла и ускоряетъ процессъ горѣнія. Ученый, просидѣвшій нѣсколько часовъ за такою работою, которая требуетъ напряженія его мыслительной дѣятельности, чувствуетъ сильный аппетитъ, подобный аппетиту поленщика, коловшаго дрова или носившаго воду.

Зимомъ и лѣтомъ, въ холодный и въ теплый день, температура здороваго человѣка остается неизмѣнною. Между тѣмъ лѣтомъ человѣкъ не тратитъ такъ много теплоты, какъ зимою; холодный воздухъ быстро уноситъ теплоту человеческого тѣла и потому необходимо, чтобы этой теплоты вырабатывалось больше. Дѣйствительно, процессъ горѣнія и развитія животной теплоты усиливается въ холодное время. Человѣкъ и животное начинаютъ дышать глубже и чаще; это ускореніе совершается, вѣроятно, вслѣдствіе дѣйствія нервовъ на кровеносныя сосуды; оно происходитъ

*

помимо воли самого недѣлимаго, такъ что путешественники, побывавшіе около полюсовъ и испытывшіе дѣйствіе сильнѣйшаго холода, говорятъ, что у нихъ утомлялись легкія и какъ будто разрывалась грудь отъ усиленнаго дыханія. У людей и животныхъ, живущихъ въ холодномъ климатѣ, грудная клѣтка бываетъ особенно развита и легкія отличаются значительною величиною. Но, если ускоренное дыханіе ведетъ за собою, ускоренное горѣніе, то необходимо чтобы это горѣніе постоянно находило себѣ достаточно горючаго матеріала. Необходимо, слѣдовательно, чтобы во время холода человѣкъ или животное съѣдали больше пищи, чѣмъ во время жара. Такъ и бываетъ. Аппетитъ усиливается зимою. Въ теплыхъ климатахъ достаточно 24 лота питательной пищи въ день, чтобы поддержать существованіе человѣка, а въ болѣе холодныхъ земляхъ для этого необходимо по крайней мѣрѣ 40 лотовъ питательной пищи. Неаполитанскій лацарони питается макаронами и плодами и съѣдаетъ такое незначительное количество пищи, какимъ никакъ не могъ бы прокормиться нашъ простолюдинъ. Эскимосы съѣдаютъ ежедневно по 10 фунтовъ мяса и по 5 фунтовъ сала или китоваго жира. Жители Исландіи, Лапландцы и Самоѣды изумляютъ путешественниковъ своимъ пристрастіемъ къ салу и къ жиру, который они пожираютъ въ огромномъ количествѣ, не обращая вниманія ни на вкусъ, ни на запахъ, ни на степень свѣжести. Это пристрастіе имѣетъ свои фізіологическія причины. Жиръ, какъ вещество, заключающее въ себѣ очень мало кислорода и очень много углерода и водорода, отлично поддерживаетъ органическій процессъ горѣнія точно также, какъ онъ отлично поддерживаетъ горѣніе лампы. Жиръ горитъ долго и своимъ горѣніемъ производитъ сильную теплоту; поэтому жиръ болѣе чѣмъ какое либо другое вещество приноситъ пользу жителямъ полярныхъ земель; онъ даетъ имъ возможность развѣвать то значительное количество животной теплоты, которое необходимо имъ, чтобы уравнивать охлаждающее дѣйствіе сильныхъ и продолжительныхъ морозовъ.

Въ холодномъ климатѣ желудокъ усиливаетъ свою дѣятельность и одолеваетъ такое количество пищи, которое могло бы разстроить его отправленія въ теплой странѣ. Путешественники, отправившіеся отыскивать остатки франклиновой экспедиціи, изумлялись тому невообразимому количеству мяса и сала, съ которымъ справлялись ихъ желудки подъ вліяніемъ полярнаго холода. Лѣтомъ или вообще въ теплому климатѣ выдѣленіе углекислоты уменьшается, весь обмѣнъ веществъ становится медленнѣе, аппетитъ уменьшается и пищевареніе становится менѣе энергичнымъ. Бедуинъ отправляется въ дальнюю дорогу съ мѣшкомъ финиковъ подъ сѣдельною лукою. Отаитянинъ круглый годъ питается плодами своего хлѣбнаго дерева. Французы находятъ, что можно позавтракать, ограничиваясь салатомъ, орѣхами или каштанами. Подоб-

ная воздержность для насъ, жителей сѣвера, также непонятна, какъ прожорливость Гренландцевъ или Самоѣдовъ.

Не всѣ животныя обладаютъ, подобно человѣку, способностью усиливать или уменьшать выработываніе животной теплоты, смотря по свойствамъ окружающей температуры. Этой способности, заключающейся, вѣроятно, въ особенномъ устройствѣ нервовъ, нѣтъ у такъ называемыхъ *хладнокровныхъ* животныхъ, у змѣй, у лягушекъ, у рыбъ и т. п. Теплота этихъ животныхъ упадаетъ и возвышается вмѣстѣ съ окружающею температурою; это не нарушаетъ ихъ здоровья. При извѣстномъ охлажденіи они впадаютъ въ оцѣпенѣніе, которое проходитъ отъ дѣйствія теплоты. Говорятъ даже, что гусеницы, жабы и даже нѣкоторыя породы рыбъ, совершенно околѣвшия и затвердѣвшия отъ холода, оживаютъ, когда ихъ положить въ теплое мѣсто. Напротивъ того, всѣ млекопитающія и птицы умираютъ при извѣстной степени охлажденія и до послѣдней возможности борются противъ охлаждающаго дѣйствія внѣшней температуры. Даже тѣ животныя, которыя зимою засыпаютъ и которыя во время своего сна теряютъ значительную часть своей теплоты, не выносить охлажденія до нуля, т. е. до точки замерзанія воды.

Способность примѣняться къ окружающей температурѣ развивается постоянно вмѣстѣ съ другими силами животнаго. «Молодые воробьи, говорятъ Льюисъ, вынутые изъ гнѣзда, въ которомъ ихъ согрѣвала мать, при умѣренной температурѣ потеряли очень быстро около 11 градусовъ по Цельзію своей теплоты, такъ что ихъ тѣло оказалось только на полтора градуса теплѣе окружающаго воздуха.» Вообще, чѣмъ моложе животное, тѣмъ менѣе оно способно сопротивляться холоду быстрымъ усиленіемъ внутренней теплоты. За то для молодого животнаго перемѣны внутренней температуры не такъ опасны, какъ для взрослого. Кромѣ того, способность сопротивляться измѣненіямъ внѣшней температуры даже у взрослыхъ животныхъ измѣняется вмѣстѣ съ временами года. Первый жаркій весенній день дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, чѣмъ знойные дни іюля или августа. Точно также утренній морозъ, являющійся лѣтомъ или раннею осенью, кажется намъ гораздо холоднѣе такого же зимняго мороза. Опыты и наблюденія надъ животными показали, что они лѣтомъ при одинаковомъ градусѣ холода теряютъ больше внутренней теплоты, чѣмъ зимою. Организмъ привыкаетъ въ извѣстное время доставлять извѣстное количество теплоты. Потомъ когда окружающая температура постепенно сдѣлается теплѣе (при переходѣ отъ зимы къ веснѣ) или холоднѣе (отъ осени къ зимѣ), то и организмъ постепенно перемѣняетъ свою дѣятельность. Если же онъ вдругъ почувствуетъ сильное измѣненіе, онъ не успѣетъ приготовиться, и вы испытаете то непріятное ощущеніе, которое причиняетъ даже здоровому человѣку внезапная перемѣна погоды. Кто живетъ въ Петербургѣ, тотъ

знаеть, чего стоять эти перемѣны, и какое громадное количество кашлей, насморковъ, ревматизмовъ и разнообразныхъ простудъ носится въ воздухѣ при быстрыхъ переходахъ отъ оттепели къ морозу и отъ мороза къ оттепели.

Изъ всего, что было говорено выше о животной теплотѣ, видно, что количество этой теплоты, постоянно выдѣляющееся изъ тѣла, очень значительно. По вычислениямъ нѣмецкаго физиолога Бишофа оказывается, что взрослый человѣкъ въ теченіи 24-хъ часовъ выдѣляетъ такое количество теплоты, которое можетъ довести до кипѣнія 80 фунтовъ воды холодной какъ ледъ. Рождается вопросъ, на что же затрачивается это значительное количество теплоты?

Во-первыхъ она употребляется на то, чтобы сообщать пищу и питью, входящимъ въ наше тѣло, ту температуру, въ которой находятся наши внутренности. Всѣ холодные предметы, употребляемые въ пищу, согреваются въ желудкѣ и въ кишкахъ и такимъ образомъ непосредственно отнимаютъ у насъ нѣкоторую часть нашей теплоты. Испражнения наши, при выходѣ изъ тѣла, представляютъ температуру отъ 29 — 30 градусовъ по Реомюру, и уносятъ съ собою отъ 2 — 3 процентовъ всего количества тратящейся теплоты.

Воздухъ, проникающій въ наши легкія при вдыханіи, обыкновенно бываетъ гораздо холоднѣе нашего тѣла; возвращаясь изъ легкыхъ, онъ оказывается нагрѣтымъ въ значительной степени. Это нагрѣваніе вдыхаемаго воздуха отнимаетъ у нашего тѣла отъ 5 — 6 процентовъ всей суточной потери теплоты.

Превращеніе твердыхъ веществъ въ жидкія, и жидкихъ въ газообразныя поглощаетъ извѣстное, довольно значительное количество теплоты, которая дѣлается *скрытою* и потомъ при обратномъ процессѣ, т. е. при превращеніи газообразнаго тѣла въ жидкое или жидкаго въ твердое, снова освобождается. Таяніе льда, превращеніе воды въ паръ уноситъ изъ окружающаго воздуха нѣкоторое количество теплоты и производитъ такимъ образомъ охлажденіе.

На поверхности всего нашего тѣла и на внутренней поверхности легкыхъ происходитъ постоянно выдѣленіе воды въ газообразномъ состояніи; это испареніе воды поглощаетъ значительное количество теплоты и уноситъ изъ нашего тѣла отъ 14—15 процентовъ всей суточной потери. Охлажденіе кожи становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше количество выдѣляемой воды; это охлажденіе доходитъ до высшей степени, когда на поверхности кожи выступаютъ водяныя капли, которыя называются потомъ или испариною. Съ появленіемъ пота неразлучно сильное охлажденіе всего тѣла, такъ что выступающая испарина облегчаетъ горячечное состояніе и въ глазахъ врача является однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ выздоровленія. Люди, сильно потѣющіе лѣтомъ, мень-

ше страдаютъ отъ жара, чѣмъ люди, лишенные этой способности или обладающіе ею въ меньшей степени. Франклинъ рассказываетъ, что жнецы въ Пенсильваніи почти вовсе не страдаютъ отъ самаго сильнаго зноя; они пьютъ воду въ огромномъ количествѣ и вслѣдствіе этого потѣютъ такъ сильно, что совокупность воды, выдѣляемой ими въ одніи сутки, равняется по вѣсу одной пятой или шестой части всего ихъ тѣла; охлажденіе, вызываемое испареніемъ этой воды, составляетъ противовѣсъ солнечному жару и даетъ жнецамъ возможность работать, не выбываясь изъ силъ, въ самое знойное время дня. Замѣчено также, что работники, занимающіеся на стеклянныхъ, фарфоровыхъ или литейныхъ заводахъ, выпиваютъ очень много воды и, увеличивая такимъ образомъ количество выдѣляемаго пота, легче переносятъ тотъ страшный жаръ, въ которомъ они должны находится во время работы.

Въ жаркій лѣтній день мы всегда чувствуемъ сильную жажду, которую всего пріятнѣе утолять холодными напитками. Эти напитки прохлаждаютъ тѣло отчасти непосредственно, отчасти тѣмъ, что возбуждаютъ усиленное выдѣленіе пота; повредить организму они не могутъ; для того чтобы значительное количество холодной воды не обременило собою желудка, достаточно прибавлять къ ней немного вина.

На количество испаряющейся изъ нашего тѣла воды имѣютъ значительное вліяніе свойства окружающаго насъ воздуха; чѣмъ суше воздухъ, тѣмъ больше онъ способенъ принимать въ себя водяные пары и тѣмъ сильнѣе онъ поглощаетъ газообразную воду, выдѣляющуюся изъ нашего тѣла. Сухой воздухъ прохлаждаетъ наше тѣло сильнѣе сыраго воздуха. Вычислено, что сухой воздухъ при 20 градусахъ тепла доставляетъ намъ столько же прохлады, сколько сырой воздухъ при 14 градусахъ. На высокихъ горахъ мы чувствуемъ сильный холодъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, рѣдкій воздухъ содѣйствуетъ испаренію воды изъ нашего тѣла; во-вторыхъ, этотъ рѣдкій воздухъ слабѣе нагрѣвается лучами солнца и даетъ нашимъ легкимъ меньше кислорода, слѣдовательно ослабляетъ процессъ органическаго горѣнія; въ-третьихъ, въ этихъ мѣстахъ постоянно дуетъ вѣтеръ, и это обстоятельство значительно усиливаетъ холодъ. На сколько холодъ становится чувствительнѣе нашему организму при сухости воздуха, на столько же усиливается ощущеніе жара при сырости атмосферы. Совершенно сырой воздухъ при сильномъ зноѣ дѣйствуетъ на тѣло разслабляющимъ образомъ. Тѣлу некуда тратить своей теплоты; окружающій воздухъ очень тепелъ и слѣдовательно уноситъ очень мало теплоты своимъ непосредственнымъ прикосновеніемъ; сверхъ того, этотъ воздухъ насыщенъ водяными парами и слѣдовательно не принимаетъ испареній нашего тѣла; обмѣнъ веществъ, совершающійся на поверхности нашего тѣла, оказывается нарушеннымъ, и во всемъ организмѣ

является тяжелое ощущение. Сырой и жаркій климатъ разрушительно дѣйствуетъ на здоровье; съ такимъ климатомъ неразлучны разныя болѣзни, мѣстныя лихорадки и горячки, которыя особенно губительно дѣйствуютъ на иностранцевъ. Если посадить животное въ комнату, наполненную совершенно сырмъ воздухомъ, котораго теплота превышаетъ температуру тѣла, то животное скоро умретъ.

Мы видѣли такимъ образомъ, что теплота нашего тѣла тратится на согрѣваніе веществъ, входящихъ въ желудокъ, на согрѣваніе воздуха, проникающаго въ легкія, и на превращеніе воды изъ жидкаго состоянія въ газообразное. Этими тремя способами истрачивается около 24 процентовъ суточной потери. Все остальное количество вырабатываемой теплоты уходитъ путемъ непосредственнаго охлажденія, т. е. нагрѣваетъ собою тѣ слои воздуха, которые прикасаются къ нашему тѣлу. Окружающій насъ воздухъ постоянно гораздо холоднѣе нашего тѣла и потому, какъ только онъ дотрогивается до него, такъ извѣстное количество нашей теплоты уходитъ въ воздухъ, и мы испытываемъ ощущение прохлады или холода, смотря потому, какъ велико различіе температуры между воздухомъ и нашимъ тѣломъ. Что воздухъ дѣйствительно нагрѣвается отъ прикосновенія къ нашему тѣлу, это доказывается тѣмъ, что намъ становится жарко зимою въ нетопленной церкви, если она наполнена людьми. Такъ какъ большая часть истрачиваемой нами теплоты, именно 76 процентовъ или болѣе трехъ четвертей, уходитъ въ окружающій насъ воздухъ, то испытываемыя нами ощущенія жара или холода зависятъ почти исключительно отъ температуры этого воздуха и отъ того обстоятельства, насколько мы подвержены его прикосновенію. Желая выдти на улицу, мы смотримъ на термометръ и, соображаясь съ его показаніями, надѣваемъ то или другое платье. Выдя на улицу, мы инстинктивно, принимаемъ тѣ или другія мѣры для усиленія или для ослабленія вырабатываемаго нами количества теплоты; мы ускоряемъ походку, если чувствуемъ холодъ, и, придавая нашимъ движеніямъ большую быстроту, усиливаемъ процессъ органическаго горѣнія. Если намъ жарко, мы, напротивъ того, идемъ медленнѣе, движенія наши становятся лѣнливѣе, органическое горѣніе ослабляется и мы пассивно защищаемся противъ жара, уходимъ въ тѣнь, ищемъ вѣтерка, радуемся тучкѣ, набѣжавшей на солнце.

Въ умѣренномъ климатѣ, въ самое знойное лѣто, температура воздуха не достигаетъ той степени теплоты, на которой постоянно находятся наша кровь и внутреннія части нашего тѣла. Кѣгда воздухъ нагрѣвается до 30 градусовъ Реомюра, мы уже не знаемъ, куда дѣваться отъ жара; мы надѣваемъ самое легкое платье, уходимъ въ тѣнистыя мѣста, купаемся по нѣсколько разъ въ день и все-таки воздухъ отнимаетъ у нашего тѣла такое незначительное количество вы-

рабатываемой нами теплоты, что мы чувствуемъ какое-то разслабленіе, вялость, неспособность къ работѣ. Насъ тяготитъ то количество теплоты, котораго намъ некуда выдѣлить. Температура воздуха, равняющаяся теплотѣ нашего тѣла, была бы для насъ *à la longue* невыносима. Животныя раздѣляютъ съ нами эти ощущенія. Всякій имѣлъ случай наблюдать, какъ лѣтомъ, около полудня, все въ природѣ затихаетъ и въ своей неподвижности ищетъ того уменьшенія внутренней теплоты, котораго нельзя найти въ прикосновеніи окружающей атмосферы. Чтобы человѣкъ, снявшій съ себя все платье, могъ чувствовать себя вполне хорошо — необходимо, чтобы температура окружающаго воздуха заключала въ себѣ отъ 22 — 25 градусовъ, т. е. чтобы она была градусовъ на 8 ниже температуры нашего тѣла. Когда же прикосновеніе между нашимъ тѣломъ и воздухомъ ослаблено, т. е. когда мы одѣты, то такая температура слишкомъ высока и дѣлается уже непріятною; тогда достаточно, смотря по возрасту и общей комплекціи человѣка, отъ 15 до 20 градусовъ.

Одежда предохраняетъ насъ отъ дѣйствія холода тѣмъ, что она устраняетъ непосредственное прикосновеніе воздуха. Всѣ тѣла, извѣстныя намъ въ практической жизни, могутъ быть раздѣлены на хорошіе и худые проводники теплоты. Всякій знаетъ, что если желѣзная палка съ одного конца накалена до красна, то и другой конецъ ея, не лежавшій въ огнѣ, непременно обожжетъ прикасающуюся къ нему руку. Всякому точно также извѣстно, что деревянную палку, зажженную съ одного конца, можно держать въ рукахъ, не боясь обжога. Всѣ металлы принадлежатъ къ числу хорошихъ проводниковъ теплоты, т. е. всѣ они очень быстро принимаютъ и передаютъ температуру окружающаго воздуха. Желѣзная крыша накаляется лѣтомъ и дѣлается невыносимо холодною во время зимы. Желѣзный домъ былъ бы вслѣдствіе этого обстоятельства въ высшей степени неудобенъ, холоденъ зимою и невыносимо тепелъ лѣтомъ. Одежда, сотканная изъ тонкихъ металлическихъ нитокъ, имѣла бы всѣ эти неудобства; она лѣтомъ не предохраняла бы отъ жара, а зимою не защищала бы отъ холода. Для построенія нашихъ жилищъ, и для приготовленія одежды мы выбираемъ, по возможности, самые худые проводники теплоты. Шерсть, изъ которой дѣлаются наши сукна, хлопчатая бумага, изъ которой готовится огромное количество разнообразныхъ матерій, и которая толстыми слоями кладется между покрывкою и подкладкою теплыхъ одеждъ, мѣха, служащія для приготовленія шубъ, и пухъ, замѣняющій вату или хлопчатую бумагу, принадлежатъ къ числу самыхъ худыхъ проводниковъ теплоты. Это объясняется тѣмъ, что между тонкими волокнами этихъ веществъ находится нѣсколько изолированныхъ слоевъ воздуха, а воздухъ принадлежитъ къ самымъ худымъ проводникамъ. Чѣмъ пушистѣе какая нибудь матерія,

т. е. тѣмъ больше слоевъ воздуха находится между ея волокнами, тѣмъ хуже она проводитъ теплоту, и слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе она защищаетъ наше тѣло отъ дѣйствія внѣшняго воздуха. Одежда помогаетъ намъ переносить такія низкія температуры, которыя принесли бы намъ вѣрную смерть, если бы мы подвергли ихъ дѣйствію свое непокрытое тѣло. Въ хорошей шубѣ мы можемъ переносить морозъ отъ 15 до 20 градусо́въ, не чувствуя особеннаго страданія; та же самая температура заморозила бы насъ въ короткое время, еслибы мы не были защищены отъ ея дѣйствія плохими проводниками.

Движеніе воздуха значительно увеличиваетъ охлажденіе нашего тѣла, потому что при вѣтрѣ новые слои воздуха быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, дотрогиваются до непокрытыхъ частей нашего тѣла, напр. до лица и мгновенно уносятъ вырабатываемую нами теплоту. Такая степень холода, которая при отсутствіи вѣтра, почти вовсе не доставляетъ намъ непріятныхъ ощущеній, становится невыносимою при сильномъ движеніи воздуха. Мореплаватели, бывавшіе въ полярныхъ странахъ, говорятъ, что холодъ въ 32° по Реомюру при совершенной тишинѣ сноси́е холода въ 13° при сильномъ вѣтрѣ. Капитанъ Парри рассказываетъ, что при холодѣ въ 38° по Реомюру безъ вѣтра; можно было въ продолженіи четверти часа оставлять руки незакрытыми. Когда же поднимался вѣтеръ, то это дѣлалось невозможнымъ даже при 13° холода.

Во время жара движеніе воздуха доставляетъ пріятную прохладу, если только температура воздуха не превышаетъ теплоты нашего тѣла. Въ тропическихъ земляхъ, богатые люди проводятъ знойное время дня въ домахъ и воздухъ въ ихъ комнатахъ постоянно приводится въ движеніе посредствомъ большихъ вѣеровъ или опахалъ. Сверхъ того окна завѣшиваются большими соломенными матами, которыя разъ десять въ часъ обливаются водою. Потокъ разогрѣтаго воздуха, проходя черезъ мокрую занавѣску превращаетъ воду въ пары, охлаждается въ слѣдствіе этого, и, доходя до обитателей комнаты, приноситъ имъ пріятное и живительное ощущеніе прохлады. Только при подобномъ искусственномъ охлажденіи атмосферы европейцу удается свыкнуться съ такимъ климатомъ, въ которомъ температура воздуха нерѣдко становится на 10 или 12 градусо́въ выше теплоты тѣла.

Замѣчательно, что въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ человѣкъ можетъ выносить температуру, далеко превышающую теплоту тѣла. Банксъ, говоритъ Бюхнеръ, пробылъ семь минутъ въ сухой комнатѣ, нагрѣтой до 80° Реомюра. Тилье рассказываетъ, что одна булочница провела 10 минутъ въ топленой печкѣ, въ которой жаръ доходилъ до 90°. Льюисъ говоритъ, что знаменитый «царь огня» Шаберъ возбудилъ въ зрителяхъ величайше удивленіе, войдя въ печку, нагрѣтую выше 160° Реомюра. Мы получаемъ такимъ образомъ заключеніе, что есть люди, способные

перенести въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ температуру, далеко превышающую точку кипѣнія воды. Если вѣрить разсказу о подвигѣ Шабера, то окажется, что крайній предѣлъ жара, который можетъ вынести человѣкъ, вдвое сильнѣе того жара, который заставляетъ кипѣть воду, вчетверо сильнѣе теплоты нашей крови и слишкомъ впятеро сильнѣе того дѣтняго зноя, который приводитъ насъ въ разслабленное состояніе.

Измумительна также та степень холода, которую нерѣдко приходилось выдерживать путешественникамъ, пускавшимся въ полярныя экспедиціи. Холодъ ходилъ до 32, до 40, по словамъ Льюиса, даже до 60° Реомюра. Эта борьба съ холодомъ, стоящимъ слишкомъ на 65° ниже комнатной температуры и на 90° ниже температуры тѣла, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнѣе подвиговъ Шабера. Шабера входить въ пещку, изъ которой онъ могъ тотчасъ выдти, а несчастные путешественники имѣли дѣло съ неумолимымъ и неотразимымъ врагомъ. Для нихъ отступленіе было невозможно; имъ надо было выдержать борьбу или умереть, какъ умеръ Франклинъ съ своими спутниками, какъ умирали многіе смѣльчаки, участвовавшіе въ неудачныхъ полярныхъ экспедиціяхъ. Испытаніе Шабера продолжалось двѣ, три минуты, а борьба полярныхъ путешественниковъ съ мертвящимъ холодомъ тянулась цѣлыми мѣсяцами. Хорошее отопленіе корабля, обильная питательная пища, теплая мѣховая одежда, усиленіе моціона и произвольное усиленіе дыханія являлись главными вспомогательными средствами въ этой страшной борьбѣ человѣка съ колоссальными силами природы; и въ большей части случаевъ человѣкъ одолевалъ, т. е. успѣвалъ сохранить жизнь и даже здоровье, не смотря на разрушительное дѣйствіе низкой температуры.

Мы видимъ такимъ образомъ, что человѣкъ способенъ выдержать температуру, стоящую на 90° Реомюра ниже и на 90° Реомюра выше температуры его тѣла. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что всѣ климаты земнаго шара доступны человѣку, и что гибкій организмъ его, при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей, можетъ примѣниться и къ 35-тиградусному жару тропиковъ и къ 35-тиградусному холоду Шпицбергена и Гренландіи.

Но, чтобы господствовать надъ окружающими насъ физическими условіями, надо знать тѣ законы, которымъ они повинуются. Всякая попытка нарушить физическій законъ ведетъ за собою самыя неприятыя послѣдствія. Обладая способностью переносить при извѣстныхъ условіяхъ почти всѣ естественныя температуры, существующія на поверхности нашей планеты, человѣкъ можетъ по неосторожности или по невѣденію разрушить свое здоровье очень умѣренною степенью жара или холода. Простуда является въ большей части случаевъ главною причиною нашихъ болѣзней, и простужаемся мы большею частью не оттого, что холодъ особенно силенъ, не оттого, что намъ не откуда взять теплое платье,

а оттого, что мы не имѣемъ понятія о потребностяхъ нашего организма и потому опускаемъ необходимыя предосторожности или совершенно не въ попадь начинаемъ дѣйствовать по какой нибудь не вѣрно понятой гигиенической системѣ.

Простуда является всего легче и бываетъ всего опаснѣе въ томъ случаѣ, когда сильный холодъ дѣйствуетъ внезапно на очень теплую кожу. Особенно вреденъ бываетъ сквозной вѣтеръ или обливаніе холодною водою послѣ разгоряченія и сильнаго выдѣленія пота. Также вреденъ быстрый переходъ отъ зимняго платья къ лѣтнему. Простуда можетъ также совершиться постепенно и совершенно незамѣтно для самаго паціента; если мы носимъ слѣшкомъ легкое платье, не довольно тепло покрываемся ночью во время сна, живемъ въ холодной и сырой квартирѣ или въ такомъ суровомъ климатѣ, который не по силамъ нашему тѣлосложенію, то мы простужаемся постепенно и мало по малу подкашиваемъ наше здоровье.

Попытки пріучить себя къ холоду, стремленіе укрѣпить здоровье своихъ дѣтей такъ называемымъ спартанскимъ воспитаніемъ возбуждаютъ справедливую оппозицію со стороны всякаго раціонально образованнаго медика. Можно до нѣкоторой степени притупить тѣ нервы, которые проводятъ въ мозгъ ощущеніе боли, но нѣтъ никакой возможности уничтожить вредное дѣйствіе холода на организмъ. Пріучить тѣло къ холоду все равно, что пріучить желудокъ къ голоду, спину къ розгамъ, легкія къ отсутствію кислорода, глаза къ полной темнотѣ. Вы никакъ не пріучите воду къ тому, чтобы она не замерзала при 0° и не кипѣла, подъ обыкновеннымъ давленіемъ, при 80° Реомюра. Вспомните, что ваше тѣло въ своихъ составныхъ частяхъ повинуется тѣмъ же законамъ, которымъ покоряется вода; вспомните, что кровь ваша обращается, и сердце бьется, и желудокъ варитъ пищу помимо вашей воли, вспомните, что въ васъ дѣйствуютъ тѣ же физическія и химическія силы, которыя сталкиваются и переплетаются между собою въ окружающемъ мірѣ и вы убѣдитесь въ томъ, что боретесь съ своими непосредственными ощущеніями значить боретесь съ силами природы и противопоставлять этимъ силамъ не такія же дѣйствительныя физическія силы, а одну отвлеченную, неуловимую и неосязательную силу своей воли.

Если вы почувствовали холодъ, смѣло надѣвайте теплое платье; если существуетъ ощущеніе, то существуетъ и причина, вызвавшая это ощущеніе; не бойтесь изнѣжить себя; когда теплое платье сдѣлается излишнимъ, вамъ доложить объ этомъ то же самое ощущеніе, которое заставило васъ вынуть это платье изъ шкапа. Мы изнѣживаемъ себя не тѣмъ, что повинемся нашимъ ощущеніямъ, а тѣмъ, что съ дѣтства, по милости родителей и воспитателей, привыкаемъ къ искусственнымъ наслажденіямъ и создаемъ себѣ искусственныя потребности.

Если вы считаете необходимымъ имѣть за обѣдомъ поддюжины замысловатыхъ соусовъ, въ которыхъ естественный вкусъ пищи заглушенъ пряностями и приправами, то эту потребность смѣло можно назвать искусственной; но если вы, какъ здоровый человекъ, часто чувствуете сильный аппетитъ и съѣдаете за вашимъ обѣдомъ по нѣскольку кусковъ хорошей говядины, то вамъ остается только радоваться правильнымъ отправленіямъ вашего желудка и немедленно удовлетворять всѣмъ его требованіямъ. Каждому педагогу, завѣдывающему матеріальною частью воспитанія, слѣдуетъ внушить строго на-строго, что онъ воленъ не баловать своихъ воспитанниковъ рагу и фрикасе, но что онъ положительно обязанъ кормить ихъ до отвала здоровою, свѣжею пищею. Держаться въ отношеніи къ продовольствію воспитанниковъ или воспитанницъ спартанской системы—въ высшей степени безчеловѣчно; если это дѣлается ради укрѣпленія здоровья дѣтей, то это обличаетъ тупоуміе и полнѣйшее невѣжество педагога; если же это дѣлается изъ личнаго, экономическаго расчета, тогда это подлѣе всякаго взяточничества. Это значить лишать воспитанниковъ тѣхъ силъ, которыя только что начинаютъ развиваться, и которыя необходимы имъ въ будущемъ для того, чтобы наслаждаться жизнью и по мѣрѣ силъ дѣйствовать на пользу своихъ согражданъ.

То, что я сказалъ о пищѣ, вполне прилагается и къ теплотѣ. Теплота, по выраженію Гуфеланда, другъ жизненной силы, и для здоровья человека ея присутствіе въ умѣренной степени также необходимо, какъ для прозябанія травы, для распусканія цвѣтка и для созрѣванія плода. Если вашъ воспитанникъ забнетъ—укройте его, вытопите комнату, перемѣните квартиру; къ холоду и къ сырости человѣческой организмъ не пріучается и экономизировать на теплотѣ также безсовѣстно, какъ экономизировать на пищѣ.

Теплота всего необходимѣе для человека въ началѣ и въ концѣ его жизни. Новорожденный ребенокъ выходитъ изъ такой среды, которая гораздо теплѣе комнатнаго воздуха; его надо пріучать постепенно даже къ теплой, комнатной температурѣ; съ нимъ надо обращаться бережно и нѣжно, чтобы не задавить слабо мерцающую искру жизни. Обычай Спартанцевъ и древнихъ Германцевъ купать новорожденныхъ дѣтей въ холодной водѣ изумляетъ насъ своею нелѣпностью; ни одна собака не поступитъ такимъ образомъ съ своимъ щенкомъ, ни одна птица не выгонитъ изъ теплаго гнѣзда своихъ неоперившихся птенцовъ; Спартанцы и отчасти Германцы, какъ народъ, жившій войною и грабежемъ, могли обращаться такъ неосторожно съ своими новорожденными дѣтьми собственно съ тою цѣлю, чтобы избавить себя отъ труда воспитывать слабыхъ и болѣзненныхъ младенцевъ; Спартанцамъ законы Ликира приказывали даже положительно убивать уродливыхъ или щедушныхъ дѣтей.

Надо впрочемъ замѣтить, что даже эта цѣль не достигается купаніемъ дѣтей въ холодной водѣ; во-первыхъ, совершенно здоровый и очень хорошо сложенный ребенокъ можетъ умереть отъ подобныхъ передѣлокъ; во-вторыхъ, очень болѣзненные дѣти часто превращаются, выростая, въ очень сильныхъ и здоровыхъ людей.

Первые годы жизни бываютъ для дѣтей самымъ тяжелымъ и опаснымъ временемъ; справьтесь съ статистическими таблицами и вы увидите, что почти половина дѣтей, родившихся въ такомъ-то году умираетъ, не достигши пятилѣтняго возраста. Организмъ молодаго существа, не успѣвшій укрѣпиться и развернуть свои силы, не успѣвшій примѣниться къ той борьбѣ съ вѣшней природою, которая называется жизнью, погибаетъ и разрушается частью отъ невѣжества окружающихъ людей, частью отъ ихъ безпечности, частью отъ излишней внимательности и неумѣстной заботливости. Когда первые годы дѣтства пройдутъ благополучно, тогда можно постепенно укрѣплять силы ребенка тѣлесными упражненіями, можно мало-по-малу приучать его къ холоду, но при этомъ надо соблюдать извѣстную послѣдовательность и твердо помнить то обстоятельство, что есть естественныя границы, которыхъ не слѣдуетъ переступать ни въ какомъ случаѣ. Въ холодномъ климатѣ надѣвать на дѣтей шотландскій костюмъ, водить ихъ осенью или весною по улицѣ съ голыми ногами значить во всякомъ случаѣ подвергать ихъ здоровью самой серьезной опасности.

Старику, начинающему уже чувствовать упадокъ силъ, теплота также полезна и необходима, какъ и ребенку. Въ теплое время года старики чувствуютъ себя лучше обыкновеннаго; зимою они любятъ искусственную теплоту топленной комнаты; въ нашемъ простонародьѣ старики проводятъ большую часть года на печкѣ или, какъ ее называютъ въ деревняхъ средней Россіи, на лежанкѣ. Теплыя ванны, усиливающія дѣятельность кожи и уменьшающія ея сухость и жесткость, особенно полезны для стариковъ.

Люди, ведущіе большею частью сидячую жизнь, нуждаются въ большемъ притоцѣ теплоты, чѣмъ люди, часто прогуливающіеся или работающіе на открытомъ воздухѣ.

Люди холоднаго, флегматическаго или меланхолическаго темперамента больше страдаютъ отъ холода, чѣмъ люди горячіе, энергическіе, холерики или сангвиники. Во время зимняго холода 1812 года мерзли преимущественно Голландцы и Нѣмцы, несмотря на то, что Французы, Испанцы и Итальянцы, находившіеся въ арміи Наполеона, меньше ихъ были приучены къ холоду.

Вообще люди слабаго сложенія, не отличающіеся значительною энергіею жизненныхъ отправленій, т. е. сильнымъ аппетитомъ, крѣпкими легкими, хорошимъ пищевареніемъ, развитою дѣятельностью половой

системы, любятъ теплую температуру и не выносятъ холода; напротивъ того, люди крѣпкіе и полнокровные предпочитаютъ прохладную атмосферу и въ ней чувствуютъ себя вполне хорошо. Умѣренная степень холода, дѣйствующая на наше тѣло въ короткій промежутокъ времени, оживляетъ жизненные отправления, привлекаетъ кровь къ кожѣ и вообще къ поверхности тѣла, ускоряетъ обмѣнъ веществъ, усиливаетъ выработку внутренней теплоты и дѣятельность легкихъ, возбуждаетъ нервную систему, словомъ вызываетъ во всемъ организмѣ усиленное движеніе жизни. Но продолжительное дѣйствіе холода всегда ведетъ за собою вредныя послѣдствія уже потому, что напрягаетъ въ извѣстномъ направленіи силы организма и, требуя отъ него усиленной дѣятельности, истощаетъ его этими непомѣрными требованіями.

Для здоровья человѣка всего полезнѣе умѣренный климатъ, въ которомъ нѣтъ ни слишкомъ холодныхъ зимъ, ни изнурительныхъ лѣтнихъ жаровъ, ни рѣзкихъ переходовъ отъ одной температуры къ другой. Конечно, такой идеально-здоровый климатъ мудрено найти на земномъ шарѣ, но вообще можно замѣтить, что приморскія земли, въ которыхъ вліяніе морскихъ испареній смягчаетъ и лѣтній зной и зимній холодъ, пользуются самымъ умѣреннымъ и благораствореннымъ климатомъ. Это положеніе допускаетъ впрочемъ множество исключеній; конечно, сѣверные берега Сибири не отличаются пріятнымъ климатомъ, несмотря на то, что они прилегаютъ къ морю; точно также острова Борнео, Суматра, Ява не могутъ похвалиться здоровымъ климатомъ; находясь въ жаркомъ поясѣ, эти острова отличаются, какъ извѣстно, очень знойнымъ и сырмъ воздухомъ; растительность достигаетъ до колоссальныхъ размѣровъ, животная жизнь кипитъ красотою и силою, но человѣкъ, подавленный жаромъ, который, какъ я говорилъ выше, становится еще невыносимѣе вслѣдствіе того, что воздухъ насыщенъ водяными парами, человѣкъ, повторяю я, въ такомъ климатѣ не можетъ жить умственной жизнью и равномерно развивать всѣ стороны своего существа. Что же касается до приморскихъ земель, лежащихъ въ умѣренномъ поясѣ, то ихъ климатъ по своей мягкости значительно превосходитъ климатъ континентальныхъ земель. Счастливымъ климатомъ пользуется Англія, несмотря на свои густые туманы. Въ сѣверо-восточной Ирландіи, подъ однимъ градусомъ широты съ Кенигсбергомъ, вода рѣдко замерзаетъ зимою и миртъ растетъ на открытомъ воздухѣ точно также какъ въ Португаліи. «Необыкновенная сила, говоритъ Бюхнеръ, съ которою англійскій умъ развился и продолжаетъ развиваться по всѣмъ направленіямъ жизни и науки, представляетъ, быть можетъ, отчасти слѣдствіе этихъ благопріятныхъ климатическихъ условій».

Въ рукахъ опытнаго врача теплота является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ леченія. Когда выработка животной теплоты ослабѣ-

ваетъ вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства, тогда всего лучше согрѣвать пациента искусственными средствами. Припарки, потогонное питье, теплыя ванны, отправленіе больныхъ въ теплый климатъ,—все это такіе медицинскіе приемы, которые знакомы по наслышкѣ или по собственному опыту каждому изъ нашихъ читателей.

Повышеніе или пониженіе общей температуры тѣла даетъ медику возможность судить объ общей силѣ жизненныхъ отправленій у пациента. Жаръ или ознобъ сопровождаютъ собою большую часть каждое болѣзненное состояніе и указываютъ на ненормальное усиленіе или ослабленіе органическаго горѣнія, на неравномѣрное распредѣленіе теплоты въ различныхъ частяхъ тѣла, на болѣзненное нарушеніе въ одномъ изъ важнѣйшихъ процессовъ: въ кровообращеніи, дыханіи или пищевареніи. Все это принимается въ соображеніе свѣдущимъ медикомъ, и потому небольшой термометръ, служащій для изслѣдованія теплоты больныхъ, почти всегда находится при медикѣ, изучающемъ добросовѣстно состояніе своихъ пациентовъ.

ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Человѣкъ, совершенно незнакомый съ естественными науками, не можетъ даже приблизительно представить себѣ, до какой степени разнообразны произведенія природы. Натуралисты до сихъ поръ не могутъ справиться съ этимъ разнообразіемъ, и до сихъ поръ постоянно строятъ различныя классификаціи, которыя постоянно приходится передѣлывать то въ самомъ основаніи, то въ многочисленныхъ подробностяхъ.

Во первыхъ, всю природу нашей планеты дѣлятъ на три царства: минеральное, растительное и животное; но съ одной стороны, Жоффруа-Сентъ-Илеръ и Катрфажъ желаютъ, чтобы для человѣка было отведено четвертое царство, а съ другой стороны, нѣкоторые ученые утверждаютъ, что между растеніями и животными нельзя провести рѣзкую границу, потому что между ними существуетъ множество переходныхъ формъ. Разногласіе начинается такимъ образомъ съ перваго шага; за тѣмъ царства раздѣляются на отдѣлы; царство животныхъ, которое я постоянно буду имѣть въ виду въ этомъ очеркѣ, раздѣляется на два *отдѣла* — позвоночные и безпозвоночные. Къ первому принадлежатъ четыре класса: млекопитающія, птицы, земноводныя и рыбы; ко второму — четырнадцать различныхъ классовъ, изъ которыхъ я назову здѣсь насѣкомыхъ, моллюсковъ, полиповъ и микроскопическихъ инфузорій. Потомъ классы распадаются на *порядки*, *порядки* — на *группы*, *группы* — на *семейства*, *се-*

мейства — на *роды*, *роды* — на *виды*, и наконецъ въ каждомъ видѣ различается по нѣскольку породъ, расъ или разновидностей. Вотъ тутъ-то, въ самомъ концѣ классификаціи, натуралисты-систематики испытываютъ постоянныя огорченія. Возьмемъ, на примѣръ, барана. Принадлежитъ онъ, по учебнику г. Григорьева, къ царству животныхъ, къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ порядку двукопытныхъ, къ семейству полорогихъ, къ роду — *ovis*; видъ — *ovis aries*.

Пока идетъ дѣло о высшихъ инстанціяхъ, отъ царства до порядка, и даже до семейства, до тѣхъ поръ все обстоитъ благополучно; что баранъ — животное, что у него есть позвоночный хребетъ, что его самка питаетъ дѣтей молокомъ, что у него раздвоенныя копыта, и полые рога — все это неопровержимыя истины. Но произносится родовое названіе *ovis* и начинается рядъ недоразумѣній; вы не знаете, на что указываетъ это названіе — на сходство признаковъ, или на единство происхожденія. Что за слово *ovis*? Похоже ли оно на слово *блондинъ* или *брюнетъ*, или, напротивъ того, на фамилію *Петровъ* или *Ивановъ*? Вы предлагаете этотъ вопросъ натуралисту, и онъ вамъ отвѣчаетъ, что различные члены одного рода соединены между собою только сходствомъ признаковъ. А члены одного вида? спрашиваете вы дальше. Это другое дѣло, отвѣчаетъ натуралистъ, тѣ связаны между собою единствомъ происхожденія. «Тѣ животныя, говоритъ вамъ учебникъ, которыя сходны между собою во всѣхъ своихъ признакахъ (въ строеніи своихъ органовъ, въ наружной формѣ тѣла, въ образѣ жизни и проч.) и которыя *происходятъ отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей*, соединяются при описаніяхъ вмѣстѣ въ одинъ видъ.»

Чудесно, думаете вы. Вотъ у меня *ovis aries*; стало быть, и сынъ его будетъ *ovis aries*, и внукъ, и правнукъ, и такъ далѣе, до свѣтопреставленія. Если же я обращаю взоръ свой въ прошедшее, то увижу за своимъ *ovis aries* необозримо длинный рядъ предковъ, которые всѣ точь въ точь похожи другъ на друга, и на своего общаго родоначальника, на перваго *ovis aries*, явившагося на свѣтъ безъ отца и безъ матери. Понимаю. Успокоившись такимъ образомъ, вы продолжаете читать исторію о баранѣ, но вдругъ оказывается, что вы совсѣмъ ничего не понимаете. Вамъ объявляютъ, что баранъ «представляетъ множество разновидностей, какъ-то: мериносы изъ Испаніи, съ тонкою курчавою шерстью; англійская овца, безрогая съ тонкою шерстью; венгерскій баранъ съ спирально закрученными рогами и грубою шерстью; курдючныя и жирнохвостыя овцы, замѣчательныя скопленіемъ жира въ хвостѣ и въ задней части тѣла, съ хвостомъ длиннымъ, толстымъ, и съ повислыми ушами». А куда же дѣвался настоящій представитель вида? Гдѣ вашъ неизмѣнный *ovis aries*, на котораго вы надѣялись, какъ на каменную гору, и который долженъ былъ происходить «отъ совершенно по-

добныхъ себѣ родителей?» Онъ васъ обманулъ, онъ растаялъ у васъ въ рукахъ, и превратился во «множество разновидностей», съ которыми вы опять не знаете, что дѣлать. Вамъ представляются два возможныхъ объясненія, и оба они одинаково губительны для вида *ovis aries*. Во-первыхъ, вы можете держаться того принципа, что каждое животное происходитъ «отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей». Тогда вы должны будете допустить, что всѣ мериносы происходятъ отъ мериноса, венгерскіе бараны отъ венгерскаго барана, курдючныя овцы отъ курдючной овцы, и такъ далѣе. Но вѣдь разновидностей дѣйствительно существуетъ великое множество. Въ одной Англійи разводится столько различныхъ породъ барановъ, что одинъ натуралистъ печатно высказалъ предположеніе, будто эти породы должны происходить отъ одиннадцати сортовъ дикихъ барановъ. Стало быть, вамъ придется, вмѣсто одной формы *ovis aries*, представить себѣ безчисленное множество самостоятельныхъ формъ, вышедшихъ изъ нѣдръ земли въ полномъ всеоружіи своихъ отгѣнковъ и атрибутовъ, точно такъ, какъ Минерва вышла изъ головы Зевеса. Очевидно, что понятіе *ovis aries* окажется совершенно неуловимымъ мифомъ. Во-вторыхъ, вы можете отбросить въ сторону тотъ принципъ, что дѣти совершенно подобны родителямъ. Тогда вы увидите, что и мериносы, и венгерскіе бараны, и англійскіе, и курдючныя могли произойти отъ одной общей формы, которую, пожалуй, можно будетъ назвать *ovis aries*. Но если эта общая форма распозлзлась такимъ образомъ въ разныя стороны, и испытала на себѣ множество превращеній, то какая же она, послѣ этого, неизмѣнная? А если *ovis aries* измѣнялся и вчера, и третьяго дня, и въ прошломъ столѣтіи, и въ за-прошломъ, то гдѣ же основаніе думать, что онъ когда нибудь былъ совершенно неизмѣннымъ? Если мериносы, курдючныя, венгерскіе, англійскіе составляютъ развѣтвленія одной общей формы, то эта общая форма въ свою очередь представляется отросткомъ другой формы, еще болѣе общей, на примѣръ, такой, которая, въ глубинѣ вѣковъ, соединяла въ себѣ всѣхъ теперешнихъ представителей рода *ovis*. Если бы вмѣсто барана мы взяли какое нибудь другое животное, то намъ во всякомъ случаѣ представилось бы то же самое затрудненіе, и та же дилемма; встрѣчаясь съ разновидностями, намъ пришлось бы или предположить, что онѣ существуютъ отъ начала вѣковъ, или допустить, что онѣ выработались изъ одной общей формы, способной измѣняться.

Большинство натуралистовъ постоянно уклонялось отъ прямого разрѣшенія этого неизбѣжнаго вопроса. Они отвѣчали такъ, что въ отвѣтъ ихъ всегда заключалось глухое внутреннее противорѣчіе, котораго они сами не хотѣли почувствовать. Они говорили, что земля испытала во время своего существованія нѣсколько такихъ геологическихъ переворотовъ, которые всякій разъ истребляли до-тла всю органическую жизнь.

Вся наша планета перепахивалась такимъ образомъ за-ново и, послѣ каждаго подобнаго паханія, засѣвалась совершенно новыми и небывальными видами растеній и животныхъ. Эти новые виды являлись совершенно готовыми, и тотчасъ принимались за свойственныя имъ занятія. Дубъ покрывался зелеными листьями, и въ надлежащее время ронялъ свои желуди, которые въ значительномъ количествѣ истребляла дикая свинья; баранъ щипалъ траву, и пережевывалъ жвачку, волкъ съѣдалъ барана, шука глотала карасей, кукушка клала свои яйца въ чужія гнѣзда; словомъ, послѣ послѣдняго геологическаго переворота, все пошло тотчасъ тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ оно идетъ въ настоящее время. Но натуралисты никакъ не рѣшались утверждать, что изъ нѣдръ земли вышли готовыми не виды, а разновидности. Идеальный баранъ могъ выдти готовымъ; на то онъ идеальный, на то онъ представитель неизмѣннаго типа, на то онъ родоначальникъ всей бараньей породы; но крымскій баранъ, рѣшетилловскій, калмыцкій, одиннадцать англійскихъ, меринось, и такъ далѣе — все это мелкія и частныя явленія, и о нихъ никакъ не могло быть рѣчи послѣ такого великаго событія, какъ геологическій переворотъ. Это — разновидности, представляющія большія или меньшія отклоненія отъ оригинальнаго и неизмѣннаго типа. Это — игра природы, это случайное явленіе, а типъ все-таки сохраняется, и баранъ все-таки остается бараномъ, и всегда былъ таковымъ, съ той самой минуты, какъ онъ вышелъ изъ нѣдръ земли. Тутъ натуралисты попадали, очевидно, въ безвыходное противорѣчіе, и такія слова, какъ *игра природы*, или *случайное отклоненіе*, разумѣется, ничего не объясняли, и даже не представляли рѣшительно никакого ручательства въ пользу неизмѣнности основнаго типа. Поэтому, уже въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, нѣкоторые натуралисты стали догадываться, что виды могутъ перерождаться, и что во всей органической природѣ, по всей вѣроятности, нѣтъ ничего неизмѣннаго, кромѣ тѣхъ общихъ законовъ, которыми управляется вся матерія.

Однимъ изъ первыхъ выразилъ эту мысль поэтъ Гете, который, какъ извѣстно, былъ очень замѣчательнымъ естествоиспытателемъ. Но пока господствовала теорія геологическихъ переворотовъ, до тѣхъ поръ должна была держаться вѣра въ самостоятельное значеніе видовыхъ типовъ. Когда натуралисты думали, что земля нѣсколько разъ заселялась за-ново, тогда трудно было допустить предположеніе, что органическая жизнь всякій разъ начинала свое развитіе съ самыхъ простыхъ формъ, и всякій разъ, путемъ медленнаго и естественнаго совершенствованія, доходила до болѣе сложныхъ явленій. Если стихіи могли производить геологическіе перевороты, подобные перемѣнамъ декорацій въ волшебномъ балетѣ, то и всѣ остальные процессы природы могли также совершаться необъяснимымъ путемъ мгновенныхъ возникновеній,

исчезаній и превращеній. При такомъ взглядѣ на прошедшую жизнь нашей планеты, прямыя наблюденія надъ законами природы, какъ они обнаруживаются въ настоящее время, оказывались почти бесполезными для объясненія тѣхъ явленій, которыя совершались въ далекія геологическія эпохи. Почему вы знаете, какъ дѣйствовали эти законы тогда? — можно было сказать такому наблюдателю. Теперь жизнь природы идетъ такъ, а тогда шла совсѣмъ иначе. Теперь въ природѣ нѣтъ скачковъ, а тогда были. Разсуждая такимъ образомъ, можно было писать великолѣпнѣйшіе геологическіе романы, и прошедшая жизнь нашей планеты долго казалась намъ длиннымъ рядомъ чудесъ и колоссальной борьбою такихъ титаническихъ силъ природы, которыя теперь улеглись и успокоились на время или навсегда. Но, понемногу, въ нѣкоторыхъ пытливыхъ умахъ стало возникать сомнѣніе: нельзя ли, думали они, объяснить всѣ явленія различныхъ геологическихъ эпохъ постояннымъ дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя до сихъ поръ, медленно, но безостановочно, каждый день и каждую минуту, измѣняютъ видъ земной поверхности. Оказалось, что можно. Теорія волшебныхъ переворотовъ стала ослабѣвать и клониться къ упадку. Наконецъ, знаменитый англійскій геологъ, Чарльзъ Ляйелль, живущій въ наше время, окончательно уложилъ въ могилу эту старую теорію, и доказалъ, что законы, управляющіе матерією теперь, управляли ею, безъ малѣйшаго перерыва, въ теченіи тѣхъ длинныхъ періодовъ, которыхъ неизмѣримый рядъ называется прошедшею жизнью нашей планеты. Море медленно разрушаетъ берега свои; рѣка медленно наноситъ илъ въ своемъ устьѣ; атмосфера медленно развѣдаетъ гранитныя вершины горныхъ хребтовъ; остатки мертвыхъ растений и животныхъ медленно разлагаются и еще медленнѣе образуютъ на землѣ новые слои почвы; полипы медленно строятъ коралловые рифы; подземныя вулканическія силы дѣйствуютъ, правда, мгновенно, но дѣйствіе ихъ всегда частично, и никогда не производитъ такого переворота, который могъ бы распространиться на всю поверхность нашей планеты. Такимъ образомъ измѣняется видъ земли теперь; такимъ образомъ формируются новыя напластованія, и точно такимъ же образомъ совершалось это дѣло тогда, когда на землѣ жили только колоссальныя ящеры, и тогда, когда существовали только низшія формы моллюсковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ расплавленное ядро земли покрылось твердою корою, съ тѣхъ поръ, какъ образовались на нашей планетѣ вода и атмосфера, словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ существованіе растительныхъ и животныхъ организмовъ, — съ этихъ поръ, земля не испытала ни одного такого переворота, который разомъ взбудоражилъ бы всю ея поверхность, и слѣдовательно истребилъ бы на ней всѣ проявленія органической жизни. Когда перевороты удалились такимъ

образомъ въ область поэтического творчества, тогда натуралистамъ представилась необходимость задуматься надъ рѣшеніемъ громадѣйшаго вопроса.

Если разные трилабиты, белемниты, ихтіозавры, мастодонты, и тому подобныя исчезнувшія животныя не были истреблены мгновенною перемѣною декорацій, то почему же они исчезли? Если хвощи и папоротники каменноугольной эпохи не были выворочены съ корнями дѣйствіемъ разытравшихся стихій, то почему же они уступили мѣсто другимъ растительнымъ формамъ, которыя потомъ въ свою очередь были вытѣснены новою флорою? Если идеальный баранъ не вышелъ изъ нѣдръ земли послѣ послѣдняго геологическаго переворота, то откуда же взялись крымскіе, венгерскіе, англійскіе и всякіе другіе бараны? Если органическая жизнь не обрывалась на землѣ съ той самой минуты, какъ она возникла, то, стало быть, нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ея исторіи существованіе необъяснимыхъ скачковъ; если нѣтъ скачковъ, — стало быть, есть послѣдовательное развитіе; если есть послѣдовательное развитіе, стало быть, есть постоянные законы; а если есть законы, то надобно до нихъ добраться, не удовлетворяя своей любознательности такими удобными выраженіями, какъ игра природы, или случайное уклоненіе отъ неизмѣннаго типа. Если природа играетъ сегодня, то она, значитъ, играла и вчера; стало быть, она имѣетъ свойство играть, и натуралистамъ надо изучить это свойство, какъ и всякое другое. Случая въ природѣ нѣтъ, потому что все совершается по законамъ и всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину; когда мы не знаемъ закона, и когда мы не видимъ причины, тогда мы произносимъ слово «случай», и произносимъ его всегда некстати, потому что это слово никогда не выражаетъ ничего, кромѣ нашего незнанія, и притомъ такого незнанія, котораго мы сами не сознаемъ.

Ляйелль очистилъ науку отъ геологическихъ чудесъ; другимъ натуралистамъ надо было сдѣлать то же самое въ отношеніи къ исторіи органической жизни; надо было, чтобы идеальный баранъ не изображалъ собою Венеру, выходящую изъ морской пѣны въ полномъ сіяніи развитой красоты, и надо было, чтобы простые бараны не дѣлались венгерскими или курдючными, вслѣдствіе случайной игры природы. Словомъ, надо было понять существующіе законы, и такимъ образомъ устранить, по мѣрѣ слабыхъ человѣческихъ силъ, случай. Исходная точка, самое возникновеніе органической жизни до сихъ поръ остается неразгаданнымъ, потому что до сихъ поръ ни одному натуралисту не удалось приготовить въ своей лабораторіи изъ неорганическихъ или органическихъ веществъ ни одного, даже самого простѣйшаго живаго организма; но процессъ развитія и перерожденія органическихъ формъ разъ-

ясненъ въ значительной степени англійскимъ натуралистомъ, Чарльзомъ Дарвиномъ, издавшимъ въ 1859 году знаменитое сочиненіе: «On the origin of species»—(О происхожденіи видовъ). Этотъ гениальный мыслитель, обладающій колоссальными знаніями, взглянулъ на всю жизнь природы такимъ широкимъ взглядомъ, и такъ глубоко вдумался во всѣ ея разрозненныя явленія, что онъ сдѣлалъ открытіе, которое, быть можетъ, не имѣло себѣ подобнаго во всей исторіи естественныхъ наукъ. Онъ открываетъ не единичный фактъ, не железку, не жилку, не отправление того или другаго нерва; онъ открываетъ цѣлый рядъ тѣхъ законовъ, которыми управляется и видоизмѣняется вся органическая жизнь нашей планеты. И рассказываетъ онъ ихъ такъ просто, и доказываетъ такъ неопровержимо, и выходитъ при своихъ разсужденіяхъ изъ такихъ очевидныхъ фактовъ, что вы, простой человекъ, профанъ въ естественныхъ наукахъ, удивляетесь постоянно только тому, какъ это вы сами давнымъ давно не додумались до тѣхъ же самыхъ выводовъ.

Да, не велика мудрость Америку открыть, однако все-таки кромѣ Колумба никто не догадался, какъ это сдѣлать. Великое открытіе и умная загадка всегда просты, когда первое сдѣлано, а вторая разгадана; но чтобы разгадать загадку, надо обладать извѣстною дозою остроумія, а чтобы сдѣлать великое открытіе, надо быть гениальнымъ человекомъ. Для насъ, для простыхъ и темныхъ людей, открытія Дарвина драгоценны и важны именно тѣмъ, что они такъ обаятельно просты и понятны; они не только обогащаютъ насъ новымъ знаніемъ, но они освѣщаютъ весь строй нашихъ идей, и раздвигаютъ во всѣ стороны нашъ умственный горизонтъ. Благодаря имъ, мы понимаемъ связь такихъ явленій, которыя мы видѣли каждый день, на которыя мы смотрѣли бессмысленными глазами, и которыя, однако, такъ легко было понять и объяснить себѣ. Почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія идеи Дарвина производятъ совершенный переворотъ; ботаника, зоологія, антропологія, палеонтологія, сравнительная анатомія и физиологія, и даже опытная психологія получаютъ въ его открытіяхъ ту общую руководящую нить, которая свяжетъ между собою множество сдѣланныхъ наблюдений, и направитъ умы изслѣдователей къ новымъ плодотворнымъ открытіямъ.

Значеніе идей Дарвина такъ обширно, что въ настоящее время даже невозможно предусмотрѣть и вычислить тѣ послѣдствія, которыя разовьются изъ нихъ, когда онѣ будутъ приложены къ различнымъ областямъ научнаго изслѣдованія. Лучшіе европейскіе натуралисты давно поняли ихъ важность, и весь ученый міръ раздѣлился на двѣ партіи; съ одной стороны стоятъ глубоко убѣжденные защитники новой теоріи; съ другой стороны ея противники, которыхъ возлюбленные научные предрассудки ожидаютъ себѣ неизбѣжной гибели.

Старыя методы и старыя классификаціи непремѣнно должны будутъ сойти со сцены, а такъ какъ человѣку больно разставаться съ заблужденіями цѣлой жизни, то, разумѣется, противники Дарвина всѣми силами будутъ защищать свои разбитыя позиціи. Но свѣтлые умы тотчасъ становятся горячими приверженцами истины, въ какомъ бы рѣзкомъ противорѣчьи она ни находилась съ ихъ прежними понятіями. Карль Фохтъ въ лекціяхъ своихъ о человѣкѣ *), изданныхъ въ 1863 г., объявляетъ себя послѣдователемъ Дарвина, и признается, что онъ въ молодости своей держался теоріи геологическихъ переворотовъ, съ которою, какъ мы видѣли, была связана теорія неизмѣнныхъ типовъ.

Книга Дарвина переведена уже въ настоящее время на нѣмецкій, французскій и на русскій языкъ; каждому образованному человѣку необходимо познакомиться съ идеями этого мыслителя, и поэтому я считаю умѣстнымъ и полезнымъ дать нашимъ читателямъ ясное и довольно подробное изложеніе новой теоріи. Въ этой теоріи читатели найдутъ и строгую опредѣленность точной науки, и безпредѣльную ширину философскаго обобщенія, и наконецъ ту высшую и незамѣнимую красоту, которая кладетъ свою печать на всѣ великія проявленія сильной и здоровой человѣческой мысли. Когда читатели познакомятся съ идеями Дарвина, даже по моему слабому и блѣдному очерку, тогда я спрошу у нихъ, хорошо или дурно мы поступали, отрицая метафизику, осмѣивая нашу поэзію, и выражая полное презрѣніе къ нашей казенной эстетикѣ. Дарвинъ, Лайелль и подобные имъ мыслители—вотъ философы, вотъ поэты, вотъ эстетика нашего времени. Когда человѣскій умъ, въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей, сѣмѣлъ подняться на такую высоту, съ которой онъ обозрѣваетъ основные законы міровой жизни, тогда мы, обыкновенные люди, неспособные быть творцами въ области мысли, обязаны передъ своимъ собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ возвыситься, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы понимать передовыхъ геніевъ, чтобы цѣнить ихъ великіе подвиги, чтобы любить ихъ, какъ украшеніе и гордость нашей породы, чтобы жить нашею мыслью въ той свѣтлой и безграничной области, которую геніи открываютъ для каждаго мыслящаго существа. Мы богаты и сильны трудами этихъ великихъ людей, но мы не знаемъ нашего богатства и нашей силы, мы ими не пользуемся, мы не умѣемъ даже пересчитать и измѣрить ихъ, и цѣтому, проводя нашу жалкую жизнь въ бѣдности, въ глупости и въ слабости, мы потѣшаемъ свое младенческое невѣдѣніе разными золочеными грошами, въ родѣ діалектическихъ мудрствованій, лирическихъ воздыханій и эстетическихъ умиленій.

*) «Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ» лекціи К. Фогта (переведены на русскій языкъ).

И живутъ люди, и умираютъ люди, и считаютъ себя развитыми и образованными, и толкуютъ о музыкѣ и о поэзіи, и ни разу, вѣдь ни одного разу не удается этимъ людямъ даже мелькомъ взглянуть на то, что составляетъ и богатство, и силу, и высшее изящество человѣческой личности. А то и взглянуть, да не поймутъ. Нечего дѣлать, надо объяснить, разбавлять мысль водою, вдаваться въ лирическіе восторги, чтобы показать, что вещь дѣйствительно хорошая, и что ея въ самомъ дѣлѣ можно и должно любоваться. По настоящему, идеи Дарвина слѣдовало бы передавать просто, ровно, спокойно, такъ, какъ излагаетъ ихъ самъ Дарвинъ, но для насъ это еще не годится, потому что нашу публику слѣдуетъ заманивать, ее слѣдуетъ покуда подкупать въ пользу дѣльныхъ мыслей разными фокусами то комическаго, то лирическаго свойства. Поэтому, если кому нибудь изъ моихъ читателей не понравится что нибудь въ изложеніи моей статьи, то я умоляю его обратить все его негодованіе исключительно противъ меня, а никакъ не противъ Дарвина. Я именно того и хочу, чтобы моя статья возбудила въ читателѣ любознательность, но не удовлетворила бы ее вполне; пусть онъ увидитъ, какъ уменъ Дарвинъ, пусть почувствуетъ, что я не въ силахъ передать то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе самой книги великаго натуралиста, и пусть, вслѣдствіе этого, обругаетъ меня, и возьметъ за сочиненіе самого Дарвина. Цѣль моя будетъ въ такомъ случаѣ вполне достигнута. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о личномъ характерѣ Дарвина, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ его введенія.

«Я находилъ, говорить онъ, въ качествѣ натуралиста на кораблѣ ея британскаго величества—«Бигль», когда меня въ первый разъ сильно поразили нѣкоторые факты въ распредѣленіи органическихъ существъ, населяющихъ южную Америку, и геологическія отношенія, существующія между прежними и теперешними обитателями этого материка. Эти факты, какъ видно будетъ въ послѣднихъ главахъ этого сочиненія, бросаютъ, по видимому, нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ, «эту тайну тайнъ», какъ выражается одинъ изъ величайшихъ нашихъ философовъ (Гумбольдтъ въ Космосѣ). Послѣ моего возвращенія, въ 1837 году, мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, есть возможность подвинуть впередъ этотъ вопросъ, если собирать и обдумывать всѣ различныя наблюденія, которыя такъ или иначе могутъ содѣйствовать разрѣшенію задачи. Только послѣ пятилѣтняго труда, я позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя наведенія и составилъ краткія замѣтки. Не раньше, какъ въ 1844 году, я набросалъ тѣ заключенія, которыя казались мнѣ наиболѣе правдоподобными. Съ этого времени до нынѣшняго дня, (т. е. до конца 1859 года), я постоянно занимался тѣмъ же самымъ предметомъ. Мнѣ извинять эти личныя подробности, въ которыя я пускаюсь

только для того, чтобы доказать, что у меня не было излишней поспѣшности въ разрѣшеніи вопросовъ. Моя работа уже далеко подвинулась впередъ; однако мнѣ понадобится еще года два или три для ея окончанія, а такъ какъ здоровье мое вовсе не отличается крѣпостью, то я и поторопился выпустить въ свѣтъ это извлеченіе. Меня преимущественно побудило поступить такимъ образомъ то обстоятельство, что мистеръ Уэллесъ, изучающій въ настоящее время природу Малайскаго архипелага, почти совершенно сошелся со мною въ своихъ заключеніяхъ о происхожденіи видовъ. Въ 1858 году, онъ прислалъ мнѣ мемуаръ по этому предмету, съ просьбою сообщить его сэру Чарльзу Лайеллю, который послалъ его Линнеевскому обществу (Linnean Society). Онъ напечатанъ въ третьемъ томѣ журнала этого общества. Сэръ Чарльзъ Лайелль и докторъ Гукеръ, знавшіе мои работы, сдѣлали мнѣ честь подумать, что было бы хорошо издать, въ одно время съ превосходнымъ мемуаромъ мистера Уэллеса, нѣкоторые отрывки изъ моихъ рукописей. Это извлеченіе, которое я издаю теперь, необходимо оказывается неполнымъ. Я принужденъ излагать въ немъ мои идеи, не подкрѣпляя ихъ обильнымъ запасомъ фактовъ или цитатами писателей, и я поставленъ въ необходимость рассчитывать на то довѣріе, которое читателямъ угодно будетъ питать къ вѣрности моихъ сужденій».

Приведенное мною мѣсто заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній и характерныхъ подробностей. Во-первыхъ, мы видимъ, что Дарвинъ посвятилъ всю свою жизнь разрѣшенію того вопроса, который заинтересовалъ его во время кругосвѣтнаго плаванія на кораблѣ Бигль; онъ работаетъ надъ этимъ вопросомъ болѣе 25 лѣтъ (съ 1837 по 1864) и все еще не считаетъ свой трудъ оконченнымъ; когда гениальный умъ соединяется съ такимъ упорствомъ въ преслѣдованіи цѣли, и съ такою требовательностью и строгостью въ отношеніи къ собственному труду, тогда дѣйствительно человѣкъ совершаетъ чудеса въ области мысли, и тогда онъ смѣло можетъ приниматься за разрѣшеніе такой задачи, которая до него считалась «тайною тайнъ». Во-вторыхъ, Дарвинъ называетъ свою теперешнюю книгу извлеченіемъ, и очень скромно и добродушно извиняется передъ читателемъ, говоря, что онъ принужденъ былъ поторопиться, и что извлеченіе, конечно, вышло очень не полное, потому что настоящая книга, капитальная часть труда, еще впереди. До такой изумительной и совершенно безыскусственной скромности могутъ возвышаться только очень замѣчательные люди; поторопился — а работала двадцать два года (до 1859 года); извлеченіе — а въ немъ больше пятисотъ страницъ; не полное — а весь ученый міръ приходитъ отъ него въ волненіе; извиняется передъ читателями — а самъ производитъ небывалый переворотъ почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія. Это было бы просто смѣшно, это было бы даже неприлично со стороны

Дарвина, если бы въ этой скромности можно было бы предположить хоть малѣйшую тѣнь искусственности. Но такъ какъ вся книга Дарвина носитъ на себѣ печать глубочайшей искренности и добросовѣстности, и такъ какъ отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то эта скромность, которая, при другихъ условіяхъ, могла бы сдѣлаться смѣшною, въ настоящемъ случаѣ остается цѣликомъ въ предѣлахъ великаго. Въ третьихъ, любопытно замѣтить, какъ равнодушно Дарвинъ относится къ своему собственному здоровью; ему остается до окончанія громаднаго труда всего два, три года, но онъ предвидитъ тотъ шансъ, что ему, можетъ быть, и не удастся дожить до этого времени; и возможность близкой смерти вовсе не смущаетъ его, а только побуждаетъ его выпустить въ свѣтъ извлеченіе, въ которомъ заключались бы добытые имъ результаты. Это спокойствіе, это умѣнье умирать безъ жалобы и безъ боязни, это высшее проявленіе человѣческаго героизма совершенно понятны со стороны тѣхъ людей, которые умѣли наполнить свою жизнь разумнымъ наслажденіемъ, то есть, умѣли полюбить полезную дѣятельность больше собственнаго существованія. Дарвинъ такъ слился съ своею двадцатипятилѣтнею работою, онъ такъ постоянно жилъ высшими интересами всего человѣчества, что ему некогда и нечѣмъ думать и горевать объ упадкѣ собственныхъ силъ. Лишь бы работу кончить, лишь бы отдать людямъ съ рукъ на руки добытыя сокровища, а тамъ и умереть не бѣда. Кто не понимаетъ такого обожанія идеи и такой любви къ людямъ, тотъ говоритъ, что личности, подобныя Дарвану, совершаютъ подвиги самоотверженія, а кто понимаетъ, тотъ скажетъ, что это — вполнѣ практическіе люди, и что они превосходно умѣютъ наслаждаться жизнью. Ихъ расчетъ оказывается вѣрнымъ во всякомъ случаѣ, и во всякую данную минуту; какъ ни прожить жизнь, а умирать все равно надо; ну, стало быть, всего лучше жить такъ, чтобы въ минуту смерти не было больно и совѣстно оглянуться назадъ; пріятно подумать передъ смертью, что жизнь прожита не даромъ, и что она цѣликомъ положена въ тотъ капиталъ, съ котораго человѣчество будетъ постоянно брать проценты; а если пріятно, то и слѣдуетъ жить въ томъ мірѣ мысли и труда, въ которомъ распоряжаются Дарвинъ, Ляйелль, Фохтъ, Бокль и другіе люди такого же разбора. Наконецъ, въ четвертыхъ и въ послѣднихъ, не мѣшаетъ обратитъ вниманіе на тѣ честныя дружескія отношенія, которыя существуютъ между лучшими изъ современныхъ ученыхъ. Ляйелль и Гукеръ постоянно слѣдятъ за процессомъ работы Дарвина; Дарвинъ совѣтуется съ ними, и они ему помогаютъ; Гукеръ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ постоянно сообщаетъ ему то новые факты, то свои критическія замѣчанія. Уэллесь, близко подошедшій къ самымъ выводамъ Дарвина, съ полнымъ довѣріемъ присылаетъ послѣднему свой мемуаръ, а Дарвинъ, съ своей стороны, отзывается объ

этомъ мемуарѣ съ полнымъ уваженіемъ. Вѣдно, однимъ словомъ, что всѣ эти люди заботятся объ успѣхѣ общаго дѣла, а совсѣмъ не о томъ, чтобы высунуть впередъ собственную личность, и подставить ногу опасному сопернику. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, ихъ общее дѣло идетъ хорошо, а во-вторыхъ, каждому изъ нихъ достается на долю столько ученой знаменитости, сколько они не могли бы приобрести, если бы работали въ разсыпную, завистливо скрывая другъ отъ друга добываемые факты, и не обмѣниваясь между собою мыслями и замѣчаніями.

Широкое умственное развитіе этихъ превосходныхъ людей дѣлаетъ ихъ особенно способными къ свободной ассоціаціи, а ассоціація, съ своей стороны, придаетъ имъ новыя силы, и еще болѣе расширяетъ горизонтъ ихъ мысли. До сихъ поръ, добровольная и совершенно естественная ассоціація нашла себѣ приложеніе только въ высшихъ сферахъ научной дѣятельности. Тамъ нѣтъ истребительной войны между конкуррентами; тамъ всѣ честные люди идутъ къ одной цѣли и дружелюбно опираются другъ на друга; за то мы и видимъ, что высшія сферы научной дѣятельности до сихъ поръ представляютъ единственное мѣсто, въ которомъ человѣкъ можетъ развернуть, сохранить и облагородить всѣ свои истинно человѣческія качества и способности; за то мы видимъ также, что наука, въ настоящемъ значеніи этого слова, развивается съ невѣроятною быстротою и оставляетъ далеко позади себя всѣ остальные отрасли человѣческой дѣятельности. Но если люди, развернувшіе, сохранившіе и облагородившіе свои человѣческія способности, оказываются особенно расположенными къ коллективному труду, если у нихъ образуется ассоціація совершенно естественно, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, то, мнѣ кажется, не трудно понять, что добровольная ассоціація и развитіе индивидуальности не только не представляютъ собою двухъ непримиримыхъ крайностей, а напротивъ того, совершенно необходимы другъ для друга, и не могутъ существовать безъ взаимной поддержки. А теперь пора кончить это длинное введеніе, и отъ личности мыслителя перейти къ его теоріи.

II.

ДОМАШНІЯ ЖИВОТНЫЯ.

Многія растенія, размножающіяся быстро и успѣшно въ естественномъ состояніи, перестаютъ приносить сѣмяна, какъ только начинаютъ испытывать на себѣ заботливыя попеченія человѣка; они, по видимому,

благоденствуютъ, покрываются свѣжими листьями и цвѣтами, но ихъ цвѣточная пыль совершенно теряетъ свою оплодотворяющую силу; многія животныя также не могутъ размножаться подѣ властью человѣка; они иногда совокупаются, но не производятъ дѣтей; такъ, на примѣръ, хищныя птицы, находясь въ неволѣ, кладутъ иногда яйца; но изъ этихъ яицъ почти никогда не выводятся птицы. Тѣ животныя и растенія, которыя съ незапамятныхъ временъ подчинились нашему господству, представляютъ также замѣчательную особенность въ своемъ размноженіи: дѣти ручныхъ животныхъ больше отличаются отъ своихъ родителей, и больше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ дѣти дикихъ животныхъ; то же самое можно сказать и о растеніяхъ; поэтому, на примѣръ, пшеница до сихъ поръ производитъ еще новыя разновидности, поэтому георгины, тюльпаны, гвоздики до сихъ поръ даютъ садовникамъ небывалыя формы, разрисованныя самими блестящими красками; поэтому также лошади, бараны, быки, свиньи постоянно совершенствуются и крупнѣютъ, или мельчаютъ и портятся, то есть, вообще обнаруживаютъ способность и стремленіе измѣняться, и дѣйствительно измѣняются въ ту или въ другую сторону, смотря по тому, умѣетъ или не умѣетъ человѣкъ пользоваться этою измѣнчивостью сообразно съ своими выгодами. Бесплодіе однихъ растеній и животныхъ, и измѣнчивость другихъ органическихъ существъ выходитъ изъ одного общаго источника. Когда растеніе или животное попадаетъ въ руки человѣка, и когда человѣкъ, сознательно или невольно, измѣняетъ въ большей или въ меньшей степени тѣ условія, при которыхъ это растеніе или животное существовало на свободѣ, — тогда эта перемѣна въ образѣ жизни производитъ особенно сильное вліяніе на всю систему половыхъ отправленій. Если вліяніе это очень сильно, то половая система совершенно отказывается дѣйствовать, и животныя даже не совокупаются; если оно менѣе сильно — совокупаются, но не рожаютъ дѣтей; еще менѣе сильно — рожаютъ уродовъ; еще менѣе сильно — рожаютъ здоровыхъ дѣтей, но такихъ, у которыхъ индивидуальныя уклоненія отъ фигуры родителей оказываются болѣе значительными, чѣмъ это могло бы произойти въ дикомъ состояніи. Такимъ образомъ дѣти выходятъ не совсѣмъ похожими на своихъ родителей; внуки также получаютъ свои личныя особенности; правнуки также, и такъ далѣе; измѣнчивость и индивидуальное разнообразіе становятся прочными свойствами цѣлой породы и это случилось именно съ большою частью нашихъ домашнихъ животныхъ. Корова не такъ похожа на свою родную сестру, и жеребецъ не такъ похожъ на своего папеньку, какъ на примѣръ медвѣдь на посторонняго медвѣдя, или заяцъ на совершенно неродственнаго зайца. Существованіе этихъ индивидуальныхъ особенностей никакъ не можетъ быть приписано прямому дѣйствию образа жизни; двѣ коровы, принадлежащія одному хозяину, съ самаго своего рожде-

ніа живуть на одномъ скотномъ дворѣ, пасутся на одномъ лугу, получаютъ одинаковое количество сѣна, муки, соли и всякаго другаго снабды; напротивъ того, два медвѣдя, не принадлежащіе никому, живутъ въ двухъ различныхъ берлогахъ, ѣдятъ, что Богъ пошлетъ, иногда голодаютъ, иногда пируютъ, но дѣлаютъ и то, и другое не вмѣстѣ, а порознь въ различное время, съ различнымъ успѣхомъ, такъ что тутъ, очевидно, представляется гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ жизни коровъ или лошадей. Ясно, стало быть, что индивидуальныя особенности послѣднихъ могутъ быть объяснены только тѣми измѣненіями, которыя испытала въ глубинѣ вѣковъ половая система домашнихъ животныхъ; эти измѣненія съ тѣхъ поръ уже постоянно переходятъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, и такимъ образомъ постоянно даютъ каждому зародышу возможность довольно замѣтно отклоняться въ своемъ развитіи отъ фигуры родителей. Но если каждая корова или лошадь получаетъ свою индивидуальную физиономію, то изъ этого никакъ не должно заключать, что она не наслѣдуетъ отъ своихъ родителей многихъ важнѣйшихъ особенностей ихъ организаціи. Въ человѣческомъ семействѣ сынъ обыкновенно бываетъ похожъ и на отца, и на мать; и въ то же время у него есть свои личныя свойства какъ въ чертахъ лица, такъ и въ складѣ тѣла, такъ и въ устройствѣ темперамента, ума и характера.

Совершенно подобныя явленія мы замѣчаемъ и въ домашнихъ животныхъ. Поэтому, если образъ жизни подѣйствовалъ въ томъ или въ другомъ направленіи на здоровье или на тѣлосложеніе животнаго, то произведенная такимъ образомъ перемѣна передается обыкновенно дѣтямъ, и становится болѣе или менѣе прочнымъ свойствомъ породы. Напримѣръ, если свѣситъ скелетъ дикой утки, и скелетъ домашней утки, и если потомъ сравнить въ обояхъ случаяхъ вѣсъ костей крыла, и вѣсъ костей ноги съ вѣсомъ цѣлаго скелета, то окажется, что у домашней утки кости крыла сравнительно легче, а кости ноги сравнительно тяжелѣе, чѣмъ у дикой. Происхожденіе домашней утки отъ дикой не подлежитъ сомнѣнію; слѣдовательно, измѣненіе въ вѣсѣ и величинѣ костей объясняется имѣнно тѣмъ обстоятельствомъ, что домашняя утка постоянно ходитъ, и почти совсѣмъ не летаетъ. Нога укрѣпляется, а крыло слабѣетъ; эта особенность, сначала незамѣтная, передается отъ матери къ дѣтямъ, и у дѣтей становится сильнѣе, потому что продолжается дѣйствіе тѣхъ-же самыхъ причинъ, которыя дѣйствовали на мать; у внуковъ еще сильнѣе, и такъ далѣе; наконецъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, и постоянно усиливаясь, эта перемѣна организаціи доходитъ до такихъ значительныхъ размѣровъ, что выражается уже не въ однихъ мускулахъ крыла и ноги, а даже въ соотвѣтствующихъ частяхъ самого скелета. Такимъ образомъ, превращеніе дикой утки въ домашнюю оказывается конченнымъ, и пріобрѣтенныя особенности дѣлаются

прочнымъ и наслѣдственнымъ достояніемъ новой породы. Огромное вымя дойныхъ коровъ образовалось также вслѣдствіе особенныхъ условій жизни, и также передается по наслѣдству. Многія домашнія животныя отличаются отъ своихъ дикихъ сродниковъ висячими ушами, и это обстоятельство, по миѣнію дѣльныхъ наблюдателей, объясняется тѣмъ, что домашнее животное рѣже дикаго чувствуетъ себя въ опасности, и слѣдовательно рѣже наостряетъ уши, такъ что мускулы уха, оставаясь въ бездѣйствіи, слабѣютъ и ухо отвисаетъ.

Но тѣ законы, по которымъ развивается живой организмъ, отличаются такою сложностью, что они до сихъ поръ остаются почти совершенно неизвѣстными. Къ области этихъ неизслѣдованныхъ законовъ относится то обстоятельство, что если въ организмѣ проявляется какаянибудь особенность, то она обыкновенно не ограничивается одною частью организма, а производитъ перемѣны въ нѣсколькихъ органахъ, и притомъ часто въ такихъ, которые, *по видимому*, не имѣютъ между собою тѣсной анатомической связи. Такъ, напримѣръ, у голубей величина клюва находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ величиною ногъ. Чѣмъ меньше клювъ, тѣмъ меньше нога. Голубоглазья кошки обыкновенно бываютъ глухи. Лысыя собаки отличаются неполнымъ развитіемъ зубовъ. Бѣлые бараны и бѣлыя свиньи страдаютъ отъ нѣкоторыхъ растеній, которыя не приносятъ никакого вреда баранамъ и свиньямъ другого цвѣта. Въ Флоридѣ растетъ въ большомъ изобилии растеніе *acanthus*; черныя свиньи ѣдятъ его совершенно безнаказанно; но, какъ только поѣсть его свинья другого цвѣта, такъ у нея краснѣютъ кости и отваливаются копыта. Тамашніе сельскіе хозяева знаютъ очень хорошо это обстоятельство, и потому держатъ у себя только черныхъ свиней, а остальныхъ постоянно убиваютъ, чтобы онѣ не пропадали даромъ. Эти изумительныя соотношенія между развитіемъ отдѣльныхъ частей организма до сихъ поръ еще мало изслѣдованы, и причины ихъ остаются совершенно неизвѣстными, но необходимо имѣть постоянно въ виду эти соотношенія, когда дѣло идетъ о различныхъ перерожденіяхъ органическихъ формъ. Если у цѣлой породы животныхъ измѣняется такой органъ, на который вышнія условія жизни не имѣютъ непосредственнаго вліянія, то такое измѣненіе можетъ быть объяснено соотношеніемъ развитія. Условія жизни измѣнили, положимъ, клювъ голубя, а измѣненіе этого органа уже потянуло за собою перемѣну въ формѣ и въ величинѣ ногъ, на которыя жизнь не оказывала прямого дѣйствія.

Изъ всего, что было говорено съ самого начала этой главы, мы можемъ вывести то заключеніе, что наши домашнія животныя и растенія измѣняютъ свою организацію подъ вліяніемъ очень многихъ и очень сложныхъ причинъ; между этими причинами особенно замѣчательны слѣдующія: во-первыхъ, то измѣненіе въ половой системѣ, которое усили-

ваетъ индивидуальное разнообразіе дѣтей; во-вторыхъ, прямое вліяніе условій жизни на различныя органы животныхъ и растений; въ третьихъ, соотношеніе развитія, то есть, то свойство живаго организма, вслѣдствіе котораго измѣненіе, происшедшее въ одномъ органѣ, ведетъ за собою, при развитіи зародыша, измѣненіе въ другихъ частяхъ тѣла. Наконецъ, въ четвертыхъ, чрезвычайно важно то обстоятельство, что особенности родителей передаются дѣтямъ, и что, вслѣдствіе этого закона наследственности, разныя, едва замѣтныя уклоненія отъ прежнихъ свойствъ породы, могутъ упрочиваться и усиливаться въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ. Безъ этого закона наследственности, происхожденіе новыхъ разновидностей и породъ было бы совершенно невозможно, потому что индивидуальныя особенности, прирожденныя и благопріобрѣтенныя, погибали бы тогда вмѣстѣ съ тѣмъ субъектомъ, у котораго онѣ проявились.

Дѣйствіемъ этихъ четырехъ главныхъ причинъ объясняются въ общихъ чертахъ всѣ измѣненія животныхъ и растений, попавшихъ въ руки человѣка. Какъ ни разнообразны различія породы лошадей, куръ, утокъ или кроликовъ, но есть основаніе думать, что все это разнообразіе выработалось уже подъ вліяніемъ человѣка, и что всѣ наши лошади произошли отъ одной дикой породы; всѣ наши куры, утки и кролики также. Чтобы доказать возможность такихъ обширныхъ развѣтвленій, Дарвинъ беретъ отдѣльный примѣръ; онъ изучаетъ всѣ различныя породы голубей, и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ эти породы произошли отъ дикаго голубя (*Columba livia*) и переродились въ разныя стороны уже подъ руками человѣка.

III.

О ГОЛУБЯХЪ.

«Чтобы разрѣшить какойнибудь вопросъ по естественной исторіи, говорить Дарвинъ, лучше всего изучить какуюнибудь отдѣльную группу. Обдумавъ основательно это дѣло, я выбралъ группу голубей, и сдѣлалъ ее специальнымъ предметомъ моихъ наблюдений. Я собралъ всѣ породы, какія я могъ достать. Кромѣ того, мнѣ помогали самымъ любезнымъ образомъ господа Элліотъ и Мёррей (Murray), приславшіе мнѣ чучела изъ разныхъ странъ земнаго шара, а преимущественно изъ Персіи и изъ Индіи. Сверхъ того, я досталъ себѣ большое число сочиненій, написанныхъ о голубяхъ на разныхъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣютъ большое значеніе по своей древности. Нако-

нецъ, я вступилъ въ сношеніе со многими знаменитыми любителями голубей, и приписался къ двумъ голубинымъ клубамъ (pigeons-clubs) въ Лондонѣ».

Что вы скажете о такомъ изслѣдователѣ, мой читатель? Кажется, онъ шутить не любитъ, когда принимается за какое нибудь изученіе; придется потратить на голубей пять лѣтъ жизни— онъ такъ и сдѣлаетъ; понадобится десять— онъ и десять положитъ; а вѣдь не только голуби, но даже всѣ домашнія животныя составляютъ только крошечный уголокъ того громаднаго міра явленій, который охваченъ и въ значительной степени разъясненъ свѣтлыми идеями Дарвина. Но сила этого гениальнаго человѣка заключается именно въ томъ, что, обобщая явленія, онъ не теряется въ отвлеченностяхъ, не впадаетъ въ дилетантизмъ, а постоянно упирается ногою въ твердую почву собственныхъ наблюденій и такого изслѣдованія, которое своею основательностью и усидчивостью привело бы въ трепеть любаго изъ нашихъ буквоѣдовъ. Широкихъ-то теоретиковъ много найдется, но за то теоріи ихъ подбиты вѣтромъ, и лопаются, какъ мыльные пузыри. А кто такимъ образомъ изучаетъ голубей, тотъ ужъ ни одного слова не говоритъ на вѣтеръ.

Разнообразіе голубиныхъ породъ оказалось изумительнымъ. Не говоря уже о томъ, что этихъ породъ чрезвычайно много, мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ отличаются другъ отъ друга необыкновенно рѣзкими и очень своеобразными признаками и особенностями. Напримѣръ у *англійскаго гонца* (english carrier, *Columba tabellaria*) длинный клювъ съ широкими ноздрями у *курносаго турмана* клювъ такой, какъ у воробья, у *римскаго голубя*, при значительной величинѣ всего тѣла, клювъ толстый и ноги большія, а у *варварійскаго голубя*, похожаго по фигурѣ на *гонца*, клювъ очень короткій и очень широкій. *Обыкновенный турманъ* (*C. gygatrix*) имѣетъ привычку взлетать цѣлою толпою на значительную высоту, и потомъ, спускаясь внизъ, по два или по три раза кувиркаться на воздухѣ. *Толстогорлый голубь* (*C. gutturosa*) изъ гордости, или по какому нибудь другому неизвѣстному побужденію, постоянно раздуваетъ свой зобъ, и доводитъ его до такихъ размѣровъ, что, по словамъ Дарвина «даже смѣшно смотрѣть». А *Columba turbita* такимъ же образомъ раздуваетъ заднюю часть своего пищевода. *Якобинецъ* (*C. cucullata*) замѣчателенъ тѣмъ, что у него на шеѣ перья заворочены кверху, и образуютъ надъ его головою что-то въ родѣ капюшона; поэтому онъ и названъ якобинцемъ, въ честь тѣхъ монаховъ, которые носили капюшоны, и которые подарили свое имя не только кроткимъ голубямъ, но и лукавымъ членамъ знаменитаго революціоннаго клуба. *Голубь-павлинь* (*C. laticauda*) отличается необыкновенно широкимъ хвостомъ; у него въ хвостѣ отъ тридцати до сорока перьевъ, между тѣмъ какъ у другихъ голубей бываетъ ихъ отъ 12 до 14; и эти тридцать или

сорокъ перьевъ всё торчатъ кверху вѣромъ, и даже наклоняются впередъ, такъ что у нѣкоторыхъ субъектовъ хвостъ сходится съ головою.

Этихъ примѣровъ разнообразія будетъ достаточно; къ этому можно прибавить, что въ самомъ скелетѣ обнаруживаются очень важныя различія; вмѣстѣ съ формою и размѣромъ клюва измѣняется все строеніе черепа, число позвонковъ въ хвостѣ и въ крестцѣ, и число реберъ у различныхъ породъ бываетъ не одинаково; длина крыльевъ и хвоста сравнительно съ величиною тѣла, и относительная величина различныхъ частей ноги подвергаются очень сильнымъ измѣненіямъ. Форма и размѣры яицъ, полетъ, голосъ и инстинкты—все это расходится въ разныя стороны. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ породахъ самецъ и самка значительно отличаются другъ отъ друга. Можно подобрать такую коллекцію голубей, что орнитологъ, специалистъ въ дѣлѣ изученія птицъ, непременно отнесетъ ихъ къ различнымъ видамъ, и даже посовѣстится называть ихъ представителями одного рода. А между тѣмъ, всё эти разнокалиберныя птицы произошли отъ одного вида, который, подъ названіемъ *сикаго голубя* (rock-pigeon, *Columba livia*) до сихъ поръ живетъ и размножается во многихъ странахъ земнаго шара. Если мы предположимъ, что различныя породы нашихъ домашнихъ голубей произошли отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, то, чтобы согласить это предположеніе съ существующими фактами, намъ придется запутаться въ безвыходную сѣть самыхъ рискованныхъ и несостоятельныхъ гипотезъ. Если мы не захотимъ допустить, что особенности различныхъ голубиныхъ породъ выработались медленнымъ путемъ постепенныхъ измѣненій, то намъ придется предположить, что въ дикомъ состояніи существовало, по крайней мѣрѣ семь или восемь отдѣльныхъ видовъ, изъ которыхъ одинъ отличался, напримѣръ, воробьинымъ клювомъ курносаго турмана, другой—стоячимъ хвостомъ голубя-павлина, третій—колоссальнымъ зобомъ толстогорлаго голубя, и такъ далѣе. Отчего не предположить? Предположимъ. Но спрашивается, существуютъ ли теперь эти виды въ дикомъ состояніи? Нѣтъ, не существуютъ. А куда же они дѣвались? Отвѣтъ: исчезли, вымерли. Это уже начинаетъ быть неправдоподобнымъ. Голубь гнѣздится на скалистыхъ обрывахъ, и обладаетъ очень сильнымъ полетомъ; эти два обстоятельства такъ хорошо ограждаютъ его отъ естественныхъ враговъ, что полное истребленіе восьми голубиныхъ видовъ представляется дѣломъ чрезвычайно сомнительнымъ. Естественная исторія не знаетъ ни одного примѣра, который доказывалъ бы, что дикій голубь былъ истребленъ въ такой странѣ, гдѣ онъ прежде водился. Голуби сдѣлались домашними птицами въ глубокой древности; о нихъ упоминается въ исторіи Египта, слишкомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.; слѣдовательно, намъ придется предположить, что полудикіе люди сдумали приручить нѣсколько породъ голубей, что они сдумали соблюсти всё

условія, необходимыя для того, чтобы эти различныя породы плодились въ неволѣ, что они выбрали для прирученія самыя странныя и причудливыя формы этихъ птицъ, и наконецъ, что всѣ выбранныя ими породы вымерли и исчезли съ лица земли, оставляя на бѣломъ свѣтѣ только свое ручное потомство. Каждое изъ этихъ предположеній порознь оказывается неправдоподобнымъ, но когда мы собираемъ всѣ эти предположенія въ одинъ букетъ, тогда неправдоподобіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что превращается въ очевидную невозможность и нелѣпость. А между тѣмъ, именно весь букетъ этихъ предположеній необходимъ для того, чтобы произвести различныя породы домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ.

Но кромѣ отрицательныхъ доказательствъ, есть и положительныя. Во-первыхъ, голубинныя породы, отличающіяся рѣзкими особенностями, нигдѣ и никогда не обращались въ дикое состояніе, не смотря на то, что европейцы перевозили ихъ за собою во всѣ части свѣта; напротивъ того, простой домашній голубь, очень похожій на дикаго, довольно часто возвращается къ образу жизни своихъ предковъ и умѣетъ обходиться безъ попеченій человѣка. Это доказываетъ, что рѣзкія особенности этихъ птицъ выработались подъ вліяніемъ людей, потому что въ противномъ случаѣ, эти особенности не отнимали бы у данныхъ субъектовъ возможности жить на свободѣ. Попадая въ свое отечество, курносый турманъ, или голубь-павлинъ долженъ былъ бы почувствовать себя дома, и, при первомъ удобномъ случаѣ, устроить себѣ самостоятельное бытѣе. Но если онъ до сихъ поръ никогда не попадалъ въ свое отечество, то слѣдуетъ думать, что у него, и у всей его породы нѣтъ и не было другаго отечества, кромѣ голубятника. Во-вторыхъ, случается часто, что помѣсь двухъ отдѣльныхъ голубинныхъ породъ принимаетъ цвѣтъ дикаго голубя, хотя этого цвѣта не было ни у отца, ни у матери. Дарвинъ скрестилъ бѣлаго голубя-павлина съ чернымъ *барбомъ* (варварійскимъ голубемъ); метисы получились черные, коричневые и пестрые. Скрестилъ онъ другаго чернаго барба съ *спотомъ* *) (Spot); метисы вышли пестрые. Тогда онъ скрестилъ двухъ метисовъ, т. е., барбо-павлина съ ба-боспотомъ, и родился голубь прекраснаго сизаго цвѣта, съ бѣлымъ зобомъ, съ черными полосками на крыльяхъ и на хвостѣ, и съ бѣлымъ окаймленіемъ перьевъ на этихъ двухъ частяхъ тѣла. Словомъ, по цвѣту эта помѣсь двухъ метисовъ оказалась совершенно похожею на чистую *Columba livia*.

Во всей цѣпи органическихъ существъ случаются такія возвращенія къ характеру предковъ; въ человѣческихъ семействахъ замѣчаютъ очень

*) Spot значитъ пятно. Этимъ именемъ называется бѣлая порода голубей съ краснымъ пятномъ на головѣ и съ краснымъ хвостомъ.

часто, что ребенокъ похожъ не на отца, или на мать, а на дѣда или на бабу; вѣроятно случается часто, что онъ бываетъ похожъ на болѣе отдаленныхъ предковъ, но это обстоятельство, разумѣется, можетъ быть замѣчено только въ тѣхъ немногихъ семействахъ, въ которыхъ сохраняются фамилльные портреты. Что касается до голубей, то случай, подмѣченный Дарвиномъ, очень знаменателенъ. И барбъ, и спотъ, и павливъ были очень чистой породы; ни у кого изъ нихъ не было ни одной крапинки сизаго цвѣта; слѣдовательно, откуда же этотъ цвѣтъ взялся у метисовъ втораго поколѣнія? Если вы хотите, во что бы то ни стало, произвести домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ породъ, то вамъ придется еще предположить, что всѣ эти разныя породы были окрашены, какъ дикій голубь, потому что только этимъ предположеніемъ объяснится стремленіе метисовъ къ сизому цвѣту. Но такъ какъ съ васъ должно быть довольно и тѣхъ неправдоподобныхъ предположеній, которыя я вамъ представилъ выше, то вы, вѣроятно, кладете оружіе, миритесь съ единствомъ происхожденія всѣхъ голубиныхъ породъ, и требуете только, чтобы я вамъ объяснилъ въ общихъ чертахъ, какъ выработалось теперешнее разнообразіе, и какимъ манеромъ потомки дикаго голубя приобрѣли различныя уродливыя особенности. Объясненіе будетъ представлено, какъ для голубей, такъ и для другихъ животныхъ, покорившихся человѣку.

IV.

СОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Я уже замѣтилъ выше, что голуби съ незапамятныхъ временъ сдѣлались домашними птицами. По многимъ историческимъ свидѣтельствамъ видно, что они постоянно пользовались благосклоннымъ расположеніемъ человѣка, а иногда дѣлались предметомъ особеннаго вниманія. Являлась мода на голубей, являлось множество любителей, и между ними завязывалось горячее соперничество. Римскій натуралистъ Плиній говоритъ, что въ его время голуби были въ большомъ почетѣ; за ныя породы платились большія деньги, и чистота такихъ любимыхъ породъ хранилась такъ тщательно, что каждый голубь имѣлъ свое генеалогическое древо. Въ Индіи великій моголь Акбаръ-Ханъ, около 1600 года, былъ великимъ охотникомъ и специалистомъ по части голубей. Властители Ирана и Турана присылали къ нему самыхъ рѣдкихъ и отличныхъ птицъ голубиной породы. У него было до двадцати тысячъ штукъ голубей, и придворный лѣтописецъ замѣчаетъ

съ благоговѣніемъ, что его величество изволили изобрѣсти особую методу скрещиванія, посредствомъ которой породы голубей улучшились изумительнымъ образомъ. Въ то время, какъ Акбаръ-Ханъ предавался своимъ невиннымъ забавамъ, страсть къ голубямъ свирѣствовала также на другой оконечности стараго свѣта; голландцы, которымъ впоследствии суждено было предаться обожанію тюльпановъ, бредили въ то время голубями. Конечно, въ исторіи встрѣчается много другихъ примѣровъ голубеманіи, и, разумѣется, во всякое время существовало еще больше такихъ любителей; о которыхъ никогда не упомянетъ никакая исторія. Мы видѣли выше, что и теперь есть въ Англій знаменитые любители голубей, составляющіе голубиные клубы.

Этихъ условій совершенно достаточно, чтобы объяснить самое пестрое разнообразіе, и самыя эксцентрическія особенности: въ различныхъ породахъ домашнихъ голубей. Голубей человѣкъ измѣнялъ по своему капризу, а другихъ домашнихъ животныхъ онъ измѣнялъ и до сихъ поръ измѣняетъ сообразно съ своими выгодами. Это дѣлается вотъ какъ: рождается, на примѣръ, голубь, у котораго зобъ немного больше, чѣмъ у его сродниковъ; любителю эта особенность кажется оригинальною и прелестною; мудренаго тутъ ничего нѣтъ, потому что человѣческіе вкусы гораздо болѣе разнообразны и эксцентричны, чѣмъ голубиныя породы; любитель подыскиваетъ зобастому голубю подругу, у которой зобъ также побольше, чѣмъ у другихъ; посмотримъ, думаетъ онъ, что выйдетъ. Выходятъ зобастые птенцы. Онъ выбираетъ изъ нихъ самыхъ зобастыхъ и спариваетъ ихъ съ другими зобастыми; ну и является наконецъ, послѣ многихъ систематическихъ спариваній и послѣ тщательнаго избранія самыхъ характерныхъ субъектовъ, такая птица, на которую смѣшно смотрѣть, и для которой надо выдумать особенное названіе *columba guttur sa*, а по англійски *pouter*.

Такія особенности, которыми отличаются многія породы голубей, и которыя не доставляютъ никакой пользы ни человѣку, ни самому животному, дѣйствительно могли развиться только тѣмъ путемъ, который показанъ въ предыдущихъ строкахъ. Только прихоть любителей произвела эти особенности, и только та же самая прихоть поддерживаетъ ихъ. Можно сказать навѣрное, что каждая очень эксцентричная порода голубей очень немногочисленна сравнительно съ какою нибудь простою породою; люди, держащіе голубей для стола, не станутъ выбирать нарочно голубей съ стоячими хвостами или съ якобинскими капюшонами, а если имъ попадутся такіе голуби, то никто не станетъ заботиться о сохраненіи этихъ характеристическихъ признаковъ; птицы будутъ совокупляться по собственному благоусмотрѣнію; вся генеалогія перепутается, и черезъ нѣсколько поколѣній стоячіе хвосты и капюшоны совершенно пропадутъ, потому что эти эксцентрическія особенности очень

непрочны. Гораздо прочнѣе тѣ особенности въ складѣ животныхъ, которыя приносятъ человѣку дѣйствительную пользу и прочнѣе онѣ именно потому, что объ ихъ поддержаніи и совершенствованіи заботятся сознательно или неволью всѣ люди, а не двѣ, три дюжины прихотливыхъ знатоковъ и любителей. Наконецъ, всего прочнѣе тѣ особенности, которыя полезны самому животному; эти особенности поддерживаются и развиваются постояннымъ вліяніемъ всей природы, неудержимымъ дѣйствіемъ той общей и роковой силы вещей, которая всегда и вездѣ оказывается неизмѣримо сильнѣе всякихъ человѣческихъ сознательностей.

Но объ этихъ послѣднихъ особенностяхъ и объ этой силѣ вещей у насъ будетъ рѣчь впереди, тогда, когда мы отъ домашнихъ животныхъ перейдемъ къ дикимъ, то есть, изъ скотнаго двора выйдемъ въ лѣсъ, въ степь, въ море, въ различныя части свѣта, и въ глубину геологическаго прошедшаго. Покуда потолкуемъ о скотномъ дворѣ и объ огородѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ скромныхъ областяхъ сельскаго хозяйства мы найдемъ чрезвычайно много поучительнаго и интереснаго. Дарвинъ не даромъ началъ свою книгу съ домашнихъ животныхъ; ему было необходимо рассмотреть и изучить сначала дѣйствіе законовъ природы въ малыхъ размѣрахъ, въ упрощенныхъ формахъ, и въ ограниченныхъ сферахъ. Превращенія домашнихъ породъ относятся къ превращеніямъ дикихъ породъ, какъ искры электрической машины относятся къ ударамъ настоящаго грома. Изучать различныя свойства электричества гораздо удобнѣе въ физическомъ кабинетѣ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, во-первыхъ потому, что не мокнешь подъ дождемъ, а во-вторыхъ потому, что не рискуешь подвергнуться участи профессора Рихмана, который, какъ извѣстно, былъ убитъ громомъ въ прошломъ столѣтіи, во время своихъ наблюденій надъ атмосфернымъ электричествомъ. Такъ точно и въ дѣлѣ Дарвина. Тутъ даже нѣтъ никакой возможности дѣлать прямыя наблюденія надъ дикими породами. Надо имѣть постоянно передъ глазами изучаемую породу, надо слѣдить за ея видоизмѣненіями въ теченіи нѣсколькихъ и даже многихъ поколѣній; а какъ только вы поставите дикое животное въ такое положеніе, въ которомъ можете постоянно слѣдить за нимъ, такъ оно, очевидно, перестанетъ быть дикимъ, и сдѣлается, или плѣннымъ животнымъ, или ручнымъ. Левъ въ клѣткѣ—что-жъ это за левъ? И какіе же общіе выводы можно основать на такихъ наблюденіяхъ, при которыхъ наблюдаемый предметъ насильственно вырванъ изъ своей естественной сферы и поставленъ въ совершенно ненормальное положеніе? Да если бы даже вы и захотѣли дѣлать тутъ какіе нибудь выводы, такъ и дѣлать-то ихъ не изъ чего, потому что запасъ фактовъ будетъ очень скуденъ. Поэтому, если натуралистъ хочетъ изучать вопросъ о типахъ, о разновидностяхъ, о законахъ наследственности, о возможныхъ размѣрахъ индивидуальнаго разнообра-

зія, то онъ долженъ съ полнымъ смиреніемъ обратиться къ тому богатому запасу практическаго опыта, который собранъ у скотоводовъ, у заводчиковъ, у садовниковъ, у огородниковъ и у разныхъ другихъ скромныхъ двигателей матеріальнаго благосостоянія. У этихъ людей нѣтъ общающаго взгляда, но сырыхъ фактовъ пропасть, и умѣніе ихъ обращаться съ живымъ матеріаломъ доходитъ до изумительнаго совершенства, конечно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ сельское населеніе не задавлено бѣдностью, и гдѣ различныя отрасли сельскаго хозяйства не ведутся на авось. Въ Англіи и въ Германіи есть знаменитые скотоводы, которые, въ теченіи одной человѣческой жизни, произвели очень обширныя измѣненія въ нѣкоторыхъ породахъ быковъ и барановъ. «Можно подумать, говоритъ лордъ Сомервилъ, что они нарисовали идеальную форму, и потомъ дали ей жизнь.» Они, дѣйствительно, смотрятъ на животное, какъ на кусокъ глины, изъ которой, при нѣкоторомъ умѣнн, можно вылѣпить самую красивую, самую полезную, или самую уродливую статую. И этотъ взглядъ основанъ цѣликомъ на практическомъ опытѣ, потому что, какъ только эти господа пускаются въ теоріи, такъ они становятся чрезвычайно робкими. Они сами измѣняютъ фигуру своихъ животныхъ, но въ то же время они рѣшительно отказываются вѣрить, что, напримѣръ, короткорогіе быки произошли отъ длиннорогихъ. Они видятъ и понимаютъ только то, что сами дѣлаютъ; поэтому, когда эти невѣрующіе практики говорятъ о превращеніяхъ, то имъ уже можно вѣрить безусловно. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Джонъ Себрайтъ, говоритъ, что онъ въ три года беретъ создать для голубя какой угодно цвѣтъ перьевъ; а въ шесть лѣтъ, онъ можетъ переработать голову и клювъ. Вся хитрость состоитъ тутъ въ томъ, чтобы умѣть выбрать самца и самку, и чтобы повторять эту операцію съ одинаковымъ искусствомъ для втораго, для третьяго поколѣнія, и такъ далѣе.

Этотъ принципъ систематическаго выбора произвелъ и до сихъ поръ производитъ всѣ превращенія нашихъ домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растений. Но выбирать вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Вѣдь тутъ дѣло не въ томъ, чтобы распознать и отдѣлить одну отъ другой, двѣ явственно обозначенныя породы; и не въ томъ, чтобы отстранить отъ завода уродливыхъ субъектовъ; это только самая простая и чисто отрицательная часть задачи, и Дарвинъ, не имѣющій понятія о тайнахъ нашего русскаго скотоводства, утверждаетъ, даже съ полнымъ убѣжденіемъ, что не существуетъ такихъ безалаберныхъ людей, которые позволили бы размножаться самымъ плохимъ экземпляромъ своего стада. Но положительная сторона дѣла оказывается несравненно болѣе трудною. Глазъ скотовода долженъ подмѣтить каждую зарождающуюся особенность, чтобы уничтожить ее въ самомъ началѣ, если она можетъ сдѣлаться

вредною, или чтобы развить и воспитать ее въ будущихъ поколѣнiяхъ, если она можетъ принести пользу. Въ Саксонiи, гдѣ процвѣтаетъ тонкорунное овцеводство, умѣнье изучать и разсматривать барановъ превратилось въ науку и въ искусство. Есть тамъ такіе спеціалисты по части барановѣденiя, которыхъ владѣльцы стадъ приглашаютъ на консультаціи, и которымъ платятъ за совѣты очень порядочныя деньги. Три раза въ годъ, каждаго барана ставятъ на столъ, барановѣдь изучаетъ его во всѣхъ подробностяхъ, какъ картину, отмѣчаетъ и записываетъ его въ особенную категорію, и за тѣмъ только самыя безукоризненные бараны признаются достойными наслаждаться счастьемъ взаимной любви. Не смотря на всѣ эти хлопоты и издержки, хозяинъ остается въ большомъ барыщѣ, потому что бараны дѣйствительно воплощаютъ въ себѣ идеаль бараньяго совершенства, а всякое совершенство, при умѣнii имъ пользоваться, даетъ значительный доходъ. Но не всякій желающій можетъ сдѣлаться барановѣдомъ или быковѣдомъ; Дарвинъ всѣми силами старался разсмотрѣть такія особенности, о которыхъ разсуждали и спорили спеціалисты, и ничего не могъ увидать. «Врядъ-ли, говоритъ онъ, одинъ человѣкъ изъ тысячи обладаетъ тою вѣрностью глаза и сужденiя, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ скотоводомъ». «Немногіе люди повѣряютъ, говоритъ онъ далѣе, сколько требуется природныхъ способностей и опытности для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ любителемъ голубей». Впрочемъ, повѣрить этому вовсе не трудно; индивидуальныя особенности обыкновенно бываютъ едва замѣтны, а только постоянное накопленіе этихъ незамѣтныхъ особенностей въ извѣстномъ направленiи можетъ современемъ повести къ замѣтному совершенствованію породы, или къ образованію новой разновидности. Если вы побываете въ хорошемъ цвѣтникѣ, въ хорошемъ огородѣ, и въ хорошемъ фруктовомъ саду, то вы непременно замѣтите очень любопытное явленіе; въ цвѣтникѣ вы увидите, положимъ, множество различныхъ георгинъ; разнообразіе будетъ заключаться въ цвѣтахъ, между тѣмъ, какъ стебель и листья этихъ растений будутъ очень похожи другъ на друга; въ огородѣ вы увидите много сортовъ капусты; здѣсь листья будутъ разнообразны, а цвѣты почти одинаковы; въ фруктовомъ саду, вы увидите всевозможныя виды крыжовника; на одномъ кустѣ будутъ крупныя ягоды, на другомъ мелкія, на третьемъ зеленыя, на четвертомъ желтыя, на пятомъ — красныя, здѣсь — мохнатыя, тамъ — гладкія, здѣсь — продолговатыя, тамъ — круглыя; но посмотрите на самыя кусты, на листья, на цвѣты, и вы едва отличите одинъ сортъ отъ другаго. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, разнообразіе, какъ видите, проявляется именно въ тѣхъ частяхъ растенiя, на которыя обращено вниманіе человѣка. Понятно, почему. Занимаясь георгинами, садовникъ выбираетъ сѣмяна тѣхъ растений, которыя даютъ

особенно яркіе и красивыя цвѣты; если какая нибудь новая форма проявится въ цвѣтахъ этихъ растений, то садовникъ замѣтитъ и воспи-таетъ ее; если же эта новая форма обнаружится въ стеблѣ или въ листьяхъ, то на нее даже никто и не посмотритъ. Цвѣты георгины измѣ-няются такимъ образомъ подъ вліяніемъ человѣка, а стебли и листья измѣняются уже только вслѣдъ за цвѣтами, по соотношенію въ развитіи, и эти второстепенныя измѣненія бывають обыкновенно незначительны. Въ капустѣ и въ крыжовникѣ дѣло устроивается точно также, съ тою только разницею, что вниманіе человѣка обращается тутъ, въ первомъ случаѣ, на листья, а во второмъ, — на ягоды. То же самое явленіе мож-но замѣтитъ и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя человѣкъ производитъ надъ животными. Что онъ измѣняетъ, напримѣръ, въ баранѣ? Ростъ, фигуру тѣла, рога, шерсть, величину ногъ — вообще то, что бросается въ глаза, или что можно, но крайней мѣрѣ, рассмотреть. Никому въ голову не приходило измѣнить желудокъ или печень барана, да и ни-кому бы не удалось сдѣлать такую штуку, потому что, въ большей ча-сти случаевъ, нѣтъ возможности подмѣнить у живаго существа, въ устрой-ствѣ внутренняго органа, такую индивидуальную особенность, которую можно было бы развить посредствомъ систематическаго выбора. Но, ког-да устройство внутренняго органа проявляется въ какомъ нибудь внѣш-немъ признакѣ, тогда человѣкъ можетъ измѣнить и внутренній органъ. Напримѣръ, величина зоба выразилась у голубя въ привычкѣ раздувать эту часть тѣла; человѣкъ замѣтилъ и развилъ какъ зобъ, такъ и при-вычку. У свиней особое устройство пищеварительнаго канала или осо-быхъ химическія свойства крови выражаются внѣшнимъ образомъ въ чер-номъ цвѣтѣ щетины; обитатель Флориды замѣтилъ это обстоятельство, и, выбирая постоянно черныхъ свиней, упрочилъ за своими свиньями тѣ особенности, которыя позволяютъ имъ ѣсть корень *laehnanthes*, не расплачиваясь за это удовольствіе своими копытами. Наконецъ, конно-заводство, выбирая постоянно для своихъ заводовъ самыхъ быстрыхъ скакуновъ, несомнѣнно упрочиваетъ за своими лошадьми, кромѣ крѣ-пости ногъ, особое устройство легкихъ, потому что простая лошадь за-дохнется отъ того быстраго движенія, которое безъ малѣйшаго труда вынесетъ англійскій рысакъ. Такимъ образомъ, человѣкъ, посредствомъ цѣлесообразнаго выбора производителей, можетъ измѣнить всю органи-зацію животныхъ и растений; но обыкновенно, онъ измѣняетъ только внѣшніе органы, или какую нибудь отдѣльную группу органовъ, а вну-тренніе или вообще другіе органы, не интересующіе человѣка, измѣняют-ся уже помимо его воли, въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, по не-изслѣдованнымъ законамъ соотношенія въ развитіи.

V.

НЕВОЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скотоводы стали обращать серьезное вниманіе на улучшеніе породъ посредствомъ систематическаго выбора производителей. До сихъ поръ скотоводство обращено въ науку и въ искусство только въ немногихъ странахъ Европы; гдѣ существуетъ національное скотоводство, тамъ оно съ изумительною быстротою доставило уже блистательные результаты, но результаты эти не могутъ имѣть обширнаго значенія, по той простой причинѣ, что всякое рациональное занятіе еще надолго будетъ оставаться доступнымъ только для самаго незначительнаго меньшинства нашей великой и прославленной породы. Большинство людей, вслѣдствіе печальной необходимости, живетъ и дѣйствуетъ оцупью, по силѣ инерціи, безъ всякаго плана жизни и безъ всякой цѣли. Какъ оно живетъ вообще, такъ точно оно дѣйствуетъ и на тотъ міръ животныхъ и растеній, отъ котораго оно зависитъ въ своемъ пропитаніи. Вліяніе этого бессознательнаго большинства обнаруживается медленно, неясно и безтолково, но за то кругъ дѣйствій этого большинства чрезвычайно обширенъ. Во-первыхъ, большинство есть все-таки стихійная сила, и въ сравненіи съ нею всякіе индивидуальныя труды оказываются крошечными песчинками; во-вторыхъ, это большинство дѣйствуетъ не какихъ нибудь восемьдесятъ лѣтъ, какъ просвѣщенные скотоводы, а нѣсколько десятковъ тысячелѣтій. Поэтому, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство, или человѣчество вообще, съ начала своего существованія, невольно и бессознательно произвело въ животныхъ и въ растеніяхъ множество чрезвычайно важныхъ и обширныхъ измѣненій. Всякій разъ, какъ только человѣкъ имѣлъ возможность выбрать изъ нѣсколькихъ предметовъ одинъ, онъ выбиралъ непременно тотъ, который доставлялъ ему больше пользы или удовольствія. Если онъ, напримѣръ, могъ прокормить только одну собаку, то онъ, конечно, пришибалъ не ту, которая отличалась особенною вѣрностью и смѣлостью. Если у него была одна кобыла, то онъ, разумѣется, не отыскивалъ для нея нарочно самаго уродливаго и дряхлаго жеребца. Когда Арабы, застигнутые голодомъ въ пустынѣ, бывають принуждены зарѣзать и съѣсть верблюда, то они никакъ не распорядятся такимъ образомъ съ самымъ лучшимъ и съ самымъ крѣпкимъ верблюдомъ. Дикіе обитатели Огненной Земли такъ дорожатъ своими собаками, что во время голодныхъ мѣсяцевъ или годовъ, которые для всякихъ дикарей вообще повторяются очень часто, — они убиваютъ и съѣдаютъ своихъ старухъ, а собакъ не трогаютъ, потому, говорятъ они,

что собака полезнѣе. Когда людямъ, не питающимся въ обыкновенное время человѣческимъ мясомъ, приходится поѣдать своихъ близкихъ родственницъ, тогда, разумѣется, бываетъ уже съѣдено все, что только можно было съѣсть. Собаку можно съѣсть, а если ее не съѣсть, то ее надо кормить, а это очень мудрено сдѣлать въ такое время, когда люди ѣдятъ другъ друга, и все-таки умираютъ съ голоду. Понятно, что, послѣ такой передраги, уцѣлѣютъ только тѣ собаки, которыя, во первыхъ, особенно драгоценны для своихъ владѣльцевъ какими нибудь отмѣнными достоинствами, и, во-вторыхъ, умѣютъ переносить голодъ лучше другихъ. Выборъ будетъ сдѣланъ, такимъ образомъ, не по рациональной методѣ, но за то чрезвычайно строго.

И въ древности, и во время среднихъ вѣковъ, люди голодали очень часто, нисколько не хуже теперешнихъ обитателей Огненной Земли или Гренландіи. А что въ доисторическія времена такія голодныя полосы находили на людей еще гораздо чаще, и поражали ихъ гораздо сильнѣе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ дальше въ прошедшее, тѣмъ мрачнѣе становится картина человѣческаго существованія или прозябанія. Голодъ обрушивался и на людей, и на домашнихъ животныхъ; животныя травоядныя могли бы прокормиться сами, но ихъ съѣдали голодные люди, и, конечно, оставалось въ живыхъ только то, что было всего крѣпче, всего лучше, и всего необходимѣе. Эти періодическія посѣщенія голода сдѣлались гораздо рѣже, или совершенно прекратились только тогда, когда люди, размножившись, стали вести образъ жизни вполне приличный осѣдлому и земледѣльческому племени. Тутъ уже «табуны его коней» не могли пастись «вольны, нехранимы», потому что это возможно только тогда, когда «его луга необозримы», а необозримость луговъ существуетъ тогда, когда народъ находится въ переходномъ состояніи отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Когда же кони, и всякій другой скотъ стали обитать въ покрытыхъ строеніяхъ, тогда, вмѣсто вліянія періодическаго голода, домашнія животныя стали испытывать на себѣ водовзмѣняющее дѣйствіе хозяйственныхъ распоряженій. Всякій крестьянинъ, вовсе не рассчитывая усовершенствовать породу, и вовсе не зная, что такія усовершенствованія возможны, старался, по крайней мѣрѣ, чтобы его корова или кобыла не производила на свѣтъ уродовъ. Для этого, онъ, напримѣръ, держалъ молодыхъ самцовъ отдѣльно отъ молодыхъ самокъ. Если представлялась возможность случить корову съ хорошимъ быкомъ, или кобылу съ хорошимъ жеребцомъ, то крестьянинъ, разумѣется, пользовался этою возможностью, потому что важное значеніе хорошей породы понятно самымъ необразованнымъ людямъ, и было имъ извѣстно съ незапамятныхъ временъ. Они не умѣли ни произвести, ни даже поддержать въ полной чистотѣ хорошую породу, но все-таки,

по мѣрѣ своихъ силъ и своей сообразительности, они старались сдѣлать получше, а не похуже. То, что было очевидно дурно—отбрасывалось въ сторону; то, что было очевидно хорошо—сохранялось; и такъ какъ въ этомъ направленіи дѣйствовали не десятки людей, а милліоны, то и результаты получились очень значительныя, хотя въ большой части случаевъ никакое научное изслѣдованіе не можетъ показать намъ, каковы были первобытныя формы домашнихъ животныхъ, и чрезъ какія постепенныя видоизмѣненія они должны были пройти, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго положенія.

Исторія разныхъ животныхъ и хозяйственныхъ растений не сохранилась, и не могла сохраниться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, начало земледѣлія и скотоводства относится къ такому далекому прошедшему, о которомъ говорятъ не лѣтописи, и даже не преданія, а только кое-какіе, самые скудные геологическіе остатки; жили люди, были у нихъ прирученныя животныя, остались отъ тѣхъ и другихъ кое-какія кости, — вотъ и все, что можно узнать о доисторическихъ тысячелѣтіяхъ, да и эти небогатыя свѣдѣнія мы стали пріобрѣтать только въ самое новѣйшее время. Стало быть, возстановить типъ домашнихъ животныхъ и растений, какъ они были въ минуту перваго своего соприкосновенія съ человѣкомъ, и потомъ сравнить этотъ типъ съ тѣми формами, которыя живутъ теперь подъ нашею властью — эта такая работа, которую изслѣдователи наши, по всей вѣроятности, никогда не будутъ въ состояніи выполнить.

Не зная исходной точки, мы точно также не знаемъ и тѣхъ переходныхъ ступеней, черезъ которыя прошли наши животныя и растенія. Теперь, когда на этотъ предметъ обращено вниманіе мыслящихъ людей, теперь когда существуютъ выставки сельско-хозяйственныхъ произведеній, когда о скотѣ, объ огородахъ, о садахъ и о поляхъ пишутся научныя сочиненія съ самыми отчетливыми рисунками, чертежами и таблицами, теперь, разумѣется, можно замѣтить всякую перемѣну въ быкахъ, въ баранахъ, въ капустѣ, въ пшеницѣ, въ георгинахъ или въ крыжовникѣ. Но въ былое время, въ то время, которое собственно для насъ не составляетъ даже прошедшаго, — никто не обращалъ вниманія на эти перемѣны, никому не приходило въ голову рисовать портретъ съ капусты, или измѣрять быка вдоль и поперекъ. Теперь, въ образованныхъ государствахъ измѣненія органическихъ формъ рѣзче бросаются въ глаза, потому что, благодаря трудамъ дѣльныхъ специалистовъ, они совершаются очень быстро, то есть, въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, на глазахъ одного поколѣнія. Въ былое время они совершались чрезвычайно медленно, и людямъ было такъ же невозможно замѣтить эти измѣненія, какъ невозможно, напримѣръ, замѣтить глазами движеніе часовой стрѣлки. О движеніи часовой стрѣлки человѣкъ, не знающій внутренняго устройства часовъ, заключаетъ потому, что помнитъ, на какомъ

мѣстѣ она стояла нѣсколько времени тому назадъ, и видитъ, гдѣ она очутилась въ данную минуту. Въ вопросѣ объ органическихъ формахъ мы обыкновенно не знаемъ, гдѣ стояла стрѣлка лѣтъ пятьсотъ или семсотъ тому назадъ; но, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ у насъ есть указанія на прошедшее положеніе стрѣлки, мы постоянно видимъ, что она съ тѣхъ поръ подвинулась впередъ. Напримѣръ, англійская лягавая собака привезена въ Англію изъ Испаніи; между тѣмъ, въ Испаніи новѣйшіе путешественники ни разу не видали ни одной собаки, похожей на теперешнюю англійскую; испанскія лягавыя собаки хуже теперешнихъ англійскихъ, и послѣднія были усовершенствованы тѣмъ, что каждый охотникъ старался пріобрѣсти себѣ собаку, какъ можно лучше, хотя ни одинъ охотникъ не заботился положительно о томъ, чтобы реформировать всю породу. Англійскіе лошади происходятъ отъ арабскихъ, но онѣ теперь на столько лучше послѣднихъ, что на нѣкоторыхъ скачкахъ существуютъ постоянныя правила, по которымъ арабскіе скакуны во время состязаній должны нести на себѣ меньше тяжести, чѣмъ англійскіе. По описаніямъ Плинія можно заключить, что груши у древнихъ римлянъ были очень дурнаго качества, а между тѣмъ, вѣдь никто же не рѣшится предположить, что лучшіе сорта нашихъ теперешнихъ грушъ найдены готовыми, гдѣнибудь въ лѣсу, во время среднихъ вѣковъ. Въ лѣсу, разумѣется, находились всегда только такія яблоки и груши, которыя мы и теперь называемъ дикими, и которыми никто не пожелаетъ лакомиться. Теперешнія груши произошли прямымъ путемъ отъ дрянныхъ грушъ временъ Плинія, и усовершенствовались постепенно вліяніемъ тщательной обработки; а главнымъ средствомъ улучшенія былъ выборъ сѣмянъ; всякій садовникъ, какъ бы онъ ни былъ неразвитъ, все-таки старается посѣять самыя крупныя, самыя зрѣлыя сѣмяна, происходящія изъ тѣхъ плодовъ, которые отличались особенно сочностью и особенно хорошимъ вкусомъ. Даже гоголевскій Иванъ Никифоровичъ, и тотъ навѣрное собиралъ въ бумажку сѣмяна тѣхъ только дынь, которыя ему нравились. — А если, такимъ образомъ, въ теченіи другихъ столѣтій постоянно накаплиются только самыя легкія и незамѣтныя индивидуальныя особенности, то въ общемъ итогѣ непременно получаютъ наконецъ новыя породы, и цѣлыя новыя виды. Пока эти разновидности, породы и виды вырабатываются, ихъ никто не замѣчаетъ; когда же они окончательно готовы, и когда нельзя ихъ не замѣтить, тогда никто не знаетъ, откуда они взялись, и какъ они сформировались. Отсюда и возникаетъ мнѣніе, что они-де скатъ всегда существовали. Если человѣкъ чегонибудь не знаетъ, то онъ въ одну минуту или выдумаетъ чтонибудь, или увѣритъ себя, что тутъ и знать нечего. Не знаетъ происхожденія породы, значитъ и не было никакого происхожденія: всегда была порода, съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ;

не знаетъ развитія породы — значитъ и нѣтъ никакого развитія: всѣ породы неизмѣнны и неподвижны. А живая-то жизнь сейчасъ тутъ же и прихлопнетъ человѣка, и уличитъ его въ безтолковомъ и самонадѣянномъ вранѣ неопровержимыми фактами. Окажется напримѣръ, что породы чрезвычайно подвижны, и что онѣ часто измѣняются передъ самыми глазами человѣка, помимо и даже вопреки его воли. Жили-были два англичанина, Берджесъ и Беклей; завели они себѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, по стаду лейстерскихъ барановъ, съ бекуэлевскаго завода; заводъ этотъ знаменитый, и оба англичанина старались только о томъ, чтобы сохранить въ чистотѣ породу своихъ стадъ, и всѣ ихъ превосходныя качества. Бараны какъ были отличные, такъ и остались отличными. Но какъ ни строги были консервативныя тенденціи господъ Берджеса и Беклея, однако въ результатѣ все-таки получился прогрессъ, а если не прогрессъ, такъ во всякомъ случаѣ перемѣна. У Берджеса — одни бараны, а у Беклея — другіе, точно двѣ разныя породы, и обѣ породы отличаются отъ чистыхъ бекуэлевскихъ барановъ. И жили оба стада въ одномъ климатѣ, и мѣстоположеніе одинаковое, и пища та же самая, и хозяева оба консерваторы, а все-таки такой грѣхъ случился. Чѣмъ же эго объяснить? Все-таки выборомъ производителей. Берджесъ и Беклей хотѣли придти къ одной цѣли, или вѣрнѣе, оба хотѣли стоять на одномъ мѣстѣ, но такъ какъ одинъ человѣческій взглядъ, никогда не сходилъ вполне съ другимъ, то и наши англичане навѣрное чуть-чуть, но расходились между собою въ манерѣ прикладывать общую методу къ дѣлу. Берджесъ обращалъ, напримѣръ, немножко больше вниманія на одну сторону бараньяго идеала, а Беклей на другую. И изъ этого «немножко», и изъ этого «чуть-чуть», въ теченіи пятидесяти лѣтъ, при полномъ сходствѣ важнѣйшихъ условій жизни, выработалась очень замѣтная разница въ результатахъ.

Послѣ этого, надо быть очень яростнымъ классификаторомъ, и очень непреклоннымъ обожателемъ неуволимаго понятія *ovis agilis*, чтобы отрицать измѣняемость органическихъ формъ, и чтобы не видѣть въ каждомъ измѣненіи исключительное дѣйствіе человѣческаго искусства. Если человѣкъ не хочетъ измѣнять, а между тѣмъ все-таки измѣняетъ, то очевидно, что его самого увлекаетъ непобѣдимая и роковая сила вещей. А эта сила вездѣ одна и та же; она дѣйствуетъ и на скотномъ дворѣ англійскаго сквайра, и въ дѣвственномъ лѣсу тропической Америки, и въ развалившейся клѣтушкѣ русскаго мужика, и въ холодной глубинѣ полярнаго океана. Законъ тяготѣнія управляетъ движеніемъ тѣхъ частицъ жира, которыя поднимаются на поверхность вашего супа, и тотъ же законъ господствуетъ надъ тѣми тысячами міровъ, которые представляются нашимъ сильнѣйшимъ телескопамъ въ видѣ неясныхъ туманныхъ пятенъ. А законъ тяготѣнія отличается отъ тѣхъ законовъ,

по которымъ совершается развитіе органической жизни, только тѣмъ, что послѣдніе гораздо сложнѣе перваго и гораздо менѣе изслѣдованы. Но всѣ законы природы, простыя и сложныя, изслѣдованныя и неизслѣдованныя, физическіе или психологическіе, одинаково непоколебимы, одинаково обширны и одинаково не терпятъ исключеній, потому что всѣ они одинаково вытекаютъ изъ необходимыхъ и вѣчныхъ свойствъ безпредѣльнаго міроваго вещества.

VI.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ.

Каждое растеніе производитъ въ теченіи своей жизни нѣсколько зеренъ; каждая самка, къ какому бы классу животнаго царства она ни принадлежала, производитъ, при нормальныхъ условіяхъ, нѣсколько яицъ или нѣсколько живыхъ дѣтенышей. Каждая порода органическихъ существъ стремится, такимъ образомъ, размножаться по геометрической прогрессіи, которая возрастаетъ болѣе или менѣе быстро, смотря по тому, много или мало птенцовъ рождаетъ самка. Если мы возьмемъ ту геометрическую прогрессію, которая возрастаетъ въ такомъ видѣ: 1, 2, 4, 8, 16, 32....., то и тутъ получатся изумительные результаты. Линней предположилъ, что какое нибудь однолѣтнее растеніе даетъ въ теченіи своей годовой жизни только два зерна, и что эти два зерна на будущій годъ взойдутъ благотворно, и въ свою очередь принесутъ по два зерна; продолжая этотъ расчетъ съ тѣми же предположеніями, онъ нашелъ, что на двадцать-первый годъ получится больше милліона растеній. Но такихъ растеній, которыя приносили бы въ годъ по два зерна, не существуетъ; всѣ приносятъ больше; а у нѣкоторыхъ органическихъ существъ быстрота размноженія доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ. Самка налива кладетъ въ годъ до 130 тысячъ яичекъ; самка окуни до 300,000; треска до 4 милліоновъ; если приложить расчетъ Линнея къ трескѣ, то есть, если предположить, что каждое изъ 4 милліоновъ яичекъ благополучно разовьется и произведетъ также 4 милліона яичекъ, и если продолжать этотъ расчетъ до двадцать перваго поколѣнія, то, разумѣется, получится такой рядъ цифръ и нулей, котораго никто не счумѣетъ произнести, а треска такъ сопрется въ морѣ, что ей негдѣ будетъ повернуться, и уже во всякомъ случаѣ нечѣмъ будетъ питаться. Но такое несчастье возможно только въ теоретическомъ расчетѣ; въ природѣ оно невозможно, именно потому, что всѣ органическія формы размножаются по геометрической прогрессіи; всѣ онѣ производятъ

столько дѣтей, яицъ или сѣмянъ, что если бы всѣ дѣти, яйца и сѣмена, произведенныя только въ теченіи одного года, достигли полнаго своего развитія, то всѣ эти ровесники не могли бы умѣститься на всей поверхности земнаго шара. Но это предположеніе опять таки не только неосуществимо въ дѣйствительности, а даже немислимо въ теоріи, то есть, оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если вы предположите, что всѣ сѣмена растений достигнуть полнаго своего развитія, то вы осудите на вѣрную смерть весь животный міръ безъ исключенія, потому что нѣтъ ни одного животнаго, которое питалось бы неорганическими веществами. Если вы захотите, чтобы группа травоядныхъ животныхъ развилась совершенно безпрепятственно, то вы до нѣкоторой степени обидите растительный міръ, и совершенно погубите плотоядныхъ.

Словомъ, органическая жизнь немислима безъ постояннаго и ежеминутнаго истребленія живыхъ существъ; органическая жизнь есть вѣчная борьба между живыми существами, и каждая органическая форма стѣсняется въ своемъ размноженіи всѣми остальными формами. Борьба эта не можетъ прекратиться ни на одно мгновеніе, потому что каждый шагъ въ жизни есть актъ борьбы. Бордться приходится за все: за пищу, за пространство, за горсть земли, за глотокъ воздуха, за частицу воды, за лучъ свѣта, за неприкосновенность собственнаго тѣла,—короче сказать за жизнь, въ самомъ обширномъ и всеобъемлющемъ смыслѣ этого страннаго слова. Кто оплошалъ въ этой борьбѣ, тотъ погибъ, того тотчасъ отдають въ ломъ, какъ серьги или булавку стараго фасона; онъ умираетъ и его немедленно самымъ веселымъ и добродушнѣйшимъ образомъ поѣдаютъ другія растенія и животныя; то растеніе или животное, которому удалось оторвать себѣ кусокъ мертваго тѣла, одержало побѣду надъ тѣми, кому это не удалось; кто часто одерживаетъ такія побѣды, тотъ усиливается, и получаетъ возможность еще съ большимъ успѣхомъ одолѣвать своихъ конкурентовъ; кто часто терпитъ такія пораженія, тотъ, напротивъ того, слабѣетъ, умираетъ и своею смертью открываетъ поле для новыхъ схватокъ, которыя кончаются новыми побѣдами однихъ и новыми пораженіями другихъ. Если, на примѣръ, ястребъ поймалъ и задушилъ голубя, то онъ одержалъ побѣду не только надъ голубемъ, но и надъ другими ястребами. Какъ ни могучъ полетъ ястреба и какъ ни многочисленны тѣ птицы, которыя могутъ служить ему добычею, однако число этихъ послѣднихъ не можетъ считаться неограниченнымъ на томъ пространствѣ земли, которое ястребъ можетъ облетѣть не отдыхая. Стало быть, всякій голубь, съѣденный однимъ ястребомъ, есть кусокъ пищи, отнятый имъ у другихъ хищныхъ птицъ. Слѣдовательно, между этими птицами происходитъ постоянная борьба, даже тогда, когда у нихъ и не доходитъ дѣло до открытой драки. Если люди

ищутъ грибовъ въ одномъ лѣсу, то они, очевидно, борются между собою, хотя и не наносятъ другъ другу ударовъ. Если растеніе производить въ годъ сотню зеренъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ только одно успѣваетъ пустить корень, то, разумѣется, это растеніе борется со всѣми своими сосѣдями за кусокъ земли, и за необходимую порцію воздуха и солнечнаго свѣта. Или оно должно задушить кого нибудь изъ сосѣдей, или сосѣди его задушатъ. Середины нѣтъ и нейтралитетъ невозможенъ. На дубѣ, на яблонѣ, и на нѣкоторыхъ другихъ деревьяхъ растетъ чужеродное растеніе *viscum album*; оно борется за жизнь, какъ съ другими подобными себѣ растеніями, такъ и съ тѣми деревьями, изъ которыхъ оно тянетъ питательные соки; если этихъ растений на одномъ деревѣ разведется слишкомъ много, то дерево зачахнетъ и умретъ, а вслѣдъ за нимъ умрутъ и его паразиты. Птицы клюютъ ягоды этого растенія и потомъ разсѣваютъ его сѣмена въ своихъ испражненіяхъ; для *viscum* выгодно, чтобы птицы клевали его плоды; для другихъ растеній того же вида или другихъ видовъ и родовъ — это также выгодно, по тѣмъ же самымъ причинамъ; стало быть, и здѣсь завязывается борьба въ самой своеобразной формѣ; одна ягода говоритъ птицѣ: съѣшь меня! и другая тоже проситъ: пожалуйста, съѣшь меня! Очевидно, побѣда остается за тѣмъ сортомъ ягодъ, и за тѣми отдѣльными ягодами каждаго сорта, которыя оказываются самыми вкусными для приглашаемой птицы. Результатъ борьбы здѣсь, какъ и вездѣ, выразится въ томъ, что число побѣдителей увеличится, а число побѣжденных уменьшится.

Жить на бѣломъ свѣтѣ значитъ постоянно бороться и постоянно побѣждать; растеніе борется съ растеніемъ, травоядное животное борется съ растеніемъ и съ травоядными, плотоядное съ травояднымъ и съ плотояднымъ, крупныя животныя съ мелкими, напримѣръ: быкъ съ какою нибудь мухою, которая кладетъ ему свои яйца въ ноздри и разводитъ у него въ носу цѣлую губительную колонію, или человекъ съ крошечною американскою блохою, которая поселяется вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ подъ ногтемъ его ноги и производитъ такимъ образомъ смертельное воспаленіе, или вообще всѣ высшія животныя съ мельчайшими паразитами, живущими въ ихъ внутренностяхъ и причиняющими очень часто опасныя болѣзни. Отдѣлки этой всемірной борьбы безконечно разнообразны; каждому недѣлимому приходится постоянно и нападать, и защищаться; и только тотъ, кто отстоялъ свое тѣло отъ астрономическихъ покушеній разнокалиберныхъ враговъ и кто самъ поѣлъ достаточное количество другихъ враговъ, только тотъ, говорю я, можетъ оставить послѣ себя потомство, которому предстоитъ тотчасъ же послѣ рожденія начать ту же самую истребительную борьбу.

Родиться на свѣтъ — самая простая штука, но прожить на свѣтѣ —

это уже очень мудрено; огромное большинство органическихъ существъ вступаетъ въ міръ, какъ въ громадную кухню, гдѣ повара ежеминутно рубятъ, потрошатъ, варятъ и поджариваютъ другъ друга; попавши въ такое странное общество, юное существо прямо изъ утробы матери переходитъ въ какой нибудь котелъ и поглощается однимъ изъ поваровъ; но не успѣлъ еще поваръ проглотить свой обѣдъ, какъ онъ уже самъ, съ недожеваннымъ кускомъ во рту, сидитъ въ котлѣ, и обнаруживаетъ уже чисто пассивныя достоинства, свойственныя хорошей котлетѣ. И идетъ эта удивительная работа день и ночь, безъ малѣйшаго перерыва съ тѣхъ поръ, какъ «солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ». Сколько милліоновъ птицъ питается, напримѣръ, зернами и насѣкомыми! Каждой птицѣ надо съѣсть въ день сотни мошекъ или сѣмечекъ, и слѣдовательно каждый разъ, какъ она развѣваетъ свой клювъ, однимъ органическимъ существомъ становится меньше.

Сила размноженія у всѣхъ органическихъ существъ очень велика, но конечный результатъ зависитъ не отъ этой силы, а отъ величины препятствій, лежащихъ на пути этого размноженія, и отъ могущества тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ размножающаяся порода для борьбы съ этими препятствіями. Препятствія заключаются въ напорѣ другихъ органическихъ существъ, которыя также размножаются, а оборонительныя и наступательныя средства заключаются въ условіяхъ организаціи той породы, о которой идетъ рѣчь. Когда выгодное устройство этой организаціи превѣшиваетъ препятствія, тогда порода размножается, и если превѣсъ очень значителенъ, то и размноженіе идетъ очень быстро. Напримѣръ, въ южной Америкѣ и въ Австраліи, лошади и быки, привезенные европейцами, возвратились къ дикому состоянію и размножились съ невѣроятною быстротою. Сила размноженія не увеличилась, потому что складъ коровъ и кобылъ не измѣнился, но уменьшились препятствія, существовавшія въ Европѣ; человекъ уже не рѣзалъ телятъ и быковъ для своего стола и не отвлекалъ лошадей отъ дѣторожденія своими хозяйственными распоряженіями; а еще важнѣе было то обстоятельство, что въ своемъ новомъ отечествѣ эти одичавшія животныя не встрѣтили себѣ ни многочисленныхъ и опасныхъ враговъ между плотоядными звѣрями и чужеродными насѣкомыми, ни многочисленныхъ и опасныхъ конкурентовъ между туземными формами травоядныхъ. Въ обширныхъ луговыхъ равнинахъ Ла-Платы, цѣлыя квадратныя мили почти исключительно покрыты однимъ видомъ репейника, завезеннаго изъ Европы, слѣдовательно, попавшаго въ Америку послѣ Колумба. Въ Остъ-Индіи живутъ нѣкоторыя растенія, привезенныя изъ Америки, и эти растенія въ большемъ изобиліи распространены отъ Гималайскихъ горъ до мыса Коморина, то есть до самой южной оконечности полуострова. Ясно, что европейскій репейникъ, завоевавшій Ла-

Плату, и американское растеніе, водворившееся въ Индіи, покрыли такія обширныя пространства въ такое короткое время не потому, что они размножаются особенно быстро, а потому, что они по своей организаціи оказались сильнѣе представителей туземной флоры. Кондоръ кладетъ пару яицъ, а страусъ штукъ двадцать, но въ нѣкоторыхъ странахъ кондоромъ больше, чѣмъ страусомъ, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; страусъ кладетъ свои яйца въ землю, гдѣ ихъ расхищаютъ и люди, и животныя, а кондоръ устраиваетъ свое гнѣздо на неприступныхъ скалахъ, куда никому не захочется отправляться за добычею; за тѣмъ, важно то обстоятельство, что у страуса нѣтъ того страшнаго оборонительнаго и наступательнаго оружія, которымъ обладаетъ кондоръ; наконецъ, можно замѣтить, что страусу вредятъ его красивыя перья, изъ за которыхъ онъ терпитъ постоянныя преслѣдованія отъ неугомонныхъ людей. Буревѣстникъ кладетъ только по одному яйцу, а между тѣмъ это самая многочисленная порода птицъ. И не мудрено. Это единственное яйцо кладется на скалѣ, у самаго моря; буревѣстникъ постоянно летаетъ надъ океаномъ, очень далеко отъ берега; крылья у него сильныя, питается онъ рыбою, и не полетитъ за нимъ въ открытое море никакая хищная птица, ни для того, чтобы съѣсть его самого, ни для того, чтобы отбивать у него добычу. Но, конечно, тѣ породы органическихъ существъ, которыя не имѣютъ возможности защитить свое потомство противъ многочисленныхъ враговъ, ограждаютъ себя отъ совершеннаго истребленія только своею непомѣрною плодовитостію; примѣръ: рыбы большею частью бросаютъ свою икру въ воду, не принимая никакихъ предосторожностей; животныя истребляютъ ежегодно билліоны яичекъ и маленькихъ рыбокъ, только что выглянувшихъ на свѣтъ; люди ежегодно ловятъ и съѣдаютъ милліоны рыбъ всякой породы и всякаго возраста; разумѣется, всѣ рыбы давно были бы истреблены, если бы онѣ не размножались съ неистощимою быстротою; если изъ 4 милліоновъ яичекъ трески выведутся только 40 рыбокъ, если изъ этихъ сорока доживутъ до зрѣлаго возраста только двѣ рыбы, и если этотъ процессъ будетъ повторяться каждый годъ, то и тогда треска будетъ размножаться, потому что она живетъ гораздо больше одного года, и слѣдовательно, въ теченіи своей жизни, самецъ и самка успѣютъ произвести себѣ на смѣну больше одной пары. Стало быть, для того, чтобы количество трески не увеличивалось и не уменьшалось, надо, можетъ быть, чтобы изъ десятка милліоновъ яичекъ выводилась и доживала до совершеннолѣтія только одна рыба; и конечно, трудно себѣ представить, чтобы изъ десяти милліоновъ случаевъ, не выдалось ни одного совершенно счастливаго. Почти то же самое мы видимъ въ нашихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, которыя спасаются отъ совершеннаго истребленія единственно тѣмъ, что огромное количество отдѣльныхъ растеній

собрано на одномъ мѣстѣ. Если бы мы захотѣли посѣять не сотни десятинъ ржи или пшеницы, а одну грядку, то птицы небесныя съѣли бы все до послѣдняго зерна; но, такъ какъ количество хлѣбныхъ колосьевъ, созрѣвающихъ въ одномъ околкеѣ, несоразмѣрно велико въ сравненіи съ количествомъ зернодныхъ птицъ, водящихся въ томъ же околкеѣ, то кое-что остается и на долю людей. Птицы наѣдаются до отвалу, жирѣютъ, портятъ еще больше хлѣба, чѣмъ сколько съѣдаютъ, и все-таки не могутъ уничтожить всего, потому что на такой подвигъ способна только саранча, да и то на очень ограниченномъ пространствѣ.

VII.

СЛОЖНЫЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ОРГАНИЧЕСКИМИ СУЩЕСТВАМИ.

Такъ какъ органическія существа или поѣдаютъ другъ друга, или отбиваютъ другъ у друга пищу, или борятся между собою за порцію земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, то, разумѣется, они всѣ связаны между собою самыми сложными и перепутанными отношеніями. Нѣтъ и не можетъ быть ни одного органическаго существа, которое не зависѣло бы въ своемъ существованіи отъ множества различныхъ животныхъ и растений, и притомъ часто отъ такихъ, съ которыми оно даже не имѣетъ ни малѣйшихъ непосредственныхъ отношеній. При теперешнемъ положеніи нашихъ знаній, мы ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, ни для одного животнаго или растенія не можемъ указать точно и подробно на всѣ нити, связывающія его по разнымъ направленіямъ со всею цѣлью другихъ созданій. Важно и превосходно уже то, что современные натуралисты поняли сложность этихъ взаимныхъ отношеній между органическими существами; убѣдившись въ этой сложности и въ своемъ собственномъ невѣденіи, натуралисты поставили себя лицомъ къ лицу съ своею настоящею задачею; они взглянулись въ ея трудности и сообразили также, что эти трудности, которыя вовсе не могутъ считаться непобѣдимыми, преодолеваются только терпѣливымъ, внимательнымъ и совершенно непредубѣжденнымъ наблюденіемъ мельчайшихъ подробностей органической жизни. Чѣмъ больше фактическихъ наблюденій, тѣмъ ближе рѣшеніе великихъ задачъ; а для мыслящаго натуралиста поводы къ наблюденіямъ представляются на каждомъ шагу, и манера осмысливать эти наблюденія съ каждымъ годомъ становится болѣе рациональною и болѣе свободною отъ теоретическихъ предубѣжденій. Будущее разрѣшитъ множество великихъ вопросовъ, но въ настоящее время можно только сказать, что между самыми разнородными

формами органическаго міра существуютъ чрезвычайно сложныя и совершенно неизслѣдованныя отношенія. Кромѣ того, можно представить два, три примѣра, которыя покажутъ читателю, какое множество еще неразрѣшимыхъ вопросовъ задаетъ мыслящему человѣку самый простой и обыкновенный эпизодъ изъ жизни природы.

Въ Англіи, въ одномъ помѣстьѣ графства Стаффордъ, лежитъ большой пустырь, поросшій бурьяномъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, часть этого пустыря, въ нѣсколько сотъ акровъ величиною, обнесли заборомъ, и засадили шотландскими соснами. Появленіе сосенъ произвело совершенный переворотъ въ природѣ засаженнаго участка; количество бурьяна значительно убавилось, и въ молодой сосновой рощѣ поселилось двѣнадцать сортовъ растений, не встрѣчающихся на всемъ остальномъ пространствѣ пустыря; на этихъ растеніяхъ завелись тѣ насѣкомыя, которыя живутъ на нихъ обыкновенно, а вслѣдъ за насѣкомыми появились такія насѣкомоядныя птицы, которымъ прежде не за чѣмъ было залетать въ голый пустырь. Изъ этого примѣра мы видимъ, что во-первыхъ, растенія тѣсно связаны между собою, и что во-вторыхъ, каждое растеніе связано съ тѣми группами животныхъ, которымъ оно служитъ пищею. А такъ какъ одинъ сортъ животныхъ идетъ на пропитаніе другаго сорта, то растеніе, черезъ группу травоядныхъ или зерноядныхъ, связывается также съ опредѣленною группою хищныхъ животныхъ, которые въ свою очередь тянутъ за собою какихъ нибудь паразитовъ, и наконецъ, рано или поздно, эта цѣпь запутанныхъ отношеній обрывается въ рукахъ изслѣдователя, но онъ никакъ не имѣетъ права утверждать, что прослѣдилъ ее до конца и что она дѣйствительно оборвалась въ живой природѣ. Какимъ образомъ связываются между собою отдѣльныя кольца этой огромной цѣпи, этого изслѣдователь также не знаетъ въ большей части случаевъ. Въ приведенномъ примѣрѣ мы даже не можемъ сказать положительно, что именно произвело перемѣну въ растительности: сосна или заборъ. Заборъ могъ имѣть очень сильное вліяніе, онъ ограждалъ растительность отъ скота, а скотъ обыкновенно производитъ въ распредѣленіи растеній самыя значительныя перемѣны. Положимъ, на примѣръ, что скотъ постоянно пасется на какой нибудь лужайкѣ, на которой растетъ двадцать сортовъ различныхъ травъ; если вы удалите скотъ, то можетъ случиться, что изъ этихъ двадцати сортовъ девять совершенно пропадутъ; скотъ, пощипывая траву, постоянно держитъ всѣ сорта ея на одномъ уровнѣ, такъ что всѣмъ достается и свѣтъ и воздухъ; какъ только прекращаются эти уравнивательныя распоряженія скота, такъ немедленно поднимаются къверху тѣ травы, которыя посильнѣе; остальнымъ становится темно и душно, и онѣ понемногу умираютъ. Но, если скотъ является невольнымъ покровителемъ слабыхъ, то онъ оказывается также опас-

нѣйшимъ врагомъ сильныхъ растений, которыхъ развитіе онъ обыкновенно дѣлаетъ совершенно невозможнымъ.

Въ графствѣ Сѣррей тянутся на большое пространство сухіе пустыри, покрытые бурьяномъ; кое-гдѣ разбросаны по этимъ дустырямъ небольшія группы старыхъ шотландскихъ сосенъ; въ теченіи послѣдняго десятилѣтія значительная часть этихъ пустырей обнесена заборами и всѣ обнесенныя мѣста поросли сами собою такимъ густымъ соснякомъ, что множество молодыхъ деревцевъ задохнулись въ чащѣ отъ тѣсноты и темноты. Въ это же время, на открытыхъ мѣстахъ не видно было ни одного дерева, кромѣ тѣхъ вѣковыхъ сосенъ, которыя стояли кое-гдѣ отдѣльными кучками. Но Дарвинъ сталъ всматриваться внимательнѣе и, раздвигая верхушки бурьяна, замѣтилъ, возлѣ самой земли множество сосенокъ, которыя были до чиста обвѣдены скотомъ; на одномъ изъ этихъ несчастныхъ деревцевъ Дарвинъ насчиталъ двадцать шесть годовыхъ колець; въ теченіи двадцати шести лѣтъ эта сосенка старалась подняться выше бурьяна и всякій разъ какое нибудь животное отгрызало ея молодой побѣгъ. Какъ только прекратились нашествія четвероногихъ распорядителей, такъ и поднялись сосновыя рощи, и если присутствіе этихъ деревцевъ дѣйствительно ведетъ за собою рядъ существенныхъ измѣненій въ группированіи растительныхъ и животныхъ формъ, то разумѣется, на сѣррейскихъ пустыряхъ должны были повториться тѣ же самыя явленія, которыя мы видѣли въ графствѣ Стаффордъ. А исходною точкою всѣхъ этихъ переворотовъ оказывается такой простой и ничтожный фактъ, какъ удаленіе нѣсколькихъ головъ рогатаго или безрогаго скота.

Но я опять долженъ напомнить читателю, что мы здѣсь видимъ только, въ какомъ порядкѣ крупныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ. Какъ связываются между собою эти явленія, и какіе мелкіе и мельчайшіе факты образуютъ между ними эту связь—объ этомъ мы еще ничего не можемъ сказать. Сосна измѣняетъ вокругъ себя растительность — хорошо! — но какимъ же образомъ это дѣлается? Дѣйствуетъ ли сосна своею тѣнью, какъ всякое другое дерево, или своимъ хвоемъ, который она каждый годъ роняетъ на землю, или своими корнями, которыми она разрыхляетъ почву, или своими смолистыми испареніями, которыми наполняется окружающій воздухъ? Вѣроятно, всѣ эти свойства сосны ведутъ за собою какія нибудь послѣдствія, вѣроятно, эти послѣдствія перекрещиваются между собою и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, а мы видимъ только отдаленные и послѣдніе результаты, которыхъ внутренняя и необходимая связь до поры до времени ускользаетъ отъ нашего пониманія. Травоядный скотъ дѣйствуетъ на растительность, но самъ онъ въ свою очередь подчиняется вліянію насѣкомыхъ. Въ Парагваѣ ни быкъ, ни лошадь не могутъ жить въ дикомъ состояніи,

потому что тамъ водится особая порода мухъ, которая губить телятъ и жеребятъ, устраивая въ ихъ ноздряхъ гнѣздо для своихъ яичекъ. Муху эту истребляютъ хищныя насѣкомыя другаго рода, этихъ хищныхъ насѣкомыхъ поѣдаютъ птицы; положимъ теперь, что по какой нибудь причинѣ, число насѣкомоядныхъ птицъ уменьшилось въ Парагваѣ; тогда число хищныхъ насѣкомыхъ быстро увеличится; эти насѣкомыя будутъ поѣдать большее количество вредныхъ мухъ; мухи, становясь менѣе многочисленными, не будутъ въ состоянн истреблять все молодое поколѣнне травоядныхъ породъ; быкъ и лошадь разведутся въ Парагваѣ; ихъ влияние произведетъ кое-какія перемѣны въ растительномъ мірѣ; эти перемѣны отзовутся на распредѣленн насѣкомыхъ, а насѣкомыя подѣйствуютъ на тѣхъ птицъ, которымъ они служатъ пищею. Какъ только въ какой нибудь странѣ происходитъ перемѣна въ числѣ или свойствахъ одной группы, такъ эта перемѣна тотчасъ даетъ себя чувствовать по всѣмъ направленіямъ. До этой перемѣны, различныя группы держали другъ друга въ равновѣсн, то есть каждая группа отстаивала свое собственное существованіе и каждая, по мѣрѣ силъ своихъ, мѣшала своимъ сосѣдямъ, родственникамъ, конкурентамъ или врагамъ размножаться далѣе извѣстнаго предѣла. Когда происходитъ перемѣна, то это равновѣсіе въ одномъ мѣстѣ оказывается нарушеннымъ и тотчасъ начинается во всей необозримой цѣпи органическихъ формъ волнообразное колебаніе, которое черезъ нѣсколько времени приводитъ къ новому равновѣсію. Но будетъ ли новое равновѣсіе совершенно похоже на старое—это невозможно сказать заранѣе. Самая незначительная перемѣна можетъ доставить нѣкоторымъ породамъ перевѣсъ надъ противниками; однѣ породы сдѣлаются многочисленнѣе, а другія начнутъ ослабѣвать; борьба между этими породами будетъ продолжаться, но ослабѣвшая сторона уже будетъ не въ состоянн выдерживать натискъ размножившихся враговъ или конкурентовъ; ослабѣвая болѣе и болѣе, она наконецъ можетъ совершенно исчезнуть, а замѣтное уменьшеніе или окончательное истребленіе цѣлой породы тотчасъ поведетъ за собою новыя колебанія, которыя могутъ опять уничтожить новыя породы животныхъ или растений. Словомъ, въ экономн природы, каждое нарушеніе установившагося равновѣсія можетъ повести за собою такія же передвиженія и перевороты, какія напримѣръ производитъ въ коммерческомъ мірѣ банкротство какого нибудь одного незначительнаго бангирскаго дома. Здѣсь также банкротство одной породы потрясаетъ существованіе многихъ другихъ, и никто не можетъ предвѣдѣть, куда распространится это потрясеніе и въ какихъ предѣлахъ оно разыграется. Но потрясенія въ экономн природы совершаются обыкновенно медленно и безъ шума; породы не даютъ другъ другу генеральныхъ сраженій; нѣтъ ни громкой радости со стороны побѣдителей, ни стонувъ отчаянн со стороны по-

бѣжденныхъ; породы торжествуютъ или вымираютъ, сами того не сознавая и даже для мыслящаго наблюдателя это торжество или вымирание становятся замѣтными не въ исходной своей точкѣ, а уже тогда, когда они почти совершились. Переворотъ тянется цѣлыми вѣками, и наблюдатель никогда не можетъ сказать рѣшительно или даже приблизительно, что переворотъ закончился и что вотъ въ эту минуту всѣ породы извѣстной страны держать другъ друга въ равновѣсіи.

Въ природѣ ежеминутно совершаются или могутъ совершаться тысячи мельчайшихъ явленій, которыя, то здѣсь, то тамъ, доставляютъ одной изъ сражающихся сторонъ перевѣсъ надъ другою; многія изъ этихъ явленій, по тѣмъ или другимъ неизвѣстнымъ причинамъ, могутъ остаться безъ значительныхъ послѣдствій, но за то нѣкоторыя изъ этихъ явленій могутъ сдѣлаться первыми звѣньями такой цѣпи событій, которая потянется черезъ длинный рядъ столѣтій, уничтожить множество существующихъ породъ и создать на ихъ мѣсто множество видоизмѣненій. Геологъ, разсматривающій окаменѣлые остатки животныхъ и растений, видитъ въ нихъ разрозненные листы изъ архива органической природы за цѣлые милліоны вѣковъ; онъ видитъ, что жила порода и что она исчезла, но онъ не можетъ ни видѣть, ни воссоздать силою своего научнаго анализа ту безконечно длинную вереницу мелкихъ причинъ и мелкихъ послѣдствій, которая незамѣтно измѣнила всѣ условія существованія данной породы и понемногу довела данную органическую форму до совершеннаго исчезновенія. Геологъ этого не можетъ видѣть, потому что этого не видитъ даже натуралистъ, изучающій живую природу; но такъ какъ очень немногіе люди, и притомъ только самые замѣчательные, способны просто и откровенно сказать: «не знаю», и такъ какъ эта превосходная способность начала развиваться у мыслящихъ людей только въ самое недавнее время, то геологи былыхъ годовъ, видя уничтоженіе органическихъ породъ, немедленно пускались въ геологическую философію и въ геологическую беллетристику, то есть строили системы и писали романы, въ которыхъ являлись катастрофы, катаклизмы, кризисы, перевороты, разыгравшіяся волны шаловливыхъ морей и оглушительный грохотъ совершенно неумѣстныхъ порывовъ центрального огня. И вся эта роскошь научнаго романтизма тратилась на то, чтобы стереть съ лица земли какую нибудь дюжину, или сотню, или тысячу ищеровъ, птицъ или звѣрей, которые, правда, были очень велики, но у которыхъ было все-таки множество мелкихъ враговъ и крупныхъ конкурентовъ, множество мелкихъ преслѣдователей и паразитовъ, и которые вообще могли сойти со сцены такъ же тихо, благопристойно и вѣжливо, какъ сошла, напримѣръ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, толстая и глупая птица додо, или какъ сошелъ бы зубръ, если бы его не берегли, ради рѣдкости въ Бѣловѣжской пушчѣ.

Историческая память человечества простирается всего на какія нибудь пять тысячъ лѣтъ, да и то врядъ ли, потому что кто же рѣшится сказать, что мы знаемъ хорошо все, что дѣлалось на земномъ шарѣ за 3000 лѣтъ до начала нашей эры. Если бы даже мы могли утверждать, что въ теченіи этихъ пяти тысячъ лѣтъ вымерли только двѣ породы животныхъ, додо и зубръ, то и тогда мы совершенно смѣло могли бы предполагать, что всѣ животныя и растенія геологическихъ эпохъ вымерли такимъ же естественнымъ и неэффектнымъ образомъ, какъ толстая птица и теперешній обитатель Бѣловѣжской пущи. Стало бытъ, сколько бы тысячъ породъ не отыскалось въ различныхъ пластахъ земной коры, для всѣхъ найдется достаточно времени; всѣ онѣ могли развиваться, бороться между собою, побѣждать противниковъ, и потомъ въ свою очередь ослабѣвать, уменьшаться въ числѣ и вымирать, уступая натиску другихъ, болѣе развитыхъ враговъ, которые, по всей вѣроятности, находились съ ними въ болѣе или менѣе тѣсномъ, кровномъ родствѣ. Всѣ эти процессы должны были продолжаться для каждой породы десятки и сотни вѣковъ, и все-таки природа ни разу не была принуждена и не могла поторопиться прибавить шагу, произвести мгновенную перемѣну декорацій, или вообще какимъ нибудь образомъ отступить отъ того роковаго и необходимаго хода событій, который изучаютъ современные натуралисты путемъ непосредственнаго наблюденія.

Въ природѣ нѣтъ, и никогда не было цѣльныхъ и крупныхъ явленій. Громаднѣйшіе результаты достигаются всегда совокупнымъ или послѣдовательнымъ дѣйствіемъ милліоновъ мельчайшихъ силъ и причинъ, точно такъ, какъ громаднѣйшій организмъ весь состоитъ изъ накопленія микроскопическихъ клѣточекъ. Мы обыкновенно видимъ громадные результаты, и не видимъ мелкихъ причинъ, но величайшая заслуга современнаго естествознанія состоитъ именно въ томъ, что лучшіе изслѣдователи постигли вполнѣ несуществованіе крупныхъ явленій и всеобъемлющую важность мелкихъ. Микроскопъ и химическій анализъ проникли въ самое мышленіе натуралистовъ, и поэтому всякій крупный результатъ или разложенъ уже на мелкія составныя части, или будетъ разложенъ тогда, когда усовершенствуются орудія изслѣдованія, и увеличится запасъ собранныхъ наблюденій. То, что представляется крупнымъ и цѣльнымъ, все-таки не признается мыслящими натуралистами за крупное и цѣльное явленіе; оно считается только неразложеннымъ и неизслѣдованнымъ, и до поры до времени отодвигается въ сторону, въ ту грудку нетронутаго матеріала, которая еще ожидаетъ себѣ мыслящихъ работниковъ и архитекторовъ. Для вопроса объ органическихъ породахъ наступаетъ, кажется, рѣшительная минута. Если изслѣдователи обратятъ все свое вниманіе на разнообразныя проявленія того процесса, который называется у Дарвина борьбою за жизнь (*struggle for life*), и если они

посвятить всѣ свои силы на изученіе той безконечно запутанной сѣти отношеній, которая развивается изъ этой борьбы, и охватываетъ собою весь органическій міръ то они навѣрное, рано или поздно, разъяснить фактическими наблюденіями всѣ причины, видоизмѣненія, колебанія и вымиранія органическихъ породъ.

Можно утверждать рѣшительно, что для каждаго органическаго существа его отношенія къ другимъ органическимъ существамъ составляютъ самый важный элементъ жизни, безусловно подчиняющій себѣ всѣ остальные. Даже климатическія условія всего сильнѣе дѣйствуютъ на растенія и на животныхъ не прямымъ и непосредственнымъ образомъ, а черезъ посредство другихъ растений и животныхъ.

Въ этихъ словахъ заключаются, повидимому, неясность и противорѣчіе, но я сейчасъ объясню, въ чемъ дѣло. Если вы, переходя изъ холодной страны въ умѣренную, будете замѣчать, что какая нибудь порода животныхъ или растений становится рѣдкою, и наконецъ исчезаетъ, то вы никакъ не должны думать, что эта органическая форма исчезла отъ того, что ей въ этомъ мѣстѣ было бы слишкомъ тепло жить. Климатъ подѣйствовалъ преимущественно тѣмъ, что онъ измѣнилъ условія борьбы за жизнь. Положимъ, что растеніе *A* успѣшно выдерживаетъ легкіе морозы, а растеніе *B*, неспособное переносить морозы, растетъ гораздо быстрѣе и роскошнѣе предъидущаго. Легкіе морозы не составляютъ для *A* необходимости, и ничѣмъ не содѣйствуютъ его благосостоянію, но они убиваютъ или ослабляютъ опаснаго конкуррента *B*. Стало быть, въ нашемъ полушаріи, къ сѣверу отъ извѣстнаго градуса широты, перевѣсъ въ борьбѣ будетъ постоянно на сторонѣ *A*; можетъ быть, морозы такъ легки, что *B* не умираетъ отъ нихъ, а только теряетъ извѣстную долю своей растительной силы; если бы надо было бороться съ однимъ климатомъ, то *B* могло бы передвинуться немного за извѣстный градусъ широты, но такъ какъ за этимъ предѣломъ его ждетъ не одинъ морозъ, а морозъ + конкуррентъ *A*, то борьба уже становится не подъ силу, и *B* удаляется въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ морозовъ. *A*, какъ самонадѣянный побѣдитель, пускается догонять своего врага, но тутъ дѣло принимаетъ совершенно новый оборотъ. Растеніе, *B* не ослабленное морозомъ, сильнѣе растенія *A*, и потому побиваетъ его на каждомъ шагу. Съ одной стороны *B* могло бы подвинуться немного къ сѣверу, а съ другой стороны *A*, навѣрное, могло бы подвинуться довольно далеко къ югу; климатъ самъ по себѣ не помѣшалъ бы ни тому, ни другому, и во второмъ случаѣ онъ можетъ еще менѣе помѣшать, чѣмъ въ первомъ; да конкурренты помѣшаютъ, и, вслѣдствіе этого, растенія *A* и *B* остаются каждое въ своей области, не смотря на постоянныя попытки выйти за ея предѣлы. Если мы еще возьмемъ въ расчетъ, что и *A* и *B* терпятъ горькія обиды отъ разныхъ грызуновъ, насѣкомыхъ, травоядныхъ и зер-

ноядныхъ, и если мы сообразимъ, что всѣ эти животныя также измѣняются вмѣстѣ съ градусомъ широты, то мы вполне поймемъ, что прямое дѣйствіе климата на *A* и на *B* играетъ очень незначительную роль въ массѣ тѣхъ причинъ, которыя привязываютъ эти два растенія къ опредѣленному мѣсту.

Безъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью каждой отдѣльной органической формы нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что именно благоприятствуетъ ей въ одномъ мѣстѣ, и мѣшаетъ ей жить въ другомъ. Произнести въ этомъ случаѣ слово «климатъ» очень легко; сказать «климатъ мѣшаетъ», «климатъ содѣйствуетъ» тоже не велика хитрость; но климатъ — это огромное явленіе, которое кажется цѣльнымъ только до тѣхъ поръ, пока вы его не разложите на части. Нѣтъ, вы намъ покажите, что именно дѣйствуетъ, морозъ, сырость, вѣтеръ, непостоянство погоды, и т. д. да потомъ покажите, какъ именно дѣйствуетъ, прямо или черезъ другія существа. Вѣдь пожалуй, можно сказать, что климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ, и это, строго говоря, не будетъ ошибкою. Положимъ, что быкъ живетъ и къ югу, и къ сѣверу отъ Парагвая, положимъ, что ему не мѣшаютъ жить въ Парагваѣ, ни морозы, ни жары, ни дожди, ни вѣтры; все это такъ; но вѣдь та муха, которая заводитъ у него колоніи въ ноздряхъ, живетъ въ Парагваѣ потому, что климатъ позволяетъ ей жить тамъ; вѣдь если бы ее пристукнулъ морозъ, такъ не жила бы она въ Парагваѣ, ну, стало быть, и можно сказать, что климатъ виноватъ. Но читатель, конечно, понимаетъ, что если мы скажемъ: «климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ,» то мы этими словами ровно ничего не выразимъ, а только повторимъ уже извѣстный фактъ: «быкъ не живетъ въ Парагваѣ,» фактъ, которому мы должны были искать объясненіе. Если же мы скажемъ, «быку мѣшаетъ жить такая-то муха, и мѣшаетъ именно вотъ чѣмъ,» то мы дѣйствительно объяснимъ рассматриваемый фактъ, и докажемъ такимъ образомъ еще разъ, что объяснить значить именно разлагать крупное сложное явленіе на мелкія и простыя составныя части. А какъ только начинается разложеніе или анализъ, такъ непосредственное наблюденіе и прямой опытъ являются единственными возможными орудіями изслѣдованія. Никакой человѣческой умъ не выдумаетъ тѣхъ неожиданныхъ изворотовъ и перепутанныхъ комбинацій, которые обнаруживаются на каждомъ шагѣ въ отношеніяхъ между органическими существами. Вотъ вамъ примѣръ. Пчелы, бабочки, и разныя другія насѣкомыя, добывая себѣ изъ цвѣтотъ сладкіе соки, постоянно уносятъ на своемъ тѣлѣ частицы цвѣтотной пыли; перелетая съ одного цвѣтка на другой, они, совершенно невольно и безсознательно, переносятъ эту пыль съ тычинокъ или мужскихъ половыхъ органовъ на пестики или женскіе половые органы; такимъ образомъ, насѣкомыя содѣйствуютъ оплодотворенію цвѣтотъ, и для нѣ-

которыхъ растений это содѣйствіе такъ необходимо, что для нихъ оплодотвореніе становится невозможнымъ безъ вмѣшательства той или другой группы насѣкомыхъ. Къ числу такихъ зависимыхъ растений относятся *viola tricolor* и различные виды *trifolium*. Двадцать цвѣтковъ *trifolium repens*, при содѣйствіи насѣкомыхъ, дали 2,250 сѣмянъ, а двадцать такихъ же цвѣтковъ, защищенныхъ отъ всякихъ посѣтителей, не дали ни одного сѣмячка. Сто цвѣтковъ *trifolium pratense*, посѣщаемыхъ насѣкомыми, произвели 2,700 сѣмянъ, а сто защищенныхъ цвѣтковъ того же сорта не произвели ни одного сѣмячка. Но не всѣ крылатыя насѣкомыя могутъ быть полезными посредниками для *trifolium pratense*. Бабочка такъ легка, что не можетъ расправить своею тяжестью листки вѣнчика, и поэтому она не прикасается своимъ тѣломъ къ тѣмъ мѣстамъ цвѣтка, въ которыхъ находится цвѣточная пыль. Пчела не посѣщаетъ этого цвѣтка, потому что сладкій сокъ его лежитъ слишкомъ глубоко внутри вѣнчика, такъ что пчела не можетъ добраться до него своимъ хоботкомъ. Только шмели, пользуясь сладкимъ сокомъ этого цвѣтка, помогаютъ его оплодотворенію. Если бы какая нибудь причина уменьшила въ извѣстной странѣ количество шмелей, то это обстоятельство непременно повело бы за собою уменьшеніе въ количествѣ растений *trifolium pratense*. Шмелей преслѣдуютъ съ особеннымъ ожесточеніемъ полевые мыши, разоряющія ихъ гнѣзда, и питающіяся ихъ медомъ. Полевыхъ мышей истребляютъ кошки, стало быть, цѣль отношеній между этими органическими формами представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: чѣмъ больше кошекъ, тѣмъ меньше полевыхъ мышей, тѣмъ больше шмелей, и тѣмъ больше цвѣтовъ *trifolium pratense*. Читатель, конечно, не воображалъ никогда, что кошка имѣетъ значительное вліяніе на судьбу шмелей, и помогаетъ оплодотворенію цвѣтовъ. Въ этомъ случаѣ, непосредственное наблюденіе показало намъ, какимъ образомъ связываются между собою кошка, мышь, шмель и *trifolium pratense*. Тысячи и милліоны другихъ сложныхъ отношеній остаются до сихъ поръ неразъясненными, но мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ существованіи этихъ отношеній, или отрицать ихъ громадную важность.

Растенія и животныя размножаются въ геометрической прогрессіи; растенія и животныя постоянно истребляютъ и поѣдаютъ другъ друга; эти два ряда фактовъ очевидны для всякаго ребенка и для всякаго дикаря; изъ этихъ очевидныхъ и общезвѣстныхъ фактовъ вытекаетъ необходимость всемірной борьбы; а если тысячи и милліоны организмовъ ежеминутно борются между собою, то, разумѣется, между ними должны существовать самыя сложныя и запутанныя отношенія. Объ этихъ отношеніяхъ мы въ настоящее время не имѣемъ почти никакого понятія, но безъ этихъ отношеній вся органическая жизнь была бы невозможна

и даже немислима. Каждый организм живет только потому, что самъ поѣдаетъ что нибудь, и только до тѣхъ поръ, пока его самого не съѣстъ какой нибудь другой организмъ. Стало быть, каждый организмъ зависитъ во-первыхъ отъ того, что ему служить пищею, и во-вторыхъ отъ того, что его самого можетъ обратить въ пищу. Въ этой зависимости мы не можемъ себѣ представить ни одного организма, и поэтому очевидно, благосостояніе и размноженіе той или другой породы организмовъ зависитъ отъ того, какъ будутъ расположены ея отношенія, во-первыхъ къ пищѣ, а во-вторыхъ къ врагамъ. Чѣмъ больше пищи, тѣмъ лучше; чѣмъ больше враговъ, тѣмъ хуже. Но эти два ряда отношеній зависятъ отъ устройства самого организма. Если организмъ требуетъ мало пищи, то у него больше шансовъ быть постоянно сытымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы онъ требовалъ много пищи; если организмъ одаренъ въ значительной степени оборонительнымъ оружіемъ, то для него не страшны враги. Можно было бы представить еще много другихъ условій, но достаточно и этого, чтобы показать читателю, какимъ образомъ устройство организма можетъ быть и дѣйствительно бываетъ то помѣхою, то содѣйствиемъ въ общей борьбѣ за существованіе. Не трудно понять, что всего долше долженъ продержаться въ борьбѣ тотъ организмъ, который устроенъ всего удобнѣе для борьбы. Это положеніе совершенно очевидно, и на этомъ-то очевидномъ положеніи основывается весь прогрессъ животныхъ и растений, и вся теорія Дарвина.

VIII.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВЫБОРЪ.

Индивидуальное разнообразіе бываетъ особенно сильно у домашнихъ животныхъ и у тѣхъ растений, которыя подчинены вліянію человека. У дикихъ животныхъ и растений это разнообразіе также существуетъ, хотя выражается обыкновенно менѣе рѣзко. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности могутъ быть вредны для животнаго, или для растенія, другія могутъ быть ему полезны, третьи, наконецъ, могутъ быть безразличны. Напримѣръ, одинъ волкъ одаренъ особенно острымъ обоняніемъ, другой отличается слабымъ развитіемъ мускуловъ, а у третьяго цвѣтъ шерсти немного потемнѣе или посвѣтлѣе, чѣмъ у товарищей. Первому волку острое обоняніе будетъ въ жизни большою подмогою; оно дастъ ему возможность съ особеннымъ успѣхомъ охотиться за разною добычею, и во время убѣгать отъ всякихъ преслѣдователей. Второй волкъ, отличающійся слабыми мускулами, будетъ особенно часто подвергаться голоду и разнымъ опасностямъ; захочетъ онъ утащить къ себѣ въ лѣсъ

овцу, и не одолѣть этого дѣла — его застигнуть люди на мѣстѣ преступленія, и онъ или будетъ убитъ, или будетъ принужденъ бросить свою добычу, и бѣжать въ лѣсъ съ пустымъ желудкомъ. Наконецъ, третій волкъ будетъ жить счастливо или несчастливо, смотря по обстоятельствамъ, но цвѣтъ его шерсти, по всей вѣроятности, не будетъ для него ни помѣхою, ни пособіемъ въ жизни. Первый волкъ, вѣроятно, проживетъ дольше своихъ сверстниковъ, и, слѣдовательно оставитъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Второй волкъ, вѣроятно, погибнетъ раньше своихъ сверстниковъ, и слѣдовательно, или умретъ безъ потомства, или оставитъ послѣ себя немногихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ дѣтей перваго волка получаютъ отъ отца его острое обоняніе; эти субъекты будутъ имѣть шансы пережить своихъ братьевъ, и передать свою наслѣдственную особенность своимъ потомкамъ. Нѣкоторые изъ немногихъ дѣтей втораго волка получаютъ отъ отца его слабую мускулатуру, но каждый изъ нихъ будетъ имѣть очень мало шансовъ прожить долго, и передать свой наслѣдственный порокъ будущимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, острое обоняніе будетъ постоянно укрѣпляться въ волчьей породѣ сильнѣе и сильнѣе, а ненормальная слабость мускуловъ будетъ постоянно выбрасываться вонъ. Что же касается до темныхъ или свѣтлыхъ оттѣнковъ шерсти, то они, какъ безразличныя качества, будутъ постоянно подвергаться колебаніямъ и измѣненіямъ.

То, что мы видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ, можетъ быть обобщено и распространено на весь органическій міръ. Всякая полезная особенность прививается къ породѣ, и удерживается въ ней, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Всякая вредная особенность уничтожается. Безразличныя особенности колеблются и мѣняются. Если мы вдумаемся только въ смыслъ словъ «полезный» и «вредный», и если мы припомнимъ, что, по закону наслѣдственности, качества родителей обыкновенно передаются или всѣмъ дѣтямъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ, то мы немедленно убѣдимся въ томъ, что наше обобщеніе не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего натянутого или произвольнаго. Полезно то, что даетъ организму возможность одолѣвать противниковъ въ борьбѣ за жизнь; вредно то, что отнимаетъ у него эту возможность; слѣдовательно, полезная особенность, по самой сущности своей, придаетъ отдѣльному организму прочность, а вредная, также по самой сущности своей, сообщаетъ ему хрупкость. Прочный организмъ живетъ долго, и стало быть, успѣваетъ породить много другихъ организмовъ, также прочныхъ; а хрупкій организмъ ломается скоро, и, стало быть, не успѣваетъ населить міръ новыми хрупкими организмами. Поэтому, прочность организма, и все, что содѣйствуетъ этой прочности, принимаетъ характеръ устойчивости и долговѣчности; а хрупкость и

всѣ ея отдѣльные атрибуты, то есть, всѣ вредныя особенности, непременно должны быть явленіями временными и мимолетными.

Природа ежеминутно, въ громадныхъ размѣрахъ, производитъ надъ всѣми органическими существами ту операцію выбора, которую опытные заводчики производятъ надъ своими ручными животными. Но человѣкъ выбираетъ въ животныхъ и въ растеніяхъ тѣ особенности, которыя нравятся или приносятъ пользу ему, человѣку, а природа, то есть, совокупность естественныхъ законовъ, выбираетъ и упрочиваетъ только то, что полезно самому животному или растенію; заводчикъ обыкновенно обращаетъ вниманіе только на то, что бросается въ глаза, а для природы не существуетъ никакого различія между внѣшними и внутренними органами; если проявилась у животного индивидуальная особенность въ печени или въ легкихъ, и если эта особенность полезна, то она будетъ сохранена и упрочена, точно такъ же, какъ могла бы сохраниться и упрочиться совершенно очевидная особенность, проявившаяся въ устройствѣ ногъ; роговъ или ушей. Человѣкъ не позволяетъ быкамъ или жеребцамъ драться между собою за обладаніе самками, — а въ природѣ самцы дерутся, побѣда остается за самыми сильными, и слѣдовательно, качества сильныхъ побѣдителей упрочиваются въ потомствѣ. Жизнь человѣка коротка, и вкусы его измѣнчивы, а природа дѣйствуетъ на органической міръ въ продолженіе безконечнаго ряда вѣковъ и постоянно дѣйствуетъ по одному направленію, то есть, уничтожаетъ все, что слабо и хрупко, и поддерживаетъ все, что крѣпко и прочно.

Этотъ законъ, по которому уничтожаются вредныя особенности, и сохраняются полезныя, называется у Дарвина закономъ естественнаго выбора. Вопросъ о томъ, что полезно, что вредно, и что безразлично, рѣшается для каждаго отдѣльнаго случая прямымъ опытомъ жизни; тутъ не можетъ быть никакихъ общихъ правилъ; все зависитъ отъ того, при какихъ условіяхъ живетъ данный организмъ, какую пищу ему приходится добывать, и отъ какихъ враговъ онъ терпитъ преслѣдованія. Для волка цвѣтъ шерсти не составляетъ никакой важности. Его преслѣдуютъ люди, которымъ обыкновенно помогаютъ собаки; собаки отыскиваютъ волка чутьемъ, а не зрѣніемъ, стало быть, какъ бы цвѣтъ волка ни сливался съ цвѣтомъ окружающихъ предметовъ, его все-таки отыщутъ и затравятъ; но для многихъ птицъ цвѣтъ перьевъ можетъ быть чрезвычайно полезенъ. Соколы, ястребы, и другіе хищники съ высоты своего полета высматриваютъ себѣ добычу, и, конечно, имъ бросаются въ глаза преимущественно тѣ птицы, которыя своимъ цвѣтомъ рѣзко отдѣляются отъ окружающихъ предметовъ. Бѣлые голуби такъ часто дѣлаются жертвою хищныхъ птицъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ любители или хозяева совсѣмъ не держатъ бѣлыхъ голубей. Многимъ породамъ дикихъ птицъ чрезвычайно полезно то обстоятельство, что

онѣ по цвѣту своихъ перьевъ совершенно сливаются съ цвѣтомъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ постоянно живутъ. Альпійская куропатка зимою становится совершенно бѣлою, и этотъ цвѣтъ приноситъ ей пользу, потому что она постоянно держится на снѣжныхъ вершинахъ. Шотландскій тетеревъ, живущій среди бурьяна, отличается тѣмъ буроватымъ цвѣтомъ, который свойственъ этимъ растеніямъ. Другая порода тетерева держится на торфяникахъ и сливается съ ними чернымъ цвѣтомъ своихъ перьевъ. Многія насѣкомыя, живущія на листьяхъ, отличаются зеленымъ цвѣтомъ; другія, живущія на древесной корѣ, принимаютъ бурый или сѣрый цвѣтъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цвѣтъ составляетъ для животнаго одно изъ важнѣйшихъ оборонительныхъ средствъ, и чѣмъ онъ важнѣе для животнаго, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него естественный выборъ. По всей вѣроятности было время, когда черный и бурый тетеревъ не составляли двухъ отдѣльныхъ породъ; тогда тетерева рождались и черные, и бурые, и пестрые, и, быть можетъ, даже бѣлые; водились они и на торфяникахъ, и въ бурьянѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Но на торфяникахъ хищныя птицы истребляли почти всѣхъ тетеревовъ, кромѣ черныхъ, а въ бурьянѣ, почти всѣхъ, кромѣ бурыхъ; такимъ образомъ, случайное и легкое индивидуальное свойство, заключавшееся въ цвѣтъ перьевъ, сдѣлалось, путемъ естественнаго выбора, постояннымъ отличительнымъ признакомъ цѣлой породы. И такимъ образомъ, изъ одной породы выработалось двѣ, три или больше, смотря по обстоятельствамъ жизни. Когда за нѣсколькими породами птицъ окончательно упрочился цвѣтъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ проводятъ свою жизнь, тогда это обстоятельство должно было, въ свою очередь, подѣйствовать на зрѣніе хищниковъ, также посредствомъ естественнаго выбора. Бураго тетерева труднѣе разглядѣть въ бурьянѣ, чѣмъ чернаго, или пестраго, или бѣлаго; поэтому, когда остались въ бурьянѣ только одни бурые тетерева, тогда стали находить себѣ добычу только тѣ соколы или ястребы, у которыхъ зрѣніе было особенно сильно. Остальнымъ хищникамъ приходилось часто голодать; ну, стало быть понятно, что особенно зоркіе хищники получили перевѣсъ надъ менѣе зоркими, оставили послѣ себя болѣе многочисленное потомство, передали нѣкоторымъ изъ своихъ потомковъ свое исключительно острое зрѣніе, и наконецъ, мало по малу, обратили эту высшую степень зоркости въ постоянное свойство цѣлыхъ видовъ и родовъ.

Такъ могли воспитываться, и дѣйствительно воспитывались, въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій, всѣ органы и всѣ способности всѣхъ организмовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что свойства родителей обыкновенно наследуются дѣтьми именно въ томъ возрастѣ, въ какомъ эти свойства обнаружались у родителей. Если въ какомъ нибудь семействѣ существуетъ наслед-

ственная болѣзнь, напимѣрь, сумасшествіе, или падучая, или подагра, и т. п., то эта болѣзнь проявляется обыкновенно у всѣхъ членовъ семейства въ одномъ и томъ же возрастѣ. То же самое замѣчается во всемъ органическомъ мірѣ. Если у насѣкомаго проявляется какая нибудь особенность въ личинкѣ, въ куколкѣ, или въ бабочкѣ, то и у дѣтей этою насѣкомаго особенность эта проявится въ той же самой фазѣ развитія. Если у птицы обнаружилась особенность въ формѣ яицъ, или въ цвѣтѣ того пуха, которымъ покрываются птенцы, то особенность эта такъ и будетъ обнаруживаться у слѣдующихъ поколѣній въ тѣ же самые періоды жизни.

Когда я говорилъ о домашнихъ животныхъ и растеніяхъ, то я обратилъ вниманіе читателя на то обстоятельство, какимъ образомъ проявляется разнообразіе въ различныхъ сортахъ георгины, капусты и крыжовника. Мы видѣли тамъ, что систематическій выборъ человѣка можетъ дѣйствовать или на цвѣты растенія, или на его листья, или на его плоды. То же самое можно сказать и объ естественномъ выборѣ. Если для растенія полезно имѣть, напимѣрь, такіа сѣмена, которыя вѣтеръ уноситъ бы на далекія разстоянія, и которыя, вслѣдствіе этого, имѣли бы больше шансовъ упасть на незанятой клочекъ земли, то именно такіа сѣмена и выработаются путемъ естественнаго выбора. Это и случилось съ сѣменами тѣхъ желтыхъ цвѣтовъ, которые называются одуванчиками, и которые дѣйствительно обдуваются вѣтромъ въ концѣ лѣта и въ началѣ осени.

Такъ какъ процессъ естественнаго выбора вездѣ, во всемъ органическомъ мірѣ, совершается точъ въ точъ такъ, какъ я объяснилъ его въ трехъ примѣрахъ, — о волкѣ, о тетеревѣ, и о хищныхъ птицахъ, — то я ужъ больше не буду распространяться объ этомъ процессѣ по поводу каждаго отдѣльнаго примѣра. Я просто буду говорить: «путемъ естественнаго выбора», и надѣюсь, что читатель не будетъ затрудняться этими словами, которыя теперь уже должны быть для него совершенно понятны.

У нѣкоторыхъ животныхъ есть такіе органы, которые бывають имъ необходимы только одинъ разъ въ жизни. У молодыхъ птицъ клювъ оканчивается твердою роговою частицею, которою птица продавливаетъ скорлупу своего яйца, и которая впослѣдствіи отваливается прочь. У нѣкоторыхъ насѣкомыхъ остаются на всю жизнь большія и крѣпкія челюсти, которыми насѣкомое разорвало свой коконъ, и которыя послѣ этого не приносятъ уже никакой пользы. Хотя эти органы дѣйствуютъ только одинъ разъ въ жизни, однако они также подчиняются естественному выбору, потому что тотъ моментъ, когда они дѣйствуютъ, рѣшаетъ всю судьбу животнаго, то есть, даетъ ему возможность жить, или осуждаетъ его на смерть. Птичка съ мягкимъ клювомъ не можетъ пробить

скорлупу своего яйца, а насѣкомое, лишенное крѣпкихъ челюстей, не можетъ прогрызть свой коконъ; такая птичка и такое насѣкомое непременно погибають до выхода своего на свѣтъ, и слѣдовательно, они никакъ не могутъ передать свою индивидуальную особенность слѣдующимъ поколѣніямъ.

Здѣсь представляется намъ любопытный примѣръ того главнаго различія, которое существуетъ между вліяніемъ природы и дѣйствіемъ человѣка. Курносый турманъ, отличающійся отъ другихъ голубей своимъ воробьинымъ клювомъ, цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ короче его клювъ. Выбирая постоянно самыхъ курносыхъ субъектовъ, любители довели эту породу до такой крайности, что нѣкоторые изъ самыхъ чистѣйшихъ ея представителей уже не могутъ вылупиваться изъ яйца. Клювъ такъ коротокъ, и его роговая частица такъ слаба, что курносой птичкѣ нечѣмъ продавить яичную скорлупу. Птицѣ пришлось бы погибать, и природа очень быстро уничтожила бы неумѣренную курносость, но любители этого не допускають. Они стерегутъ ту минуту, когда птица должна выходить изъ яйца, и потомъ сами осторожно продавливають скорлупу. Дѣйствуя такимъ образомъ, любители сформируютъ со временемъ такую породу птицъ, которая уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ вылѣзать изъ яйца безъ посторонней помощи. Разумѣется, такая порода животныхъ безъ вмѣшательства человѣка не могла бы образоваться; какъ только вліяніе человѣка прекратилось бы, такъ чистѣйшіе представители этой породы погибли бы немедленно, и характерная особенность утратилась бы черезъ нѣсколько поколѣній, потому что эта особенность не могла бы поддерживаться естественнымъ выборомъ. Естественный выборъ можетъ развить и сохранить только тѣ особенности, которыя полезны самой породѣ, а никакъ не тѣ, которыя приносятъ выгоду или удовольствіе другому разряду животныхъ. Въ естественномъ состояніи только тотъ организмъ живетъ долго и размножается сильно, который самъ по себѣ здоровъ и крѣпокъ, а вовсе не тотъ, который одаренъ вкуснымъ мясомъ, тонкою шерстью, звучнымъ голосомъ или пріятною наружностью. Но когда организмъ попадаетъ подъ власть человѣка, тогда, конечно, выдвигаются на первый планъ и получаютъ первостепенную важность именно тѣ впечатлѣнія, которыя этотъ организмъ производитъ на своего владѣльца. Оставляется на заводъ не тотъ баранъ, который всѣхъ крѣпче; а тотъ, у котораго шерсть особенно тонка. Оставляется на заводъ не тотъ голубь, который всѣхъ нормальнѣе, а напротивъ того, часто именно тотъ, который всѣхъ уродливѣе. Оттого-то мы и видимъ почти во всѣхъ породахъ нашихъ животныхъ и растений разныя приспособленія къ выгодамъ и прихотямъ человѣка. Эти приспособленія не могли возникнуть и развиться во время дикой жизни нашихъ домашнихъ породъ; они сформированы уже послѣ ихъ

прирученія, сформированы путемъ систематическаго или безсознательнаго вліянія человѣка, а это вліяніе часто расходится съ естественнымъ выборомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ идетъ ему наперекорь, какъ мы это видѣли въ дѣлѣ курносыхъ турмановъ.

Этимъ разладомъ между частными интересами человѣка и общими интересами всей органической жизни объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что ни въ Австраліи, ни на мысѣ Доброй Надежды не нашлось ни одного растенія, которое стоило бы обрабатывать въ огородѣ или въ фруктовои саду. Дѣло въ томъ, что наши домашнія растенія испытываютъ на себѣ вліяніе человѣка въ продолженіи многихъ тысячелѣтій; поэтому они значительно уклонились отъ своего первоначальнаго типа, и уклонились именно въ ту сторону, въ которую гнулъ ихъ выборъ человѣка. Что же касается до туземныхъ растеній Австраліи и Капской Земли, то они постоянно подчинялись только естественному выбору; дикари, жившіе въ этихъ земляхъ, не имѣли на нихъ никакого вліянія, и поэтому въ нихъ не существуетъ тѣхъ приспособленій, которыми мы дорожимъ въ нашихъ овощахъ или садовыхъ ягодахъ. Эти приспособленія могли бы выработаться черезъ нѣсколько столѣтій, но кому же охота начинать работу съ начала, когда мы имѣемъ уже готовые продукты, то есть, хорошую капусту, морковь, горохъ, землянику, малину, крыжовникъ, и вообще все, что въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ пользу или удовольствіе?

Выводъ тотъ, что каждая порода дѣйствуетъ постоянно только сама для себя, и что полнѣйшій эгоизмъ составляетъ основной законъ жизни для всего органическаго міра. Человѣкъ можетъ передѣлать капусту для себя, но сама капуста ни подъ какимъ видомъ не будетъ передѣлывать себя для человѣка. Сохраняться и размножаться въ естественномъ состояніи-будутъ тѣ экземпляры, которые особенно хорошо защищены своею организаціею отъ враждебныхъ вліяній, а не тѣ, которые особенно сочны и вкусны для человѣка.

IX.

ПОЛОВЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

Случается иногда, что какая нибудь особенность проявляется и становится наследственною у однихъ самцовъ, или у однихъ самокъ. Если такая особенность помогаетъ акту дѣторожденія, или вообще доставляетъ данному субъекту какой нибудь перевѣсъ надъ другими животными той же породы, то она можетъ быть сохранена и усовершенствована влія-

ніемъ естественнаго выбора. Сохраненіе и усовершенствованіе такихъ полезныхъ половыхъ особенностей объясняетъ намъ то обстоятельство, что во многихъ породахъ животныхъ самцы одарены такимъ специальнымъ оружіемъ, котораго нѣтъ у самокъ. Самцы обыкновенно дерутся между собою за обладаніе самками, и въ этой дракѣ одерживаютъ побѣду тѣ субъекты, которые вооружены лучше другихъ. Для этой борьбы такое оружіе, какъ рогъ оленя, или крючковатая челюсть самца семги, или шпора пѣтуха, оказывается полезнѣе, чѣмъ общая крѣпость тѣлосложенія. Крѣпкій и здоровый субъектъ имѣетъ шансы пережить своихъ сверстниковъ, но чтобы оставить послѣ себя потомство, и передать этому потомству свои личныя особенности, этому субъекту необходимо еще обладать хорошимъ оружіемъ, неукротимую храбростью, и задорнымъ характеромъ. Такимъ образомъ, борьба за самокъ вводитъ въ дѣло естественнаго выбора новый элементъ, который никакъ нельзя считать мало-важнымъ, потому что эта борьба существуетъ, какъ постоянное правило, почти во всѣхъ высшихъ областяхъ животнаго царства.

У млекопитающихъ задоръ самцовъ такъ великъ, что, при малѣйшемъ недосмотрѣ со стороны человѣка, быки, бараны или жеребцы вступаютъ между собою въ сраженіе; хотя, по видимому, спокойная и однообразная жизнь скотнаго двора или конюшни должна была бы значительно ослабить у нашихъ домашнихъ животныхъ первобытную пылкость характера. Драки между самцами домашнихъ птицъ также случаются каждый день, и при этомъ любопытно замѣтить, напримѣръ, разительную противоположность между смиреннымъ нравомъ курицы и неукротимую свирѣпостью пѣтуха. Это свойство характера такъ же точно выработалось путемъ естественнаго выбора, какъ фигура и оружіе пѣтуха, потому что храбрый и задорный пѣтухъ имѣлъ значительные шансы побѣдить и отогнать прочь отъ самокъ своего трусливаго или уступчиваго противника. Изъ пресмыкающихся, аллигаторы сильно дерутся между собою за самокъ; при этомъ они мычатъ и кружатся съ возрастающею быстротою, какъ Индѣйцы, танцующіе свою военную пляску. Изъ рыбъ, семги дерутся по цѣлымъ днямъ. Даже многія насѣкомыя придерживаются этого обычая. Нѣкоторыя породы птицъ вносятъ въ эту борьбу мирный элементъ артистическихъ состязаній. Самцы стараются привлечь къ себѣ самокъ мелодическимъ пѣніемъ, и это имъ удается, потому что въ противномъ случаѣ не за чѣмъ было бы соловью, канарейкѣ и многимъ другимъ пѣвчимъ птицамъ надсаживать себѣ горло именно въ то время, когда наступаетъ для нихъ пора любви. Здѣсь побѣда достается лучшему пѣвцу; естественный выборъ дѣйствуетъ на музыкальныя способности птицъ, и его дѣйствіемъ, продолжающимся цѣлыя тысячелѣтія, объясняется, во-первыхъ, необыкновенное развитіе голоса у нѣкоторыхъ породъ, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что

поют преимущественно, а, может быть, даже исключительно, одни самцы. Другія птицы обольщают легкомысленных самокъ красотою своего оперенія. *Каменные птлушки*, живущіе въ Гвианѣ, и райскія птицы производятъ даже въ присутствіи самокъ что-то въ родѣ бала или турнира, единственно для того, чтобы показать своимъ дамамъ всю свою ловкость и всю блестящую красоту своихъ перьевъ. Они распускаютъ поочереды хвостъ и крылья, принимаютъ самыя необыкновенныя позы, вертятся, пляшутъ, и наконецъ, очаровавши присутствующихъ зрительницъ, предоставляютъ имъ выбирать того или тѣхъ, кто умѣлъ имъ понравиться сильнѣе прочихъ. Здѣсь естественный выборъ, очевидно, направляется на цвѣтъ и пестроту перьевъ, и его постоянное дѣйствіе объясняетъ намъ также, почему у самцовъ опереніе бываетъ обыкновенно красивѣе и ярче, чѣмъ у самокъ той же породы.

Въ мірѣ растений, конечно, не можетъ быть ни борьбы между самцами, ни выбора со стороны самки; у очень многихъ растений женскіе и мужскіе органы соединены въ одномъ цвѣткѣ; мужскіе органы вырабатываютъ цвѣточную пыль, роняютъ ее на женскій органъ, и совершаютъ такимъ образомъ актъ оплодотворенія, послѣ котораго цвѣтокъ оканчиваетъ свое существованіе и превращается въ плодъ, заключающій въ себѣ сѣмена. Здѣсь половыя отношенія, разумѣется, гораздо проще, чѣмъ въ мірѣ высшихъ животныхъ. У простѣйшихъ животныхъ и у тайнобрачныхъ растений они еще проще, но объ нихъ намъ не за чѣмъ говорить. У многихъ изъ высшихъ растений половыя органы находятся на разныхъ цвѣткахъ, такъ что одинъ цвѣтокъ имѣетъ въ себѣ только пестикъ, или женскій половой органъ, а другой — только тычинки, или мужскіе органы, вырабатывающіе цвѣточную пыль. Такое раздѣленіе органовъ выгодно для растенія, не смотря на то, что оплодотвореніе при этихъ условіяхъ не можетъ совершаться безъ посторонней помощи. Обыкновенно помогаютъ вѣтеръ и насѣкомыя. Выгода для растенія заключается тутъ въ томъ, что всѣ силы каждаго отдѣльнаго цвѣтка устремляются на одно отправленіе, вмѣсто того, чтобы дробиться между двумя различными занятіями. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ великій принципъ раздѣленія труда, который сохраняетъ всю свою силу во всѣхъ отдѣлахъ растительнаго и животнаго царства, начиная отъ экономической дѣятельности человѣка и кончая прозябаніемъ грибовъ и водорослей. Современные натуралисты признали важное значеніе этого принципа, и приложивъ его къ объясненію многихъ явленій органической жизни, назвали его *раздѣленіемъ физиологическаго труда*. У растений, соединяющихъ оба пола въ одномъ цвѣткѣ, случается иногда, что нѣкоторые субъекты представляютъ одностороннее развитіе, то есть, одинъ изъ половых органовъ развивается въ ущербъ другому. Такой цвѣтокъ, очевидно, не можетъ оплодотворять самого себя, но за то въ своей специальности онъ

силыѣе своихъ нормально сложившихся сверстниковъ; то есть, или его тычинки развиты особенно хорошо, и вырабатываютъ цвѣточную пыль отличнаго качества, въ необыкновенномъ изобиліи, или его пестикъ отличается особенно крѣпкою организаціею. Въ первомъ случаѣ, нашъ субъектъ съ большимъ успѣхомъ можетъ оплодотворить другой цвѣтокъ; во второмъ случаѣ, онъ съ такимъ же успѣхомъ можетъ принять отъ другаго оплодотворяющую пыль; въ обоихъ случаяхъ, нашъ ненормальный цвѣтокъ, именно вслѣдствіе своей ненормальности, исполнить свое специальное дѣло отлично; онъ оставитъ послѣ себя многочисленное и крѣпкое потомство, то есть, произведетъ много сѣмянъ, а изъ этихъ сѣмянъ выростутъ, при благопріятныхъ условіяхъ, здоровыя растенія, и между этими растеніями нѣкоторыя наслѣдуютъ по всей вѣроятности ту односторонность, которою отличался папаша, или отличалась мамаша. Эти растенія опять произведутъ здоровое и многочисленное потомство; дѣло пойдетъ вообще обыкновеннымъ путемъ естественнаго выбора, и, такимъ образомъ, рядомъ съ растеніями, соединяющими въ одномъ цвѣткѣ оба половые органа, возникнетъ и упрочится новая порода такихъ растеній того же сорта, у которыхъ мужской и женскій органы будутъ находиться отдѣльно, на разныхъ цвѣткахъ. Ботаника, дѣйствительно, знаетъ довольно много такихъ примѣровъ. Помѣщеніе половых органовъ на двухъ различныхъ цвѣткахъ выгодно для растеній въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе раздѣленія фізіологическаго труда, а во-вторыхъ потому, что на весь органическій міръ распространяется одинъ общій законъ, который, повидимому, также находится въ связи съ принципомъ раздѣленія труда. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что для поддержанія плодовитости необходимо совокупленіе двухъ различныхъ индивидуумовъ. У высшихъ животныхъ и у тѣхъ растеній, у которыхъ половые органы раздѣлены, совокупленіе необходимо предъ каждымъ дѣтороженіемъ. Напротивъ того, у гермафродитовъ животнаго и растительнаго царства, то есть у тѣхъ породъ, у которыхъ оба органа принадлежатъ одному субъекту, дѣтороженіе производится обыкновенно безъ совокупленія. Каждый субъектъ самъ себя оплодотворяетъ, и самъ родитъ. Но, если этотъ процессъ продолжается черезъ нѣсколько поколѣній гермафродитовъ, то, наконецъ, ихъ производительная сила слабѣетъ и истощается, такъ что для возстановленія этой силы необходимо, чтобы два гермафродита одной породы взаимно оплодотворили другъ друга. Послѣ этого, гермафродитъ опять можетъ, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, обходиться безъ посторонней помощи. Такъ это и дѣлается. Гермафродиты изъ класса моллюсковъ иногда совокупаются, а гермафродиты растительнаго царства оплодотворяютъ другъ друга при содѣйствіи вѣтра и насѣкомыхъ, которые переносятъ цвѣточную пыль съ одного цвѣтка на другой, и даже, очень часто, производятъ помѣси

между различными породами растений, находящихся между собою въ близкомъ родствѣ. Если два растенія принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ семействамъ, то цвѣточная пыль одного вовсе не подѣйствуетъ на женскій органъ другаго. Если два растенія принадлежатъ къ одному роду, но къ двумъ различнымъ видамъ, тогда они произведутъ помѣсь, которая называется *шбридомъ*, и которая будетъ такъ же бесплодна, какъ, напримѣръ, бесплодны въ животномъ царствѣ мулы и лошаки, составляющіе помѣсь лошади съ осломъ. Если два растенія принадлежатъ къ одному виду, но къ двумъ различнымъ породамъ или разновидностямъ, то помѣсь ихъ будетъ называться *метисомъ*, и будетъ способна размножаться. Наконецъ, если два растенія принадлежатъ къ одной породѣ, то они, оплодотворивши другъ друга, произведутъ такое потомство, которое будетъ здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ потомство гермафродита, оплодотворившаго себя своею собственною цвѣочною пылью. Короче сказать, для успѣшнаго дѣтороженія *) необходимо различіе между содѣйствующими сторонами, но только до извѣстныхъ предѣловъ. Когда различіе слишкомъ мало, или совсѣмъ не существуетъ, тогда производительная сила слабѣетъ и исчезаетъ. Когда различіе слишкомъ велико, тогда производительная сила тоже слабѣетъ и исчезаетъ. Если мы взглянемъ на высшихъ животныхъ, то увидимъ тутъ съ одной стороны, что совокупленія между очень близкими родственниками портятъ породу, а съ другой стороны, что совокупленія между различными видами или совершенно невозможны, или даютъ бесплодное потомство. Теперь понятно, почему для растенія выгодно раздѣленіе половыхъ органовъ: — потому, что такое раздѣленіе непременно требуетъ для дѣтороженія совокупнаго дѣйствія двухъ отдѣльныхъ субъектовъ, а это совокупное дѣйствіе ведетъ за собою улучшение и укрѣпленіе породы. Почему именно существуетъ этотъ общій законъ, и изъ какихъ основныхъ свойствъ органической жизни онъ вытекаетъ, этого натуралисты еще не знаютъ, и стало быть, до поры до времени, намъ приходится только отмѣтить здѣсь его дѣйствительное существованіе, доказанное множествомъ отдѣльныхъ наблюденій.

У нѣкоторыхъ растеній — гермафродитовъ, половые органы, соединенные на одномъ цвѣткѣ, устроены такъ, что цвѣтокъ самъ себя оплодотворяетъ не можетъ, и слѣдовательно, или умираетъ безъ потомства, или обмѣнивается услугами съ своими сверстниками и сосѣдями. Такъ, напримѣръ, у *lobelia fulgens* тычинки цвѣтка созрѣваютъ и выдѣляютъ цвѣточную пыль тогда, когда пестикъ того же цвѣтка еще не созрѣлъ,

*) Я употребляю для краткости это выраженіе въ самомъ обширномъ смыслѣ, прилагая его и къ моллюскамъ, и къ растеніямъ, и къ высшимъ животнымъ, и вообще ко всему органическому міру.

и не может воспользоваться оплодотвореніемъ. Ясно, стало быть, что выработанная пыль или пропадает даромъ, или достается пестику другого цвѣтка, развившагося раньше перваго. Когда же разовьется въ свою очередь пестикъ перваго цвѣтка, тогда оказывается, что тычинки уже отжили, и прекратили свою дѣятельность. Тутъ, значить, пестику приходится или увядать безъ потомства или принимать цвѣточную пыль отъ другаго, младшаго цвѣтка. Такимъ образомъ выходитъ, что *lobelia fulgens* въ молодости своей бываетъ мужчиною, а подъ старость становится женщиною. Настоящимъ же гермафродитомъ, то есть мужчино-женщиною она никогда не бываетъ. Тутъ, очевидно, есть противорѣчіе между конструкціею цвѣтка и его дѣятельностью. По конструкціи — онъ настоящій гермафродитъ, а по дѣятельности — однополое растеніе. Это противорѣчіе было бы необъяснимо, если бы мы предположили, что *lobelia fulgens* вышла изъ земли съ готовою конструкціею и съ готовою дѣятельностью, подобно тому, какъ нашъ давнишній знакомый, идеальный баранъ, неизмѣнный *ovis aries* (смотри *введеніе*) вышелъ изъ земли во всеоружіи своихъ атрибутовъ. Но противорѣчіе объяснится, если мы предположимъ, что естественный выборъ уже переработалъ дѣятельность цвѣтка, и еще не успѣлъ переработать его конструкцію.

Вотъ какъ было дѣло. У нѣкоторыхъ экземпляровъ *lobelia fulgens* тычинки созрѣли чуть чуть пораньше пестика; это индивидуальное уклоненіе такъ же возможно, какъ и всякое другое: оно было выгодно для цвѣтка, потому что вся масса его цвѣточной пыли устремлялась по необходимости на другіе цвѣты, то есть туда, гдѣ она могла принести величайшее количество пользы; ни одна частица этой пыли не тратилась на свой пестикъ; и стало быть, пестикъ, не засоренный своею собственною пылью, былъ въ высшей степени способенъ принять ту пыль, которая вызывала къ дѣятельности всѣ его производительныя силы. Значить и пыль, и пестикъ этихъ цвѣтковъ дѣлали свое дѣло лучше, чѣмъ тѣ же органы другихъ, совершенно нормальныхъ субъектовъ. Ну, а послѣдствія давно извѣстны читателю: крѣпкое потомство, сохраненіе выгодной особенности, сохраненіе тѣхъ субъектовъ, у которыхъ эта особенность сильнѣе развита, чѣмъ у другихъ, усиленіе особенности посредствомъ постояннаго выбора, превращеніе особенности въ постоянное и коренное свойство, образованіе новой видоизмѣненной породы рядомъ съ старою, и наконецъ, совершенная побѣда новой породы надъ старою, побѣда, приводящая за собою медленное и полное вымираніе старой породы—черезъ эти фазы проходитъ всегда естественный выборъ, и черезъ эти же фазы прошелъ онъ тогда, когда измѣнилъ дѣятельность цвѣтка *lobelia fulgens*. Точно также совершилось бы измѣненіе его конструкціи, лишь бы только представились такія индивидуальныя уклоненія, которыя полезны для цвѣтка, и которыми, вслѣдствіе этого, можетъ овла-

дѣть естественный выборъ. Пусть читатель твердо запомнить, что безъ индивидуальныхъ уклоненій естественный выборъ ничего не можетъ сдѣлать. Онъ не производитъ этихъ уклоненій; онъ только сохраняетъ ихъ, а производятся эти уклоненія совершенно другими причинами, и притомъ такими, которыя до сихъ поръ очень мало изслѣдованы.

Х.

ОБРАЗОВАНИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ, ВИДОВЪ И РОДОВЪ.

Борьба за жизнь, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, то усиливается и становится болѣе ожесточенною, то ослабѣваетъ и принимаетъ болѣе спокойное теченіе. Если, напримѣръ, лѣтняя засуха уменьшила въ какой нибудь степной странѣ количество травы, то, разумѣется, борьба между травоядными сдѣлается особенно сильною. Если въ страну врывается новая порода животныхъ или растений, то борьба, происходившая обыкновенно между туземными формами, тотчасъ оживляется, потому что пришельцы вносятъ въ эту борьбу еще новый элементъ, и еще болѣе перепутываютъ своимъ появленіемъ сложную сѣть прежнихъ отношеній между животными и растениями. Если какая нибудь туземная форма животныхъ или растений испытываетъ то или другое измѣненіе, тотчасъ это измѣненіе отражается на общемъ колоритѣ борьбы, и борьба на время усиливается, потому что остальнымъ формамъ приходится принаровиться къ этому измѣненію, чтобы не потерпѣть отъ него существеннаго ущерба. Чѣмъ обширнѣе страна, чѣмъ она доступнѣе для чужеземныхъ растений и животныхъ, чѣмъ разнообразнѣе ея собственное населеніе, тѣмъ ожесточеннѣе кипитъ въ ней борьба за жизнь, тѣмъ чаще происходятъ періодическія усиленія этой борьбы, и тѣмъ прихотливѣе и нестрѣе перенутываются отношенія между различными органическими породами. Но чѣмъ ожесточеннѣе борьба, тѣмъ труднѣе побѣда, а такъ какъ живутъ и размножаются только побѣдители, то тѣмъ строже естественный выборъ. Та порода, которая измѣняется въ свою пользу медленнѣе, чѣмъ ея конкуренты, терпитъ рѣшительное пораженіе, теряетъ средства къ существованію, и становится малочисленною. А какъ только она начинаетъ убывать, такъ окончательное истребленіе ея становится почти несомнѣннымъ. Во первыхъ, на малочисленную породу всякія неблагопріятныя обстоятельства, въ родѣ холодной зимы, жаркаго лѣта, голоднаго года, дѣйствуютъ гораздо разрушительнѣе, чѣмъ на многочисленную. Малочисленная порода можетъ, при такихъ условіяхъ, вымереть безъ остатка, а для многочисленной породы такой трагическій случай представляется въ высшей

степени неправдоподобнымъ. Во вторыхъ, чѣмъ малочисленнѣе порода, тѣмъ меньше существуетъ вѣроятій, что въ этой породѣ обнаружатся такія полезныя индивидуальныя особенности, которыя строгій естественный выборъ могъ бы сохранить, развить и упрочить. Стало бытъ, если не будетъ даже никакихъ неблагоприятностей со стороны климата, то все-таки на убывающую породу будутъ постоянно дѣйствовать съ возрастающею силою тѣ самыя причины, которыя уже понятили ее назадъ. Конкурренты уже опередили ее, конкурренты продолжаютъ измѣняться въ свою пользу быстрѣе, чѣмъ эта отсталая порода, конкурренты съ каждымъ днемъ сильнѣе отбиваютъ у нея насущный хлѣбъ, и все это продолжается до тѣхъ поръ, пока побѣжденная порода не исчезаетъ окончательно. На большихъ материкахъ борьба за жизнь особенно сильна, разнообразіе органическихъ формъ особенно значительно, естественный выборъ особенно строгъ, и слѣдовательно, однѣ породы исчезаютъ, а другія совершенствуются гораздо быстрѣе, чѣмъ это дѣлается на островахъ или на такихъ небольшихъ материкахъ, какъ Австралія.

При ожесточенной борьбѣ, и при строгости естественнаго выбора, побѣда и жизнь достаются только тѣмъ породамъ, которыя одарены чрезвычайно крѣпкою, гибкою и измѣнчивою организаціею. Когда эти породы, выработавшія свои превосходныя свойства цѣлыми тысячелѣтіями самой напряженной борьбы, врываються въ такое мѣсто, гдѣ борьба была слаба, и гдѣ естественный выборъ, вслѣдствіе этого, не отличался строгостью, — тогда въ этомъ уголкѣ земнаго шара происходитъ что-то похожее на вторженіе Гунновъ въ римскую имперію. Туземные конкурренты разступаются во всѣ стороны, а пришельцы, сдѣлавшись въ самое короткое время полными хозяевами страны, размножаются съ небывалою быстротою, и размноженіемъ своимъ истребляютъ тѣ слабыя и неразвитыя породы, которыя не могутъ выдержать ихъ натиска.

Такимъ образомъ, европейскія растенія и животныя, въ томъ числѣ и европейскіе люди, утвердились въ Австраліи и на многихъ островахъ Тихаго Океана, быстро принаровились къ природѣ своего новаго отечества, и истребили въ этой природѣ то, что стояло поперекъ ихъ дороги. — Растительность острова Мадеры похожа, по словамъ натуралиста Освальда Гира (Heer) на ту флору, которая жила въ Европѣ во время третичнаго геологическаго періода. Въ Австраліи живетъ до сихъ поръ безобразнѣйшее и нелѣпнѣйшее млекопитающее съ утинымъ клювомъ *ornithogynchus paradoxus*, которому, по видимому, давно бы слѣдовало лежать въ какомъ нибудь напластованіи земной коры, и принадлежать къ разряду ископаемыхъ, или такъ называемыхъ допотопныхъ животныхъ. Эти два факта объясняются тѣмъ, что на Мадерѣ и въ Австраліи борьба за жизнь была слабѣе, чѣмъ на громадномъ материкѣ

старого свѣта; поэтому, тѣ формы, которыя давно истреблены въ Европѣ, до сихъ поръ могли продержаться тамъ, гдѣ естественный выборъ дѣйствовалъ съ меньшею строгостью. Къ этимъ двумъ фактамъ можно прибавить еще два факта того же самаго разряда. Во первыхъ, можно замѣтить, что почти всѣ австралійскія млекопитающія принадлежатъ къ низшему порядку этого класса, именно къ порядку сумчатыхъ (*Marsupialia*), которыя когда-то жили и въ Европѣ, но, уже въ далекомъ геологическомъ прошедшемъ, сошли со сцены и обратились въ ископаемыхъ. Во вторыхъ, птица додо жила до половины прошлаго столѣтія не на материкѣ, а на островѣ Мадагаскарѣ; на материкѣ, при множествѣ враговъ и конкурентовъ, эта неуклюжая и беззащитная птица никакъ не продержалась бы такъ долго.

Стало быть, вотъ въ какой связи представляются намъ явленія органической жизни: на большихъ материкахъ живутъ разнообразныя формы животныхъ и растений; разнообразіе формъ порождаетъ разнообразіе отношеній и напряженность борьбы; а напряженная борьба ведетъ за собою строгій естественный выборъ, уничтоженіе однихъ породъ, совершенствованіе другихъ, движеніе и колебаніе въ органическихъ формахъ, и, наконецъ, въ общемъ результатъ, возвышеніе всего уровня мѣстной органической жизни. Но это еще не все. Если разнообразіе формъ является причиною сильной борьбы и строгаго выбора, то спрашивается, откуда же взялось это самое разнообразіе? Если сказать, что это разнообразіе такъ всегда и было разнообразіемъ, то въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было представлять въ смѣшномъ видѣ мысль объ идеальномъ баранѣ, выходящемъ изъ нѣдръ земли, подобно Венерѣ, родищейся изъ морской пѣны? Но теперь намъ не зачѣмъ смотрѣть на это разнообразіе, какъ на первобытный и безпричинный фактъ.

Всѣ разновидности, виды, роды, семейства, порядки и такъ далѣе, развились изъ одной общей формы посредствомъ той самой борьбы и того самаго выбора, которые, въ настоящее время, кажутся намъ слѣдствіями существующаго разнообразія. Какая была эта общая, первобытная форма организма—этого никто никогда не узнаетъ, потому что та эпоха, когда зарождалась на нашей планетѣ органическая жизнь, не оставила, да и не могла оставить намъ рѣшительно никакихъ геологическихъ документовъ. Въ пластахъ замной коры могли сохраниться только твердыя части организма, кости, раковины, дерево, а такой организмъ, который состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей, представляетъ уже очень развитое и сложное явленіе. Такое явленіе никакъ не можетъ быть принято за исходную точку органической жизни, во-первыхъ, потому, что всѣ организмы безъ исключенія начинаютъ свое развитіе съ простой вѣточки, въ которой, разумѣется, нѣтъ ни костей, ни раковинъ, ни дерева, а есть только слизь, да тоненькая оболочка. Стало

быть, о первобытныхъ формахъ и объ исходной точкѣ органической жизни нечего и толковать, потому что гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ не можетъ быть ни научнаго изслѣдованія, ни даже серьезнаго разговора. Тамъ ужъ пускай дѣйствуютъ поэзія и метафизика. Но, чтобы объяснить, какимъ образомъ виды, роды, семейства и порядки могли возникнуть и развиться посредствомъ борьбы за жизнь, и посредствомъ естественнаго выбора, намъ даже нѣтъ никакой надобности забираться въ такую древность, о которой молчитъ даже геологія. Если намъ удастся только показать, что изъ одного вида могутъ развиваться два вида, что такія явленія дѣйствительно встрѣчаются въ природѣ, и что они имѣютъ себѣ основаніе въ самыхъ существенныхъ свойствахъ органической жизни, то цѣль наша будетъ вполне достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, если только дробленіе видовъ на новые виды совершается и должно совершаться въ органической природѣ, то этому дробленію не можетъ быть никакихъ опредѣленныхъ границъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Если виды дробятся, сегодня, если мы видимъ причину, почему они должны дробиться, и если мы можемъ доказать, что причина эта составляетъ необходимое свойство органической жизни, то не трудно понять, что виды дробились вчера, и будутъ дробиться завтра; если же они дробились въ прежнія времена, то, стало быть, теперешніе виды составляютъ результатъ прошедшаго дробленія; стало быть, группы близкихъ между собою видовъ составляли въ былое время одну общую форму; а эта общая форма образовала въ прошедшемъ одинъ видъ, и связывалась съ другими видами въ родовыя и семейныя группы, которыя всѣ вмѣстѣ въ болѣе отдаленную эпоху имѣли своимъ родоначальникомъ также одну форму, еще болѣе общую; и такимъ образомъ, переходя постоянно отъ частнаго къ общему, къ болѣе общему, и къ еще болѣе общему, мы дойдемъ наконецъ до того предѣла, гдѣ кончаются геологическіе документы, и гдѣ, слѣдовательно, начинается *темное царство* поэзія и метафизики. Туда мы ужъ не пойдемъ, а вмѣсто того, воротимся къ тому вопросу, который составляетъ фундаментъ всего строенія.

И такъ, я повторяю вопросъ: какимъ образомъ одинъ видъ можетъ раздѣлиться на два вида? Или точнѣе: почему одному виду можетъ быть выгодно и полезно раздѣлиться на два или вообще на нѣсколько видовъ? Отвѣтъ будетъ довольно длиненъ, и начнется издалика. Борьба за средства къ существованію происходитъ съ особенною ожесточенностью между существами одной породы, или между очень близкими породами. Причина очевидна. Что ѣсть одинъ баранъ, то ѣсть и другой баранъ; что нравится одному, то нравится и другому; чего не терпитъ одинъ, того не терпитъ и другой. Быкъ и баранъ оба питаются травой, и слѣдовательно, также борются между собою, но быкъ можетъ пред-

почитать одинъ сортъ травы, а барану можетъ нравиться другой; стало быть, въ обыкновенное время, когда нѣтъ засухи, борьба быка съ бараномъ слабѣе, чѣмъ междуособная борьба въ самой породѣ быковъ, или барановъ. Съ лошадыю баранъ борется еще слабѣе, чѣмъ съ быкомъ, и чѣмъ значительнѣе становится различіе въ организаціи двухъ животныхъ, тѣмъ слабѣе дѣлается ихъ борьба между собою. Съ собакою или съ курицею баранъ уже совсѣмъ не находится въ прямомъ соперничествѣ, хотя онъ, можетъ быть, и связанъ съ ними какою нибудь запутанною сѣтью сложныхъ отношеній, въ родѣ того, какъ кошка связана съ шмелемъ и съ растеніемъ *trifolium pratense*. Но до какой степени сильна и истребительна можетъ быть борьба между очень близкими породами и между отдѣльными существами одной породы, — это догазывается многими любопытными наблюденіями. Если перемѣшать сѣмена нѣсколькихъ разновидностей пшеницы, если посѣять ихъ въ одномъ полѣ, и потомъ, послѣ каждой уборки, сѣять опять полученныя сѣмена, не разбирая ихъ по сортамъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ, нѣкоторыя изъ посѣянныхъ разновидностей совершенно вытѣсняются другими, болѣе крѣпкими, болѣе плодовитыми, и болѣе соотвѣтствующими данному климату и данной почвѣ. То же самое произойдетъ, если вы будете сѣять вмѣстѣ разновидности душистаго гороника, отличающіяся другъ отъ друга только красками цвѣтовъ. Сильные въ нѣсколько лѣтъ совершенно уничтожатъ слабыхъ. Если пустить нѣкоторыя породы горныхъ барановъ въ одно пастбище съ другими, то этимъ другимъ придется терпѣть голодь, между тѣмъ, какъ первые будутъ постоянно наѣдаться и благоденствовать. То же самое случится между различными сортами медицинскихъ пивковъ, если вы будете кормить ихъ въ одномъ резервуарѣ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ берутся отношенія между отдѣльными разновидностями, потому что въ такихъ случаяхъ результатъ борьбы выражается особенно нагляднымъ образомъ; но, само собою разумѣется, что внутри каждой разновидности идетъ еще болѣе ожесточенная борьба между отдѣльными субъектами, потому что чѣмъ значительнѣе сходство, тѣтъ чаще должны быть столкновенія, и тѣмъ ежеминутнѣе должно быть соперничество; вѣдь и въ приведенныхъ примѣрахъ не разновидность идетъ на разновидность, а просто каждый отдѣльный организмъ стоитъ за самого себя, сколько хватить его силъ, и при этомъ совершенно неумышленно и безпристрастно отбиваетъ хлѣбъ, какъ у того, кто похожъ на него какъ двѣ капли воды, такъ и у того, кто немного отличается отъ него складомъ тѣла или цвѣтомъ шерсти. Результатъ, то есть, торжество одной разновидности надъ другою, получается не вслѣдствіе генеральнаго сраженія; а вслѣдствіе множества ежеминутныхъ и мельчайшихъ дуэлей; да и дуэли-то большею частью такія, въ которыхъ противники не видятъ и не знаютъ другъ друга въ глаза; весь поеди-

нокъ состоитъ въ томъ, что каждый, миролюбивѣйшимъ образомъ, наби-
ваетъ себѣ желудокъ какъ можно полнѣе, и стало быть, другимъ оста-
вляетъ какъ можно меньше съѣстнаго матеріала.

Представимъ себѣ теперь, что въ странѣ *A* порода *B* размножи-
лась до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Когда этотъ крайній предѣлъ
достигнутъ, тогда все-таки половыя отправления породы не прекраща-
ются. Самцы по прежнему оплодотворяютъ самокъ, а самки по прежнему
рождаютъ дѣтей. Породы *B* не знаетъ политической экономіи; и не
имѣетъ понятія о томъ «моральномъ самовоздержаніи», которое Маль-
тусъ и Милль такъ остроумно рекомендуютъ англійскимъ работникамъ.
Что же изъ этого можетъ выйти? Подъ именемъ страны я понимаю здѣсь
пространство земли, окаймленное естественными границами; съ одной
стороны, напримѣръ, цѣпь горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, съ дру-
гой—песчаная пустыня, а съ остальныхъ сторонъ — море; значить, вы-
хода нѣтъ; выселеній быть не можетъ; стало быть, если порода *B* раз-
множилась до *maximum*, то каждый годъ извѣстному числу этихъ живот-
ныхъ приходится умирать голодною смертию. Оно, конечно, приходится;
но вѣдь умирать съ голоду до такой степени неприятно, что каждое живот-
ное, какъ бы оно ни было глупо, будетъ все таки подниматься на всѣ до-
ступныя ему хитрости, чтобы поставить вопросъ какъ нибудь иначе. Если
ужь никакъ нельзя прожить на бѣломъ свѣтѣ, такъ оно постарается, по
крайней мѣрѣ, умереть какою нибудь другою смертию. Вѣдь мы видимъ,
напримѣръ, что голодный волкъ бросается на человѣка, котораго онъ не
трогаетъ во времена своего благоденствія, хотя, по видимому, сытый
организмъ долженъ быть сильнѣе, и стало быть, смѣлѣе голоднаго. Ви-
димъ мы также, что и люди во время голода набиваютъ себѣ желу-
докъ разными негодными веществами, и вслѣдствіе этого, умираютъ
отъ болѣзней, что, все-таки, какъ-то легче, чѣмъ умереть отъ чи-
стаго голода. Такого же рода явленія обнаружатся и въ нашей
породѣ *B*. Прежде всего, отложена будетъ въ сторону всякая
прихотливость и брезгливость. Положимъ, что порода *B* плотояд-
на; стало быть, главная часть ея задачи состоитъ не въ томъ,
чтобы переварить съѣденное вещество, а въ томъ, чтобы найти это
вещество, которое и бѣгаетъ, и летаетъ, и плаваетъ. Надо пронюхать,
высмотрѣть, подкараулить, догнать, перехитрить и одолѣть живую до-
бычу. Тутъ требуются и сила, и ловкость, и острота чувствъ, и смыш-
ленность, и навыкъ; открывается, какъ видите, очень обширное поле
для индивидуальныхъ способностей, и мы легко можемъ себѣ предста-
вить безчисленное множество оттѣнковъ въ развитіи каждой изъ этихъ
способностей, и въ распредѣленіи ихъ между отдѣльными животными
одной и той же породы. Глядя на двухъ животныхъ этой породы, по-
ставленныхъ рядомъ, мы, конечно, не замѣтимъ этихъ оттѣнковъ; и

тотъ—волкъ, и этотъ—волкъ, да если еще притомъ они одного роста и одного цвѣта, то мы и рѣшаемъ, что они совершенно равны между собою; но разница выразится въ результатахъ; если одинъ сдумѣтъ кормиться лучше другаго, то, значить, у него есть какое-нибудь преимущество, незамѣтное для нашихъ глазъ, но очень важное для его жизни. Само собою разумѣется, что въ нашей породѣ *B* будутъ одни субъекты очень даровитые, другіе посредственные, а третьи — ужь гораздо поплоче. Если порода *B*, до своего крайняго размноженія, имѣла привычку питаться исключительно мясомъ тѣхъ животныхъ, которыхъ сами они только что растерзали, то, послѣ размноженія, эта привычка превратится уже въ роскошь, доступную только для геніевъ первой величины. Непросвѣщенная толпа принуждена будетъ привыкать по немногу къ падали, и даже къ очень несвѣжей падали, потому что все-таки гнилое мясо лучше, чѣмъ голодная смерть. А самымъ плохимъ субъектамъ, по всей вѣроятности, и лизнуть не придется свѣжей пищи. Разумѣется, этотъ процессъ привыканія будетъ доставаться туго, и окупаться цѣною многихъ пожертвованій. Желудки, устроенные для свѣжей пищи, не будутъ переносить падали, и многія животныя переколѣбуютъ отъ разлагающагося мяса. Но нѣкоторыя переживутъ; борьба за жизнь завяжется между самыми плохими субъектами, и естественный выборъ, начавши дѣйствовать въ этомъ направленіи, будетъ постоянно сохранять тѣ желудки, которыя успѣшнѣе прочихъ перевариваютъ несвѣжую пищу. Подъ влияніемъ этой пищи, и при содѣйствіи тѣхъ привычекъ и способностей, которыхъ требуетъ ея отыскиваніе, сформируется изъ самыхъ плохихъ субъектовъ породы *B* отдѣльная разновидность, у которой проявятся со временемъ очень замѣтныя отличія отъ организациі лучшихъ представителей кореннаго типа. Естественный выборъ будетъ постоянно увеличивать эти отличія, и не трудно понять, почему это будетъ дѣлаться такимъ образомъ. Между чистымъ стервятникомъ (извините за выраженіе; оно, впрочемъ, употребляется въ учебникахъ зоологій) и чистымъ хищникомъ будетъ существовать сначала промежуточная категорія животныхъ той же породы *B*. Эти—*ни-то ни-се* будутъ самими обиженными созданиями. У нихъ меньше талантовъ, чѣмъ у передовыхъ геніевъ породы, и больше желудочной требовательности, чѣмъ у самой крайней сволочи той же породы. Пойдутъ они за живою добычею — въ дуракахъ останутся, и притомъ въ голодныхъ дуракахъ, потому что настоящіе, первоклассные хищники вездѣ, ужь успѣли побывать раньше ихъ; найдутся наши горемыки падали, опять бѣда выйдетъ; на нѣсколько дней животъ разболится, а то и совсѣмъ ноги протянуть придется. Ясно, стало быть, что передъ хищниками лежитъ одинъ путь развитія, а передъ стервятниками совсѣмъ другой, и чѣмъ дальше они будутъ расходиться между собою

тѣмъ лучше будетъ для тѣхъ и для другихъ. Хищнику надо работать мозгомъ, нервами чувствъ и мускулами произвольнаго движенія, а стервятнику преимущественно желудкомъ, да еще, пожалуй, нервами обонянія. Естественный выборъ такъ и будетъ дѣйствовать по этимъ двумъ направленіямъ, и постоянно будетъ сохранять лучшихъ представителей обѣихъ разновидностей, а такъ какъ самый лучший хищникъ всего мѣнѣе похожъ на самаго лучшаго стервятника, то ясно, что разстояніе между ними, подъ вліяніемъ естественнаго выбора, будетъ незамѣтно увеличиваться въ каждомъ новомъ поколѣніи. Связь между этими двумя крайними формами будутъ составлять съ одной стороны плохіе хищники, а съ другой стороны плохіе стервятники, между которыми невозможно будетъ провести ясную пограничную черту; но мы уже видѣли, что этимъ плохимъ формамъ приходится круто; естественный выборъ постоянно направляется противъ нихъ, и производится на ихъ счетъ, то есть, онъ именно и состоитъ въ ихъ постоянномъ истребленіи; если эти *ни-то ни-се* будутъ мыкаться между двумя ясно очерченными разновидностями, то ихъ непременно сотрутъ съ лица земли; чтобы не уничтожиться, имъ надо броситься куда-нибудь въ сторону, то есть, выдти изъ своей безцвѣтной промежуточности, найти себѣ собственную специальность и превратиться въ новую разновидность. Кто можетъ это сдѣлать, то есть, у кого есть зародышъ оригинальной способности, тотъ такъ и сдѣлаетъ; а кто не можетъ, тотъ будетъ раздавленъ между двумя опредѣлившимися разновидностями.

Такъ какъ мы предположили, что порода *B* очень многочисленна, то мы можемъ и должны допустить, что у ея отдѣльныхъ представителей найдутся зародыши многихъ разнообразныхъ способностей; чѣмъ больше въ какойнибудь породѣ отдѣльныхъ животныхъ, тѣмъ больше индивидуальныхъ особенностей, и, стало быть, тѣмъ больше шансовъ, что найдутся и такія особенности, которыя разовьются въ разныя стороны подъ вліяніемъ естественнаго выбора. Если порода *B* размножилась въ странѣ *A* до maximum, то она, разумѣется, одержала побѣду надъ разными другими породами, жившими въ томъ же мѣстѣ, и составившими ей конкуренцію. Побѣда одерживается тою породою, которая обладаетъ особенно гибкою организаціею, и, вслѣдствіе этого, способна измѣняться въ свою пользу скорѣе, чѣмъ ея соперники. Гибкость организаціи заключается именно въ томъ, что каждое нарождающееся поколѣніе представляетъ множество легкихъ, но очень разнообразныхъ индивидуальныхъ отгѣнковъ. Стало быть, предположеніе наше, что въ породѣ *B* найдутся зародыши многихъ оригинальныхъ способностей, не только не заключаетъ въ себѣ никакой натяжки, но даже составляетъ необходимое слѣдствіе того основнаго предположенія, что порода *B* размножилась до крайнихъ предѣловъ.

Въ чемъ же могутъ состоять эти способности? — Да мало ли въ чемъ! — Замѣчено, напримѣръ, что однѣ изъ нашихъ домашнихъ кошекъ занимаются преимущественно ловлею мышей; другія охотятся больше за крысами, третьи ловятъ молодыхъ птицъ и разоряютъ гнѣзда, четвертыя добываютъ кроликовъ и зайцевъ; бывають и такія, которыя каждую ночь отправляются на болото, и подкарауливають тамъ куликовъ и бекасовъ. Всѣ эти вещи кошка дѣлаеть безо всякой особенной надобности, потому что хозяйева не дали бы ей умереть съ голода, если бы даже она совершенно спокойно сидѣла дома; дѣлаеть она это потому, что всякому животному свойственно стремленіе упражнять ту способность, которая въ немъ существуетъ; но, когда ловля добычи перестаетъ быть развлеченіемъ, и становится дѣломъ жизни, тогда, разумѣется, каждая существующая способность совершенно выясняется и доводится до послѣдней степени напряженія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ гористой мѣстности Кэтскиль, живутъ двѣ разновидности волковъ, которые замѣтно отличаются другъ отъ друга, какъ складомъ тѣла, такъ и специальностью занятій. Одни — похожи на борзую собаку, и преслѣдуютъ дикихъ животныхъ. Другіе, помассивнѣе и посильнѣе, занимаются домашними животными. Особенности этихъ двухъ типовъ выработаны, конечно, естественнымъ выборомъ, который дѣйствовалъ на одну и ту же породу по двумъ различнымъ направленіямъ, выбирая въ первомъ случаѣ самыхъ быстрыхъ, а во второмъ самыхъ сильныхъ волковъ. Быstromу волку было удобнѣе охотиться за дикимъ животнымъ, потому что тутъ главное дѣло состояло въ томъ, чтобы догнать: чтобы справиться съ зайцемъ или даже съ ланью, немного требуется силы; а догнавши и справившись, волкъ могъ преспокойно расположиться на мѣстѣ и обѣдать, потому что дѣло происходило въ лѣсу, или вообще въ какомъ нибудь уединенномъ и тихомъ убѣжищѣ. Напротивъ того, волку, пускающемуся на охоту за домашними животными, необходима сила, не для того, чтобы одолѣть овцу или свинью, а для того, чтобы унести ее въ безмятежное пристанище. Такъ, стало быть, и произошло раздѣленіе одной породы на двѣ разновидности, потому что естественный выборъ здѣсь, какъ и вездѣ, благопріятствовалъ крайностямъ и истреблялъ промежуточные отгѣнки.

Такого же рода особенности могли проявиться въ породѣ *B*. Напримѣръ, нѣкоторые субъекты могли быть по росту гораздо меньше своихъ сверстниковъ. Это обстоятельство могло быть для нихъ полезно, потому что, при маломъ ростѣ, они могли поддерживать свою жизнь меньшимъ количествомъ пищи. Если только малорослость была полезна, то естественный выборъ могъ образовать очень мелкую разновидность, которая, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать зайцевъ или ланей, обратила свою дѣятельность на крысъ и мышей. Такъ какъ для этой мелкой

охоты требуются свои спеціальныя качества, то естественный выборъ сохранилъ и развилъ бы зародыши этихъ качествъ, такъ что, рядомъ съ крупными хищниками и съ стервятниками, образовалась бы отдѣльная порода мышатниковъ или крысятниковъ. Нѣкоторые субъекты могли отличаться особенною гибкостью членовъ и цѣпкостью когтей; такіе стали бы взлѣзать на деревья, и поѣдать птичьи яйца или молодыхъ птенцовъ, или медъ дикихъ пчелъ, какъ то дѣлаетъ медвѣдь; или же, подобно рыси, они могли бы караулить свою добычу, сидя на деревѣ, и потомъ бросаться на нее сверху; опять естественный выборъ крайнихъ представителей, и опять новая разновидность, или, пожалуй, порода. Потомъ нашлись бы такіе, которые плаваютъ легче другихъ, и держатся охотно по близости воды; эти стали бы донимать болотныхъ птицъ, или лягушекъ, или, поусовершенствовавшись въ плаваніи и нырніи, рыбъ, раковъ и моллюсковъ. Опять новая порода, похожая, напримѣръ, на выдру. Могли бы быть такіе субъекты, которые немного лучше видятъ подь вечеръ, чѣмъ въ серединѣ дня. Имъ было бы выгодно выходить на промыселъ тогда, когда конкуренты, отдыхаютъ. Естественный выборъ благопріятствовалъ бы тѣмъ, которые выходятъ попозднѣе, то есть, тѣмъ, у которыхъ глаза всего лучше приспособлены къ полумраку. Разовьется, такимъ образомъ, особенное устройство зрительнаго аппарата, и образуется порода ночныхъ хищниковъ.

Если нѣкоторые субъекты могли привыкнуть къ падали, то другіе могли понемногу помириться съ плодами, съ зернами, съ кореньями, и съ разными другими видами растительной пищи. Опять новая порода. Я насчиталъ семь породъ, и читатель, конечно, согласится, что, раздробившись такимъ образомъ, порода *B* имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше пищи, и, слѣдовательно, можетъ размножаться гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, когда она представляла одинъ не раздѣленный видъ. Въ растительномъ мірѣ мы видимъ совершенно такія же явленія. Цѣлый рядъ опытовъ доказалъ, что если, напримѣръ, на одной десятинѣ посѣять траву одного сорта, а на другой десятинѣ такой же земли посѣять травы нѣсколькихъ, очень различныхъ сортовъ, то со второй десятины получится больше сѣна, чѣмъ съ первой. Это понятно. Тѣло травы (если можно такъ выразиться) вырабатывается изъ составныхъ частей почвы, и изъ тѣхъ газовъ, которые плаваютъ въ атмосферномъ воздухѣ. Одна трава тянетъ изъ почвы преимущественно одно вещество, а другая — другое. Гдѣ цѣлая десятина засѣяна однимъ сортомъ травы, тамъ будетъ вытянуто только одно вещество, а другое, третье, четвертое, которыя были бы вытянуты другими травами, такъ и останутся въ почвѣ. А гдѣ земля засѣяна разными травами, тамъ многія составныя части почвы пойдутъ въ дѣло, и превратятся въ траву.

Читатель конечно ясно видитъ сходство этого примѣра съ исторіею

нашей возлюбленной породы *B*. Тамъ тоже, пока всё питался одной пищей, до тѣхъ поръ былъ голодь; какъ стали питаться разною пищею, такъ явилась возможность размножаться и благоденствовать. Въ акклиматизаціи животныхъ и растений замѣчены также многіе факты, представляющіе собою отдѣльныя проявленія того же самаго принципа. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ какой нибудь странѣ должны расплодиться особенно успѣшно тѣ формы животныхъ и растений, которыя очень близки къ туземнымъ формамъ. Процессъ мысли тутъ такой: если туземцамъ тутъ хорошо жить, то должно быть хорошо и тѣмъ пришельцамъ, которые требуютъ себѣ совершенно одинаковыхъ условий жизни. На видъ такое разсужденіе довольно благообразно, но все-таки я на моего читателя надѣюсь, что ужъ онъ такимъ образомъ разсуждать не будетъ. Онъ уже понимаетъ, что борьба за жизнь и отношенія между организмами важнѣе простыхъ климатическихъ вліяній. Если травоядное вступаетъ въ такую страну, гдѣ очень много своихъ травоядныхъ, то ему предстоитъ побѣдить конкурентовъ или умереть, а побѣда будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше конкурентовъ, и чѣмъ значительнѣе ихъ сходство съ новымъ пришельцемъ. Если это чужеземное животное имѣетъ въ своей организаціи очень сильное преимущество надъ туземцами, то, значитъ, оно на нихъ непохоже, и утверждается въ странѣ, именно благодаря этому несходству. Если же у пришлой породы нѣтъ этого счастливаго несходства, то ей, по всей вѣроятности, предстоитъ полное пораженіе, потому что туземцы обыкновенно бываютъ многочисленнѣе пришельцевъ, а ужъ я говорилъ о томъ, какія огромныя преимущества доставляетъ какой нибудь породѣ ея многочисленность. Но пустимъ плотояднаго звѣря въ такую страну, гдѣ живутъ только травоядныя, и мы, конечно, увидимъ, что новый гость очень скоро сдѣлается хозяиномъ, и будетъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Пустимъ насѣкомоядную птицу туда, гдѣ очень много насѣкомыхъ, и гдѣ нѣтъ на нихъ никакой грозы, и произойдетъ та же самая исторія. Пустимъ, наконецъ, растение въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни одного представителя этого рода растений, и тогда растение это расплодится, если только не встрѣтится непреодолимыхъ препятствій со стороны климата и почвы. Въ Соединенныхъ Штатахъ акклиматизировано 260 растений, которыя принадлежатъ къ 162 отдѣльнымъ родамъ, и изъ этого послѣдняго числа 100 родовъ не имѣютъ во всей странѣ ни одного туземнаго представителя. Стало быть, привились именно такія формы, которыя представляютъ чрезвычайно мало сходства съ туземною флорой.

Общій выводъ тотъ, что полнота жизни и разнообразіе формъ всегда должны идти рядомъ. Если бы весь земной шаръ былъ заселенъ только одною формою животныхъ и одною формою растений, то, какъ бы ни были эти животныя и растенія мелки, все-таки на нашей планетѣ по-

мѣщалось бы тогда меньшее число организмовъ, чѣмъ теперь, не смотря на то, что теперь есть организмы довольно крупныя. Всѣ организмы стремятся къ безграничному размноженію; стремленіе это никогда не ослабѣваетъ, и никогда не удовлетворяется вполнѣ, потому что всѣ организмы стараются заселить собою всю землю, и слѣдовательно, всѣ тѣснятъ и сдерживаютъ другъ друга; но всего полнѣе стремленіе къ размноженію можетъ удовлетвориться при крайнемъ развитіи разнообразія. — Стало быть, дробленіе формъ на новыя формы составляетъ въ жизни природы необходимое явленіе. Когда дробленіе началось, тогда крайнія формы одерживаютъ перевѣсъ надъ промежуточными, и стремятся сдѣлаться еще болѣе крайними. Такимъ образомъ, легкія и индивидуальныя особенности даютъ начало прочнымъ разновидностямъ; разновидности, постоянно удаляясь другъ отъ друга, превращаются въ отдѣльные виды; виды дробятся и становятся родовыми группами; въ родовой группѣ крайнія виды развиваются обыкновенно лучше среднихъ; средніе уничтожаются; изъ одной родовой группы, вслѣдствіе этого выпаденія среднихъ видовъ, образуются двѣ отдѣльныя группы, которыя вмѣстѣ составляютъ семейство. И этотъ процессъ развѣтвленія идетъ все дальше и дальше; проходятъ милліоны лѣтъ, милліоны вѣковъ, милліоны тысячелѣтій; одни отдѣлы разрастаются и дробятся, другіе слабѣютъ и уничтожаются; исчезаютъ незамѣтно цѣлыя семейства, порядки и классы, и наконецъ получаютъ тѣ безконечно разнообразныя и рѣзко очерченныя формы, съ которыми въ настоящее время ни какъ не умѣютъ справиться классификаторы.

Читателю много кажется тутъ неяснымъ, но во-первыхъ, идеи Дарвина только что входятъ въ науку, и до сихъ поръ еще не были приложены къ разясненію подробностей; а во-вторыхъ, если читатель думаетъ, что журнальная статья можетъ вполнѣ раскрыть передъ нимъ «тайну тайнъ», и показать ему все естествознаніе, какъ на ладони, то онъ сильно ошибается. Если читатель уловилъ до сихъ поръ только самыя существенныя черты дарвиновскихъ идей, если онъ только заинтересовался такимъ вопросомъ, который прежде даже не былъ для него вопросомъ, то этого на первый разъ уже черезъ-чуръ достаточно.

XI.

РАЗЛИЧНЫЯ ВИДОИЗМѢНЕНІЯ.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что всѣ животныя и всѣ растенія постоянно борются между собою за средства къ существованію. Побѣждаютъ въ этой борьбѣ тѣ животныя и тѣ растенія каждой по-

роды, которыя отличаются какими нибудь выгодными, хотя, быть может, и незамѣтными особенностями своей организаціи. Побѣдители переживаютъ своихъ побѣжденныхъ единоплеменниковъ, и оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, а изъ этого потомства живутъ долго и размножаются сильно тѣ субъекты, которые получили въ особенно значительной степени выгодныя качества родительской комплекціи. Такимъ образомъ, выгодныя особенности тѣлосложенія сохраняются въ породѣ, и этотъ процессъ сохраненія называется, какъ мы видѣли, естественнымъ выборомъ. Если бы всѣ животныя и всѣ растенія рождались всегда совершенно похожими на своихъ родителей, т. е., если бы не было никакого индивидуальнаго разнообразія, тогда не могло бы быть и естественнаго выбора, потому что тогда не было бы никакихъ выгодныхъ особенностей, и, стало быть, нечего было бы сохранять. Естественный выборъ составляетъ, такимъ образомъ, прямое слѣдствіе тѣхъ видоизмѣненій, которыя проявляются въ каждой породѣ животныхъ и растений. Когда видоизмѣненіе представилось, тогда естественный выборъ или сохраняетъ, или отбрасываетъ его, т. е. говоря другими словами, видоизмѣненный организмъ или переживаетъ своихъ сверстниковъ, или умираетъ раньше ихъ. Но чтобы видоизмѣненный организмъ могъ сдѣлать то или другое, ему, очевидно, сначала надо родиться видоизмѣненнымъ. Видоизмѣненіе должно уже существовать прежде, чѣмъ оно подвергнется дѣйствию естественнаго выбора. Какія же причины производятъ эти видоизмѣненія, и по какимъ законамъ они совершаются? Дать на этотъ вопросъ полный и удовлетворительный отвѣтъ современная наука еще не въ состояніи; но кое-какіе факты уже собраны, и нѣкоторыя общія заключенія могутъ быть сдѣланы уже въ настоящее время.

Климатическія условія, т. е. воздухъ, свѣтъ, теплота, влажность производятъ въ организамахъ нѣкоторыя измѣненія, и дѣйствуютъ обыкновенно на растительное царство сильнѣе, чѣмъ на животное. Замѣчено, что многія растенія, живущія на берегу моря, имѣютъ мясистыя листья; насѣкомыя, водящіяся по берегамъ, отличаются металлическимъ блескомъ крыльевъ и тѣла; моллюски, живущіе въ тропическихъ моряхъ и на незначительной глубинѣ, яркостью своихъ красокъ превосходятъ тѣхъ моллюсковъ, которые держатся въ глубокихъ и холодныхъ водахъ; птицы, обитающія внутри материковъ, носятъ болѣе пестрое и блестящее опереніе, чѣмъ тѣ птицы, которыя водятся на островахъ и на берегахъ. Всѣ эти особенности не только свойственны тѣмъ породамъ которыя составляютъ коренное населеніе этихъ мѣстностей, но онѣ даже приобрѣтаются многими пришлыми породами; такимъ образомъ, если наблюдатель постепенно переходитъ отъ болѣе холодныхъ морей къ болѣе теплымъ, или отъ болѣе глубокихъ водъ къ болѣе мелкимъ, то

онъ замѣчаетъ, что одна и та же порода моллюсковъ постепенно окрашивается болѣе яркими оттѣнками. Точно также птицы одной породы становятся болѣе или менѣе яркими, смотря по тому, гдѣ онѣ живутъ, въ сухой или жаркой странѣ материка, или подъ сѣрымъ небомъ острововъ и приморскихъ земель. То же самое происходитъ со многими растеніями и насѣкомыми; т. е., приближаясь къ морю, первыя приобрѣтаютъ мясистые листья, а вторыя — металлическій блескъ, не смотря на то, что ихъ порода не отличалась этими особенностями, когда жила вдали отъ береговъ. Извѣстно, что у животныхъ одной породы мѣхъ бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ холоднѣе мѣсто ихъ жительства. Но здѣсь вмѣшивается въ дѣло естественный выборъ, и поэтому результатъ не можетъ быть приписанъ исключительно прямому дѣйствию климата. Если наприимѣръ, пара медвѣдей, по какому нибудь случаю, будетъ принуждена переселиться изъ умѣренного климата въ холодный, то мы никакъ не можемъ утверждать, что медвѣдица, въ новомъ своемъ отечествѣ, родитъ всѣхъ дѣтей съ болѣе густымъ мѣхомъ, чѣмъ если бы они рѣдился на прежнемъ мѣстѣ жительства; но тѣ медвѣжата, у которыхъ мѣхъ будетъ погуще, получаютъ преимущество надъ своими жидкошерстными братьями; первые, вѣроятно, переживутъ послѣднихъ, и такъ какъ естественный выборъ будетъ дѣйствовать такимъ же образомъ на всѣ слѣдующія поколѣнія, то потомство медвѣдей умѣренного пояса рано или поздно приобрѣтетъ себѣ тотъ густой мѣхъ, который необходимъ для обитателей холодной страны. Если это приобрѣтеніе дѣйствительно совершится, то мы никакъ не будемъ въ состояніи рѣшить, какую долю вліянія тутъ надо приписать прямому дѣйствию климата, и какую — естественному выбору; т. е., потому ли мѣхъ сдѣлался густымъ, что холодный воздухъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на кожу, и поощряетъ произрастаніе волосъ, или потому, что медвѣди постоянно рождались отъ густошерстныхъ родителей, которые, благодаря своему теплomu мѣху, постоянно переживали своихъ сверстниковъ, плохо защищенныхъ отъ холода? То же безвыходное затрудненіе представляется каждый разъ, когда какое нибудь видоизмѣненіе приноситъ животному или растенію малѣйшую долю пользы. Гдѣ польза, тамъ непременно дѣйствуетъ естественный выборъ, и отдѣлится его вліяніе отъ прямого дѣйствія климатическихъ условій нѣтъ никакой возможности.

Если какой нибудь органъ животного часто упражняется, то онъ развивается и усиливается; если же онъ находится въ бездѣйствіи, то онъ слабѣетъ и атрофируется; т. е. увядаетъ отъ недостатка питанія. Эти приобрѣтенныя свойства органа, т. е. его сила, или его слабость, передаются по наслѣдству, и если дѣти ведутъ жизнь, сходную съ жизнью родителей, то эта сила, или эта слабость увеличиваются, и въ такомъ увеличенномъ видѣ переходятъ къ слѣдующему поколѣнію. Говоря о

о домашнихъ животныхъ, я указывалъ читателю на сильное развитіе вымени у дойныхъ коровъ и на слабость крыльевъ у нашихъ утокъ. Подобные факты встрѣчаются и у дикихъ животныхъ, съ тою только неизбѣжною разницею, что какъ чрезмѣрное развитіе, такъ и атрофія органа непремѣнно должны быть въ какомъ нибудь отношеніи полезны для самаго животнаго, потому что если бы они не были полезны, то они были бы немедленно уничтожены дѣйствиємъ естественнаго выбора, и слѣдовательно не могли бы превратиться въ постоянныя свойства отдѣльной разновидности, или цѣлаго вида. Если животное поставлено въ такія условія жизни, при которыхъ тотъ или другой органъ перестаетъ быть для него необходимымъ, то для этого животнаго положительно полезно, чтобы этотъ ненужный органъ атрофировался. Атрофія бесполезнаго органа даетъ животному возможность усилить и увеличить необходимыя органы.

Читателю извѣстно, что вся масса питательнаго вещества, которое нашъ желудокъ и кишечный каналъ извлекаетъ изъ того, что мы ѣдимъ и пьемъ, — постоянно употребляется на восстановление нашего организма, который ежеминутно разрушается процессами дыханія, потѣнія, испражнения и разныхъ другихъ выдѣленій. Для организма выгодно, чтобы каждая частица питательнаго вещества приносила какъ можно больше пользы, т. е. чтобы она употреблялась именно туда, гдѣ она всего болѣе необходима, именно на тѣ органы, которые всего болѣе содѣйствуютъ общему благосостоянію всего организма. Такой органъ, который постоянно находится въ бездѣйствіи, не можетъ приносить организму существенной пользы; стало быть, организму невыгодно кормить такого дармоѣда; организму удобнѣе или перенести въ другое мѣсто то количество пищи, которое пошло бы на питаніе бесполезнаго органа, или совершенно сбросить это количество, то есть, покрыть свои неизбѣжные расходы меньшею массою питательнаго вещества. Это послѣднее обстоятельство, то есть возможность сводить концы съ концами при меньшемъ количествѣ пищи, особенно важно для дикихъ животныхъ, которыя принуждены брать себѣ съ бою каждый кусокъ питательнаго вещества. Бездѣйствующій органъ атрофируется, а такъ какъ эта атрофія полезна для животнаго, то естественный выборъ поощряетъ ее, и во многихъ случаяхъ успѣлъ уже обратить ее въ постоянное свойство цѣлыхъ породъ.

Такимъ путемъ образовались породы дикихъ птицъ, неспособныхъ летать, напримѣръ страусы, казуары, пингвины, малокрылыя утки (*anas brachyrptera*). Такимъ же образомъ произошло то, что многіе навозные жуки или совершенно лишены передней пары ногъ, или имѣютъ эти органы въ зачаточномъ, то есть, совершенно неразвитомъ состояніи. По той же причинѣ, глаза кротовъ и другихъ животныхъ, постоянно копающихся въ землѣ, остаются навсегда совершенно неразвитыми, а иногда

покрываются даже кожей и заростають шерстью; чѣмъ меньше глазъ, и чѣмъ плотнѣе онъ защищенъ кожей и волосами, тѣмъ это удобнѣе для такихъ животныхъ, которыя никогда не выходятъ на свѣтъ; смотрѣть кроту нечего, потому что онъ постоянно держится въ темнотѣ, а большой и открытый глазъ во время ежедневныхъ подземныхъ странствованій крота долженъ былъ бы часто засоряться и подвергаться воспаленію. Отсутствіе упражненія ослабляло такимъ образомъ глазъ, а естественный выборъ сохранялъ тѣхъ кротовъ, которые всего менѣе страдали отъ глазныхъ воспаленій, и вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ глазъ кротовъ дошелъ до своего теперешняго, зачаточнаго состоянія. Въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоли и американскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ самымъ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собою въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ, совершенно нѣтъ органовъ зрѣнія, но за то, сильно развиты усики, щупальцы, и разныя другіе органы осязанія. Климатъ Карнеоли очень сходенъ съ климатомъ Кентукки; пещеры той и другой страны составились изъ известковыхъ формацій, и находятся на одинаковой глубинѣ; стало быть, условія жизни въ обѣихъ пещерахъ совершенно сходны между собою; если мы предположимъ, что породы слѣпыхъ животныхъ были созданы специально для того, чтобы жить въ глубокихъ и темныхъ пещерахъ, то, разсуждая послѣдовательно, мы придемъ къ тому убѣжденію, что животныя, созданныя для одинаковыхъ условій, должны быть одинаковы, или, по крайней мѣрѣ, очень сходны между собою, и что, стало быть, обитатели американскихъ пещеръ должны быть очень похожи на европейскихъ. Но факты разобьютъ это убѣжденіе. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что американскія и европейскія слѣпыя животныя не похожи другъ на друга; но за то существуетъ родственная связь между обитателями пещеры и тѣми зрячими животными, которыя водятся въ ея окрестностяхъ; то есть, подземный карнеолецъ похожъ на земнаго карнеольца, и то же самое явленіе замѣчено также—въ Кентукки. Кромѣ того, между жителями самой темной глубины, и обитателями совершенно свѣтлыхъ окрестностей существуетъ нѣсколько переходныхъ степеней и отѣнковъ, которые вполне соотвѣтствуютъ постепенному переходу отъ дневнаго свѣта къ вѣчной темнотѣ, и по своей организаціи превосходно приспособлены къ различнымъ степенямъ полусвѣта или полумрака.

Существованіе этой родственной связи и этихъ промежуточныхъ отѣнковъ ясно указываетъ намъ на тотъ процессъ, посредствомъ кото-

раго населились обѣ пещеры. Обыкновенныя животныя, съ нормальнымъ устройствомъ глазъ и органовъ осязанія, подошли сначала къ отверстию пещеры, и устроили свое жилище подъ вѣчную тѣнью нависшихъ утесовъ. Эта легкая тѣнь могла содѣйствовать ихъ размноженію, потому что она спасала ихъ отъ разныхъ хищниковъ; размножившееся потомство этихъ животныхъ, выросшее въ тѣни, подвинулось немного дальше, въ царство вѣчнаго сумрака. Привыкнувъ къ сумраку, новыя поколѣнія стали подвигаться еще дальше, туда, гдѣ господствуетъ вѣчная ночь, и наконецъ дошли до той крайней глубины, гдѣ постоянно бываетъ такъ темно, какъ на поверхности земли не бываетъ темно ни въ какую ночь. Разумѣется, эти переходы совершались чрезвычайно медленно; въ каждомъ новомъ поколѣніи были вѣроятно субъекты съ разными легкими особенностями въ устройствѣ глазъ; однимъ было удобно оставаться тамъ, гдѣ они родились; другимъ было удобно подняться къ отверстию пещеры, туда, гдѣ освѣтлѣе; наконецъ, третьимъ было удобно спуститься дальше въ глубину, чтобы уйдти отъ болѣе зоркихъ враговъ и конкурентовъ. Естественный выборъ дѣйствовалъ на всѣхъ этихъ колонистовъ, постоянно сохраняя тѣхъ, которые всего лучше были приспособлены къ мѣсту своего жительства, а такъ какъ мѣста жительства пользовались освѣщеніемъ въ очень различной степени, то глаза жильцовъ атрофировались, а ихъ органы осязанія развивались — также въ очень различной степени. Такимъ образомъ, отъ совершенно зрячихъ родоначальниковъ произошли въ теченіи многихъ тысячелѣтій, сообразно съ требованіями мѣстныхъ условий, подслѣпчатые, полуслѣпые, слѣпые, и наконецъ совершенно безглазые потомки, у которыхъ органы осязанія становились все лучше и лучше, по мѣрѣ того, какъ утрачивалось зрѣніе.

Если такимъ образомъ вліяніе мѣстныхъ условий, бездѣйствіе органа и естественный выборъ, тѣсно связанные между собою, и дѣйствующіе постоянно въ одномъ направленіи, могутъ превратить зрячую породу животныхъ въ слѣпую и даже въ безглазую, если они могутъ замѣнить чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, и если, наконецъ, они могутъ произвести эти метаморфозы надъ самыми различными классами животныхъ — надъ крысами, раками, рыбами, лягушками и насѣкомыми, то, мнѣ кажется, трудно себѣ представить какую нибудь возможную границу для дѣятельности и могущества этихъ элементовъ.

Всѣ разнообразныя формы организмовъ, существующія на земномъ шарѣ, порождены вліяніемъ условий жизни и естественнаго выбора. Современная наука не можетъ показать намъ, какъ это произошло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, потому что знанія нашихъ натуралистовъ до сихъ поръ еще очень неудовлетворительны; но за то, современная наука не можетъ также представить ни одного такого случая, котораго нельзя было бы объяснить вліяніемъ условий жизни и естественнаго

выбора. Если бы одинъ такой случай былъ извѣстенъ въ настоящее время, или если бы будущія изслѣдованія и наблюденія натуралистовъ привели со временемъ къ открытію такого случая, то вся теорія Дарвина тотчасъ взлетѣла бы на воздухъ, не смотря на то, что она объясняетъ совершенно удовлетворительно тысячи другихъ случаевъ. Эта теорія или объясняетъ всю исторію органической жизни, или не объясняетъ ровно ничего, и даже не можетъ существовать; исключеній тутъ никакихъ не допускается; если будетъ доказано, что въ природѣ былъ хоть одинъ скачокъ, то это будетъ значить, что скачки возможны, и тогда вся теорія медленныхъ видоизмѣненій и естественнаго прогресса рухнетъ въ ту же минуту. Но сила теоріи Дарвина заключается именно въ томъ, что до сихъ поръ невозможно было найдти ни одного несомнѣннаго скачка. Разумѣется, ни одинъ дѣльный натуралистъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дарвину, не станетъ слѣпо вѣровать въ его теорію, и не допуститъ, чтобы эта теорія стѣсняла его во время непосредственныхъ наблюденій. Живой фактъ всегда важенъ самъ по себѣ, а теорія хороша только до тѣхъ поръ, пока она вполне согласна съ фактами, и объясняетъ ихъ совершенно удовлетворительно и безъ малѣйшаго насилія.

На островѣ Мадерѣ водится до 550 различныхъ видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, или, проще, жуковъ, изъ этого числа 200 видовъ отличаются совершенно не развитыми крыльями, и не могутъ летать. Изъ 29 родовъ, свойственныхъ исключительно этому острову, до 23-хъ находятся въ такомъ положеніи. Напротивъ того, чешуекрылыя насѣкомыя острова Мадеры, или бабочки, и тѣ виды жуковъ, которые питаются цвѣточнымъ сокомъ и цвѣточной пылью, одарены очень крѣпкими и особенно хорошо развитыми крыльями. Эти два противоположныя явленія произведены вліяніемъ одинаковыхъ условій жизни и дѣйствіемъ естественнаго выбора. Вотъ какъ это сдѣлалось. На островѣ Мадерѣ дуютъ очень сильныя вѣтры, и особенно на той сторонѣ острова, которая обращена къ африканскому берегу; именно на этой сторонѣ живетъ большая часть жуковъ, лишенныхъ способности летать. Въ теченіи многихъ тысячелѣтій вѣтеръ постоянно подхватывалъ на лету и уносилъ въ море тѣхъ жесткокрылыхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались распустить свои крылья и подняться на воздухъ; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ ними, по словамъ Дарвина, тонула въ морѣ будущность ихъ расы. Для тѣхъ жуковъ, которые питались навозомъ, или корнями растеній, или древесиною, или личинками другихъ насѣкомыхъ, летаніе составляло пустую прихоть, что-то въ родѣ прогулки для моціона; одни изъ нихъ могли любить подобныя прогулки, другіе могли быть къ нимъ совершенно равнодушны, потому что эти прогулки не имѣютъ для нихъ ничего общаго съ настоящею цѣлью жизни, то есть, съ отыскиваніемъ пищи. Естественный выборъ выразался здѣсь въ томъ, что вѣтеръ постоянно истреблялъ

тѣхъ, которые летали, и постоянно оставлялъ въ покоѣ тѣхъ, которые вели исключительно сидячую и ходячую жизнь. Крылья, оставшіяся въ бездѣйствіи у многихъ тысячъ поколѣній, ослабѣли и атрофировались, а у многихъ породъ жесткія надкрылья срослись даже совершенно на-глухо. Напротивъ, для бабочекъ и для жуковъ, питающихся цвѣтами, летаніе было необходимымъ условіемъ жизни; для нихъ не летать значило положить зубы на полку, потому что если на каждый цвѣтокъ всползать, да потомъ спускаться съ него внизъ, да потомъ переподзать на другой цвѣтокъ, по густой травѣ, которая для насѣкомаго должна казаться гуще, выше и страшнѣе, чѣмъ кажется человѣку непроходимый дѣвственный лѣсъ, наполненный змѣями и тиграми, если, говорю я, производить по поводу каждаго цвѣтка всѣ эти длинныя церемоніи, то, конечно, придется насѣкомому умереть съ голоду. Слѣдовательно, такъ или иначе, опасно или не опасно подниматься на воздухъ, а бабочки и цвѣтоядныя жуки должны летать, во что бы то ни стало; и они дѣйствительно летали всегда, и не перестали летать на Мадерѣ; и вѣтеръ уносилъ въ море очень многихъ, и, можетъ быть, погубилъ такимъ образомъ цѣлыя породы, но сохраниться могли тутъ не тѣ субъекты, которые мало летали, а напротивъ тѣ, которыя летали больше всѣхъ, и у которыхъ, вслѣдствіе этого, крылья были особенно крѣпки и способны противиться вѣтру. У жуковъ, летающихъ рѣдко и по прихоти, крылья, по всей вѣроятности, всегда были слабѣе, чѣмъ у тѣхъ насѣкомыхъ, которыя летаютъ постоянно и по необходимости. Поэтому для первыхъ было возможно и необходимо отсиживаться отъ вѣтра, а для вторыхъ также возможно и необходимо было бороться съ вѣтромъ и иногда побѣждать его. Поэтому, естественный выборъ, дѣйствуя въ обоихъ случаяхъ посредствомъ того же самаго вѣтра, уничтожилъ крылья первыхъ, и укрѣпилъ крылья вторыхъ.

ХІІ.

ТѢЛОСЛОЖЕНІЕ И ПРИВЫЧКИ.

Животныя, которыхъ мы видимъ каждый день, большею частью такъ хорошо приспособлены устройствомъ своего тѣла къ своему теперешнему образу жизни, что, глядя на нихъ, мы съ трудомъ рѣшаемся допустить то предположеніе, что они приспособились къ этому образу жизни постепенно. Мы видимъ, напримѣръ, что дикая утка постоянно плаваетъ по водѣ, и видимъ, что у нея между пальцами ногъ протянута перепонка, которая помогаетъ ей плавать. Мы видимъ, что летучая мышь

питается насѣкомыми, и видимъ, что между передними и задними оконечностями ея тѣла протянута перепонка, которая даетъ ей возможность летать, и слѣдовательно съ особеннымъ успѣхомъ преслѣдовать крылатую добычу. Мы видимъ, что цапля отыскиваетъ свою пищу въ болотахъ, и видимъ, что у нея ноги высокія, тонкія, сухія и непокрытыя перьями, то есть, какъ разъ приспособленныя къ тому, чтобы шагать по вязкому и илистому грунту. Мы видимъ и всегда видѣли очень много подобныхъ вещей, и существующія приспособленія стали бросаться людямъ въ глаза съ той самой минуты, какъ только люди начали обращать вниманіе на то, что происходитъ вокругъ нихъ, въ мірѣ животныхъ и растений.

Добродушные натуралисты, или вѣрнѣе, натурфилософы старой школы, по свойственной имъ чистотѣ сердца, умилялись надъ этими приспособленіями, и утверждали, что природа, заботливо охраняющая всякую тварь, одарила цаплю длинными ногами, для того, чтобы цапля могла ходить по болотамъ. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, кабы у цапли, да не было бы длинныхъ ногъ? Какъ бы она стала ходить по болотамъ? Пропадать бы пришлось бѣдной цаплѣ. Стремленіе къ болоту есть, а сунуться въ болото нельзя, увязнешь. А природа заботится, ну и одарила: на, мошь, тебѣ, цаплюшка! Живи въ свое удовольствіе. Другіе натуралисты, похитрѣе первыхъ, очень остроумно смѣялись надъ этими соображеніями, и говорили, что все это вздоръ: не ноги даны цаплѣ для того, чтобы ходить по болотамъ, а совсѣмъ напротивъ, цапля отъ того именно и стремится къ болоту, что у нея такъ, а не иначе, устроены и ноги, и желудокъ, и весь складъ тѣла. Будь у нея другой складъ тѣла, ее и не потянуло бы къ болоту, и жила бы она совсѣмъ не по теперешнему, и всѣ привычки были бы у нея совсѣмъ другія, а вы, добродушные натурфилософы, и тогда стали бы восхищаться заботливостью природы, что, мошь, вотъ какъ отмѣнно хорошо пристроена цапля къ надлежащему мѣсту.

Если смотрѣть на тѣхъ и другихъ натуралистовъ, какъ на представителей философской доктрины, то, конечно, между первыми и вторыми можно замѣтить существенное различіе. По мнѣнію первыхъ, выходитъ такъ, что сначала существовало только отвлеченное стремленіе цапли къ болоту, а потомъ къ этому невещественному стремленію придѣлана цапля, то есть, соотвѣтствующій желудокъ, и ноги, и голова, и клювъ, и все, какъ быть должно. Вѣдь если мы отъ имени цапли, должны благодарить природу за удобныя ноги, то мы точно также должны благодарить и за крылья, и за весь скелетъ, и за каждую частицу тѣла, потому что все это подобрано одно къ одному, и все соотвѣтствуетъ стремленіямъ цапли. Ну, стало быть, и выходитъ, что стремленія цапли существовали тогда, когда еще не было ни ногъ, ни головы, ни крыль-

евъ, ни желудка, и вообще ни одной частицы цаплинаго тѣла. Другіе, тѣ, что похитрѣе, осмѣливаются предполагать, что, напротивъ того, цапля начала стремиться къ болоту только тогда, когда она начала существовать, то есть, когда у нея оказались уже и ноги, и крылья, и всё прочіе необходимые атрибуты. Стало быть, съ философской точки зрѣнія разница есть, но за то, какъ естествоиспытатели, обѣ враждующія стороны стоятъ между собою на одномъ уровнѣ, и остроумные хитрецы ничѣмъ не превосходятъ умиляющихся чистосердечниковъ. Хитрецы говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги, и вслѣдствіе этого, цапля... и т. д.»; противники ихъ говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги, для того, чтобы цапля... и т. д.» Значить, и тѣ, и другіе говорятъ: «природа дала», и, стало быть, единственная существенная часть вопроса остается въ сторонѣ. Не было ногъ, и вдругъ явились ноги, а откуда онѣ взялись, и какъ онѣ развивались, и почему онѣ приняли именно эту, а не другую форму — объ этомъ и разговора нѣтъ: кто жъ ихъ знаетъ, какъ, откуда, и почему? Читатель, разумѣется, понимаетъ, что «природа дала» и «кто жъ ихъ знаетъ?» — въ сущности совершенно одно и то же. Понять это не трудно, и почти всё натуралисты понимали это очень давно, но одни считали вопросъ неразрѣшимымъ, а другіе и пробовали разрѣшить его, да только не умѣли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, французскій натуралистъ Ламаркъ построилъ цѣлую теорію, но въ этой теоріи все выходило какъ-то неосознательно и невразумительно: съ одной стороны — цапля, съ другой — болото, съ третьей — упражненіе органовъ, съ четвертой — законъ прогрессивнаго развитія, а со всѣхъ сторонъ оказывается, что у цапли ноги длинныя выросли. Ламаркъ чувствовалъ, что есть связь между цаплею, болотомъ и упражненіемъ органовъ, и что есть тутъ какой-то законъ развитія, но разобрать по ниточкамъ эту связь, и разъяснить обстоятельнѣе дѣйствіе этого закона Ламаркъ былъ не въ силахъ. Во-первыхъ, онъ и по даровитости-то былъ не чета Дарвину, а во-вторыхъ, и время его было еще не то, что теперь. Восемнадцатый вѣкъ, золотой вѣкъ великой философіи, незабвенная заря чистаго человѣческаго самосознанія, вмѣстѣ съ своими громадными достоинствами, имѣлъ свою неисправимую и неизбѣжную философскую слабость: любилъ покойникъ рѣшать всякіе вопросы свысока и вообще, то есть, именно такъ, какъ при изученіи природы невозможно рѣшить ни одного вопроса. Поэтому-то, настоящее господство естествознанія началось именно тогда, когда послѣдній, выродившійся представитель великой философіи, Гегель, сошелъ въ могилу вмѣстѣ съ своею системою.

Послѣ Ламарка, другой французскій натуралистъ, Этьеннь Жоффруа-Сентъ-Илеръ много толковалъ о вліяніи окружающей среды (*le milieu*

ambient), но всё эти разсужденія были только какими-то предчувствіями и гаданіями, такъ что можно было сказать:

Недурень слогъ; писать умѣть;

но съ вещественной стороны теорія оказывалась и неувимомою, и несостоятельною. Непоколебимые скептики, Базаровы самаго высшаго разбора, очень спокойно разрушали всё эти словесныя построенія чрезвычайно простыми вопросами и чрезвычайно законными требованіями. «Покажите, докажите, говорили они, объясните вотъ этотъ случай, разрѣшите такое-то затрудненіе», и при этихъ нехитрыхъ словахъ теоріи немедленно разлетались, какъ дымъ.

Теоретическихъ попытокъ въ такомъ родѣ было довольно много, и всё онѣ кончались неудачно, и этотъ рядъ постоянныхъ неудачъ объясняетъ намъ, почему теорія Дарвина при первомъ своемъ появленіи была встрѣчена довольно недовѣрчиво, и засыпана со всѣхъ сторонъ очень скороспѣлыми возраженіями. Дарвинъ въ первый разъ прочелъ мемуаръ о естественномъ выборѣ въ іюль 1858 года, въ засѣданіи Линнеевскаго Общества (Linnean Society). Основательнѣйшіе скептики, по всей вѣроятности, задумались надъ этимъ мемуаромъ, а Базаровы средней руки тотчасъ бросились впередъ, съ твердымъ намѣреніемъ немедленно растрепать въ куски новую теорію, и уложить ее на мѣстѣ, рядомъ со всѣми ея предшественницами. Но тутъ обнаружилось, что Дарвинъ зиждетъ свою храмину не на пескѣ, а на камени, такъ что никакія ухищренія современныхъ человѣческихъ умовъ поколебать ее не въ состояніи. Издавая свою книгу, или, какъ онъ выражается, свое извлечение, онъ принимаетъ въ отношеніи къ возражателямъ такую оригинальную тактику, какой послѣдніе никогда еще не видывали, и никакъ не могли ожидать. Сначала онъ отвѣчаетъ на возраженіе, а потомъ, покончивши съ нимъ дѣло, говоритъ: «нѣтъ, стойте; вы бы лучше мнѣ вотъ что возразили», и дѣйствительно, собственными своими руками ставитъ себѣ такую запятую, которая будетъ въдесятеро посильнѣе чужаго возраженія; и начинаетъ полегоньку сворачивать это препятствіе въ сторону, и все дѣйствуетъ яснѣйшими доводами; все выдвигаетъ впередъ осязательные факты; посмотришь, и нѣтъ препятствія, и передъ великимъ мыслителемъ опять открывается гладкая дорога. А мыслитель еще при этомъ, въ невинности души своей, на каждой страницѣ сознается, что разсужденія его очень голословны, но что дѣлать нечего, вѣдь это легкое извлечение, стало быть, подождите, господа, пока выйдетъ настоящій трудъ въ полномъ объемѣ. Факты всё собраны, только помѣстить-то ихъ въ книгу покуда еще нельзя. Понятно, что возражатели должны онѣмѣть отъ изумленія, и положить оружіе за долго до

ужаснаго выхода въ свѣтъ того невиданнаго левиафана, который лежитъ теперь въ портфель Дарвина.

Эта оборонительная часть книги «О происхожденіи видовъ» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интереснѣйшихъ подробностей, и составляетъ собою лучшее ручательство за прочность всей теоріи. Передать всю сущность этой части я не могу: журнальная статья должна же имѣть разумные предѣлы, а Дарвинъ излагаетъ свой предметъ такъ коротко, что сокращать его еще больше значило бы предлагать публикѣ совершенно непонятныя, и, слѣдовательно, очень незанимательныя загадки. Поэтому я предупреждаю читателя, что съ этой минуты и вплоть до самаго конца моей статьи я не гонюсь за строгою систематичностью изложенія, и совершенно отказываюсь отъ невозможной задачи представить публикѣ миниатюрный фотографическій снимокъ съ книги Дарвина. Я буду выбирать только то, что особенно занимательно, и что я съумѣю представить, по возможности, подробно, ясно и наглядно. Въ первыхъ десяти главахъ читатель получилъ общее понятіе о теоріи естественнаго выбора; теперь онъ увидитъ приложеніе этой теоріи къ объясненію многихъ отдѣльныхъ и разнообразныхъ явленій; увидитъ онъ нѣсколько эпизодовъ изъ борьбы этой теоріи съ возраженіями и препятствіями; и наконецъ увидитъ оправданіе этой теоріи въ геологій, въ географіи, въ сравнительной анатоміи и въ эмбриологій. Все это будутъ только легкіе и бѣглые очерки, но я постараюсь чтобы легкость и бѣглость нисколько не вредили ясности. А за вѣрность ручается Дарвинъ, и этого, я думаю, достаточно. Ну, и съ Богомъ. Значитъ, такъ и пойдутъ теперь:

«Легкіе и бѣглые очерки», безъ отдѣльныхъ заглавій.

I.

Теорія Дарвина утверждаетъ, что всѣ приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработались по немногу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее—въ летучее, дневное—въ ночное, и такъ далѣе; при чемъ, разумѣется, всѣ эти превращенія могли совершиться и наоборотъ. Спрашивается, какимъ же образомъ могло существовать животное во время переходной эпохи, когда оно не было вполне приспособлено, и когда оно, по своей организаціи, колебалось между двумя комплектами занятій и привычекъ? Какимъ образомъ, на примѣръ, плотоядное сухопутное животное могло сдѣлаться водянымъ?

Этотъ вопросъ поставили противники дарвиновской теоріи, а Дар-

винъ нашель на него отвѣтъ въ явленіяхъ живой природы. Въ Сѣверной Америкѣ существуетъ, напримѣръ, животное *mustela vison*, принадлежащее къ семейству куницъ; пальцы этого *vison* соединены плавательною перепонкою; по своему мѣху, по короткимъ ногамъ, и по формѣ хвоста онъ приближается къ рѣчной выдрѣ (*lutra vulgaris*), которая постоянно питается раками и рыбою. Лѣтомъ визонъ живетъ, какъ выдра, то есть ныряетъ, плаваетъ и преслѣдуетъ рыбу; но такъ какъ въ отечествѣ визона зима продолжается очень долго, то на зиму визонъ по своему образу жизни становится настоящею земною куницею, то есть кормится крысами и другими мелкими земными звѣрьками, не смотря на свою плавательную перепонку, и на свою способность нырять. Когда негдѣ плавать и нырять, тогда по-неволѣ приходится дѣйствовать сухопутными средствами и пробавляться тѣмъ, что попадется. Если визонъ, совершенно приспособленный къ водной жизни, можетъ однако существовать на сушѣ во все время продолжительной сѣверной зимы, то, разумѣется, ничто не мѣшало ему поступать точно такимъ же образомъ, когда онъ былъ менѣе приспособленъ къ плаванію и нырнью. Теперь рыбная ловля составляетъ его любимое и специальное занятіе, и онъ пробавляется этимъ занятіемъ всегда, когда есть возможность плавать и нырять; а прежде, когда приспособленіе только-что начинало выработываться, предки визона смотрѣли на рыбную ловлю, какъ на побочное и чисто-вспомогательное ремесло. Между прежнимъ и теперешнимъ состояніемъ визона можно себѣ вообразить безчисленное множество промежуточныхъ переходныхъ оттѣнковъ, и, какую бы фазу этой переходной эпохи мы ни выбрали для изученія, все-таки намъ никогда не представится такой моментъ, въ которомъ визонъ будетъ оторванъ и отъ земли, и отъ воды, и въ которомъ слѣдовательно существованіе визона сдѣлается невозможнымъ.

Теперешній визонъ, балансирующій между водою и сушею, служить живымъ образчикомъ переходнаго состоянія; стало быть, самый фактъ его существованія составляетъ разительное подтвержденіе той идеи, что переходы возможны. Но если переходы возможны, то это вовсе не значить, что всѣ переходы непременно должны совершаться успѣшно. Очень многіе переходы оканчиваются въ природѣ совершенными неудачами, то есть, полнымъ истребленіемъ того вида животныхъ, который поставленъ въ необходимость сдѣлать какой нибудь переходъ. Но отчего происходятъ тутъ неудачи и истребленіе? Совсѣмъ не отъ того, что переходъ самъ по себѣ невозможенъ, и не отъ того, что животное остается въ висячемъ положеніи между двумя стихіями; а просто отъ того, что обѣ стихіи уже заняты вполнѣ приспособленными конкурентами, то есть, такими животными, которыя сдѣлали переходъ раньше и быстрѣе другихъ. Если бы визона тѣснили съ обѣихъ

сторонѣ, съ воды и съ земли, очень опасные конкуренты, то порода визона навѣрное исчезла бы съ лица земли, и этотъ фактъ исчезновенія вовсе не могъ бы служить доказательствомъ противъ возможности переходовъ. Если я приду въ садъ раньше васъ, да оборву всѣ яблоки, то вамъ конечно ничего не достанется, но вѣдь это не значить, что вы неспособны рвать и ѣсть яблоки, а значить только, что васъ опередили. Такъ и тутъ, въ дѣлѣ между визономъ и его конкурентами. Не свойства воды и земли мѣшаютъ переходу, и не свойства той пищи, которую визонъ долженъ добывать себѣ на водѣ и на землѣ, а количество и качества тѣхъ родственниковъ визона, съ которыми ему приходится вступать въ соперничество. Много ихъ, и сильны они—визонъ погибаетъ; мало ихъ, и слабы они—визонъ торжествуетъ, и переходъ совершается благополучно.

Но та же самая исторія произошла бы и тогда, когда не было бы никакого перехода. Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растениями, во всякую данную минуту ихъ существованія. Чѣмъ больше конкурентовъ, тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ строже естественный выборъ, и тѣмъ быстрѣе исчезаютъ породы, смѣняясь новыми усовершенствованными формами. Всѣ переходы совершаются точно также подъ вліяніемъ того же общаго закона борьбы. Отчего сухопутное животное начинаетъ питаться лягушками или рыбою? Да отъ того, что не достаетъ пищи на сушѣ, то есть, отъ того, что число конкурентовъ несоразмѣрно велико въ сравненіи съ существующимъ количествомъ съѣстнаго матеріала. Ну, и лѣзетъ животное въ воду, и упражняется, а естественный выборъ тотчасъ начинаетъ покровительствовать тѣмъ, которые бойчѣ другихъ распоряжаются въ новой стихіи. Но когда животное ступило въ воду, то вѣдь это не значить, что оно такъ съ разу и отказалось отъ суши. Водяная охота служить только подспорьемъ, и приобрѣтаетъ для животнаго важное самостоятельное значеніе только гораздо позднѣе, по прошествіи многихъ и многихъ поколѣній, воспитанныхъ постояннымъ упражненіемъ, и очищенныхъ непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора.

Отвѣтивъ на возраженіе противниковъ, Дарвинъ, по своему обыкновенію, говоритъ имъ: а вы бы лучше у меня вотъ что спросили: какимъ образомъ четвероногое животное, питающееся насѣкомыми, могло превратиться въ летучую мышъ? Эта штука будетъ гораздо похитрѣе. А между тѣмъ, и тутъ можно отыскать переходныя формы, хотя и не въ самомъ порядкѣ рукокрылыхъ, или летучихъ мышей, но за то, въ семействѣ бѣлокъ, въ которомъ также развито умѣнье летать, или, по крайней мѣрѣ, порхать. Обыкновенная бѣлка обладаетъ только способностью прыгать, и ея широкій, пушистый хвостъ, развиваясь по воздуху, помогаетъ ей во время прыганія. За обыкновенною бѣлкой слѣ-

дуютъ такія породы бѣлокъ, у которыхъ задняя часть тѣла расширена и кожа не совсѣмъ плотно прилегаетъ къ бокамъ. Широкое основаніе хвоста и кожистые мѣшки по бокамъ слегка поддерживаютъ эту бѣлку на воздухѣ, и позволяютъ ей дѣлать болѣе значительныя прыжки, чѣмъ дѣлаетъ простая бѣлка. Это расширеніе хвоста и эта мѣшковатость кожи увеличиваются въ различныхъ бѣличьихъ породахъ съ такою полною постепенностью, что простая бѣлка связывается съ летучею бѣлкою непрерывною цѣпью промежуточныхъ экземпляровъ, которые отличаются другъ отъ друга только самыми незначительными особенностями. Крайнее звѣно этой цѣпи бѣлокъ называется по-русски *летягою*, а латини—*Sciuropterus*—что значить, въ буквальномъ переводѣ, бѣлокрыль или крылатая бѣлка. Эти два названія показываютъ довольно ясно, что это за животное. Его переднія ноги соединены съ задними, и даже съ основаніемъ хвоста, широкою перепонкою, покрытою волосами, и образовавшею посредствомъ постепеннаго отвисанія боковой кожи. Эта перепонка въ минуту прыжка вытягивается, превращается въ парашютъ, и поддерживая бѣлку на воздухѣ, даетъ ей возможность перелетать съ дерева на дерево, на изумительныя разстоянія. Всѣ эти породы бѣлокъ, одаренныя въ различной степени способностью прыгать и порхать, могли сохраниться въ живыхъ до нашего времени, только благодаря тому обстоятельству, что всѣ онѣ живутъ отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара. Если бы мы могли свести всѣ эти породы въ одну страну, то между ними началась бы самая ожесточенная борьба за пропитаніе, и, разумѣется, перевѣсъ остался бы за тѣми, которыя проворнѣе и расторопнѣе другихъ. Летяга, дѣлающая колоссальныя прыжки, по всей вѣроятности, перещеголяла бы всѣхъ своихъ соперниковъ, и, рано или поздно, размножилась бы такъ, что заморила бы ихъ всѣхъ голодною смертію. Кромѣ того, летательный снарядъ доставилъ бы летягѣ еще другія преимущества, которыя также имѣли бы вліяніе на результатъ борьбы. Летяга лучше другихъ бѣлокъ могла бы отдѣлываться отъ преслѣдованій разныхъ хищниковъ, и она меньше другихъ была бы подвержена опасности падать на землю и расшибаться при неудачномъ или плохо рассчитанномъ прыжкѣ. Перепонка ея, дѣйствуя, какъ парашютъ, смягчаетъ всякое паденіе, а для животнаго, которое постоянно лазить и прыгаетъ по деревьямъ, это обстоятельство, конечно, не можетъ считаться маловажнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ можно предположить, что только одна летяга сохранила и размножила бы свою породу, а всѣ остальные породы бѣлокъ исчезли бы съ лица земли, и тогда летяга осталась бы для насъ живою загадкою, къ которой намъ пришлось бы придѣлывать ключъ, посредствомъ разныхъ предположеній, очень неубѣдительныхъ для непреклонныхъ скептиковъ и для завзятыхъ гонителей всякой теоріи.

Такого рода живыя загадки встрѣчаются намъ на каждомъ шагу, и ихъ существованіе вовсе не должно насъ удивлять, потому что мы знаемъ, что уничтоженіе промежуточныхъ степеней составляетъ въ природѣ обыкновенное правило, прямо вытекающее изъ самого принципа естественнаго выбора, а сохраненіе этихъ степеней возможно только въ немногихъ случаяхъ, при исключительныхъ, и слѣдовательно рѣдко встрѣчающихся, обстоятельствахъ. Есть, напримѣръ, одно животное, которое называется шерстокрыломъ (*galeorithescus rufus*); его обыкновенно причисляли къ летучимъ мышамъ. Но въ новѣйшее время нашли, что его слѣдуетъ перевести въ порядокъ четверорукихъ или обезьянъ и въ семейство лемурувъ. Его теперь такъ и называютъ галеопитекомъ или летучимъ лемуромъ, и Дарвинъ также держится этого мнѣнія. Летательная перепонка галеопитека протягивается отъ угла челюсти до хвоста, и охватываетъ собою, какъ переднія, такъ и заднія оконечности; но у галеопитека она покрыта волосами, а у настоящихъ летучихъ мышей она совершенно голая. Кромѣ того—и это гораздо важнѣе перепонка не захватываетъ пальцевъ галеопитека, и эти пальцы, оставаясь свободными на рукахъ и на ногахъ, вооружены когтями; напротивъ того, у летучихъ мышей остаются свободными и вооружаются когтями только пальцы заднихъ оконечностей и большой палецъ переднихъ. Остальные же пальцы переднихъ оконечностей даже совсѣмъ непохожи на настоящіе пальцы, они ничѣмъ не вооружены, — непомерно вытянуты въ длину, и наглухо вдѣланы въ летательную перепонку; по своей фигурѣ и по своему значенію они напоминаютъ тѣ прутики, на которые натягивается матерія зонтика. Когда летучая мышь разставляетъ руки и ноги, и растопыриваетъ свои длинные пальцы, тогда весь летательный снарядъ развертывается, и животное можетъ начать свое воздушное путешествіе. Когда же руки и ноги опущены, и пальцы сложены, тогда летательная перепонка, какъ широкая и длинная мантия, облегчаетъ все тѣло. Что же касается до галеопитека, то его перепонка растягивается безъ содѣйствія пальцевъ, посредствомъ особаго мускула, заключеннаго въ самой перепонкѣ.

Во всемъ семействѣ лемурувъ, кромѣ галеопитека, нѣтъ ни одного животного, которое могло бы хоть кое-какъ поддерживаться на воздухѣ. Переходныхъ степеней не сохранилось никакихъ, но это ровно ничего не доказываетъ. Значитъ, были да сплыли. Во-первыхъ, самъ галеопитекъ, ничто иное, какъ переходная степень между настоящими лемурами и настоящими летучими мышами; это обстоятельство выразилось даже въ томъ недомнѣніи, по которому натуралисты принуждены были перетаскивать его изъ одной категоріи въ другую. А во-вторыхъ, галеопитекъ не живетъ, подобно бѣлкѣ, почти на всемъ пространствѣ земнаго шара; стало быть, живя въ ограниченной области, онъ могъ выработать себѣ летательную

способность до высокой степени совершенства только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ низшія промежуточные степени постоянно уничтожались; въ противномъ случаѣ, т. е., если бы плохіе и посредственные прыгуны не истреблялись вліяніемъ ежеминутной борьбы, тогда отличные прыгуны постоянно совокуплялись бы съ ними, и такимъ образомъ постоянно портили бы свою породу. А если бы порода портилась, то прыгуны никогда не могли бы сдѣлаться летунами.

Требовать отъ теоріи естественнаго выбора, чтобы она во всѣхъ случаяхъ представляла живые образчики переходныхъ инстанцій, значитъ требовать отъ нея самоуничтоженія. Не станете же вы требовать отъ вѣялки, чтобы она оставляла мякину рядомъ съ зернами. Тогда она не будетъ вѣялкой, или будетъ находиться въ бездѣйствіи. А естественный выборъ та же вѣялка: что онъ сохраняетъ—то живетъ и плодится; что онъ выбрасываетъ—то умираетъ; и мякиною оказываются постоянно всякіе промежуточные типы. Вѣдь и бѣлки, образующія непрерывную цѣпь градацій, не могутъ быть названы промежуточными типами; каждая изъ нихъ въ своемъ отечествѣ составляетъ торжествующій, крайній и передовой типъ, который живетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе только потому, что не встрѣчаетъ себѣ болѣе крайнихъ соперниковъ; въ сравненіи съ чужеземцами, этотъ типъ можетъ стоять на очень низкой степени развитія; но это ничего не значитъ; у себя дома онъ впереди всѣхъ, и въ этомъ заключается его сила и причина его существованія. А если онъ ниже чужеземцевъ, то это зависитъ отъ мѣстныхъ условій жизни и отъ силы мѣстной борьбы; естественный выборъ не вездѣ же дѣйствуетъ одинаково; вѣдь и вѣялки бываютъ разныя; одна очищаетъ зерна самымъ строгимъ образомъ, а другая валить пополамъ съ мякиною. Стало быть, переходъ отъ четвероногаго животнаго къ летучей мыши возможенъ, и даже не подлежитъ сомнѣнію, а несуществованіе переходныхъ формъ не только не противорѣчитъ идеямъ теоріи, но даже, напротивъ того, составляетъ прямое слѣдствіе ея основныхъ принциповъ. Впрочемъ, кому угодно думать, что летучая мышь свалилась на землю, подобно аэролиту или подобно крупному граду, тому, разумѣется, никакая теорія препятствовать не можетъ, не смѣть и не должна.

II.

Понятія наши о привычкахъ и нравахъ животныхъ чрезвычайно смутны; изъ какихъ источниковъ почерпаются зоологическія свѣдѣнія, бродяція въ массѣ грамотнаго общества—это даже и вообразить себѣ

мудрено. Какъ ни удивительно такое предположеніе, а все-таки я осмѣлюсь замѣтить, что басни добродушнаго Лафонтена и почтеннаго дѣдушки Крылова оказываютъ очень значительное вліяніе на то понятіе, которое мы составляемъ себѣ о характерѣ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ извѣстныхъ птицъ и звѣрей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда явились у насъ идеи о царственномъ величіи льва и орла, объ умственной неповоротливости медвѣдя, о коварствѣ лисицы, о кротости овцы и о многихъ другихъ курьезахъ животной психологіи. Вглядитесь въ эти идеи, и вы увидите, что въ основаніи ихъ лежитъ Крыловъ, Лафонтенъ, или какой нибудь другой источникъ равносильнаго достоинства. Разумѣется, вы при этомъ зрѣящѣ улыбнетесь, и даже отчасти сконфузитесь; но, вмѣстѣ съ вами, и сильнѣе васъ должны сконфузиться наши просвѣщенные журналисты, которые такъ долго и такъ безтолково удобряли и засѣвали своими издѣліями наши умственные нивы. Они-то, сердечные, чего смотрѣли? Вѣдь о скотахъ безсловесныхъ всегда писать было возможно; вѣдь тутъ даже и обстоятельствами нельзя отговориться. Они, пожалуй, иногда и писали, но никто не знаетъ, для кого они писали, и сами они этого не знаютъ, и, по всей вѣроятности, даже никогда объ этомъ не думали. Русская публика благополучно изучаетъ природу по баснямъ Крылова, и по сборникамъ анекдотовъ о смысленности кошекъ и собакъ, а русскій журналъ (это вы «Отечественныя Записки»!) вдругъ бацъ двѣ статьи о томъ, что французскій профессоръ Мильнъ-Эдвардъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, излагаетъ сравнительную анатомію. Или вдругъ выхватятъ статью изъ «Westminster Review» и подносятъ нашимъ читателямъ. Все равно, молю, сойдетъ: что они, сиволапые, смыслятъ? Человѣку простаго хлѣба хочется, человѣкъ голоденъ, а ему предлагаютъ: не хочешь ли, ангель мой, зельтерской воды съ лимономъ? И «ангелъ мой» морщится, а все-таки сидитъ голодный, потому что откуда же взять? Люди, изучающіе природу путемъ непосредственныхъ наблюденій, разумѣется, не вѣруютъ въ непогрѣшимость такихъ авторитетовъ, какъ Крыловъ, Лафонтенъ, сказаніе о лисѣ Рейнеке, или повѣствованіе Шехерезады; но человѣческій умъ устроенъ до такой степени оригинально, что даже очень дѣльные и знающіе люди часто совершенно невольно и безсознательно подчиняются въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ господству тѣхъ понятій, которыя носятя въ обществѣ, какъ умственные міазмы, и которыя попали туда богъ знаетъ откуда и когда, и укоренились въ немъ богъ знаетъ по какой причинѣ и на какихъ основаніяхъ. Какъ понять, напримѣръ, такое соображеніе Изидора Жоффруа Сентъ-Илера? Онъ говоритъ самымъ догматическимъ тономъ, что *растеніе живетъ; животное живетъ и ощущаетъ, а человѣкъ живетъ, ощущаетъ и мыслитъ*. Выходитъ, стало быть, что животное не мыслитъ; и такую феноменальную нежѣлость говорить

ученый, пользующійся европейскою извѣстностью, и дѣйствительно заслужившій эту извѣстность очень многими добросовѣстными и дѣльными фактическими наблюденіями. Очевидно, Сентъ-Илеръ этотъ не могъ изловить такое открытіе въ своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ; онъ заразился этимъ открытіемъ со стороны, какъ заражаются люди сибирскою язвою, или тифозною горячкою.

У многихъ другихъ натуралистовъ встрѣчаются также очень разнообразныя признаки умственнаго зараженія, иногда довольно легкаго, а иногда совершенно безнадежнаго. Къ числу самыхъ упорныхъ міазматическихъ поврежденій принадлежитъ та повсемѣстно распространенная идея, что животныя рѣшительно неспособны развиваться и совершенствоваться въ умственномъ отношеніи. Всякій разсуждающій человѣкъ, ученый и неученый, скажетъ вамъ, не запинаясь, точно математическую аксіому произносить, что и обезьяны, и собаки, и журавли, и лягушки, и муравьи, и всякая тварь жили пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, точь въ точь такъ, какъ они живутъ сегодня. Если вы спросите: а почему же вы такъ, милостивый государь, думаете?—то «милостивый государь», даже засмѣется: вотъ прекрасно! Почему? Да это ясно, какъ день! Это само собою разумѣется. А по вашему-то какъ же: у нихъ стало быть есть исторія, существуетъ собачья цивилизація, журавлиный прогрессъ, лягушечья революція!

Когда міазматическая идея вооружается насмѣшкою, то удары ея становятся неотразимыми, потому что такая насмѣшка всякому по плечу, и всякому доставляетъ удовольствіе. Всякій понимаетъ соль этой насмѣшки, сочувствуетъ вашему остроумному собесѣднику, и хохочетъ надъ вами, какъ надъ пошлымъ дуракомъ. Если же вы, не боясь насмѣшки, все-таки остаетесь на вашей позиціи, и продолжаете спрашивать: почему? и если вашъ собесѣдникъ, кромѣ остроумія, располагаетъ еще кое-какими знаніями, то онъ выдвинетъ противъ васъ слѣдующіе аргументы, которые изумятъ васъ своею бѣдностью и необѣдительно-стью. Во-первыхъ, египетскіе памятники, во-вторыхъ — Аристотель, въ третьихъ — Плиніи старшій. Это вотъ что значить: на разныхъ египетскихъ памятникахъ вырѣзаны изображенія животныхъ, совершенно сходныхъ съ тѣми породами, которыя существуютъ въ настоящее время. Аристотель, современникъ Александра Македонскаго, написалъ естественную исторію, въ которой говоритъ о внѣшнемъ видѣ многихъ животныхъ, и сообщаетъ кое-что о ихъ образѣ жизни. Плиніи написалъ такое же сочиненіе, только гораздо похуже, въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. И это все. И на этомъ фундаментѣ покоится наше твердое убѣжденіе о неподвижности умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ.

Но вѣдь что же это, въ самомъ дѣлѣ, такое? На памятникахъ не

могутъ же быть изображены всѣ животныя земнаго шара, и памятники не могутъ дать намъ ни малѣйшаго понятія ни объ образѣ жизни изображенныхъ животныхъ, ни объ ихъ умственномъ развитіи. Это разъ. А второе то, что на памятникахъ представлены также люди, и нѣкоторыя изъ этихъ человѣческихъ фигуръ совершенно похожи на теперешнихъ негровъ, а другія—на евреевъ. Надо, стало быть, выводить заключеніе, и что люди остаются неподвижными. Положимъ однако, что мы достоверно знаемъ, какимъ образомъ извѣстное племя негровъ жило во времена какого нибудь египетскаго царя Менеса или Мерида; положимъ, что оно живетъ теперь совершенно такъ, какъ жило тогда. Красиво-ли будетъ, если мы выведемъ заключеніе, что обычаи человѣчества не измѣняются? А если некрасиво, и если нельзя заключать отъ части къ цѣлому, то есть, отъ одной расы къ цѣлому виду или роду, то на какомъ же основаніи мы кладемъ этотъ логическій законъ подъ столъ, когда заходить рѣчь о мірѣ животныхъ, который однако неизмѣримо обширнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ человѣчество.

Значить, памятники въ сторону. Аристотель и Плиній на первый взглядъ могутъ показаться посущественнѣе памятниковъ, потому что ихъ сочиненія охватываютъ большое количество животныхъ формъ, и сообщаютъ кое-какія свѣденія о нравахъ и объ умственныхъ способностяхъ. Но, какъ только мы посмотримъ на дѣло чуть-чуть повнимательнѣе, мы тотчасъ убѣдимся въ полной несостоятельности обоихъ мудрецовъ классической древности. Новѣйшіе писатели, напримѣръ, Александръ Гумбольдтъ въ «Космосѣ», и уже знакомый намъ Изидоръ во введеніи къ своей «общей биологіи» (*Histoire naturelle générale des règnes organiques*) хвалятъ Аристотеля за то, что онъ не вѣритъ тѣмъ баснословнымъ рассказамъ о природѣ, которые въ его время были въ ходу между его легкомысленными земляками. Эти похвалы губительнѣе всякаго порицанія. Если приходится говорить человѣку большое спасибо за то, что онъ отвергаетъ существованіе сиренъ, фениксовъ или пигмеевъ, то какъ же требовать или ожидать отъ этого же самаго человѣка такихъ тщательныхъ и усидчивыхъ наблюдений, которыя могли бы послужить надежнымъ матеріаломъ для исторіи умственныхъ отпращиваній животнаго царства? О Плиніѣ и говорить нечего, потому что его даже и за то нельзя похвалить, за что хвалятъ Аристотеля. Теперешніе натуралисты проводятъ по цѣлымъ часамъ надъ какимъ нибудь муравейникомъ, и повторяютъ такіе сеансы каждый божій день, въ теченіи многихъ и очень многихъ лѣтнихъ сезоновъ, и все-таки, при этомъ страшномъ напряженіи вниманія, считаютъ себя школьниками въ дѣлѣ изученія природы и сознаются въ томъ, что психологическіе вопросы животнаго царства до сихъ поръ даже не могутъ быть поставлены надлежащимъ образомъ. Во времена Аристотеля задача была такъ же громадна и запутана, какъ и теперь,

а между тѣмъ великій Аристотель никогда не углублялся въ изученіе муравейниковъ; онъ писалъ и о политикѣ, и о логикѣ, и о риторикѣ, и между прочимъ, о естественной исторіи; онъ воспитывалъ Александра Македонскаго, и онъ же основалъ цѣлую громадную философскую школу перипатетиковъ. Положимъ, что онъ очень великъ; его величіе пускай при немъ и остается на вѣчныя времена; но если мы вздумаемъ обращаться къ такому всеобъемлющему гению за свѣдѣніями о правахъ мелкой твари, то наша довѣрчивость приведетъ насъ къ очень неутѣшительнымъ результатамъ. Недурно также припомнить, что Америка и Австралія были совершенно неизвѣстны Аристотелю, а Индія, Китай, Сибирь, почти вся Африка и весь сѣверъ Европы были извѣстны только по нелѣпѣйшимъ сказкамъ. Каковы были пробѣлы въ зоологическихъ свѣдѣніяхъ классической древности, это достаточно видно изъ того факта, что ни греки, ни римляне не знали ни одного вида высшихъ обезьянъ, ни орангъ-утанга, ни гиббона, ни шимпанзе, ни гориллы. Наконецъ, надо же взять въ толкъ разъ навсегда, что какихъ нибудь пять тысячъ лѣтъ ровно ничего не значать въ томъ неизмѣримомъ океанѣ тысячелѣтій, который отдѣляетъ нашу эпоху отъ зарожденія органической жизни на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, что вы разстались на мѣсяць съ любимою женщиною; вы изучили всѣ черты ея лица, вы замѣтили бы въ немъ малѣйшую перемѣну, а между тѣмъ, вы возвращаетесь черезъ мѣсяць, всматриваетесь, и не замѣчаете ровно ничего. Попробуйте утверждать на этомъ основаніи, что время не измѣняетъ человѣка. А въ жизни органической природы пять тысячъ лѣтъ навѣрное значать меньше, чѣмъ одинъ мѣсяць въ жизни человѣка. Стало быть, историческія свидѣтельства, по очень многимъ причинамъ, не могутъ дать намъ никакихъ матеріаловъ для рѣшенія вопроса о движеніи умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ. Геологія также молчитъ, потому что никакой скелетъ не можетъ намъ рассказать, какъ жилъ и мыслилъ его обладатель. Гдѣ же искать отвѣта? Да все тамъ же, въ осмысленномъ наблюденіи живой природы. Живая природа, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, даетъ намъ очень много указаній на тотъ процессъ развитія, посредствомъ котораго она возвысилась до своего теперешняго положенія. Надо только смотрѣть и понимать.

III.

Утѣшимъ въ первый и послѣдній разъ обожателей Аристотеля и научнаго благонавія; откажемся отъ дарвиновскаго лукавства; допустимъ, что лягушечій прогрессъ и собачья цивилизація не существуютъ и не

могутъ существовать. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Если переходы отъ одного рода привычекъ къ другому совершенно невозможны въ царствѣ животныхъ, если необозримый рядъ предковъ каждаго животного жилъ всегда точь въ точь такъ, какъ въ настоящее время живеть ихъ потомокъ, то это значить, что извѣстный комплектъ привычекъ связанъ на вѣчныя времена роковыми и необходимыми узами съ извѣстнымъ устройствомъ организма. Утѣшать, такъ утѣшать! Положимъ, что и устройство организма неизмѣнно и непоколебимо. Если существуетъ неразрушимая связь между устройствомъ организма и всѣми привычками, то, разумѣется, всѣ животныя одного вида должны имѣть совершенно одинаковыя привычки, отъ которыхъ они не могутъ отклоняться ни на волосъ, ни подъ какимъ видомъ, и ни при какихъ условіяхъ. Если вы только допустите, что животное, въ минуту сильнаго голода, можетъ взять въ ротъ кусокъ такой пищи, которую не ѣли его отцы, дѣды и прадѣды, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ будетъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Если гнетъ сильной необходимости можетъ произвести въ привычкахъ малѣйшее уклоненіе, то рѣшительно никто не можетъ поручиться, что этотъ гнетъ не дѣйствовалъ на каждое поколѣніе, и что изъ множества мелкихъ уклоненій не составилось, въ концѣ концовъ, совершенное превращеніе. Стало быть, для поддержанія любезнаго принципа, надо твердо стоять на томъ, что всѣ теперешнія ласточки одного вида живутъ, какъ одна ласточка, всѣ медвѣди—какъ одинъ медвѣдь, всѣ лягушки—какъ одна лягушка, и такъ далѣе, распространяя это правило: «всѣ, какъ одинъ» на всѣ отдѣльныя виды безсловесной твари. Хорошо, будемъ стоять. Кромѣ того, животныя, близкія другъ къ другу по тѣлосложенію, должны имѣть сходныя привычки. Это условіе такъ же необходимо для поддержанія принципа, который весь держится на томъ основномъ положеніи, что привычки составляютъ роковой и неизмѣнный результатъ организаціи. А если организація составляетъ единственную причину привычекъ, то невозможно допустить чтобы сходныя причины привели за собою несходныя слѣдствія. Стало быть, мы получили два закона:

I. Всѣ животныя одного вида живутъ, какъ одно животное.

II. Сходныя виды имѣютъ сходныя привычки.

Изъ этихъ двухъ законовъ не можетъ быть ни одного исключенія, и если такое исключеніе встрѣтится, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ окажется мифомъ. Посмотримъ теперь на живую природу. Она одна можетъ рѣшить споръ между научнымъ благонаравіемъ и дарвиновскимъ лукавствомъ. Если не найдется исключенія, то мы навсегда откажемся отъ собачьяго прогресса. Въ противномъ случаѣ, великій принципъ принужденъ будетъ сложить оружіе, и признать себя нелѣпостью.

Долго разсуждать тутъ нечего. Исключеній пропасть, и оба основные закона трещать по всѣмъ направленіямъ.

Животныя всевозможныхъ породъ на каждомъ шагѣ позволяютъ себѣ такія выходки, которыя очень рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ и постоянныхъ привычекъ цѣлаго вида. Одинъ разъ наблюдателю удастся подмѣтить такую выходку, но придется ли ему во второй разъ сдѣлать то же наблюденіе, этого никакъ нельзя сказать заранее, потому что выходка эта, можетъ быть, совсѣмъ не повторится по простествіи значительнаго промежутка времени, а можетъ быть, повторится тотчасъ же, или на другой день. Все зависитъ отъ того, какъ сложатся для животнаго разныя мелкія обстоятельства его всендневной жизни. Напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ, натуралистъ Гиртъ видѣлъ, какъ черный медвѣдь плавалъ по рѣкѣ съ разинутую пастью, и глоталъ водяныхъ насѣкомыхъ. Это упражненіе продолжалось нѣсколько часовъ, но какой же благоразумный человѣкъ рѣшится утверждать, что такія занятія свойственны медвѣдью, что они находятся въ строгой зависимости отъ его организаци, и что всѣ предки этого, оригинала всегда занимались подобными промыслами. Китъ постоянно поступаетъ такимъ образомъ, и киту очень удобно это дѣлать: у него пасть усажена роговыми пластинками, въ которыхъ насѣкомыя и всякая мелюзга задерживаются для сѣденья; а въ верхней части головы у него продѣланы отверстія, черезъ которыя онъ выбрасываетъ воду, набранную въ ротъ вмѣстѣ съ мелкими животными. Не мѣшаетъ также замѣтить, что китъ, во время такой охоты, чувствуетъ себя совершенно дома, между тѣмъ, какъ медвѣдью приходится въ этомъ случаѣ отправляться въ чужую стихію за очень мелкою и неудобною добычею. Можно себѣ представить, сколько онъ во время этого занятія проглотилъ воды безъ всякой надобности, и безъ малѣйшаго желанія; сколько разъ вода захлестывала ему ноздри, и сколько разъ пойманныя насѣкомыя ускользали изъ его пасти, въ то время, когда онъ фыркалъ и отплеивался. Повторить ли онъ свое плаваніе, это, конечно, зависитъ отъ того, понравилась ли ему первая попытка; но, если животное можетъ дѣлать попытки, и, въ случаѣ удачи, повторять ихъ, то куда же, послѣ этого, укроется принципъ неизмѣнныхъ привычекъ? Разныя птицы очень часто дѣлаютъ то, что несвойственно ихъ породѣ, и что совершенно свойственно какой нибудь другой породѣ, вовсе на нихъ непохожей. Мухоловка (*Muscicapa*) обыкновенно прыгаетъ по деревьямъ, и питается насѣкомыми; но Дарвинъ видѣлъ не разъ, какъ одна изъ птицъ этого рода, *Saurorhagus sulphuratus*, подобно коршуну, держалась въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, съ распростертыми крыльями, потомъ дѣлала быстрый поворотъ, и вслѣдъ за тѣмъ останавливалась такимъ же образомъ надъ другою точкою. Коршуну, какъ хищнику, очень удобно

такимъ образомъ высматривать себѣ съ высоты добычу, состоящую изъ птицъ и мелкихъ звѣрьковъ; но для мухоловки, питающейся насѣкомыми, такой способъ вовсе не можетъ быть полезенъ; стало быть, тѣ субъекты, за которыми Дарвинъ подмѣтилъ эту замашку, руководствовались какими нибудь особенными соображеніями, неимѣющими тѣсной связи съ обыкновенными потребностями и привычками всей породы. Дарвину случалось также видѣть, что *Saugrophagus sulphuratus* стоитъ надъ водою, караулить мелкую рыбу, и потомъ вдругъ кидается на нее, выбравъ удобную минуту; а между тѣмъ мухоловка нисколько не приспособлена къ водяной охотѣ. Стало быть, она сама себя приспособляетъ; а принципъ опять таки страдаетъ, по случаю ея нескромности. Синица (*Parus major*) также позволяетъ себѣ разныя непослѣдовательности; обыкновенно она прыгаетъ по вѣткамъ деревьевъ, и питается ягодами, зернами и насѣкомыми; но иногда она лазить, какъ пищуха; иногда она своимъ клювомъ бьетъ мелкихъ птичекъ по головѣ до смерти, и вполне подражаетъ въ этомъ отношеніи хищному сорокопугу (*Lanius*), который однако вовсе не похожъ на нее, и принадлежитъ даже къ совершенно другому семейству. Иногда, та же самая незаконная синица разбиваетъ мелкіе орѣхи, ударяя ихъ по нѣскольکو разъ объ дерево, и въ этомъ случаѣ она беретъ примѣръ съ орѣховки (*Nucifraga*), которая также принадлежитъ къ другому семейству.

Принципъ, принципъ! Каково ты себя, другъ мой, чувствуешь? Но это еще все цвѣточки, а настоящія-то ягоды заключаются въ томъ фактѣ, что цѣлыя породы, находящіяся между собою въ самомъ близкомъ родствѣ, и очень похожія другъ на друга по складу тѣла, имѣютъ такія *постоянныя* привычки, въ которыхъ самый усердный обожатель принципа не усмотритъ даже ни малѣйшаго сходства. Дятель (*Picus*), всѣмъ устройствомъ своего тѣла, превосходно приспособленъ къ тому, чтобы лазить по деревьямъ, выстукивать насѣкомыхъ изъ-подъ коры ударами клюва, и ловить ихъ языкомъ въ узкихъ трещинахъ и углубленіяхъ. Вотъ какъ описываетъ его учебникъ зоологій: «Клювъ прямой, коническій; языкъ длинный, заостренный, роговой, прикрѣпленный къ подвижнымъ язычнымъ костямъ, можетъ съ быстротой выдвигаться изо рта. Хвостъ съ жесткими перьями, служащими опорой при лазеніи.» Къ этому описанію можно прибавить, что и нога этой птицы, по устройству пальцевъ и когтей, превосходно принаровлена къ обыкновеннымъ привычкамъ огромнаго большинства дятловъ, которые, дѣйствительно, постоянно карабкаются по стволамъ и толстымъ сучьямъ деревьевъ, стучать въ нихъ клювомъ, и вылизываютъ изъ нихъ разныхъ насѣкомыхъ. Но и между дятлами встрѣчаются неблагодарные вольнодумцы, для которыхъ всѣ эти милости заботливой природы остаются мертвымъ капиталомъ. Въ Сѣверной Америкѣ одна порода дятловъ питается пре-

имуущественно плодами, а другая, одаренная длинными крыльями, летаетъ вслѣдъ за насѣкомыми и ловить ихъ на воздухѣ, вмѣсто того, чтобы выстукивать ихъ изъ подъ древесной коры.

Ага! скажетъ защитникъ принципа, длинныя крылья! Оттого-то они и летаютъ за насѣкомыми, что у нихъ длинныя крылья. На это восклицаніе можно отвѣтить, что защитникъ принципа, какъ утопающій, хватается за соломинку, которая такъ и останется у него въ рукахъ. Во первыхъ, длинныя крылья вовсе не мѣшаютъ этимъ дятламъ карабкаться по деревьямъ; а во-вторыхъ, крылья обыкновенныхъ дятловъ вовсе не коротки и не слабы, такъ что обыкновенный дятелъ очень легко и удобно могъ бы ловить насѣкомыхъ на лету, если бы того требовали мѣстныя обстоятельства. А почему именно крылья длиннѣе у того дятла, который больше другихъ летаетъ, на этотъ вопросъ теорія лукаваго Дарвина даетъ, кажется, совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Она произноситъ въ этомъ случаѣ только двѣ пары словъ: «упражненіе органовъ» и «естественный выборъ.» Читатель долженъ понимать, что этого вполне достаточно.

Дятелъ *Colaptes*, живущій въ Мексикѣ, и описанный Соссюромъ, самымъ необыкновеннымъ образомъ извращаетъ свои естественныя дарованія. Онъ выдалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ углубленія въ стволахъ очень твердыхъ деревьевъ, и складываетъ въ эти углубленія запасы зеренъ, обезпечивающіе его продовольствіе. *Colaptes*—дятелъ, и нашъ европейскій *Picus*—также дятелъ; у одного крѣпкій клювъ, и у другого также крѣпкій клювъ. Спрашивается, почему же одинъ — устроиваетъ себѣ амбары, а другой — выстукиваетъ насѣкомыхъ? Отвѣчать не трудно, но только отвѣтъ будетъ губителенъ для принципа неизмѣнныхъ привычекъ. Александръ Гумбольдтъ былъ человѣкъ, и Наполеонъ I былъ также человѣкъ. У одного былъ здоровый мозгъ, и у другого былъ также здоровый мозгъ. Почему же одинъ написалъ «Космосъ», а другой соорудилъ 18-ое брюмера, разстрѣлялъ герцога Англенскаго, выигралъ нѣсколько десятковъ сраженій, очень упорно преслѣдовалъ идеологию, и наконецъ, какъ малолѣтній ребенокъ, отдался въ руки сначала негодяю Фуше, а потомъ англійской олигархіи? Не потому ли, что обстоятельства были не одинаковы? Вліянія, дѣйствовавшія на этихъ двухъ людей, окружавшія ихъ съ самой минуты рожденія и направлявшія каждый ихъ шагъ и каждую ихъ мысль въ ту или въ другую сторону, были различны, и отъ того выработались два различные характера, а въ общемъ выводѣ получились уже совершенно несходные результаты. На молодого Бонапарте и на молодого Гумбольдта дѣйствовали идеи вѣка, политическія событія, отношеніе этихъ событій къ ихъ отечеству, семейныя обстоятельства, денежное положеніе того и другого,—словомъ, огромная масса такихъ условій, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ внут-

реннимъ строеніемъ ихъ мозга и всего ихъ организма. Если бы какойнибудь великій анатомъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ мозгъ покойнаго Гумбольдта и покойнаго Наполеона, и если бы оказалось, что всѣ, химическій составъ, устройство всѣхъ извилинъ, величина всѣхъ внутреннихъ желудочковъ, словомъ всѣ мельчайшія особенности совершенно сходны въ обоихъ мозгахъ, то я не думаю, чтобы какойнибудь здравомыслящій человѣкъ нашелъ это обстоятельство особенно удивительнымъ, не смотря на то, что эти двѣ даровитыя личности занимались въ жизни совершенно различными предметами. Было бы даже гораздо удивительнѣе, если бы мозгъ Мюрата былъ въ такой же значительной степени похожъ на мозгъ Наполеона или если бы въ черепѣ профессора Креозотова заключался совершенно такой мозгъ, какимъ обладалъ Александръ Гумбольдтъ. А между тѣмъ Мюратъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ почти всѣ его компаніи, и даже считался въ свое время великимъ кавалерійскимъ генераломъ. А Креозотовъ, подобно Гумбольдту, постоянно предавался ученымъ занятіямъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Передъ вами лежатъ на столѣ двѣ бритвы; одна настоящая англійская, другая—чисто отечественная, и при томъ изъ самыхъ плохихъ. Какъ тою, такъ и другою бритвою вы можете сдѣлать множество разнообразнѣйшихъ эволюцій: выбрать себѣ бороду, или перерѣзать себѣ горло, или срѣзать себѣ мозоль, или разрѣзать лимонъ, или очинить карандашъ. И все это можетъ быть произведено обѣими бритвами, почти съ одинаковымъ успѣхомъ, потому что трудно себѣ вообразить такую дрянную бритву, которая съ перваго же разу оказалась бы несостоятельною. Если вашъ родственникъ хватить себя по горлу вашею англійскою бритвою, а вы будете употреблять свою русскую бритву какимънибудь другимъ, менѣе кровопролитнымъ образомъ, то я не думаю, чтобы изъ этихъ двухъ фактовъ можно было вывести хоть малѣйшія заключенія о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ инструментовъ. Оба эти факта зависятъ отъ той обстановки, въ которой находились обѣ бритвы, и отдѣльные элементы этой обстановки не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ качествами русской и англійской стали, или русской и англійской фабрикаціи бритвъ. Но, разумѣется, никакая обстановка не можетъ приравнить бритву къ такому употребленію, которое совершенно несовмѣстно съ ея фигурою, или съ свойствами ея матеріала. Если вамъ понадобится написать письмо, вы никакъ не напишите его бритвою. Хоть бы вамъ до-зарѣзу необходимы были сапоги, вы ни за какія блага не ухитритесь надѣть бритву на ногу. Вы можете умирать съ голоду въ комнатѣ, переполненной бритвами, и все-таки вамъ не удастся разжевать, проглотить и переварить хоть одну бритву. То же самое можно сказать о Наполеонѣ и о Гумбольдтѣ. Если бы Наполеонъ захотѣлъ снести яйцо, то, по всей вѣроятности,

вся его гениальность не доставила бы ему желаннаго успѣха. Простая курица перещеголяла бы въ этомъ отношеніи великаго завоевателя. А Гумбольдту легче было бы написать другую книгу, подобную Космосу, чѣмъ собственными средствами своего организма выработать одинъ квадратный вершокъ паутины, или одинъ золотникъ воска. Глубѣйшій изъ науковъ и лѣнивѣйшая изъ рабочихъ пчель превзошли бы въ этихъ дѣлахъ одного изъ даровитѣйшихъ работниковъ нашего столѣтія.

Между простымъ и безжизненнымъ орудіемъ, подобнымъ бритвѣ, и тѣмъ удивительно-сложнымъ органомъ, который называется человѣческимъ мозгомъ, лежитъ громадное разстояніе. Можно сказать, что вся природа помѣщается въ этомъ промежуткѣ. Однако, не смотря на эту громадность разстоянія, можно замѣтить, по крайней мѣрѣ одну общую черту въ дѣятельности бритвы и въ дѣятельности мозга. Именно, результатъ дѣятельности въ обоихъ случаяхъ не зависитъ вполне и исключительно отъ собственныхъ качествъ бритвы и мозга. Результатъ этотъ складывается изъ двухъ элементовъ; изъ качествъ самого орудія и изъ качествъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, съ которыми данное орудіе соприкасается во время своей дѣятельности. Каждый кусокъ неодушевленной матеріи подчиняется этому общему закону наравнѣ съ организмомъ человѣка. Организмъ животнаго ближе къ организму человѣка, чѣмъ кусокъ неорганическаго вещества, а между тѣмъ защитники неизмѣнныхъ привычекъ ухитрились выдумать, что весь міръ животныхъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Они думаютъ, что если ужъ дятлу даны способности лазить и долбить, то онъ такъ и будетъ поступать всегда и вездѣ, хотя бы онъ даже попалъ въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ деревьевъ и гдѣ очень мало насѣкомыхъ. Борются съ такими идеями даже какъ-то неловко и совѣстно, и я прошу читателя извинить мое длинное отступленіе отъ настоящаго дѣла. Мнѣ хотѣлось только показать, какимъ образомъ многія изъ нашихъ обиходныхъ понятій рѣшительно противорѣчатъ не только осязательнымъ фактамъ живой природы, но даже основнымъ законамъ здороваго человѣческаго мышленія. Если въ нелѣпостяхъ могутъ быть какія нибудь градаціи, то надо будетъ сознаться, что идея о неизмѣнности животныхъ привычекъ составляетъ болѣе значительную и несообразную нелѣпность, чѣмъ извѣстная русская теорія о трехъ китахъ, поддерживающихъ нашу планету.

Когда мы всматриваемся въ дѣло, тогда мы ясно видимъ, гдѣ смыслъ и гдѣ бессмыслица. Но въ томъ-то и горе наше великое, что намъ очень рѣдко приходится всматриваться въ наши идеи, и выбивать приѣмами строгой критики ту пыль и моль, которая завелась въ нашей умственной рухляди и перепортила все естественное богатство нашего превосходнаго кавказскаго мозга. Мозгъ-то хорошъ, да драни въ

немъ много. Чтобы покончить исторію о дятляхъ, я сообщу читателю, что въ безлѣсныхъ равнинахъ Ла-Платы живетъ дятель *Colaptes campestris*, который никогда не взлѣзаетъ на деревья, по той простой причинѣ, что не на что взлѣзать. Клювъ его не такъ твердъ и прямъ, какъ у простаго дятла, во-первыхъ, по недостатку упражненія, а во-вторыхъ, потому, что естественный выборъ пересталъ поддерживать спеціальныя качества этого орудія. Въ безлѣсной странѣ, гдѣ нечего долбить, дятлу бесполезенъ твердый и прямой клювъ, и поэтому строгость естественнаго выбора въ этомъ отношеніи ослабѣла.

Здѣсь мы можемъ проститься съ неизмѣнными привычками и съ ихъ остроумными защитниками, опирающимися на египетскіе памятники и на сочиненія классическихъ мудрецовъ. Возиться съ ними очень скучно, и я увѣренъ, что они уже давно опротивѣли моему возлюбленному читателю, свободному отъ всякихъ предразсудковъ, или, по крайней мѣрѣ, искренно-желающему отъ нихъ свободиться. Чтобы окончательно сразить противниковъ Дарвина, достаточно произнести одно слово, указывающее на цѣлый, длинный рядъ неопровержимыхъ фактовъ. Это слово: *акклиматизація* животныхъ. Объ ней я однако распространяться не буду.

IV.

Привычки животныхъ измѣняются вмѣстѣ съ условіями жизни, а для того, чтобы условія жизни измѣнились, вовсе не нужно накликалъ на землю какія нибудь ужасы, въ родѣ наводненія или землетрясенія. Если порода благоденствуетъ и размножается, то самая эта безмятежность, самое это довольство, рано или поздно, приведутъ за собою перемѣну; порода размножится такъ, что явится несоразмѣрность между количествомъ пищи и числомъ потребителей; многимъ субъектамъ придется искать новой пищи и приспособляться къ новымъ промысламъ; вотъ вамъ и перемѣна. Пока искатели новой пищи не выработаютъ себѣ новыхъ приспособленій, до тѣхъ поръ мы будемъ замѣчать разладъ между тѣлосложеніемъ животнаго и его образомъ жизни. Разладъ этотъ во всякомъ случаѣ будетъ продолжаться очень долго, потому что всѣ видоизмѣненія совершаются въ органическомъ мірѣ чрезвычайно медленно и незамѣтно. А большая или меньшая продолжительность этого разлада будетъ зависѣть отъ большей или меньшей гибкости даннаго организма, отъ большей или меньшей напряженности борьбы и отъ большей или меньшей строгости естественнаго выбора. Т. е. здѣсь, какъ и

вездѣ, результатъ будетъ обусловливаться свойствами субъекта и особенностями всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ.

Если это разсужденіе вѣрно, то оно должно оправдываться фактами дѣйствительной жизни. Если оно вѣрно, то есть основаніе думать, что нѣкоторыя породы животныхъ въ настоящую минуту должны представлять живой образчикъ такого разлада между устройствомъ тѣла и свойствами привычекъ. Слѣдовательно, если мы найдемъ, что такія породы дѣйствительно существуютъ, то мы будемъ имѣть полное основаніе сказать, что разсужденіе было построено вѣрно. — Дятлы, летающіе за насѣкомыми, питающіеся плодами и живущіе въ совершенно безлѣсныхъ равнинахъ, показываютъ уже довольно замѣтный разладъ между тѣлосложениемъ и привычками. Но есть и другіе примѣры, гораздо болѣе поразительные. Буревѣстники проводятъ большую часть своей жизни на лету, между небомъ и моремъ, вдали отъ береговъ. У всего этого семейства птицъ крылья превосходно развиты. Между тѣмъ, въ тихомъ проливѣ Огненной Земли живетъ буревѣстникъ *Puffinuria Bergardi*, который превосходно плаваетъ и ныряетъ, но чрезвычайно рѣдко, и по видимому, неохотно поднимается на воздухъ. По привычкамъ своимъ, онъ очень похожъ на пингвина или на чистика, т. е. на такихъ птицъ, которыя совершенно лишены способности летать, и употребляютъ свои крылья на водѣ вмѣсто веселъ, а на сушѣ вмѣсто переднихъ ногъ. Особенности его образа жизни произвели уже довольно значительныя измѣненія въ устройствѣ его тѣла, но въ немъ еще легко узнать типъ настоящаго буревѣстника. Оляпка (*Cinclus aquaticus*) постоянно добываетъ себѣ пищу подъ водою, ныряетъ, цѣпляется ногами за камни, и бѣгаетъ по дну рѣки, разгребая воду крыльями. Между тѣмъ, оляпка принадлежитъ къ земному семейству дроздовъ, и, рассматривая ея трупъ, самый опытный наблюдатель не отыщетъ въ немъ ни малѣйшаго намека на ея своеобразныя привычки. Стало бытъ, разладъ существуетъ во всей своей силѣ. У гусей перепонка между пальцами приспособлена для плаванія, и мы, разумѣется, привыкли считать гуся совершенно водяною птицею; а между тѣмъ есть нѣсколько породъ дикихъ гусей, которыя, сохраняя перепонку, никогда не входятъ въ воду. Фрегатъ (*Tachypterus aquila*) постоянно летаетъ надъ моремъ, удаляется отъ береговъ на огромныя разстоянія и, не смотря на то, почти никогда не опускается на воду. Изъ всѣхъ натуралистовъ, только одинъ Одюбонъ видѣлъ, что фрегатъ опустился на воду, а между тѣмъ у фрегата четыре пальца соединены перепонкою. Но въ этой перепонкѣ, которая отлично годится для плаванія, есть глубокая выемка, указывающая на то, что нога фрегата начала измѣняться, сообразно съ его образомъ жизни. У гагары и у лысухъ пальцы только оторочены перепонкою, хотя эти пальцы постоянно держатся на водѣ. Опять разладъ и противорѣчіе. Длинные

ноги голенастыхъ птицъ такъ отлично принаровлены къ путешествіямъ по болоту, что ничего лучше желать не остается и требовать нельзя; между тѣмъ, съ одной стороны, водяная курочка, принадлежащая къ этому порядку, постоянно плаваетъ по водѣ, вмѣсто того, чтобы бродить по вязкому берегу; а съ другой стороны, коростель, принадлежащій къ одному семейству съ водяною курочкою, и даже поставленный съ нею рядомъ въ учебникѣ зоологіи, также презираетъ болото, и держится обыкновенно въ хлѣбныхъ посѣвахъ и въ высокой травѣ, вмѣстѣ съ перепелками и куропатками.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы видимъ, что организація животнаго вовсе не связана на-глухо именно съ однимъ, тѣсно опредѣленнымъ образомъ жизни. Конечно, организація ставитъ нѣкоторыя границы для дѣятельности животныхъ, но эти границы оставляютъ животному очень широкій просторъ, и со временемъ могутъ быть раздвинуты еще шире, если представится настоящая необходимость и если окружающія обстоятельства дадутъ на то малѣйшую возможность. Разумѣется, рыба не можетъ построить себѣ гнѣзда на деревѣ; воробей не можетъ вырыть въ землѣ тѣ норы и галлерей, которыя сооружаетъ кротъ; тигръ не можетъ питаться травою, какъ баранъ; а страусъ не можетъ гоняться за голубями, какъ ястребъ. Между рыбою и птицею, между воробьемъ и кротомъ, между тигромъ и бараномъ, между страусомъ и ястребомъ существуютъ очень глубокія различія въ организаціи; однако, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы между этими очень различными организаціями лежала непроходимая бездна, чрезъ которую природа, то есть постоянное дѣйствіе разнородныхъ и очень сложныхъ обстоятельствъ, не была бы въ состояніи проложить узкую тропинку или широкую дорогу. Въ природѣ возможны самыя полныя превращенія и самыя удивительныя переходы, но только эти превращенія и переходы никогда и ни подъ какимъ видомъ не могутъ совершиться круто и внезапно. Вся исторія органической жизни состоитъ въ томъ, что различныя формы животныхъ и растений постоянно обособлялись, и съ каждымъ тысячелѣтіемъ, дробясь на новыя разновидности, все сильнѣе и рѣзче удалялись другъ отъ друга; вслѣдствіе этого, въ настоящую минуту различныя отдѣлы, классы и порядки животнаго царства гораздо дальше отстоятъ другъ отъ друга и гораздо глубже и явственнѣе разграничены между собою, чѣмъ это было въ прошедшія геологическія эпохи. Однако, не смотря на эти глубокія границы, не смотря на то, что всякія промежуточныя формы постоянно вытѣсняются крайними представителями отдѣловъ, классовъ и порядковъ, мы и теперь можемъ указать на тѣ пути, по которымъ могли бы совершиться самыя далекіе и неожиданные переходы; во многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся даже съ живыми формами, которыя, какъ верстовые столбы, стоятъ по срединѣ этихъ путей, и ясно говорятъ

намъ, самымъ фактомъ своего существованія, что было время, когда эти заброшенные пути были бойкими столбовыми дорогами, и когда органическая жизнь, направляясь къ своему теперешнему положенію, медленно и величественно совершала по этимъ путямъ свое безпредѣльное развитіе. Такимъ образомъ, цѣлые два порядка животныхъ связываютъ классъ млекопитающихъ съ классомъ рыбъ; во-первыхъ, ластоногія (Pinnipedia), то есть моржи, тюлени, морскіе львы и морскіе коты; а во-вторыхъ, китовыя (Cetacea), то есть киты и дельфины. Летучая рыба намекаетъ на возможность перехода отъ рыбы къ птицѣ, и напоминаетъ о тѣхъ страшно далекихъ временахъ, когда вся наша планета была покрыта водою, когда главнѣйшими представителями органической жизни были моллюски и хрящевыя рыбы, и когда эти рыбы, самыя совершенныя изъ тогдашнихъ живыхъ существъ, подъ вліяніемъ борѣбы за жизнь и естественнаго выбора, стали постепенно перерождаться въ крылатыхъ гадовъ и въ птицеобразныхъ животныхъ, или вѣрнѣе, въ рыбообразныхъ птицъ. Австралійскій утконосъ стоитъ на границѣ между млекопитающими и птицами; а сумчатыя животныя, изъ которыхъ одни, по устройству своихъ зубовъ, приближаются къ жвачнымъ (кенгуру), другія къ грызунамъ (вombatъ), а третьи къ плотояднымъ (двуутробка), показываютъ намъ, какъ развивалось въ прошедшемъ то глубокое различіе, которое существуетъ теперь между этими тремя, рѣзко разграниченными порядками млекопитающихъ.

Все животное царство распадается на два громадные отдѣла, на позвоночныхъ и беспозвоночныхъ. Различіе между этими двумя отдѣлами дотакъ степени глубоко, что между животными этихъ двухъ отдѣловъ даже нельзя производить никакихъ сравненій; невозможно сказать, и бесполезно было бы спрашивать, какое животное стоитъ выше въ цѣпи созданий: какая нибудь рыба или пчела. Типы ихъ не имѣютъ между собою ни одной точки соприкосновенія, и развились совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Эти два отдѣла животнаго царства обозначились, по всей вѣроятности, въ самой глубокой древности, недоступной даже для геологіи; какія формы предшествовали этому раздѣленію—этого мы никогда не узнаемъ, хотя, конечно, можно предполагать, что жили тогда животныя, до нѣкоторой степени похожія на теперешнихъ инфузорій, если не по своей величинѣ, то, по крайней мѣрѣ, по простотѣ своей организаци. Однако, не смотря на то, что различіе между позвоночными и беспозвоночными такъ глубоко и такъ сильно упрочено своею неизмѣримою древностью, — не смотря на это, существуютъ и теперь нѣкоторыя формы, служащія живымъ намекомъ на прежнее, уже совершенно утратившееся родство между этими двумя отдѣлами. Амфиоксъ или ланцетная рыба принадлежитъ къ позвоночнымъ животнымъ, а между тѣмъ ее очень долго принимали за моллюска; у нея нельзя отличить

головы и головного мозга; поэтому, когда ее причисляли къ моллюскамъ, то ее ставили ниже головоногихъ и брюхоногихъ моллюсковъ, у которыхъ ясно обозначена голова. Даже между царствами животнымъ и растительнымъ, которыя должны были отдѣлиться другъ отъ друга еще раньше, существуютъ нѣкоторыя промежуточныя формы, которыя никакъ не могли возникнуть послѣ того, какъ это раздѣленіе уже совершилось. Полипы очень долго считались растеніями, и только въ половинѣ прошлаго столѣтія окончательно перечислены въ категорію животныхъ, не смотря на то, что у большей части полиповъ до сихъ поръ не доказано существованіе нервной системы. Губки очень недавно включались въ растительное царство, а теперь ихъ также перевели въ разрядъ животныхъ, хотя тутъ и рѣчи не можетъ быть о нервной системѣ. Любопытно замѣтить, что эти промежуточныя формы, занимающія теперь самое низшее мѣсто въ царствѣ животныхъ, занимали также одно изъ низшихъ мѣстъ въ ряду растеній. Это—живые остатки того далекаго прошедшаго, когда органическая жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи, и когда всѣ зародыши и всѣ родоначальники теперешнихъ, безконечно разнообразныхъ типовъ, были похожи другъ на друга и сливались между собою въ общемъ хаотическомъ броженіи безцвѣтности и безформенности. Это—выкидыши органической природы, оставшіеся въ живыхъ, не смотря на свою недодѣланность. Очень понятно, что выкидышъ самаго высшаго животного менѣе развитъ въ своей организаціи, чѣмъ вполне сложившееся животное низшаго разряда. Поэтому и не трудно понять, что такія формы, какъ полипы и губки, всегда будутъ занимать послѣднее мѣсто въ цѣпи органическихъ существъ, къ какому бы царству ни относили ихъ классификаторы.

Всю эту экскурсію по различнымъ областямъ органическаго міра я веду къ тому, чтобы выразить нѣсколько мыслей, имѣющихъ самое прямое и непосредственное отношеніе къ нашему главному предмету. Развиваясь по разнымъ направленіямъ изъ одного общаго источника, и подчиняясь въ своемъ разностороннемъ развитіи господству одинаковыхъ законовъ, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ, органическая природа сохранила, и по всей вѣроятности, сохранить навсегда, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, ту гибкость, измѣнчивость и подвижность, которыя привели ее къ ея теперешнему, роскошному и цвѣтущему разнообразію. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что щука, тигръ, воробей, страусъ и всѣ вообще современные намъ организмы составляютъ собою тотъ окончательный результатъ, къ которому направлялось все развитіе живой природы. Множество подмѣченныхъ фактовъ доказываетъ намъ, напротивъ того, что въ органической природѣ все идетъ по старому, и что формы передѣлываются или до поры до времени остаются неподвижными, смотря потому, какъ дѣйствуютъ на нихъ

всѣ остальные формы, съ которыми имъ, такъ или иначе, приходится вести борьбу за существованіе. Есть ли въ органическомъ мірѣ такія формы, которыя были бы совершенно неизмѣнны и неподвижны по самой своей природѣ, этого мы не знаемъ; но если такія формы существуютъ, то онѣ, при первой встрѣчѣ съ неблагопріятными обстоятельствами, будутъ непремѣнно истреблены, потому что онѣ, вслѣдствіе своей неподвижности, не будутъ въ состояніи выдержать случившуюся перемѣну и привыкнуться къ новымъ условіямъ жизни. Очень многія, а можетъ быть и всѣ, погибшія формы погибли именно отъ того, что тѣ или другія измѣнившіяся обстоятельства потребовали отъ нихъ такого быстрого и значительнаго измѣненія въ привычкахъ и въ организаціи, которое въ данную минуту было для нихъ невозможно. А такъ какъ сила вещей неотразима и не даетъ никакихъ отсрочекъ, то она ихъ и скрутила до совершеннаго уничтоженія. Если бы тигру предстояла альтернатива—питаться травою или умереть съ голоду, онъ бы умеръ, но это вовсе недоказываетъ, что между плотояднымъ и травояднымъ лежитъ непроходимая бездна. Можетъ быть, переходъ возможенъ, но только никакъ не вдругъ. Наша домашняя кошка приходится тигру очень близкою родственницею; до своего знакомства съ человѣкомъ, она питалась исключительно мясомъ, а теперь вслѣдствіе знаетъ, что ее можно кормить молокомъ и хлѣбомъ: Моленотъ, писавшій свое «Ученіе о пищѣ» въ то время, когда о теоріи Дарвина не было ни слуху, ни духу, говоритъ положительно въ введеніи къ этой книгѣ, что у дикой кошки кишечный каналъ короче, чѣмъ у домашней, и что это измѣненіе, приближающее домашнюю кошку къ травояднымъ, произошло въ ея организмѣ подъ вліяніемъ растительной пищи. Воробей также долженъ былъ бы погибнуть, если бы ему для спасенія жизни необходимо было приняться за подземныя работы крота; но и тутъ существуетъ возможность перехода и сближенія въ привычкахъ. Воробей питается ягодами, зернами и насѣкомыми; смотря по обстоятельствамъ, онъ можетъ питаться или исключительно однимъ изъ этихъ кушаній, или всѣми тремя заразъ. Положимъ, что обстоятельства принуждаютъ его питаться насѣкомыми; положимъ, что воробьевъ очень много; тогда каждое насѣкомое приобретаетъ въ ихъ глазахъ значительную цѣну; тогда воробей очень охотно будетъ клевать земляныхъ червей и очень тщательно будетъ заботиться о ихъ добываніи; онъ будетъ разрывать землю лапками и, по всей вѣроятности, это упражненіе, соединенное съ дѣйствіемъ естественнаго выбора, укрѣпитъ его когти и вообще приспособитъ его члены къ этому новому занятію. Очень можетъ быть, что воробьи, постоянно копающіеся въ землѣ, утратятъ въ значительной степени юркость своихъ движеній и крѣпость своихъ крыльевъ, но, разумѣется, это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если этихъ воробьевъ не будутъ

преслѣдовать опасные враги. Если же найдутся такіе враги, то они, вѣроятно, будутъ постоянно истреблять неповоротливыхъ воробьевъ, и тогда юркость и способность летать, поддерживаясь естественнымъ выборомъ, останутся, по прежнему, постоянными свойствами этой породы. Сдѣлаются ли эти воробьи когда нибудь подземными животными, этого я ей Богу, не знаю, и мнѣ очень боязно и неловко высказать такое предположеніе, но моя робость происходитъ, по всей вѣроятности, отъ недостатка твердыхъ знаній и научнаго развитія. Дарвинъ разсуждаетъ гораздо смѣлѣе, хотя обыкновенно бѣваетъ на оборотъ; то есть, обыкновенно ученики и адепты преувеличиваютъ идеи учителя, и доводятъ ихъ иногда до уродливыхъ крайностей. Здѣсь же ученикъ остается позади учителя, даже въ дѣлѣ умственной храбрости. Вотъ что говоритъ Дарвинъ по поводу медвѣдя, подражавшаго киту. «Даже въ такомъ исключительномъ случаѣ, я не вижу ничего невозможнаго въ томъ, что если бы насѣкомыхъ было постоянно вдоволь и если бы въ той же сторонѣ не находилось уже лучше приспособленныхъ соискателей, отдѣльная порода медвѣдей могла бы сдѣлаться, черезъ естественный выборъ, все болѣе и болѣе водною, ихъ пасть все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось бы существо такое же уродливое, какъ китъ». Если Дарвинъ позволяетъ медвѣдю превратиться почти въ кита, то, пожалуй, почему бы и моему воробью не превратиться, не говорю «въ крота»—а въ подземное, и, разумѣется, совершенно не летающее, и не совсѣмъ зоркое животное? Pourquoi pas? Однако я все-таки не рѣшусь этого сказать. Дарвину хорошо храбриться; онъ знаетъ, что не навреть. А я на этотъ счетъ, при сильной склонности моей къ широкимъ умозрѣніямъ, побаиваюсь за себя ежеминутно.

Можетъ быть, примѣръ мой о воробѣ выбранъ очень неудачно, но я за него и не держусь. Дѣло не въ примѣрѣ, а въ основной идеѣ, которая, во всякомъ случаѣ, остается неприкосновенною. Дѣло въ томъ, что окружающія обстоятельства совершенно полновластно господствуютъ надъ привычками животныхъ, а черезъ ихъ привычки—надъ ихъ тѣлосложеніемъ. Когда животное получаетъ при рожденіи извѣстный запасъ способностей и орудій, то какія именно изъ данныхъ способностей оно разовьетъ въ себѣ преимущественно, и къ чему именно пристроитъ оно свои орудія—это будетъ зависеть вполнѣ отъ чисто вишнихъ условий жизни. Привычки животныхъ составляютъ именно приложение къ дѣлу жизни врожденныхъ способностей и орудій; а каково будетъ приложение это, — разумѣется, зависитъ отъ того, къ чему станешь прикладывать. Въ настоящее время очень рѣзкіе переходы, по всей вѣроятности, не могутъ совершаться даже постепенно; на примѣръ, рыба въ птицу, медвѣдь въ кита, страусъ въ орла превратиться не могутъ, даже въ цѣлыя сотни тысячелѣтій; но это происходитъ не отъ какихъ нибудь не-

преодолимыхъ препятствій въ организаціи рыбы, медвѣдя или страуса, а преимущественно, или даже исключительно, отъ того, что и рыба, и медвѣдь, и страусъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ своего превращенія встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе со стороны отлично приспособленныхъ конкурентовъ, то есть со стороны настоящихъ птицъ, настоящихъ китовъ и настоящихъ орловъ. Поэтому, прогрессъ медвѣдей, рыбъ и страусовъ будетъ, вѣроятно, состоять только въ томъ, что они постоянно будутъ становиться все болѣе и болѣе медвѣдями, рыбами и страусами, то есть, подчиняясь естественному выбору, будутъ постоянно развивать въ своей породѣ тѣ спеціальныя орудія и способности, которыя до сихъ поръ доставляли имъ побѣду надъ конкурентами и врагами въ борьбѣ за существованіе. Но никто не можетъ сказать заранее, что это прогрессивное развитіе будетъ постоянно упрочивать существованіе этихъ породъ и постоянно одерживать побѣду надъ всѣми враждебными обстоятельствами, способными повредить этимъ породамъ, или даже совершенно стереть ихъ съ лица земли. Никто не можетъ поручиться и за то, что отъ чистаго типа медвѣдей, щукъ или страусовъ не отдѣлится, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какойнибудь боковой отростокъ, который проложитъ себѣ совершенно своеобразный путь для своего дальнѣйшаго развитія. Наконецъ, и то можетъ случиться, что какіянибудь внѣшнія условія заставятъ медвѣдя, страуса или рыбу отказаться отъ употребленія того или другаго органа, и такимъ образомъ попятать ихъ назадъ, вмѣсто того, чтобы подвигать ихъ впередъ. Регрессивное развитіе такъ же возможно въ природѣ, какъ и прогрессивное, лишь бы только оно, въ данномъ случаѣ, было выгодно для данной породы, то есть лишь бы только было возможно вмѣшательство естественнаго выбора: безкрылые жуки, слѣпые обитатели пещеръ, и самъ страусъ, лишенный способности летать, являются живыми продуктами такого регрессивнаго развитія.

Въ природѣ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ идеальному совершенству, и направленіе развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется только вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Одни органы доводятся до изумительнаго совершенства, на примѣръ, глазъ у всѣхъ высшихъ животныхъ, другіе органы атрофируются до совершеннаго безсилія, на примѣръ крылья у многихъ птицъ; одни породы торжествуютъ и улучшаются, другія отступаютъ назадъ, третьи совсѣмъ вымираютъ; на каждомъ шагу сложныя отношенія между организмами запутываются въ самые неразрѣшимые гордіевы узлы, и на каждомъ шагу эти узлы развязываются, или разрубаются, смотря по обстоятельствамъ: И привычки, и органы, и типы, все подвержено измѣненію, все можетъ быть перестроено или разрѣшено. И эта вѣчная, тихая и безпристрастная ломка составляетъ собою всю исторію органической

жизни. Намъ очень трудно понять, до какой степени значительны и сложны могутъ быть результаты этой незамѣтной ломки; нашъ умъ отказывается вѣрить тому, чтобы, напримѣръ, глазъ хищной птицы или мозгъ европейца могъ выработаться путемъ медленныхъ измѣненій изъ какого нибудь безформеннаго накопленія органическихъ клѣточекъ. Но недовѣрчивость нашего ума ровно ничего не значитъ. Умъ нашихъ прапрадѣдовъ также отказывался вѣрить тому, что солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля вокругъ него бѣгаетъ. Наши умственные привычки такъ же подвижны и измѣнчивы, какъ и всякія другія привычки живыхъ организмовъ. Вотъ что говоритъ Дарвинъ о происхожденіи глаза: «Предположеніе, чтобы глазъ, со всѣми его неподражаемыми аппаратами для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической аберраціи, могъ сложиться въ силу естественнаго выбора — такое предположеніе, сознаюсь, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпнымъ. Но если можно доказать, что существуютъ многочисленныя постепенности между совершеннымъ, сложнымъ глазомъ и глазомъ несовершеннымъ и простымъ, при чемъ каждая степень совершенства полезна организму, ею одаренному; если, далѣе, глазъ хоть сколько нибудь подверженъ видоизмѣненіямъ, и эти видоизмѣненія наслѣдственны, въ чемъ нельзя сомнѣваться; и если какое-либо видоизмѣненіе этого органа можетъ сдѣлаться полезнымъ организму при измѣняющихся жизненныхъ условіяхъ,—то, по законамъ логики, возможность образованія совершеннаго, сложнаго глаза путемъ естественнаго выбора, какъ ни бессильно сладить съ нею наше воображеніе, не можетъ быть отвергнута.»—И дѣйствительно оказывается, что въ живой природѣ существуетъ безконечное разнообразіе зрительныхъ аппаратовъ; въ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ замѣтно очень немного степеней; но за то у безпозвоночныхъ, въ отрядѣ членистыхъ животныхъ, то есть, у насѣкомыхъ, червей, пауковъ и раковъ, зрительный аппаратъ проходитъ по всѣмъ фазамъ своего развитія. Лѣстница эта начинается съ зачаточныхъ глазъ, которые способны только различать свѣтъ отъ темноты; отсюда отправляются въ одну сторону простые глаза, состоящіе изъ хрусталика и роговой оболочки; а въ другую сторону идутъ сложные или граненные глаза. Эти сложные глаза такъ разнообразны, что натуралистъ Мюллеръ нашелъ необходимымъ распредѣлить ихъ на три главные класса и на семь подраздѣленій. Наконецъ, эти двѣ системы, то есть, сложные и простые глаза соединяются между собою, и образуютъ еще новыя формы. Кажется, трудно даже требовать, чтобы было соблюдено еще больше постепенности въ развитіи, и чтобы каждая ступенька этого развитія была отмѣчена еще нагляднѣе. То же самое можно сказать и о мозгѣ. У птицъ онъ еще совершенно гладокъ; у млекопитающихъ начинаются из-

вилны и углубленія; у обезьянъ они особенно сильно развиты; у шимпанзе, у орангъ-утанга, у гориллы они болѣе значительны и разнообразны, чѣмъ у низшихъ обезьянъ; у негровъ болѣе, чѣмъ у высшихъ обезьянъ; у европейцевъ еще болѣе, чѣмъ у негровъ. Постепенность соблюдена вполне. Кромѣ того, если мы посмотримъ на исторію человѣчества, то мы и въ ней увидимъ, сквозь безконечную сѣть перепутанныхъ событій, очень медленное совершенствованіе человѣческаго мозга, какъ того спеціальнаго орудія, которое доставляетъ человѣку побѣду въ общей борьбѣ за существованіе. Налагая свою печать на человѣческую дѣятельность каждаго отдѣльнаго поколѣнія и каждаго историческаго періода, это совершенствованіе измѣняетъ также форму самаго органа и величину его вмѣстительна; тщательныя измѣренія многихъ череповъ доказали, что въ общемъ результатъ объемъ этого костянаго ящика замѣтно увеличился у обитателей Парижа съ XII столѣтія по XIX. Если мы припомнимъ, что XII столѣтіе было цвѣтущею эпохою феодализма, крестовыхъ походовъ, папскихъ экскоммуникацій и разныхъ другихъ неподражаемыхъ проявленій человѣческаго остроумія, то мы конечно согласимся, что результатъ этихъ тщательныхъ измѣреній не долженъ казаться намъ особенно неожиданнымъ. Если же масса и достоинство человѣческаго мозга совершенствуется до настоящаго времени, то мы имѣемъ полное право заключать по аналогіи, что этотъ процессъ совершенствованія производился также въ до-историческомъ и до-мифическомъ прошедшемъ.

V.

На языкѣ всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ такія слова, которыя каждый здравомыслящій человѣкъ долженъ употреблять всегда съ крайнею осмотрительностію. А еще гораздо лучше было бы совсѣмъ не употреблять ихъ; но, къ сожалѣнію, это почти невозможно. *Умъ, чувство, инстинктъ, талантъ, гений, темпераментъ, характеръ* и разныя другія выраженія, относящіяся къ психической жизни животныхъ организмовъ, — все это очень опасныя и неудобныя слова. Они заслоняютъ собою живые факты, и никто не знаетъ навѣрное, что именно подъ ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произноситъ эти слова, и приэтомъ всегда старается этими непонятными словами что-то такое выразить и что-такое объяснить. Вопросъ объ умственныхъ способностяхъ всѣхъ животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, совершенно затемненъ разными непонятными словами, которыя приносятъ особенно много вреда, потому что всѣ къ нимъ прислушались и привыкли, и всѣ воображаютъ, будто въ этихъ знаковыхъ словахъ заключается очень опредѣленный смыслъ. Вамъ ежеми-

нотно случается слышать, что собака любитъ хозяина по инстинкту, кошка преслѣдуетъ мышей по инстинкту, ласточка вьетъ гнѣздо по инстинкту, пчела устраиваетъ восковую ячейку по инстинкту. Куда какъ это хорошо и удобно! Все по инстинкту! А что такое инстинктъ — это всякій понимаетъ; это вотъ — когда собака любитъ хозяина, кошка преслѣдуетъ мышей, ласточка и т. д.; вотъ это и есть инстинктъ. Поняли вы теперь, почему собака любитъ хозяина, почему кошка и т. д.? Ну, какъ же не понять. Вы знаете Петра? — Нѣтъ не знаю. — Да это тотъ, что женатъ на Авдотѣй. — Да я и Авдотью не знаю. — Ахъ, Боже мой, да это та, что замужемъ за Петромъ. — А! Ну, теперь знаю и Петра, и Авдотью. Давно бы вы мнѣ такъ объяснили. Благодарю васъ покорно за то, что научили меня уму-разуму! Мы почти всегда разсуждаемъ такимъ манеромъ, т. е. неизвѣстнаго Петра объясняемъ неизвѣстною Авдотьею, а потомъ, когда прислушаемся, во время объяснительнаго разговора къ обоимъ неизвѣстнымъ именамъ, то начинаемъ считать ихъ извѣстными, и вопросъ оказывается рѣшеннымъ. На сколько подобное рѣшеніе вопросовъ можетъ быть полезно для нашего умственнаго развитія, — объ этомъ пусть разсуждаетъ мой просвѣщенный читатель, какъ ему самому будетъ угодно. Я же, съ своей стороны, перейду къ изображенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ той дѣятельности животныхъ, которую мы такъ превосходно объяснили словомъ: *инстинктъ*.

Извѣстно, что наша европейская кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ; эта другая птица очень добросовѣстно высиживаетъ подкидышей наравнѣ съ своими собственными дѣтьми, а высиженный подкидышь, при первой возможности, выживаетъ, т. е. просто выбрасываетъ изъ гнѣзда своихъ благопріобрѣтенныхъ братьевъ и сестрицъ. Подобная исторія повторяется каждый годъ, и порода кукушекъ постоянно процвѣтаетъ, благодаря своей догадливости и бездеремонности. Если мы предположимъ, что этотъ инстинктъ кукушки возникъ въ ея породѣ мгновенно, то одно это предположеніе повалить всю теорію медленнаго развитія, потому что одинъ скачекъ, какъ бы ни былъ онъ самъ по себѣ незначителенъ, будетъ доказывать возможность скачковъ, а эта возможность находится въ радикальной и непримиримой враждѣ со всякимъ простымъ и естественнымъ объясненіемъ существующихъ явленій. Поэтому необходимо отыскать въ живой природѣ причины этого инстинкта и тотъ путь постепенныхъ измѣненій, по которому онъ долженъ былъ пройти къ своему теперешнему положенію. Причины дѣйствительно найдены и путь развитія можетъ быть указанъ съ приблизительною вѣрностью. Кукушка несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня; если бы она сама высиживала ихъ въ собственномъ гнѣздѣ, то старшія яйца уже превратились бы въ птенцовъ, въ то время, какъ младшія находились бы еще въ своемъ первобытномъ состояніи. Это

было бы очень неудобно во многихъ отношеніяхъ. Живые птенцы своими движеніями могли бы помѣшать развитію младшихъ братьевъ, пожалуй, даже могли бы продавить скорлупки ихъ яицъ; для птенцовъ требуется пища, а между тѣмъ мать не можетъ отлетѣть отъ яицъ, которыя постоянно нуждаются въ ея теплотѣ; такимъ образомъ, всѣ заботы о прокормленіи старшихъ дѣтей должны упасть на отца, а, кажется, самцы во всемъ мѣрѣ животныхъ управляются съ такими дѣлами не такъ удачно, какъ самки. Но эти неудобства не составляютъ еще непреодолимаго препятствія, и американская кукушка, которая также кладетъ яйца не ежедневно, свиваетъ свое собственное гнѣздо, и сама заботится о своемъ потомствѣ, не смотря на эти неудобства. Гораздо важнѣе то, что европейской кукушкѣ приходится очень рано отлетать въ теплый климатъ; это неудобство уже не можетъ быть устранено, и, вслѣдствіе этого обстоятельства, кукушка, свившая свое собственное гнѣздо, была бы принуждена оставить большую часть своихъ дѣтей въ самомъ безпомощномъ состояніи. Стало бытъ, подкидываніе яицъ въ чужій гнѣзда дѣлается вовсе не по беззаботности, а, напротивъ, именно по любви къ дѣтямъ, и вслѣдствіе желанія устроить ихъ судьбу какъ можно благополучнѣе. Положимъ теперь, что древняя прародительница нынѣшней европейской кукушки устраивала свои дѣла такъ, какъ устроиваетъ ихъ теперешняя американская кукушка; высидѣвъ своихъ дѣтей, она собирается летѣть въ теплый климатъ; въ это время она чувствуетъ потребность снести яйцо, и въ это же время она видитъ чужое гнѣздо. О высиживаніи этого запоздалаго яйца ей нельзя и подумать; она находится на отлетѣ, ей уже становится холодно, или, — что все равно, — та пища, которая для нея необходима, дѣлается уже очень рѣдкою въ это время года; стало бытъ, ей предстоитъ альтернатива, или уронить яйцо на полъ, или положить его въ то гнѣздо, которое она видитъ. Въ этомъ случаѣ, та естественная, или инстинктивная, или какая вамъ угодно, заботливость, которую всѣ матери обнаруживаютъ къ своему потомству, должна склонить запоздавшую кукушку къ тому, чтобы бережно положить свое послѣднее яйцо въ чужое гнѣздо, вмѣсто того, чтобы совершенно небрежно бросить его на землю. Очень правдоподобно, что это подкинутое яйцо будетъ счастливѣе и разовьется лучше своихъ братьевъ, высиженныхъ самою матерью, которая принуждена была во время высиживанія возиться постоянно съ голодными птенцами разныхъ возрастовъ. Если подкидыши будутъ постоянно превосходить другихъ птенцовъ кукушки здоровьемъ и крѣпостью, то они постоянно будутъ ихъ переживать и расплодятся сильнѣе ихъ. Вѣроятно, эти подкидыши, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ получаютъ по наслѣдству отъ своей матери ту догадливость, которая побудила ее воспользоваться чужимъ гнѣздомъ. Та кукушка, въ которой

эта догадливость будетъ особенно развита, сообразить, что, если можно положить въ чужое гнѣздо одно яйцо, то отчего же не распорядиться такимъ же образомъ и со всѣми остальными; сообразить она это тѣмъ скорѣе, чѣмъ неудобнѣе ей будетъ нянчиться съ птенцами разныхъ возрастовъ и съ недосиженными яйцами; а такъ какъ неудобство это довольно значительно, то и соображеніе, по всей вѣроятности, явится на выручку довольно быстро. Соображающая кукушка будетъ имѣть преимущество передъ несоображающею, потому что потомство первой, благодаря добросовѣстнымъ стараніямъ разныхъ обманутыхъ матерей изъ другихъ птичьихъ породъ, будетъ развиваться и выкармливаться лучше, чѣмъ потомство второй кукушки, болѣе усердной, но менѣе остроумной. Но мы уже давно знаемъ, что преимущество, какъ бы оно ни было незамѣтно, всегда доставляетъ со временемъ своему обладателю полную побѣду въ истребительной борьбѣ за существованіе. Поэтому, мы можемъ сказать навѣрное, что чрезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ, типъ добродѣтельной кукушки будетъ совершенно вытѣсненъ типомъ кукушки практической. Можетъ быть, инстинктъ подкидыванія найдетъ себѣ поддержку въ томъ обстоятельстве, что подкидывающая мать сама выросла въ чужомъ гнѣздѣ, и поэтому считаетъ именно эти гнѣзда естественнымъ пріютомъ молодой кукушки. Можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ воспоминанія дѣтства. У Дарвина есть одно мѣсто, которое, по видимому, намекаетъ на возможность такихъ воспоминаній. «Аналогія, говорить онъ, побуждаетъ насъ заключить, что птенцы *высиженные и вскормленные такимъ образомъ чужими родителями*, наследуютъ въ большей или меньшей степени ту ненормальность инстинкта, вслѣдствіе которой ихъ мать отказала имъ въ своихъ попеченіяхъ». Я подчеркнулъ тѣ слова, въ которыхъ я вижу возможность намека, но такъ какъ этотъ намекъ выраженъ очень легко и не совсѣмъ ясно, то я и не рѣшаюсь настаивать на своемъ предположеніи о возможности кукушкиныхъ воспоминаній.

Не думаю однако, чтобы мы имѣли основаніе совершенно отвергать существованіе этихъ и многихъ другихъ проявленій умственной жизни въ мірѣ животныхъ. Когда мы видимъ, со стороны какого нибудь животнаго, рядъ поступковъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли, и вполнѣ достигающихъ этой цѣли, то мы обыкновенно, по нашей всеобъемлющей мудрости, утверждаемъ сплеча, что животное не знаетъ, къ чему именно клонятся его поступки, что оно дѣйствуетъ совершенно безсознательно, подобно тому, какъ шарманка выпускаетъ изъ себя одну ноту за другою, не имѣя ни малѣйшей возможности слѣдить за развитіемъ мелодіи. Можетъ быть, это сравненіе животнаго съ шарманкою въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно вѣрно; можетъ быть даже, это сравненіе прилагается также удачно къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ человѣка. Напримѣръ,

половое влеченіе клонится къ размноженію породы; а между тѣмъ, влюбленный юноша всего менѣе думаетъ о предстоящихъ обязанностяхъ отца; каждый его поступокъ, каждое слово, каждое помышленіе ежеминутно стремятся къ этой неизбежной развязкѣ, а въ то же время, самая развязка, быть можетъ, даже пугаетъ его, какъ значительное приращеніе заботъ и непосильныхъ расходовъ. Здѣсь человѣкъ, очевидно, изображаетъ собою шарманку. Но когда молодая женщина, чувствуя приближеніе срока своей беременности, старается приготовить для будущаго ребенка пеленки и рубашечки, тогда никто не скажетъ, что она поступаетъ безсознательно, по неизвѣстному ей импульсу. Можетъ быть, жизнь кукушки представляетъ намъ такія же явленія, отчасти шарманочныя, отчасти нешарманочныя. Но какое явленіе отнести къ одной категоріи, какое—къ другой?—это, мнѣ кажется, вопросъ чрезвычайно затруднительный, и даже не всегда разрѣшимый. Когда юная и дѣйствительная кукушка въ первый разъ въ жизни отдаетъ любимому самцу лапку и сердце, то знаетъ ли она, что за актомъ любви послѣдуетъ кладка яицъ? Можно ли дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ? И возможенъ ли тутъ вообще такой отвѣтъ, который отвѣчалъ бы разомъ на всѣ отдѣльные случаи этого вопроса? Можетъ быть, одна кукушка знаетъ, а другая не знаетъ, смотря по тому, какъ великъ, или какъ малъ запасъ ея житейской опытности. Но мы видимъ, что американская кукушка, подобно всѣмъ другимъ птицамъ, свиваетъ себѣ гнѣздо тотчасъ послѣ того, какъ началась нормальная дѣятельность ея половой системы. Дѣйствуетъ ли она въ этомъ случаѣ, какъ шарманка или нѣтъ? Что побуждаетъ ее къ этому дѣйствию? Тутъ можно выразить только два предположенія: или ей пріятно строить гнѣздо; то есть, удовлетворивъ своему половому влеченію, она чувствуетъ потребность успокоиться, усѣсться на мѣстѣ, какъ можно комфортабельнѣе, и поэтому старается окружить себя тѣми удобствами, которыя ей можетъ доставить ея кукушечья ловкость и сметливость. Или же, она устраиваетъ гнѣздо съ опредѣленною цѣлью, т. е., поступаетъ такъ же сознательно, какъ поступаетъ молодая женщина, заготовляющая колыбель и пеленки. Никакого третьяго предположенія допустить нельзя. Найдите мнѣ хоть одинъ примѣръ, чтобы какое нибудь животное, находящееся въ совершенно здоровомъ состояніи, добровольно принимало на себя, безъ всякой опредѣленной цѣли, трудъ, не доставляющій ему въ данную минуту ни малѣйшаго наслажденія. Но первое предположеніе наше оказывается несостоятельнымъ. Если бы птица чувствовала потребность устроить удобный пріютъ лично для себя, то европейская кукушка, находящаяся въ самомъ ближайшемъ родствѣ съ американскою, также свивала бы себѣ гнѣздо; мы знаемъ, напротивъ того, что она этого не дѣлаетъ, и что она устраиваетъ свои дѣла такъ, какъ это удобно для

ея будущихъ дѣтей. Это значитъ, что шарманка, смотря по обстоятельствамъ, играетъ то «la donna e mobile,» то «Marlborough s'en va-t-en guerre;» и сама оцѣниваетъ обстоятельства, и выбираетъ именно ту пьесу, которая всего болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и мѣста. Согласитесь, что такая дипломатирующая шарманка въ значительной степени похожа, на примѣръ, на опытнаго редактора, выбирающаго для своей книжки именно тѣ статьи, которыя въ данную минуту могутъ понравиться большинству читающаго общества. Согласитесь также, что, имѣя дѣло съ такою благовоспитанною шарманкою, мы не имѣемъ никакого разумнаго основанія утверждать съ плеча, что въ ней не совершается никакого особеннаго процесса, или, что въ ней совершается такой процессъ, который не имѣетъ ничего общаго съ размышленіемъ. Произнести слово *инстинктъ* очень не трудно, но вѣдь мы уже давно знаемъ эту исторію: Петръ женатъ на Авдотѣ, а Авдотья замужемъ за Петромъ. Отъ этого дѣло не подвигается дальше, ни взадъ, ни впередъ.

Много другихъ вопросовъ приходится задавать себѣ по поводу кукушкиныхъ поступковъ. Если она неслась въ нынѣшнемъ году, то запомнить ли она до будущаго года тотъ рядъ причинъ и слѣдствій, который составляетъ собою актъ дѣторожденія во всей его сложности и во всѣхъ различныхъ фазахъ его развитія? — Этотъ вопросъ сводится на другой вопросъ, болѣе общій: способна ли вообще кукушка, или какаянибудь другая, близкая къ ней птица, накоплять въ своемъ умѣ прямыя указанія своего личнаго опыта? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ: «способна,» то мы этимъ отвѣтомъ окончательно допустимъ возможность птичьяго прогресса, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Мы допустимъ не только прогрессъ породы, совершающійся въ теченіи тысячелѣтій, посредствомъ естественнаго выбора, — но и прогрессъ отдѣльнаго субъекта, совершающійся въ теченіи дней и мѣсяцевъ, посредствомъ разнообразныхъ впечатлѣній, — словомъ тотъ прогрессъ, который называется воспитаніемъ, и который достается на долю каждому изъ насъ въ родительскомъ домѣ, въ школѣ и въ жизни. Если же мы отвѣтимъ: «неспособна,» то я рѣшительно не знаю, какимъ образомъ мы объяснимъ, на примѣръ, слѣдующій общій фактъ, извѣстный каждому ружейному охотнику, безъ исключенія. Когда вы приходите съ ружьемъ въ такую мѣстность, въ которой не было сдѣлано ни одного выстрѣла въ теченіи многихъ лѣтъ, то вы можете смѣло идти прямо къ птицѣ, останавливаться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и совершенно открыто прицѣливаться; птица не полетитъ, и даже будетъ смотрѣть на васъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Когда же вы, пользуясь этою первобытною невинностью птицъ, пострѣляете въ этой благословенной мѣстности недѣли двѣ, три, тогда птицы сдѣлаются гораздо болѣе осторожными, и вамъ придется подкрадываться, и употреблять раз-

личныя хитрости. Вамъ тогда всякій мужикъ скажетъ, что птица напугана, и вы, вѣроятно, не найдете въ этихъ простыхъ словахъ ровно ничего удивительнаго; а между тѣмъ, что значитъ «напугана»? Значить, составила себѣ понятіе объ опасности, которая прежде была ей неизвѣстна; значитъ — присоединила новый опытъ къ своему прежнему запасу житейскихъ опытовъ. Если это не прогрессъ, то я, послѣ этого, рѣшительно не знаю, что такое прогрессъ. Но, если кукушка можетъ приобретать себѣ опытность посредствомъ личныхъ впечатлѣній, то не можетъ ли она также кое-чему научиться, глядя на старшихъ кукушекъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно мы не можемъ. Если же такая передача опыта изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣйствительно существуетъ, то намъ необходимо будетъ въ каждомъ поступкѣ кукушки отдѣлять элементъ врожденности отъ элемента воспитанія.

Тоже самое можно сказать о каждомъ поступкѣ каждаго другаго животнаго. Пока намъ не удастся ясно разграничить эти два элемента, до тѣхъ поръ всѣ наши понятія объ умственныхъ отравленіяхъ животныхъ будутъ въ высшей степени сбивчивы и неудовлетворительны. Въ самомъ рельефномъ фактѣ, который извѣстенъ намъ изъ обычая кукушки, въ инстинктѣ подкидыванія, намъ, или по крайней мѣрѣ, мнѣ представляется очень много неясныхъ сторонъ, требующихъ значительнаго количества изслѣдованій и наблюденій. Напримѣръ, кладетъ ли кукушка свои яйца въ первое попавшееся гнѣздо, или она обнаруживаетъ предпочтеніе къ гнѣздамъ извѣстныхъ породъ? Если это предпочтеніе существуетъ, то какимъ именно образомъ оно выражается? Выбираетъ ли кукушка то или другое гнѣздо, смотря по его формѣ? Или она кладетъ свои яйца къ такимъ птицамъ, которыхъ яйца до нѣкоторой степени похожи на кукушечьи? Вѣдь если бы кукушка подкинула ихъ, напримѣръ, къ курицѣ, то врядъ ли это было бы особенно удобно для кукушечьяго потомства, потому что насѣдка, при всемъ своемъ добродушіи, никакъ не могла бы принять кукушечье яйцо за свое собственное. Конечно къ курицѣ кукушка не можетъ подкинуть, но вѣдь есть и между лѣсными птицами такія, которыхъ яйца очень рѣзко отличаются отъ кукушечьихъ. Или, наконецъ, кукушка выбираетъ гнѣзда тѣхъ птицъ, которыя по мельче и по слабѣе, и которыхъ, слѣдовательно, подкинутый птенецъ можетъ со временемъ вышвырнуть изъ родительскаго пріюта? Все это вопросы въ высшей степени интересные, и если бы они были удовлетворительно разрѣшены прямыми наблюденіями, то умственная жизнь кукушки разъяснилась бы для насъ въ значительной степени.

Я не ручаюсь за то, что эти вопросы вполне удачно поставлены, но, мнѣ кажется, насъ не должно смущать то обстоятельство, что они, повидимому, предполагаютъ въ кукушкѣ очень обширное развитіе мы-

слительной дѣятельности. Наслѣдственная сообразительность, личный опытъ, вліяніе старшихъ птицъ, а главное—постоянный контроль естественнаго выбора, сохраняющаго только самыя полезныя инстинкты, все это вмѣстѣ можетъ дать намъ самыя изумительныя результаты. Грей и нѣкоторые другіе наблюдатели доказали, что европейская кукушка не совсѣмъ утратила свою материнскую нѣжность и свою заботливость о птенцахъ. Въ какой специальной формѣ проявляются эти свойства и какимъ образомъ они уживаются съ инстинктомъ подкидыванія — если только мы не примемъ самаго подкидыванія за вынужденное видоизмѣненіе материнской любви — этого Дарвинъ не сообщаетъ; а такъ какъ мои личныя зоологическія свѣдѣнія совершенно ничтожны, то и я ровно ничего не могу сообщить читателю о материнской нѣжности кукушки.

Можетъ быть, и даже вѣроятно, всѣ вопросы, на которые навели меня поступки этой птицы, давнымъ давно поставлены и разрѣшены различными натуралистами, но наше читающее общество объ этомъ ровно ничего не знаетъ, и я также ровно ничего не знаю. Выписалъ же я всѣ эти вопросы, пришедшіе мнѣ въ голову, конечно, не для того, чтобы принести пользу естествознанію; такая претензія была бы смѣшна и глуша до послѣдней степени; а для того, чтобы показать подобнымъ мнѣ профанамъ, какая бездна непонятныхъ для насъ подробностей заключается въ каждомъ мельчайшемъ фактѣ, совершающемся ежеминутно передъ нашими глазами, въ каждомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, которые мы, по своей крайней неразвитости, считаемъ совершенно простыми и незаслуживающими нашего просвѣщеннаго вниманія.

VI.

Самка американскаго страуса (*Rhea americana*), подобно кукушкѣ, несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня. Вслѣдствіе этого, нѣсколько самокъ составляютъ между собою ассоціацію, и общими силами устрояютъ на землѣ нѣсколько гнѣздъ; за тѣмъ каждая изъ участвующихъ самокъ кладетъ въ первое гнѣздо по нѣсколькѣ яицъ, и, когда гнѣздо такимъ образомъ наполнится, то высиживание поручается одному изъ самцовъ. Черезъ два или черезъ три дня, такимъ же образомъ наполняется второе гнѣздо, за тѣмъ третье, и такъ далѣе, до самаго конца носки. Повидимому, этотъ инстинктъ въ настоящее время еще не успѣлъ окончательно сформироваться и установиться; многіе страусы роняютъ свои яйца, гдѣ случится, такъ что Дарвинъ, находясь на охотѣ, въ одинъ день видѣлъ на равнинѣ

штуку двадцать брошенныхъ и испорченныхъ яицъ этой породы. Инстинктъ ассоціаціи вырабатывается именно посредствомъ истребленія этихъ яицъ. Та самка, которая постоянно будетъ усыпать своими яйцами равнины Южной Америки, разумѣется, не оставитъ послѣ себя ни одного потомка, и слѣдовательно, никому не передастъ по наслѣдству свои беспорядочныя привычки. Напротивъ того, тѣ самки, которыя всего болѣе расположены къ составленію полезныхъ ассоціацій, выкормятъ себѣ самое многочисленное потомство, и въ этомъ новомъ поколѣніи повторится та же самая исторія. Такимъ образомъ, число безпечныхъ самокъ будетъ постоянно уменьшаться, а число самокъ, одаренныхъ общественными инстинктами, будетъ также постоянно возрастать, до тѣхъ поръ, пока стремленіе къ ассоціаціи не сдѣлается непремѣннымъ свойствомъ каждаго отдѣльнаго страуса, подобно тому, какъ оно сдѣлалось свойствомъ пчелы и муравья.

Нѣкоторыя насѣкомыя поступаютъ совершенно такъ, какъ европейскія кукушки. Въ семействѣ пчелъ есть много паразитовъ, которые всегда кладутъ свои яички въ гнѣзда другихъ пчелиныхъ породъ, и это извращеніе инстинктовъ связано у нихъ съ измѣненіемъ въ организаціи. У этихъ чужеядныхъ пчелъ нѣтъ на ногахъ того снаряда, посредствомъ котораго самостоятельныя пчелы собираютъ цвѣточную пыль, необходимую для пропитанія вылупившихся личинокъ. Многія породы осъ также воспитываютъ свое потомство на чужой счетъ. Въ этомъ отношеніи оса *Tachytes nigra* особенно замѣчательна потому, что у нея инстинктъ паразитизма въ настоящее время только что развивается, и до сихъ поръ находится еще въ неустановившемся состояніи. Обыкновенно она сама трудится для своего потомства, но при удобномъ случаѣ она воруетъ. Это насѣкомое принадлежитъ къ многочисленной группѣ тѣхъ осъ, которыя ведутъ одинокую жизнь, и устрояютъ въ землѣ гнѣздо для своихъ личинокъ; когда гнѣздо готово, тогда оса наполняетъ его съѣстными припасами; для этого она отправляется на охоту за разными насѣкомыми, которыхъ она побѣждаетъ большею частью посредствомъ нечаяннаго нападенія. Оса внезапно кидается на свою добычу, и, пользуясь первою минутою ея испуга, схватываетъ ее своими острыми челюстями за голову; потомъ направляетъ заднюю часть своего тѣла подъ ея животъ и наноситъ ей рану своимъ жаломъ, находящимся въ связи съ ядовитою желѣзкою. Ядъ осы дѣйствуетъ на раненое насѣкомое мгновенно, но не убиваетъ его, а только погружаетъ въ совершенное оцѣпенѣніе, такъ что оно теряетъ способность стоять, ходить, или вообще дѣлать какое бы то ни было произвольное движеніе. Оса переноситъ побѣжденное насѣкомое въ свое гнѣздо, и продолжаетъ совершать такіе же подвиги до тѣхъ поръ, пока не наберется достаточный запасъ парализованной добычи. Тогда она кладетъ свои яички,

и затѣмъ перестаетъ заботиться о ихъ дальнѣйшей участи. Изъ яичекъ выходятъ личинки—маленькіе, безногіе червячки, которые тотчасъ принимаются за истребленіе свѣстныхъ припасовъ; свѣстные припасы эти свѣжи и мягки, потому что пораженные насѣкомья живы, и могутъ прожить въ гнѣздѣ осы нѣсколько недѣль или даже нѣсколько мѣсяцевъ. Они, вѣроятно, чувствуютъ, какъ личинка въѣдается въ ихъ тѣло, но не могутъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія своему слабому и ничтожному врагу. Въ гнѣздо осы попадаютъ такимъ образомъ, для продовольствія ея потомства, личинки или гусеницы разныхъ бабочекъ, мухи, мелкіе кузнечики, а иногда даже пчелы, пауки и тараканы, которыхъ оса побѣждаетъ послѣ упорной и опасной борьбы. Оса *Tachytes nigra* обыкновенно поступаетъ точно также, но, если ей случается найти гнѣздо, вырытое и уже наполненное трудами другой осы, то она кладетъ свои яички, и ея личинки побѣждаютъ то, что было назначено для потомства законной хозяйки. *Tachytes nigra* находится, стало быть, въ переходномъ состояніи, и балагуруетъ въ настоящее время между двумя различными складами привычекъ. Во многихъ другихъ семействахъ осы чужеядные инстинкты окончателно установились, и проявляются въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Одни, напримѣръ, хризиды или золотыя осы тайкомъ кладутъ свои яички въ гнѣзда пчелъ или другихъ осъ. Другія, напримѣръ, ихневмониды, прокалываютъ кожу живыхъ гусеницъ или даже взрослыхъ насѣкомыхъ, и кладутъ яички прямо въ ихъ тѣло, такъ что личинки этихъ осъ ѣдятъ живое существо, которое вмѣстѣ съ ними ходитъ, бѣгаетъ и летаетъ, до тѣхъ поръ, пока непрошенные гости не заберутся слишкомъ глубоко, и не положатъ конецъ всякому бѣганію и летанію. Наконецъ, третьи, напримѣръ *Hemiteles* и *Chrysolampus*, очень маленькія насѣкомья, распоряжаются еще хитрѣе: они кладутъ свои яйца въ такую чужеядную личинку, которая сама сидитъ подъ кожей живаго насѣкомаго. Такимъ образомъ личинка осы *Wason* наѣдается жиромъ гусеницы, а въ это самое время ея собственный жиръ истребляется личинкою *Hemiteles*; точно также личинка *Aphidius* ѣстъ живую тлю, и сама свѣдается за живо личинкою *Chrysolampus*. При этомъ надо замѣтить, что *Hemiteles* и *Chrysolampus* никогда не воспитываются иначе, а такъ какъ эти насѣкомья очень многочисленны, то само собою разумѣется, что въ природѣ должны встрѣчаться на каждомъ шагу трехъ-этажныя строенія самой оригинальной архитектуры. Первый этажъ — гусеница или тля; второй — личинка *Wason* или *Aphidius*; и третій — личинка *Hemiteles* или *Chrysolampus*.

Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» сообщаетъ читателямъ, что онъ однажды написалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезная природа!» и заплакалъ отъ сладостнаго волненія. Если бы Карамзину случалось иногда созерцать въ природѣ трех-этажныя зданія вышеопи-

санной конструкціи, то, по всей вѣроятности, волненіе его было бы менѣе сладостно, и, можетъ быть, ему удалось бы понять, что любезность природы совсѣмъ не такъ велика, какъ это можетъ показаться русскому путешественнику, одаренному чувствительнымъ сердцемъ, и не обременившему свой умъ полезными знаніями. Впрочемъ, человѣческое остроуміе такъ неистощимо, знакомство человѣка съ природою такъ неудовлетворительно, и замѣчательные умы, способные объять и осмыслить всю совокупность собранныхъ наблюденій, такъ рѣдки, что, кажется, нельзя выдумать той идиллической нелѣпости, которая не нашла бы себѣ глубокомысленныхъ защитниковъ даже между современными европейскими натуралистами. Дарвину приходится иногда сталкиваться съ такими соображеніями, которыя смѣло могутъ стать рядомъ съ «любезною природою» Карамзина.

«Предъидущія замѣчанія, говоритъ онъ, даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о протестѣ, поднятомъ въ послѣднее время нѣкоторыми натуралистами противъ утилитарнаго ученія, по которому каждая подробность строенія сложилась для блага одареннаго ею организма. Эти натуралисты полагаютъ, что многія черты строенія созданы лишь для того, чтобы прельщать глазъ человѣка, или просто для разнообразія.» (Русскій переводъ стр. 161).

Совершенно справедливо разсуждаютъ эти остроумные натуралисты. Врасон вносятъ драматическое «разнообразіе» въ безцвѣтную жизнь гусеницы, а *Nemiteles* «прельщаетъ глазъ человѣка» поучительнымъ зрѣлищемъ правосуднаго наказанія. А теперь мы снова обратимся къ менѣе философическимъ соображеніямъ. Хризиды и другія осы, воспитывающія свое потомство въ чужихъ гнѣздахъ, обыкновенно дѣйствуютъ очень осторожно, подкрадываются къ гнѣзду во время отсутствія хозяйки, и стараются положить свои яички такъ, чтобы хозяйка не замѣтила ихъ послѣ своего возвращенія. Но та пчела или оса, которой принадлежитъ гнѣздо, также держитъ ухо востро, твердо помнитъ наружность и обычаи чужеродныхъ породъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, расправляется съ ними очень круто. Вслѣдствіе этого происходятъ часто самыя драматическія столкновенія между двумя чадолюбивыми матерями, изъ которыхъ одна трудится для своихъ дѣтей, а другая также для своихъ дѣтей рѣшается на воровство, сопряженное съ опасностью жизни.

«Золотая оса *Hedychrum regium*, говоритъ Карль Фохтъ въ своихъ «Зоологическихъ письмахъ», кладетъ свои яйца въ гнѣзда обыкновенной стѣнной пчелы (*Osmia muraria*). Эти гнѣзда устроиваются на старыхъ стѣнахъ, часто на значительной высотѣ, и строительница наполняетъ ихъ запасомъ меда и цвѣточной пыли. Эта пища, собранная пчелою для ея собственной личинки, съѣдается заблаговременно чужеродными личинками золотой осы, если только послѣдней удастся подблизиться

свои яички въ гнѣздо. Одна золотая оса высмотрѣла гнѣздо такой стѣнной пчелы и, оборотившись задомъ къ этому гнѣзду, только что хотѣла просунуть заднюю часть своего тѣла въ отверстіе ячейки, чтобы положить въ не свое яичко, какъ вдругъ стѣнная пчела прилетѣла домой съ грузомъ цвѣточной пыли, бросилась на своего врага съ особеннымъ жужжаніемъ и схватила осу своими острыми челюстями. Золотая оса, по обыкновенію своей породы, въ ту же минуту свернула въ клубокъ. Пчела напрасно пыталась нанести ей рану сквозь твердый панцырь, и когда ея усилія въ этомъ отношеніи остались безплодными, тогда она, наконецъ, откусила у нея всѣ четыре крыла у самаго корня и потомъ бросила ее на землю; послѣ этого пчела съ замѣтнымъ безпокойствомъ обыскала свое гнѣздо и, убѣдившись, что яичка нѣтъ, улетѣла опять на промыселъ. Стѣнная пчела полагала, безъ сомнѣнія, что, откусивъ у золотой осы крылья, она отняла у нея возможность снова добраться до гнѣзда. Но расчетъ этотъ былъ невѣренъ. Какъ только стѣнная пчела оставила свое гнѣздо, золотая оса, лежавшая на землѣ, развернулась, прямо по стѣнѣ поползла къ гнѣзду и положила въ него свое яичко» (Zoologische Briefe. I-er Band. S. 554 и 555 *).

Осторожность, хитрость, неустрашимая твердость характера, умѣние свертываться въ клубокъ и чужеядный инстинктъ—все это идетъ одно къ одному, и все это должно было развиваться въ одно время. Всѣ эти особенности ума и тѣлосложенія порождены гнетущею необходимостью, усовершенствованы постояннымъ упражненіемъ, и упрочены непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Каждое отдѣльное существо такой чужеядной породы живетъ на свѣтѣ только вслѣдствіе удачнаго обмана, совершеннаго его матерью надъ какимъ нибудь другимъ насѣкомымъ. Понятно, стало быть, что только самыя хитрыя осы успѣваютъ пристроить своихъ личинокъ, и что искусство обманывать должно постоянно совершенствоваться, потому что бдительность обираемыхъ породъ также развивается посредствомъ естественнаго выбора. Золотая оса постоянно совершенствуетъ стѣнную пчелу, подобно тому, какъ Карлъ XII усовершенствовалъ стратегическія способности Петра Великаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, прогрессъ составляетъ прямое слѣдствіе борьбы и соперничества.

VII.

Инстинкты кукушки, американскаго страуса и чужеядныхъ насѣкомыхъ могутъ быть названы очень простыми, если мы сравнимъ ихъ съ

*) «Зоологическія письма» К. Фохта переведены на русскій языкъ.

тѣми сложными проявленіями умственной дѣятельности, которыя представляются намъ въ общественной жизни пчель и муравьевъ. Но мы уже видѣли, что происхожденіе самыхъ сложныхъ и совершенныхъ органовъ объясняется теоріею естественнаго выбора такъ же удовлетворительно, какъ и происхожденіе самыхъ простыхъ особенностей тѣлосложенія. Глазъ животнаго гораздо сложнѣе, чѣмъ нога или хвостъ, а между тѣмъ, и глазъ, и нога, и хвостъ, и всѣ другіе органы совершенствовались постепенно, и притомъ такъ, что каждое улучшение или усложненіе органа было полезно тому существу или, вѣрнѣе, той породѣ, у которой это усложненіе или улучшение проявлялось и упрочивалось. Вся разница между исторіею глаза и исторіею какого нибудь другаго, болѣе простаго органа, заключается только въ томъ, что глазъ испыталъ большее количество видоизмѣненій, и что, слѣдовательно, на его формирование потрачено больше времени, то есть болѣе значительное число животныхъ поколѣній.

То же самое можно сказать и объ инстинктахъ; чѣмъ проще инстинктъ, тѣмъ скорѣе онъ могъ выработаться; чѣмъ сложнѣе инстинктъ, тѣмъ дольше ему надо было выработываться. Но, какъ бы ни былъ усложненъ какой нибудь инстинктъ, никогда его сложность не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу необъяснимыхъ скачковъ и противъ теоріи медленныхъ видоизмѣненій. Отказаться отъ этой теоріи при встрѣчѣ съ очень сложнымъ явленіемъ органической жизни значитъ вообще отказаться отъ всякой попытки объяснить и понять происхожденіе этого явленія, или, другими словами, значитъ отрѣзать въ данномъ направленіи всякій дальнѣйшій путь научнаго изслѣдованія. Когда вамъ говорятъ, что первый муравей произошелъ на свѣтъ со всѣми своими лапками, челюстями, усиками и инстинктами, словомъ, совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его потомки являются передъ вами въ настоящую минуту, тогда, разумѣется, у васъ заранѣе отнимаютъ навсегда всякую надежду узнать что бы ни было о томъ, какимъ образомъ муравей возникалъ и развивался. Теорія Дарвина не посягаетъ такимъ образомъ на будущіе успѣхи науки; она открываетъ передъ мыслителемъ тотъ единственный путь, который можетъ современемъ ввести человѣческій умъ въ самыя таинственныя и недоступныя лабораторіи природы; но, если бы мы стали требовать отъ этой теоріи чтобы она теперь, тотчасъ же, объяснила намъ все то, чего мы не понимаемъ, и чтобы она кромѣ того, подкрѣпила всѣ свои объясненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, осязательными фактами, то такія требованія обнаружили бы только крайнее ребячество нашей мысли, которая все ожидаетъ, что когда нибудь жареные рѣбчики сами собою свалятся къ ней въ ротъ. Встрѣчаясь съ инстинктами или умственными способностями животнаго царства, теорія Дарвина, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, при-

нуждена ограничиваться совершенно общими и чисто гипотетическими объяснениями, не потому, что она не въ силахъ справиться съ фактами, а напротивъ, потому, что фактовъ собрано слишкомъ мало, и еще потому что для прошедшихъ временъ не существуетъ совѣмъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Мы можемъ дѣлать очень много предположеній на счетъ того, что сложные инстинкты развивались такъ и такъ и проходили черезъ такія-то и такія-то фазы, но показать эти фазы въ живой природѣ не всегда бываетъ возможно; а отыскать въ геологическихъ остаткахъ какіе нибудь намеки на минувшее существованіе этихъ фазъ мы рѣшительно не въ состояніи. Объ умственныхъ способностяхъ исчезнувшихъ породъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія; мы также не можемъ знать, каковы были инстинкты теперешнихъ животныхъ за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени; и наконецъ, совершенно неосновательно было бы ожидать, что живая природа представитъ намъ въ настоящую минуту такой непрерывный рядъ родственныхъ животныхъ породъ, по которому мы могли бы прослѣдить всѣ переходныя фазы въ развитіи всѣхъ существующихъ инстинктовъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Мы уже знаемъ давно, что усовершенствованная порода всегда вытѣсняетъ и истребляетъ неусовершенствованную, а для сохраненія породы развитые инстинкты имѣютъ такое же важное значеніе, какъ, на примѣръ, крѣпкіе мускулы, острые когти или зоркіе глаза. Здѣсь, какъ и вездѣ, органическая природа идетъ впередъ и, самымъ процессомъ своего движенія, заматаетъ за собою свой слѣдъ. Въ дѣлѣ развитія инстинктовъ, это заматаніе производится еще гораздо полнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ развитія органовъ. Въ большей части случаевъ, слѣдъ заматенъ вполне, и тогда, разумѣется, никакой Дарвинъ не можетъ доказать, что тутъ дѣйствительно совершалось движеніе, и что оно проходило именно черезъ точки А, В, С, D и такъ далѣе. Но за то ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ также доказать, что движеніе въ этомъ мѣстѣ не существовало. На этомъ основаніи Дарвинъ, говоря о простыхъ и сложныхъ инстинктахъ, принимаетъ строго-оборонительное положеніе и не ищетъ здѣсь никакихъ новыхъ подтвержденій для своей теоріи. Онъ доказываетъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, его теорія не встрѣчаетъ себѣ непобѣдимыхъ и необъяснимыхъ препятствій.

VIII.

Если вы посмотрите на восковой сотъ обыкновенной пчелы, то правильность и изящество его архитектуры приведутъ васъ въ изумленіе,

и вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, какъ превосходно это восковое строеніе приспособлено къ своей цѣли.

«По свидѣтельству математиковъ, говорить Дарвинъ, пчелы практически разрѣшили трудную геометрическую задачу и придали своимъ ячейкамъ ту форму, при которой, съ крайнимъ сбереженіемъ драгоценнаго воска, онѣ могутъ вмѣстить наибольшее количество меда. Было высказано мнѣніе, что искусный работникъ, снабженный приличными орудіями для работы и измѣренія, лишь съ большимъ трудомъ могъ бы построить восковыя ячейки надлежащей формы, между тѣмъ какъ это дѣлается въ совершенствѣ толпою пчелъ, трудящихся въ темномъ ульѣ» (Русскій переводъ. Стр. 181).

Теорія естественнаго выбора задаетъ себѣ въ этомъ случаѣ вопросъ: какимъ путемъ строительное искусство пчелы пришло къ своему теперешнему совершенству? Противники всякихъ раціональныхъ объясненій немедленно возражаютъ, что вопросъ этотъ самъ по себѣ неумѣстенъ, потому что никакого пути тутъ не было, и пчела, какъ есть пчела, такъ и была всегда пчелою, со всѣмъ своимъ строительнымъ искусствомъ и съ полнымъ его совершенствомъ. Переспорить этихъ господъ нельзя и разсуждать съ ними бесполезно. Но мы посмотримъ теперь, какія условія необходимы для того, чтобы въ строительномъ инстинктѣ пчелы можно было допустить возможность развитія. Прежде всего надо замѣтить, что, по самой сущности дѣла, теорія естественнаго выбора въ настоящемъ случаѣ не можетъ представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Если мы скажемъ защитнику этой теоріи: «покажите намъ рядъ восковыхъ сотовъ, принадлежащихъ къ разнымъ геологическимъ эпохамъ и представляющихъ въ своемъ строеніи различныя степени совершенства»; то подобное требованіе трудно будетъ назвать вполне законнымъ и благоразумнымъ, и отъ насъ въ такомъ случаѣ можно будетъ ожидать, что мы вдругъ прикажемъ антикварію представить намъ въ подлинникѣ супъ или соусъ, приготовленный поваромъ Лукулла или, пожалуй, Сарданапала. Если мы пожелаемъ видѣть передъ собою сотни видовъ различныхъ живыхъ пчелъ, которыя всѣ строили бы свои ячейки различнымъ образомъ, такъ, чтобы различная архитектура этихъ ячеекъ показала намъ, какимъ образомъ совершенствовался строительный инстинктъ пчелы, то желаніе это будетъ очень замысловато, но, по всей вѣроятности, неисполнимо. Люди во время оно шили себѣ платье изъ древесныхъ листьевъ, а потомъ изъ звѣриныхъ шкуръ, и пользовались жилами животныхъ вмѣсто нитокъ, а рыбьими костями вмѣсто иголокъ, но въ настоящее время трудно найти живыхъ портныхъ такого сорта, не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ. Если бы даже и родился такой художникъ, то прожилъ бы онъ, по всей вѣроятности, недолго, потому что сильная конкуренція болѣе лукавыхъ

товарищей подорвала бы его торговлю и уморила бы его голодною смертью. Породы недоучившихся или отсталых пчелъ постоянно должны были испытывать на себѣ тѣ бѣдствія, которыя постигли бы въ наше время ископаемаго портнаго. Поэтому и сохраниться до нашихъ временъ имъ было несомнѣнъ удобно. Но мы знаемъ, что естественный выборъ можетъ дѣйствовать только на тѣ органы или инстинкты, которыхъ совершенствованіе полезно для данной породы. Слѣдовательно, мы можемъ спросить: въ какомъ отношеніи изящная и правильная архитектура ячеекъ приноситъ пчеламъ дѣйствительную пользу? Ну, вотъ, слава Богу! договорились мы, наконецъ, до настоящаго дѣла. На этотъ вопросъ защитникъ теоріи обязанъ найти отвѣтъ *рано или поздно*, потому что врядъ ли пчела стала бы учиться и развиваться для того, чтобы вносить въ природу элементъ *разнообразія*, или для того, чтобы *премещать глазъ* человека красивою формою шестигранныхъ ячеекъ. Но и здѣсь я поставилъ слово *рано или поздно* потому, что мы, при теперешнемъ состояніи нашихъ фактическихъ знаній, даже на дѣльные вопросы не имѣемъ права требовать отъ натуралиста немедленнаго отвѣта.

Что инстинктъ долженъ быть полезенъ — это ясно; но чѣмъ именно полезенъ — это во многихъ случаяхъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, потому что животныхъ очень много, а натуралистовъ очень мало. Впрочемъ, въ вопросѣ о строительномъ инстинктѣ пчелъ намъ нѣтъ надобности откладывать рѣшеніе въ долгій ящикъ. Извѣстно, что восковой сотъ необходимъ для пчелы, какъ колыбель молодаго поколѣнія и какъ кладовая для сбереженія меда. Извѣстно также, что пчелы выдѣляютъ воскъ изъ своего организма очень медленно и въ незначительномъ количествѣ; чтобы выдѣлить одинъ фунтъ воска улей пчелъ долженъ съѣсть отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ сухаго сахара; а такъ какъ пчелы, вмѣсто сухаго сахара, ѣдятъ обыкновенно жидкій сахарный сиропъ, заключающійся въ цвѣтахъ, то имъ, для выдѣленія одного фунта воска, надо съѣсть несравненно больше пятнадцати фунтовъ цвѣточнаго сиропа или нектара. Воскъ достается пчелѣ очень дорого, тѣмъ болѣе, что пчелы, занимающіяся выдѣленіемъ этого вещества, вмѣсто того, чтобы вылетать изъ улья за добычею, должны, въ теченіи многихъ дней, сидѣть на одномъ мѣстѣ и ѣсть готовую пищу. Стало бытъ, чѣмъ больше потребуется воска на сооруженіе ячеекъ, тѣмъ меньше будетъ приготовлено меда, а для пропитанія пчелъ во время зимы необходимъ очень значительный запасъ этой пищи, и если запасъ окажется недостаточнымъ, то улей погибнетъ. Ясно, стало бытъ, что бережливость въ обращеніи съ воскомъ прямо рѣшаетъ для колоніи пчелъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи. Пчеламъ, подъ страхомъ голодной смерти, необходимо было разрѣшить на практикѣ ту мудреную геометрическую задачу, о которой говорятъ Дарвинъ, то есть имъ необходимо было

отыскать для своихъ ячеекъ такую форму, при которой наименьшее количество воска вмѣщало бы въ себя наибольшее количество меда. Вѣроятно, пчелы, въ теченіе многихъ и многихъ тысячелѣтій, медленно и ощупью подвигались впередъ къ рѣшенію этой задачи ихъ жизни; а въ это время естественный выборъ, дѣйствуя здѣсь на коллективныя единицы, постоянно сохранялъ только тѣ общины пчелъ, которыя въ этомъ отношеніи имѣли какое нибудь, хотя малѣйшее, преимущество надъ другими. Такимъ образомъ, польза строительнаго инстинкта пчелы доказана и, слѣдовательно, отысканъ тотъ путь, по которому этотъ инстинктъ, подъ вліяніемъ естественнаго выбора, долженъ былъ подвигаться впередъ къ своему теперешнему совершенству.

Кромѣ того, теорія Дарвина можетъ здѣсь выдвинуть въ свою пользу такія пояснительныя подтвержденія, которыхъ мы, по настоящему, даже не имѣемъ права отъ нея требовать. Въ настоящее время существуютъ еще насѣкомыя, у которыхъ строительное искусство находится въ различныхъ, менѣе совершенныхъ фазахъ своего развитія. Шмели употребляютъ для храненія меда свои старыя коконы—это низшая степень архитектурной техники. Иногда они придѣлываютъ къ коконамъ короткія восковыя трубочки—вторая степень. Иногда они строятъ изъ воска отдѣльныя ячейки, округлыя и очень неправильныя—третья степень. Въ Мексикѣ живетъ насѣкомое *Melipona domestica*, которое по строенію своего тѣла занимаетъ средину между шмелемъ и пчелою.

«Она строитъ, говоритъ Дарвинъ, почти правильныя восковыя соты изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и кромѣ того, нѣсколько крупныхъ восковыхъ ячеекъ для храненія меда. Эти послѣднія ячейки почти шарообразны, приблизительно одинаковой величины и скучены въ неправильную массу.» (Стр. 182.)

Между шмелемъ и мелипоною, съ одной стороны, и между мелипоною и пчелою, съ другой стороны, недостаетъ очень многихъ переходныхъ степеней. Кромѣ того, ни шмель, ни мелипона ни въ какомъ отношеніи не могутъ считаться прямыми предками пчелы; они могутъ быть названы только ея боковыми родственниками, остановившимися на низшихъ степеняхъ развитія. Не смотря на то читатель, конечно, согласится, что простыя инстинкты шмеля и усложняющіеся инстинкты мелипоны въ значительной степени помогаютъ намъ понять, какимъ образомъ могло сформироваться сложное и вполне развитое архитектурное искусство обыкновенной пчелы. Готтентоты или алеуты также не могутъ считаться прямыми предками современныхъ англичанъ; а между тѣмъ, образъ жизни существующихъ дикарей въ значительной степени разъясняетъ намъ многія подробности изъ далекаго прошедшаго цивилизованныхъ народовъ. Но если бы какія нибудь обстоятельства погубили весь родъ шмелей и мелипонъ, или всѣхъ дикарей, живущихъ

на земномъ шарѣ, то и тогда мы едва ли бы имѣли разумное основаніе думать, что пчела всегда была отличнымъ архитекторомъ, или что англичане всегда пользовались неприкосновенностью жилища. Хотя шмель и мелипона очень интересны для натуралиста, а дикари — для антрополога, однако они ничѣмъ не застрахованы противъ уничтоженія, и во всякое время могли исчезнуть съ лица земли такъ же легко, какъ и всякая другая порода. Исчезновеніе ихъ, очевидно, нисколько не могло бы подорвать теорію Дарвина и не имѣло бы ничего общаго съ постановкою вопроса объ инстинктѣ пчелы, или объ исторіи англійской конституціи.

МУРАВЬИ.

I.

Все рабочее населеніе ульевъ и муравейниковъ состоитъ изъ бесплодныхъ самокъ, которыя значительно отличаются отъ своихъ родителей по устройству тѣла, и еще сильнѣе расходятся съ ними въ направленіи инстинктовъ и въ образѣ жизни. Родители, или вообще самцы и плодovitыя самки совсѣмъ не работаютъ, а бесплодныя самки, напротивъ того, трудятся постоянно, и при этомъ далеко превосходятъ самцовъ и плодovitыхъ самокъ своей породы развитіемъ умственныхъ способностей и специальной технической ловкостью. Спрашивается, какимъ же образомъ могли выработаться эти свойства рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ? — Ни одно изъ этихъ насѣкомыхъ не можетъ имѣть потомства, и, слѣдовательно, никому не можетъ передавать по наслѣдству особенности своего тѣлосложенія и своего инстинкта. Всѣ счастливыя индивидуальныя уклоненія, всѣ результаты упражненія и развитія, все это умираетъ вмѣстѣ съ каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ, и не можетъ обратиться въ постоянное качество всей породы. Каждый рабочій муравей, отличающійся отъ своихъ сверстниковъ особенною ловкостью, или силою, или догадливостью, имѣетъ, конечно, преимущество надъ другими субъектами; въ силу этого преимущества онъ можетъ ихъ пережить; надъ его личностью обнаружится такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго выбора. Но во всякомъ случаѣ, дальше его личности это дѣйствіе не пойдетъ, потому что этотъ муравей все таки умретъ безъ потомства, хотя бы онъ прожилъ сто лѣтъ, и хотя бы онъ былъ гениемъ первой величины. На породу муравьевъ это долготѣіе и эта гениальность не могутъ имѣть никакого вліянія, потому что муравьи слѣдующаго поколѣнія рождаются не отъ этихъ дѣятельныхъ и даровитыхъ субъектовъ, а отъ обыкновенныхъ и постоянно праздныхъ самцовъ и самокъ. Повиди-

тому, тутъ представляется для теоріи естественнаго выбора неопредѣлимое затрудненіе; повидимому, тутъ не можетъ быть постепеннаго улучшенія или очищенія породы, потому что отдѣльныя поколѣнія этой породы разбѣжены между собою, то есть, не происходятъ другъ отъ друга; а между тѣмъ, только постоянное накопленіе мелкихъ усовершенствованій, передаваемыхъ изъ одного поколѣнія въ другое, могло бы объяснить намъ то громадное и своеобразное развитіе умственныхъ способностей, до котораго дошли въ настоящее время рабочія пчелы и рабочіе муравьи. Если же намъ придется допустить, что эти способности возникли мгновенно, безо всякаго подготовленія и историческаго развитія, то теорія Дарвина можетъ считать свое дѣло окончательно проиграннымъ, потому что, здѣсь, повидимому, живой фактъ возмущается противъ теоріи, и самымъ своимъ существованіемъ уличаетъ ее въ несостоятельность.

Дарвинъ сознается въ своей книгѣ, что инстинкты бесполохъ насѣкомыхъ долго казались ему неопровержимымъ возраженіемъ, окончательно гибельнымъ для теоріи естественнаго выбора и медленныхъ видоизмѣненій. Однако, онъ не отчаялся въ успѣхѣ, и дѣйствительно отыскалъ ключъ къ пониманію этой живой загадки.

Рабочій муравей не можетъ имѣть дѣтей — это несомнѣнно; но у этого рабочаго муравья есть отецъ и мать, которые могутъ имѣть очень многочисленное потомство: стало быть, у рабочаго муравья будетъ много братьевъ и сестеръ; братья всѣ будутъ способны къ половой дѣятельности, а изъ сестеръ однѣ будутъ бесплодны, подобно нашему рабочему, а другія будутъ плодовиты, подобно своей родной матери. Если всѣ эти братья и сестры, плодовитые и бесплодные, разбредутся въ разныя стороны, какъ только сдѣлаются способными добывать себѣ пищу безъ помощи родителей, — то произойдетъ очень простая исторія. Бесплодныя самки умрутъ безъ потомства, плодовитыя — народятъ кучу дѣтей; въ этомъ второмъ поколѣніи повторится та же простая исторія: бесплодныя умрутъ, плодовитыя обзаведутся семействами. То же самое случится и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи, и въ двадцатомъ, до тѣхъ поръ, пока бесплодныя самки совершенно переведутся. Съ каждымъ поколѣніемъ бесплодныя самки будутъ становиться рѣже, потому что естественный выборъ будетъ постоянно направляться противъ ихъ матерей. Положимъ, на примѣръ, что самка *A* родитъ постоянно бесплодныхъ дочерей; ясно, что потомство этой самки въ слѣдующемъ же поколѣніи совершенно прекратится, и что способность рождать *исключительно* бесплодныхъ дѣтей рѣшительно, по самой сущности своей, не можетъ сдѣлаться наслѣдственною. Другая самка *B* родитъ и бесплодныхъ и плодовитыхъ, а третья *C* исключительно плодовитыхъ. Ясно, что у *C* окажется болѣе многочисленное потомство, чѣмъ у *B*. Число

дѣтей будетъ, пожалуй, одинаково у обѣихъ, но число внучатъ будетъ уже различно, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ различіе будетъ увеличиваться въ пользу *C*, если только обѣ самки, и *B*, и *C*, передадутъ свои личныя особенности всему плодовитому потомству. Но, при одинаковыхъ условіяхъ, быстро размножающаяся порода должна непременно, рано или поздно, вытѣснить и истребить породу, размножающуюся медленно. Такимъ образомъ, самки, подобныя своей прародительницѣ *B*, то есть, имѣющія способность рожать иногда бесплодныхъ, уничтожатся, и, вслѣдствіе этого, бесплодіе перестанетъ существовать, если только оно не будетъ поддерживаться какими нибудь искусственными средствами. Все это произойдетъ въ томъ случаѣ, когда плодовые и бесплодные братья и сестры будутъ расходиться въ разныя стороны и жить совершенно независимо другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности дѣло приняло совершенно другой оборотъ, потому что въ породѣ муравьевъ проявилось стремленіе къ общественной жизни за много тысячелѣтій до тѣхъ временъ, когда въ младенческихъ обществахъ человѣка начали формироваться первые очерки мифическихъ сказаній. Когда это стремленіе проявилось, то есть, когда молодые члены семейства рѣшились оставаться на всю жизнь вмѣстѣ съ родителями, и общими силами стали заботиться объ удовлетвореніи своихъ общихъ потребностей, тогда одинокіе муравьи должны были уничтожиться, потому что борьба и соперничество съ обществами во всѣхъ отношеніяхъ оказались имъ не по силамъ. Если шло дѣло на драку, то одинокого колотили или убивали; если приходилось заготовлять запасъ пищи, то десять членовъ ассоціаціи, помогая другъ другу, добывали больше пищи, сохраняли ее лучше, и съ большимъ успѣхомъ защищали ее противъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ пятнадцать одинокихъ личностей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную; когда надо было нянчить и кормить молодое поколѣніе, то и въ этомъ дѣлѣ общество обнаруживало свое превосходство надъ разрозненными единицами. Принципъ раздѣленія труда и соединенія силъ даетъ себя знать вездѣ, гдѣ составляется общество, и гдѣ появляется коллективный трудъ. Кто составляетъ общество, и кто трудится—люди или муравьи—это рѣшительно все равно. Законы труда и свойства ассоціаціи остаются неизмѣнными при всѣхъ условіяхъ. Когда общежительные инстинкты муравья окончательно упрочились, тогда въ положеніи бесплодныхъ самокъ произошла существенная перемѣна *).

Надо замѣтить, что въ мірѣ животныхъ бесплодіе часто соединяется

*) Легко можетъ быть, что бесплодіе совершенно не существовало во время одинокой жизни муравья, и порождено именно складомъ его общественной жизни; но объ этомъ я поговорю впоследствии, а теперь я излагаю дѣло такимъ образомъ, чтобы рельефнѣе выставить противоположность между одинокимъ и общежительнымъ періодомъ муравьиной исторіи.

съ самыми разнообразными измѣненіями въ тѣлосложеніи. «Намъ даже извѣстны, говоритъ Дарвинъ, въ разныхъ породахъ скота особенности въ рогахъ, сопряженныя съ искусственнымъ несовершенствомъ мужскаго пола: волю извѣстныхъ породъ имѣютъ рога болѣе длинныя, чѣмъ коровы и быки тѣхъ же породъ.» (Стр. 191). Извѣстно также, что оплодненіе человѣка ведетъ за собою измѣненія въ голосѣ, въ развитіи волосъ на бородѣ, въ цвѣтѣ лица, и во всемъ складѣ характера. Если же безплодіе производится не насильственнымъ истребленіемъ половыхъ частей, а медленнымъ и глубокимъ вліяніемъ развитія и воспитанія даннаго субъекта, то, разумѣется, надо ожидать, что различіе между бесплоднымъ и плодовитымъ животнымъ окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между воломъ и быкомъ, или между евнухомъ и мужчиною. Замѣчено вообще, что напряженная дѣятельность мозга рѣдко уживается съ напряженною дѣятельностью половой системы. Люди, сильно работающіе умомъ, рѣдко оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, и Джонъ Стюартъ Милль весьма усердно и настоятельно совѣтуетъ женщинамъ побольше размышлять, чтобы поменьше предаваться пагубному занятію дѣторожденія. Во всемъ мірѣ животныхъ можно также замѣтить то общее явленіе, что животное размножаетъ свою породу тѣмъ быстрѣе, чѣмъ несовершеннѣе строеніе его мозга. У бесплодныхъ муравьевъ половыя органы остаются на всю жизнь въ томъ зачаточномъ положеніи, въ какомъ они находились у муравьиной личинки, только что вылупившейся изъ яйца. Стало быть, есть основаніе думать, что мозгъ бесплодной самки развивается въ ущербъ половой системѣ, и что, вслѣдствіе этого, бесплодное насѣкомое всегда становилось немного умнѣе плодовитаго, безъ всякаго содѣйствія естественнаго выбора. Когда у муравьевъ и у пчелъ укоренились общежительныя привычки, тогда это легкое умственное превосходство бесплодныхъ субъектовъ получило очень важное значеніе для благосостоянія каждаго отдѣльнаго общества.

II.

Представимъ себѣ, что въ какой нибудь мѣстности существуетъ нѣсколько сотенъ, или нѣсколько тысячъ муравейниковъ, населенныхъ самцами, самками и бесплодными субъектами. Эти муравейники, конечно, ведутъ между собою такую же ожесточенную и разнообразную борьбу, какую до составленія обществъ вели между собою отдѣльныя муравьи.

Муравейники нападаютъ другъ на друга, отбиваютъ другъ у друга пищу, похищаютъ другъ у друга куколки, и во всѣхъ этихъ столкнове-

нiяхъ, прямыхъ или косвенныхъ, то есть, выражающихся въ видѣ открытой драки или въ видѣ глухой борьбы за средства къ существованiю, — во всѣхъ этихъ столкновенiяхъ, говорю я, побѣда остается на сторонѣ сильнѣйшаго муравейника, точно такъ, какъ она прежде оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго муравья. Побѣжденные муравейники погибаютъ, и причины ихъ гибели такъ же разнообразны, какъ въ свое время были разнообразны причины гибели отдѣльныхъ муравьевъ. Одинъ муравейникъ погибаетъ подъ ударами сосѣдняго общества, заключающаго въ себѣ большое количество сильныхъ, храбрыхъ или хитрыхъ насѣкомыхъ. Другой ослабѣваетъ отъ голода, потому что его жители уступаютъ сосѣдямъ въ умѣнii добывать себѣ пищу. Третiй размывается дождемъ, потому что жители не умѣютъ строить такiе своды и крыши, которые могли бы устоять противъ дѣйствiя водяныхъ капель. Въ четвертомъ число жителей постоянно убавляется отъ плохаго воспитанiя личинокъ, или отъ того, что самки слишкомъ ревностно исполняютъ спасительный совѣтъ Джона Стюарта Милля. Въ то же время, рядомъ съ этими слабыми, голодными и угнетенными обществами, существуютъ общества сильныя, сытыя и угнетающiя другихъ. Спрашивается, на чемъ же основано различiе между первыми и вторыми? Очевидно на томъ, что вторыя располагаютъ большею массою сильныхъ мускуловъ и дѣятельныхъ мозговъ. Для благосостоянiя муравейника необходимо, чтобы число его жителей не уменьшалось, чтобы эти жители умѣли добывать себѣ много пищи, чтобы они умѣли построить себѣ удобное и прочное жилище, чтобы они заботливо ухаживали за своими личинкамы,— и наконецъ, чтобы они, во всякое время, могли встрѣтить и отразить нападенiе своихъ враждебныхъ единоплеменниковъ и сосѣдей. Если въ муравейникѣ слишкомъ много бесплодныхъ самокъ, то число жителей уменьшается, вслѣдствiе этого, общество рано или поздно, погибаетъ естественною или насильственною смертию. Если въ муравейникѣ совсѣмъ нѣтъ бесплодныхъ самокъ, или если ихъ слишкомъ мало, то оказывается недостатокъ въ умственныхъ силахъ и въ технической ловкости; вслѣдствiе этого, сосѣднiе муравейники приобрѣтаютъ перевѣсъ, и со временемъ губятъ это отстающее общество. Такимъ образомъ, естественный выборъ постоянно сохраняетъ тѣ общества, которыя строже своихъ соперниковъ поддерживаютъ у себя должное равновѣсiе между дѣятельностью мозга и дѣятельностью половой системы, то есть между количествомъ бесплодныхъ и количествомъ плодовитыхъ жителей. Но отчего же зависитъ поддержанiе этого должнаго равновѣсiя?

Дарвинъ говоритъ, что оно зависитъ отъ различныхъ особенностей въ тѣлосложенiи плодовитыхъ субъектовъ. Если самка муравья рождаетъ бесплодныхъ дѣтей, то конечно, причина этаго явленiя заключается въ томъ или другомъ свойствѣ ея организма; это свойство, по

добно всякому другому, подвержено индивидуальнымъ колебаніямъ, то есть, у одной самки развито сильнѣе, у другой — слабѣе, и нѣкоторыя изъ этихъ колебаній выгодны для муравейника, а другіе не выгодны. Какое это свойство, и какія въ немъ могутъ быть колебанія, этого мы не знаемъ, но наше незнаніе нисколько не должно насъ смущать или изумлять. Мы также не знаемъ, напримѣръ, почему у одной четы супруговъ рождаются постоянно мальчики, у другой — дѣвочки, а у третьей — и дѣвочки, и мальчики. Однако, не остроумно было бы утверждать, что это дѣлается безъ причины, и еще неостроумнѣе было бы произносить по этому поводу бессмысленное слово «случай», выражающее то, что въ дѣйствительности не существуетъ нигдѣ, и не существовало никогда. Не трудно понять, что причина должна заключаться въ тѣлосложеніи родителей, или въ обстоятельствахъ ихъ жизни и ихъ взаимныхъ отношеній.

Уничтожая одни муравейники и сохраняя другіе, естественный выборъ, черезъ это уничтожаетъ вредныя, и сохраняетъ полезныя колебанія, проявляющіяся въ тѣлосложеніи плодовыхъ субъектовъ. Рано или поздно полезныя колебанія упрочиваются, и вслѣдствіе этого, плодовые самки будутъ постоянно рождать плодовыхъ и бесплодныхъ дѣтей въ надлежащей пропорціи. Точно такимъ же образомъ, естественный выборъ постоянно благоприятствуетъ тѣмъ муравейникамъ, въ которыхъ живутъ самыя умныя, самыя дѣятельныя и самыя ловкія работницы. Такіе муравейники процвѣтаютъ и отличаются особенною долговѣчностью, а вмѣстѣ съ этими муравейниками сохраняются и упрочиваются тѣ половыя особенности самцовъ и самокъ, которыя сообщаютъ бесплодному потомству умъ, дѣятельность, и ловкость.

И такъ, естественный выборъ дѣйствуетъ не на тѣхъ животныхъ, которыя сами обладаютъ умомъ, дѣятельностью и ловкостью, а на тѣхъ, которыя составляютъ причину этихъ свойствъ, то есть, на родителей рабочихъ насѣкомыхъ, и вообще на все плодовитое населеніе муравейника или улья. Такимъ образомъ, развитіе и совершенствованіе становятся возможными и даже неизбежными.

«Моя вѣра, говоритъ Дарвинъ, въ могущество выбора простирается до того, что я не сомнѣваюсь, что можно было бы постепенно образовать породу, въ которой волю имѣли бы постоянно необыкновенно длинныя рога, лишь тщательно наблюдая, какіе быки и коровы производятъ самыхъ длиннорогихъ воловъ, не смотря на то, что ни одинъ волъ не могъ бы передать своихъ признаковъ породѣ».

Такъ, полагаю я, было и съ общественными насѣкомыми; легкое видоизмѣненіе въ строеніи, въ инстинктѣ, сопряженное съ бесплодіемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ общины, — было для нее выгодно; слѣдственно, плодовые самцы и самки той же общины благоденствовали и передавали своему плодовитому потомству расположеніе къ произведенію без-

плодныхъ членовъ, видоизмѣненныхъ подобнымъ образомъ. И я полагаю, что этотъ процессъ повторялся, пока не обозначилось между плодовитыми и бесплодными самками одного вида то разительное различіе, которое представляютъ многія *общественныя* насаѣкомыя. Я подчеркнул слово *общественныя*, потому что въ немъ заключается весь смыслъ этого явленія, и единственный ключъ къ его пониманію. Если бы нормальное бесплодіе, и связанное съ этимъ бесплодіемъ развитіе особенныхъ инстинктовъ существовало въ такой породѣ животныхъ, которая ведетъ одинокую жизнь, то подобное явленіе оказалось бы совершенно необъяснимымъ, и одного такого примѣра было бы достаточно, чтобы навсегда погубить теорію Дарвина. Но такихъ явленій не подмѣтилъ до сихъ поръ ни одинъ натуралистъ, и, слѣдовательно, теорія естественнаго выбора остается неприкосновенною и непобѣдимую.

III.

Теперь уже намъ не трудно будетъ прослѣдить въ общихъ чертахъ дальнѣйшее развитіе муравьиной породы. Въ общественной жизни муравьевъ встрѣчается много замѣчательныхъ явленій, и всѣ эти явленія нисколько не противорѣчатъ теоріи естественнаго выбора.

«Во многихъ видахъ муравья, говоритъ Дарвинъ, безполныя особи разнятся, не только отъ плодовитыхъ самцовъ и самокъ, но и между собою, распадаясь такимъ образомъ на двѣ или даже на три касты. Эти касты, сверхъ того, обыкновенно не представляютъ переходовъ между собою, но такъ же рѣзко разграничены, какъ любыя виды одного рода, или, точнѣе, роды одного семейства. Такъ у *Eciton* есть безполныя рабочіе и воины съ чрезвычайно разнородными челюстями и инстинктами; *Cryptogus* рабочіе лишь одной касты снабжены очень страннымъ щитомъ на головѣ, употребленіе котораго совершенно неизвѣстно; у мексиканскаго *Murgesocystus* рабочіе одной касты никогда не оставляютъ гнѣздо; ихъ кормятъ рабочіе другой касты, и у нихъ безмѣрно развитое брюхо, выдѣляющее родъ меду, замѣняющаго выдѣленіе тлей или дойнаго скота, содержамаго*) нашими европейскими муравьями.» (Стр. 192)

Факты эти не представляютъ никакихъ серьезныхъ затрудненій для теоріи естественнаго выбора, и доказываютъ только, что тѣлосложеніе муравья отличается вообще замѣчательною гибкостью и измѣнчивостью.

*) Ухитрился же г. переводчикъ нанизать три причастія и три придаточныя предложенія одно на другое: 1) „выдѣляющее“..... 2) „замѣняющаго“..... и 3) „содержимаго“!....

Раздѣленіе рабочаго населенія на касты объясняется очень просто. — Положимъ, что существуютъ въ близкомъ сосѣдствѣ между собою нѣсколько муравейниковъ вида *Eciton*. Дѣйствіе происходитъ въ глубокой древности. У *Eciton* еще не успѣли образоваться двѣ касты рабочихъ и воиновъ, а существуетъ только одна каста бесплодныхъ самокъ, которыя немного умнѣе и дѣятельнѣе своихъ родителей и плодовитыхъ сестеръ. Въ это время, въ муравейникѣ *A*, обнаруживается въ тѣлосложеніи нѣсколькихъ бесплодныхъ самокъ легкое уклоненіе, вслѣдствіе котораго челюсти ихъ становятся немного покрѣпче, а характеръ немного позадоритѣе, чѣмъ у другихъ муравьевъ того же вида. Эти задорные и зубастые муравьи заводятъ драку съ сосѣднимъ муравейникомъ *B*, и, благодаря своимъ челюстямъ и своей храбрости, одерживаютъ рѣшительную побѣду. Муравейникъ *B* окончательно раззоряется; часть жителей погибаетъ въ сраженіи, и поѣдается побѣдителями; остальные разбѣгаются по окрестностямъ, и умираютъ отъ голода и отъ разныхъ лишений, потому что они уже разучились вести ту одинокую жизнь, которую въ былое время вели ихъ предки. Та же жестокая участь постигаетъ общества *C*, *D*, и *E*. Муравейникъ *A* торжествуетъ и процвѣтаетъ, свирѣпствуетъ въ своемъ околodкѣ, и постоянно обжирается трупами и куколками побѣжденныхъ враговъ. Но, въ одинъ прекрасный день, онъ сталкивается съ муравейникомъ *F*, и, къ своему крайнему изумленію, встрѣчаетъ такой энергическій отпоръ, какого ему до той минуты не случалось испытывать нигдѣ; оказывается, что самки муравейника *F* также произвели на свѣтъ храбрыхъ и зубастыхъ дѣтей, которые уже успѣли показать свою удалъ муравейникамъ *G*, *H* и *K*. Такимъ образомъ, муравейники *A* и *F* остаются нераззоренными, и, въ случаѣ войны, отражаютъ другъ друга съ одинаковымъ успѣхомъ. Но равновѣсіе между ними продолжается только до тѣхъ поръ, пока въ одномъ изъ нихъ не обнаружится дальнѣйшее развитіе храбрости и зубастости *): Кто обогналъ противника въ этомъ отношеніи, тотъ и побѣдилъ. Малѣйшее выгодное измѣненіе въ тѣлосложеніи воинственныхъ рабочихъ рѣшить вопросъ, кому изъ этихъ завоевательныхъ республикъ жить, и кому умирать. Борьба можетъ тянуться десятки лѣтъ, потому что общества муравьевъ, подобно обществамъ пчелъ и государствамъ людей, существуютъ постоянно, до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушить стеченіе какихъ нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Муравейники *A* и *F* разрастаются и основываютъ множество колоній, потому что старое помѣщеніе становится слишкомъ тѣснымъ для уве-

*) У муравьевъ нѣтъ зубовъ, и читатель, конечно, понимаетъ, что выраженія: «зубастый» и «зубастость» употребляются, для большей краткости, вмѣсто словъ: «одаренный сильными челюстями», и «сильное развитіе челюстей».

личившагося числа жителей. Гдѣ жили прежде общества *B*, *C*, *D*, *E*, *G*, *H* и *K*, тамъ поселяются потомки зубастыхъ и воинственныхъ муравьевъ *A* и *F*. Эти потомки всѣ зубасты и воинственны, но въ одномъ изъ этихъ новыхъ обществъ, въ какомъ нибудь муравейникѣ *Z*, обнаруживается особенное развитіе этихъ героическихъ качествъ. Тогда *Z* истребляетъ всѣ колоніи *A* и *F*, вмѣстѣ съ обѣими метрополіями, и разросшись въ свою очередь, на ихъ развалинахъ самъ основываетъ свои колоніи, еще болѣе храбрыя и зубастыя. Черезъ нѣсколько времени, та же самая исторія повторяется въ потомствѣ муравейника *Z*. Тотъ, кто сильнѣе, постоянно торжествуетъ, и, такимъ образомъ, общій уровень муравьиного могущества постоянно возвышается, потому что все, что стоитъ ниже этого уровня, ежедневно и ежеминутно уничтожается, то оружіемъ враговъ, то голодомъ, то разными другими причинами. Сами герои, или вѣриже, героини не могутъ передать свои достоинства потомству, но у героинь есть родители и плодовитыя сестры, которыя, живя съ героинями въ одномъ муравейникѣ, и пользуясь плодами ихъ побѣдъ, благоденствуютъ, и постоянно производятъ на свѣтъ новыя поколѣнія завоевателей.

Теперь намъ надо еще объяснить, почему и какимъ образомъ рядомъ съ кастою воиновъ сохранилась и развилась каста работниковъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ очень не трудно. Работники были такъ же необходимы для существованія общества, какъ воины были необходимы для отраженія враговъ. Пока герои совершали чудеса храбрости, личинки могли умереть съ голоду и куколки могли измокнуть подъ дождемъ, если въ муравейникѣ не было дѣятельныхъ и расторопныхъ субъектовъ, воспитывающихъ молодое поколѣніе, и предохраняющихъ его отъ всякой напасти. Положимъ, что въ муравейникѣ *M* *всѣ* бесплодныя самки одарены воинственными наклонностями и соответствующимъ тѣлосложеніемъ; въ муравейникѣ *N*, напротивъ того, *всѣ* бесплодныя самки относятся къ кастѣ мирныхъ работниковъ, а въ третьемъ муравейникѣ *O* есть и воины, и работники. Ясно, что послѣдній муравейникъ переживетъ своихъ одностороннихъ сосѣдей; *N*, по всей вѣроятности, будетъ завоеванъ и разоренъ, а *M* ослабѣетъ и погибнетъ отъ того, что никому будетъ заботиться о личинкахъ и куколкахъ. Мы видѣли выше, какимъ образомъ естественный выборъ можетъ привести дѣло къ тому результату, что въ каждомъ муравейникѣ будетъ находиться именно столько бесплодныхъ и столько плодовитыхъ самокъ, сколько того требуетъ благосостояніе общества. Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, тогда естественный выборъ, продолжая дѣйствовать по прежнему, тѣмъ же самымъ способомъ устроитъ такъ, что изъ числа бесплодныхъ одна часть будетъ одарена однимъ тѣлосложеніемъ, а другая—другимъ. Сначала разница между этими двумя типами будетъ очень невелика, но,

если для общества выгодно, чтобы эта разница увеличилась, то понемногу она и увеличится, потому что долговѣчнѣе другихъ будутъ оказываться тѣ муравейники, въ которыхъ работники и войны сильнѣе отличаются другъ отъ друга. Можетъ случиться, что эти двѣ касты въ свою очередь раздробятся на новыя касты, и эти подраздѣленія также сдѣлаются постоянными, если только они окажутся полезными для муравейника въ данную минуту, и при данныхъ условіяхъ мѣстности. Такимъ путемъ произошли—щитъ на головѣ у *Cryptocerus*, и медоточивое брюхо у *Murmecocystus*.

IV.

Естественный выборъ постоянно сохраняетъ всякое видоизмѣненіе въ организаціи рабочаго муравья. Но спрашивается, какія именно причины производятъ эти видоизмѣненія? Зависятъ ли они вполне отъ тѣлосложенія родителей, или же тутъ дѣйствуютъ какія нибудь другія вліянія? Попробую отвѣтить на этотъ вопросъ, но предупреждаю читателя, что отвѣтъ мой будетъ выраженъ въ формѣ догадокъ, сомнѣній и предположеній.

Какъ у пчелъ, такъ и у муравьевъ, каждая самка кладетъ яйца трехъ родовъ, сначала для будущихъ рабочихъ, потомъ для самцовъ, и наконецъ для плодовыхъ самокъ. Изъ этихъ яицъ выходятъ личинки, и въ первое время своего существованія личинки рабочихъ нисколько не отличаются отъ личинокъ плодовыхъ самокъ.—Существуетъ ли въ личинкѣ расположеніе сдѣлаться со временемъ бесплоднымъ или плодовитымъ насекомымъ, этого мы не знаемъ, но достоверно извѣстно, что это расположеніе, если оно существуетъ, можетъ быть переработано воспитаніемъ. Воспитаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ огромное значеніе. Это доказывается тѣмъ, что муравьи и пчелы содержатъ будущихъ рабочихъ совсѣмъ не такъ, какъ будущихъ самокъ: пища, помѣщеніе, уходъ—все совершенно различно. Пчелы, всегда соблюдающія въ расходованіи воска крайнюю бережливость, строятъ для будущихъ самокъ или матокъ отъ шести до десяти ячеекъ такой величины, что на каждую изъ нихъ тратится во сто разъ больше воску, чѣмъ на ячейку простой рабочей. Разумѣется, пчелы не стали бы этого дѣлать безъ надобности. Кромѣ того, извѣстно, что, въ случаѣ необходимости, пчелы могутъ сформировать себѣ новую матку изъ такой личинки, которой сначала назначено было сдѣлаться рабочейю.

«Если на бѣду, говоритъ Карль Фохтъ, старая матка останется въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока молодыя матки начнутъ выходить изъ куколокъ, то она ихъ умертвитъ безъ милосердія, и рабочія не будутъ

сопротивляться этому поступку. Но, такъ какъ старая царица *) въ это время уже неспособна класть яйца, то общество разбѣвается послѣ ея смерти; или же рабочіе формируютъ себѣ новую царицу, то есть переносятъ рабочую личинку, которой еще не минуло трехъ дней, въ царскую ячейку, и кормятъ ее царскою пищею; при такихъ условіяхъ ея половныя части развиваются, а при простомъ рабочемъ содержаніи онѣ остаются въ зачаточномъ состояніи». (*Zoologische Briefe I-er B. S. 684*).

Муравейникъ никогда не терпитъ недостатка въ плодовыхъ самкахъ, и поэтому муравьямъ нѣтъ никакой надобности формировать себѣ самку изъ рабочей личинки. Но за то, случается довольно часто, что плодовая самка муравья работаетъ сама надъ построениемъ ячеекъ, и это обстоятельство доказываетъ, что разстояніе между инстинктами плодовыхъ и бесплодныхъ муравьевъ не такъ громадно, какъ можно было бы подумать, глядя на обыкновенный образъ жизни тѣхъ и другихъ.

«Основаніе новыхъ муравьиныхъ обществъ, говоритъ Фохтъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ, послѣ полудня, громадные рои крылатыхъ самцовъ и самокъ оставляютъ гнѣзда, и совокупаются на воздухѣ. Самцы умираютъ почти тотчасъ послѣ совокупленія; большую часть самокъ рабочіе ловятъ и уводятъ назадъ въ муравейникъ, гдѣ самки кладутъ яйца преимущественно во время весны будущаго года. Оплодотворенныя самки, не пойманныя рабочими, прежде всего сами обрываютъ себѣ крылья, слабо прикрѣпленныя къ ихъ тѣлу, а потомъ устраиваютъ въ землѣ галлерею, и присоединяютъ къ ней комнаты, въ которыя онѣ кладутъ яйца для рабочихъ. Какъ только эти рабочія разовьются, такъ онѣ начинаютъ помогать матери въ ея работахъ, проводятъ вмѣстѣ съ нею зиму, и съ весны ведутъ хозяйство дальше, между тѣмъ, какъ самка, подобно пчелиной маткѣ, занимается, съ этого времени, исключительно кладкою яицъ, и соблюдаетъ при этомъ ту же очередь, то есть, кладетъ сначала рабочія яйца, потомъ мужскія, и наконецъ женскія». (*Zool. Vr. I-er B. S. 686, 687*).

Оказывается такимъ образомъ, что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ рабочей личинки пчелиную матку, и что обстоятельства жизни могутъ на время превратить праздную самку муравья въ очень усердную работницу. Рожденіе, воспитаніе и обстоятельства жизни—вотъ тѣ три элемента, которые создаютъ тѣлосложеніе и весь характеръ взрослога насекомаго. Но рѣшить, что именно вложено самкою въ яичко, и что дано въ послѣдствіи воспитаніемъ личинки—это такая задача, которая въ настоящее время превышаетъ силы естествоиспытателей. Дарвинъ, по видимому, расположенъ думать, что вліяніе матери очень значительно, то

*) Извѣстно, что пчелиная матка называется также царицею; по-нѣмецки ее даже всегда называютъ *Königin*—королева.

есть, что почти всё свойства и особенности будущего насѣкомаго заключены въ яичкѣ, и находятся въ немъ въ ту минуту, когда это яичко отдѣляется отъ тѣла матери. Склонность Дарвина къ этому мнѣнію выражается въ томъ, что онъ, говоря объ инстинктахъ и тѣлосложеніи бесплодныхъ насѣкомыхъ, постоянно напираетъ на половую систему ихъ родителей, и совершенно оставляетъ въ сторонѣ воспитаніе личинокъ. Не противорѣча идеямъ великаго натуралиста, я, въ этомъ случаѣ, позволю себѣ обратить вниманіе читателя на ту сторону дѣла, которую Дарвинъ отодвинулъ на второй планъ.

Половые части личинки, по словамъ Карла Фохта, «находится въ совершенно зачаточномъ положеніи, и выражаются преимущественно во внутреннихъ органахъ, приготовляющихъ семя, или яички, но эти органы чрезвычайно малы, и съ трудомъ могутъ быть отысканы» (Zool. Вг. I-er B. S. 551). «Во время кукольнаго періода, говоритъ онъ далѣе, формируются изъ жирнаго тѣла личинки преимущественно половыя части, такъ что большая часть насѣкомыхъ способны къ оплодотворенію тотчасъ послѣ своего выхода изъ кокона» (S. 552).

«Червовидныя личинки бабочекъ, мухъ, жуковъ и т. д., говоритъ Дарвинъ, гораздо ближе схожи между собою, чѣмъ полныя насѣкомыя, хотя личинки, какъ зародыши дѣятельные, приспособлены къ разнымъ образамъ жизни.» (Стр. 347). «Въ силу такихъ особыхъ приспособленій, говоритъ онъ далѣе, сходство между личинками или дѣятельными зародышами сродныхъ животныхъ значительно затемняется.» (Стр. 348.)

Мы видимъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, что Дарвинъ считаетъ *личинки* дѣятельнымъ *зародышемъ* насѣкомаго, то есть, *зародышемъ*, ведущимъ свою самостоятельную жизнь, и развивающимся на свободѣ, а не въ тѣлѣ своей матери. А на страницѣ 7-й Дарвинъ говоритъ, такъ: «опыты Жоффруа-Сентъ-Илера доказываютъ, что вліяніе неестественныхъ условій на *зародыши* производитъ уродливости, и между уродливостями и уклоненіями нельзя провести рѣзкой границы. Теперь, читатель мой, потрудитесь вывести общія заключенія изъ всѣхъ этихъ выписокъ. У *личинки* половыя части находятся въ зачаточномъ состояніи — стало быть, разовьются ли эти части, или останутся онѣ навсегда неразвитыми — это такой вопросъ, который рѣшается во время жизни личинки, а не въ ту минуту, когда самка кладетъ яичко. *Половыя части насѣкомаго вырабатываются изъ жирнаго тѣла личинки* въ то время, когда личинка находится уже въ состояніи куколки; стало быть, для того, чтобы эти части выработались, необходимо извѣстное количество жирнаго вещества, а это жирное вещество, разумѣется, добывается личинкою изъ пищи, и личинка обыкновенно бываетъ очень прозорлива именно потому, что ей надо накопить матеріалы для будущихъ видоизмѣненій. Но если личинку будутъ кормить скупо, то она, конечно, ничего не

накопить, и половымъ частямъ не изъ чего будетъ сформироваться. У животныхъ, ведущихъ одинокую жизнь, личинка всегда ѣсть столько, сколько сама пожелаетъ, а у общежительныхъ животныхъ личинку держать въ заперти, и ее кормятъ взрослыя насѣкомыя, руководствуясь при этомъ своими особенными соображеніями. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть одну изъ причинъ, почему бесплодіе проявляется постоянно только у общежительныхъ насѣкомыхъ. Если личинка есть дѣятельный зародышъ, и если вліяніе неестественныхъ условий производитъ въ зародышѣ уродливости или уклоненія, то, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что воспитаніе личинки можетъ произвести въ тѣлосложеніи будущаго насѣкомаго самыя обширныя и глубокія измѣненія. Припомните наконецъ, какимъ образомъ пчелы формируютъ себѣ новую матку изъ рабочей личинки, и тогда вы, вѣроятно, не найдете слишкомъ смѣлымъ мое предположеніе, что бесплодіе рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ есть явленіе чисто искусственное, выработанное складомъ ихъ общественной жизни, и постоянно поддерживаемое тѣмъ воспитаніемъ, которое старыя насѣкомыя даютъ огромному большинству новорожденныхъ личинокъ. Послѣдователи Мальтуса желаютъ, чтобы въ человѣческихъ обществахъ рабочіе также были до нѣкоторой степени бесплодны, и это обстоятельство доказываетъ, что общественная жизнь, дойдя до извѣстной степени развитія, обыкновенно сталкивается съ роковымъ вопросомъ: куда дѣвать избытокъ населенія?—Муравьи и пчелы отвѣтили на этотъ вопросъ тѣмъ, что нашли возможность постоянно убивать производительныя способности у огромнаго большинства своей породы. Муравьямъ и пчеламъ это извинительно, потому что у нихъ нѣтъ ни паровыхъ машинъ, ни химическаго анализа, ни рациональной агрономіи, а главное, нѣтъ такихъ мыслителей, какъ Ньютонъ, Либихъ или Дарвинъ. Люди могли бы рѣшить вопросъ иначе, но мало ли что они могли бы сдѣлать. *Si vieillesse savait, si jeunesse pouvait!*...

V.

Дѣйствія естественнаго выбора нисколько не стѣсняются моимъ предположеніемъ на счетъ искусственнаго происхожденія бесплодія: Естественный выборъ во всякомъ случаѣ истребляетъ или сохраняетъ весь муравейникъ съ родителями и воспитателями; стало быть, отъ кого бы ни зависѣло тѣлосложеніе молодаго поколѣнія, отъ родителей или отъ педагоговъ, причина этого тѣлосложенія все-таки будетъ истреблена или сохранена, смотря потому, вредно или полезно это тѣлосложеніе

для даннаго общества. Теорія естественнаго выбора остается такимъ образомъ въ полной безопасности, но высказанное мною предположеніе интересно для насъ въ другомъ отношеніи.

Прогрессъ въ органическомъ мірѣ дѣйствительно существуетъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Но совершается ли этотъ прогрессъ совершенно независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ животныхъ, или же, напротивъ того, нѣкоторые животныя своими сознательными усиліями содѣйствуютъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя переживаетъ ихъ порода? Этотъ вопросъ вѣроятно кажется читателю очень страннымъ, а между тѣмъ онъ возникаетъ въ нашемъ умѣ совершенно естественно, когда мы вглядываемся въ жизнь высшихъ насѣкомыхъ, подобныхъ пчелѣ и муравью. Читатель все-таки смѣется, и никакъ не хочетъ вѣрить, чтобы муравей могъ сознательно участвовать въ прогрессѣ своей породы; но мнѣ кажется, что читатель въ этомъ случаѣ ошибается. Если безплодіе рабочихъ и раздѣленіе ихъ на различныя касты производится исключительно различными особенностями въ тѣлосложеніи плодовыхъ самокъ, то видоизмѣненія муравьиной породы или ея прогрессъ происходятъ совершенно независимо отъ воли и сознанія самихъ муравьевъ. Если же, напротивъ того, безплодіе и касты, составляютъ, въ большей или въ меньшей степени, результатъ воспитанія, то прогрессъ находится въ рукахъ самихъ муравьевъ, или другими словами, *муравьи сами дѣлаютъ свой прогрессъ*. Если судьба личинокъ зависитъ отъ воспитателей, если воспитатели могутъ произвести значительныя измѣненія въ комплекціи будущаго насѣкомаго, если отъ нихъ зависитъ поворотить развитіе личинки въ ту или въ другую сторону, сдѣлать изъ личинки плодovitую самку или воина, простаго рабочаго или дойную корову (*Murgescocystus*), то, разумѣется, все будущее благосостояніе муравейника во всякую данную минуту зависитъ цѣликомъ отъ его взрослога населенія. Въ такомъ случаѣ, умъ и опытность рабочаго муравья не умираютъ вмѣстѣ съ нимъ. Все, что онъ получилъ отъ природы, все, что онъ приобрѣлъ воспитаніемъ, все, что ему передали старшіе муравьи, все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ своей собственной жизни, все это прилагается къ дѣлу воспитанія личинокъ, все это передается потомъ молодому муравью, и все это становится навсегда двигательнымъ элементомъ въ прогрессѣ породы. Каждое поколѣніе собираетъ свой запасъ опытности, каждая личность вноситъ въ этотъ запасъ свою крупинку, и все это вмѣстѣ присоединяется къ общему капиталу, и производитъ прочное приращеніе въ умственномъ и матеріальномъ богатствѣ общества и породы. Читатель сердится или смѣется. Онъ увѣренъ въ томъ, что я зафантазировался, и что критическія способности моего ума перестали слѣдить за движеніями моего пера. Читатель хочетъ напомнить мнѣ, что я все-таки говорю о муравьяхъ, а не

о людяхъ, но я самъ твердо помню это обстоятельство, и внимательнымъ взоромъ наблюдаю за шалостями моего легкомысленнаго (о, даже слишкомъ легкомысленнаго!) пера. Но что же васъ, читатель мой, смущаетъ? Вы, вѣроятно, думаете, что у муравья не можетъ быть индивидуальныхъ мыслей, что онъ не способенъ накопить запасъ личной опытности, и что онъ не въ состояніи дѣлиться съ своими согражданами — своими ощущеніями, соображеніями и воспоминаніями. Да, муравей, конечно, — животное маленькое и невзрачное. Неловко какъ-то приписывать такому ничтожеству разныя высшія способности и отправленія. А между тѣмъ, вы, мой читатель, все-таки потрудитесь преодолѣть ваше замѣшательство, и прочтите слѣдующій простой рассказъ Карла Фохта, человѣка, совершенно нерасположеннаго фантазировать и умиляться.

«Одинъ изъ моихъ друзей, говоритъ Фохтъ, сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе. Муравьи объѣдали у него вишни съ одного дерева. Чтобы отвадить ихъ, онъ вымазалъ стволъ дерева кругомъ на вершокъ въ ширину густымъ табачнымъ нагаромъ изъ трубки, собраннымъ нарочно для этой цѣли. Муравьи, взбиравшіеся на дерево толпами, поворотили назадъ, когда дошли до этого клейкаго и вонючаго кольца. Тѣ, которые были на деревѣ, и хотѣли спуститься внизъ, не осмѣлились перешагнуть черезъ кольцо; они взлѣзли опять на верхъ, и съ вѣтокъ свалились на землю. Дерево скоро освободилось отъ своихъ посѣтителей. Но черезъ нѣсколько времени муравьи полезли толпами вверхъ по стволу. Каждый изъ нихъ несъ въ челюстяхъ кусочекъ земли, и съ величайшею осторожностью начали они накладывать на табачный нагаръ одинъ комокъ возлѣ другаго, такъ что мало по малу образовалась настоящая мощенная дорога, которую они укрѣпили и расширили съ величайшею старательностью. Потомъ, когда составила полоска шириною въ полвершка, колонна муравьевъ съ полною безопасностью могла снова взбираться на дерево, которое дѣйствительно покрылось немедленно толпами опустошителей.» (Zool. Br. I-er. B. S. 555).

Если животныя дѣйствуютъ постоянно по инстинкту, и если всѣ инстинкты представляютъ только рядъ машинальныхъ привычекъ, полученныхъ каждымъ животнымъ при самомъ рожденіи по наслѣдству отъ предковъ, то надо предположить, что всѣ муравьи, посѣщающіе вишневья деревья, имѣютъ наслѣдственную привычку хватать въ челюсти кусочки земли, какъ только они увидятъ или обнюхаютъ на деревѣ какую нибудь гадость. Можно было бы возразить на это остроумное предположеніе, что цѣлыя сотни или тысячи поколѣній муравьевъ могли прожить на бѣломъ свѣтѣ, не встрѣтивши ни на одномъ деревѣ клейкаго кольца изъ табачнаго нагара, но если мы уже рѣшились объяснять все наслѣдственными привычками, то насъ не должно смущать это выраженіе. Мы

скажемъ, что у тысячи поколѣній этотъ инстинктъ существовалъ, но не проявлялся, а потомъ, когда другъ Фохта сдѣлалъ муравьямъ неприятность, этотъ скрытый инстинктъ тотчасъ и развернулся. Намъ отвѣтять, что такимъ образомъ, по нашему мнѣнiю, каждому муравью приходится таскать съ собою миллиарды разныхъ скрытыхъ инстинктовъ, потому что на каждый отдѣльный случай должно существовать въ этой ходячей аптекѣ особенное, готовое лекарство. Но мы и тутъ нисколько не струшимъ: ну, и пускай таскають миллиарды инстинктовъ! Инстинктъ есть нѣчто невѣсомое, и, стало быть, для муравья такая обуза не можетъ быть обременительною. Если же у моего читателя не достанетъ храбрости, чтобы побѣждать всѣ препятствiя подобными соображенiями, то онъ непремѣнно долженъ будетъ допустить, что у муравьевъ рождаются индивидуальныя мысли, которыя отъ одной личности переходять въ массу, и потомъ приводятся въ исполненiе соединенными усилiями всѣхъ муравьевъ, усвоившихъ себѣ новую идею. Въ самомъ дѣлѣ, трудно же предположить, чтобы всѣмъ муравьямъ, наткнувшимся на табачную трясику, въ одну минуту пришла въ голову одна и та же мысль, и, чтобы всѣ они, не сговариваясь между собою, тотчасъ побѣжали бы за комками земли. Тутъ, мнѣ кажется, можно допустить только два предположенiя: или какой нибудь особенно умный муравей самостоятельно выдумалъ эту уловку въ ту самую минуту, когда встрѣтилось затрудненiе; или же онъ припомнилъ сходный эпизодъ изъ своей жизни, и пустилъ въ ходъ свою опытность, примѣняя ее къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, личный умъ или личная опытность обогатили общество муравьевъ новымъ знанiемъ или новою идеею, а такой прогрессъ, мнѣ кажется, было бы очень несправедливо называть невольнымъ и бессознательнымъ. Но, если мы только допустимъ, что муравей можетъ что нибудь придумать, и сообщить свою выдумку своимъ товарищамъ, то намъ придется совершенно отказаться отъ нашихъ нелѣпыхъ предвзятыхъ идей о машинальности тѣхъ сложныхъ и вполне дѣлсообразныхъ поступковъ, которые совершаются муравьями и другими животными для блага общества и для сохраненiя породы. Когда мы, оставивъ въ сторонѣ наши предубѣжденiя, посмотримъ на нѣкоторыя явленiя общественной жизни муравьевъ, тогда передъ нами раскроется замѣчательный смыслъ этихъ явленiй, и тогда мы поймемъ, что сознательный прогрессъ и чисто историческое развитiе составляютъ неотъемлемое достоянiе всѣхъ высшихъ породъ животнаго царства. Надо только видѣть въ каждомъ явленiи то, что въ немъ дѣйствительно заключается, а не то, что вложено въ наши бѣдныя головы добродушными руководителями нашего счастливаго младенчества и нашей довѣрчивой юности.

VI.

Въ муравейникахъ мексиканскаго *Murgmecosystus* живутъ въ особенныхъ ячейкахъ толстобрюхіе рабочіе, выдѣляющіе на пользу общества сладкій сокъ, подобный меду. Специально развитое брюхо этой касты, подобно всѣмъ органамъ всевозможныхъ животныхъ, произошло не вдругъ; оно выработалось постепенно, посредствомъ медленныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ организаціи обыкновеннаго *Murgmecosystus*. Какъ и по какой причинѣ проявился первый зародышъ такого видоизмѣненія—этого мы не знаемъ, потому что вообще причины и законы всѣхъ видоизмѣненій до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдованы. Когда выгодное видоизмѣненіе проявилось, тогда началось дѣйствіе естественнаго выбора, и произошла та обыкновенная исторія, которую читатель знаетъ уже наизусть. Но, мнѣ кажется, что, кромѣ естественнаго выбора, тутъ дѣйствуетъ еще одинъ элементъ, именно сознательное вліяніе самихъ рабочихъ муравьевъ на тѣлосложеніе воспитываемыхъ личинокъ. Личинка, какъ «*дѣятельный зародышъ*», одарена чрезвычайною гибкостью тѣлосложенія, а рабочіе муравьи, занимающіеся воспитаніемъ молодаго поколѣнія, какъ важнѣйшимъ дѣломъ всей своей жизни, навѣрное довели до изумительнаго совершенства свое умѣнье пользоваться этою гибкостью. Они, навѣрное, умѣютъ распознавать всѣ мельчайшія личныя особенности въ организаціи личинки; они знаютъ, какъ развить эти особенности, или какъ остановить ихъ развитіе; они знаютъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ дѣйствуетъ та или другая температура, то или другое помѣщеніе; и всѣми этими знаніями—которыя непременно должны были накопиться у нихъ въ теченіе тысячелѣтій, они пользуются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ такою напряженною внимательностью, какою не можетъ похвалиться ни одинъ изъ педагоговъ самолюбиваго человѣчества. Поэтому, когда въ муравейникахъ *Murgmecosystus* проявились задатки медоточиваго брюха, рабочіе пустили въ ходъ всѣ свои знанія, и всю свою старательность, чтобы развить до крайнихъ предѣловъ эту полезную особенность. Естественный выборъ сдѣлалъ также свое дѣло, но приписывать ему одному весь получившійся результатъ было бы не совсѣмъ основательно. Медоточивое брюхо не составляетъ для муравейника крайней необходимости, такъ что, въ этомъ случаѣ, естественный выборъ не могъ отличаться особенною строгостью. У огромнаго большинства муравьиныхъ породъ нѣтъ толстобрюхихъ рабочихъ, выдѣляющихъ сладкій сокъ, и однако же эти муравьи живутъ очень благополучно, и пользуются сокомъ тлей или

травяныхъ вшей, которыя совершенно справедливо могутъ быть названы дойными коровами муравьевъ.

Когда мы видимъ, что человѣкъ подчинилъ своему господству то или другое животное, тогда мы говоримъ, что это подчиненіе произведено силою человѣческаго ума. Если мы отложимъ въ сторону наши предубѣжденія, то мы должны будемъ высказать тоже самое сужденіе, когда увидимъ, что муравей подчинилъ своему господству тлю. А что это подчиненіе дѣйствительно существуетъ, въ этомъ читатель убѣдится изъ слѣдующихъ свидѣльствъ Карла Фохта и Дарвина.

«У настоящихъ тлей, говоритъ Карлъ Фохтъ, находятся на задней части тѣла двѣ прямыя трубочки, изъ которыхъ вытекаетъ сладкій сахарный сокъ, съ жадностью пожираемый муравьями. Каждый муравейникъ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ свою область деревьевъ, кустовъ и травъ, на которыхъ сидятъ по листьямъ и по стволамъ колоніи тлей. Муравьи заботливо ухаживаютъ за этими колоніями, и даже иногда перетаскиваютъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Можно видѣть, какъ муравьи ласкаютъ этотъ дойный скотъ, тихо гладятъ, и постукиваютъ его своими щупальцами до тѣхъ поръ, пока не выступитъ изъ трубочекъ медовый сокъ, который съ жадностью поглощается муравьями.» (Zool. Vr. I-er B. S. 568, 569).

На страницѣ 685 той же книги, отношенія между тлями и муравьями описаны еще подробнѣе: «Лѣтомъ, говоритъ Фохтъ, рабочіе муравьи добываютъ пищу не только для самихъ себя, но и для личинокъ, для самокъ и для самцовъ, которые всѣ ничего не дѣлаютъ. Они кормятъ ихъ всевозможными органическими веществами, но преимущественно сладкими растительными соками, которые доставляютъ имъ тли... Муравьи обращаются съ тлями крайне заботливо, пересаживаютъ ихъ съ засохшихъ вѣтвей и побѣговъ на свѣжіе, живые листья, и до тѣхъ поръ ласкаютъ ихъ щупальцами, пока онѣ не выпустятъ медоваго сока. Большая часть муравьиныхъ породъ строятъ отъ своего гнѣзда крытые проходы, настоящія искусственныя дороги, къ тѣмъ деревьямъ и кустамъ, на которыхъ находятся колоніи ихъ дойнаго скота; другіе даже приносятъ въ свои гнѣзда такихъ тлей, которыя питаются корнями растений, и эти тли проводятъ зиму въ муравейникѣ.»

А вотъ личное наблюденіе другаго натуралиста, доказывающее, что тли дѣйствительно могутъ быть названы въ отношеніи къ муравьямъ ручными животными. «Я удалилъ, говоритъ Дарвинъ, всѣхъ муравьевъ отъ группы изъ дюжины тлей, сидѣвшихъ на щавелѣ, и не допускалъ къ нимъ муравьевъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. По прошествіи этого времени я былъ убѣжденъ, что тлямъ уже хочется выдѣлать свой сокъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ въ лупу, но ни одна изъ нихъ не выдѣляла сока. За тѣмъ я принялся трогать и щекотать

ихъ волоскомъ, по возможности тѣмъ же способомъ, какъ щекочуть ихъ муравьи своими усиками; но ни одна изъ нихъ не выпустила соку. Вслѣдъ затѣмъ я допустилъ къ нимъ муравья, и по дѣятельности, съ которою онъ забѣгалъ вокругъ нихъ, было очевидно, что онъ тотчасъ замѣтилъ, на какое богатое стадо онъ попалъ. Онъ тотчасъ принялся щекотать усиками брюшко сперва одной тли, потомъ другой, и каждая тля, какъ только ощущала прикосновеніе усиковъ, тотчасъ подымала свое брюшко, и выдѣляла прозрачную каплю сладкаго сока, которую жадно глоталъ муравей. Даже самыя молодыя тли поступали также, доказывая тѣмъ, что это — дѣйствіе инстинктивное, но не слѣдствіе опыта. Но такъ какъ выдѣленіе чрезвычайно липко, то тлямъ, вѣроятно, полезно отдѣлываться отъ него, и поэтому тля, вѣроятно выдѣляетъ сокъ инстинктивно, не для одного блага муравьевъ.» (Стр. 171).

Къ этому можно прибавить, что тлямъ вообще очень полезно находиться подъ покровительствомъ муравьевъ, и что, именно вслѣдствіе этого, самыя молодыя тли, по наследственному инстинкту, обращаются съ своими покровителями такъ довѣрчиво, какъ, на примѣръ, щенокъ или теленокъ обращается съ человѣкомъ.

Если мы сравнимъ обычаи поро-ы *Murges cystus* съ дѣйствіями другихъ муравьевъ, покорившихъ тлей, то мы увидимъ, какъ это даровитое насѣкомое (муравей, а не тля) умѣетъ соображаться съ обстоятельствами. Гдѣ представилось внутри самой породы выгодное видоизмѣненіе, тамъ муравьи довели его до крайнихъ предѣловъ и извлекли изъ него всевозможную пользу для своего общества. Гдѣ такого видоизмѣненія не случилось, тамъ муравьи устроили свои дѣла иначе и доставили себѣ удобства жизни силою собственной изобрѣтательности. Изъ того, что сообщаетъ Фохтъ, можно вывести заключеніе, что муравьи ведутъ свое скотоводство гораздо раціональнѣе, чѣмъ какіе нибудь киргизы или лапландцы, у которыхъ скоть — у первыхъ лошади, у вторыхъ сѣверные олени — зимуютъ подъ открытымъ небомъ и кормятся чѣмъ богъ пошлетъ. Разумѣется, это скотоводство муравьевъ развивалось также послѣдовательно и постепенно, какъ и всѣ остальные отрасли ихъ общественнаго быта; и навѣрное, опыты и соображенія отдѣльныхъ личностей, понемногу входившіе въ сознаніе массъ, и превращавшіеся въ прочную привычку, составляютъ единственное основаніе теперешняго господства муравьевъ надъ тлями. Кому нибудь изъ муравьевъ надо же было *открыть* тотъ фактъ, что тля даетъ сладкій сокъ; потомъ это *открытіе* должно было распространиться и обобщиться. Прогрессъ совершился вполне сознательно, и если вы съ этимъ не согласитесь, то вы должны будете предположить, что сама природа, создавая муравья, вложила въ его мозгъ понятіе о тлѣ и о ея сокѣ. Отчего бы не ска-

затѣ въ такомъ случаѣ, что и въ нашего мужика вложено самою природою понятіе о яровомъ и озимомъ хлѣбѣ?

VII.

У *Eciton* и у многихъ другихъ муравьевъ личинки, осуждаемыя на безплодіе природою или воспитаніемъ, развиваются по двумъ различнымъ направленіямъ: однѣ становятся воинственными амазонками, а другія заботливыми и трудолюбивыми хозяйками. Если бы одна изъ этихъ кастъ развилась въ ущербъ другой, то есть, если бы появилось слишкомъ много работниковъ, или слишкомъ много воиновъ, то благосостояніе общества пострадало бы отъ такой перемѣны, потому что въ первомъ случаѣ муравейнику стала бы угрожать опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, а во второмъ случаѣ домашнія работы и воспитаніе дѣтей пришли бы въ упадокъ. Если бы это нарушеніе равновѣсія между кастами проявилось въ очень значительныхъ размѣрахъ, то оно могло бы окончательно погубить общество или породу. Вѣроятно, очень многіе муравейники или даже цѣлыя виды муравьевъ погибли вслѣдствіе этого обстоятельства. Но натуралистамъ извѣстны двѣ породы, у которыхъ это равновѣсіе совершенно нарушено, и которыя, не смотря на то, существуютъ и размножаются; въ основаніи ихъ общественной жизни лежитъ чисто искусственное учрежденіе, играющее очень важную роль въ исторіи человѣчества. Эти двѣ породы сдѣлались совершенно воинственными, *завели себѣ рабовъ* и на нихъ сложили значительную часть хозяйственныхъ и педагогическихъ заботъ. Рабство находится у этихъ двухъ породъ на двухъ различныхъ степеняхъ развитія. У кроваваго муравья (*Formica sanguinea*), порабащающаго черныхъ, господа работаютъ вмѣстѣ съ рабами; напротивъ того, у рыжеватаго (*Formica rufescens*), захватывающаго бурыхъ, господа ровно ничего не дѣлаютъ, и даже разучились ѣсть безъ помощи рабовъ. Всѣ эти факты доказаны прямыми опытами и самыми тщательными наблюденіями Петра Губера, Смита, Дарвина и другихъ первоклассныхъ натуралистовъ. Безплодныя самки рыжеватаго муравья умѣютъ только вести войну, раззорять чужіе муравейники и захватывать рабовъ.

«Безплодые субъекты кроваваго и рыжеватаго муравья, говоритъ Карль Фохтъ, встрѣчающихся въ нашихъ мѣстахъ, сами не работаютъ, но предпринимаютъ настоящіе военные походы, нападаютъ на гнѣзда другихъ муравьевъ и похищаютъ оттуда куколочки рабочихъ. Большею частью тактика ихъ состоитъ въ томъ, что они внезапно бросаются на сосѣдній муравейникъ, и когда его обитатели начинаютъ обороняться, тогда главная масса нападающихъ даетъ формальное сраженіе, между

тѣмъ, какъ отдѣльные отряды обходятъ крылья непріятеля, и опустошаютъ его гнѣздо. Послѣ такой борьбы поле сраженія бываетъ покрыто трупами; обѣ стороны кусаютъ другъ друга съ величайшимъ ожесточеніемъ; раненные и неспособные къ борьбѣ, подъ прикрытіемъ друзей удаляются изъ свалки въ безопасное мѣсто. Похищенныя куколки развиваются впослѣдствіи въ жилищѣ похитителей и исправляютъ тамъ рабскія обязанности, т. е. принимаютъ на себя всѣ хозяйственныя работы, кормятъ своихъ праздныхъ господъ и ухаживаютъ за ихъ личинками. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ смѣшанныя общества муравьевъ, въ которыхъ существуютъ четыре разряда обитателей: самцы, самки и воины (такъ называемыя амазонки) одного вида и трудящіеся рабы другого вида.» (Zool. Вг. I-er B. S. 686).

Дарвинъ объясняетъ происхожденіе рабовладѣльческихъ учрежденій тѣмъ, что куколки, захваченныя для съѣденія, случайно развились въ муравейникѣ своихъ похитителей. Муравьи, вышедшіе изъ этихъ куколокъ, по влеченію своего врожденнаго инстинкта, принялись за работу. Это обстоятельство оказалось выгоднымъ для общества, и за тѣмъ началось обыкновенное дѣйствіе естественнаго выбора. Эта гипотеза Дарвина очень правдоподобна, но нельзя не замѣтить, что Дарвинъ здѣсь, какъ и вездѣ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ сознательную дѣятельность самихъ муравьевъ. Почему дѣлаетъ это Дарвинъ — этого я не знаю. Можетъ быть потому, что онъ не хочетъ входить въ подробности, нимѣющія прямаго отношенія къ его теоріи; а можетъ быть и потому, что онъ пишетъ для англійскаго общества, которое любитъ, чтобы «всякій сверчокъ зналъ свой шестокъ», и которое, слѣдовательно, не желаетъ, чтобы ничтожный муравей осмѣливался пускаться въ слишкомъ остроумныя размышленія. Какъ бы то ни было, я считаю не лишнимъ постоянно выдвигать эту сторону дѣла впередъ, и освѣщать ее, какъ можно ярче. Похищенныя куколки развились, и новорожденные муравьи начали работать; — прекрасно, но вѣдь эти муравьи по фигурѣ и по цвѣту были совершенно не похожи на воинственныхъ владѣльцевъ муравейника; почему же хозяева оставили ихъ въ живыхъ, между тѣмъ, какъ тѣ же хозяева, имѣли обыкновеніе убивать на войнѣ и съѣдать послѣ побѣды соотечественниковъ этихъ муравьевъ? Стало быть, кому нибудь изъ хозяевъ пришло въ голову, что эти плѣнники своею работою могутъ принести больше пользы, чѣмъ своею смертію. Потомъ еще кому нибудь пришло въ голову, что можно захватить нѣсколько куколокъ нарочно для того, чтобы сформировать изъ нихъ плѣнныхъ работниковъ. Потомъ, когда эти двѣ мысли распространились и обобщились, воинственные муравьи быстро сообразили, что можно сложить на плѣнниковъ значительную долю тѣхъ домашнихъ работъ, которыми, до того времени, по необходимости и съ крайнею неохотою занимались

сами хозяева. Тогда одно занятіе за другимъ стало переходить въ руки рабовъ. Хозяева отдали всё свои помышленія войнѣ и грабежу, и наконецъ, избаловались до такой невѣроятной степени, что рабы принуждены въ настоящее время кормить своихъ взрослыхъ и воинственныхъ повелителей, какъ маленькихъ личинокъ.

Рыжеватые муравьи, подобно людямъ, постоянно стремились совершенно сознательно къ тому, что въ каждую данную минуту казалось имъ выгодною или удобствомъ; и, подобно людямъ, они не умѣли смотрѣть вдаль, и потому, въ общемъ результатѣ, эти стремленія къ близкой выгодѣ и къ близкому удобству привели ихъ къ окончательной и неисправимой деморализаціи. Если мы сравнимъ исторію рыжеватаго муравья съ исторіей многихъ рабовладѣльческихъ государствъ, то мы увидимъ поразительное сходство въ расположеніи причинъ и слѣдствій. И здѣсь, и тамъ — сначала война, потомъ рабство, и наконецъ деморализація. Это доказываетъ намъ, что какъ только образуется общество, такъ начинается немедленно неотразимое господство социальныхъ законовъ, которые, подобно всѣмъ остальнымъ законамъ природы, дѣйствуютъ совершенно безстрастно, и не допускаютъ никакихъ исключеній.

Отношенія между рыжеватыми муравьями и ихъ бурями рабами доказываютъ намъ, кромѣ того, что инстинкты муравья чрезвычайно гибки, не только въ цѣлой породѣ, но и въ каждой отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ это обстоятельство: рабы всё безплодны и каждое новое поколѣніе рабовъ набирается посредствомъ новаго похищенія куколокъ. Каждая похищенная куколка родилась въ свободномъ муравейникѣ и провела въ немъ весь личиночный періодъ своей жизни. Стало быть не отъ своихъ родителей, ни отъ своихъ первыхъ воспитателей, куколка не могла получить ни одной частицы тѣхъ специальныхъ инстинктовъ, которые потребуются отъ нея въ рабовладѣльческомъ муравейникѣ. Изъ куколки выходитъ взрослое насѣкомое, и принимается за работу; это, конечно, наследственный инстинктъ, усиленный, воспитаніемъ личинки. Но кормить взрослыхъ муравьевъ — развѣ это наследственный инстинктъ, и развѣ онъ могъ бѣть привитъ личинкѣ такими воспитателями, которые, оставаясь свободными, сами кормятъ только личинокъ. При переселеніяхъ изъ одного муравейника въ другой, бурные рабы рыжеватаго муравья берутъ своихъ господъ въ челюсти и переносятъ ихъ на новоселье. Этотъ обычай также не существуетъ въ свободномъ муравейникѣ и, слѣдовательно, тутъ также не можетъ быть рѣчи о наследственности. Какимъ же образомъ эти особенные обычаи сформировались и поддерживаются? Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Когда первыя поколѣнія бурныхъ рабовъ вышли изъ похищенныхъ куколокъ, тогда рыжеватые рабовладѣльцы сами принялись за

воспитаніе этихъ новорожденныхъ муравьевъ, и переработали ихъ естественныя наклонности сообразно съ своими собственными требованіями. Потомъ взрослые и вышколенные рабы стали помогать своимъ господамъ въ воспитаніи новичковъ, съ которыми эти старыя рабы были связаны, какъ единствомъ происхожденія, такъ и одинаковостью общественнаго положенія. Наконецъ, когда господа совсѣмъ облѣнились, рабы приняли на себя всю эту заботу, вмѣстѣ со всѣми остальными хозяйственными распоряженіями. Это доказываетъ намъ, что муравей можетъ воспитать другаго муравья, не только въ физическомъ смыслѣ кормленія, какъ рабочіе воспитываютъ личинокъ, но и... но и... въ умственномъ и социальномъ.

Между первымъ поколѣніемъ господъ и первымъ поколѣніемъ рабовъ не могли существовать тѣ отношенія, которыя существуютъ теперь между этими двумя классами въ рабовладѣльческихъ обществахъ. До появленія первыхъ рабовъ рыжеватый муравей самъ работалъ; не могъ же онъ, тотчасъ послѣ ихъ появленія, вдругъ выдумать, что онъ самъ не въ состояніи даже ѣсть. Такой штуки не выдумаетъ сразу ни муравей, ни человекъ. Впослѣдствіи, это нововведеніе также не могло появиться вдругъ, потому что всякій нелѣпый обычай вводится только нечувствительно, такъ, что къ нему присматриваются и привыкаютъ понемногу. Обычай устанавливается самъ собою, а не выдумывается. Стало быть, каждое новое поколѣніе господъ и рабовъ медленно и незамѣтно измѣняло что нибудь въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, и одинъ день былъ не похожъ на другой, и одна недѣля еще менѣе была похожа на другую. Молодые рабы перенимали привычки старыхъ, но потомъ, во время своей жизни, измѣняли эти привычки, и въ этомъ измѣненномъ видѣ передавали ихъ новому поколѣнію, которое въ свою очередь производило въ нихъ перемѣны.

Мудреное, очень мудреное животное этотъ муравей! Личный умъ, индивидуальная изобрѣтательность, разнообразіе характеровъ и наклонностей, цѣлесообразное воспитаніе, смѣна поколѣній, ведущая за собою смѣну обычаевъ, развитая общественная жизнь съ ошибками и уклоненіями, умѣнье пользоваться обстоятельствами, способность участвовать сознательными усиліями ума въ прогрессъ собственной породы—все это мы находимъ у муравья, и все это вмѣстѣ несомнѣнно обезпечиваетъ за нимъ первое мѣсто въ громадномъ отдѣлѣ членистыхъ или суставчатыхъ животныхъ. Но для насъ должны быть еще гораздо важнѣе тѣ общія мысли, на которыя наводитъ насъ весь этотъ длинный, и, между тѣмъ, чрезвычайно отрывочный и неполный очеркъ муравьиного житья-бытья. Прочитавши эти страницы, читатель, быть можетъ, убѣдится въ томъ, что прогрессъ дѣйствительно существуетъ въ мірѣ животныхъ и растений.

Въ заключеніе я представляю бѣглый очеркъ геологическихъ, географическихъ, эмбриологическихъ и анатомическихъ доказательствъ теоріи Дарвина.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

I.

Если вы имѣете нѣкоторое понятіе о геологіи, но если понятіе это довольно поверхностно, то вы, читатель мой, по всей вѣроятности, думаете, что геологія можетъ и должна рѣшить безапелляціонно вопросъ о достоинствѣ теоріи Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ формы животныхъ и растений измѣнялись постепенно и чрезвычайно медленно, то въ различныхъ пластахъ земной коры должны находиться несомнѣнные слѣды и очевидныя доказательства этихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Если напримѣръ, волкъ, шакалъ и лисица произошли отъ одного вида, послужившаго родоначальникомъ всему собачьему семейству, то геологи и палеонтологи, то есть историки нашей планеты и ея органической жизни, должны показать намъ скелетъ этого родоначальника, и кромѣ того, скелеты его потомковъ, постепенно принимающихъ на себя фигуру волка, шакала и лисицы. Требованіе это повидимому, очень естественно и законно; кость можетъ сохраняться очень долго, а лишь бы только найдти двѣ-три кости животнаго — и палеонтологи тотчасъ опредѣлятъ, къ какому виду оно принадлежало, и какова была его вышняя фигура. Уже Кювье по одной кости животнаго умѣлъ возстановлять весь портретъ исчезнувшей породы, а послѣ Кювье палеонтологія и сравнительная анатомія сдѣлали много новыхъ успѣховъ. Поэтому я повторяю, что требованіе на счетъ родоначальника собачьей породы, и насчетъ его видоизмѣняющихъ потомковъ, можетъ показаться вполнѣ справедливымъ, не только какому-нибудь профану, вродѣ меня или моего читателя, но даже и натуралисту, не успѣвшему взглянуть въ дѣйствительныя затрудненія такого запроса. Очень дѣльные люди до сихъ поръ пристають къ Дарвину съ такими требованіями и возраженіями. Если, говорятъ они, различныя породы животныхъ развиваются одна изъ другой, то покажите намъ скелеты или, по крайней мѣрѣ, кости всѣхъ переходныхъ формъ. А если не покажете, то значить, породы не измѣняются, значить, исчезнувшія животныя и растенія не находятся въ родственной связи съ теперешними органическими формами, и значить, вся ваша теорія есть ничто иное, какъ произведеніе блестящей, но бесполезной фантазіи.

Все это приставаніе и весь этотъ процессъ доказательствъ очень

неосновательны. *Во первыхъ*, только Европа и Соединенные Штаты изслѣдованы до сихъ поръ въ геологическомъ отношеніи хоть сколько нибудь удовлетворительно. Азія, Африка, Южная Америка и Австралія, то есть, слишкомъ четыре пятыхъ всего существующаго материка, совершенно не тронуты. *Во вторыхъ*, даже изслѣдованныя части чуть не каждый годъ изумляютъ геологовъ новыми фактами, которые производятъ радикальные перевороты въ постановкѣ и въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ вопросовъ. *Въ третьихъ*, кости, раковины и вообще всѣ твердыя части животныхъ и растительныхъ организмовъ, не смотря на свою твердость, все-таки разлагаются и могутъ быть сохранены въ цѣлости только благодаря стеченію особенно благоприятныхъ и чисто исключительныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ оказывается, что современная геологія знаетъ только ничтожную частицу изъ всей массы существующихъ органическихъ остатковъ; а эти существующіе остатки въ свою очередь составляютъ также очень ничтожную частицу изъ всей массы существовавшихъ организмовъ. Пройдутъ десятки вѣковъ прежде, чѣмъ геологи откоуютъ всѣ окаменѣлости, лежащія въ различныхъ пластахъ земной коры, подъ различными географическими широтами и долготами. Легко можетъ быть, что *всѣ* существующія окаменѣлости никогда не будутъ открыты и собраны, но, если бы даже это и случилось, то и тогда было бы совершенно неосновательно воображать себѣ, что музей, обладающій всѣми этими палеонтологическими сокровищами, можетъ дать мыслящему натуралисту полное и отчетливое понятіе обо всемъ историческомъ развитіи органической жизни. О теперешнемъ же положеніи нашихъ палеонтологическихъ коллекцій нечего и говорить. Ученые, занимающіеся геологіею, обнаруживаютъ изумительную проникаемость, и довели точность своихъ научныхъ пріемовъ и строгость своихъ наблюдений и умозаключеній до невѣроятной степени совершенства, но, не смотря на это обстоятельство, геологія и палеонтологія, по недостаточному количеству наличныхъ матеріаловъ, находятся еще въ полномъ младенчествѣ, и, какъ подростокъ дѣти, постоянно измѣняютъ свою фізіономію.

Сто лѣтъ тому назадъ, геологія и палеонтологія не существовали. Вольтеръ былъ человѣкъ очень не глупый, но, когда онъ начинаетъ разсуждать объ исторіи нашей планеты, то вамъ кажется, будто вы слышите судью Ляпкина-Тяпкина или Кифу Мокіевича. Ему говорятъ, напримѣръ, что въ альпійскихъ горахъ найдены окаменѣлыя раковины такихъ животныхъ, которыя въ настоящее время живутъ въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Сиріи; а онъ по этому поводу, представляетъ соображеніе, что эти раковины занесены туда какими-нибудь пилигримами, которые сначала посѣтили Палестину, а потомъ отправились въ Римъ изъ Германіи или изъ Франціи. Шли они черезъ Альпы, ну и обро-

нили раковину, взятую съ сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря. Такое легкое и живое объясненіе предлагалось Вольтеромъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; Вольтеръ не былъ специалистомъ, но его нельзя назвать профаномъ; онъ очень хорошо понималъ великое значеніе естественныхъ наукъ, и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; поэтому ясно, что во второй половинѣ XVIII вѣка самые образованные люди не имѣли понятія объ исторіи земнаго шара и даже не подозрѣвали возможности возсоздать основныя черты этой исторіи по различнымъ пластамъ земной коры, и по различнымъ окаменѣlostямъ, заключеннымъ въ этихъ пластахъ. Вывода на сцену своихъ пилигримовъ, обронившихъ раковину, Вольтеръ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, на какой глубинѣ открыта эта раковина, въ какой почвѣ она лежала, какіе слѣды оставила на ней эта почва. Всѣ эти вопросы для него не существуютъ, и онъ даже сомнѣвается въ томъ, чтобы можно было отличить морскую раковину отъ прѣсноводной или сухопутной. Когда же нѣкоторые ученые осмѣливаются высказать потихоньку скромное предположеніе, что, можетъ быть, Альпы были, въ доисторическія времена, покрыты моремъ, тогда Вольтеръ схватываетъ себя за бока и начинаетъ хохотать самымъ искреннимъ и неумолимымъ смѣхомъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что геологія родилась послѣ Вольтера, послѣ Бюффона, послѣ французской революціи, то есть, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. У этого новорожденного ребенка явилось тотчасъ множество дѣтскихъ болѣзней: первые геологи, и во главѣ ихъ, великій Кювье, стали толковать о катаклизмахъ и переворотахъ, и начали изъ открытыхъ костей и раковинъ строить хитрѣйшіе планы и системы мірозданія. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Кювье говорилъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни ископаемыхъ обезьянъ, ни ископаемыхъ людей, и приводилъ въ пользу этого мнѣнія даже теоретическія основанія. Эти основанія очень хороши и убѣдительны, но въ сожалѣнію, нашлись ископаемыя обезьяны и даже ископаемые люди.

«Только двадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ лекціяхъ о человѣкѣ, учился я у Агассиза слѣдующимъ истинамъ: Первичныя образованія, палеозойскія формации = царство рыбъ; въ это время нѣтъ пресмыкающихся, и не могло ихъ быть, потому что это было бы противно плану мірозданія; — вторичныя образованія (тріасъ, юра, мѣль) = царство пресмыкающихся; нѣтъ млекопитающихъ, и не могло ихъ быть, по той же самой причинѣ; — третичныя пласты = царство млекопитающихъ; нѣтъ людей и не можетъ ихъ быть; — нынѣшнее твореніе = царство человѣка. Куда дѣвалась теперь эта теорія со всѣми своими исключительностями? Пресмыкающіяся въ девонскихъ пластахъ, пресмыкающіяся въ каменномъ углѣ, пресмыкающіяся въ діасѣ — прощай царство рыбъ! — Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ пурбекскомъ

известнякъ, который причисляется нѣкоторыми учеными къ нижнимъ слоямъ мѣловой формаци — до свиданія царство пресмыкающихся! — Люди въ верхнихъ третичныхъ пластахъ, люди въ намывныхъ слояхъ — приходи въ другой разъ царство млекопитающихъ!» (2-й томъ, стр. 269).

Открытие ископаемыхъ людей было особенно жестокимъ ударомъ для заносчивости ревностныхъ систематиковъ, и ударъ этотъ нанесенъ имъ очень недавно, всего лѣтъ пять тому назадъ. Особенно сокрушительно для нихъ то обстоятельство, что открытіе это сдѣлано не въ Австраліи, не въ Африкѣ, даже не въ Азій, а именно въ Европѣ, да еще во Франціи и въ Англіи, то есть, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были изслѣдованы тщательнѣе, чѣмъ всѣ остальные мѣстности земнаго шара. Если въ такихъ извѣстныхъ странахъ возможны до настоящей минуты новыя открытія колоссальной важности, то, повидимому, систематикамъ остается только замолчать или публично признаться въ томъ, что бѣдность матеріаловъ еще не позволяетъ геологамъ и палеонтологамъ заниматься сооруженіемъ системъ, и произносить какіе-бы то ни было приговоры на счетъ различныхъ особенностей органической жизни въ отдаленномъ прошедшемъ. Даровитѣйшіе изъ современныхъ геологовъ, и во главѣ ихъ знаменитый Чарльзъ Ляйелль, истребитель катаклизмовъ и переворотовъ, вполне сознаютъ безсиліе своей науки, и никакъ не рѣшаются поражать теорію Дарвина тѣмъ возраженіемъ, что наши палеонтологическія коллекціи не представляютъ безчисленнаго множества переходныхъ формъ. Они очень хорошо понимаютъ, что въ геологіи отрицательныя доказательства не имѣютъ ни малѣйшей силы. Геологъ говоритъ: «такое-то животное существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаци находятся его кости», — это дѣло. Но геологъ не можетъ сказать: «такое-то животное не существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаци *нѣтъ* его костей», — это была бы чепуха. *Нѣтъ* на языкѣ геологовъ значитъ: *мы не нашли*. Чтожь изъ этого слѣдуетъ? Не нашли сегодня, можете найти завтра. А если даже и совсѣмъ не найдете, то и это еще ничего не доказываетъ. Животное могло существовать, а кости его могли не сохраниться. Кости, раковины и другіе органическіе остатки сохраняются въ теченіе цѣлыхъ геологическихъ эпохъ только тогда, когда они покрываются очень толстымъ наносомъ минеральныхъ частицъ, такимъ наносомъ, который можетъ ихъ защищать отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха, воды, различныхъ кислотъ. Гдѣ нѣтъ такого наноса, тамъ самая твердая кость разлагается и уничтожается безъ слѣда, хоть, конечно, на такое уничтоженіе требуется нѣсколько столѣтій. Но такіе предохранительные наносы образуются преимущественно изъ тѣхъ минеральныхъ частицъ, которыя осаждаются на дно морей, озеръ и рѣкъ. Чтобы кость сохранилась, она должна попасть въ одно изъ такихъ во-

довмѣстилищъ и покрытыя минеральнымъ осадкомъ, прежде нежели ее истребить разрушительное дѣйствіе воды и водяныхъ животныхъ. Поэтому не трудно понять, что во всѣхъ пластахъ земной коры остатки морскихъ и прѣсноводныхъ животныхъ встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ кости млекопитающихъ и птицъ, то есть, такихъ животныхъ, которыя живутъ и умираютъ на сушѣ. Кость какого нибудь мамонта или медвѣдя можетъ сохраниться только тогда, когда она случайно попадетъ, уже послѣ смерти животнаго, въ ложе рѣки или озера; или же тогда, когда она, такъ или иначе, будетъ занесена въ такую пещеру, въ которой известковая вода, просачиваясь черезъ разныя щели, образуетъ на полу и на стѣнахъ твердую кору сталагмитовъ и сталактитовъ. Эта кора понемногу покроетъ занесенную кость, и предохранитъ ее отъ разложенія. Нѣкоторыя породы исчезнувшихъ животныхъ извѣстны намъ исключительно по тѣмъ костямъ, которыя сохранились въ такихъ пещерахъ; эти животныя такъ и называются *пещерными*, напримѣръ, пещерный медвѣдь (*Ursus Spelaeus*), пещерная гіена (*Hyaena Spelaea*). Понятно, что только очень незначительное количество костей могло сохраниться такимъ путемъ. Огромное же большинство погибло безъ остатка, то есть, пошло опять въ общій круговоротъ жизни, и превратилось въ составныя части новыхъ растений и новыхъ животныхъ. Иначе и быть не можетъ, и только Кифа Мокіевичъ способенъ былъ бы вообразить себѣ, что кости всѣхъ животныхъ, существовавшихъ съ самаго начала органической жизни, могутъ сохраниться въ цѣлости. На земномъ шарѣ, въ теченіи неизмѣримаго ряда тысячелѣтій, жили и умирали неисчислимые милліоны и милліарды животныхъ; ихъ кости, въ общей сложности, составляютъ такую груды, которая навѣрное въ нѣсколько тысячъ разъ превышаетъ объемъ всей нашей планеты. Ясно стало быть, что кости умершихъ поколѣній постоянно идутъ на сооруженіе костей живущихъ организмовъ. Недавно въ Англіи случился очень извѣстный примѣръ такого употребленія костей. Замѣчено было, что честерскій сыръ начинаетъ терять свои превосходныя качества. Стали изслѣдовать причину: оказалось, что въ молокѣ тамошнихъ коровъ не достаетъ нѣкоторыхъ составныхъ частей; эти составныя части получаютъ изъ пищи; стали анализировать пищу, и нашли наконецъ, что вся бѣда происходитъ отъ истощенія почвы тѣхъ луговъ, на которыхъ пасутся честерскія коровы. Розыскали, чего именно не достаетъ въ почвѣ, и пополнили этотъ недостатокъ слѣдующимъ образомъ. Разрыли ватерлооское поле, привезли на нѣсколькихъ корабляхъ кучи человѣческихъ и лошадиныхъ костей, смололи все это на паровыхъ мельницахъ, и этимъ костянымъ порошкомъ усыпали истощившіеся луга. Честерскій сыръ немедленно испра-

вился, но сама природа съ незапамятныхъ временъ дѣлаетъ то, чему наши химики выучились только въ нынѣшнемъ столѣтіи.

«Кажется, говоритъ Ляйелль, въ планъ природы не входитъ сохранять продолжительное свидѣтельство о значительномъ количествѣ растений и животныхъ, которыя жили на поверхности земли. Напротивъ, повидимому ея главная забота состоитъ въ доставленіи средствъ избавить удобную для жительства поверхность земли, покрытую или не покрытую водою, отъ этихъ мириадъ плотныхъ скелетовъ и огромныхъ стволовъ, которые, безъ этого, вскорѣ бы запрудили рѣки и засыпали долины. Чтобы избѣгнуть этого неудобства, она прибѣгаетъ къ теплотѣ солнца, къ влажности атмосферы, къ растворяющей силѣ угольной и другихъ кислотъ, къ зубамъ хищныхъ, къ желудку четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, и къ дѣйствию множества безпозвоночныхъ животныхъ.» (*Ляйелль. Древность человѣка. Русскій переводъ г. Ковалевскаго. Стр. 136.*)

Къ немалому огорченію геологовъ и палеонтологовъ, всѣ эти разрушители, крупныя и мелкія, неодушевленные и одушевленные, исполняютъ свою обязанность превосходно, и уничтожаютъ все, что только можетъ быть уничтожено. Осушеніе Гаарлемскаго озера, произведенное голландскимъ правительствомъ въ 1853 году, обнаружило въ полномъ блескѣ изумительную силу всѣхъ этихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ враговъ геологіи и палеонтологіи. Озеро это покрывало поверхность въ 45,000 квадратныхъ акровъ; на его водахъ произошло много кораблекрушеній, и много морскихъ битвъ, въ которыхъ погибли сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ; антикваріи нашли въ ложѣ этого озера обломки судовъ и оружіе шестнадцатаго вѣка, но во всемъ озерѣ не нашлось ни одной человѣческой кости. Неправда ли, какъ остроумно было бы придавать этому отрицательному доказательству значеніе серьезнаго аргумента? А геологъ, приводящій какое бы то ни было отрицательное доказательство, никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ не попадаетъ въ такой же точно просякъ. Въ Сѣверной Франціи, въ долинѣ Соммы, въ дилювіальныхъ или намывныхъ пластахъ, рядомъ съ костями мамонтовъ и другихъ угасшихъ животныхъ найдено множество кремневыхъ орудій самой грубой работы. Кто дѣлалъ эти топоры и ножи?—Люди современные мамонту. А гдѣ кости этихъ людей?—Костей нѣтъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Да ровно ничего не слѣдуетъ. Надо ждать, пока найдутся кости. Подождали. И дѣйствительно, въ той же самой формациі отыскалась человѣческая челюсть. Ну, а если бы эта челюсть не нашлась, тогда что? — И тогда ничего бы не воспослѣдовало: Все-таки топоры и ножи не могли обтесаться сами собою, и мамонты также ихъ не могли обтесать, значить, присутствіе или отсутствіе человѣческихъ костей нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Очень пріятно, если человѣческія кости найдутся, потому что

тогда можно будет сдѣлать кое-какія заключенія объ анатомическомъ строеніи этого первобытнаго племени, но хоть бы не осталось ни одной человѣческой кости, все-таки существованіе человѣка въ эпоху мамонтовъ оказывается несомнѣннымъ и неопровержимымъ фактомъ.

«Между тѣмъ, говоритъ Ляйелль, отсутствіе всякаго слѣда костей, принадлежащихъ народонаселенію, оставившему столько готовыхъ и неоконченныхъ орудій, представляетъ поразительный урокъ относительно того значенія, которое мы должны придавать этимъ отрицательнымъ доказательствамъ, приводимымъ въ пользу несуществованія нѣкоторыхъ классовъ земныхъ животныхъ въ данную эпоху прошедшаго. Это — новое и замѣчательное доказательство крайняго несовершенства, нашихъ геологическихъ данныхъ, несовершенства, о которомъ даже тѣ, которые постоянно работаютъ на этомъ поприщѣ, съ трудомъ могутъ составить себѣ вѣрное понятіе». (Стр. 135).

«По нашему незнанію геологіи пныхъ странъ, кромѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, говоритъ Дарвинъ, и по тѣмъ переворотамъ въ нашихъ геологическихъ воззрѣніяхъ, которые произошли отъ открытій послѣднихъ двѣнадцати годовъ, мнѣ кажется, что мы имѣемъ столько же права дѣлать общіе выводы о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на земномъ шарѣ, сколько имѣлъ бы натуралистъ, посѣтившій на пять минутъ пустынный берегъ Австраліи, право разсуждать о количествѣ и свойствахъ ея естественныхъ произведеній.» (Стр. 242).

«Развивая метафору Чарльза Ляйелля, говоритъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, я считаю нашу геологическую лѣтопись за исторію міра, веденную непостоянно и написанную на измѣнчивомъ нарѣчій. Изъ этой исторіи намъ доступенъ лишь послѣдній томъ, относящійся къ двумъ-тремъ странамъ. Изъ этого тома лишь тамъ и сямъ сохранилась краткая глава, и изъ каждой страницы лишь нѣсколько безсвязныхъ строкъ.» (Стр. 246).

Такимъ образомъ, для насъ становится ясною та истина, что геологія не имѣетъ никакого права, и ни малѣйшей возможности произносить надъ теоріею Дарвина, въ ту или въ другую сторону, окончательный приговоръ. Мы должны только разсмотрѣть вопросъ, примиряются ли съ теоріею Дарвина тѣ немногіе *положительные* факты, которые составляютъ прочное и нетѣмлемое достояніе современной геологіи.

II.

Рыбы появляются въ первый разъ въ девонскихъ пластахъ, принадлежащихъ къ первичной, то есть, къ древнѣйшей формации. Прежде

всѣхъ другихъ рыбъ появляются такъ называемыя *ганойдныя* рыбы, ко-рыхъ число и разнообразіе постоянно увеличиваются, и наконецъ дости-гаютъ высшей степени развитія въ юрскихъ пластахъ, составляющихъ средину вторичной формаціи. Затѣмъ, въ мѣловыхъ слояхъ, лежащихъ надъ юрскою почвою, ганойды начинаютъ слабѣть и исчезать; этотъ постепенный упадокъ возрастаетъ въ третичныхъ пластахъ, и, наконецъ, въ настоящее время, порядокъ ганойдныхъ рыбъ, наполнявшій своими разнообразными представителями всѣ воды юрскаго періода, заключаетъ въ себѣ всего семь родовъ, живущихъ только въ немногихъ рѣкахъ, гдѣ борьба за существованіе не такъ сильна, какъ въ морѣ. Такая строгая постепенность въ появленіи, въ размноженіи и въ вымираніи породъ находится въ полномъ согласіи съ теоретическими требованіями Дарвина. Но рыбы другаго порядка, *костистыя*, въ этомъ отношеніи ведутъ себя совершенно неприлично. Онѣ появляются внезапно, цѣлою группою видовъ и родовъ, въ нижнихъ ярусахъ мѣловой эпохи. Вотъ видите, говорятъ Агассизъ, Пикте, Седжвикъ и другіе палеонтологи, видите: онѣ появляются внезапно. Гдѣ же ихъ постепенное развитіе? Значить онѣ *естъ вдругъ* были созданы въ началѣ мѣловаго періода. И совсѣмъ не «значить». Тутъ опять пущено въ ходъ отрицательное до-казательство, и мы должны строго разграничить область дѣйствитель-ныхъ фактовъ отъ области произвольныхъ толкованій и предположеній. Въ чемъ состоитъ голый фактъ? Въ томъ, что многія породы костистыхъ рыбъ жили во время мѣловаго періода, и оставили свои кости и слѣды въ мѣловой формаціи. Затѣмъ начинаются предположенія, противъ ко-торыхъ Дарвинъ, съ своей точки зрѣнія, можетъ выставить много дру-гихъ предположеній, гораздо болѣе естественныхъ и правдоподобныхъ. *Во первыхъ*, костистыя рыбы могли жить задолго до начала мѣловой эпохи въ моряхъ и рѣкахъ тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ не из-слѣдовацы въ геологическомъ отношеніи. Такихъ морей и рѣкъ слиш-комъ достаточно, потому что геологи до сихъ поръ не знаютъ почти ни одной ископаемой рыбы, жившей въ южномъ полушаріи. Стало быть, въ этихъ неизслѣдованныхъ мѣстностяхъ, порядокъ костистыхъ рыбъ могъ преспокойно возникнуть, усилиться и раздѣлиться на множество ясно обозначенныхъ семействъ, родовъ и видовъ; потомъ, проживши такимъ образомъ въ южныхъ водахъ сотни тысячелѣтій, онъ могъ на-конецъ, во время мѣловаго періода, проникнуть и въ тѣ моря, которыя омывали тогдашніе берега Европы. *Во-вторыхъ* намъ необходимо пом-нить, что отдѣльныя геологическія формаціи ложились другъ на друга не иначе, какъ съ громадными антрактами. Если сегодня кончилось накопленіе юрскихъ слоевъ, то съ завтрашняго дня никакъ не можетъ начаться напластованіе слѣдующей мѣловой формаціи. Если бы дѣло происходило такимъ образомъ, то не было бы никакой возможности

отличить мѣль отъ юры. Различныя геологическія эпохи отличаются одна отъ другой особенностями тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключены въ ихъ пластахъ. Стало быть, конецъ одной геологической эпохи и начало другой наступаютъ тогда, когда появляются слѣды новой флоры и новой фауны *), то есть, когда во всей совокупности растений и животныхъ обнаруживается рѣзкое и сильное измѣненіе, а такія измѣненія производятся только многими сотнями тысячелѣтій.

Вотъ примѣръ изъ книги Ляйелля «Древность человѣка»: «Мы уже видѣли, говоритъ Ляйелль, что всѣ растенія и прѣсноводныя и морскія раковины «лѣснаго слоя» и рѣчно-морскихъ пластовъ Норфолка совершенно тождественны съ видами нынѣшней европейской фауны и флоры, такъ что, если на подобнаго рода слой отложила бы морская или прѣсноводная формація настоящаго періода, она бы расположилась соотвѣтственными слоями, и содержала бы, какъ ту же фауну безпозвоночныхъ, такъ и ту же флору. Расположенные такимъ образомъ пласты назывались бы одновременными въ обыкновенной геологической номенклатурѣ, не только какъ принадлежащіе къ той же эпохѣ, но и какъ относящіеся къ тому же подраздѣленію части одной и той же эпохи, хотя на самомъ дѣлѣ они и были бы раздѣлены промежуткомъ времени въ нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ.» (Стр. 275).

Въ геологическомъ отношеніи лордъ Пальмерстонъ, и самъ сэръ Чарльзъ Ляйелль могутъ быть названы современниками мамонтовъ и пещерныхъ медвѣдей, но животныя юрской эпохи не могутъ быть названы современниками животныхъ мѣловаго періода. Стало быть, антрактъ между юрою и мѣломъ, то есть, между двумя пластами, лежащими непосредственно одинъ на другомъ, несравненно длиннѣе, чѣмъ тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ XIX столѣтіе отъ эпохи мамонтовъ. Какъ великъ антрактъ между двумя геологическими формаціями, этого никто не можетъ сказать даже приблизительно. Что происходило въ этомъ антрактѣ—этого также никто не знаетъ. Костистыя рыбы въ это время могли возникнуть и развиться, или онѣ могли переселиться въ сѣверныя моря изъ южныхъ, а потомъ, когда началось напластованіе мѣловой формаціи, эти рыбы оказались уже многочисленными и разнообразными. Въ *третьихъ*, вопросъ о костистыхъ рыбахъ, благодаря новымъ открытіямъ, начинаетъ подвергаться той участи, которую уже испыталъ въ наше время вопросъ объ ископаемыхъ обезьянахъ и объ ископаемыхъ людяхъ. Пикте открылъ недавно, что костистыя рыбы существовали, *даже въ Европѣ*, раньше мѣловой эпохи. Кромѣ того, есть какія-то рыбы, гораздо болѣе древнія, о которыхъ между палеон-

*) Не знаю, есть ли надобность пояснять, что фауною называется совокупность животныхъ, а флорою совокупность растений. На всякій случай поясняю.

тологами идетъ споръ, неразрѣшенный еще до настоящей минуты. Одни говорятъ, что эти рыбы—костистыя, другіе находятъ, что это—гаюиды или хрящевыя рыбы. А для теоріи Дарвина очень благоприятно именно то обстоятельство, что характеръ этихъ спорныхъ рыбъ оказывается неясно обозначеннымъ. Вотъ она и есть — переходная форма, отошедшая прочь отъ одного порядка, и еще не возвысившаяся до другаго. Но, разумѣтся, натуралисты, абсолютно не желающіе признавать никакихъ переходовъ, всегда съумѣютъ обойти это непріятное слово. Если переходная форма слабо уклонилась отъ первобытной, они скажутъ, что это разновидность, *varietas*. А уклонилась посильнѣе — ну, значитъ — это новый видъ — *species*, возникшій совершенно самостоятельно. Перехода нѣтъ, но егѳ нѣтъ въ словахъ, а на дѣлѣ-то онъ все-таки существуетъ. Оттого и происходитъ, напримѣръ, такая исторія: въ верхнихъ пластахъ третичной формаціи, находится множество раковинъ, почти совершенно сходныхъ съ тѣми раковинами, которыя живутъ въ прѣсныхъ и морскихъ водахъ нашего періода. Большинство натуралистовъ говорятъ, что это одни и тѣже раковины; но другіе первоклассные авторитеты, напримѣръ, Пикте и Агассизъ, утверждаютъ, что между третичными и нынѣшними раковинами существуетъ видовое различіе. И тѣ, и другіе правы: различіе, дѣйствительно, существуетъ, а раковины, то есть, породы моллюсковъ тѣже самыя; потомокъ не вполне похожъ на своего предка, точно также, какъ англійская лошадь не вполне похожа на арабскую, какъ теперешняя груша не вполне похожа на грушу временъ Плинія, или какъ курносый турманъ не вполне похожъ на дикаго голубя. Моллюски понемногу переродились, но сотни тысячелѣтій произвели въ нихъ меньше перемѣны, чѣмъ десятки лѣтъ производятъ въ домашнихъ животныхъ. Только такимъ медленнымъ перерожденіемъ моллюсковъ и можно объяснить то странное несогласіе, которое возникаетъ по поводу ихъ раковинъ между опытными специалистами. Если бы была возможность опредѣлить совершенно точно различіе между разновидностью и видомъ, то натуралисты давно установили бы незыблемую границу между этими двумя понятіями. Но нельзя установить эту границу, потому что она не существуетъ въ живой природѣ, а признать ея несуществованіе значитъ принять теорію Дарвина со всѣми ея неизбѣжными выводами. Многіе порядки животныхъ появляются въ геологическихъ формаціяхъ также внезапно, какъ костистыя рыбы, но, во всѣхъ этихъ случаяхъ, внезапность появленія не даетъ намъ права заключать, что эти порядки внезапно возникли. Полное недовѣріе къ отрицательнымъ доказательствамъ должно служить намъ необходимою защитою противъ всякихъ геологическихъ иллюзій.

III.

По теоріи Дарвина, всѣ положительные факты, добытые современною геологіею, объясняются совершенно удовлетворительно. При всякомъ другомъ взглядѣ на органическую жизнь, значеніе и общая связь этихъ положительныхъ фактовъ остаются совершенно непонятными. Если мы посмотримъ на царство животныхъ въ его теперешнемъ положеніи, то мы замѣтимъ, что нѣкоторыя группы рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, но пробѣлъ, существующій между этими группами, пополяется въ значительной степени, или даже совершенно исчезаетъ, когда мы начинаемъ изучать живыя формы въ связи съ ископаемыми организмами. Семейство травоядныхъ китовъ (*Sirenia*) очень ясно отдѣляется отъ толстокожихъ животныхъ (*Pachidermata*), то есть, отъ слоновъ, тапировъ, носороговъ, бегемотовъ и свиней; но вымершія породы *динотеріевъ* и *токсодонтовъ* становятся какъ разъ посерединѣ между китами и слонами. По формѣ тѣла и заднихъ оконечностей динотеріи былъ китомъ, а по устройству зубовъ и хобота онъ оказывается близкимъ родственникомъ слона. Толстокожіе рѣзко отличаются отъ жвачныхъ. Какое сходство, въ самомъ дѣлѣ, можно найти между свиньею и овцою, между слонѣмъ и оленемъ, между носорогомъ и верблюдомъ? Но исчезнувшее семейство *аноплотеридовъ* составляетъ переходъ отъ толстокожихъ къ жвачнымъ, и классификаторы не знаютъ, навѣрное, къ какому порядку должно быть отнесено это семейство.

Такимъ образомъ китъ, слонъ и баранъ оказываются дальними родственниками, и родство ихъ можетъ быть доказано даже тѣми скудными средствами, которыми располагаетъ современная палеонтологія. Ящерицы рѣзко отдѣляются отъ птицъ, но въ юрскомъ періодѣ жили крылатыя ящерицы (*pterodactylia*), и въ солонгофенскихъ пластахъ найдена даже ящерица, покрытая перьями. По словамъ Дарвина, можно было бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что «вымершія животныя занимаютъ середину между нынѣ живущими группами.» И особенно интересно то обстоятельство, что всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго палеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первоклассный ученый, Баррандъ, также горячій противникъ дарвиновскаго легкомыслія, говоритъ, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ «принадлежатъ къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ.»

Если всѣ видовыя формы были сначала мелкими разновидностями, и

если каждая разновидность возникла и развилась из незамѣтной индивидуальной особенности, то причина этого явления, подмѣченного Оуэномъ, Баррандомъ и всѣми другими палеонтологами, совершенно понятна. Но если каждый видъ возникъ отдѣльно, и остается неизмѣннымъ вплоть до своего исчезновенія, то невозможно объяснить себѣ, почему животныя древнихъ формаций вообще не такъ рѣзко раздѣлены на видовыя, родовыя и семейныя группы, какъ животныя текущаго періода. Такъ случилось—конечно; но почему же случилось именно такъ, а не иначе, въ теченіе неизмѣримаго ряда тысячелѣтій, и въ каждой изъ тридцати шести, извѣстныхъ намъ, громадныхъ, геологическихъ эпохъ? На этотъ вопросъ противники Дарвина не могутъ дать никакого отвѣта, а Дарвинъ даетъ отвѣтъ совершенно правдоподобный, и что всего важнѣе, этотъ правдоподобный отвѣтъ разрѣшаетъ совершенно удовлетворительно множество другихъ вопросовъ, поставленныхъ положительными фактами геологіи и многихъ другихъ отраслей естествознанія. Такой отвѣтъ, приложимый ко множеству самостоятельныхъ вопросовъ, и согласный со всею совокупностью различныхъ фактовъ, независимыхъ другъ отъ друга, такой отвѣтъ, говорю я, по своему всеобъемлющему значенію, уже теряетъ характеръ простой гипотезы.

Если мы будемъ сравнивать между собою фауны и флоры различныхъ геологическихъ эпохъ, то мы увидимъ, что чѣмъ дальше одна эпоха отстоитъ по времени отъ другой, тѣмъ сильнѣе отличаются другъ отъ друга ихъ флоры и фауны. Напримѣръ, животныя и растенія третичныхъ формаций ближе подходятъ къ теперешнимъ породамъ, чѣмъ животныя и растенія вторичныхъ пластовъ, а вторичныя, въ свою очередь, представляютъ съ теперешними больше сходства, чѣмъ первичныя. Чѣмъ древнѣе пластъ, тѣмъ страннѣе и непривычнѣе для нашихъ глазъ формы животныхъ и растеній; чѣмъ новѣе пластъ, тѣмъ знакомѣе кажутся намъ фигуры ископаемыхъ организмовъ. Если мы возьмемъ три формации, лежащія одна на другой, напримѣръ, силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ древнѣйшихъ, силурскихъ формъ къ болѣе новымъ, каменноугольнымъ. Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина. Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ общаго начала, если каждая новѣйшая форма оказывается, въ буквальномъ смыслѣ слова, дочерью другой формы, болѣе древней, если, такимъ образомъ, каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей, громадной драмы, не перерывавшейся ни разу, съ самаго своего начала,—тогда понятно, почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему, напримѣръ, вторая сцена служитъ переходомъ отъ первой къ третьей. Но если каждый видъ возникъ самъ по

себѣ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ формамъ, которыя жили раньше его появленія, и если, такимъ образомъ, каждая геологическая эпоха оказывается совершенно законченною пьесою, съ своею особенною завязкою и развязкою, — тогда для насъ становится необъяснимою причина той несомнѣнной связи, которую мы замѣчаемъ между органическими произведеніями отдѣльныхъ геологическихъ эпохъ.

Противники Дарвина представляютъ себѣ исторію органической жизни въ слѣдующемъ видѣ: сначала созданы животныя и растенія силурской эпохи; потомъ они уничтожаются, и создаются животныя и растенія девонскаго періода; потомъ эти уничтожаются въ свою очередь, и создаются животныя и растенія каменноугольной формаціи, и такъ далѣе, вплоть до нашихъ временъ. Спрашивается почему же организмы девонскихъ слоевъ болѣе похожи на силурскія формы, чѣмъ, напримѣръ, на теперешніе виды животныхъ и растеній? Потому, что девонская эпоха слѣдуетъ непосредственно за силурскою? Но какаѣ же связи существуютъ между простою хронологическою послѣдовательностью и типическими особенностями организмовъ? Если силурская эпоха отдѣлена отъ девонской непроходимою бездною, то не все-ли равно, одна-ли такая бездна лежитъ между ними, или двадцать безднъ? Если бы девонскія организмы возникли совершенно независимо отъ силурскихъ, то имъ не было никакой надобности и никакой причины представлять съ послѣдними какое-бы то ни было родственное сходство.

Клифтъ доказалъ, что ископаемая млекопитающія, находящаяся въ австраійскихъ пещерахъ, обнаруживаютъ тѣсную, родственную связь съ сумчатыми животными, населяющими Австралію въ настоящее время. Оуэнъ доказалъ, что ископаемая млекопитающія, отысканныя въ Ла-Платѣ и въ Бразиліи, сродны съ южно-американскими животными нашего времени. Оуэнъ подмѣтилъ, кромѣ того, родственное сходство между ископаемыми и живущими птицами Новой Зеландіи, И наконецъ, тотъ же Оуэнъ, «распространилъ тоже обобщеніе и на млекопитающихъ стараго свѣта». Вотъ сколько незабвенныхъ услугъ этотъ драгоценный Оуэнъ, самъ того не желая, оказалъ своими великими учеными трудами той теоріи, которую онъ ненавидитъ! Всѣ эти открытія очевидно идутъ въ пользу Дарвина.

Почему же, въ самомъ дѣлѣ, вымершія породы извѣстной страны представляютъ сходство съ тѣми органическими формами, которыя живутъ именно въ той же самой странѣ? Почему, напримѣръ, ископаемая животныя Австраліи похожи на живыхъ обитателей той же Австраліи, а не на жителей Европы, или Азіи, или Америки? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Австраійскія животныя похожи на австраійскихъ, ново-зеландскія на ново-зеландскихъ, южно-американскія на южно-американскихъ, и такъ далѣе, — потому что живыя формы этихъ мѣстно-

стей составляютъ прямое, нисходящее потомство ископаемыхъ организмовъ. Это потомство переродилось сообразно съ измѣняющимися требованіями вѣчной борьбы за существованіе; но основныя черты общаго типа еще не успѣли изгладиться. Другаго отвѣта тутъ и быть не можетъ, и, такимъ образомъ, даже геологія, при всей недостаточности своихъ матеріаловъ, выдвигаетъ въ пользу Дарвина три ряда многозначительныхъ фактовъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

I.

Почему слоны и носороги живутъ въ Азій и въ Африкѣ, и не живутъ въ тропическихъ частяхъ Америки и Австраліи? Почему бенгальскій тигръ замѣняется въ Америкѣ ягуаромъ? Почему въ южной Америкѣ живетъ лама, а не верблюдъ? Почему обезьяны стараго свѣта принадлежатъ къ семейству узконосыхъ, и короткохвостыхъ, а обезьяны новаго свѣта, напротивъ того, отличаются широкими носами и длинными хвостами? Можно поставить тысячи подобныхъ вопросовъ, и на всѣ эти вопросы натуралистъ постоянно будетъ отвѣчать: «не знаю». Климатическія условія въ этомъ случаѣ не объясняютъ ровно ничего. Экваторъ проходитъ черезъ Африку, Азію и Южную Америку; въ этихъ трехъ частяхъ свѣта можно отыскать множество такихъ мѣстностей, въ которыхъ солнце жжетъ съ одинаковою силою, и воздухъ въ одинаковой степени насыщенъ водяными парами. Сходство въ климатическихъ условіяхъ будетъ полное, а между тѣмъ различіе растеній и животныхъ будетъ чрезвычайно значительно. Австралія также лежитъ въ жаркомъ поясѣ, но тропическій климатъ, конечно, не объясняетъ намъ, почему въ Австраліи живутъ утконосы и двуутрубки, и почему черепъ австралийскаго человѣка похожъ на рѣдкую хвостомъ къ верху.

Британское королевство есть группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ, умѣренномъ поясѣ, и японская имперія есть также группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ, умѣренномъ поясѣ, но жизнь англичанина не похожа на жизнь японца, и никому не проходитъ въ голову находить это послѣднее обстоятельство удивительнымъ. Говорятъ, что исторія выработала въ Великобританіи *habeas corpus*, а въ Японіи манеру лишать себя жизни посредствомъ взрѣзыванія живота. Ну да, исторія; и таже самая исторія выработала цѣпкій хвостъ широконосаго американскаго сапажу, и безхвостость узконосаго, азіятскаго орангутанга.

Та исторія, которая сформировала государственныя учрежденія Англіи и Японіи, составляетъ только новѣйшій и очень короткій періодъ той всемірной исторіи, которая создала и постоянно продолжаетъ создавать всѣ существующія формы растений и животныхъ нашей планеты. Въ исторіи человѣчества только тѣ народы могутъ дѣйствовать другъ на друга, которые имѣютъ между собою какія нибудь отношенія; точно также въ исторіи органической жизни только тѣ растенія и животныя дѣйствуютъ другъ на друга, которыя такъ или иначе находятся между собою въ соприкосновеніи. Азіятскіе народы развивались особнякомъ отъ европейскихкихъ; африканскіе—особнякомъ отъ тѣхъ и отъ другихъ; а народы Америки и Австраліи до конца XV-го вѣка еще гораздо рѣзче были отчуждены отъ народовъ стараго свѣта. Тоже самое явленіе «*особнячества*» въ еще болѣе сильной степени обнаруживается въ историческомъ развитіи органическихъ формъ. Жизнь возникла и развилась самостоятельно на различныхъ точкахъ земной поверхности. Всѣ животныя и всѣ растенія каждой обширной географической области, окаймленной естественными границами, составляютъ одно органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части связаны между собою перепутанными сѣтями самыхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній. Внутри этого цѣлага совершается историческое развитіе всѣхъ отдѣльныхъ частей, то есть, всѣхъ видовъ растительнаго и животнаго царства. Каждая отдѣльная часть, то есть, каждый видъ, стремится къ тому, чтобы какъ можно плотнѣе приладиться къ этому цѣлому; каждый видъ борется съ другими видами *данной области*, и шлифуется посредствомъ этой борьбы, то есть, приобретаетъ тѣ особенности въ тѣлосложеніи, которыхъ требуютъ *мѣстныя условія*. Колоритъ и направленіе борьбы зависятъ отъ этихъ мѣстныхъ условій, то есть, всей совокупности тѣхъ органическихъ формъ, которыя населяютъ данную мѣстность. Сообщая борьбѣ то или другое направленіе, эти мѣстныя условія вырабатываютъ типическія особенности каждаго отдѣльнаго вида, который, такимъ образомъ оказывается непремѣнно продуктомъ извѣстной географической области. Эти готовые продукты различныхъ географическихъ областей изъ своего отечества распространяются въ разныя стороны, и, наконецъ, останавливаются въ своемъ распространеніи на тѣхъ естественныхъ границахъ, черезъ которыя не можетъ перейти ни животное, ни растеніе. Самыми непроходимыми границами оказываются океаны, и поэтому три материка: Старый Свѣтъ, Америка и Австралія чрезвычайно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга по характеру своихъ туземныхъ организмовъ. Африканскій слонъ конечно могъ бы найти себѣ въ тропической Бразиліи удобный климатъ и обильную пищу; бенгальскій тигръ, попавши въ Бразилію, не превратился бы тамъ въ ягуара; потомство узконосаго и безхвостаго орангутанга, перевезеннаго въ южную Америку, по всей

вѣроятности не приобрѣло бы себѣ тамъ широкой носовой перегородки и длиннаго хвоста. Но, такъ какъ всѣ эти животныя не имѣютъ никакой возможности перебраться черезъ океанъ, то всѣ они и остаются исключительными обитателями Старога Свѣта.

Но развѣ не могла порода тигровъ, слоновъ и орангутанговъ возникнуть одновременно, и въ Старомъ Свѣтѣ, и въ Новомъ?—На этотъ вопросъ можно отвѣчать рѣшительно: нѣтъ, не могла. Для этого было бы необходимо, чтобы, въ теченіи многихъ сотенъ тысячелѣтій, на двухъ различныхъ точкахъ земной поверхности, борьба за существованіе совершалась при одинаковыхъ условіяхъ. Такое требованіе совершенно неосуществимо, и поэтому каждый натуралистъ, принимающій видовыя формы за продукты борьбы и естественнаго развитія, непременно приходитъ къ тому заключенію, что каждая видовая форма могла возникнуть *только въ одной* географической области. Факты подтверждаютъ это теоретическое предположеніе. Натуралисты не знаютъ ни одного примѣра, чтобы какое нибудь дикое млекопитающее водилось на двухъ совершенно отдѣльныхъ материкахъ. На океаническихъ островахъ, лежащихъ далеко отъ материка, нѣтъ ни дикихъ млекопитающихъ, ни лягушекъ, ни жабъ, ни ящерицъ. Почему? Потому, что всѣ эти животныя не могутъ переселяться за море. Лягушки, жабы и ящерицы сами погибаютъ отъ морской воды, и даже ихъ икра не выдерживаетъ прикосновенія этой стихіи. Стало быть, лягушка, жаба или ящерица можетъ попасть на островъ только при помощи человѣка. Человѣкъ нечаянно помогъ лягушкамъ пробраться на Мадеру, на Азорскія острова и на островъ св. Маврикія, и лягушки такъ отлично принаровились къ мѣстнымъ условіямъ, и размножились такъ успѣшно, что ихъ многочисленность становится для жителей этихъ острововъ тягостнымъ наказаніемъ. На тѣхъ океаническихъ островахъ, на которыхъ нѣтъ земныхъ млекопитающихъ, живутъ однако летучія мыши, то есть, именно такія млекопитающія, которыя, подобно птицамъ, могутъ переправляться черезъ морскіе проливы. Эти факты доказываютъ намъ, что каждый океаническій островъ населялся тѣми растеніями и животными, которыя, такъ или иначе, могли пробраться на него съ сосѣдняго материка. Поэтому, населеніе этихъ острововъ большею частію очень бѣдно, то есть, на нихъ живетъ, сравнительно съ ихъ пространствомъ, очень незначительное количество видовыхъ формъ. Присутствіе летучихъ мышей на океаническихъ островахъ не должно насъ изумлять; извѣстно, что двѣ породы изъ этого семейства перелетаютъ нѣсколько разъ въ годъ съ береговъ Сѣверной Америки на Бермудскіе острова, находящіяся въ шести стахъ миляхъ отъ материка. Путешественники видали иногда, какъ летучія мыши носятся днемъ надъ Атлантическимъ океаномъ, въ очень далекомъ разстояніи отъ береговъ. Поэтому вовсе не трудно пред-

положить, что какая нибудь континентальная порода летучихъ мышей залетѣла на островъ, осталась на немъ, размножилась и потомъ видоизмѣнилась, такъ что образовалась новая порода, свойственная исключительно данному острову. Съ точки зрѣнія Дарвина этотъ фактъ понятенъ. Но, если мы отвергнемъ теорію преемственности видовъ, то намъ останется только изумляться, почему же это, въ самомъ дѣлѣ, для Новой Зеландіи полагаются двѣ породы летучихъ мышей, и совсѣмъ не полагается ни крысъ, ни зайцевъ, ни собакъ, ни кошекъ. И почему же мать-природа не помѣстила лягушекъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всѣ условія жизни оказываются для этихъ животныхъ въ высшей степени благоприятными?

II.

Во многихъ случаяхъ бываетъ очень трудно объяснить, какимъ образомъ совершилось переселеніе животнаго или растенія съ одной точки земной поверхности на другую. Вѣтры, морскія теченія, птицы, рыбы въ очень значительной степени помогаютъ переселеніямъ растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ. Дарвинъ сообщаетъ много любопытнѣйшихъ наблюденій на счетъ этихъ случайныхъ способовъ переселенія. Но до сихъ поръ предметъ этотъ разработанъ очень недостаточно. Ботаники не знаютъ даже, долго ли сѣмяна различныхъ растеній могутъ противиться вредному дѣйствию морской воды? Между тѣмъ, вѣтеръ каждый годъ ломаетъ вѣтки и уноситъ ихъ въ море; тамъ онѣ попадаютъ въ теченіе, и плывутъ въ даль, и потомъ выбрасываются на какой нибудь берегъ. Послѣ такого плаванія, могутъ ли зрѣлыя сѣмяна, находившіяся на этихъ вѣткахъ, пустить корень, и произвести здоровое растеніе? Понятно, что этотъ вопросъ имѣетъ важное значеніе. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ растеній, Дарвинъ бралъ вѣтки съ зрѣлыми сѣмянами, клалъ ихъ въ морскую воду на нѣсколько сутокъ и даже недѣль, а потомъ сѣялъ ихъ, и отмѣчалъ результаты этихъ опытовъ. Многія вѣтки тотчасъ отправлялись ко дну; другія держались на водѣ очень долго, но потомъ сѣмяна ихъ оказывались негодными; третьи выдерживали испытаніе вполне. Погруженіе, продолжавшееся 28, 42, и даже, для нѣкоторыхъ 137 дней, нисколько не вредило ихъ сѣмянамъ, которыя, при первой возможности, тотчасъ пускали корень и производили здоровыя растенія. Зеленыя вѣтки отправлялись ко дну очень быстро; но тѣже самыя вѣтки, высушенныя на солнцѣ, держались на водѣ очень долго. Напримѣръ, сухая вѣтка орѣшника продержалась на водѣ 90 дней, и потомъ орѣхи этой

вѣтки, положенныя въ землю, пустили корень. Сухая вѣтка спаржи съ зрѣлыми ягодами плавала 85 дней, и сѣмяна пустили корень. Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Дарвинъ выводитъ то заключеніе, что изъ 100 растений десять могутъ плавать по морю около четырехъ недѣль, не теряя жизненной силы своихъ сѣмянъ. По физическому атласу Джонстона, средняя быстрота атлантическихъ теченій равняется 33 милямъ въ сутки.— $33 \times 28 = 924$. Это значитъ, что нѣкоторыя растенія могутъ переплыть въ 28 сутокъ морской рукавъ шириною 924 мили; потомъ, если волна выброситъ ихъ на берегъ, и если морской вѣтеръ занесетъ ихъ въ удобное мѣсто, сѣмяна этихъ растений могутъ пустить корень, и основать такимъ образомъ новую колонію, вдали отъ прежняго отечества.

Море часто выбрасываетъ на берега океаническихъ острововъ цѣлыя деревья, и на коралловыхъ островахъ Тихаго Океана туземцы готовятъ инструменты и оружіе исключительно изъ тѣхъ камней, которые попадаютъ между корнями этихъ деревьевъ. Камни эти получаютъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что начальники этихъ островитянъ сочли удобнымъ превратить эту статью мѣстной торговли въ свою регалію. Эти камни часто держатся такъ плотно между корнями, что частицы земли, лежащія иногда за камнями или между ними, совершенно защищены отъ воды, и не могутъ быть размыты, не смотря на значительную продолжительность плаванія. Въ этихъ частицахъ земли заключаются иногда сѣмяна различныхъ растений, которыя такимъ образомъ могутъ переселяться на чрезвычайно далекія разстоянія. Дарвинъ видѣлъ, между корнями пятидесятилѣтняго дуба, кусокъ земли, совершенно обросшій деревомъ; изъ этого куска появились ростки трехъ сѣмянъ, пробывшихъ пятьдесятъ лѣтъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи.

Тѣла мертвыхъ птицъ помогаютъ иногда переселеніямъ растений, потому что многія сѣмяна долго сохраняютъ свою жизненность въ зобу этихъ птицъ. — Живыя птицы въ этомъ отношеніи оказываютъ самыя значительныя услуги. Косточки многихъ ягодъ и плодовъ проходятъ черезъ кишечный каналъ птицы совершенно нетронутыми. Кромѣ того, такъ какъ зобъ птицы не выдѣляетъ желудочнаго сока, то всѣ зерна, находящіяся въ ея зобу, и не попавшія еще въ желудокъ, совершенно способны пустить корень. Пища птицы остается въ зобу отъ пятнадцати до восемнадцати часовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда птица наблась досыта. Предположимъ теперь, что птица наглоталась различныхъ зеренъ, и полетѣла. Ее подхватываетъ вѣтеръ, не даетъ ей справиться, и уносить ее въ открытое море; птица поневолѣ летитъ по вѣтру, и, по словамъ Дарвина, скорость ея полета, при такихъ условіяхъ, можетъ доходить до 35 миль въ часъ, такъ что она легко можетъ пролетѣть миль пятьсотъ прежде, чѣмъ сѣденныя ею зерна перейдутъ изъ ея зоба въ желудокъ. Наконецъ, она видитъ берегъ, и опускается въ со-

вершенномъ изнеможеніи, но соколы и ястребы имѣютъ непозволительную привычку подстергать утомленныхъ птицъ; одинъ изъ такихъ хищниковъ бросается на нашего странника, и раздираетъ его; часть сѣмянъ вываливается изъ разорваннаго зоба, и можетъ немедленно пустить корень. Далѣе, многія хищныя птицы глотаютъ цѣликомъ свою добычу, и потомъ, по прошествіи двѣнадцати и даже двадцати часовъ, выбрасываютъ черезъ клювъ комки разныхъ непереваренныхъ веществъ. Въ этихъ комкахъ часто находятся сѣмяна, способныя пустить корень. Нѣкоторыя зерна овса, пшеницы, проса, конопля, клевера и свекловицы пустили корень, пробывши отъ 12 до 20 часовъ въ желудкѣ разныхъ хищныхъ птицъ. Два сѣмячка свекловицы пробыли въ желудкѣ хищной птицы двое сутокъ и четырнадцать часовъ (всего 62 часа) и все-таки пустили корень. Эта хищная птица могла въ это время залетѣть Богъ знаетъ куда, а хищныхъ птицъ много, и онѣ каждый день истребляютъ зерноядныхъ птицъ, и каждый день выбрасываютъ комки непереваренныхъ веществъ. Вліяніе этихъ птицъ на судьбу растений должно быть очень значительно. Хищныя птицы, питающіяся рѣчною рыбою, такъ же точно дѣйствуютъ на распространеніе водяныхъ растений, потому что рыба глотаетъ сѣмяна, а птица глотаетъ рыбу. — Къ лапамъ птицъ пристають иногда частицы глины и ила, въ этихъ частицахъ часто заключаются мелкія сѣмяна. Цапли, кулики и другія болотныя птицы особенно сильно должны содѣйствовать этимъ способомъ распространенію прѣсноводныхъ растений. Эти птицы постоянно бродятъ по вязкому грунту, и перелетаютъ часто на чрезвычайно значительныя разстоянія. Съ береговъ каждаго пруда онѣ непремѣнно уносятъ частицу мѣстной грязи, а эта грязь заключаетъ въ себѣ обыкновенно громадныя количества сѣмянъ. «Я въ февралѣ, говоритъ Дарвинъ, взялъ три столовыя ложки ила изъ трехъ разныхъ подводныхъ точекъ на краю маленькаго пруда. Этотъ иль, высушенный, вѣсилъ всего $6\frac{3}{4}$ унцій; я держалъ его прикрытымъ въ моемъ кабинетѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, вырывая и считая всѣ всходящія растенія; растенія эти принадлежали къ разнымъ видамъ, и всѣхъ ихъ было 537; однако вязкій иль весь помѣщался въ чайной чашкѣ.» — Дикія утки, и другія птицы, плавающія по рѣкамъ и перелетающія съ одной рѣки на другую, могутъ переносить съ собою прѣсноводныхъ моллюсковъ. Возможность такихъ перенесеній доказана прямымъ опытомъ. Дарвинъ повѣсилъ въ акваріумъ утиную лапу въ томъ положеніи, въ какомъ держитъ ее утка, плавая по водѣ; къ этой лапѣ присосалось множество молодыхъ моллюсковъ, только что вылупившихся изъ яицъ. Дарвинъ вынулъ лапу, и началъ ее отряхивать; моллюски не пошевелились; послѣ этого лапа пролежала внѣ воды больше двѣнадцати часовъ, и моллюски остались въ живыхъ. Стало быть, утка очень легко могла бы перелетѣть вмѣстѣ съ ними за нѣ-

сколько десятковъ миль, и потомъ опустить ихъ въ какой нибудь другой прудъ, отстоящій очень далеко отъ мѣста ихъ рожденія. Этими и многими другими причинами, еще не достаточно изслѣдованными, объясняется то обстоятельство, что одни и тѣже виды прѣсноводныхъ моллюсковъ попадаютъ въ различныхъ рѣкахъ, не имѣющихъ между собою никакого водянаго сообщенія.—Сами собою моллюски эти, живущіе исключительно и постоянно въ водѣ, очевидно не могутъ перебраться сухимъ путемъ изъ одной рѣки въ другую.—Кромѣ птицъ, моллюскамъ помогаютъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые насѣкомыя. «Сэръ Чарльзъ Ляйелль, говоритъ Дарвинъ, извѣщаетъ меня, что однажды былъ пойманъ *Dytiscus* (плавунецъ — водяной жукъ) съ прѣсноводною раковиною *Ancylus*, крѣпко присосавшеюся къ нему; а водяной жукъ *Colymbetes*, принадлежащій къ тому же семейству, однажды залетѣлъ на корабль Бигль; когда этотъ корабль находился въ 45 миляхъ отъ ближайшаго берега.»—Очень можетъ быть, что этотъ *Colymbetes*, при попутномъ вѣтрѣ, пролетѣлъ бы еще дальше, а съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ бы и тотъ моллюскъ, который присосался бы къ его тѣлу.—Въ природѣ существуютъ, вѣроятно, многіе другіе способы переселенія, и будущіе натуралисты, конечно, сдѣлаютъ по этому предмету много неожиданныхъ открытій.

III.

Въ Великобританіи и въ Ирландіи водятся тѣже дикія млекопитающія, которыя живутъ во Франціи, въ Германіи и въ Швеціи. Это обстоятельство было бы необъяснимо, если бы мы не обратили вниманія на тѣ значительныя измѣненія морскаго уровня, которыя совершились во время новѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Западныя и сѣверозападныя части Европы то поднимались, то опускались во время всего послѣ-плиоценоваго періода, примыкающаго непосредственно къ той эпохѣ, къ которой относится все историческое существованіе человѣческихъ обществъ. Во время поднятія почвы, всѣ британскіе острова соединялись въ одну массу, и срастались съ европейскимъ материкомъ; Ламаншъ исчезалъ совершенно, и, можетъ быть, даже все Нѣмецкое море превращалось въ сушу, такъ что Великобританія на югѣ сливалась съ Франціею, а на востокѣ съ Норвегіею и Даніею. Темза въ это время становилась притокомъ Рейна. Потомъ, когда почва опускалась, Великобританія, оторванная отъ материка, разрывалась, кромѣ того, на множество мелкихъ острововъ. Всѣ эти колебанія уровня совершаются чрезвычайно медленно, такъ что Великобританія была соединена съ материкомъ въ теченіе

многихъ тысячелѣтій, и всѣ континентальныя животныя имѣли полную возможность населить эту землю, и размножиться въ ней, во время періода поднятія. Такъ какъ, во время послѣ-пліоценовой эпохи, теперешнія породы животныхъ были уже сформированы, то эти колебанія уровня объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно, почему однѣ и тѣже породы млекопитающихъ населяютъ и материкъ Европы, и Британскіе острова.—Несмотря на эти послѣдовательныя повышенія и пониженія, главныя массы твердой земли постоянно оставались на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ онѣ находятся въ настоящее время. Подробности въ очертаніяхъ материковъ измѣнялись значительно, но при всемъ томъ, Старый Свѣтъ былъ постоянно отдѣленъ отъ Америки обширными океанами. Среднія и южныя части этихъ двухъ материковъ лежали очень далеко другъ отъ друга, а сѣверныя части, напротивъ того, находились почти въ непосредственномъ соприкосновеніи; словомъ, въ главныхъ чертахъ, эти двѣ громадныя массы твердой земли занимали постоянно тоже положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. Прямыя переселенія животныхъ и растений изъ Франціи въ Соединенные Штаты или съ мыса Доброй Надежды въ Ла-Плату были невозможны во время всѣхъ геологическихъ эпохъ, о которыхъ мы имѣемъ какія нибудь свѣдѣнія. Двѣ послѣднія геологическія эпохи пліоценовая и послѣ-пліоценовая дѣйствовали на расселеніе животныхъ и растений не только колебаніями уровня, но еще, кромѣ того, значительными колебаніями климатическихъ условій. Въ пліоценовой эпохѣ былъ одинъ періодъ гораздо теплѣе теперешняго; потомъ началось медленное охлажденіе, и во время послѣ-пліоценовой эпохи, холодъ, достигши своего крайняго развитія, сдѣлался до такой степени силенъ, что наступилъ такъ называемый *ледовой* или *ледниковый* періодъ; въ это время климатъ былъ гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь; потомъ температура опять начала повышаться, и наконецъ, послѣ различныхъ, менѣе значительныхъ колебаній, достигла до своего теперешняго положенія.

Посмотримъ, какимъ образомъ эти климатическія измѣненія должны были дѣйствовать на расселеніе животныхъ и растений. Возьмемъ сначала теплый періодъ пліоценовой эпохи, и постоянно будемъ имѣть въ виду то обстоятельство, что главныя очертанія великихъ материковъ во все это время не испытали никакихъ существенныхъ видоизмѣненій. Когда климатъ былъ гораздо теплѣе теперешняго, тогда жители сѣвернаго умѣреннаго пояса могли жить за полярнымъ кругомъ, а организмы, свойственные холодному поясу, жили въ тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ возлѣ самаго полюса, подъ сплошною корою вѣчнаго льда, подавляющаго, въ настоящее время, всякое проявленіе органической жизни. Въ настоящее время, сѣверныя оконечности Стараго Свѣта и Америки населены совершенно одинаково, именно потому, что эти оконечности

находятся въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ. Но теперь въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ одинаковы только чисто полярныя формы, напримѣръ, сѣверный олень, бѣлый медвѣдь, песцы, морскіе бобры, киты, и тому подобныя животныя, свойственныя исключительно холодному поясу. Во время теплаго періода пліоценовой эпохи, на обоихъ материкахъ были одинаковы, *во первыхъ*, полярныя формы, жившія въ то время въ тѣхъ странахъ вѣчнаго льда, которыя теперь совершенно лишены обитателей, и даже недоступны самымъ любознательнымъ и неустрашимымъ изслѣдователямъ; и, *во вторыхъ*, тѣ животныя и растенія умѣреннаго пояса, которыя, въ то время, жили въ теперешней области сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ медвѣдей и морскихъ бобровъ. Беринговъ проливъ, по всей вѣроятности, исчезалъ иногда, подобно Ламаншу, и тогда всякія переселенія изъ сѣверной Азіи въ сѣверную Америку становились очень удобными. Началось охлажденіе. Вѣчные льды обложили полюсъ, и медленно потѣснили къ югу полярную фауну и полярную флору. Полярныя животныя и растенія, подвигаясь къ югу, прогнали въ умѣренный поясъ тотъ комплектъ растеній и животныхъ, который во время теплаго пліоцена жилъ за полярнымъ кругомъ. Эти послѣднія, въ свою очередь, стали напирать на тѣхъ, которыя жили южнѣе, и этотъ напоръ различныхъ органическихъ существъ, вмѣстѣ съ постепеннымъ пониженіемъ температуры, далъ себя почувствовать всему міру животныхъ и растеній, вплоть до самаго экватора. Все живое двигалось отъ обоихъ полюсовъ къ жаркому поясу. Но растеніямъ и животнымъ, населявшимъ тропическія земли, отступать было некуда. Во первыхъ, они были стиснуты съ двухъ сторонъ, и во вторыхъ, имъ уже негдѣ было искать еще болѣе теплаго климата. Они должны были столпиться на самомъ экваторѣ, забиться въ самыя жаркія долины, и наконецъ погибнуть, если холодъ и пришельцы изъ умѣренныхъ поясовъ продолжали преслѣдовать ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. Наступаетъ ледовой періодъ. Вѣчные льды занимаютъ оба холодные пояса, и значительную часть обоихъ умѣренныхъ. На всѣхъ горахъ земнаго шара лежатъ громадныя ледники, спускающіеся очень далеко въ окрестныя долины; по морямъ плаваютъ ледяныя горы, которыя заходятъ даже въ жаркій поясъ, и тамъ, поддаваясь дѣйствию теплоты, таютъ и уничтожаются, роняя на дно моря, на отмели или на берега каменныя глыбы, принесенныя изъ далекихъ полярныхъ или умѣренныхъ земель. Растенія и животныя, свойственныя въ наше время исключительно холодному поясу, наполняютъ всю среднюю Европу, доходятъ до Альповъ и до Пиринеевъ, и даже проникаютъ въ Испанію. Тѣже самыя полярныя формы живутъ, во время ледоваго періода, во всей умѣренной территоріи Американскихъ штатовъ. Къ югу отъ этихъ полярныхъ жителей происходитъ самая ожесточенная борьба. Холодъ согналъ къ тропикамъ самое разнокалиберное населеніе,

то есть все, кромѣ полярныхъ формъ, все, что во время теплаго періода пліоценовой эпохи, жило отъ береговъ Баффинова моря до крайней оконечности Огненной Земли. Тутъ, около тропиковъ, на протяженіи какихъ нибудь пятидесяти или шестидесяти градусовъ, толпятся, во первыхъ, жители теперешнихъ умѣренныхъ поясовъ, во вторыхъ, жители теперешняго жаркаго пояса, и наконецъ, въ третьихъ, жители того жаркаго пояса, который во время теплаго пліоцена былъ гораздо жарче теперешняго. Можно себѣ представить, какая тутъ происходитъ давка, и какъ плохо приходится въ этой давкѣ тѣмъ жителямъ *прежнню* жаркаго пояса, которые больше всѣхъ другихъ страдаютъ отъ холода, и поэтому меньше всѣхъ другихъ способны давать отпоръ многочисленнымъ конкурентамъ. Большая часть этихъ прежнихъ жителей погибаетъ, и жаркій поясъ, во время крайняго развитія холода, представляетъ намъ слѣдующій составъ населенія: по горамъ и по плоскимъ возвышенностямъ животныя и растенія умѣреннаго пояса, а въ самыхъ жаркихъ долинахъ фауна и флора теперешняго жаркаго пояса. Холодъ начинаетъ убывать, и, вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры, начинается обратное движеніе всего живаго отъ экватора къ обоимъ полюсамъ. Ледники таютъ; вершины невысокихъ горъ совершенно освобождаются отъ ледяныхъ громадъ, а на высокихъ горахъ ледники отодвигаются къ самымъ вершинамъ, позволяя растеніямъ проникать въ долины, въ ущелья и на склоны горныхъ хребтовъ. Растеніямъ и животнымъ холоднаго пояса въ средней Европѣ становится слишкомъ тепло; они отступаютъ туда, гдѣ похолодиѣе, то есть, съ юга на сѣверъ, и, кромѣ того, снизу вверхъ, изъ долины на гору. Растеніямъ и животнымъ умѣреннаго пояса между тропиками становится также неудобно; во первыхъ, жарко, а во вторыхъ, тропическія формы не даютъ имъ пощады; онѣ выходятъ изъ знойныхъ долинъ, побѣждаютъ пришельцевъ, и заставляютъ ихъ бѣжать; куда же бѣгутъ растенія и животныя умѣреннаго пояса? Туда, гдѣ прохладнѣе. Если растеніе не перешло черезъ экваторъ, то оно уходитъ въ сѣверный умѣренный поясъ; если же оно, во время крайняго развитія холода, успѣло перешагнуть черезъ экваторъ, то оно уже не поворачиваетъ назадъ, а идетъ дальше къ югу, переходитъ за тропикъ Козерога, и утверждается въ южномъ умѣренномъ поясѣ. Наконецъ, если растеніе живетъ у подошвы горы, то оно взлѣзаетъ на гору; если эта гора слишкомъ низка, то растеніе погибаетъ, когда теплота усиливается; если же гора достаточно высока, то растеніе, по мѣрѣ усиленія теплоты, лѣзетъ все выше и выше, и наконецъ успокаивается на той высотѣ, на которой оно находитъ себѣ умѣренный климатъ, неблагоприятный для его тропическихъ конкурентовъ. Такимъ образомъ, высокія горы жаркаго пояса населяются растеніями умѣренной полосы, а высокія горы умѣреннаго пояса—растеніями

полярныхъ мѣстностей. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. На Шотландскихъ горахъ, на Альпахъ и на Пиринеяхъ живутъ одинаковыя растенія, родственныя съ тѣми формами, которыя находятся на сѣверѣ Скандинавіи. На Бѣлыхъ горахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, живутъ растенія, родственныя съ растеніями Лабрадора. Тоже самое родство замѣчается между растеніями южныхъ Сибирскихъ горъ, и растеніями сѣверной Сибири. Кромѣ того, всѣ эти горныя растенія, находящіяся на такихъ различныхъ точкахъ земной поверхности, не только сходны и родственны между собою, но часто бываютъ даже совершенно тождественны, такъ что ботанику случается иногда встрѣтить ту же самую породу въ Испаніи и въ Сѣверной Америкѣ, не смотря на то, что растительность долинъ въ этихъ мѣстностяхъ, вовсе не одинакова, и все не похожа на растительность горныхъ хребтовъ. Натуралисты прошлаго столѣтія думали, что эти горныя растенія возникли разомъ на нѣсколькихъ точкахъ земнаго шара, но теперь, благодаря успѣхамъ новѣйшей геологіи, дѣло объясняется гораздо проще. На высокихъ горахъ тропической Бразиліи живутъ нѣкоторыя чисто-европейскія растенія. На Абиссинскихъ горахъ встрѣчаются также растенія, родственныя отчасти съ европейскими, отчасти съ такими, которыя живутъ на мысѣ Доброй Надежды. Нѣкоторыя растенія, незавезенныя на мысѣ Доброй Надежды человѣкомъ, также родственны съ европейскими. На Гималайскихъ горахъ, на нѣкоторыхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ Остъ-Индіи, на высокихъ горахъ острова Цейлона, и на вулканическихъ вершинахъ Явы водятся также растенія, принадлежащія къ европейскимъ родамъ. Всѣ эти факты объясняются очень легко, какъ необходимыя послѣдствія ледоваго періода. Одни растенія сѣвернаго умѣреннаго пояса перебрались черезъ экваторъ, и ушли на югъ, на мысѣ Доброй Надежды, а другія утвердились на высокихъ горахъ, когда усилившаяся теплота выгнала ихъ изъ тропическихъ долинъ.—Растенія и животныя Соединенныхъ Штатовъ представляютъ признаки кровнаго родства съ растеніями и животными средней Европы; и это понятно; во время теплаго пліоцена эти органическія формы жили въ сплошныхъ земляхъ, составляющихъ теперь сѣверныя оконечности обоихъ великихъ материковъ; потомъ, когда началось охлажденіе, эти формы пошли къ югу и разошлись; одни вступили въ борьбу съ фаунами и флорами Стараго Свѣта, другія съ фаунами и флорами средней и тропической Америки. Одни видоизмѣнились въ одну сторону, другія—въ другую; образовалось между ними значительное различіе, но признаки кровнаго родства еще сохранились. Чѣмъ дальше мы подвигаемся на югъ, тѣмъ эти признаки становятся слабѣе, такъ что тропическая природа Америки уже нисколько не похожа на тропическую природу Азіи или Африки. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главные факты въ распредѣленіи

организмовъ по лицу земли находятся въ полномъ согласіи Дарвина. Многія второстепенныя подробности представляютъ порѣ неразъяснимыя затрудненія, но мы должны помнить, что наша не закончена, что кругъ нашихъ знаній расширяется, и что открытія и наблюденія будущихъ натуралистовъ должны показать то, чего не успѣютъ сдѣлать наши современники. Тогда и тѣ неизбежныя затрудненія которыя каждая новая идея всегда встрѣчаетъ на своемъ пути.

ЭМБРИОЛОГІЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНАТОМІЯ.

I.

Различныя части тѣла у зародышей представляютъ между собою гораздо больше сходства, чѣмъ у взрослыхъ животныхъ. Напримеръ, у человеческого зародыша нога похожа на руку, у зародыша мыши задняя оконечность похожа на переднюю, которая впоследствии превратится въ крыло. Кромѣ того, зародыши различныхъ классовъ, принадлежащихъ къ одному классу или отдѣлу, въ своемъ развитіи, бываютъ очень похожи другъ на друга. Напримеръ, зародыши птицъ, млекопитающихъ, ящерицъ и змѣй, рѣшительно ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другаго. Вспомогательные органы позвоночнаго животнаго, но какого класса, не известны. Потому, въ болѣе поздній періодъ развитія, выходящее изъ яйца млекопитающее — или птица, или ящерица, но еще нельзя отнести къ какому порядку или семейству относится это возникающее животное. Потому обозначаются признаки семейства, рода и вида. Новорожденный жеребенокъ уже отличается отъ новорожденного осленка, кобыленныя особенности тѣлосложенія, которыя характеризуютъ лошадь и коня, англійскую и донскую, рысака и вятку, обозначаются въ нѣсколько времени послѣ рожденія животнаго. Въ младенчествѣ многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя принадлежатъ къ одной группѣ родственныхъ формъ, и которыя потомъ исчезаютъ, замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримеръ, у млекопитающихъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, а въ юности многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя принадлежатъ къ одной группѣ родственныхъ формъ, и которыя потомъ исчезаютъ, замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримеръ, у млекопитающихъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, а въ юности многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя принадлежатъ къ одной группѣ родственныхъ формъ, и которыя потомъ исчезаютъ, замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримеръ, у млекопитающихъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, а въ юности многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя принадлежатъ къ одной группѣ родственныхъ формъ, и которыя потомъ исчезаютъ, замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримеръ, у млекопитающихъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, а въ юности многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя принадлежатъ къ одной группѣ родственныхъ формъ, и которыя потомъ исчезаютъ, замѣняясь чисто видовыми качествами.

ственниковъ одноцвѣтностью мѣха, но новорожденные львы и пумы очень часто бываютъ испещрены полосками и пятнами, которыя потомъ сглаживаются.

Сходство между зародышами различныхъ позвоночныхъ животныхъ существуетъ совершенно независимо отъ тѣхъ условій, при которыхъ эти зародыши развиваются. Млекопитающее развивается въ утробѣ матери, птица подъ скорлупою яйца; лягушка, въ видѣ головастика, ведетъ самостоятельную жизнь въ водѣ, и не смотря на то, у всѣхъ этихъ животныхъ, во время ихъ зачаточнаго состоянія, артеріи изгибаются совершенно одинаковымъ образомъ вокругъ жаберныхъ скважинъ, которыя впоследствии исчезаютъ безъ слѣда. Головастику жабры необходимы, потому что онъ живетъ въ водѣ, и дышетъ этими жабрами; но зародышу птицы, млекопитающаго, змѣи или черепахи жабры ни на что не нужны ни въ какое время, а между тѣмъ жаберныя скважины все таки существуютъ, и возникаютъ у всѣхъ этихъ животныхъ единственно для того, чтобы потомъ исчезнуть, не доставивъ организму ни малѣйшей пользы; чѣмъ объяснить такой капризъ природы? Намъ придется поставить два вопроса: во первыхъ, почему зародыши болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ взрослые животныя? И во вторыхъ, почему у зародыша существуютъ нѣкоторыя органы, совершенно бесполезныя для самаго зародыша, и не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ образу жизни взрослага животнаго? По идеямъ Дарвина эти вопросы разрѣшаются очень удовлетворительно. Родители передаютъ дѣтямъ по наслѣдству, во первыхъ, тѣ черты тѣлосложенія, которыя родители сами приняли отъ своихъ предковъ, и во вторыхъ, тѣ особенности, которыя родители выработали себѣ въ теченіе своей жизни. Можно сказать, что родители передаютъ дѣтямъ родовое и благопріобрѣтенное имущество своего организма. Особенность, проявившаяся у родителя въ извѣстномъ возрастѣ, болѣею частью проявляется и у сына въ томъ же самомъ возрастѣ. Извѣстно, напримѣръ, что многія наслѣдственныя болѣзни, эпилепсія, сумасшествіе, и такъ далѣе, обнаруживаются у нѣсколькихъ нисходящихъ поколѣній аккуратно въ томъ же самомъ возрастѣ. Положимъ теперь, что какое нибудь животное, совершенно приспособленное къ водяной жизни, по немногу приучается къ преслѣдованію такой добычи, которая живетъ на сушѣ. Такіе примѣры извѣстны въ живой природѣ. Угорь часто выходитъ изъ воды, и отправляется въ хлѣбныя поля, иногда на нѣсколько дней. Ракъ *Birgus latro* по ночамъ выходитъ на берегъ, взлѣзаетъ на кокосовыя деревья, и своими огромными клешнями раскалываетъ кокосовыя орѣхи для своего продовольствія. Рыба *Anabas scandens* ползаетъ по землѣ, и взбирается на деревья, опираясь при этомъ на твердые костяные лучи своихъ нижнихъ плавниковъ.

Если подобныя явленія возможны теперь, при существованіи огром-

наго количества ящерицъ, змѣй, млекопитающихъ, птицъ, и другихъ опасныхъ конкурентовъ, то, разумѣется, эти явленія должны были встрѣчаться очень часто во время оно, въ тѣ геологическія эпохи, когда на земномъ шарѣ не было никакихъ позвоночныхъ животныхъ, кромѣ рыбъ. И такъ, мы можемъ предположить, что, въ одну изъ этихъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, какое нибудь рыбообразное животное *A* повадилось вылѣзать изъ воды и питаться растеніями и насѣкомыми, живущими по берегамъ моря или рѣки. Каждое животное изъ породы *A* начинало эти упражненія только тогда, когда силы его были уже достаточно развиты, слѣдовательно, не тотчасъ послѣ своего выхода изъ яйца, а напримѣръ, черезъ годъ или черезъ полтора. Прогулки по землѣ развивали въ тѣлѣ этого животнаго извѣстные мускулы, направляли теченіе питательныхъ соковъ преимущественно въ тѣ части тѣла, которыя подвергались усиленному напряженію, и кромѣ того, прогулки эти дѣйствовали измѣняющимъ образомъ на систему дыхательныхъ органовъ. Тѣ отдѣльныя животныя породы *A*, у которыхъ эти медленные измѣненія совершались особенно успѣшно, имѣли надъ своими сверстниками преимущество, и, въ силу этого преимущества, оставляли послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Это потомство получало отъ нихъ видоизмѣненное и усовершенствованное тѣлосложеніе, но эти выгодныя измѣненія проявлялись у дѣтей въ томъ возрастѣ, въ которомъ они проявились у отцовъ. Рядъ выгодныхъ измѣненій привелъ къ тому результату, что животное *B*,—прямой потомокъ животнаго *A*,—получилъ наконецъ одну пару оконечностей или лапъ. Этотъ рядъ видоизмѣненій въ жизни породы происходилъ чрезвычайно медленно: *A* доживши до полутора года, началъ ползать по землѣ, и измѣнилъ свою организацію самымъ незамѣтнымъ образомъ; дѣти *A*, въ полуторагодовомъ возрастѣ наследовали это измѣненіе, и увеличили свое наследство собственными упражненіями; внуки въ томъ же возрастѣ получили это увеличенное наследство, и увеличили его еще больше. Такъ точно поступили и правнуки, и праправнуки, и всѣ остальные поколѣнія. Но если бы, напримѣръ, двадцатое поколѣніе начало рядъ своихъ видоизмѣненій въ полтора года, и если бы эти видоизмѣненія происходили въ немъ такъ же послѣдовательно и медленно, какъ они совершались во всѣхъ девятнадцати предыдущихъ поколѣніяхъ, то на весь этотъ процессъ, можетъ быть, не хватило бы жизни этихъ животныхъ. Тѣ потомки, которые получаютъ особенности своихъ дѣдовъ и отцовъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, будутъ имѣть очевидное преимущество надъ тѣми потомками, у которыхъ эти особенности проявляются какъ разъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились у предковъ. Вслѣдствіе этого преимущества, въ потомствѣ животнаго *A* установится слѣдующій процессъ развитія. Молодыя животныя выходятъ изъ яицъ въ первобытной рыбообразной формѣ;

проживаютъ въ такомъ видѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ, получивъ пару оконечностей, превращаются въ животное *B*, и начинаютъ ползать по сушѣ. Это ползаніе продолжаетъ дѣйствовать на ихъ тѣлосложеніе такъ, что отдаленные потомки *B* имѣютъ уже двѣ пары оконечностей, и вслѣдствіе этого получаютъ отъ натуралистовъ отдѣльное видовое названіе *C*. Тутъ и процессъ развитія усложняется. Изъ яйца выходитъ *A*; потомъ у него вырастаетъ одна пара оконечностей — оказывается *B*; потомъ другая пара и животное *C* готово. Не останавливайтесь на точкѣ *C*, идите дальше, и вы получите развитіе лягушки. Сначала головастики или рыбообразное животное *A*, потомъ одна пара оконечностей — *B*; потомъ другая — *C*; потомъ толстый рыбій хвостъ пропадаетъ и жабры замѣняются легкими — вотъ вамъ и лягушка готова.

Развитіе лягушки представляетъ намъ просто портретную галерею тѣхъ предковъ, отъ которыхъ это животное ведетъ свой родъ. Родоначальникъ лягушечьей породы былъ рыбою, — оттого и происходитъ рыбообразная фигура головастика. Тутъ дѣйствуютъ законы наслѣдственности. Всѣ превращенія, которыя совершились въ породахъ птицъ, млекопитающихъ, и другихъ животныхъ, съ той минуты, когда эти животныя уклонились отъ чистаго рыбьяго типа, всѣ эти превращенія мало по малу стѣснились въ одну кучку, и уложились цѣликомъ въ непродолжительную жизнь зародыша. Многія черты этихъ превращеній при этомъ, конечно, изгладились и исказились, но несмотря на то, даже и теперь, жизнь зародыша представляется наблюдательному натуралисту въ видѣ краткой исторіи и родословной таблицы всей породы. Даже тѣ естествоиспытатели, которые твердо убѣждены въ неизмѣнности видовыхъ формъ, даже они, говорю я, сами подмѣчаютъ и признаютъ изумительное сходство, во первыхъ, между зародышами высшихъ животныхъ и взрослыми фигурами нисшихъ, и во вторыхъ, между зародышами теперешнихъ животныхъ и взрослыми фигурами исчезнувшихъ организмовъ.

Дарвинъ объясняетъ дѣло просто и понятно. Птица и млекопитающее организованы выше рыбы; эти высшія формы принаровлены къ особеннымъ условіямъ жизни, эти принаровленія до нѣкоторой степени изгладили черты основнаго типа, но въ зародышѣ эти черты остались въ большой неприкосновенности, потому что всякія принаровленія полезны и необходимы только взрослому животному, которое добываетъ себѣ пищу, и защищается отъ враговъ собственными силами. Пока кондоръ сидитъ въ яйцѣ, ему не нужны сильныя крылья и острое зрѣніе; пока тигренокъ находится въ утробѣ матери, ему бесполезны зубы и когти. Поэтому естественный выборъ совершенствуется только взрослыхъ, и какается зародыша на столько, на сколько этотъ послѣдній долженъ измѣниться по своей связи съ будущею формою взрослого животного.

Рыбы, и птицы, и млекопитающія произошли по прямой линіи отъ рыбъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ, силурской и девонской. Рыбы меньше удалились отъ этого первобытнаго типа; птицы и млекопитающія удалились отъ него гораздо больше, и при этомъ разошлись въ разныя стороны. Но зародышъ птицъ и млекопитающихъ, не имѣя надобности приравляться къ различнымъ условіямъ жизни, сохранилъ черты своего девонскаго или силурскаго предка, а такъ какъ этотъ предокъ до нѣкоторой степени похожъ на теперешнюю рыбу, то и зародышъ высшихъ, позвоночныхъ формъ также похожъ на эту низшую форму. По этой же самой причинѣ зародыши различныхъ животныхъ одного отдѣла похожи одинъ на другаго. Только долговременное упражненіе многихъ поколѣній и постоянное дѣйствіе естественнаго выбора въ теченіе многихъ тысячелѣтій создали у различныхъ животныхъ ноги, крылья и разныя другіе сложные органы. У предковъ всѣ эти подробности и утонченныя затѣи вовсе не существовали, а когда они возникли, то возникли въ самой грубой и элементарной формѣ, такъ что можно было поворотить эти куски органическаго вещества куда угодно, и на крыло, и на плавникъ, и на ногу. Въ породѣ эти куски шлифовались и обтачивались въ теченіе цѣлыхъ геологическихъ эпохъ, а въ отдѣльномъ животномъ, то есть, въ зародышѣ, они шлифуются въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Крапчатое перо молодыхъ дроздовъ достается имъ по наслѣдству отъ общаго родоначальника дроздоваго семейства. Также точно объясняются полоски или пятна на шкурѣ новорожденнаго льва и пумы.

Большая часть насѣкомыхъ выходятъ изъ яичка въ видѣ личинки или червяка; различныя личинки очень сильно отличаются одна отъ другой, потому что многія изъ нихъ сами должны добывать себѣ пищу, и, слѣдовательно, должны быть приспособлены къ различнымъ условіямъ жизни. Но, не смотря на то, форма червяка ясно обозначена у всѣхъ личинокъ. Это доказываетъ, что черви были родоначальниками насѣкомыхъ, подобно тому, какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторыя животныя поставлены въ такія условія жизни, при которыхъ сложное и утонченное устройство организма становится для нихъ бесполезнымъ, обременительнымъ и даже вреднымъ. Кроуту, копающемуся въ землѣ, червяку, живущему въ кишечномъ каналѣ другаго животнаго, или чужеядному раку, присосавшемуся на всю жизнь къ тѣлу рыбы, совершенно бесполезны органы зрѣнія. Такіе бесполезныя органы утрачиваются; взрослое животное приспособляется къ условіямъ жизни, но эти перемѣны, по обыкновенію, не относятся къ зародышу. Поэтому, зародышъ сохраняетъ черты прежняго типа, и вслѣдствіе этого, организація его оказывается выше и совершеннѣе, чѣмъ тѣлосложеніе взрослаго животнаго, испытавшаго регрес-

сивную перемѣну. Семейство усоногихъ раковъ (*Certhipedia*) очень замѣчательно по этимъ своеобразнымъ отношеніямъ между зародышами и взрослыми формами. «Ихъ личинки, говоритъ Дарвинъ, въ первой степени своего развитія имѣютъ три пары ногъ, одинъ очень простой глазъ, и ротъ въ видѣ хобота, посредствомъ котораго онѣ обильно питаются, потому что растутъ быстро. Во второмъ, соответствующемъ кукольному стадію бабочекъ, онѣ имѣютъ шесть паръ самаго изящнаго устройства, два великолѣпныхъ сложныхъ глаза, и чрезвычайно сложные усики; но ротъ закрытъ и такъ устроенъ, что онѣ не могутъ питаться. Ихъ отправленіе въ этомъ стадіи состоитъ въ томъ, чтобы, посредствомъ высоко-развитыхъ органовъ чувства, отыскать удобное мѣсто для дальнѣйшихъ превращеній, и чтобы долетѣть до этого мѣста, при помощи своего высоко-развитаго, плавательнаго аппарата. По совершеніи окончательнаго метаморфоза, они прикрѣплены на всю жизнь. Ихъ ноги превращаются въ хватательные органы; они снова приобрѣтаютъ хорошо устроенный ротъ, но усики пропадаютъ, а ихъ два глаза снова замѣняются однимъ мелкимъ, весьма простымъ глазнымъ пятнышкомъ. Нѣкоторыя личинки усоногихъ раковъ при послѣднемъ метаморфозѣ понижаются еще сильнѣе: онѣ превращаются въ такое существо, которое Дарвинъ называетъ «дополнительнымъ самцомъ»; это—простой мѣшокъ, у него нѣтъ ни рта, ни желудка, ни органовъ чувства; онъ живетъ очень недолго, совсѣмъ не принимаетъ пищи, и занимается исключительно оплодотвореніемъ того болѣе развитаго существа, къ которому онъ прикрѣпленъ. Усоногіе раки до такой степени измѣнились подъ вліяніемъ своей сидячей жизни, что Кювье, знавшій только взрослыхъ животныхъ этой группы, относилъ ихъ къ классу моллюсковъ. Но настоящій типъ, указывающій на дѣйствительное происхожденіе этихъ животныхъ, сохранился въ личинкахъ или зародышахъ, и когда различныя фазы ихъ развитія были открыты и прослѣжены, тогда натуралисты немедленно причислили усоногихъ къ классу раковъ. Этому открытію въ значительной степени содѣйствовалъ самъ Дарвинъ, написавшій объ усоногихъ ракахъ великолѣпную монографію въ двухъ томахъ.

II.

У очень многихъ животныхъ существуютъ неразвитые органы, которые не приносятъ имъ ни малѣйшей пользы, подобно тому, какъ окно нарисованное на стѣнѣ зданія, не даетъ ни одного луча свѣта обитателямъ этого зданія. Въ классѣ млекопитающихъ, почти всѣ самцы, носятъ на груди или на животѣ зачаточныя сосцы. У птицъ кости кры-

ла заканчиваются небольшою косточкою, которая называется крылуш-комъ (alula ala spuria), и составляет зачаточный палець. Эта косточка совершенно закрыта перьями крыла, и нисколько не помогает полету птицы. У многихъ змѣй развито и приспособлено для дыханія только одно лѣвое легкое, правое совершенно бесполезно и находится всегда въ полномъ бездѣйстви, однако оно существуетъ въ зачаточномъ состоян-нн, и змѣя, въ теченн всей своей жизни таскаетъ въ своемъ тѣлѣ этотъ негодный мѣшочекъ. У другихъ змѣй есть зачатки тазовыхъ ко-стей и заднихъ оконечностей. Чѣмъ вы объясните существованн этихъ бесполезныхъ органовъ? Зачѣмъ природа приставила къ тѣлу живот-ныхъ эти негодные и бессмысленныя брелоки? Въ военныхъ мундирахъ всѣхъ европейскихъ державъ есть очень много бесполезныхъ висюлекъ и разводовъ, но, если вы только справитесь объ историческомъ проис-хожденн этихъ штукчекъ, то вы увидите, что почти всѣ онѣ въ свое время имѣли нѣкоторый смыслъ и опредѣленное, утилитарное назначе-нн. Эполеты, аксельбанты, темляки, шнуры— все это возникло изъ по-ходныхъ или боевыхъ потребностей солдата, и только впоследствии превратилось въ бесполезное украшенн. Но вѣдь извѣстное дѣло, что человекъ иногда дѣйствуетъ по внушенн свободной фантазш, и что, напротивъ того, въ природѣ все производится по неизмѣннымъ законамъ, такъ что каждая ничтожная мелочь обуславливается какою нибудь не-обходимою причиною. Если человекъ, въ самыхъ произвольныхъ своихъ созданнхъ, въ покроѣ и украшенн своего платья, руководствуется ре-альными побужденнми, стремленнми къ удобству и безопасности, то смѣшно и дико было бы думать, что цѣлыя породы живыхъ организ-мовъ *постоянно* носятъ на своемъ тѣлѣ приставки и привѣски, не имѣющн достаточной причшны существованн. Причина, разумѣтся, есть, и читатель ее знаетъ; она одинакова, какъ для украшенн воен-наго мундира, такъ и для неразвитыхъ органовъ живаго тѣла. Эта причина — наслѣдственность. Эполеты были сначала придуманы для того, чтобы защищать плечо отъ сабельнаго удара; теперь они ровно ничего не защищаютъ, но ихъ носятъ по старой привычкѣ. Въ при-родѣ роль старой привычки играетъ сила наслѣдственности, и орга-ны, существующн въ настоящее время въ зачаточномъ или нераз-витомъ состоянн, были прежде развитыми и дѣятельными, и при-носили предкамъ теперешнихъ животныхъ существенную практиче-скую пользу. Зачаточные сосцы самцовъ, по всей вѣроятности, ука-зываютъ намъ на то обстоятельство, что самецъ и самка сформирова-ны по одному общему типу, и самецъ вслѣдствн этого, сохранилъ сос-цы, потерявшн въ его организмѣ всякое практическое значенн. Я долженъ признаться читателю, что это предположенн принадлежитъ лично мнѣ. Дарвинъ приводитъ фактъ, но не даетъ ему отдѣльнаго

объясненія; онъ объясняетъ вообще значеніе зачаточныхъ органовъ; въ каждомъ изъ такихъ органовъ онъ видитъ или остатокъ прошедшаго, или зарожденіе будущаго, то есть или этотъ органъ былъ дѣятельнымъ, и потомъ утратилъ свою силу, или же онъ формируется вновь и по немногу увеличивается дѣйствіемъ естественнаго выбора. Зачаточный палецъ птицы, заглухшее легкое, тазовая кость и заднія оконечности змѣи объясняются очень просто. Предокъ птицы пользовался своимъ пальцемъ вполнѣ, а предокъ змѣи дышалъ обоими легкими, и, быть можетъ, былъ похожъ на ящерицу, по устройству таза и заднихъ лапъ. У кита, когда онъ находится въ утробѣ матери, вырастаетъ въ каждой челюсти около сотни зубовъ, которые впослѣдствіи выпадаютъ, и замѣняются въ верхней челюсти роговыми пластинками, извѣстными подъ названіемъ китоваго уса. Киты зубы совершенно бесполезны, но предку этого животнаго они, по всей вѣроятности, были необходимы. У нѣкоторыхъ жуковъ жесткія надкрылія спаяны наглухо, такъ что летаніе невозможно; однако, подъ сросшимися щитками все таки лежатъ крылья, которымъ никогда не приходится выглянуть на свѣтъ и развернуться. Ясное дѣло, что предки этихъ жуковъ летали, и что органъ еще уцѣлѣлъ, когда отправленіе уже прекратилось. Тоже самое можно сказать о неразвитыхъ глазахъ нѣкоторыхъ кротовъ и слѣпыхъ обитателей темныхъ пещеръ. Иногда бываетъ, что ослабѣвшій органъ примѣняется къ какому нибудь новому назначенію. Напримѣръ, плавательный пузырь рыбы обыкновенно употребляется на то, чтобы рыба, сжимая или расширяя его, могла подниматься или опускаться въ водѣ. Но у нѣкоторыхъ рыбъ этотъ пузырь сдѣлался такъ малъ, что пересталъ помогать имъ во время плаванія; за то онъ сдѣлался дыхательнымъ органомъ, такъ что на него можно смотрѣть, какъ на возникающее легкое. Крыло пингвина слишкомъ слабо, чтобы поддерживать тѣло этой птицы на воздухѣ, и теперь оно служитъ пингвину весломъ во время плаванія и нырянія. Если каждый видъ переродился сообразно съ условіями жизни и борьбы, тогда всѣ зачаточныя, возникающія, заглухшія или искаженные органы становятся понятными, какъ необходимые продукты великаго закона наслѣдственности. «Зачаточные органы, говоритъ Дарвинъ, могутъ быть сравнены съ тѣми буквами слова, которыя, сохранившись въ письмѣ, но утратившись въ произношеніи, служатъ намъ намеками на этимологію этого слова». Это сравненіе отличается чрезвычайною мѣткостью, и въ высшей степени удачно характеризуетъ значеніе зачаточныхъ органовъ для мыслящаго натуралиста.

Мы видѣли, что зародыши различныхъ животныхъ одного класса очень похожи одинъ на другаго; сходство это ослабѣваетъ, по мѣрѣ того, какъ животное врѣветъ и складывается, но любопытно замѣтить,

что, даже въ зрѣломъ возрастѣ, животныя одного класса оказываются построенными по одному общему плану. Это единство общаго плана уже давно подмѣчено натуралистами, и оно никакъ не можетъ быть объяснено сходствомъ въ условіяхъ жизни. Можно ли найти какое нибудь сходство между жизнью крота, лошади, моржа и летучей мыши? Всѣ эти животныя превосходно приспособлены къ самымъ различнымъ положеніямъ и занятіямъ, всѣ они одарены тѣми органами, которые необходимы для ихъ продовольствія и для обезпеченія ихъ существованія, всѣ ихъ органы чрезвычайно различны, и между тѣмъ эти органы все таки построены по общему плану. Рука обезьяны приспособлена къ хватанію и ошупыванію предметовъ; лапа крота — къ раскапыванію земли; передняя нога лошади — къ простой ходьбѣ; ласть моржа — къ плаванію; крыло летучей мыши — къ летанію; и между тѣмъ, всѣ эти конечности состоятъ изъ подобныхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ, относительномъ порядкѣ; во всѣхъ этихъ конечностяхъ мы видимъ одинаковое число главныхъ сочлененій или суставовъ, и во всѣхъ ихъ мы различаемъ совершенно ясно плечевую кость, локтевую, запястье и пясть. Относительная величина и форма этихъ отдѣльныхъ составныхъ частей измѣняется до безконечности, но всегда самыя части остаются расположенными въ томъ же порядкѣ. Оуэнъ и другіе первоклассные анатомы утверждаютъ единогласно, что это единство плана, сохраняющееся, не смотря на различныя условія жизни, рѣшительно не можетъ быть объяснено какими нибудь особенными цѣлями природы.

Если мы возьмемъ одно отдѣльное животное, и будемъ внимательно изучать различныя части или органы его тѣла, то мы и здѣсь замѣтимъ также очень любопытное явленіе. Мы увидимъ, что нѣкоторыя части, непохожія другъ на друга по своей фигурѣ, и приспособленныя къ различнымъ отправленіямъ, построены также по одному общему плану. Напримѣръ, переднія и заднія конечности состоятъ изъ одинаковыхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ порядкѣ, не смотря на то, что, по своимъ отправленіямъ, рука не похожа на ногу, и крыло летучей мыши не похоже на ея лапу. Черепъ позвоночныхъ животныхъ состоитъ изъ большаго количества различныхъ костей, которыя срастаются вполнѣ только въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ срастаются такъ, что швы остаются замѣтными. Кажется, для крѣпости черепа, и для большей сохранности головного мозга было бы удобнѣе, чтобы черепъ состоялъ изъ одной цѣльной кости, или по крайней мѣрѣ, изъ наименьшаго количества составныхъ частей. На это разсужденіе можно возразить, что черепъ млекопитающаго, благодаря многочисленности своихъ составныхъ частей, не сросшихся въ плотную массу, можетъ сжиматься въ минуту рожденія, и что это сжатіе облегчаетъ выходъ животнаго

изъ утробы матери. Это разсужденіе справедливо, но оно не можетъ относиться ни къ птицамъ, ни къ ящерицамъ, ни къ черепахамъ, ни вообще ко всѣмъ тѣмъ позвоночнымъ, которыя вылупливаются изъ яйца. Здѣсь сжатіе черепа ни на что не нужно, а между тѣмъ, у всѣхъ этихъ животныхъ костяная коробка, вмѣщающая головной мозгъ, состоитъ изъ множества соотвѣтственныхъ или *гомологическихъ* частей самой странной формы. Вглядываясь въ эти части черепа, сравнивая ихъ съ частями спиннаго хребта и изучая положеніе этихъ частей у различныхъ зародышей, натуралисты пришли къ тому убѣжденію, что черепъ составленъ изъ видоизмѣненныхъ позвонковъ спиннаго хребта. Гёксли при этомъ замѣчаетъ, что было бы точнѣе выразиться такъ: не позвонки превратились въ кости черепа, а кости и позвонки выработались параллельно изъ какого нибудь общаго элемента. Такой процессъ совершается дѣйствительно у зародыша. У многихъ раковъ переднія пары ногъ превращены въ челюсти, и называются жевательными ногами. Тутъ опять та же исторія. У первобытнаго типа этого класса не было ни настоящихъ ногъ, ни настоящихъ челюстей; его тѣло было раздѣлено на рядъ члениковъ, снабженныхъ наружными придатками; одни изъ этихъ придатковъ приспособились къ передвиженію тѣла съ мѣста на мѣсто, другіе къ измельченію пищи, третьи превратились въ жабры или органы дыханія. Все это понятно, но чтобы понять всѣ эти факты, необходимо утвердиться въ томъ убѣжденіи, что видовыя формы способны измѣняться, и что онѣ, съ начала органической жизни, уже испытали множество превращеній.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Работа моя окончена, и я могу сказать, по чистой совѣсти, что она стоила мнѣ очень много труда, и что, не смотря на то, она все-таки очень неудовлетворительна. Если бы я обладалъ литературнымъ талантомъ Вольтера и знаніями Александра Гумбольдта, то эти громадныя средства были бы только что достаточными для того, чтобы вполне удовлетворительно изложить теорію Дарвина для русской публики, не имѣющей никакого понятія о естественныхъ наукахъ. Но развѣ же у насъ на Руси есть люди съ талантами Вольтера, съ знаніями Гумбольдта и съ добросовѣстнымъ стремленіемъ посвящать всѣ свои силы на умственную пользу во тѣмъ ходящихъ согражданъ? А если нѣтъ такихъ образцовыхъ популяризаторовъ, то, стало быть, идеи европейскихъ гонимцевъ должны оставаться для нашей публики тарабарскою грамотою? Такъ, что-ли? Или, можетъ быть, слѣдуетъ ѣсть не деревянною ложкою, когда не на что купить серебряную? Мнѣ кажется, что благоразумнѣе

обратиться къ деревянной, чѣмъ голодать, въ тщетномъ ожиданіи серебряной. Поэтому я и рѣшилъ изобразить своею особою такую деревянную ложку, которую немедленно можно и даже должно бросить подъ столъ, когда на этотъ столъ явится благородный металлъ. Въ моей статьѣ о Дарвинѣ есть, по всей вѣроятности, недомолвки, неясности, неудачныя выраженія; можетъ быть, есть даже и фактическіе промахи. Что же дѣлать? Я не специалистъ, и читалъ я до сихъ поръ очень мало по естественнымъ наукамъ. Стараюсь выразиться яснѣе, я, можетъ быть, впадалъ въ ошибки. Но я все-таки повторяю: что же дѣлать? Вы посмотрите, какъ поступаютъ съ нашею публикою наши специалисты. Такого невниманія къ потребностямъ публики, такого неуваженія къ самымъ скромнымъ, законнымъ и неизбѣжнымъ желаніямъ читателей, вы не встрѣтите нигдѣ за предѣлами любезнаго нашего отечества. Подумаешь, что специалистъ живетъ гдѣ нибудь на звѣздѣ Оріона, и оттуда ведетъ свою рѣчь въ пространство ээтра, вовсе не заботясь о томъ, услышитъ ли его кто нибудь, или пойметъ ли его тотъ несчастный слушатель, до котораго случайно долетятъ эти блуждающіе звуки. По моему мнѣнію, полезнѣе прочитать статью вполне понятную, хотя и съ нѣкоторыми ошибками, чѣмъ набивать себѣ голову совершенно безукоризненными диссертациями, недоступными человѣческому пониманію.

Чтобы получить понятіе о подвигахъ нашихъ специалистовъ, намъ не надо далеко ходить за примѣрами. Достаточно взглянуть на то, въ какомъ видѣ книга Дарвина явилась передъ русскою публикою. Эту книгу «перевелъ съ англійскаго профессоръ московскаго университета С. А. Рачинскій». Значить, специалистъ! Раскрываете книгу—ни одного слова отъ переводчика. Дарвинъ вводится безъ рекомендаціи. Зачѣмъ переведена эта книга, какое значеніе она имѣетъ въ наукѣ, какъ смотритъ на нее «профессоръ московскаго университета»—все это остается для русскаго читателя глубокою тайною. Читаете далѣе, ни одного пояснительнаго примѣчанія: должно полагать, что мы, русскіе читатели, отлично знаемъ ботанику и зоологію, такъ что можемъ на лету ловить и понимать всѣ мимоходныя указанія, которыми переполнена книга Дарвина. При этомъ г. профессоръ выражается такимъ языкомъ, который можетъ показаться русскимъ только истинному специалисту. Далѣе переводъ наполненъ такими плоскими ошибками, которыя непростительны профессору университета. Приведу три примѣра. На стр. 178 говорится о рабовладѣльческомъ инстинктѣ муравьевъ: «рабы черны и на половину мельче своихъ красныхъ господъ», а на стр. 180 уже оказывается что эти черные рабы сдѣлались бурями. Эта нелѣпность создана русскимъ переводчикомъ. У Дарвина говорится, что рыжеватый муравей (*Formica rufescens*) захватываетъ въ плѣнъ бурога (*F. fusca*), а кровавый (*F. sanguinea*) — чернаго. Г. Рачинскій все это заблагораз-

судилъ перепутать. На стр. 228 Дарвинъ рассказываетъ, будто онъ «извлекъ изъ лапы куропатки *двадцать два зернышка* сухоглинистой земли». Что за неслыханная чепуха! Кто же это измѣряетъ глину зернышками? Загадка объясняется просто: въ подлинникѣ стояло слово grain, и надо было перевести *двадцать два грама*; тогда всякій аптекарскій ученикъ пойметъ, что это значить. А г. профессоръ хватилъ *двадцать два зернышка*, и вложилъ свое остроумное изобрѣтеніе въ уста несчастнаго Дарвина.—На стр. 290 говорится, что «горы Шотландіи и Уэльса, съ ихъ исчерченными склонами, отполированными поверхностями и шатающимися валунами свидѣтельствуютъ о ледяныхъ потокахъ, нѣкогда наполнявшихъ ихъ долины». Въ двухъ строкахъ двѣ нелѣпости. Что это за *шатающіеся* валуны? *Шатающіеся*—это, видите-ли, переводъ слова *эратическіе*. Errare значить бродить, шататься; ну и чудесно! Пускай валуны *шатаются!*—А *ледяные потоки*—это что такое? Это красивое выраженіе, замѣняющее, по мнѣнію г. спеціалиста, слово *ледники*. Но послѣдній курьезъ въ русско́мъ переводѣ Дарвина лучше всѣхъ остальныхъ. Въ этой книгѣ много опечатокъ, и при томъ такихъ, которыя искажаютъ смыслъ, напримѣръ, «метафорическихъ» вмѣсто «метаморфическихъ» (стр. 284), «старо́го свѣта» вмѣсто «ново́го свѣта» (стр. 275), и другія въ томъ же родѣ. Но это еще ничего. Опечатки вездѣ бываютъ, а любопытно вотъ что. Къ книгѣ приложенъ списокъ опечатокъ. Въ этомъ списокѣ я не нашелъ *ни одной* изъ тѣхъ опечатокъ, которыя бросались мнѣ въ глаза во время чтенія. Тогда я полюбопытствовалъ посмотрѣть, есть-ли въ книгѣ тѣ опечатки, которыя изобличаетъ списокъ. Оказалось, что нѣтъ, и при томъ ни одной. Къ книгѣ приложенъ интересный списокъ опечатокъ, заключающихся въ какой-то другой книгѣ. И даже нельзя сослаться на ошибку переплетчика. Списокъ напечатанъ на одномъ печатномъ листѣ съ текстомъ и съ алфавитнымъ указателемъ. Вотъ у насъ какія чудеса дѣлаются, и вотъ въ какомъ нарядѣ появляется предъ русскою публикою великое твореніе гениальнѣйшаго изъ современныхъ мыслителей.

Послѣ этого, любезные соотечественники, вы, ей богу, даже къ *деревянной ложкѣ* должны отнести съ снисходительною нѣжностью. А впрочемъ, мнѣ совсѣмъ не нужна ваша снисходительность. Я совсѣмъ не хочу, чтобы вы по моимъ статьямъ учились естествознанію, я хочу только, чтобы мои статьи шевелили вашу любознательность, доводили до вашего свѣдѣнія слабый отголосокъ великихъ движеній европейской мысли, и разгоняли хоть немного вашу умственную дремоту. А теперь довольно говорить о *деревянной ложкѣ*. Обратимся еще разъ къ Дарвину, и скажемъ нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели его идеи на Европу. Впечатлѣніе сильное, и, вѣроятно, оно еще долго будетъ усиливаться, по мѣрѣ того, какъ защитники различныхъ

оттѣнковъ мысли будутъ пристальнѣе вглядываться въ громадное міровое значеніе этихъ идей. Нѣмецкіе филистеры уже пустили въ ходъ слово «*Дарвинисты*», придали этому слову ругательное значеніе, и усиливаются доказать, что теорія Дарвина, во первыхъ, пустая мечта, а во вторыхъ, самая безнравственная штука. Главные доводы этихъ милашекъ давно извѣстны, и ихъ могли бы высказать съ нарочитымъ успѣхомъ Пульхерія Ивановна и купчиха Кабанова. Иногда тенденціи этихъ почтенныхъ русскихъ женщинъ, проходя черезъ уста нѣмецкихъ филистеровъ, прикрываются благообразною мантиею: мы дескать ратуемъ за строгую точность науки, и требуемъ отъ нея, чтобы она не пускалась въ обаятельныя мечтанія и красивыя гипотезы. Такими филистерскими тенденціями пропитана рѣчь доктора Шписа, читанная въ прошломъ году въ какомъ то Зинкенберговскомъ обществѣ естествоиспытателей. Эта рѣчь, напечатанная отдѣльною брошюрою, называется: «о границахъ естествознанія». Такихъ рѣчей будетъ говорено много, и такихъ брошюръ будетъ писано по поводу Дарвина еще больше, и все это будетъ читаться и слушаться съ удовольствіемъ такими людьми, которые пресерьезно считаютъ себя мыслителями и естествоиспытателями. Я думаю даже, что и у насъ въ Россіи, великій естествоиспытатель г. Страховъ прочтетъ эти творенія съ наслажденіемъ, и самъ произведетъ нѣчто въ такомъ же родѣ. Но въ Западной Европѣ есть люди и другаго закала. Въ Англій творецъ новѣйшей геологіи, Чарльзъ Ляйелль, склонился къ теоріи Дарвина. Гексли работаетъ въ томъ же направленіи. Гукеръ, Уэллетъ, Батсъ пришли къ тѣмъ же результатамъ. Изъ нѣмцевъ Карль Фогтъ, бывший прежде приверженцемъ Агассиза, перешелъ рѣшительно на сторону Дарвина. Фогтъ—пожилой человѣкъ, извѣстный ученый — отказывается отъ всего своего прошедшаго, и прямо сознается, что аргументы Дарвина переубѣдили его. Во второмъ томѣ своихъ лекцій о человѣкѣ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года, онъ отводитъ слишкомъ тридцать страницъ на разсмотрѣніе идей Дарвина, и высказываетъ на этихъ страницахъ много дѣльныхъ фактическихъ замѣчаній, которыя могутъ служить превосходнымъ подтвержденіемъ новой теоріи. Въ введеніи ко второму тому, Фогтъ замѣчаетъ, между прочимъ, что два первоклассные ботаника, Альфонсъ Де-Кандоль и Ноденъ, въ послѣднее время, двумя совершенно самостоятельными путями, пришли къ одинаковымъ выводамъ, чрезвычайно благоприятнымъ для идей Дарвина. Де-Кандоль изучалъ различные виды дуба, а Ноденъ занимался скрещиваніями видовъ и разновидностей растительнаго царства. Оба убѣдились въ томъ, что различные виды возникли и до сихъ поръ возникаютъ одинъ изъ другаго посредствомъ медленныхъ измѣненій.

Фогтъ совершенно согласенъ съ тою мыслью Дарвина, что геологія,

при теперешней бѣдности своихъ наличныхъ матеріаловъ, не имѣть ни малѣйшей возможности произносить окончательный приговоръ надъ теоріею перерожденія видовъ. Фогтъ самъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ преждевременны были попытки геологовъ построить систему мірозданія изъ немногихъ собранныхъ ими обломковъ. Теорія Дарвина сильна именно тѣмъ, что она можетъ существовать помимо геологическихъ доказательствъ, опираясь на факты *живой природы*.

Въ 1863 году извѣстный филологъ Шлейхеръ издалъ небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: «Теорія Дарвина и языкознаніе». Онъ доказываетъ, что идеи Дарвина могутъ быть примѣнены къ историческому изученію языковъ. Языки также расходятся въ различныя стороны отъ немногихъ коренныхъ родоначальниковъ; они также дробятся на нарѣчія или говоры, соотвѣтствующіе разновидностямъ органическаго міра; эти говоры обособляются и превращаются въ отдѣльные языки — это виды органическаго міра. Языки опять дробятся и порождаютъ новые языки, при чемъ многіе изъ старыхъ говоровъ и языковъ вымираютъ, какъ вымерли, на примѣръ, санскритскій, греческій, латинскій и древне-еврейскій. Для насъ брошюра Шлейхера особенно любопытна, какъ разумное слово посторонняго человѣка, не имѣющаго личнаго пристрастія ни къ одному изъ двухъ лагерей современныхъ натуралистовъ. Глубокое уваженіе Шлейхера къ естественнымъ наукамъ заслуживаетъ полнаго вниманія: «Я горячо желаю, говоритъ онъ, чтобы метода естественныхъ наукъ постоянно болѣе и болѣе прививалась къ изслѣдованію языковъ. Быть можетъ, слѣдующія строки убѣдятъ кого-нибудь изъ начинающихъ филологовъ пойти въ ученіе къ дѣльнымъ ботаникамъ и зоологамъ для усвоенія надлежащей методы. Даю ему слово, что онъ въ этомъ не раскается. Я, по крайней мѣрѣ, знаю очень хорошо, чѣмъ я обязанъ изученію такихъ произведеній, какъ научная ботаника Шлейдена, фізіологическія письма Карла Фогта, и др. Я знаю, какъ они помогли мнѣ понять сущность и жизнь языка. Вѣдь изъ этихъ книгъ я узналъ впервые, что такое *исторія развитія* (Entwicklungsgeschichte)».

Далѣе Шлейхеръ съ замѣчательною вѣрностью взгляда опредѣляетъ настоящій смыслъ той неразрывной связи, въ которой идеи Дарвина находятся съ общимъ движеніемъ человѣческой мысли нашего времени. «Наблюденіе, говоритъ онъ, составляетъ фундаментъ современнаго знанія. Кромѣ наблюденія допускается только неизбежный выводъ, основанный на томъ же наблюденіи. Все, что построено на однихъ гадательныхъ соображеніяхъ, все, что создано мыслью въ пустомъ пространствѣ, считается въ лучшемъ случаѣ остроумною забавою, но для науки все это — бесполезный хламъ. Наблюденіе учитъ насъ, что всѣ живые организмы, вообще входящіе въ кругъ удовлетворительнаго изслѣдова-

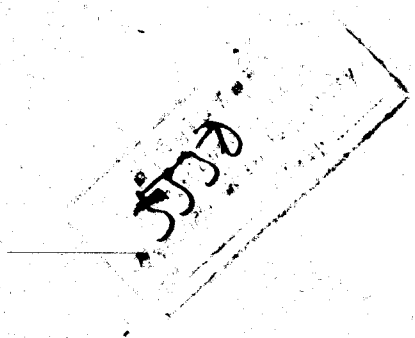
нія, измѣняются по опредѣленнымъ законамъ. Эти измѣненія ихъ, эта жизнь составляютъ ихъ настоящую сущность. Мы знаемъ ихъ только тогда, когда знаемъ сумму этихъ измѣненій, когда знаемъ всю ихъ сущность. Другими словами: если мы не знаемъ, какъ вещь образовалась, то мы совсѣмъ не знаемъ этой вещи. Положивши наблюдение въ основу нашего знанія, мы тѣмъ самымъ упрочили за исторією развитія и за научнымъ изслѣдованіемъ жизни организмовъ то важное значеніе, которое они имѣютъ теперь для современнаго естествознанія.—Важность исторіи развитія (эмбриологіи) для изученія индивидуальнаго организма не подлежитъ уже возраженіямъ. Сначала исторія развитія проникла въ зоологію и въ ботанику. Ляйелль, какъ извѣстно, изобразилъ также жизнь нашей планеты, какъ рядъ постепенно совершавшихся видоизмѣненій; онъ доказалъ, что и здѣсь, какъ въ жизни другихъ естественныхъ организмовъ не существуетъ скачковъ. И Ляйелль также ссылается прежде всего на наблюдение. Такъ какъ наблюдение новѣйшаго періода земной жизни — періода, правда, очень короткаго, показываетъ только постепенныя измѣненія, то мы и не имѣемъ рѣшительно никакого права предполагать для прошедшаго другой порядокъ жизненныхъ явленій. Той же точки зрѣнія держался и я при изслѣдованіи жизни языковъ, которая также доступна непосредственному наблюденію только въ своихъ послѣднихъ, новѣйшихъ, и сравнительно, очень короткихъ періодахъ. Этотъ короткий періодъ въ нѣсколько тысячелѣтій доказываетъ намъ съ неопровержимою достовѣрностью, что жизнь словесныхъ организмовъ идетъ вообще по опредѣленнымъ законамъ, подвергаясь постепеннымъ измѣненіямъ, и что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы когда-нибудь это дѣло совершалось иначе. Дарвинъ и его предшественники *) сдѣлали шагъ впередъ, въ сравненіи съ другими ботаниками и зоологами: не только недѣлимья имѣютъ жизнь, но и виды, и роды; и они также образовались постепенно, и они также подвергаются постояннымъ видоизмѣненіямъ по опредѣленнымъ законамъ. Подобно всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ, Дарвинъ также опирается на наблюдение, хотя оно, по самой сущности дѣла, распространяется только на короткий періодъ времени, также какъ и наблюдение надъ жизнью земли, и надъ жизнью языковъ. Такъ какъ мы дѣйствительно можемъ замѣтить, что виды не совсѣмъ неизмѣнны, то измѣняемость ихъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, можетъ считаться доказанною. Обстоятельство, само по себѣ случайное, именно, краткость періода, подлежащаго достовѣрнымъ наблюденіямъ, составляетъ причину, почему измѣненія видовъ вообще представляются незначительными.

*) Окенъ, Гете, Ламаркъ, Этьеннь, Жоффруа-Сентъ-Илеръ.

Надо только, согласно съ результатами другихъ наблюденій, допустить, что живыя существа населяли нашу планету въ теченіе очень многихъ тысячелѣтій, и тогда мы успѣемъ постигнуть, какимъ образомъ постоянныя медленныя видоизмѣненія, подобныя тѣмъ, которыя дѣйствительно подлежатъ наблюденію, — привели за собою существованіе теперешнихъ видовъ и родовъ. Вслѣдствіе этого, ученіе Дарвина, дѣйствительно, представляется мнѣ, какъ необходимый результатъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя признаны современнымъ естествознаніемъ. Это ученіе основано на наблюденіи, и составляетъ попытку изобразить исторію развитія. Что Ляйелль сдѣлалъ для исторіи земли, то выполнилъ Дарвинъ для исторіи обитателей земнаго шара. Слѣдовательно, ученіе Дарвина не случайное явленіе, не порожденіе прихотливаго личнаго ума, а напротивъ того, это законное и естественное дитя нашего столѣтія. Теорія Дарвина была настоятельною потребностью времени».

Вотъ какими глазами смотреть на произведеніе Дарвина люди умныя и совершенно безпристрастныя.

1864 г.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
I. Процессъ жизни (по Фохту)	1
II. Физиологическіе эскизы Молешота	25
III. Физиологическія картины Бюхнера.	52
IV. Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній.	97

ИЗДАНИЯ В. КОВАЛЕВСКАГО.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ:

Ч. ЛЯЙЭЛЛЬ. *Древность человека*. Цѣна 2 р. 50 к.

А. КЕЛЛИКЕРЪ. *Гистология или учение о тканяхъ*. Цѣна всего сочиненія съ приложеніемъ *Микроскопа* ФРЕЯ 4 р. с. Студентамъ дѣляется уступка 20 %.

К. ФОХТЪ. *Зоологическіе очерки или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ*. Т. I. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и 55 рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

Д. С. МИЛЛЬ. *Разсужденія и изслѣдованія*. Часть I. Статьи историческія. Цѣна 75 к.; Часть II, Вып. I и II. Статьи политическія и экономическія. Цѣна 1 р. 50 к.

ГЕРМАННЪ. *Краткій учебникъ физиологіи человека*, просмотрѣнный и дополненный профессоромъ Съченовымъ. Ц. 2 р.

Первая, общая часть сочиненія ФРЕЯ: *Микроскопъ и Микроскопическая техника*. Цѣна отдѣльно отъ Келликера 60 к.

ГЕКСЛИ. *Начальныя основанія Сравнительной Анатоміи*. Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к.

Г. МОЛЬ. *Анатомія и физиологія растительной клеточки*. Перев. съ нѣм. Цѣна 90 к.

А. БРЭМЪ. *Жизнь Животныхъ*. 18 вып. «Млекопитающихъ» и 7 вып. «Птицъ». Цѣна выпуску 25 к. Подписная цѣна на всѣ 64 вып. 11 р.

Памятная книжка аналитической химіи. Шарля Жерара. Перев. Варавина. Цѣна 50 к.

Химія кухни. ОТТО УЛЭ. Вып. I и II. Цѣна 40 к.

В. ГРИЗИНГЕРЪ. *Патологія и терапия душевныхъ болѣзней*. Пер. со втораго изданія. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ф. СТИВЕНСЪ. *Уголовное судопроизводство Англи*. Пер. и ред. профессора В. Спасовича. Цѣна 2 р.

Г. ЛЬЮИСЪ. *Исторія философіи, со времени зарожденія ея въ Греціи до нашихъ временъ*. Пер. подъ редакціей проф. В. Спасовича. Ц. 2 р. 50 к.

БИЛЬРОТЪ. *Общая хирургическая патологія и терапия*. Пер. со 2-го, значительно пополненнаго изданія. Съ 95 рис. въ текстѣ. Подъ редакціей д-ра Н. Гейнаца. Ц. 3 р. 50 к.

Руководство къ Зоологіи съ 360 рисунками. Ц. 75 к.

ШТЕЙНГАУЗЕНЪ. *Краткое руководство къ женскимъ болѣзнямъ*. Пер. съ нѣм. В. Манассеина. Ц. 1 р. 50 к.

Кто виноватъ? Романъ въ двухъ частяхъ. Цѣна 1 р.

Исторія чаинки чая Съ рисунками. Цѣна 1 р. 30 к.

БЮНЕ. *Учебникъ физиологической химіи*. Перев. подъ редакціей профессора И. Съченова. Цѣна 1-го вып. 1 р. съ билетомъ на 2 остальные 2 р. 50 к.

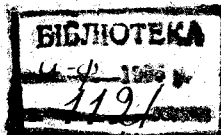
Льсь. Соч. РОСМЕССЛЕРА, пер. подъ редакціей проф. льсоводства Ѳ. Б. Арнольда и проф. технологіи Н. Е. Попова. Цѣна 4 р.

Печатаются:

К. ФОРТЪ. *Зоологическіе очерки или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ*. Т. II.

Д. С. МИЛЛЬ. *Разсужденія и изслѣдованія*. Часть III. Статьи философскія.

Ч. ЛЯЙЭЛЛЬ. *Учебникъ элементарной геологіи*. Перев. съ англ. 770 рис.

ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

В. С. БАЛЛИНОЙ,

въ Харьковѣ, на Екатеринославской улицѣ, № 12.

Изданіе книгъ и нотъ. — Покупка, продажа, приемъ и отдача на комиссію, выписка и высылка иногороднымъ книгъ, нотъ, музыкальныхъ инструментовъ и принадлежностей и проч. — Подписка на журналы и газеты.

Библиотека для чтенія книгъ, журналовъ и нотъ для жителей г. Харькова и иногородныхъ.

Коммисіонерская контора для провинціальныхъ торговцевъ книгами и нотами, издателей книгъ и нотъ, публичныхъ и общественныхъ библиотекъ, учебныхъ заведеній и проч.

ОТДѢЛЕНІЯ МАГАЗИНА: Въ Харьковѣ на Николаевской площади въ домѣ Ковалева. Въ Курскѣ на Московской улицѣ въ домѣ Исакова. На Боренной ярмаркѣ.

ИЗДАНІЯ БАЛЛИНОЙ.

ТИНДАЛЛЬ. Теплота какъ родъ движенія. Переводъ и примѣчанія. А. П. Шимкова. 3 р.

— Лучи свѣта и теплоты. Переводъ А. П. Шимкова.
ФАРАДЕЙ. Силы природы и ихъ взаимныя отношенія. Переводъ и дополненія. А. П. Шимкова. 75 к.

ЛИЗЕГАНГЪ. Курсъ практической фотографіи. Переводъ и примѣчанія Ботельникова. 75 к.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ. Кремуцій Кордъ. 75 к.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВЪ (псевдонимъ). Разказы о землѣ и о небѣ. 15 к.

БОВАЛЬСКІЙ (М. Ф.). Ариѳметика для первоначальнаго обученія (цѣлыя числа). 30 к. для уч. 20 к.

МИБЛОШИЧЪ. Ученіе о звукахъ древнеславянскаго языка. Переводъ и примѣчанія Д. Лавренка. 1 р. 50 к. (осталось 150 экземпляровъ).

П. ЛАДОВСКІЙ. Ариѳметика курсъ 1-й 25 к.
— — — 2-й 75 к.
— — — 3-й 40 к.

Коробки съ подвижными азбуками 50 к., 60 к., 75 к.

Иногородные, выписывающіе книгъ на 3 р. и болѣе, за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ дѣлается наибольшая уступка, по возможности независимо отъ общей суммы покупки. Покупающіе на значительную сумму, учебныя заведенія и библиотеки тоже пользуются значительными уступками.

ГОТОВИТСЯ КЪ ИЗДАНІЮ.

П. Ж. ПРУДОНЪ. Теорія податей. Переводъ В. Садовскаго.

При главномъ книжномъ магазинѣ Баллиной 1) главные склады изданій Заленскаго и Любарскаго, Харьковскихъ и другихъ провинціальныхъ изданій; 2) большіе склады дѣтскихъ книгъ, азбукъ, прописей, учебныя для высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, народныхъ книгъ, учебныхъ пособій; 3) большой выборъ литературныхъ новостей по всемъ отраслямъ знанія.